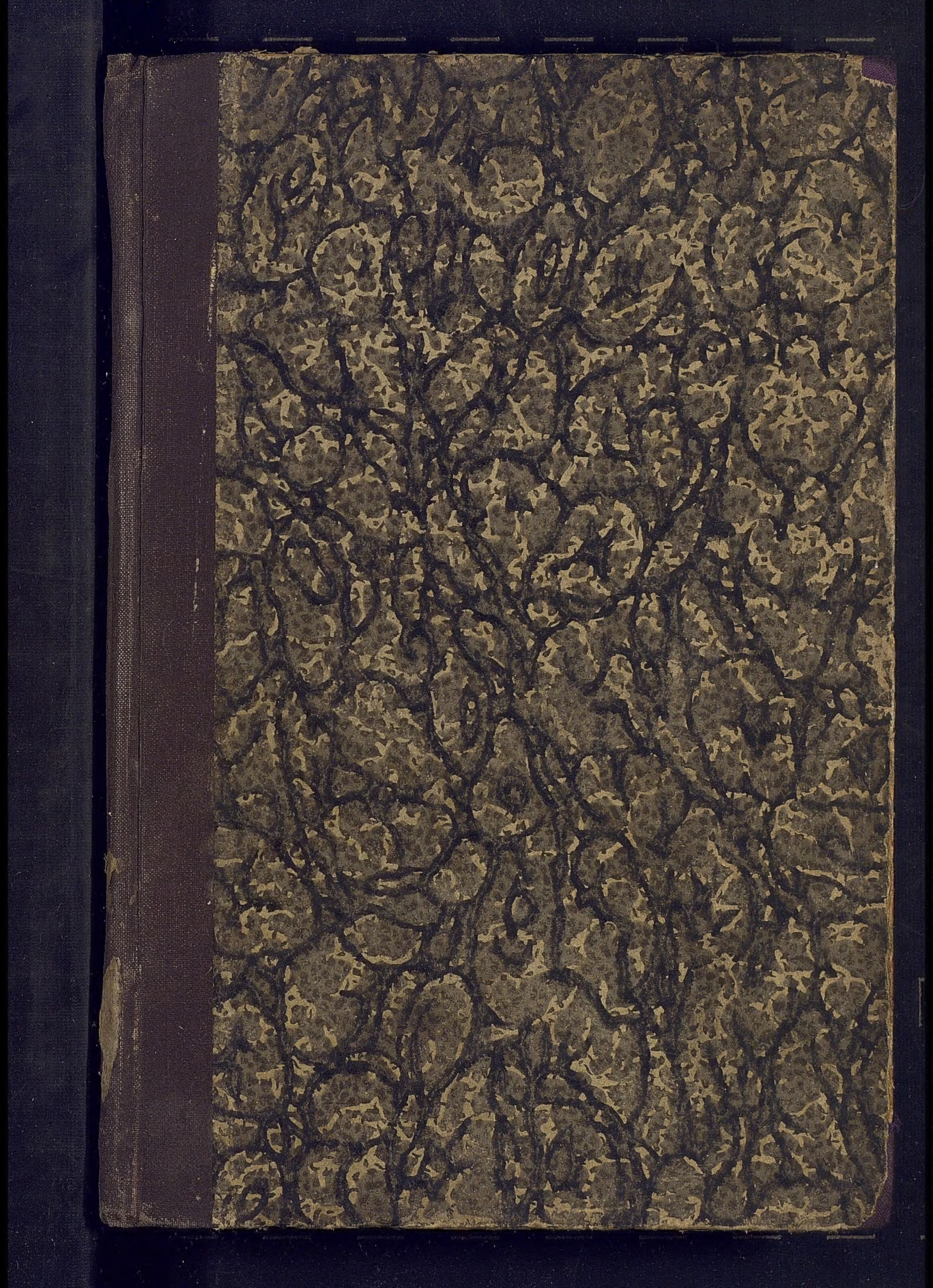
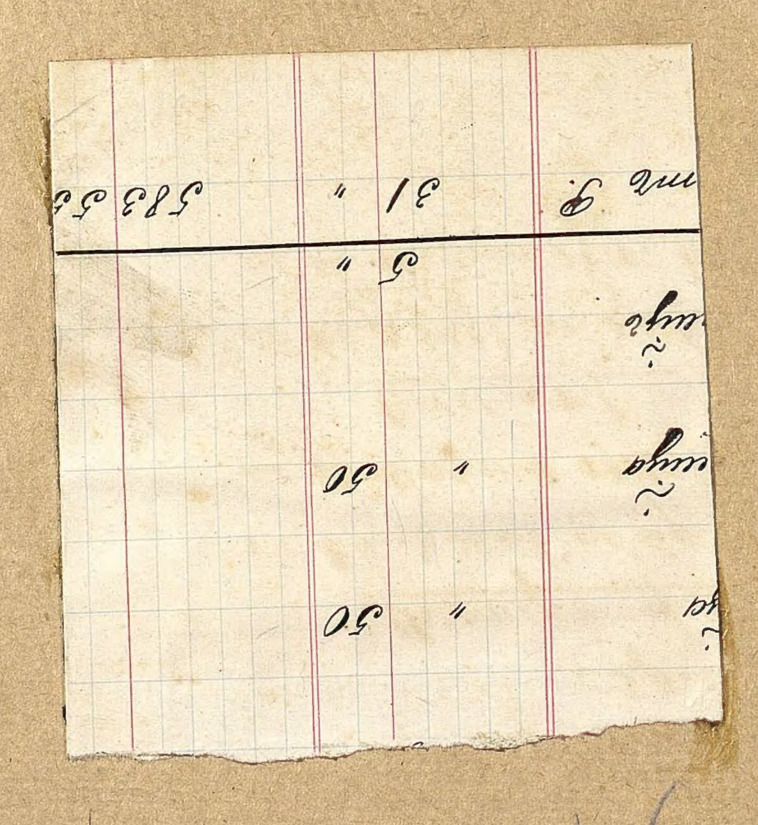
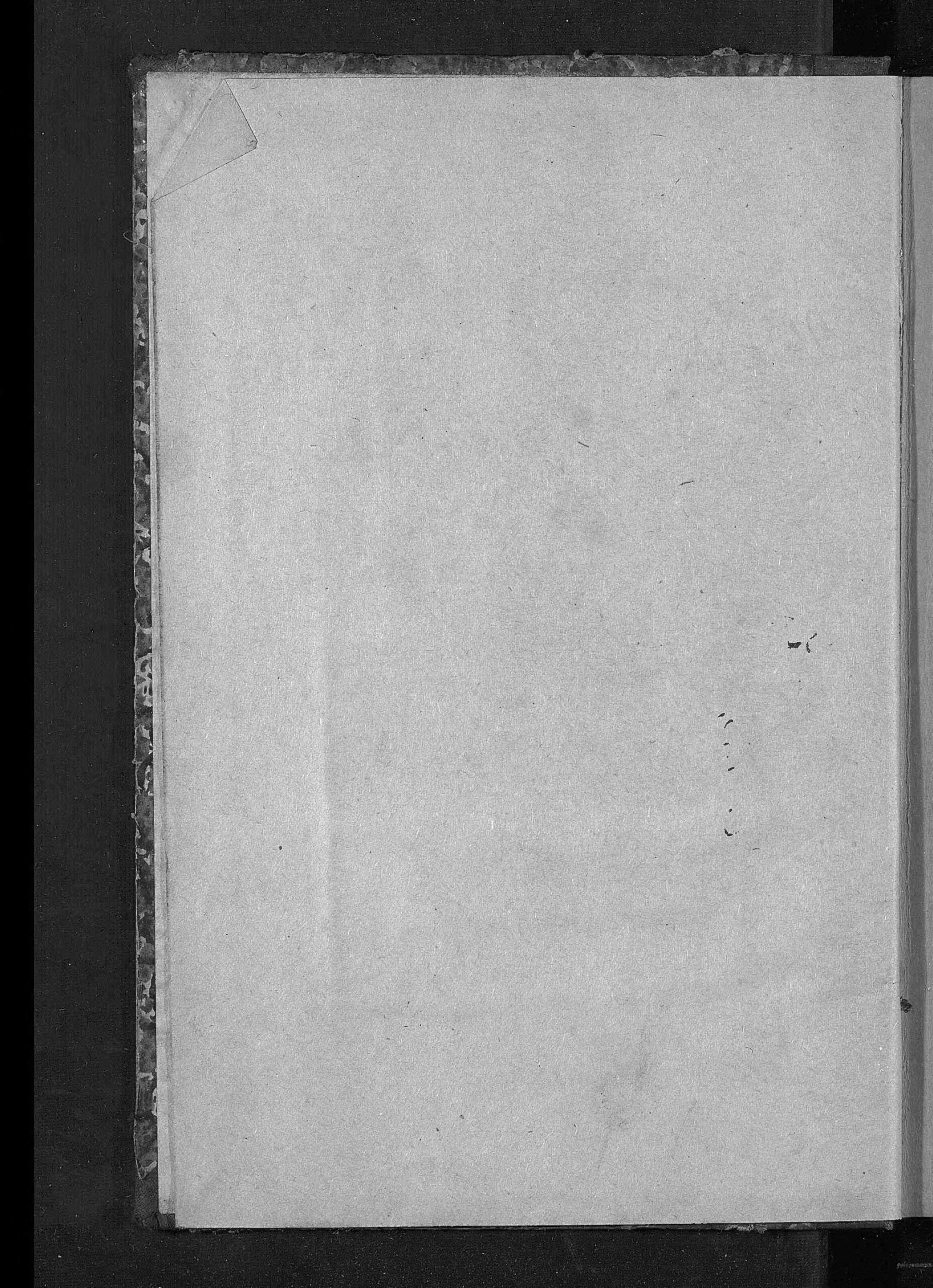
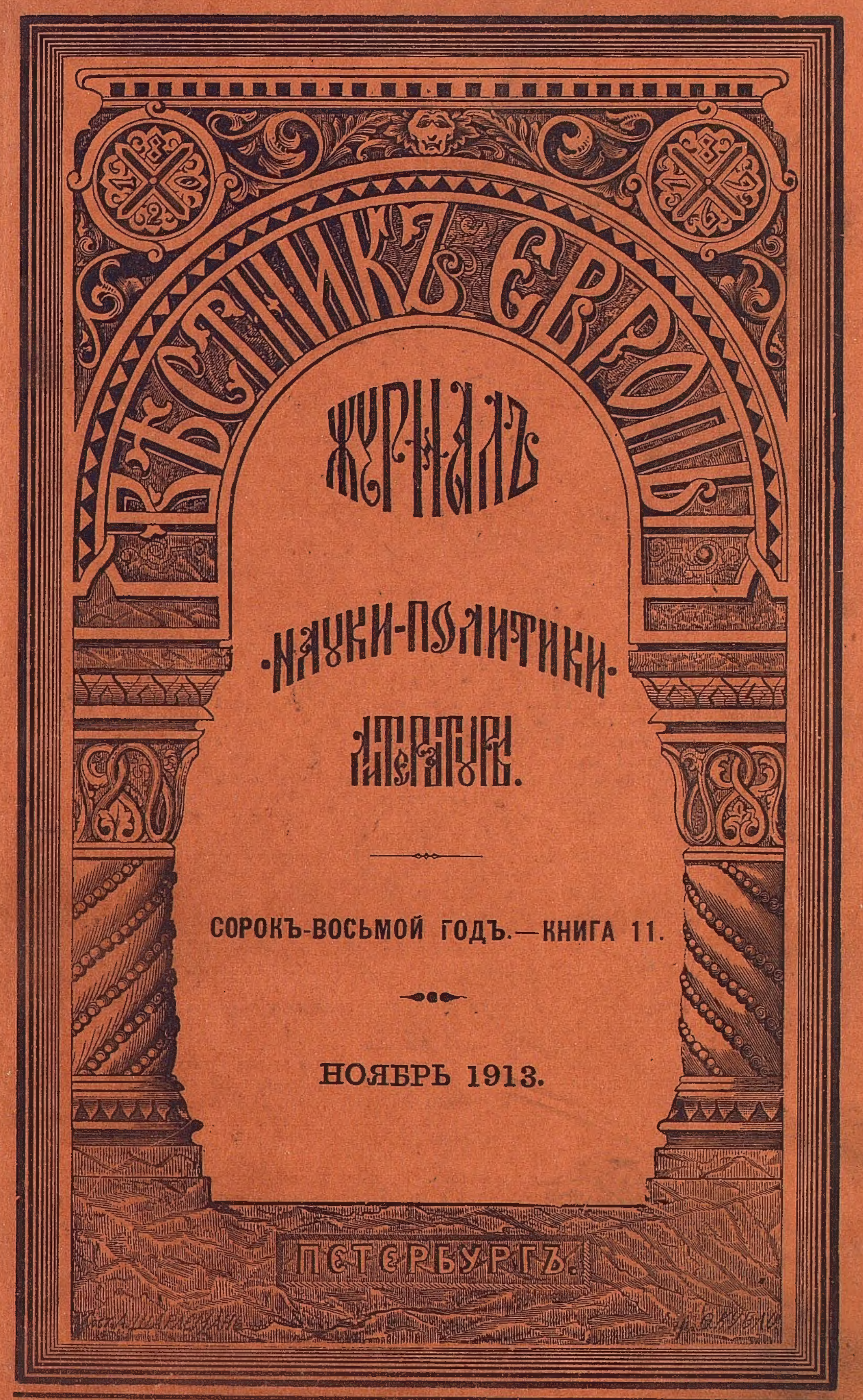




Горькв





При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается иллюстрированное объявленіе журнала „Природа и Люди“.

КНИГА 11-я.—НОЯБРЬ. 1913.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

БѢЛАЯ ПУСТОШЬ.

(Повѣсть).

I.

По виду онъ совсѣмъ не боленъ: рослый, крѣпкій, плечистый, съ румяными щеками, съ ясными бирюзовыми глазами, которые говорятъ объ удовлетворенности и спокойной силѣ. Вотъ навалится плечомъ на телеграфный столбъ, понатужится,— и лежитъ уже столбъ на землѣ. Густые, русые, глянцевитые волосы коротко подстрижены и стройно торчатъ кверху ежомъ. Небольшіе свѣтлые усы закручены, и кончики ихъ тоже торчатъ кверху, лихо, по фельдфебельски. Бравый, сильный, упругій парень... На сочномъ черноземѣ, въ свѣжести здороваго дыханія лѣсовъ и полей вырастаютъ такія фигуры. Жить бы имъ сто лѣтъ, звенѣть свободно и гулко, и доброй работы передѣлать столько, чтобы съ крѣпкой надеждой смотрѣлъ на нихъ даже умирающій.

— Ничего! Съ такими побѣдишь!

И вотъ, однако, отъ всякаго дѣла и работы Чумаковъ отошелъ,— точно старый, изношенный, растратившій всѣ свои силы инвалидъ.

— Василій Петровичъ, да чѣмъ же вы, собственно, больны?

Если его такъ спросить, онъ ничего не отвѣтитъ. Онъ тихо,—такъ тихо, что не всегда и примѣтишь, — вздохнетъ, а глаза его сдѣлаются задумчивыми. Ляжетъ на лицѣ выраженіе глубоко-горестное, таинственное и какое то смиренно-покорное.

«Ну да, конечно, вы вотъ думаете свое и считаете по

своему, вы смотрите на мои широкія плечи и на мой румянецъ, но я то знаю, что знаю»...

Онъ не отвѣтитъ. Онъ готовъ допустить, что сомнѣвающійся въ его нездоровьѣ по своему правъ, и потому онъ не сердится и не обижается. Онъ молчитъ. А жена его, Варвара Антоновна, немедленно очутится за его спиной и станетъ подавать беззвучные, тревожные сигналы, — глазами, руками, плечами... Молчите, молъ, что вы, Господь съ вами!.. Прекратите, ради Бога разспросы. Это его волнуетъ, это ему вредно, это наводитъ его на печальныя размышленія, которыя очень вредятъ его здоровью и усиливаютъ его неврастенію.

Хитро изворачиваясь и напряженно лавируя, она постарается либо совсѣмъ пресѣчь разговоръ, либо перевести его на другую тему... Если сможетъ, то и вовсе спровадитъ неудобнаго собесѣдника. Зачѣмъ это лѣзутъ сюда!..

И когда собесѣдникъ будетъ уходить, она устроитъ такъ, что останется съ нимъ наединѣ, — подкараулитъ у воротъ, или на улицѣ,—и осыплетъ его торопливымъ роемъ упрековъ и смѣлыхъ нравоученій... Такъ и гудятъ и жалятъ напитанныя негодованіемъ и суровостью слова. Можно ли быть до такой степени нечуткимъ и безтактнымъ! Можно ли человѣку, больному нервами, напоминать о его болѣзни и задавать вопросы, отъ которыхъ у него должны рождаться мрачныя мысли!.. Непонятна жестокость людей, ихъ душевная неуклюжесть, грубость, ничего не щадящій эгоизмъ. Неужели такъ трудно быть хоть сколько-нибудь внимательнымъ къ чужому горю? Хоть бы капельку деликатности проявили!..

И когда Варвара Антоновна это говоритъ, она краснѣетъ, волнуется, теряется, все небольшое уставшее тѣло ея вздрагиваетъ, голосъ колышется, слова безсвязно и криво расползаются, наваливаются одно на другое и разбиваются на кусочки—какъ пустые горшки въ несущейся съ косогора телѣгѣ... Видно, что женщинѣ тяжело. Что-то въ ней съ трудомъ переламывается,—какъ въ неискусныхъ и слабыхъ рукахъ сырое дерево. Варвара Антоновна человѣкъ робкій, застѣнчивый. Укорять, сердиться, дѣлать замѣчанія и выговоры, говорить рѣзкости,—куда-жъ ей!.. Совсѣмъ это не въ ея натурѣ. Ей трудно это и больно. Ей легче съ размаху рѣзнуть по своему тѣлу ножомъ, чѣмъ одинъ разочекъ слабо уколоть булавкой другого. Ей жутко и страшно упрекать. Но что же дѣлать, если доводятъ ее до крайности,—разстраиваютъ Василія Петровича!

Въ Варварѣ Антоновнѣ нѣтъ ничего остраго и кричащаго.

Она вся мирная, пушистая, атласистая. Но если надо уберечь Василія Петровича отъ непріятности, — изъ каждой поры ея выростетъ ежовая игла.

II.

Василій Петровичъ Чумаковъ учился въ технологическомъ институтѣ, перешелъ уже на послѣдній курсъ, но былъ арестованъ. Заподозрили его въ участіи въ московскомъ возстаніи. По этапу протащили изъ Тифлиса въ Свеаборгъ, оттуда въ Николаевъ. Десять мѣсяцевъ продержали въ тюрьмѣ: шесть въ общей, а четыре въ одиночной. Потомъ послали въ ссылку, въ Туруханскій край. До мѣста, однако, онъ не доѣхалъ,—вернули уже изъ Томска,—и послали въ маленькую и нищую деревушку въ Пермской губерніи. Тоска мучила здѣсь, одиночество, нужда, и тупая враждебность мѣстныхъ жителей, людей такихъ же темныхъ и мрачныхъ, какъ и сосновый боръ, среди котораго затерялась деревушка... Здѣсь Василій Петровичъ находился подъ гласнымъ надзоромъ. Получилъ онъ, наконецъ, и свободу. Тогда уѣхалъ въ Кіевскую губернію, въ имѣніе генеральши Воронковой, къ брату, который управлялъ этимъ имѣніемъ.

Братъ былъ человѣкъ не злой и не глупый, можетъ быть даже и не скупой, но расчетливый чрезвычайно и съ мрачными причудами, отъ которыхъ окружающимъ жить было тяжело и неловко. Онъ, напримѣръ, составлялъ точныя таблицы: сколько на какого члена семьи израсходовано за мѣсяцъ продуктовъ. Въ разграфленныхъ синими и красными линейками листахъ значилось: «Людмила Сергѣевна Чумакова. Февраля перваго, года 1907. За мѣсяцъ Генварь. Мяса—23 фунта. Сахару—12 фунтовъ. Крупы перловой—$2^1/_4$ фунта. Яицъ—57. Бумазеи на два матинэ—11 аршинъ...»

А Людмила Сергѣевна—это жена.

Такія же таблицы-расчеты составлялъ онъ и для дѣтей своихъ, и для старухи-матери. Такую же таблицу составлять сталъ и для пріѣхавшаго брата... Братъ перенесъ здѣсь тифъ, а потомъ плевритъ, и каждый порошокъ хинина, и каждый горчичникъ отмѣчены были въ таблицахъ точно и аккуратно.

Проживъ въ имѣніи около полугода и нѣсколько оправившись, Василій Петровичъ сталъ снова готовиться къ экзаменамъ. Но этому воспротивилась Варвара Антоновна, молодая дѣвушка, съ которой встрѣтился онъ и сблизился, пока жилъ у брата.

— Раньше всего надо совершенно выздоровѣть,—говорила она.—Надо окрѣпнуть. Экзамены не уйдутъ...

Молодые люди повѣнчались и переѣхали въ городъ.

Средства были у нихъ скромныя. Чумаковъ сталъ было искать уроковъ. Но Варвара Антоновна запротестовала и противъ этого. Мужу работать пока нельзя. Необходимъ отдыхъ. Уроки, занятія съ разными олухами и дуботолками раздражаютъ, волнуютъ, сердятъ и могутъ оказаться болѣе пагубными для здоровья, чѣмъ экзамены или работа въ институтѣ...

Искать уроки и давать ихъ принялась, поэтому, Варвара Антоновна, а Василій Петровичъ и въ городѣ продолжалъ вести жизнь выздоравливающаго: гулялъ, дѣлалъ гимнастику, а послѣ гимнастики отдыхалъ, пилъ кефиръ и въ очень большомъ количествѣ поглощалъ разную вегетаріанскую пищу. Мясо ѣсть ему запретили, а аппетитъ былъ у него очень большой.

Этотъ необычный образъ жизни не нравился Василію Петровичу. Онъ тяготилъ его.

Чумакова угнетало, что нѣтъ у него заработковъ, что онъ ничего не вноситъ въ домъ, что много приходится работать женѣ. Точно идутъ они оба съ базара, его руки болтаются пустыми, а у нея и на спинѣ мѣшокъ, и въ рукахъ корзина, и понавѣшаны разные кулечки и узлы на поясѣ...

Чумаковъ часто думалъ объ этомъ, хмуро жаловался, говорилъ, что такое положеніе ненормально, даже унизительно. Онъ горько и напряженно вздыхалъ, и бирюзовые глаза его смотрѣли сумрачно и печально. Печаль и сумракъ изъ его глазъ переливались въ сердце Варвары Антоновны, и она тревожно настораживалась и приходила въ большое безпокойство,—вѣдь Василію Петровичу такъ вредно разстраиваться!

Она подолгу и волнуясь утѣшала мужа и съ настойчивостью и нѣжно упрашивала его ни о чемъ не думать и не огорчать себя.

— Вѣдь будетъ еще хуже, если ты разрушишь здоровье!.. Обѣщай мнѣ, что ты не будешь больше хандрить.

Обѣщать онъ не можетъ.

Онъ молчитъ, хмурый и тяжелый.

И каждая минута его молчанія—еще одна плеть по спинѣ Варвары Антоновны.

— Какія усилія нужны были, чтобы хоть немножко возстановить здоровье и укрѣпить организмъ. Ты чуточку поправился, а вотъ начнутся разные заботы и думы, то, се,—и вся поправка пойдетъ прахомъ...

Она смотритъ на него растерянно и со страхомъ.

Василій же Петровичъ засунетъ руки въ карманы куртки, сгорбится и съ суровымъ, недовольнымъ лицомъ станетъ маршировать по комнатѣ,—отъ стѣны къ стѣнѣ.

На одной стѣнѣ—большой портретъ Толстого. На другой, надъ диваномъ, въ зеленоватой рамѣ стиль модернъ портретъ Василія Петровича. Василій Петровичъ ходитъ, ходитъ, потомъ остановится, глазами вопьется въ полъ, и пожимая плечами, воскликнетъ:

— Но что же это за жизнь!

Горькая обида слышится въ этомъ восклицаніи, и удивленность, и сердитый укоръ.

Варвара Антоновна не знаетъ, что отвѣтить, что сдѣлать... Одно только знаетъ она твердо: надо поскорѣе успокоить мужа, необходимо во что бы то ни стало разсѣять его тоску.

— Милый мой, ты не думай объ этомъ... Ни о чемъ не думай и не тревожься.

Ей хотѣлось бы взять его за руку и нѣжно, просительно смотрѣть ему въ глаза. Но будетъ ли это ему пріятно. Не вызоветъ ли это у него новаго раздраженія?

— Конечно, теперь мнѣ значительно лучше,—мѣняя тонъ и становясь мягче и какимъ то особенно печальнымъ, говорилъ Чумаковъ.—Надо цѣнить это... И было бы просто нерасчетливо, если бы изъ за какой нибудь неосторожности я опять расхворался, какъ въ прошломъ году...

— Милый мой, но зачѣмъ и говорить про это!

— Мнѣ тяжело видѣть, какъ ты бьешься, — съ большой искренностью говоритъ Василій Петровичъ.—Это волнуетъ меня... Но что же мнѣ дѣлать!.. Понимаешь: голова не то чтобы болѣла, а... Ну какъ бы это тебѣ объяснить?..

Онъ указательными пальцами тычетъ себя въ оба виска, и лицо его искривляется болѣзненной гримасой.

— Понимаешь ли,—пронизываетъ что то!.. Точно проволку тутъ продернули что ли... или какъ если бы токъ какой нибудь пробѣгалъ...

III.

Потомъ онъ клалъ руку на темя и съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы давился чѣмъ то, продолжалъ:

— И вотъ тутъ... точно гиря... или желѣзная каска...

— Ну, вотъ видишь...—съ живостью, и даже какъ бы чѣмъ то обрадованная, воскликнула Варвара Антоновна.—Видишь вѣдь и самъ, что тебѣ нельзя еще волноваться...

— Конечно, было бы очень неблагоразумно, если бы изъ-за какой нибудь глупой неосторожности я разрушилъ и свелъ къ нулю всю поправку... Сколько бился, возстановлялъ здоровье, а теперь все потерять...

— Ну да, ну да!..

— Всегда вѣдь такъ: поправка входитъ въ организмъ капельками, зернышками, а расхвораться и даже весьма основательно можно въ одинъ день, въ какой нибудь часъ... Нѣтъ, надо поберечься... А эти вотъ фосфаты, Варя, оказываютъ очень хорошее дѣйствіе...

— И отлично!.. Слава Богу!..

Ея глаза оживляются. Въ нихъ блеститъ радостная влага... Не упорствуетъ Василій Петровичъ, соглашается,—какъ хорошо!

— Еще какой нибудь мѣсяцъ, другой,—и ужъ я возьмусь за работу,—повеселѣвъ говоритъ Чумаковъ.—Звѣрски буду дѣйствовать, Варя, энергично, по американски! Сдамъ экзамены, получу дипломъ, получу службу и заживешь ты у меня барыней... Пальцемъ не пошевелишь!.. Не нужны будутъ твои заработки.

— Я всю жизнь ничего не зарабатывала,—утѣшала Варвара Антоновна.—Могу теперь немного поработать... Страшнаго нѣтъ.

Она говорила правду: до этихъ поръ ей, дѣйствительно, еще не приходилось зарабатывать. Она жила у отца, сельскаго священника, на готовомъ. Но, можетъ быть, именно оттого и было ей такъ тяжело теперь. Непривычная къ труду, а главное совершенно неприспособленная къ отыскиванію его, она билась изо всѣхъ силъ, хлопотала, домогалась, выпрашивала, унижалась... Она работала за двоихъ: на физико-математическихъ курсахъ, куда поступила тотчасъ по пріѣздѣ изъ деревни, и на урокахъ, которые давала до поздняго вечера... И уже съ этой поры началось увяданіе ея красоты,—то особенно грустное, обидное, жуткое и такъ рѣшительно идущее увяданіе, которое въ нѣсколько лѣтъ превратило ее изъ свѣжей, миловидной и граціозной смуглянки съ беззаботными, довѣрчивыми глазами въ сухую, съ бѣдной грудью и такими же бѣдными боками сѣрую женщину, постоянно напряженную, постоянно тревожную, таящую въ пугливомъ взорѣ что то такое, что напоминаетъ объ упавшей и умирающей посреди улицы загнанной клячѣ...

— Ахъ, Варя, тебѣ тоже надо бы отдохнуть,—съ грустью,

со скорбнымъ сочувствіемъ говорилъ ей Чумаковъ:—ты, знаешь, очень подалась.

— Ну, вотъ еще пустяки...

— Совсѣмъ не пустяки... Ты работаешь черезъ силу.

— А я не буду такъ усердствовать на курсахъ, вотъ и отдохну... Слѣдующій семестръ я, пожалуй, пропущу, буду гулять...

Слова эти она произнесла нерѣшительно, съ тайнымъ страхомъ и какъ бы нащупывая почву: а вдругъ не одобритъ онъ ея плана, а вдругъ разсердится и станетъ требовать, чтобы никакихъ пропусковъ не было... Встревожится онъ, разсердится, взволнуется,—вѣдь какъ вредно!

Но Василій Петровичъ не взволновался и не встревожился.

— Курсы твои мнѣ, собственно, ни къ чему,—спокойно проговорилъ онъ.—Получу дипломъ, возьму хорошее мѣсто, тысячи, скажемъ, на три,—на первыхъ порахъ пусть только на три, или даже только на двѣ, — и заживемъ мы, Варя, по царски.

— Ахъ ты, циникъ мой!—радостно восклицаетъ Варвара Антоновна. И вся она такъ и сіяетъ, оттого, что обошлось дѣло спокойно и совсѣмъ не протестуетъ Василій Петровичъ противъ ея намѣренія пропустить семестръ. Она подходитъ къ мужу, кладетъ обѣ руки къ нему на плечи и съ нѣжной благодарностью смотритъ ему прямо въ глаза.—Ей Богу, Вася, ты циникъ. Ты, кажется, смотришь на мои курсы только съ точки зрѣнія рубля, какъ на средство добывать въ будущемъ деньги.

— А ты—Пуръ ла сіянсъ?

Чумаковъ насмѣшливо улыбается и неспѣша покручиваетъ недлинный, но густой и плотный золотистый усъ.

— Что жъ, это очень хорошо, если кому дано работать пуръ ла сіянсъ. Но мы съ тобой, Варя, слишкомъ много страдали, мы люди надорванные, намъ нуженъ покой. И мы просто не имѣемъ права быть особенными идеалистами.

IV.

Онъ сталъ понемногу готовиться къ экзаменамъ.

Но какъ то случился у него—днемъ, когда послѣ обѣда вегетаріанскаго, но очень плотнаго, онъ прилегъ отдохнуть,—кошмаръ. Въ облакахъ надъ горами летаютъ аэропланы, и аэропланы эти вовсе не аэропланы, а бѣлые слоны, и на спинѣ сидитъ у нихъ смерть и, злобно хихикая, играетъ на балалайкѣ.

Балалайка же вовсе не балалайка, а Иванъ Иванычъ Бухтѣевъ, сѣдой профессоръ-экзаменаторъ, который скрежещетъ зубами и съ громкимъ чавканіемъ жуетъ студентовъ... Пожевалъ и выплюнулъ, пожевалъ и выплюнулъ...

Потомъ, раза два, сильно болѣла у Василья Петровича голова... «Каска» сдавила такъ сильно, что ни антипиринъ, ни бромъ, ни другія обычно употреблявшіяся имъ средства не облегчили. Василій Петровичъ послѣ этого сдѣлался мрачнымъ и безмолвнымъ, странно сосредоточеннымъ. Варвара Антоновна испугалась невыразимо и ходила убитая. Уже не одна, а десять, сто, тысяча касокъ придавили ее, и черное облако повисло надъ ней...

— Какъ угодно, Вася, а заниматься я тебѣ больше не позволю!

Книги его она заперла на замокъ, въ шкафъ, ключъ спрятала.

Сколько Василій Петровичъ ни просилъ дать ему ключъ—ключа не дала.

— Это насиліе, наконецъ,—возмущенно кричалъ Чумаковъ.—Это безобразіе!..

Онъ и ногами топалъ. Но Чумакова стояла на своемъ, говорила, что его здоровье для нея въ тысячу разъ важнѣе всякихъ экзаменовъ и дипломовъ, и ключа не отдала...

Не отдала даже тогда, когда вернувшись однажды домой съ уроковъ застала Василія Петровича у шкафа со стамеской и молоткомъ въ рукахъ...

— Хорошо... На этотъ разъ ты мнѣ помѣшала. Тебѣ удалось...—сумрачно, но какъ бы и улыбаясь проговорилъ Василій Петровичъ, отходя отъ шкафа.—Радуйся, тебѣ удалось... Но я взломаю въ другой разъ...

— Ахъ, Василій!..

— Но я долженъ же, наконецъ, подготовиться къ этимъ несчастнымъ экзаменамъ! — воскликнулъ Чумаковъ, размахивая сверкающей голубымъ блескомъ стальной стамеской. И въ глазахъ его появилось выраженіе гнѣва.

— Я не могу сидѣть сложа руки, когда ты столько работаешь!

Варвара Антоновна, взволнованная, испуганная, ласково и со слезами на глазахъ упрашивала его успокоиться. А онъ, стуча ногами и нервно вздергивая кверху усы, ходилъ по комнатѣ, отъ портрета Толстого къ своему портрету и возбужденно говорилъ:

— Я не могу, я не долженъ допустить, чтобы пропалъ еще и этотъ годъ!.. Что жъ это: мы все будемъ биться и бѣдствовать, ѣсть несчастные сорокакопѣечные «домашніе обѣды» и жить въ одной комнатѣ!..

— Но вѣдь это временно, Вася, временно...

— Ахъ «временно»!.. Знаю я это «временно»... Но уже силъ нѣтъ, если бы даже и «временно»...

— Немножко потерпимъ еще, Вася...

— Да я могу терпѣть сколько угодно!—пожимая плечами восклицалъ Чумаковъ. — Я не о себѣ хлопочу. У меня вкусы простые, я по своей природѣ толстовецъ. Я и безъ деликатесовъ обойдусь... Но ты къ этому не привыкла, и я не могу допустить, чтобы изъ за меня ты терпѣла нужду, ходила ободранкой, носила грязное и заплатанное и обѣдала изъ судковъ!

— Но я вовсе не хожу въ грязномъ, и вовсе я не ободранка.

— Вотъ какъ?.. А твой пожелтѣвшій сакъ? А эти искривленные каблуки?

— У меня есть и новыя ботинки...

Она не успѣваетъ окончить фразу, какъ Василій Петровичъ стремительно подноситъ указательный палецъ къ ушамъ и крѣпко затыкаетъ уши. Онъ дѣлаетъ рѣзкую гримасу, отъ которой широкое румяное лицо его дико изламывается.

— Ай!—вырывается изъ его горла мучительный стонъ.— Охъ...

Все это отъ того, что подъ окнами, по скверной развороченной мостовой съ тяжкимъ грохотомъ и дребезжаніемъ прокатила большая «трамъ-карета». Шумъ и въ самомъ дѣлѣ пренепріятный. Но Василій Петровичъ дѣлаетъ такое ужасное лицо, какъ если бы трамъ-карета проѣхала прямо по ногамъ его...

Лицо Варвары Антоновны тоже искажается: ей больно и тяжело смотрѣть на страдальческое выраженіе глазъ мужа... Она бросается къ окну и захлопываетъ ставни.

— А шляпка твоя, — нѣсколько успокоившись, говоритъ Чумаковъ,—хороша? А самодѣлковая накидка съ этимъ кривымъ воротникомъ... Во всѣ стороны торчитъ!

— И пусть торчитъ. Увѣряю тебя, что это ничуть не печалитъ меня.

— «Ничуть не печалитъ»... Днемъ курсы, уроки, а до часу ночи стираетъ свои блузки и носовые платки. Этакъ и у гиганта силы надломятся... Нѣтъ, съ этимъ со всѣмъ надо покончить!.. И

я не на содержаніе къ тебѣ поступилъ, чтобы ты работала, а я лежалъ тутъ на кушеткѣ...

— Ахъ, ну что ты говоришь...

— Я долженъ, я долженъ добыть свой дипломъ!..

V.

Чтобы имѣть возможность хоть нѣсколько расширить бюджетъ и хоть немножко улучшить обстановку, дѣйствительно очень невеселую и тягостно вліяющую на настроеніе,—особенно на настроеніе человѣка съ больными нервами, — Варвара Антоновна рѣшила взять службу.

— Курсы, что же?

— Курсы можно пока оставить.

Измѣнятся обстоятельства, и нетрудно будетъ вернуться на курсы. Теперь необходимо внести какое-нибудь освѣженіе въ жизнь. И Варвара Антоновна взяла мѣсто въ «Управленіи» желѣзныхъ дорогъ. Жалованье было небольшое, но за то вѣрное и постоянное. Не то что уроки: сегодня есть, и даже много, и все хорошіе, а завтра нѣтъ ничего. Кромѣ того, въ Управленіи можно всегда получить и добавочную работу, на домъ, и отъ этого тоже кое-что перепадетъ...

Къ новой затѣѣ жены Василій Петровичъ отнесся съ полнымъ равнодушіемъ. Онъ какъ то и говорить о ней не желалъ, — ну не все ли равно? Служба, такъ служба—пусть... Курсамъ онъ не придавалъ большого значенія, а служба въ Управленіи все равно не будетъ продолжительной,—вотъ только пока онъ сдастъ экзамены... И если находитъ жена, что служба для нея удобнѣе уроковъ,—пусть беретъ службу. Мѣшать ей не для чего.

Здоровье Василія Петровича было какъ раньше: не ухудшалось, не улучшалось. Заниматься, работать онъ пока не пробовалъ. Но часто говорилъ о работѣ, жалѣлъ, что нельзя ему приняться за нее какъ слѣдуетъ, вплотную. Впрочемъ, съ перваго числа онъ за работу засядетъ.

— Сперва только часикъ-другой въ день. Больше и не надо... А потомъ втянешься и уже пойдетъ...

Но случилось такъ, что двадцать седьмого числа пріѣхалъ въ

городъ отецъ Варвары Антоновны, старенькій деревенскій попикъ, говорливый, суетливый и ласковый,—и это помѣшало...

Весь день въ квартирѣ стоялъ живой гомонъ,—точно цѣлая стая воробьевъ влетѣла въ нее. Попикъ былъ такой благожелательный, веселый, дѣтски-простодушный и шумливый, онъ зналъ тысячу преинтересныхъ исторій, которыя непремѣнно надо было разсказать и непремѣнно по нѣскольку разъ каждую. Гдѣ ужъ тутъ заниматься! Прогостилъ старичекъ до четвертаго числа. У Василія Петровича, нацѣлившагося сѣсть за работу съ перваго, къ этому времени упало настроеніе... Столько настрекоталъ и набалагурилъ старенькій попикъ, что, казалось, и теперь еще стоялъ шумъ и гоготъ, и шарахалась изъ стороны въ сторону густая ватага горлановъ-воробьевъ... Гудѣло въ ушахъ, и трудно было соображать... Василій Петровичъ рѣшилъ, что надо немножко подождать, оправиться, придти въ себя.

— Пусть ужъ съ пятнадцатаго. Пятнадцатаго непремѣнно засяду.

Онъ даже книги снялъ съ полки и разложилъ на столѣ.

Пятнадцатаго,—раньше онъ объ этомъ не подумалъ, — оказался праздникъ, Успеніе... Звонили колокола, люди шли въ церковь, были по праздничному разодѣты; Варвара Антоновна не пошла въ Управленіе и тоже принарядилась, надѣла новое съ синими полосками кимоно и плоенное фишю изъ кремоваго газа. Изъ «домашняго обѣда» прислали на сладкое краковскіе блинчики съ вареньемъ изъ земляники. Вообще все было какъ то не по обычному, не по ежедневно-сѣрому,—и зачѣмъ же было начинать занятія непремѣнно сегодня?..

Столько времени ушло,—уйдетъ еще одинъ день.

— Завтра ужъ непремѣнно...

Книги были приведены въ порядокъ, приготовлена была бумага, карандаши...

Но на другой день съ утра зарядилъ дождь, чисто осенній, мелкій, густой, было сумрачно, холодно, неутно; даже отсырѣла бумага, и расплывались по ней чернила какъ по промокашкѣ... И главное, слегка болѣла у Василія Петровича голова... Можетъ быть это отъ блинчиковъ. А то пожалуй отъ праздничнаго трезвона. Бо-омъ, б-о-омъ, бооомъ,—цѣлый день колокола. Это, пожалуй, похуже трамъ-кареты. Не всякіе нервы могутъ выдержать такую музыку.

— Однако, какая досада! Все не клеится и не клеится у меня!

Впрочемъ, особенно сильно Василій Петровичъ не огор-

чался. Онъ зналъ, что въ занятіяхъ всегда трудно только начало. Вотъ, какъ бываетъ трудно лошади двинуть съ мѣста возъ съ кладью. Уже когда съ мѣста тронулась — пошло! Все легко, просто, и возъ катится самъ собой. Но съ мѣста столкнуть, тутъ дѣйствительно надо напречься.

Когда отъ работы отвыкъ, и хочешь работу возобновить, то важно, чтобы подходящія условія были именно при самомъ началѣ занятій. А этихъ условій теперь все какъ то не было. Всегда что-нибудь мѣшало и становилось поперекъ дороги... Это вызывало досаду въ Чумаковѣ, и онъ, случалось, сильно раздражался. И въ ожиданіи поры, когда придетъ необходимое настроеніе, онъ часто и подолгу игралъ въ шахматы.

Шахматы дѣйствовали прекрасно. Успокаивали Чумакова, успокаивали и Варвару Антоновну.

Когда мужъ порывался засѣсть за книги, за подготовку къ экзаменамъ, Варвара Антоновна впадала въ жестокую тревогу. Шахматы же заставляли Василія Петровича забывать о книгахъ, и оттого, когда онъ сидѣлъ за шахматной доской, тревога Варвары Антоновны стихала.

VI.

Василій Петровичъ сталъ заниматься еще переплетнымъ ремесломъ.

Какъ и шахматы, это разсѣивало его, забавляло, отвлекало отъ непріятныхъ думъ,—вообще хорошо вліяло на его нервы.

Онъ научился очень недурно переплетать, и ему пришло въ голову, что онъ могъ бы пока заработать кое-что ремесломъ...

— Право, не плохо было бы... И Варѣ было бы легче.

Онъ предложилъ Варварѣ Антоновнѣ похлопотать въ «Управленіи», чтобы дали ему работу по переплету счетоводныхъ книгъ, которыхъ въ управленіи множество.

— Самое чистое и честное дѣло!—восклицалъ онъ.—Заработокъ, конечно, небольшой, это не то, что хапаетъ инженеръ или какой нибудь тамъ присяжный повѣренный. Но вѣдь это только такъ, пока, мимоходомъ... И потомъ: какія благородныя, чистыя деньги!..

Получить переплетную работу въ управленіи было нелегко: эту работу въ теченіе многихъ лѣтъ выполняли старыя, заслуженныя фирмы, и лишать ихъ обычныхъ заказовъ, на которыя

онѣ имѣли прочныя, освященныя временемъ права, ни у кого не было основаній. Но Варвара Антоновна знала, что если переплетной работы не достать, Василій Петровичъ будетъ разстроенъ и огорченъ, и это тяжело отразится на его неврастеніи. Онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ этой работы, такъ мечтаетъ о ней, такимъ становится оживленнымъ и бодрымъ, когда о ней говорить, — что-же это теперь будетъ, если работы для него не достать!

Жутко и подумать.

Варвара Антоновна принялась обивать пороги, клянчить, пускать въ ходъ всевозможныя вліянія, отыскивать протекцію... Множество обидъ и униженій она перенесла и небольшого заказа въ концѣ концовъ добилась.

Чумаковъ сразу повеселѣлъ и пріободрился, точно и въ самомъ дѣлѣ одержалъ значительную побѣду.

— Варька, ты у меня молодчинище!—радостно и какъ то по дѣтски шумливо вскрикивалъ онъ.—Ловкій ты человѣкъ, министръ!

Онъ подпрыгивалъ, подплясывалъ, смѣялся; схватывалъ жену за руки, и шумно кружилъ по комнатѣ.

— Варя! теперь, братъ, у-у-у!

Онъ отбѣгалъ отъ жены, наклонялъ и высовывалъ впередъ голову, потомъ съ размаху накидывался на Варвару Антоновну и дѣлалъ видъ, что по козлиному бодается.

— Ага, испугалась!.. Ну, Варя, теперь я начну дѣйствовать, держись!.. Держись и крѣпись, станъ вражескій!..

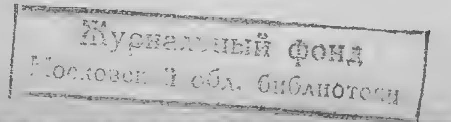
Нѣкоторое время Чумаковъ работалъ съ большимъ увлеченіемъ, весело, старательно, любовно. И переплеталъ совсѣмъ не худо,—нѣсколько медленно, но чистенько и аккуратно. Варвара Антоновна возвращалась со службы, и Чумаковъ съ гордостью подносилъ ей свои книги.

— Что, плохо, скажешь? Плохо переплетено?

Они вмѣстѣ внимательно и подолгу осматривали переплетъ,— и какъ сшита книга, и какъ сдѣланъ корешокъ, и какъ вытиснены на немъ золотомъ буквы... Все чудесно, все исполнено мастерски,—а главное, настроеніе у Василія Петровича отличное, и совсѣмъ нѣтъ у него больше ни кошмаровъ, ни «каски»... Варвара Антоновна не могла достаточно нарадоваться такому неожиданному обороту дѣлъ... Но вотъ, вдругъ, Василій Петровичъ сталъ какъ будто остывать къ своимъ занятіямъ.

— Знаешь: отупляетъ эта работа...

Онъ остывалъ быстро, такъ быстро, что и самъ удивлялся...



И скоро оставилъ дѣло совсѣмъ.

Только безпорядку и грязи прибавилось въ квартирѣ: вездѣ валялись обрѣзки бумаги, картона, мотки шпагату, лежали сшитыя, но непереплетенныя книги, растекался клейстеръ, и объ него пачкалась одежда. Положишь руку на подоконникъ,—вымазался. Сядешь на диванъ—прилипъ. Гадко было, неуютно...

Василію Петровичу дѣлалось противно; и онъ надолго уходилъ гулять. А когда не уходилъ, то игралъ въ шахматы, или же молча лежалъ на кушеткѣ и сумрачно, съ выраженіемъ не то обиженнымъ, не то возмущеннымъ, смотрѣлъ на валявшійся въ пыльной комнатѣ переплетный хламъ и соръ...

VII.

Ему становилось совѣстно передъ женой, такъ совѣстно и неловко, что онъ не смѣлъ и взглянуть на нее... Варвара Антоновна ничего не говорила о томъ, какъ трудно доставались ей переплетные заказы. Но по нѣкоторымъ признакамъ онъ и самъ догадывался, что давали ихъ ей не сразу, не охотно, и что много, должно быть, страдало ея самолюбіе и человѣческое достоинство, прежде чѣмъ она ихъ добилась... Ему тяжело было думать обо всемъ этомъ, онъ считалъ себя виноватымъ передъ женой, онъ злился на себя и досадовалъ...

И чтобы хоть сколько-нибудь разсѣять свою досаду, и чтобы себя оправдать, онъ начиналъ думать о томъ, что вѣдь онъ боленъ,—ну да, боленъ, серьезно боленъ. Другого и можно было бы упрекать и даже сурово осудить, но къ нему надо отнестись снисходительно, съ него строго взыскивать нельзя...

Онъ тихонько вздыхалъ, онъ сжималъ указательными пальцами виски и упавшимъ голосомъ страдальчески бормоталъ.

— Давитъ... Проклятая каска... давитъ мучительно...

Или бралъ ручное зеркальце и, ничего Варварѣ Антоновнѣ не говоря, подносилъ его къ глазу...

Смотритъ...

Лѣвымъ мизинцемъ осторожно оттягиваетъ книзу вѣко и долго разсматриваетъ.

Варвара Антоновна, увидѣвъ все это, сразу взволнуется.

— Что такое, Вася?

Чумаковъ молчитъ. Варвара Антоновна тревожится сильнѣе.

— Скажи же, что случилось?.. Попало что-нибудь въ глазъ?

Василій Петровичъ, ничего не отвѣчая, кладетъ зеркальце на комодъ...

Онъ улыбается и принимаетъ видъ довольный, беззаботный. Ничего, молъ, не случилось, все хорошо, и ты не безпокойся... Но Варвара Антоновна отлично знаетъ, что это онъ только притворяется спокойнымъ. Это онъ оттого, что желаетъ скрыть отъ нея непріятность и хочетъ уберечься отъ огорченій. На самомъ же дѣлѣ съ нимъ произошло что-то недоброе и непріятное.

— Ты нехорошо себя чувствуешь, Вася.

— Нѣтъ, ничего.

— Ты лучше скажи.

— Ну право же ничего...

— Но ты смотришь въ зеркало, значитъ что нибудь случилось?..

Ну что тутъ подѣлаешь! Видно, ужъ не скрыть... И Василій Петровичъ понемногу начиналъ сознаваться:

— Блѣдны очень глаза...

— Глаза?..

— Да... Что то совсѣмъ блѣдные стали... Раньше были куда краснѣе...

— Значитъ, малокровіе!

Василію Петровичу непріятно огорчать жену. Но если ужъ она узнала, въ чемъ дѣло, то надо бы разсказать все... Онъ, однако, еще мнется и насколько можетъ, пытается скрыть настоящее положеніе вещей.

— Ну, малокровія, можетъ быть, еще нѣтъ, но такъ, знаешь... что-то...

— Покажи, покажи глазъ!

Встревоженная, испуганная, Варвара Антоновна подбѣжитъ, станетъ оттягивать книзу вѣко, станетъ разсматривать глазъ...

И тутъ же начнетъ перебирать всѣ извѣстныя ей средства борьбы съ малокровіемъ. Только что жъ эти средства!.. Тутъ шутить нечего, домашніе способы лѣченія ничего не стоютъ, и надо завтра же къ доктору!

— Ахъ, «къ доктору, къ доктору»,—недовольно проворчитъ Василій Петровичъ.—Сейчасъ ужъ и къ доктору...

— Да, да, непремѣнно къ доктору!

— Еще бы!.. Тебя послушать, каждый день будешь къ доктору обращаться.

— Но...—я не понимаю! Вѣдь необходимо же, Вася...

— Очень обходимо. Пройдетъ и такъ.

— Нѣтъ, такъ не пройдетъ... И... и чортъ съ ними, съ этими переплетами!—неожиданно заключитъ Варвара Антоновна.—Тебѣ надо больше быть на воздухѣ. Гуляй больше. И аппетитъ улучшится.

Варвара Антоновна знала, что ее ждутъ крупныя непріятности съ этими переплетными работами. Къ сроку она ихъ доставить не сможетъ, пожалуй, не сможетъ доставить никогда... Лучше всего было бы заявить объ этомъ теперь же, пока не ушло время, и Управленіе еще имѣло бы возможность отдать заказъ другому, болѣе точному и аккуратному переплетчику. Но сдѣлать это Варвара Антоновна не рѣшалась. А, можетъ быть, пройдетъ недѣля, другая, и Василію Петровичу опять захочется поработать!.. Перемѣнчивость и непостоянство неврастеникамъ свойственны.

И она съ волненіемъ и безпокойствомъ выжидала.

А Василій Петровичъ продолжалъ уходить на прогулки. Дома же онъ часами лежалъ на кушеткѣ и, морщась и покряхтывая, говорилъ:

— Не могу усиленно работать. У меня, Варя, болѣзнь воли. У меня ушибленъ волевой центръ.

Варвара Антоновна только вздыхала. И сердце ея сжималось,—отъ печали и жалости.

VIII.

Ту канцелярскую работу, которую Варвара Антоновна брала изъ Управленія на домъ и для выполненія которой никакихъ усилій, ни умственныхъ, ни физическихъ не нужно было,—нужно было только время,—Василій Петровичъ дѣлать не хотѣлъ.

— Стоило кончать реальное училище, доходить до послѣдняго курса технологическаго института, шлифовать свой мозгъ аналитической геометріей, интегралами и кучей другихъ наукъ, чтобы потомъ возиться съ канцелярской чепуховиной, которую можетъ одолѣть волостной писарь!

И, кромѣ того, идетъ эта чепуха на пользу грабителей желѣзнодорожниковъ, будь они, мерзавцы, трижды прокляты!.. Работать для разныхъ эксплоататоровъ? Для нихъ надрывать свои силы?..

Для хорошаго дѣла трудиться, для общественнаго, — это, конечно, можно. Это нужно дѣлать даже и въ томъ случаѣ, если работать трудно, если здоровье не позволяетъ утомляться. Но отдавать свои силы, соки и нервы для обогащенія желѣзнодорожныхъ акціонеровъ, или для пополненія государственной казны, которую, все равно, разворовываютъ интенданты,—нѣтъ, ужъ это извините!

И Василій Петровичъ уже не жалѣлъ, что не успѣлъ добыть дипломъ: что могъ бы онъ сдѣлать съ дипломомъ? Пойти на службу къ капиталу? Если бы онъ былъ врачъ, онъ лѣчилъ бы бѣдняковъ. Поселился бы въ глухой деревнѣ и лѣчилъ бы крестьянъ. Будь онъ юристомъ, онъ сталъ бы оказывать безплатную адвокатскую помощь голытьбѣ, рабочимъ, онъ отстаивалъ бы интересы рабочихъ въ борьбѣ съ заводчиками. Но инженеръ работаетъ только на пользу какого-нибудь болѣе или менѣе жульническаго акціонернаго общества, на пользу богатыхъ фабрикантовъ, вороватыхъ предпринимателей, высасывающихъ соки изъ несчастныхъ рабочихъ... И вотъ этакимъ дѣламъ отдавать свое здоровье, свою работоспособность, свои знанія и душу?!..

Василій Петровичъ хорошо чувствовалъ всю шаткость этихъ разсужденій, отлично понималъ, что они просто неумны. Но раздраженія эти были ему необходимы,—чтобы успокоить свою совѣсть и свое самолюбіе. Все же неловко и досадно было ему, что вотъ третій уже годъ онъ ничего не дѣлаетъ и живетъ на заработки жены.

До такой степени втянулся онъ въ сплошную праздность, въ бездѣлье, до такой степени разлѣнился, что уже тягостенъ и противенъ ему всякій даже самый незначительный и кратковременный трудъ. Нужно ему пойти купить ботинки,—и это представляется цѣлымъ предпріятіемъ, серьезнымъ и обременительнымъ. Онъ говоритъ о немъ, думаетъ, онъ долго собирается пойти и все откладываетъ, и кончится дѣло тѣмъ, что пойдетъ за ботинками Варвара Антоновна и купитъ за глаза. А если не придутся по ногѣ, или не понравятся,—формой, кожей, цвѣтомъ,—она отнесетъ обратно въ магазинъ и будетъ просить другую пару.

Однажды потребовали Василія Петровича въ канцелярію сиротскаго суда: пришла на его имя казенная бумага, и надо было ему расписаться въ полученіи.

— Пойти разговаривать со всякой дрянью!.. Терпѣть не могу!..

Вѣдь извѣстно, что это за прелесть—россійское чиновничество и русская канцелярія!.. Заставятъ тебя ждать три часа въ грязной и тѣсной пріемной, гдѣ накурено и воняетъ пылью и потѣющими чинушами. Толкотня, просители, бабы съ кошелками, курьеры, которые такъ и смотрятъ въ руки,—двугривенный бы имъ поскорѣе... Потомъ эти чинодралы, безграмотная шваль, которая передъ начальствомъ пресмыкаетъ и ползаетъ на четвереньках, а съ публикой обращается нагло и грубо... Иного идіота-чинушу изъ третьяго класса въ шею выгнали, онъ таблицы умноженія не знаетъ, а когда у тебя къ нему дѣло, и ты придешь въ его канцелярію, онъ держится министромъ. Улыбайся ему, скоту, будь съ нимъ почтителенъ... Да ну ихъ къ чорту всѣхъ, не стóитъ къ нимъ ходить!..

Василій Петровичъ не пошелъ. Пошла вмѣсто него жена. Но такъ какъ необходимо было личное присутствіе Чумакова, то она ничего не могла сдѣлать.

— Пропади они пропадомъ съ ихъ идіотской казенщиной!—хмуро ворчалъ Василій Петровичъ.—Придиры, формалисты...

Скрѣпя сердце, Василій Петровичъ сталъ собираться въ концелярію.

Онъ испытывалъ смущеніе, озадаченность, безпокойство. Казалось ему, что это такъ сложно, запутано, хлопотливо. Онъ точно въ кругосвѣтное путешествіе собирался... Конечно, труднаго нѣтъ ничего,—какой тутъ трудъ! Пустяки одни... Но,—чортъ его знаетъ,—откуда же, собственно, входъ? Съ Никольской улицы, или съ Рождественской?.. Въ ворота?.. А почему же вывѣска на парадномъ?.. Тамъ же еще и окружный судъ помѣщается... Въ одномъ домѣ и окружный судъ, и сиротскій. Розыскивай тутъ... Какъ глупо!

IX.

Надо было надѣвать крахмальную сорочку,—и не нашлось соотвѣтствующихъ запонокъ

Для воротника спереди нужна запонка съ круглой головкой, а сзади, на шеѣ, надо съ продолговатой, треугольничкомъ, чтобъ не рѣзало тѣло... Василій Петровичъ больше полугода

не надѣвалъ крахмальнаго бѣлья, куда то запропастились запонки...

Теперь обыскали всѣ углы, шарили въ комодѣ, въ ночномъ столикѣ, въ буфетикѣ, въ маленькой шкатулкѣ, гдѣ лежали нитки, иголки, пуговки, ножницы—принадлежности для шитья, и мелкія туалетныя вещицы...

Нашли большія запонки для манжетъ—даже цѣлыхъ двѣ пары. Нашли потомъ такія, которыя всаживаются спереди, въ манишку. Потомъ нашли еще одну,—тоже для манишки, но уже другого фасона и съ расшатанной ножкой... Нашли кнопки для корсажа, стальную змѣевидую булавку для галстуха; нашли еще одну запонку для манжетъ, желтую, въ видѣ десятирублевой монеты... И не находили только такой запонки, какая была нужна,—съ продолговатой, треугольной головкой.

— Погоди минуту, я сбѣгаю въ лавочку, куплю,—предложила Варвара Антоновна.

— Вотъ еще, изъ-за всякой ерунды бѣгать!

— Но вѣдь нужна же...

Василій Петровичъ страдальчески искривляя ротъ, ломая туго накрахмаленный воротникъ и манишку, силится проткнуть въ залѣпленныя крахмаломъ петли круглую головку запонки... Головка не пролѣзаетъ.

— Да лѣзь-же, дррrянь!—яростно говоритъ онъ сквозь зубы.—Пудъ крахмалу навалила, идіотская прачка...

— Право же, лучше бы я сбѣгала купить запонку...

— Не надо!.. И эта будетъ хороша.

Онъ кое какъ приладилъ воротникъ, порядкомъ измазавъ его вспотѣвшими пальцами, просунулъ въ рубаху голову и сталъ надѣвать галстухъ... Запонка была не та, и галстухъ оказался не тотъ; не для отложного воротника, а для стоячаго. На отложномъ галстухъ не держался и становился то подъ угломъ, то и совсѣмъ вертикально,—точно собирался влѣзть въ ноздрю.

— Наказаніе! — чуть не сквозь слезы говорилъ Чумаковъ.—Ты бы пришила его, что ли...

Онъ запыхался, раскраснѣлся, вспотѣлъ. Въ синихъ глазахъ его—растерянность, досада. Какъ будто сто человѣкъ, злыхъ и несправедливыхъ, напали на него и стали дѣлать ему пакости.

Варвара Антоновна взяла нитки и иголку и, склонившись къ лицу и шеѣ мужа, стала внимательно оглядывать; нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь пришить галстухъ къ воротнику,—хоть въ двухъ-трехъ мѣстахъ прихватить нитками...

— Да не дыши ты на меня! — раздраженно вскрикиваетъ Василій Петровичъ.

— Я не дышу.

— «Не дышу»... Прямо въ лицо! Какъ паровикъ...

Онъ брезгливо отворачивается и задираетъ голову кверху...

Онъ знаетъ, что кричитъ на жену понапрасно и что это грубо, несправедливо. Но ему трудно владѣть собой... Какая уйма подлыхъ условностей вездѣ! Какъ запутали и осложнили люди жизнь!.. Крахмальное бѣлье, запонки, сюртуки... А попробуй не подчиняться, попробуй прійти вотъ въ этакую несчастную канцелярію въ косовороткѣ, и съ тобой будутъ обращаться, какъ съ дворникомъ... Великолѣпно сдѣлалъ этотъ французскій художникъ Гогэнъ, который плюнулъ на всю европейскую цивилизацію и бѣжалъ на полинезійскіе острова, къ первобытнымъ людямъ...

— Можетъ быть, ты бы, Вася, надѣлъ мягкій галстухъ, шарфикъ?

— Шарфикъ?

— Да... шарфикъ... Я его завяжу бантомъ.

Василій Петровичъ смотритъ въ сторону и сердито...

— «И опять будешь на меня дышать»?—хочется ему спросить. Но отъ этой грубости онъ сдерживается. Молчитъ.

— Право же, надѣлъ бы шарфикъ.

— Изящно очень!

Василій Петровичъ недовольно пожимаетъ плечами.

— А, чертъ съ нимъ, пусть будетъ шарфикъ! — добавляетъ онъ затѣмъ.—Давай его сюда!

Надѣлъ шарфикъ, синій съ краснымъ горошкомъ. Варвара Антоновна завязала бантомъ, расправила концы, и вышло даже очень пышно.

— Да. Ничего,—одобрилъ и Василій Петровичъ, смягчившись.

Но нажимала сзади, на шеѣ, круглая шляпка запонки,—не такая вѣдь была, какъ нужно,—нажимала, рѣзала, и Василій Петровичъ отъ злости и досады заскрежеталъ зубами.

— Нѣтъ, это невозможно!.. Это пытка... Этакъ получишь апоплексію!

— Погоди, Вася, вотъ я устрою...

— Все изъ-за какой то дурацкой, паршивой канцеляріи!.. Не пойду я туда! не желаю!..

Онъ сорвалъ съ себя и галстухъ, и рубашку, и черные штаны, швырнулъ все къ стѣнкѣ и легъ на кушетку.

— Не сошлютъ же меня за это... Не пойду! Не желаю!!

X.

Случалось, что эти капризы, — а главное, это бездѣлье и праздность,—озадачивали самого Василія Петровича. Иной разъ они даже пугали его. И въ непріятномъ безпокойствѣ онъ спрашивалъ себя: точно ли онъ настолько нездоровъ, что ужъ не можетъ ничѣмъ заняться? Въ самомъ ли дѣлѣ сидитъ въ немъ какая-то болѣзнь?

— Просто: опустился я, Варя, избаловался...

— Ахъ, ну что ты право!..

— Да, да... И ты слишкомъ много мнѣ потакаешь...

— Нисколько я не потакаю. Я не хочу, чтобы ты работалъ, когда тебѣ это вредно. Но если ты теперь чувствуешь себя лучше, — можешь приступить къ занятіямъ. Въ добрый часъ! Только не сразу.

«Ну вотъ: «не сразу»... Уже и путаетъ. Уже и сдерживаетъ»,—сердито думаетъ Василій Петровичъ.—Вездѣ преграды, путаница, а жизнь идетъ нелѣпо и безобразно... Нѣтъ, надо все это измѣнить!.. Надо покончить съ этимъ!

Они жили на дачѣ, въ сорока верстахъ отъ города, въ поселкѣ «Бѣлая Пустошь». Старый, большой, на много тысячъ десятинъ раскинувшійся лѣсъ привлекалъ множество дачниковъ. Пріѣзжали даже изъ далекихъ губерній, изъ Москвы и изъ Петербурга. Больше двадцати тысячъ человѣкъ живетъ здѣсь въ лѣтніе мѣсяцы, и для ближайшихъ деревушекъ это—настоящій Клондайкъ.

Дачи строятся каждый годъ; самыя жалкія хибарки сдаются по нелѣпо высокимъ цѣнамъ, и по высокимъ цѣнамъ продаются пищевые продукты,—овощи, молоко, птица, яйца, ягоды, грибы. Парни занимаются извозомъ, въ началѣ и въ концѣ сезона перевозятъ изъ города и въ городъ мебель, а въ теченіе сезона на особыхъ самодѣльныхъ, очень неудобныхъ таратайкахъ возятъ дачниковъ съ желѣзнодорожной станціи, или на базаръ, или на пчеловодство и пикники... Дѣвушки служатъ прислугой, и даже десятилѣтнія дѣвочки получаютъ хорошее жалованье.

Бѣлая Пустошь быстро растетъ, расширяется ежегодно. Каждую весну появляются новыя дачи, сверкающія на солнцѣ свѣжимъ желтымъ тесомъ и зеленымъ желѣзомъ крышъ.

Земля здѣсь плохая, песчаная, мѣстами же и совсѣмъ негодная. Глубокій, сухой и безпримѣсный песокъ, какъ на морскомъ берегу. Старики хорошо помнятъ то время, когда землю

раздавали почти даромъ,—рубля по два за десятину, что ли,—и никто не хотѣлъ брать. Теперь за небольшой участокъ платятъ тысячу рублей. Мѣстность очень сухая, для ревматиковъ и туберкулезныхъ—рай...

Дачевладѣльцы-крестьяне получаютъ большіе доходы,—и за квартиры, и за провизію, и за разныя услуги,—но жизнь ихъ эти доходы не улучшаютъ, такъ какъ все пропивается... Живутъ въ грязи, въ тѣснотѣ, ѣдятъ дрянь, бьютъ женъ, дѣтей, бьютъ другъ друга... Бьютъ безъ злости, безъ надобности, безъ причинъ и цѣли, просто такъ,—съ пьяну, по привычкѣ, и оттого, что нѣтъ другихъ развлеченій.

Несмотря на то, что каждый сезонъ дачники оставляютъ здѣсь огромныя деньги, мѣстные жители ровно ничего не дѣлаютъ для благоустройства поселка. Какъ было сто лѣтъ назадъ, такъ и теперь.

Ни освѣщенія, ни тротуаровъ, ни водопровода. Песокъ въ переулкахъ такой глубокій, что вонзается въ него вся ступня. Ходить здѣсь—мученье. Сдѣлаешь сто шаговъ и устанешь, какъ если бы прошелъ пять верстъ...

Такъ какъ лѣсъ здѣсь растетъ богатѣйшій, и цѣна на него невысока, то пустяки бы стоило устроить деревянные тротуары. Положили бы по сторонамъ переулка доски,—двѣ доски слѣва, двѣ доски справа,—и ходили бы дачники, часто люди больные, не затрачивая своихъ послѣднихъ силъ. И не уставали бы босоногія бабы-торговки, нагруженныя корзинами съ провизіей. Но досокъ нѣтъ и въ поминѣ, и всѣ вязнутъ въ пескѣ, какъ звѣри въ пустынѣ...

Разъ какъ-то, гуляя съ Варварой Антоновной и потерявъ въ пескѣ туфлю, Василій Петровичъ съ досадой воскликнулъ:

— И не могутъ они устроить тротуары!

А сидѣвшій тутъ же Никита Горбатюкъ, владѣлецъ дачки, въ которой жили Чумаковы, дружелюбно ухмыльнулся и сказалъ:

— А вже-ж... От зложились б дачники, та й зробили.

Значитъ такъ: надо, чтобы пришли чужіе люди, дачники, дали бы свои деньги, свой трудъ и «зробили»... Сами же ничего не могутъ, и не хотятъ сдѣлать, и не подумаютъ о томъ, что сдѣлать надо. Имъ и такъ хорошо. Нетребовательны, непредпріимчивы, лѣнивы, безпечны. Въ удобствахъ не нуждаются, живутъ, какъ жили при Владимірѣ Мономахѣ, и ничего не собираются сдѣлать, чтобы жизнь свою улучшить...

— Въ родѣ меня,—появилась вдругъ мысль у Василія Петровича.—Господи Боже мой, вѣдь въ родѣ меня...

Онъ много думалъ объ этихъ людяхъ, жителяхъ Бѣлой Пустоши, онъ удивлялся имъ, — и порою начиналъ удивляться себѣ...

Неожиданныя сравненія рождались въ его головѣ, странныя параллели протягивались,—и то, къ чему приводили эти параллели, было такъ значительно, и глубоко, и жутко...

XI.

— ... Нѣтъ, за книги, за работу! — начиналъ онъ вдругъ подхлестывать себя.—За книги, и къ экзаменамъ... Нечего бездѣльничать... Нельзя тянуть дальше эту праздную, пустую, безпорядочную жизнь!

За книги!

Если же не за книги, то хоть куда-нибудь на службу, что ли... Или уроки найти... «Зложились би й зробили»?.. Нѣтъ, нельзя этого!.. Варя выбивается изъ силъ,—надо помочь! Надо снять съ нея бремя, и необходимо устроить, — и ей, и себѣ,—болѣе приличную жизнь... Въ понедѣльникъ за работу!

Въ понедѣльникъ, съ утра, Василій Петровичъ разложилъ на верандѣ книги и бумагу... Онъ раскрылъ книгу и сталъ было читать... Но на сосѣдней дачкѣ, справа отъ веранды, за низенькимъ, рѣшетчатымъ заборикомъ, на складной койкѣ съ ярко-желтыми ножками, грѣлась на утреннемъ солнцѣ больная старуха и, временами, кашляла.. Покашляетъ, покашляетъ, потомъ застонетъ. А постонавши, начнетъ мурлыкающе причитать,—не то молится, не то просто ворчитъ и сердится на кого-то...

Непріятные звуки, шамкающіе и ржавые... Прислушиваешься къ нимъ противъ воли, и чѣмъ меньше они пріятны, тѣмъ больше привлекаютъ вниманіе...

— Прилѣзла, развалина!—съ брезгливымъ чувствомъ думалъ Чумаковъ.—Не могла подальше гдѣ-нибудь поставить свою койку, свинья старая, непремѣнно около сосѣдской веранды надо...

Онъ сталъ понемногу свыкаться съ кашлемъ и шурщащей воркотней больной старухи и погрузился было въ чтеніе. Но тутъ увидѣлъ вдругъ, что черезъ дворъ, по сверкающему отъ солнца бѣлому песку, идетъ ватага молодыхъ пареньковъ, въ сапогахъ и цвѣтныхъ рубахахъ. Вчера, въ воскресенье, и всю ночь парни гуляли,—изъ лѣсу, съ пруда доносилось ихъ буйное пѣніе. Теперь, послѣ ночныхъ похожденій на дачныхъ кухняхъ,

они возвращались домой, на село, и для сокращенія пути, направлялись не переулкомъ, а черезъ чужія дачи... Какая наглость! Хоть бы позволенія спросили. Хоть бы шли тихонько, безъ шума и галдежа!

— Эй вы, вы куда?—привставъ, окрикнулъ парней Чумаковъ.

Парнишки не обратили на его окрикъ никакого вниманія. Шли впередъ, громко переговариваясь.

— Вы куда это идете, я васъ спрашиваю!—грознѣе крикнулъ Василій Петровичъ.

Высокій, худой хлопецъ въ желтой рубахѣ медленно обернулся къ Чумакову и отчетливо проговорилъ:

— Куда намъ надо, туда и идемъ.

И, по прежнему спокойно, компанія продолжала пересѣкать дворъ...

Василій Петровичъ быстро сошелъ со ступенекъ веранды и направился къ парнямъ. Наглая безцеремонность этой компаніи возмутила его до того, что онъ заскрежеталъ зубами... «Мерзавцы, скоты»... Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ остановился. Что подѣлаешь съ такими хулиганами? Не въ рукопашную же вступать съ ними?

Солнце свѣтило такъ радостно... Цвѣтные рубахи парней,—желтая, красная, двѣ синихъ, зеленая съ чернымъ узоромъ,—жгли глаза. Фіолетовыя тѣни ложились отъ парней на лучистый отъ солнца серебряный песокъ и мѣрно плыли за парнями къ забору. И отъ забора, отъ вертикально прибитыхъ, наверху заостренныхъ горбылей, косо падали на землю, на пробившіеся кое гдѣ и по песку чахлые чубики лопуха, утреннія, голубыя, тѣневыя полосы...

Парни дошли до забора. Схватываясь за доски руками, они другъ за дружкой стали черезъ него перепрыгивать. А высокій, худощавый парень,—тотъ самый, который сказалъ Чумакову «куда надо, туда и идемъ»,—поднявъ ногу, сильно ударилъ ею по доскѣ. Доска сразу отскочила. Черезъ образовавшееся отверстіе парень съ дикимъ визгомъ и съ крикомъ «ку-ка-ре-ку» протиснулъ свое долговязое, юношески-худое и ловкое тѣло...

Эта наглая безцеремонность парней такъ возмутила и взволновала Василія Петровича, что онъ долго не могъ успокоиться... Вернувшись на веранду, онъ сѣлъ за книги. Пытался читать, но прочитанное не лѣзло въ голову. Онъ закрылъ книгу и сталъ шагать взадъ и впередъ по травѣ передъ верандой.

Молодыя невысокія сосенки зацѣпляли его иглами за волосы и плечи.

— Ну можно ли здѣсь жить, съ такими мерзавцами, съ дикарями,—сердито думалъ онъ, включая въ одну компанію и парней, и сипло кашлявшую за заборомъ старуху, и своего домохозяина Никиту Горбатюка, который пришелъ теперь справиться «чи всѣмъ довольны его пожильцы»...—Можно ли имѣть дѣло съ этой безпардонной публикой!..

XII.

Горбатюкъ былъ красивый, рослый, статный мужикъ, лицомъ очень похожій на молодого боярина. На вышедшихъ изъ употребленія кредиткахъ печатался портретъ Дмитрія Донского. Его голову очень напоминала голова Горбатюка... Прямой носъ, широкія ноздри, большіе ясные глаза, полныя губы и квадратная борода, густая, плотная, мелко-курчавая...

Онъ улыбался великолѣпной, свѣтлой улыбкой, отъ которой шире становились овальные, чистые бѣлки его глазъ, и яснѣе дѣлалось все лицо его, загорѣлое, сильное, удивительно мужественное.

Утро стояло жаркое, день надвигался тропическій, а на Горбатюкѣ былъ бараній кожухъ. Очень хорошій, новый и дорогой кожухъ, бѣлый, чистый, съ длинными рукавами, покрывавшими даже концы пальцевъ. Въ крещенскіе морозы очень должно быть пріятно закутаться въ такой кожухъ. Но зачѣмъ нуженъ онъ теперь, въ іюлѣ?...

— Дубье, олухи,—сердито думалъ Чумаковъ.—Такъ вотъ и все у нихъ, безъ смысла, безъ толку... Кажется, въ одномъ бы бѣльѣ ходилъ теперь, а на немъ въ два пуда кожухъ... Болванъ!

Онъ сердитъ былъ на все и на всѣхъ.

— Сейчасъ тутъ прошла свора хулигановъ,—сказалъ онъ Горбатюку.—Прутъ черезъ чужую дачу, галдятъ, шумятъ, скачутъ черезъ заборъ... Доску оторвали, мерзавцы.

Горбатюкъ нахмурился и укоризненно покачалъ головой.

— Сучі діти.

— Разбойничьи ухватки какія то. Ихъ бы въ кутузку, негодяевъ такихъ...

— Мабуть пьяні,—сообразилъ Горбатюкъ.

— А хоть и пьяные, все равно. Скоты!... Покою нѣтъ отъ нихъ.

— Да, конечно...

— Орутъ цѣлый день дикія пѣсни, скандалятъ, бранятъ, тутъ изъ-за нихъ жить нельзя.

— А конечно нельзя...

Горбатюкъ укоризненно качалъ своей красивой головой. Онъ во всемъ соглашался съ бариномъ и потакалъ ему, про себя же думалъ, что баринъ «дуже великатный», да и просто должно быть «безъ клепки».

— Вы должны бы какъ нибудь сговориться межъ собой,— учительно продолжалъ Василій Петровичъ. — Вамъ необходимо принять мѣры противъ этихъ хулигановъ. Вѣдь они вамъ всѣхъ дачниковъ разгонятъ.

— Ей Богу, разгонятъ! — размахивая длинными бѣлыми рукавами кожуха, убѣжденно подтвердилъ Горбатюкъ.—А то какъ же? Всѣхъ до одного разгонятъ...

— Вы не даете дачникамъ никакихъ удобствъ. Вездѣ у васъ грязь, безпорядокъ, неустройство, чортъ знаетъ что!... Только тѣмъ и держитесь, что вотъ лѣсъ здѣсь, а людямъ хочется сосной подышать.

— Сосной, конечно...

— А сами вы ничего не сдѣлаете, чтобы хоть какъ нибудь упорядочить жизнь. И сами, какъ свиньи, живете, и для дачниковъ никакихъ удобствъ нѣтъ.

Горбатюкъ вытиралъ длиннымъ рукавомъ кожуха потъ на лбу. Лобъ бѣлый, какъ и кожухъ. Все же лицо отъ сильнаго загара коричневое. Обнажая свои великолѣпные, бѣлые, какъ тарелка, зубы, Горбатюкъ говоритъ:

— А конечно... Бо мужикъ же... Мужикъ, что онъ понимаетъ? Если бы мужикъ былъ экзаменованный, то конечно, онъ понималъ бы дѣло. А теперь, какое въ мужикѣ понятіе?

«Экзаменованный»—это должно означать: не темный, а грамотный, ученый... Василію Петровичу уже нѣсколько разъ доводилось говорить съ Горбатюкомъ, и тотъ всегда и неизмѣнно съѣзжалъ все къ этому же. Мужикъ «не экзаменованный» и оттого съ него ничего нельзя требовать, и оттого все въ деревнѣ плохо...

— Если бы у мужика было какое ремество, или, скажемъ такъ, предметъ... А то теперь, что мужикъ можетъ сдѣлать?..

— Очень много можетъ сдѣлать! — горячась все больше, вскрикиваетъ Чумаковъ. — Если бы только мужикъ не былъ лѣнивъ и пьянъ, и если бы были у него настоящія человѣческія

потребности. Но вы дикари, вы зулусы... Вотъ хоть васъ взять, Никита...

И онъ вдругъ принимается отчитывать Горбатюка: лѣнивъ онъ, безпорядоченъ, пьянствуетъ. Бьетъ дѣтей, бьетъ жену,—а за что? Катерина работаетъ какъ лошадь, изъ силъ выбивается, не знаетъ покоя и отдыха...

— Вѣдь хозяйство вонъ какое большое у васъ!

— Хозяйство есть. Хозяйство, конечно.

— И земли сколько у васъ, скота. Есть три дачи.

— Земли, и худобы. Конечно...

— А вы, Никита, слоняетесь, бездѣльничаете. То въ городъ, то въ Иванково на ярмарку поѣдете, то на селѣ у Кузнечихи въ пьяной компаніи горилку дуете... А бѣдная Катерина ваша за пятерыхъ работаетъ. Да еще беременна она, да должна бѣгать разыскивать васъ, гдѣ вы тамъ водкой себя заливаете... Развѣ можно такъ жить?.. Гдѣ ваша совѣсть, вашъ разумъ, простой расчетъ, наконецъ, гдѣ?

Горбатюкъ запахиваетъ свой бѣлый кожухъ и на Василія Петровича смотритъ съ милой, благодарной улыбкой. Точно Богъ вѣсть какія пріятныя вещи говоритъ ему баринъ, и ужъ даже словъ не найдетъ Горбатюкъ подходящихъ, чтобы выразить барину свое удовольстіе... Большіе, чистые бѣлки Никиты такъ и свѣтятся, а зубы, похожіе на осколки тарелокъ, весело оскалены...

— То и правда же, баринъ,—радостно говоритъ онъ.— То вы жъ таки, баринъ, таку правду кажете...

Подбодренный и поощренный, Василій Петровичъ продолжаетъ.

XIII.

— Безобразничаете, орете, пакостите... Все у васъ сдѣлано неумѣло, тяпъ-ляпъ, спустя рукава и какъ-нибудь. И въ крупномъ, и въ маломъ,—все тяпъ-ляпъ. Ну вотъ, посмотрите: какъ вы тутъ, въ вашей Бѣлой Пустоши, ледники строите? Нѣтъ ни одного ледника, гдѣ льду хватило бы до конца сезона! Къ первому іюля, какъ разъ къ настоящей жарѣ, когда ледъ всего болѣе нуженъ, нигдѣ не найти и фунта льду!.. А почему такъ? Потому что лѣнтяи вы, ледники роете неглубокіе, набиваете вы ихъ слишкомъ поздно, когда ледъ уже не крѣпкій, а рыхлый, а двери ледниковъ вы—эхъ, головы!—всегда строите къ югу... Въ дверяхъ щели, солнце проходитъ въ щели, и ледъ въ лед-

никахъ таетъ... И почему это у васъ дверь въ ледникахъ всегда непремѣнно на югъ, я не понимаю!

Горбатюкъ улыбается, молчитъ. Жаркія солнечныя пятна и пятна зеленой тѣни медленно и плавно колышатся по его лицу и по бѣлому кожуху. Потъ крупными каплями искрится на бронзовомъ лицѣ... Надоѣлъ баринъ Горбатюку до послѣдней степени, и такъ и хочется харкнуть, тюкнуть и уйти. Да вѣдь какъ уйдешь, когда есть такое дѣло?..

Вѣдь онъ только такъ себѣ, предлогъ, для отвода глазъ, для предисловія,—этотъ вопросъ, «чи всѣмъ довольны пожильцы»... На самомъ же дѣлѣ есть у Никиты до барина дѣло важное и интересное... Да только вотъ: немножко неловко приступить къ этому дѣлу, потому что дѣло это немножко... немножко тово... неправильное... и нечистое... Духа не хватаетъ у Никиты заявить объ этомъ дѣлѣ сразу... И бѣдняга Горбатюкъ все стоитъ и мнется, и ухмыляется, и барина выслушиваетъ, и съ бариномъ почтительно соглашается...

— А какъ вы отхожія мѣста устраиваете!—продолжаетъ свои поученія Василій Петровичъ.—На полъ-аршина глубины, чортъ бы васъ подралъ!.. И уже къ серединѣ сезона всѣ ямы переполнены, и смрадъ стоитъ по всей Бѣлой Пустоши такой, что хоть караулъ кричи...

— Не поможетъ и караулъ, — убѣжденно подтверждаетъ Никита.

— По лѣсу гуляешь, и даже тамъ воздухъ такой, что тошнить тебя начинаетъ... Весь лѣсъ провоняли.

— Духъ въ лѣсу есть, это справедливо.

— Къ вамъ въ Бѣлую Пустошь за воздухомъ пріѣзжаешь, а какой вы тутъ устраиваете воздухъ?!.

— Воздухъ, это, баринъ, ужъ не мы, это дачники сами...

— Зараза одна!—машетъ руками Василій Петровичъ.—Кошмаръ какой-то, а не дачное мѣсто... Ужъ лучше въ городѣ жить.

Онъ говоритъ еще долго. Онъ обстоятельно доказываетъ Горбатюку, что живутъ его односельчане какъ свиньи, что они недѣятельны, непредпріимчивы, недогадливы, тяжелы на подъемъ и лѣнивы. Благосостояніе ихъ было бы въ десять, въ сто разъ выше, если бы они иначе относились къ жизни, къ самимъ себѣ. Природа одарила ихъ по царски щедро, дала имъ все, что нужно для жизни счастливой, богатой, а они не умѣютъ и не хотятъ этимъ воспользоваться...

— Та конечно,—конфузливо жмется Горбатюкъ.—Это, ба-

ринъ, правильно. А только, какъ сказать... мужикъ... къ примѣру... Если бы у мужика было ремество какое, или какъ бы сказать, если бы у него предметъ былъ...

— Скажите! Еще и «ремество» вамъ надо, —язвительно вскрикиваетъ Василій Петровичъ.—Еще вамъ мало, еще какое-то вздумали тамъ «ремество».. Горланы, хулиганы, орутъ безсмысмысленныя пѣсни, какъ дикари, уваженія ни къ кому, ни къ чему, прутъ черезъ чужія дачи, ломаютъ заборы, скандалятъ...

Горбатюкъ молчитъ... Ну что жъ такое, что орутъ пѣсни? Онъ и самъ вчера пѣлъ пѣсни,—потому что съ кумомъ Василемъ да съ фершаломъ Храпакомъ выпили здорово... А если прутъ черезъ чужую дачу, то, конечно, панамъ отъ этого безпокойство. Но во-первыхъ, не такое ужъ великое безпокойство, а во-вторыхъ, когда съ кумомъ Василемъ да съ фершаломъ Храпакомъ въ воскресный день чуточку выпьешь, то какъ его потомъ отличить: твоя это дача, или,—Богъ съ нею,—чужая она?.. Ну, случится, пройдешься и по такой дачѣ, которую пока что еще не купилъ... Главное вовсе не въ этомъ. Главное,—вотъ если бы мужикъ былъ экзаменованный...

XIV.

— Конечно, вотъ если бы... которое за молоко...

— Чего?

Василій Петровичъ поднимаетъ недовольные глаза на Горбатюка.

— За молоко,—робко повторяетъ Никита.

— За молоко?

— И за яйца...

— Какія яйца?

Горбатюкъ боязливо озирается, мнется, конфузится... Как неловко ему! Какъ неловко ему и жутко!

— Та за яйца же...

— Яйца?

— Которыя что брали... И за яйца, и за молоко...

— Ну?

— То гроши чтобы мнѣ дали... Которыя яйца ваша барыня у моей Катерины забирали.

Собственно въ этомъ и заключается то нечистое и неправильное дѣло, за которымъ пришелъ сюда Горбатюкъ. Надо ему выманить и получить не ему принадлежащія деньги за молоко

и яйца, которыя поставляла Чумаковымъ жена... Послѣ вчерашняго—понедѣльникъ вѣдь сегодня!—хочется Горбатюку выпить, а выпить не на что. Отсюда и вытекаетъ его великая любезность—эта неожиданная потребность освѣдомиться у жильцовъ: «всѣмъ ли они довольны»... Отсюда вытекаетъ и долготерпѣніе, дающее возможность выслушивать всѣ нудныя нотаціи и поученія Чумакова.

— За яйца бы... Та за молоко,—жалобно-просительно говоритъ Никита.

— Хорошо, я скажу, чтобы посчитали. А если хотите, можете и такъ получить, посчитаемся потомъ. Рубля два будетъ съ васъ?

— Вотъ спасибо! Вотъ спасибо!..—оживленно говоритъ Никита.

...Большой кустъ орѣшника, стоящій позади веранды начинаетъ шевелиться, какъ живой. Высокіе, тонкіе прутья его описываютъ на фонѣ неба широкія дуги. И неожиданно изъ-за куста выходитъ высокая, сильно изогнутая въ поясницѣ, брюхатая женщина. Это—Катерина, жена Никиты. Она беременна. Это видно и по фигурѣ ея, и по лицу. Худое, вытянутое лицо покрыто большими желтыми пятнами, а въ сѣрыхъ водянистыхъ глазахъ сидитъ то особое выраженіе, значительное, таинственное и глубокое, которое бываетъ у женщинъ, носящихъ въ себѣ новую жизнь...

Какое-то необъяснимое таинственное предчувствіе подсказывало женщинѣ съ утра, что мужъ пойдетъ сегодня къ Чумаковымъ получать ея деньги... Катерина пришла, притаилась за кустомъ, подслушала... И вотъ стоитъ она передъ Чумаковымъ, печальная, желтая, высохшая, изуродованная долголѣтней непосильной работой, побоями, беременностью, стоитъ и, ни слова не говоря, одними глазами,—Боже, какими скорбными!—молитъ не давать Никитѣ денегъ...

— Не получите, Никита, ни гроша!—рѣшительно заявляетъ Василій Петровичъ.

Смущенный, пристыженный, опустивъ низко свою красивую, боярскую голову, Никита медленно отходитъ отъ веранды... Ноги вязнутъ въ бѣломъ лучистомъ пескѣ. Солнечные лучи весело играютъ и переламываются на бѣлой кожѣ новаго кожуха...

Безмолвно поблагодаривъ Чумакова—одними глазами—уходитъ прочь и Катерина...

А къ вечеру изъ недалекой хаты Горбатюковъ летятъ на веранду Чумаковыхъ страшные вопли:—«Ратуйте!.. ратуйте!..» —

Напившись пьянымъ и вернувшись (уже безъ бѣлаго кожуха) домой, Никита мститъ женѣ и осыпаетъ ее бѣшеными ударами. Потерявъ разсудокъ, весь во власти сжигающаго алкоголя, онъ бьетъ беременную Катерину по головѣ, по лицу, по высокому животу...

— Подглядывать, сучья дочка?.. За кустомъ ховаться?

Солнце садится. Оно уходитъ на долгіе часы. И влюбленная въ него земля, передъ тѣмъ какъ его отпустить и съ нимъ разстаться, напиталась имъ такъ сильно, что тихой и нѣжной золотистостью свѣтятъ теперь не только облака на небѣ, но и широкія поля, и лѣсъ, и заборы, и крыши, и стѣны. Нѣтъ теперь ничего бѣднаго на землѣ, все здѣсь Рокфеллеръ и Вандербильтъ, и самый корявый и кривой сарайчикъ съ головы до пятъ одѣтъ въ золото. И все, на что упадетъ глазъ, насквозь пропитано золотымъ тепломъ и сверканіемъ. Даже блѣдные, известковые пески Бѣлой Пустоши кажутся теперь янтарными, и отъ каждой песчинки бьетъ кверху и течетъ по сторонамъ желтое сіяніе.

А съ Горбатюкова двора доносится пьяный ревъ и женскій окровавленный вопль:

— Ратуйте... ратуйте... ратуйте!!

XV.

...— Опять двѣ недѣли прошло,—думаетъ Василій Петровичъ:—опять я ничего не дѣлаю... А Варя, бѣдная, какъ худѣетъ... надрывается...

Едва только мелькнутъ у Василія Петровича эти мысли, лицо его тотчасъ же приметъ выраженіе грустное, горестное, обиженное.

Онъ многозначительно и горько вздыхаетъ, укоризненно покачиваетъ головой, а иногда какъ будто появится въ его глазахъ влага... Боленъ вѣдь онъ, боленъ, куда жъ онъ годится!..

Варвара Антоновна, которой хорошо извѣстны значеніе и смыслъ и этого покачиванія головой, и этихъ вздоховъ, поспѣшно примется утѣшать мужа, доказывая ему, что онъ губитъ себя мрачными думами. Больнымъ людямъ работать нельзя! Даже и помышлять нельзя о работѣ.

Когда онъ вылѣчится, онъ будетъ работать, сколько захочетъ,—за троихъ. А теперь, если онъ вздумаетъ что-нибудь дѣлать, это обойдется слишкомъ дорого.

— Болитъ голова,—уныло говоритъ Чумаковъ.—Каска...

— Ну, вотъ видишь!.. Вотъ и довелъ себя, вотъ и довелъ... Что ты только съ собой дѣлаешь!..

Ходили къ доктору, или приглашали врача къ себѣ.

Описаніе болѣзни, того, что онъ чувствуетъ, дѣлалось не столько самимъ больнымъ, сколько Варварой Антоновной. И описывала она все такъ живо, такъ прочувствованно и ярко, что можно было думать: не Василій Петровичъ, а именно она испытываетъ и непонятную тоску, и на головѣ давленіе отъ «каски», и непобѣдимую вялость и апатію...

Докторовъ перепробовали много, цѣлый рядъ. И въ концѣ концовъ остановились на Нечаевѣ и Кнорре,—на тѣхъ, которые были построже, которые на здоровье Василья Петровича смотрѣли помрачнѣе... Субботинъ же, заявившій, что лѣченія, собственно, никакого не надо, а надо Василію Петровичу перестать думать о болѣзни и поскорѣе заняться какимъ-нибудь дѣломъ,—Субботинъ былъ Чумаковыми объявленъ коноваломъ, невѣждой и бездушнымъ пьяницей. Ему бы тюремнымъ врачемъ быть, или даже не врачемъ, а просто смотрителемъ арестантскихъ ротъ!

О Кнорре, прописавшемъ ванны, отдыхъ на дачѣ, вегетаріанскій столъ, два сорта пилюль, кефиръ и спеціальный родъ гимнастики, и велѣвшемъ, кромѣ того, за болѣзнью слѣдить внимательно и показываться врачу хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ, они говорили, что это серьезный, тонкій и вдумчивый врачъ, человѣкъ съ сердцемъ и очень добросовѣстный.

XVI.

— Мужа изводитъ безсонница,—жаловалась Варвара Антоновна.—Раньше часу онъ не заснетъ.

При этомъ она совсѣмъ забывала, что ежедневно, послѣ обѣда, очень аккуратно, безъ пропусковъ и исключеній, Василій Петровичъ закрываетъ ставни, двери, раздѣвается какъ на ночь, до бѣлья, и укрывшись съ головой, спитъ часа два, два съ половиной...

Кнорре съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотритъ на Варвару Антоновну поверхъ очковъ, смотритъ съ выраженіемъ, которое означаетъ: «ну, разумѣется, милая моя, я отлично знаю и самъ, ничего неожиданнаго ты мнѣ тутъ не сообщила...»

Кнорре, огромнаго роста, плотный, лысый, желтый нѣмецъ, съ огромнымъ брюхомъ, съ огромными щеками. Щеки, чисто

выбритыя, свѣшиваются на глянцовитый отложной воротникъ, а подбородокъ заросъ широкой, густой, мѣднаго цвѣта, бородой.

— А ложится больной въ постель своевременно?—спрашиваетъ Кнорре.

— Да. Ложится онъ послѣ десяти. Но все мечется и никакъ не заснетъ.

— Не заснетъ?

— Не заснетъ... Рѣдко когда заснетъ раньше часа.

— Да, да... Нехорошо... Нехорошо...

Уколами булавки въ руку Кнорре начинаетъ изслѣдовать чувствительность кожи паціента. Василій Петровичъ имѣетъ въ эти моменты видъ самый несчастный. «Вотъ уже до чего дошло!..» Варвара Антоновна тревожно и торопливо переводитъ глаза съ мужа на доктора, съ доктора на мужа... Она волнуется, пугается, дышитъ учащенно, пытается что-то говорить, рвется что-то объяснять,—и все разспрашиваетъ, все разспрашиваетъ... «Боже мой, а что же все это означаетъ?.. Что еще эти уколы теперь покажутъ...»

— Да, да... Немножко есть, немножко есть,— выпячивая подъ желтыми усами губы, говоритъ Кнорре.—Есть, есть...

Лицо его многозначительно-серьезно, огромныя подушкообразныя щеки сильнѣе напираютъ на глянцовитый воротникъ и расплющиваются, голосъ становится необъятно-басистымъ...

— Что «есть»?..

Сердце у Варвары Антоновны замретъ и остановится.

— Что «есть»?.. Что?..

Въ рукахъ у нея жилетка и манишка раздѣвшагося для изслѣдованіи Василія Петровича. Въ тяжкомъ волненіи она эти вещи мнетъ и стискиваетъ. Глазами она такъ и ѣстъ Кнорре... Она часто вздыхаетъ короткими, подавленными, на стонъ похожими вздохами... Она не знаетъ, что же собственно у мужа «есть»?.. И она не знаетъ, что лучше: когда больные сильно вздрагиваютъ отъ укола, или когда остаются къ уколу равнодушными? Можетъ быть, лучше притупленная чувствительность? А, можетъ быть, притупленная—это несчастье, а хорошо имѣть чувствительность обостренную. Чего пожелать?..

Поколовъ, сколько нужно, руку, и услыхавъ, какъ, отдергивая ее, вскрикиваетъ Василій Петровичъ «ай-ай», Кнорре вкладываетъ больному въ ротъ ложечку и начинаетъ тыкать ею въ небо и щекотать глотку... Опять-таки—проба чувствительности...

Отъ толчковъ ложечки Василій Петровичъ поперхнулся,

захлебнулся, раскашлялся... Онъ давится, икаетъ, харкаетъ, извергаетъ ложечку вонъ... По губамъ и подбородку потекла обильная слюна, а глаза залились слезами...

— Ахъ, ахъ, охъ!..—въ ужасѣ подскакиваетъ Варвара Антоновна.

Она такъ взволнована, такъ испугана и потрясена, какъ если бы мужу дѣлали очень серьезную операцію,—разрѣзали бы глотку, что-ли... Жилетка и манишка выпали изъ ея рукъ, лицо почернѣло, губы судорожно подергиваются...

А Василій Петровичъ уронилъ на грудь голову, дышетъ тяжело, захлебываясь, онъ отрывисто стонетъ,—и слезъ и слюны на лицѣ не вытираетъ... Ну что ужъ тамъ, если и слезы, и слюна,—до нихъ ли теперь...

Женѣ онъ, однако, подаетъ рукой знакъ, «ничего, успокойся, страшнаго нѣтъ, и я еще живу»...

XVII.

— У-гмъ!—мычитъ Кнорре.—У-гмъ!..

Онъ многозначительно хмурится, думаетъ и толстыми пальцами, не спѣша, перебираетъ пряди своей мѣдной бороды.

— У-гмъ... Есть, есть... у-гмъ... Ну, а скажите, будьте добры: испытываете вы по утрамъ боли въ спинѣ?

Захваченный врасплохъ, Василій Петровичъ теряется и не знаетъ, что отвѣтить. Къ вопросу этому онъ совсѣмъ не готовился. И что же, въ самомъ дѣлѣ; испытываетъ онъ по утрамъ боль, или не испытываетъ?..

Василій Петровичъ молчитъ. Но Варвара Антоновна выступаетъ впередъ и съ горячностью говоритъ:

— Да, да, онъ жаловался... Тянетъ такъ, ломитъ...

— Въ спинѣ ломитъ?

— Въ спинѣ или, вѣрнѣе, въ боку... Вотъ въ этомъ мѣстѣ...

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ?—обрадовавшись, подхватываетъ Кнорре.—Вотъ въ этомъ и немножечко пониже?

— Чуть-чуть пониже...

— Ага, вотъ видите!.. Конечно, конечно... А, скажите: боль ноющая? тупая?

Лицо Василія Петровича дѣлается грустнымъ и недовольнымъ: когда жъ не понимаютъ его!.. И онъ не можетъ точно объяснить...

Либо онъ не можетъ найти соотвѣтствующія слова, чтобы

объяснить, либо толстый Кнорре не чутокъ и не въ состояніи понять больного...

Василій Петровичъ скорбно смотритъ въ сторону, на большой портретъ Гумбольдта въ золотой рамѣ, на машину для электризаціи...

— Видите ли, это и не совсѣмъ боль, — разочарованно, какъ бы нехотя и черезъ силу, и такъ только, чтобы сдѣлать пріятное Кнорре и отъ Кнорре отвязаться, говоритъ онъ, пока Варвара Антоновна съ тревогой и нетерпѣніемъ смотритъ ему въ глаза.—Боль?.. Нельзя назвать это болью... Не болитъ, если хотите, а... а... такъ... тянетъ какъ-то...

— Вотъ тянетъ его,—съ живостью подхватываетъ Варвара Антоновна.—Тянетъ... Онъ много разъ говорилъ мнѣ, что ужасно тянетъ, сосетъ...

— Сосетъ? -

— Сосетъ... Сосетъ и какъ будто выматываетъ что то...

— Видите-ли,—со страдальческой миной поясняетъ Чумаковъ:—трудно объяснить... Но дѣйствительно, точно мотаетъ, точно выматываетъ что то...

— Понимаю, понимаю... Это собственно не боль,—поднимаетъ кверху толстый палецъ Кнорре.—Не боль въ настоящемъ смыслѣ слова?.. Я очень просилъ бы васъ прислушаться къ этимъ ощущеніямъ и объяснить мнѣ точно... Это очень важно...

Василій Петровичъ смущенъ. Онъ не знаетъ, что же собственно надо сказать? И что именно должно быть у истиннаго, очень разстроеннаго неврастеника: боль въ настоящемъ смыслѣ слова, или боль какая-нибудь иная... И ему трудно вспомнить и опредѣлить, какую именно боль испытываетъ онъ: настоящую, или не вполнѣ настоящую... Да и что такое, собственно, боль настоящая, и что такое боль не настоящая? Чѣмъ одна отличается отъ другой, и чѣмъ одна на другую похожа?

Онъ сбитъ съ толку, озадаченъ, спутанъ. Онъ опять внимательно смотритъ на Гумбольдта, — какъ будто проситъ у него совѣта и поддержки... Потомъ на лицѣ его появляется гримаса нетерпѣнія и досады.

— Видите-ли,—говоритъ онъ, спотыкаясь и ища слова:—иногда у меня бываетъ... Бываетъ, что этакъ... сдѣлается... этакое томленіе, что ли...

Онъ подноситъ растопыренную пятерню къ лѣвому боку, къ тому мѣсту, гдѣ сердце. Не касаясь пятерней бока, медленно

вращаетъ его на разстояніи двухъ-трехъ вершковъ отъ него,—какъ если бы бокъ былъ сильно накаленной печью, къ которой нельзя притронуться, а пятерня озябла, и онъ ее отогрѣвалъ.

— Начинается вотъ въ этомъ мѣстѣ томленіе... сосетъ какъ то...

— Сосетъ?

— Сосетъ, тянетъ... Нн-н-непріятно такъ... Не знаю, какъ это объяснить...

— Сосетъ, ноетъ,—подхватываетъ Варвара Антоновна.—Ноющая такая боль, тупая.

— У-гмъ, конечно, конечно,—говоритъ Кнорре.

Говоритъ съ такимъ выраженіемъ, что вотъ именно этого онъ и ожидалъ, чтобы сосало и ныло. Другой врачъ, менѣе опытный и знающій, конечно не понялъ бы и не предсказалъ бы, что должно ныть и сосать. А онъ вотъ и понялъ и предсказалъ. Онъ сразу увидѣлъ, что въ такой стаціи болѣзни должно ныть и сосать. Но если ноетъ и сосетъ, то это очень хорошо. Теперь все ясно и понятно. Все въ исправности и обстоитъ именно такъ, какъ и должно обстоять въ данной стадіи болѣзни.

— Непріятно такъ,—продолжаетъ Василій Петровичъ.

Онъ сразу сообразилъ теперь, въ какомъ духѣ надо отвѣчать доктору и какъ слѣдуетъ теперь описывать свои ощущенія. И оттого, что онъ все это сообразилъ, ему стало легче, веселѣе, онъ сдѣлался словоохотливѣе... Онъ все отогрѣвалъ свою озябшую пятерню надъ раскаленнымъ бокомъ, вращалъ ее то въ одномъ направленіи, то въ другомъ, и о боли говорилъ уже очень опредѣленно.

На Варвару Антоновну онъ время отъ времени бросалъ взгляды то глубоко печальные, жалобные,—такіе, которые означаютъ: «смотри, Варя, какъ мнѣ плохо»,—то болѣе спокойные и бодрые, — и ужъ эти должны были объяснить, что хоть и тяжко ему, очень тяжко, но по настоящему страшнаго все таки пока еще нѣтъ, еще можно поправиться, и можно жить...

— Кнорре врачъ все таки очень тонкій, — говоритъ онъ женѣ, когда они возвращаются домой; — онъ прекрасно понимаетъ мою болѣзнь.

— Это прямо счастье, что мы обратились къ нему!—подхватываетъ Варвара Антоновна.

— Безъ него плохо бы мнѣ было... Не дай Богъ, если онъ заболѣетъ, или что...

— Ну, зачѣмъ говорить такія вещи!

И на лицѣ Варвары Антоновны появляется испугъ.

XVIII.

Лѣченіе Василія Петровича поглощало много денегъ.

Варвара Антоновна обратилась за подержкой къ родителямъ.

Кое-какія сбереженія у деревенскаго попика нашлись, и онъ сталъ дочери помогать. Но у старика была большая семья, и когда сбереженія начали подходить къ концу, онъ деликатно намекнулъ дочери, что скоро помощь его должна будетъ прекратиться... Присылы отцовскіе тѣмъ не менѣе приходили еще долго послѣ этого,—какъ то умудрялся изворачиваться бѣдный старикъ, какія то крохи все таки добывалъ... Но даже и съ этой поддержкой Чумаковымъ приходилось трудно. И какъ ни билась Варвара Антоновна, а когда пришлось, по окончаніи дачнаго сезона, переѣзжать съ дачи въ городъ, переѣхать было не на что...

Варварѣ Антоновнѣ пришло тогда въ голову, что надо имъ на зиму остаться на дачѣ. Зимой въ пустѣвшей Бѣлой Пустоши квартиры сдавались почти даромъ. А переѣздъ по желѣзной дорогѣ въ городъ на службу Варвара Антоновна, въ качествѣ служащей въ желѣзнодорожномъ управленіи, имѣла безплатный. Василію Петровичу очень полезно будетъ провести и зиму въ тихомъ уголкѣ, въ здоровой, лѣсистой мѣстности. Ничего лучше для неврастениковъ и не придумать!

— Конечно, мнѣ бы это было бы полезно,—задумчиво согласился Чумаковъ.—И Кнорре одобряетъ... Но, вотъ, ты: каждый день въ городъ ѣздить?..

— Что же такое?

— Сложно это, и страшно утомительно.

— Пустяки, пустяки.

— Во всякую погоду, въ осеннюю слякоть, въ морозъ— тащись!

— Скажите, какіе ужасы...

— Зимой тутъ снѣгу навалитъ, сугробы, ледъ, — плетись на станцію.

— Далеко ли тутъ...

— Все же, съ полъ-версты... А на вокзалахъ сквозитъ, въ вагонахъ дуетъ. Пятьдесятъ минутъ ѣзды... Въ городъ пріѣдешь— мчись, какъ угорѣлый, къ трамваю, захватывай мѣсто...

— Все это не такъ страшно, какъ ты расписываешь.

— Пока доберешься до Управленія—часа полтора... А вечеромъ—назадъ.

— Ничего, ничего... Воздухомъ надышусь. За то мы здѣсь за великолѣпную квартиру заплатимъ сорокъ рублей за восемь мѣсяцевъ...

Чумаковъ вздохнулъ. Синіе глаза задумчиво смотрѣли въ окно... Все за окномъ носитъ печать той печальной заброшенности и за сердце хватающаго унынія, какія всегда ложатся глубокой осенью на оставленныя людьми дачныя мѣста... Пустыя веранды, заколоченныя ставни, мертвые, беззвучные дворы... Черные стволы дубовъ отчетливо выступаютъ изъ мглы и глухо говорятъ о похоронномъ. Сосны стоятъ темно нахмурившись, и также хмуро и недружелюбно сѣрѣетъ надъ ними холодное небо,— какая угрюмая и недобрая идетъ пора!..

По намокшему песку медленно тащится подвода съ дряннымъ, грошовымъ скарбомъ,—стульями, кроватями, корытомъ, табуретками, позади подводы, хромая, шагаетъ согбенный, огненно-рыжій человѣкъ, и въ рукахъ у него восковая женская голова съ обнаженными розовыми плечами и пышной золотистой прической. Это дачный парикмахеръ, чахоточный Хаимъ Сюрпризъ, запоздалый, послѣдній житель, перевозящій въ городъ свою парикмахерскую... Отъ колесъ подводы разлетаются по сторонамъ брызги намокшаго, потемнѣвшаго песку. Маленькими кружками, похожими на шляпки гвоздей, брызги садятся на обглоданное болѣзнью лицо Сюрприза и на розовыя щеки восковой дамы... Чтобы защитить дорогую даму отъ порчи, Сюрпризъ старается на ходу покрыть восковую физіономію большимъ носовымъ платкомъ, который вытащилъ изъ задняго кармана... А вѣтеръ усердно сдираетъ платокъ и треплетъ его, какъ флагъ на мачтѣ... Сюрпризъ прижимаетъ розовое лицо дамы къ своей груди и обвиваетъ руками ея шею и голыя плечи... Ему трудно, тяжело. Онъ кашляетъ, харкаетъ, кряхтитъ... Минутку онъ передохнулъ, и снова зашагалъ, догоняя медленно уползающій скарбъ...

На станціи шипитъ и волнуется, собираясь въ дорогу, паровозъ. Противна и ему эта погода, это небо, насыщенное мракомъ и влажной сажей. Дождя еще нѣтъ. Но чувствуется, что вотъ вотъ онъ пойдетъ. А когда ужъ пойдетъ, то итти будетъ до

ночи, и всю ночь, и должно быть весь слѣдующій день... Какая непроходимая сдѣлается тогда топь, и какое мертвое воцарится во всѣхъ углахъ уныніе!.. Да ужъ и сейчасъ хорошо; не кладбище, не склепъ, а тоски и жути, сиротливаго одиночества, горькой и темной скорби столько, что сжимается и плачетъ сердце...

Да, жить здѣсь зимой—большая жертва, но что же дѣлать? Если бы Василій Петровичъ былъ здоровъ, онъ зарабатывалъ бы столько, что жить можно было бы и въ Петербургѣ. Теперь же онъ ничѣмъ не можетъ помочь. Женскій трудъ въ Россіи оцѣнивается низко. Нелѣпо и несправедливо требовать, чтобы Варвара Антоновна добывала больше средствъ. Она, бѣдная, и такъ выбивается изъ силъ, и на нее прямо жалко смотрѣть. Но что же дѣлать? Придется зимовать здѣсь. Придется.

Здѣсь и зазимовали.

XIX.

Чтобы во время поспѣвать на службу, Варвара Антоновна должна была вставать въ шесть часовъ.

Она наскоро умывалась, одѣвалась, приготовляла все нужное для завтрака Василію Петровичу, торопливо выпивала чашку кофе и отправлялась на поѣздъ.

Молоко по утрамъ приносила по прежнему Горбатюкова жена, Катерина. Теперь у Катерины лицо было такое изсохшее и желтое, а животъ, даже для беременной, такой огромный, что жутко было смотрѣть. Родить она, по ея расчетамъ, должна была скоро послѣ Покрова. Принося молоко, она торопилась, — неменьше чѣмъ и Варвара Антоновна. У нея было множество дѣлъ, спѣшной и срочной работы. И въ полѣ, и на огородѣ, и со скотомъ, и съ дѣтьми столько хлопотъ, тяжелыхъ, изнуряющихъ, раздражающихъ, что хватило бы на пять человѣкъ. Никита пьянствовалъ, горланилъ, скандалилъ, билъ жену, пропадалъ цѣлыми днями; и не зная, что съ нимъ и гдѣ онъ, встревоженная, изнемогающая, Катерина бросала работу и уходила искать мужа къ его пріятелямъ, или на базаръ къ старой Кузнечихѣ, квартира которой замѣняла мужикамъ кабакъ...

Встрѣчаясь рано утромъ въ кухнѣ или въ сѣняхъ, обѣ женщины, Катерина и Варвара Антоновна, говорили сдавленнымъ шопотомъ и знаками,—чтобы не разбудить спавшаго въ третьей

комнатѣ Василія Петровича... Обѣ говорили торопясь и, торопясь, принимала Варвара Антоновна отъ торопившейся Катерины яйца, масло, ряженку...

Иногда обѣ выходили изъ дому вмѣстѣ. Варвара Антоновна спѣшила къ поѣзду, Катерина—къ покупателямъ. И хоть не слушались находившуюся «на сносяхъ» женщину ноги, и хоть давилъ ее и тянулъ къ землѣ огромный животъ, Катерина, съ большой кошелкой въ одной рукѣ, съ тяжелымъ мѣшкомъ въ другой, шла торопливо, временами покряхтывая и вздыхая...

Странная и неожиданная симпатія установилась и все больше укрѣплялась между этими двумя женщинами. Безъ словъ, безъ объясненій, онѣ понимали другъ друга. Никогда ни малѣйшей жалобы не срывалось съ ихъ устъ,—да, пожалуй, и не приходило имъ въ голову, что жаловаться есть на что. Каждая несла свой крестъ, какъ если бы не крестъ это былъ, а радость. Но про другую каждая изъ нихъ думала, что жизнь ея тяжела и несчастна,—и теплое, сестринское чувство глубокаго состраданія мягко волновало ихъ сердца, когда онѣ встрѣчались, или когда другъ о другѣ думали...

— Поможи їй Боже!—широко крестясь и вздыхая, говорила Катерина, когда Варвара Антоновна скрывалась въ темныхъ дверяхъ вокзальчика... А Варвара Антоновна думала, что слѣдовало бы какъ нибудь, хоть черезъ священника или черезъ стариковъ что-ли, воздѣйствовать на Никиту и убѣдить его поменьше пить...

Кнорре сказалъ, что на Василія Петровича хорошее дѣйствіе могъ бы оказать массажъ. Пригласили массажистку. Но Варвара Антоновна рѣшила сама научиться массажу. Она стала посѣщать Маріинскую больницу, слушала тамъ лекціи и домой принесла подробный учебникъ анатоміи, который штудировала съ большимъ усердіемъ... Черезъ мѣсяцъ она уже массировала сама.

Массировать Василія Петровича надо было по утрамъ. Массажъ приносилъ несомнѣнную пользу: послѣ него Василій Петровичъ засыпалъ особенно благодатнымъ, пріятнымъ сномъ. Втеченіе всего дня затѣмъ настроеніе у него оставалось особенно ровнымъ и спокойнымъ. Только къ самымъ сумеркамъ иной разъ оно портилось, становилось подавленнымъ, и являлась раздражительность.

— Пусть не хлопаютъ дверьми!

А никто не хлопаетъ, никого въ домѣ, кромѣ тихонько

сидящей за работой Варвары Антоновны, нѣтъ... Можетъ быть только во дворѣ упало что то и стукнуло...

— Какъ то у меня въ глазахъ... будто колеса вертятся... Ты не видишь колесъ, Варя?

— Какія колеса?.. Что съ тобой, Вася?

Лицо Василія Петровича выражаетъ безпокойство и подавленность. Слезливымъ, и въ тоже время какимъ то сердито-придирчивымъ тономъ онъ говоритъ:

— Такъ непріятно все... Кружится голова... Въ глазахъ точно колеса...

Нахмурившись, онъ смотритъ въ окно. Пустой дворъ, усѣянный опавшими и уже гніющими листьями; пустыя веранды, на которыхъ лѣтомъ было такъ много суеты, голосовъ, самоварнаго дыма, звяканіе посуды... Все нѣмо, все печально... Сѣетъ дождь. Сквозь рѣшетчатыя ворота съ проломанной рѣшеткой,—проломать позаботились мѣстные парни,—видна желтая стѣна дома на другой сторонѣ улицы и на стѣнѣ черная надпись: «русская мясная, и также сыръ, масло, сметана». Чей то бодрый духъ рѣшилъ, видимо, надпись усовершенствовать и въ каждомъ с старательно соединилъ чернымъ же головку буквы съ низомъ ея, такъ что вмѣсто с вышло о, и надпись получается такая

РУООКАЯ МЯОНАЯ

а также

ОЫРЪ, МАОЛО И ОМЕТАНА

— Какое идіотство!—раздраженно думаетъ Василій Петровичъ и отворачивается отъ окна. —«Оыръ... мяоная...» Хулиганы проклятые. И рѣшетку въ воротахъ сломали... Живи вотъ тутъ съ ними!..

...— Я думаю, что большая часть моихъ недомоганій происходитъ отъ этого нелѣпаго образа жизни,—сумрачно заявляетъ онъ вдругъ женѣ.—Что жъ это за существованіе въ самомъ дѣлѣ!.. Вѣдь я не мужикъ, не чернорабочій, не Никита Горбатюкъ, чтобы такъ прозябать...

— Ну вотъ!..

— У меня интересы широкіе, я гражданинъ, меня занимаетъ политика, наука, общественная жизнь...

— Боже мой, но вѣдь тебѣ нельзя, Вася!— испуганно восклицаетъ Варвара Антоновна.

— «Нельзя, нельзя...». Много ты понимаешь!..

И на жену Василій Петровичъ бросаетъ негодующіе взгляды, точно это именно она виновата въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ.

— «Нельзя...» Какъ никакъ, Россія обновляется теперь, въ ней совершается огромное броженіе, происходятъ событія колоссальнаго историческаго значенія, — и черезъ сто лѣтъ будутъ сказываться результаты того, что дѣлаютъ люди теперь! А я вотъ сижу тутъ, въ сторонѣ отъ всего, въ этой дырѣ, въ этой идіотской Пустоши, — будь она проклята! — и ничего, никакого отношенія къ жизни не имѣю...

— Но если тебѣ невозможно, если ты боленъ...

— А ты — здорова? — вскрикиваетъ Чумаковъ. — Скажите, пожалуйста, «боленъ»... Всѣ больны, — и однако отъ жизни не уходятъ!.. Боленъ, такъ издыхай. А не издыхаешь, — дѣлай что нибудь, работай! не кисни!.. Нѣтъ, знаешь, больше я не могу! Больше не желаю... Надо, чтобы все измѣнилось... Мнѣ необходима встряска, здоровая этакая, основательная встряска. И я устрою ее! Я переломаю себя!.. Я съ завтрашняго же дня все перестрою...

Такія мысли и такія слова приходятъ къ Чумакову отчасти потому, что ему, дѣйствительно, тошно и скучно дѣлается минутами въ омертвѣлой Бѣлой Пустоши. И какъ то стыдно и неловко ему за свою праздность. Отчасти же закипаетъ онъ оттого, что является у него вдругъ опасеніе: а не потеряетъ ли къ нему уваженія жена? Не надоѣстъ ли ей возня съ празднымъ и капризнымъ мужемъ, не утомитъ ли ее въ концѣ концовъ эта тяжелая жизнь, и не найдетъ ли она, что Василій Петровичъ — скучный эгоистъ, не стоющій ея заботъ и волненій?..

— Нѣтъ, надо что нибудь сдѣлать, — широко размахиваетъ онъ руками. — Надо перемѣнить все, все!..

Полный рѣшимости, онъ встаетъ, надѣваетъ пальто и уходитъ на базаръ.

XX.

Базаръ въ Бѣлой Пустоши лѣтомъ очень интересенъ, шуменъ, оживленъ и живописенъ. Василію Петровичу не разъ случалось проходить по базару, и почти всегда испытывалъ онъ здѣсь особенное настроеніе, бодрое, веселое. Поднимала его и

расшевеливала сутолока, общая оживленность и трепетаніе... Теперь, почувствовавъ надобность оживить себя, онъ, «для начала», отправился на базаръ... Но стояла осень, глубокая и мрачная, не было дачниковъ, не было на базарѣ покупателей,— и почти не было продавцовъ... Лавочки смотрѣли хмуро, какъ вдовы; лари стояли пустыми, шелъ какой то вялый, нудный дождь, а площадь была затоплена двумя огромными, какъ пруды, черными лужами...

Собственно была бы одна лужа, обширная, какъ поле. Но чтобы можно было переходить отъ одного ряда лавочекъ къ другому, положены были поперекъ площади толстые столбы, а поверхъ столбовъ насыпали земли и навозу. Образовалось что то вродѣ плотины, а лужа оказалась разорванной на двѣ части... Когда по бревнамъ ходили, бревна качались подъ ногами, какъ живыя. Мокрыя и скользкія, они все норовили сбросить пѣшехода въ лужу. А когда черезъ бревна доводилось перебираться подводѣ, то это было мученіемъ для лошадей и для погонщиковъ... Вотъ какъ разъ плетется со своей пѣгой Старостихой Никита Горбатюкъ,—для новой дачи везетъ тесъ. Всего то нѣсколько досокъ, а лошадкѣ не въ мочь. Сдѣлаетъ Старостиха по клейкой черной топи нѣсколько шаговъ, потомъ остановится,— итти нѣтъ возможности!

Скотина дышетъ тяжело, изъ ноздрей и отъ мокраго, напряженнаго, въ дугу изогнувшагося хребта идетъ паръ. Никита хлещетъ Старостиху возжами, кнутомъ. Тычетъ ее въ брюхо чоботами, неистово оретъ, ругается... Бѣдная скотина рвется впередъ, отчаянно налегая плечами на хомутъ... Въ глазахъ у нея ужасъ и страданіе... Сорвется она съ мѣста, шага три-четыре сдѣлаетъ,—и снова стой!.. Въ глубокой, черной грязи видно скрытъ кто то, злой и ехидный—онъ охватываетъ сильной пятерней колеса, тащитъ ихъ внизъ и не даетъ имъ катиться впередъ...

Лошадь стоитъ, отдыхаетъ.

И Никита тоже стоитъ около нея, тоже отдыхаетъ...

Пока довезетъ онъ тесъ до своей дачи, времени уйдетъ столько, что будь тутъ хоть какая-нибудь мостовая, можно было бы съѣздить туда и обратно разъ пятнадцать.

— «Зложились би й зробили», — вспомнились Василію Петровичу слова Никиты.

Пришелъ бы кто-нибудь и вымостилъ базаръ, — ничего, были бы довольны. Сами же ничего не сдѣлаютъ... Если только существовала Бѣлая Пустошь триста лѣтъ тому назадъ, то и

триста лѣтъ назадъ базаръ былъ въ такомъ же состояніи, что и теперь. Развѣ только поновѣе были будки и лавки...

Десятки тысячъ человѣкъ пользуются базаромъ. Съѣзжаются на него крестьяне изъ дюжины деревень, и вотъ, однако, въ какомъ онъ видѣ: полусгнившія лавки стоятъ среди лужи и топи, какъ лодка посреди озера...

Дождь сѣетъ. Въ сыромъ воздухѣ носится остервенѣлая ругань, которою осыпаетъ Никита свою измученную кляченку... Василій Петровичъ стоитъ, размышляетъ. «Лѣтомъ, въ Духовъ День, Никита щеголялъ въ бараньемъ кожухѣ. Теперь же, въ концѣ ноября, въ этакую холодную слякоть, на немъ одна рубаха... Какая во всемъ безтолочь,—и въ крупномъ, и въ пустякахъ»...

— А бодай ти-б здохла!—выбившись изъ силъ, кричитъ Никита.

Онъ бросаетъ возжи на телѣгу и, колыхаясь въ лужѣ, какъ закупоренная бутылка по теченію рѣки, направляется къ винной лавкѣ.

— Готово, — думаетъ Василій Петровичъ. — Теперь онъ нажрется водки и ужъ раньше вечера тесу своего домой не привезетъ... И будетъ вечеромъ бить Катерину... Боже мой, сколько труда и силъ надо, чтобы хоть какъ-нибудь наладить и направить по разумному эту нелѣпую, несчастную, дикую жизнь!.. Какъ много работы у насъ на каждомъ шагу, на всѣхъ путяхъ, для всякаго, кто хоть сколько-нибудь чувствуетъ свою связь съ родиной и кто хочетъ послужить ей!..

XXI.

Онъ поворачивается и черезъ бревна, покрытыя скользкимъ слоемъ бурой грязи, балансируя, перебирается на другую сторону болота.

Навстрѣчу идетъ баба. Носъ и верхняя губа разъѣдены луэсомъ,—такъ глубоко, что ротъ все время остается раскрытымъ и видно, что въ немъ нѣтъ зубовъ... Баба останавливается, протягиваетъ руку и проситъ. Словъ не разобрать. Противно шлепаютъ обезображенные остатки рта...

— Да, есть надъ чѣмъ поработать, есть,—хмурясь, думаетъ Василій Петровичъ.—И я буду работать, буду, буду...

Онъ идетъ дальше, по полотну желѣзной дороги. У самой станціи, подлѣ квартиры Цвѣтаевыхъ, на двухъ кривыхъ стол-

бахъ, вывѣска. На вывѣскѣ не очень крупными, косыми буквами, длинная, строкъ въ двадцать, рацея, подписанная: «бывшій ассистентъ хирургич. клиники Д. Ковалевъ». На вывѣскѣ приводится письмо, полученное правленіемъ находящагося въ Бѣлой Пустоши Лоріоновскаго источника... Расчитано, повидимому, что читать будутъ проѣзжающіе въ поѣздахъ пассажиры. Въ письмѣ, довольно малограмотномъ,—хоть оно и подписано «ассистентомъ»,—говорится, что Лоріоновскій источникъ—великолѣпенъ по своимъ цѣлебнымъ свойствамъ и отнюдь не уступаетъ Карлсбаду...

Если пройти на станцію, тщательно и терпѣливо поискать и поразспросить, то можно будетъ иной разъ найти соннаго парня, который за 25 копѣекъ вручитъ бутылку съ Ларіоновской водой.

— Можетъ быть, у васъ есть наставленіе, какъ употреблять эту воду?

— Есть.

Съ угрюмымъ видомъ парень пошаритъ въ ящикѣ и со дна его, изъ соломы и стружекъ, достанетъ нѣсколько «наставленій», грязныхъ, мятыхъ...

— Извольте.

И выраженіе у него такое, что надо дать на чай...

Василій Петровичъ взялъ у парня наставленіе и сталъ читать. И здѣсь было приведено не совсѣмъ грамотное письмо «бывшаго ассистента хирургической клиники Д. Ковалева». «Лоріоновская вода мнѣ очень нравится. Пріятныя вкусъ даетъ право быть великолѣпнымъ, полезнымъ столовымъ напиткомъ»...

— Болванъ! — съ сердцемъ проворчалъ Василій Петровичъ:—почему же пріятный вкусъ «даетъ право»... Даетъ право быть «полезнымъ напиткомъ»... И водка имѣетъ пріятный вкусъ, господинъ бывшій ассистентъ, а она по вашему какъ, тоже очень полезный напитокъ?

«Я думаю, что Лоріоновскую воду можно будетъ принимать съ громадной пользой у больныхъ съ артеріосклерозомъ, у людей, страдающихъ запорами и геморроемъ, а также катаррахъ дыхательныхъ путей»...

— «Я думаю»... Да развѣ здѣсь надо «думать»? Развѣ это убѣдительно, что какой то тамъ бывшій ассистентъ «думаетъ»... Тутъ надо установить, прочно и незыблемо, что вода эта полезна, нужно, чтобы первые ученые авторитеты подтвердили это, и затѣмъ нужно широчайшимъ образомъ оповѣщать публику... А они, вотъ, прибили вывѣску у станціи и успокоились... Молъ, проѣдетъ пассажиръ и прочтетъ. Даже въ спеціальныхъ медицинскихъ газе-

тахъ нѣтъ объявленій объ источникѣ, а ужъ въ общей прессѣ...

Василію Петровичу вспомнилось, что когда онъ гостилъ въ небольшой французской деревушкѣ у своего шурина врача, тотъ получалъ безплатно ящики воды Contrexeville. Врачу посылала воду администрація источника, для того, чтобы онъ самъ ее испытывалъ и рекомендовалъ больнымъ. А вѣдь ужъ на что испытанная и прославленная эта вода,—Contrexeville!

— А у насъ «врачамъ уступка 15%»... Почему только 15? И почему здѣсь же на мѣстѣ за бутылку Лоріоновской воды, которая, собственно, ничего не стоитъ, берутъ цѣлыхъ 25 копѣекъ?.. И почему не примутъ мѣръ самаго широкаго оповѣщенія публики о свойствахъ Лоріоновской воды, дѣйствительно вѣдь необычайныхъ?.. Вѣдь вотъ, даже знаменитые профессора,—лейбъ-медики, входятъ въ число пайщиковъ, владѣющихъ Лоріоновскимъ источникомъ, а они ни черта не дѣлаютъ для развитія этого чудотворнаго источника, этого Божьяго подарка людямъ...

Василій Петровичъ держалъ озябшими руками листъ съ «наставленіемъ», водилъ по немъ сумрачными, недружелюбными глазами и къ каждой фамиліи знаменитаго профессора, которую тамъ встрѣчалъ, добавлялъ ругательное слово — тюлень... розява... болванье...

«Министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно постановленію медицинскаго совѣта, разрѣшило продажу воды Лоріоновскаго минеральнаго источника»,—прочелъ онъ дальше въ «наставленіи»... И тутъ имъ овладѣла такая тоска и злость, что онъ отшвырнулъ отъ себя прочь намокшій подъ дождемъ бѣлый листъ... Бумага, подхваченная вѣтромъ, покружилась въ воздухѣ, потомъ распласталась на рельсахъ.

Скажите,какъ это убѣдительно!.. «Разрѣшили продажу воды»... А изъ Днѣпра продажа воды не разрѣшена? Воспрещена? Ослы, тупицы, чертовы дубины...

XXII.

... — Ни въ одной, я думаю, странѣ нѣтъ такой необходимости въ работникахъ, какъ у насъ!—говорилъ Чумаковъ вечеромъ Варварѣ Антоновнѣ.—Все у насъ не устроено, все запущено, все идетъ вкривь и вкось, безъ толку и безъ ладу. Куда ни ступи — работы пропасть. Нужда въ людяхъ огромнѣйшая! Медикъ ли, инженеръ ли, политическій ли дѣятель, писатель, аги-

таторъ, купецъ, — для всѣхъ работы по горло! Необходимо работать!

Онъ стоялъ посрединѣ большой пустоватой комнаты, и видъ у него былъ возбужденный, рѣшительный. Варвара Антоновна сидѣла на табуреткѣ и смотрѣла на него съ удивленіемъ. Лицо у нея усталое, худое... Одѣта она во все черное, и только безрукавка, «фигаро» на ней сѣренькое. Эту безрукавку она сама связала изъ гаруса. Теперь изъ такого же сѣраго гаруса она вяжетъ Василію Петровичу кашнэ.

— Въ сущности, что у меня за жизнь!—восклицаетъ Василій Петровичъ:—Сижу я тутъ, въ пустой и грязной квартирѣ, испытываю лишенія во всемъ, никого не вижу, ни съ кѣмъ не встрѣчаюсь, никакихъ удовольствій не знаю, ни книгъ, ни театра, ни концерта, ни разговора сколько нибудь интереснаго... Да развѣ это жизнь!

Онъ сталъ шагать по комнатѣ. Ступалъ рѣшительно и твердо. Шляпная коробка на шкафу вздрагивала. Въ ставни извнѣ толкался рѣзкій вѣтеръ, напоминая о широкихъ просторахъ, черезъ которые онъ пронесся, прежде чѣмъ долетѣть до Бѣлой Пустоши.

— Нѣтъ, знаешь, c'est fini! Будь что будетъ, Варя, а все это нужно измѣнить... Лучше мѣшки таскать, изнемогать, падать подъ работой,—все лучше, чѣмъ сидѣть вотъ здѣсь и бездѣльничать... Мнѣ необходимо чувствовать связь съ людьми, съ обществомъ, съ родиной, необходимо,—понимаешь!

— Я понимаю,—тихо говоритъ Варвара Антоновна.—Я, Вася, понимаю...

Она очень довольна этимъ возбужденнымъ видомъ Василія Петровича. Мужъ повеселѣлъ, оживился, и даже цвѣтъ его лица сдѣлался ярче, свѣжѣе... Если Василій Петровичъ думаетъ, что благодаря работѣ онъ окрѣпнетъ, будетъ доволенъ и радостенъ,— что-жъ, пусть онъ работаетъ, пусть берется за какое хочетъ дѣло...

— Да, у меня, видишь ли, появились теперь нѣкоторыя новыя мысли, — заявляетъ Чумаковъ.—У меня есть планъ... Завтра я поѣду въ городъ, и кое съ кѣмъ повидаюсь, похлопочу о мѣстѣ... Какъ ты думаешь, если бы попробовать устроиться въ газетѣ?

— Что жъ бы ты могъ тамъ дѣлать?

— Да ужъ нашлось бы что дѣлать... Вотъ для начала, писалъ бы, скажемъ, очерки о здѣшней жизни... Хотя бы, примѣрно, о Никитѣ Горбатюкѣ... Или о томъ, какъ ужасно распространяется здѣсь луэсъ, и что никто съ этимъ по настоящему не борется...

Подумать только, какъ нелѣпо и безпорядочно идетъ здѣсь жизнь, и какъ много можно бы и нужно бы работать съ этими великолѣпными, милыми, но такими дикими и безпомощными Горбатюками!.. Завтра же я поѣду въ городъ! Ѣду въ городъ!..

XXIII.

Въ городъ Василій Петровичъ не поѣхалъ.

Какъ это сразу, взять и поѣхать?.. И—кромѣ того, вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы «поѣхать». Дѣло въ томъ, чтобы хлопотать, искать... Кланяться надо...

Если бы знать навѣрное, что предложеніе будетъ принято, конечно, ничего не стоило бы съѣздить въ редакцію. Но вѣдь,— «вѣроятно и ты, Варя, слыхала?» — вѣдь генералы они тамъ всѣ въ редакціяхъ... Или генералами себя воображаютъ...

Придешь, станешь излагать свою идею, а они носъ задерутъ, Богъ его знаетъ, какъ отнесутся... «Намъ не нужно, намъ не интересно. У насъ уже было»... Фонъ-бароны паршивые. И все равно, окончится дѣло неудачей.

Всего больше Василій Петровичъ боялся неудачъ.

Не поѣхать въ редакцію—дѣла вѣдь навѣрное не будетъ. А поѣхать, можетъ быть, все-таки что-нибудь и наладилось бы. Хоть пять шансовъ на сто, что предложеніе можетъ понравиться, было вѣдь. Но вотъ: поѣхать, безпокоиться, волноваться, ждать рѣшенія, гадать: будетъ удача или не будетъ, согласятся они тамъ, или не согласятся,—все это непріятно, тревожно, даже унизительно... Лучше никакого успѣха не имѣть и за успѣхомъ не гоняться. По крайней мѣрѣ, нѣтъ отказовъ, нѣтъ неоправдавшихся надеждъ, и не будешь имѣть ни огорченій, ни обидныхъ разочарованій...

До такой степени боялся Василій Петровичъ неудачъ и разочарованій, что даже и попытки осуществить свой проектъ онъ не сдѣлалъ...

Къ тому же онъ какъ то и отвыкать сталъ отъ людей, отъ сношеній съ ними. Смотрѣлъ на всѣхъ съ безпокойствомъ, угрюмо, подозрѣвая; и думалъ почему то, что къ нему относятся недовѣрчиво, безъ должнаго уваженія, — а можетъ быть и враждебно...

Почему должны относиться къ нему враждебно, онъ объяснить не сумѣлъ бы. Но избѣгалъ людей, боялся, стѣснялся, и самъ смотрѣлъ на нихъ недружелюбно, съ тѣмъ фальшиво-

пренебрежительнымъ, порою дерзкимъ, дѣланно-вызывающимъ высокомѣріемъ, съ какимъ застѣнчивый, забитый, робкій и спутанный человѣкъ часто смотритъ на людей ясныхъ и простыхъ...

Въ городъ, въ редакцію онъ не поѣхалъ. Но съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ лѣчиться.

Лѣчился.

Это было старой, испытанной ширмочкой, за которой пряталъ онъ свою лѣнь, свою вялость и дряблость.

Кнорре назначилъ ему особое питаніе: режимъ строго вегетаріанскій черезъ каждые десять дней чередовался съ режимомъ, при которомъ разрѣшалось и мясо. Но мясо позволяли исключительно бѣлое: птицу, телятину. Рыба тоже разрѣшалась. Для борьбы съ апатіей и упадкомъ духа прописано было небольшое количество портвейну, или вина Сенъ-Рафаель. Вино Варвара Антоновна привозила изъ города, и оттуда же привозила она разные растительные консервы—горохъ, помидоры, артишоки, синіе кабачки.

Вегетаріанское меню очень бѣдно и неразнообразно,—особенно зимою, и Варварѣ Антоновнѣ тяжело было видѣть, что мужъ питается крупой да бобами.

— На что жъ это похоже, Варя!—сердясь протестовалъ Чумаковъ, когда жена ставила на столъ дорогіе, по рублю, по полтора рубля, жестянки съ консервами.—Это разореніе!

— Накакого разоренія нѣтъ. Не можешь же ты сидѣть на одной капустѣ!

— Оно, положимъ, если сказать по правдѣ, — капуста осточертѣла... И главное, Варенька, если ѣсть часто одни и тѣ же кушанья, то совсѣмъ теряешь аппетитъ.

— Конечно!

— То есть, я неправильно выражаюсь: аппетитъ, собственно, не теряешь, ѣсть хочешь, даже мучитъ голодъ, но все таки, если невкусно, или если надоѣли блюда, то ѣсть ихъ не станешь и уйдешь изъ за стола голоднымъ.

— Оттого я и покупаю консервы.

Чумаковъ съ нѣжностью, съ выраженіемъ благодарности, гладитъ плечо жены.

— Какъ ты добра ко мнѣ, Варя, какъ балуешь меня... Ей Богу, не стóю я этого.

Онъ обмакиваетъ хлѣбъ въ глянцевитый, пахучій, жирный и липкій соусъ изъ красныхъ помидоръ, — «помидоры въ томатѣ», и громко, съ удовольствіемъ, жуетъ. Соусъ смочилъ золо-

тистые усы, усы такъ и искрятся отъ темно-красныхъ, жирныхъ капель...

— Ѣшь, Варя, и ты.

Онъ подаетъ ей жестянку съ яркой этикеткой.

Варвара Антоновна, для виду, отвѣдаетъ, потомъ отодвигаетъ отъ себя коробку.

— Ты это любишь, а мнѣ что-то не нравится...

— Какъ?.. Помидоры не нравятся?

— Вотъ сейчасъ и видно, что ты южанинъ. «Помидоры не нравятся?» Чуть не съ ужасомъ спрашиваетъ, до того въ свою помидору влюбленъ... А я вотъ ихъ не очень...

— Ну нѣтъ!.. Помидоры—вещь превкусная.

— Для южанъ. Южане привыкли съ дѣтства.

— Неужели же таки не нравятся?.. Ну такъ вотъ, спаржи возьми.

Варвара Антоновна мнется: какъ ей взять спаржи, когда спаржа стоитъ рубль пятьдесятъ баночка, а взята баночка въ кредитъ.

А сколько пришлось въ лавкѣ упрашивать, чтобы въ кредитъ дали.

А сколько она лавочнику уже задолжала?

— Не хочется мнѣ больше ѣсть, уже сыта.

— Что за чепуха! «Сыта»... Съ чего жъ ты сыта? Ты ничего не ѣла.

— Ѣла сколько хотѣлось. Сыта.

Василій Петровичъ, обиженный, съ негодованіемъ отодвигаетъ отъ себя тарелку.

— И я не буду, если такъ!.. Для меня чуть ли не птичье молоко достаетъ, а сама—чай съ хлѣбомъ...

— О-о, разошелся... смѣясь подразнивает Варвара Антоновна.

— Безобразіе!.. Не буду ѣсть.

— Ну, что за глупости?—Варвара Антоновна становится серьезнѣе:—говорю тебѣ, я ѣмъ, сколько хочу... Не могу же я ѣсть, если уже насытилась.

— «Насытилась»... А зачѣмъ пшенную кашу пихаешь въ себя, если «насытилась»?

— И каши больше не ѣмъ. Сыта.

И точно: положитъ ложку и отодвинетъ отъ себя тарелку съ пшеномъ. Несытая встанетъ изъ за стола...

...А потомъ, когда раздѣвшись до бѣлья и закрывъ ставни,

Василій Петровичъ уляжется отдыхать, она—къ горшку съ кашей, и какъ-нибудь докончитъ свой обѣдъ...

XXIV.

Все у Чумаковыхъ шло благополучно, по заведенному образцу, и спокойно.

Но вотъ, семнадцатаго января, случилось необычное.

Варвара Антоновна, неизвѣстно по какой причинѣ, заспала. Встала почти на цѣлый часъ позже всегдашняго, и не хватило времени для массированія мужа. Чтобы поспѣть на поѣздъ, пришлось бѣжать.

Это утреннее хожденіе къ поѣзду вообще было очень затруднительно. За ночь навалитъ снѣгу, намететъ сугробовъ, дорожки не проложены, холодъ жестокій, еще не свѣтло, такъ безрадостно мерцаютъ впереди, въ морозной мглѣ, желѣзнодорожные фонари... Тоска!

И не отдохнуло за немногіе часы сна уставшее тѣло, млѣютъ и дрожатъ ноги, не расклеились вѣки, сѣчетъ по лицу обжигающая крупа... Чего бы, кажется, не отдать за то, чтобы еще хоть съ полчасика полежать въ теплой постели!..

Семнадцатаго утромъ была гололедица, и дулъ сильный ледяной вѣтеръ—не со стороны лѣса, а къ лѣсу, и отъ него, въ испугѣ, стонали сосны и самые старые, крѣпкіе дубы... Ходить противъ вѣтра было особенно трудно. Онъ бросалъ въ лицо тучи маленькихъ острыхъ гвоздиковъ, валилъ съ ногъ, заворачивалъ и закручивалъ юбки... Захватитъ полныя пригоршни свѣжаго рыхлаго снѣга и обдастъ съ головы до ногъ. На минутку стихнетъ, отбѣжитъ въ сторону, передохнетъ, потомъ, набравшись силъ, опять разгонится, и съ такой навалится силой, что какъ и устоять... Пьянъ онъ, золъ онъ, платятъ ему, что-ли,—не поймешь! Но бѣсится, ехидствуетъ и скандалитъ безъ удержу, и нѣтъ для него ни страшнаго, ни сильнѣйшаго.

Уже просвистѣлъ паровозъ.

Еще двѣ минуты, и поѣздъ уйдетъ.

Перебѣгая около самаго вокзала переѣздъ, Варвара Антоновна споткнулась, взмахнула странно руками и ухватилась за столбикъ шлагбаума. Но подъ ногами былъ ледъ, она поскользнулась. Вѣтеръ толкнулъ ее въ грудь и животъ, и удержаться на ногахъ она не сумѣла. Тяжело и сразу, какъ куль съ воза, упала она на мерзлую, окаменѣлую, покрытую льдомъ землю,

съ которой снѣгъ былъ уже сметенъ желѣзнодорожными сторожами...

— Охъ!

Надъ глазами было небо, сѣрое, сонное, и кружились въ воздухѣ снѣжинки. Все было просто, обыденно скучно и спокойно. И кто бы подумалъ, что въ этотъ мигъ посылается съ неба смерть! Варвара Антоновна встала, улыбнулась, отряхнула съ шубки, съ воротника снѣгъ—его было очень немного—и слегка прихрамывая, направилась къ вокзалу.

— Свистокъ... еще минута... Поспѣю.

Навстрѣчу, съ остроконечнымъ башлыкомъ на головѣ, шелъ Никита Горбатюкъ. Онъ поздоровался. Варвара Антоновна хотѣла отвѣтить, но не успѣла: вдругъ, невольно и почти безсознательно, и такъ быстро, какъ если бы сзади ее внезапно дернули за косы, опустилась она въ сугробъ...

По всему животу сразу рѣзнуло широкимъ, остро отточеннымъ серпомъ... Боль была такая страшная, ни съ чѣмъ не сравнимая, обжигающая, что Варвара Антоновна не успѣла и вскрикнуть.

А къ вечеру она родила.

Семимѣсячнаго. Мертваго.

XXV.

О ребенкѣ Варвара Антоновна мечтала давно и сладко. И теперь она была въ ужасѣ отъ мысли, что ребенка нѣтъ и что ребенка не будетъ никогда...

— Мальчикъ... дѣвочка... съ голубыми глазками или съ темными... Никогда... никогда...

Не будетъ ребенка, и даже не будетъ беременности.

Не будетъ и не можетъ быть надежды на беременность, такъ какъ при паденіи на переѣздѣ и потомъ во время преждевременныхъ родовъ умерщвлена была ея дѣтородная сила. Ребенка не будетъ...

Варвара Антоновна мучилась и тосковала, какъ человѣкъ, у котораго неожиданно вытекли оба глаза... Все вспоминаетъ о прошломъ слѣпецъ, и все думаетъ, и думаетъ о порѣ, когда зналъ онъ, что такое милый солнечный свѣтъ и вся невыразимо-сложная красота и роскошь многоцвѣтнаго Божьяго міра... Варвара Антоновна старалась воскрешать въ себѣ то, что испытывала въ пору беременности, когда и больно было, и тя-

жесть въ животѣ мучила, и тошнило сильно, но когда такое странное, лучистое блаженство охватывало ее, когда радостныя слезы—охъ, какія же добрыя и святыя—подкатывались къ глазамъ!..

Сидя на службѣ въ правленіи, или у себя дома, или иногда даже въ вагонѣ, она украдкой, потихоньку, чтобы никто не могъ замѣтить, смотрѣла на свой высокій животъ, ласкала его, гладила, шептала ему спутанныя, трогательныя слова, и сама растроганная, взволнованная, тихо, блаженно смѣялась и тихо говорила:

— Здѣсь оно, здѣсь... милое мое, любое мое, мое крохотное...

И уже ласкала его, маленькаго, розоваго, атласнаго, громко и мило орущаго, и уже цѣловала его въ умиленіи и трепетно, и уже, какъ тигрица, настороживалась и сверкала глазами, когда приходило ей въ голову, что кто-нибудь можетъ не похвалить его... О, какъ близки были и небо, и Богъ!..

Все это — въ прошломъ. Все это умерло. Всего этого больше не будетъ.

— Склепъ...—думала Варвара Антоновна, поглядывая на свой животъ. Она стискивала губы. Лѣвая бровь высоко и странно поднималась кверху.—Склепъ, склепъ...

Бывали, однако, минуты, когда она почти мирилась съ тѣмъ, что смерть воцарилась въ глубинахъ ея. Ребенокъ, дѣти стѣснили бы, мѣшали бы оберегать и лѣчить Василія Петровича. Три недѣли — пока Варвара Антоновна оправлялась отъ болѣзни—Василій Петровичъ оставался безъ массажа, и это тяжело отражалось на его здоровьѣ. Онъ сдѣлался мрачнымъ, вспыльчивымъ и худо спалъ. Странныя и скучныя мысли приходили ему въ это время въ голову. Избавить отъ нихъ и разсѣять Василія Петровича могъ только разговоръ. Если разговоръ прекращался, Чумаковъ сейчасъ же впадалъ въ сумрачное, унылое настроеніе.

Варвара Антоновна садилась тогда на свою кровать, иногда на кровать мужа и, силясь побѣдить одолѣвавшій ее сонъ, поддерживала бесѣду. Разговаривала до тѣхъ поръ, пока Василій Петровичъ не заявлялъ:

— Ну, теперь спать. Теперь я уже усну,—усталъ.

Онъ заснетъ, а она сидитъ на кровати, худая, маленькая, съ высоко приподнятой лѣвой бровью... И все думаетъ о томъ, что когда-то, когда еще не превратилась она въ ходячій склепъ для всѣхъ своихъ дѣтей, она видѣла небо, — и видѣла

его, крохотнаго, розоваго, атласнаго, громко и властно зовущаго...

Къ веснѣ Варварѣ Антоновнѣ сдѣлалось ясно, что диплома своего Василію Петровичу не получить никогда, и никогда онъ не будетъ заниматься умственнымъ трудомъ. Кнорре давалъ ей понять—такъ по крайней мѣрѣ казалось ей,—что и съ самаго начала лѣченія считалъ Василія Петровича потеряннымъ для умственной работы. А Нечаевъ скромно сказалъ о себѣ, что онъ не пророкъ и за будущее ручаться не станетъ. О настоящемъ же можетъ заявить, что не слишкомъ большое умственное напряженіе для Василія Петровича онъ охотно допускаетъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такое напряженіе даже полезно. Злоупотреблять этимъ разрѣшеніемъ, однако же, отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ черезъ чуръ интенсивныя занятія, особенно при извѣстныхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, могутъ, пожалуй, вызвать нежелательныя явленія.

Изъ всего этого Варвара Антоновна сдѣлала выводъ: работать должна она одна. Василій же Петровичъ не сможетъ заниматься еще долго. А если такъ, то дѣтей имѣть ей, конечно, нельзя было бы, даже если бы рожать она и была способна. И свою тоску по дѣтямъ она въ себѣ подавляла.

Подавляла, но не подавила.

XXVI.

Василій Петровичъ познакомился со старикомъ Цвѣтаевымъ, отцомъ начальника желѣзнодорожной станціи, и съ нимъ игралъ въ шахматы.

Шахматы и общество этого услужливаго, розоваго, благообразнаго, толстенькаго и лысенькаго старичка, бывшаго штурмана каботажнаго плаванія, а теперь солиднаго ростовщика, дѣйствовали на Чумакова благотворно,—почти какъ массажъ.

Цвѣтаевъ, когда не обдумываетъ шахматный ходъ, всегда вретъ что нибудь о своихъ былыхъ плаваніяхъ, при чемъ разсказы получаются все больше потрясающіе,—точно не изъ Алешекъ на Голую Пристань онъ плавалъ, развозя монастырскіе арбузы и дыни, а постоянно странствовалъ вокругъ земли, къ обоимъ полюсамъ, по самымъ опаснымъ морямъ и океанамъ... Рѣчь свою онъ пересыпаетъ разными ласковыми словечками,

вродѣ: «милый мой, цыпочка, дружочекъ, голубчикъ, дурачиночка».

Одѣтъ Цвѣтаевъ очень чистенько, очень аккуратно, въ мягкую рубашку, въ чесучовый пиджакъ, который носитъ и зимой, и лѣтомъ, и въ форменные, зеленые, съ краснымъ кантомъ, штаны. Подъ пиджакомъ, всегда растегнутымъ, виденъ плотно облегающій полное брюшко жилетъ, странный жилетъ изъ странной матеріи, «штучнаго пикея». Фонъ—пепельно-зеленый, «цвѣта морской воды», а по этому фону узоры — рельефные, словно гладью вышитые, черные кораблики съ раздутыми парусами. Брюхо обширное, жилетка обширная, и корабликовъ съ парусами помѣстился на ней цѣлый флотъ. Цвѣтаевъ ходитъ, заложивъ руки въ карманы штановъ и выпяливъ впередъ весь этотъ флотъ. У старика сѣдыя бачки котлетками, сѣдыя брови, курносый, красненькій носъ и губы и щечки свѣжія, какъ у дѣвочки. Партнеру или собесѣднику онъ смотритъ всегда прямо въ глаза, смотритъ дружелюбно, ласково, нѣжно. Онъ часто сочувственно вздыхаетъ, съ выраженіемъ, которое говоритъ:

— Что жъ, возьмите у меня все, что желаете, послѣднюю рубашку мою возьмите, я буду радъ.

Играетъ онъ и вретъ одинаково неплохо и съ одинаковымъ удовольствіемъ. Но Чумакову кажется,—или онъ хочетъ, чтобы ему такъ казалось,—что мореходныхъ повѣствованій и вообще «всей брехни старика» онъ не любитъ. Не интересуется ими... Человѣку съ больными нервами старый пустомеля плететъ какую то утомительную ахинею,—развѣ это нужно?.. Не до того!

И когда Цвѣтаевъ, въ промежуткѣ между двумя шахматными партіями, начинаетъ припоминать о томъ, какъ подъ Очаковымъ казенный транспортъ «Синопъ» въ темную, морозную, адски бурную январьскую ночь въ 1871 году разрѣзалъ пополамъ и потопилъ турецкую фелюгу «Керимъ-Бей», Василій Петровичъ принимаетъ вдругъ видъ мрачный, грустный, нѣсколько обиженный... Василій Петровичъ и вообще молчитъ подолгу. Отчасти оттого, что говорить не о чемъ; отчасти оттого, что неврастенику, человѣку больному, какъ то не къ лицу болтливость.

Молчаніе показываетъ, что человѣкъ разстроенъ, что онъ огорченъ и печаленъ, что ему не до разговоровъ и вообще не до мелочей... Ахъ, ну что означаютъ, что могутъ означать эти мелочи и пустяки, и даже все крупное въ жизни, если человѣкъ боленъ, глубоко страдаетъ и не знаетъ, что будетъ съ его болѣзнью завтра!..

Ничего нѣтъ важнаго, ничего нѣтъ цѣннаго, и пусть все идетъ хоть кверху ногами,—безпокоится не стóитъ, и хлопотать не для чего...

Если, случалось, начинала Чумакова тревожить совѣсть, и докучала мысль, что все-таки могъ бы онъ чѣмъ-нибудь заняться и приносить хоть какую-нибудь, хоть маленькую пользу, онъ отъ этой мысли спасался тѣмъ, что вдругъ напускалъ на себя выраженіе грустное, томное, глубоко страдальческое.

— Тяжело!

Руки безпомощно опустятся, голова поникнетъ. Уже не закружитъ онъ въ стрѣлочку свои золотистые усы, и повиснутъ усы внизъ, безпорядочно-взъерошенные. Въ бирюзовыхъ глазахъ появится сѣрый налетъ. Осядутъ какъ-то плечи, такія широкія и крѣпкія, и что-то дряблое, хилое разольется по его фигурѣ...

Конечно, осуждать легко! Бросить камень всякій можетъ. Но если бы знали, что дѣлается въ его сердцѣ!

Онъ горько вздыхалъ. Онъ испытывалъ чувство ѣдкой обиды, чувство одиночества?.. Почему это люди противъ него? Непонятная усталость, рядъ изнеможенія физическаго и душевнаго, овладѣвали имъ.

И если такія настроенія застигали его на прогулкѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, онъ внезапно останавливался около какого-нибудь дерева и долго и напряженно на это дерево смотрѣлъ...

Дерево, какъ дерево, и смотрѣть на это дерево,—именно на это и предпочтительно передъ всѣми другими деревьями,—нѣтъ никакихъ причинъ. Кора, вѣтки, листья или хвои... Все обычно. Василій Петровичъ, однако, смотритъ,—внимательно, сосредоточенно, напряженно... Смотритъ долго...

Хочется Василію Петровичу уйти, пойти впередъ, или свернуть въ сторону, посмотрѣть, что дѣлается за лознякомъ,—кажется, бѣлка по снѣгу пробѣжала... Хочется ему, пожалуй, посвистать, замурлыкать «послѣдній нонѣшній денечекъ».. Или почертить тростью по снѣгу хочется. Но всего этого онъ не дѣлаетъ,—ахъ, не до того!

Онъ все стоитъ и смотритъ напряженно на сосну, смотритъ, и глазъ отъ нея не оторветъ.

— Какъ странно, что меня такъ приковываетъ эта сосна,—думаетъ онъ.—Вѣдь чтó въ ней интереснаго? Ничего. А смотрю, не оторвусь... Какая странность!

И ужъ трудно ему и самому понять и опредѣлить: дѣйствительно ли приковываетъ чѣмъ-то таинственная сосна, или

это онъ только притворяется, дѣлаетъ видъ, убѣждаетъ себя, что она его приковываетъ, что у него болѣзненная странность...

XXVII.

Какъ бы тамъ ни рѣшилъ онъ этотъ вопросъ, а когда пріѣдетъ со службы Варвара Антоновна, голодная, усталая, озябшая, съ большимъ портфелемъ, набитымъ разными таблицами и счетами, съ которыми она будетъ возиться до полуночи, онъ съ печальнымъ, загадочнымъ и сдержанно-тревожнымъ видомъ,—и стараясь успокоить жену, стараясь внушить ей, что ничего угрожающаго тутъ все таки нѣтъ,—примется разсказывать ей про этотъ удивительный случай съ сосной...

— Странно такъ!.. Ничего вѣдь нѣтъ въ соснѣ необычнаго, а я стою и смотрю... Знаю, что это дико, безразсудно, помѣшательство какое то, но побѣдить себя не могу...

На лицѣ Василія Петровича недоумѣніе, испугъ. Бирюзовые глаза его остановились, какъ бы остеклѣли.

— Вѣдь въ этомъ что то ненормальное, Варя. Вѣдь это что то болѣзненное?.. Вродѣ галлюцинаціи.

Все это онъ говоритъ потому, что ему неловко и совѣстно; такой плечистый, плотный, румяный, онъ цѣлый день ничего не дѣлаетъ, а она, покашливающая, желтая, худая, работаетъ почти безъ передышки по пятнадцати часовъ въ сутки.

Кромѣ этого, есть еще одна причина: у него стала развиваться потребность часто говорить о своей особѣ, и ему пріятно вызывать къ себѣ тревожное вниманіе... Подумать только, какъ ему тяжело!.. Вѣдь онъ ненормаленъ. Онъ доходитъ до того, что выдѣлываетъ явно нелѣпыя вещи,—смотритъ для чего то на сосну, видитъ галлюцинаціи,—кто же можетъ относиться къ нему строго и упрекать его въ праздности?

Варвара Антоновна, не глядя на ѣду, проливая на салфетку простывшій борщъ, поспѣшно и давясь, глотаетъ ложку за ложкой. Глазами она торопливо водитъ по разложенной на столѣ таблицѣ. Туда-назадъ, туда-назадъ. Ей некогда. Она спѣшитъ. Времени такъ мало, работы и хлопотъ такъ много, что уже и за ѣдой приходится изучать эти таблицы... Прижавъ бумагу локтемъ къ столу, чтобы не сдвинулась, она указательнымъ пальцемъ ѣздитъ по графамъ, мысленно производитъ разныя ариѳметическія дѣйствія, складываетъ, вычитываетъ, дѣлитъ... Слова мужа мѣшаютъ ей, отрываютъ ее и отъ работы, и отъ ѣды... И разсказъ Василія

Петровича кажется ей,—противъ ея воли,—какимъ то... надуманнымъ...

«А можетъ быть, все таки, онъ черезчуръ мнителенъ,—мелькнетъ у Варвары Антоновны.—Меньше бы присматривался къ себѣ, и не казалось бы ему, что онъ ненормаленъ... Былъ бы здоровѣе»...

Василій Петровичъ, не получивъ такъ скоро сочувственнаго отвѣта, оскорбленно отворачивается...

— Вотъ она,—жена!

Ѣстъ, уписываетъ за обѣ щеки, а до него ей нѣтъ ни малѣйшаго дѣла!

Ну да, конечно: сытый голоднаго не разумѣетъ. А здоровый больному не сочувствуетъ.

И больного мужа не любятъ.

Женщинамъ нуженъ жеребецъ, — подыскиваетъ нарочито грубыя выраженія Василій Петровичъ.—Духовная близость для чего имъ?.. Удовлетвореніе скотскихъ инстинктовъ,—вотъ что для нихъ важно... И незачѣмъ даже и разговаривать съ Варварой Антоновной. Зачѣмъ?.. Развѣ она интересуется имъ? Да съ нимъ хоть ударъ случись, или проглоти онъ ціанистаго калія, ей это все равно. Ей это какъ горохомъ объ стѣнку.

Да.

Каждый думаетъ только о себѣ.

Ну что жъ? теперь и онъ будетъ умнѣе.

Отнынѣ онъ будетъ хлопотать только о себѣ.

Онъ самъ станетъ заботиться о своемъ здоровьѣ, и самъ будетъ себя спасать.

Но только вотъ: у него большая и болѣзненно-чуткая совѣсть. Онъ постоянно неспокоенъ, упрекаетъ себя и грызетъ за то, что не работаетъ. И это окончательно надрываетъ его здоровье. . Ахъ, гдѣ жъ ему работать, если такъ расшатаны его нервы!

Вотъ Варвара Аитоновна: по виду невзрачная, худенькая, сморщенная, но у нея нервы—канаты. Она человѣкъ попроще, погрубѣе. И ее мало волнуютъ общественные вопросы и печали. Дальше своего носа она не смотритъ, она ограничена, узка и, при своей кажущейся мягкости, довольно таки толстокожа. Она, поэтому, и можетъ работать. А онъ, со своими тонкими нервами, со своими галлюцинаціями... Развѣ мыслимо требовать отъ него усиленнаго труда!

Онъ весь заполненъ жалостью къ себѣ и нѣжностью, онъ смотритъ грустно и съ видомъ жертвы, а къ женѣ у него чувство враждебное.

Варвара Антоновна уже оставила и обѣдъ, и таблицы. Она испугалась своихъ мыслей и предположеній о томъ, что здоровье мужа, можетъ быть, стало бы лучше, если бы онъ меньше къ себѣ прислушивался. Истребить эти мысли, отогнать ихъ, она не въ силахъ. Все чаще и чаще приходятъ онѣ и все рѣшительнѣй утверждаются въ ея мозгу. Да, да, Василій Петровичъ слишкомъ много возится съ собой. Ему надо бы чѣмъ нибудь отвлечься, ему необходимо заняться настоящимъ дѣломъ и положить конецъ своей сплошной праздности...

Мысль эта не кажется Варварѣ Антоновнѣ неправильной. Но отказаться отъ нея и, главное, сдѣлать такъ, чтобы она не являлась, она не можетъ. Но въ мысли этой находитъ она почему то что то жесткое, сухое... Варвара Антоновна не умѣетъ осуждать. Она и къ чужимъ снисходительна, и ничего ни отъ кого никогда не требуетъ. Какъ же осуждать ей любимаго человѣка, и какъ думать ей объ его недостаткахъ!..

И вотъ: уже самое себя обвиняетъ она и укоряетъ, называетъ себя холодной, черствой, безсердечной эгоисткой, человѣкомъ крутымъ, у котораго нѣтъ мягкости и нѣтъ умѣнія прощать.

Взволнованная, огорченная, раздавленная чувствомъ виноватости, полная ласки, довѣрчивости, любви, подходитъ она къ мужу, робко заглядываетъ ему въ глаза, робко щупаетъ его пульсъ, распрашиваетъ, достаточно ли онъ гулялъ, во время ли ѣлъ, не пересолена ли была каша, выигралъ или проигралъ онъ партію у стараго Цвѣтаева, и не лучше ли ему сегодня лечь въ постель пораньше, если тревожила эта исторія съ сосной...

— Это такъ тяжело, Варя, такъ тяжело!—мысленно простивъ жену и чувствуя отъ этого большую нѣжность и къ ней, и къ себѣ, говоритъ растроганный Василій Петровичъ.—Мнѣ просто жутко становится, когда я вспоминаю, какъ я смотрѣлъ на сосну... Я страшусь...

XXVIII.

Знакомыхъ у Чумаковыхъ мало.

Некогда поддерживать знакомства. И знакомые вмѣшиваются не въ свое дѣло, распрашиваютъ, почему Василій Петровичъ не работаетъ. Богъ съ ними!

Почему то знакомые недовѣрчиво относятся къ утвержденіямъ Варвары Антоновны, что Василій Петровичъ не въ состояніи трудиться.

— Что жъ, если и болитъ иной разъ голова? Развѣ отъ этого человѣкъ дѣлается инвалидомъ?

— Ахъ, но вѣдь головная боль бываетъ разная! — обиженно и уже вся насторожившись, восклицаетъ Варвара Антоновна.—У Василія Петровича боли ужасныя.

Она прикладываетъ оба указательныхъ пальца къ вискамъ, какъ дѣлаетъ это Василій Петровичъ, и говоритъ:

— Вотъ здѣсь у него... Давитъ... Точно каска... Онъ страшный неврастеникъ.

— «Неврастеникъ, неврастеникъ»... Да вы то сами не неврастеникъ? На кого похожи? Посмотрите-ка въ зеркалѣ,— хуже всякаго неврастеника. Живыя мощи.

— Къ чему вы обо мнѣ заговорили? Я человѣкъ здоровый.

— «Неврастеникъ»... Вонъ у Ивана Прокофьича туберкулезная язва въ желудкѣ, и вырѣзана одна почка, а вѣдь не сидитъ сложа ручки, на службу ходитъ и кормитъ свою семью.

— Язва въ желудкѣ, это пустяки.

— Пустяки, когда у другого... Милая Варвара Антоновна, я не говорю, что вашъ Василій Петровичъ совершенно здоровъ. Но вѣдь кто же въ наше время совершенно здоровъ? Что нибудь у каждаго найдется: сердце, печень, почки, желудокъ... Если бы дѣлами занимались только совершенно здоровые люди, всѣ бы дѣла на свѣтѣ должны были пріостановиться.

Въ глубинѣ души Варвара Антоновна находитъ, что слова эти заключаютъ въ себѣ большую и очень простую правду... И все таки они раздражаютъ ее и обижаютъ. И чтобы этихъ словъ не слышать, она избѣгаетъ встрѣчъ со знакомыми, съ близкими и родными.

Если и не спрашивали о здоровьѣ Василія Петровича, если не выражали удивленія по поводу того, что онъ годами ничего не дѣлаетъ, Варвара Антоновна все же была всегда на стражѣ. И во всемъ видѣла скрытыя колкости, тайные намеки.

Готовая къ рѣзкимъ возраженіямъ, она напряженно ждала, что вотъ-вотъ спросятъ, заговорятъ... И все дальше и дальше отходила она отъ знакомыхъ. Старыя, прочныя, дорогія связи порывались, и все болѣе и болѣе одинокой становилась она...

Даже сладостный, всегда любезный и услужливый процентщикъ Цвѣтаевъ не удержался, чтобы не кольнуть Варвару Антоновну.

— А вѣдь здорово это, что существуютъ на свѣтѣ неврастеники!—весело подмигнулъ онъ ей однажды.

Онъ шелъ къ судебному приставу, съ которымъ долженъ былъ въ это утро описывать «худобу» своего запутавшагося должника, а Варвара Антоновна торопилась на станцію. Лилъ дождь, и по пустынной улицѣ растянулись широкія, сѣрыя лужи. Свиньи, сладостно похрюкивая, возились въ нихъ, а заблудившійся желтенькій теленокъ стоялъ межъ лужами и напуганно, по дѣтски, плакалъ.

— Безъ этихъ самыхъ неврастениковъ матъ бы мнѣ былъ, голубушка,—продолжалъ Цвѣтаевъ.—Капутъ...

Варвара Антоновна уже чувствовала, что старикъ собирается сказать что то ехидное. Она сумрачно насупилась.

— Не будь неврастеника, гдѣ бы я для шахматовъ партнера взялъ? Бездѣльниковъ, вѣдь, не такъ уже много... Вы вотъ, роднаечка, торопитесь, до четырехъ въ «Управленіи» спину гнуть будете, исходящія, входящія, всякая тамъ канцелярская благодать, а мы съ неврастеникомъ съ вашимъ въ шахматики тѣмъ временемъ сразимся... Часика этакъ на три машину заведемъ... Гамбитъ Эванса... Старичку развлеченіе... Всякому, дѣтка, возрасту свое развлеченіе... Свистокъ-съ... Варвара Антоновна, опоздаете на поѣздъ, голубушка!

Онъ учтиво приподнялъ круглую смушковую шапку. Вѣтеръ весело игралъ его бѣлыми баками.

Варвара Антоновна, шлепая по жидкой грязи, направилась къ вокзалу. Въ глазахъ ея была боль и тоска.

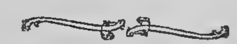
Постепенно, Чумакова оторвалась отъ всего міра. Въ «Управленіи»—сослуживцы, дома—мужъ. Больше ни съ кѣмъ она не встрѣчалась и не говорила. Никакихъ не было у нея интересовъ, кромѣ однообразной, нудной, тупой, давно до послѣдней крайности опостылѣвшей канцелярской работы, да напряженныхъ заботъ о мужѣ, о здоровьѣ его и покоѣ.

Такъ прошло два года.

Безъ передышки, безъ измѣненій, безъ освѣженія, безъ надежды.

Д. Айзманъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



Сонетъ.

О, гдѣ-же вы, герои и друзья,
Подвижники таинственныхъ религій,
Мятежники, безумцы и разстриги,
Паломники въ священные края?

Побѣждены. Замучены. А я
Остался жить и снялъ свои вериги.
Я позабылъ воинственные миги,
Таясь въ тѣни, какъ хитрая змѣя.

Но тотъ, кто былъ соратникъ, другъ и братъ,
Кто гордо зналъ завѣтные пароли, —
Не можетъ быть актеромъ жалкой роли.

Довольно слезъ. Безсильные молчатъ,
Ничтожные великихъ побороли...
Позорный день, о, проклятъ будь стократъ!

Дмитрій Цензоръ.

ГРѢХЪ.

I.

Мнѣ исполнилось девятнадцать, когда я попалъ оффиціантомъ въ кафе «Оріенталь». Я былъ здоровъ, горячъ, службу свою ненавидѣлъ; да и трудно мнѣ было любить ее: всетаки, я учился кое-чему въ дѣтствѣ, пока живъ былъ отецъ, и мы не бѣдствовали—и могъ-бы заняться чѣмъ получше, да ужъ такъ вышло, что съ тринадцати лѣтъ долженъ былъ зарабатывать, проходить черезъ огонь и воду.

Заведеніе наше было не совсѣмъ обыкновенное, американскаго рода. На хорахъ—небольшой оркестръ. У прилавка, гдѣ по вечерамъ крѣпкіе напитки продаютъ, стулья высокіе, и называлось это по иностранному баръ, а проще говоря, на этихъ стульяхъ молодые люди по ночамъ черезъ соломинки тянули пьяные составы: шерри-коблеръ, дринкъ-локомотивъ и другіе.

Съ двѣнадцати ночи—а торговали до четырехъ—всѣ ужъ пьяны. Дѣвицъ обнимаютъ, ругаются, два раза въ недѣлю скандалы обязательно, протоколы, выводимъ.

Ну, и публика-жъ у насъ была. И карманники, и коты, супники, и еще особенные—надушены, подкрашены, какъ женщины.

Мнѣ, конечно, очень было противно служить среди этой сволочи—но что подѣлать, надо чѣмъ нибудь существовать. А разбогатѣть трудно. Правда, одинъ случай представлялся, въ нашемъ-же вертепѣ, но какой!

Ходилъ къ намъ пожилой господинъ, кажется, извѣстный въ Москвѣ человѣкъ, и сталъ ко мнѣ все присматриваться. Я

замѣчаю,—онъ странно какъ-то на меня глядитъ, но хорошенько въ толкъ взять не могу. На чай даетъ сверхъ мѣры, даже товарищамъ неловко показывать. И вотъ однажды спрашиваетъ меня, не хочу-ли къ нему въ камердинеры поступить. (Господинъ очень приличный, я даже удивлялся, зачѣмъ онъ къ намъ ходитъ).

Жалованье, говоритъ, сто рублей въ мѣсяцъ. Я опять не понялъ, а разсказалъ оффиціантамъ нашимъ — меня на смѣхъ подняли. Врешь, молъ, гдѣ это видано, чтобы сто цѣлковыхъ лакею платили? А одинъ былъ, Осипъ Андреичъ, старый, опытный человѣкъ, онъ меня отвелъ въ сторонку, и пенснэ свое снявъ, говоритъ: «Онъ, Николай, тебя для особенныхъ надобностей нанимаетъ. Человѣкъ онъ богатый, развращенный, можешь и больше заработать, только подумай, прежде чѣмъ къ нему поступить». У меня глаза и раскрылись. Такъ я обозлился, что совсѣмъ пересталъ этому господину заказы подавать: онъ скоро отъ насъ и вовсе куда-то пропалъ.

Я-же около этого времени познакомился ближе съ кассиршей нашей, Ольгой Ивановной. И сказать короче—сошелся съ ней.

Эта Ольга Ивановна была дѣвушка маленькая, востренькая и ловкая. Могла и веселой быть, и нѣжной, и злой. Всего вѣрнѣй—холодный она была человѣкъ, и очень ей хотѣлось,— больше чѣмъ мнѣ,—въ люди выбиться. Почему со мной именно сошлась? Этого точно не знаю. Можетъ, чѣмъ-то я ей особенно нравился,—очень она была сластолюбива. Трудно мнѣ говорить о нашей любви — потому, настоящей любви между нами и не было.

Когда одни оставались, и разговоръ заходилъ, всегда почти на деньги съѣзжали: какъ кто зарабатываетъ, да сколько. Любила она въ газетахъ читать отдѣлъ преступленій всякихъ, мошенничествъ. Меня тоже это стало занимать. Помню, я разъ ей сказалъ, что мнѣ богатый баринъ службу у себя предлагалъ, и какую службу. Она на меня поглядѣла, ротикъ свой маленькій сердечкомъ сложила и говоритъ:

— Зачѣмъ-же ты отказался?

Я обозлился.

— Да ты понимаешь, въ чемъ дѣло-то?

Она опять гримаску дѣлаетъ, что, молъ, дураку долго разсказывать.

— Если-бы ты умный былъ, такъ не сто, а сколько-бъ захотѣлъ взялъ. Не сталъ-бы платить, ты бы пригрозилъ.

Вотъ она что надумала. Холодная была женщина. Чтобы я вымогательствомъ занялся! Такъ. Нѣтъ, это для насъ неподходяще.

— Умные люди, бывало она говоритъ: себѣ хорошую жизнь стараются устроить. А мы съ тобой здѣсь только молодость нашу губимъ.

Оно отчасти вѣрно.

Пробовали мы на бѣгахъ играть, жучекъ одинъ знакомый былъ, въ кофейню ходилъ: не повезло.

Поутру, когда мало еще посѣтителей, раскроетъ Ольга Ивановна газету, даже поблѣднѣетъ отъ волненія.

— Въ Лодзи кассиръ пятьдесятъ тысячъ хапнулъ, и заграницу скрылся.

А я отвѣчаю, и самого это волнуетъ:

— Поймаютъ, небось.

Она на меня посмотритъ, губки свои скривитъ, отложитъ газету.

— Его, можетъ быть, и не поймаютъ.

Пожалуй, и отъ газетъ, да и случай представился, только разъ она мнѣ говоритъ:

— Мнѣ надоѣло тутъ сдачу считать. Меня тетушка Анѳиса Семеновна на другое мѣсто опредѣляетъ, я тамъ лучше здѣшняго заработаю.

Я удивился, что вдругъ за мѣсто, да и объ Анѳисѣ Семеновнѣ мнѣніе имѣлъ дурное — вредная была старуха, въ родѣ сводни, и по словамъ Ольги Ивановны самой-же, она ее еще съ дѣтскихъ лѣтъ продавать пыталась. (Да и пыталась ли только)?

Ольга Ивановна, все-же, отъ насъ ушла, и я одинъ остался въ вертепѣ. Сначала мы видались кое-гдѣ, по дешевенькимъ номерамъ, а потомъ, когда она обжилась, я сталъ къ ней ходить, подъ видомъ бѣднаго родственника. Да очень и притворяться намъ не приходилось,—никто за нами не слѣдилъ.

Ольга Ивановна была въ родѣ лектрисы, или сидѣлки при больномъ старикѣ, извѣстнѣйшемъ и богатѣйшемъ адвокатѣ. Домъ его около Кудрина былъ, на Садовой, особнякъ съ садомъ. У Ольги Ивановны отдѣльная комната. Кромѣ нея жилъ старый лакей, кухарка да двѣ горничныхъ. Ольга Ивановна сильно перемѣнилась, какъ сюда попала. По другому стала одѣваться, причесываться, совсѣмъ обратилась въ скромную барышню. И держала себя иначе. Посмотри на нее—невинность, подумаешь, и трудно себѣ представить, какъ она сластолюбива была.

Попривыкнувъ къ дому, мы осмѣлѣли такъ, что я ночевать

у ней оставался, и хоть большую часть ночи она сидѣла со старикомъ (фамилія его была Ѳаддеевъ, онъ не спалъ по ночамъ)—но забѣгала и ко мнѣ, и если-бъ Ѳаддеевъ зналъ объ этомъ, врядъ-ли былъ-бы радъ.

Надо сказать, многимъ дурнымъ обязанъ я Ольгѣ Ивановнѣ: все, что во мнѣ было сквернаго, она распаляла безъ устали. И до того иногда доводила—до ярости какой-то, а ей это какъ разъ и нравилось. Цѣлуешь ее, укусить хочется, или руками такъ въ горло вцѣпиться, чтобы въ судорогахъ забилась. Даже самъ я въ себѣ этого боялся.

Робкимъ я никогда не былъ, а тутъ сталъ развязнѣй, дерзче, голову какъ-то поднялъ, и всѣ ея слова, что деньги, тамъ, самое первое, и все на нихъ можно купить,—это я быстро перенялъ, и служба меня день ото дня больше досадовала. Мнѣ на бѣгахъ играть хотѣлось, ходить въ штатскомъ, въ котелкѣ, съ женщинами имѣть дѣло, и самому по кофейнямъ сидѣть, а не то, чтобы въ нихъ прислуживать.

Скоро такъ почти-что и вышло: въ нашемъ заведеніи со мной случилась исторія.

Какъ и раньше говорилъ, сталъ я послѣднее время дерзче. Конечно, наша жизнь оффиціантская не изъ легкихъ. Не то что у насъ, а и въ первомъ въ Москвѣ ресторанѣ случаи бывали, что метрдотель человѣку въ посудной въ физіономію заѣзжалъ. У насъ тоже обращеніе было грубое, на ты, и прежде я это сносилъ, а теперь сдѣлалось труднѣе. А тутъ къ намъ распорядитель новый, за пустякъ всякій штрафуетъ, оретъ, силъ никакихъ нѣту. Терпѣли мы терпѣли, и рѣшили съ Сенькой Аносовымъ—тоже малый былъ молодой и горячій—пакость ему подложить.

И какъ онъ шелъ, въ корридорѣ, незамѣтнымъ образомъ ему фалды фрака кислотой облили. Оно сначала не видно, а потомъ цѣлые куски вывалились—фракъ пропалъ.

Обозлился онъ какъ звѣрь, и донесли-ль ему, или самъ догадался, только сразу-же на меня подумалъ.

Вызываетъ къ себѣ, самъ сдержаться старается, а глаза блестятъ и грудь сильно подымается.

— Ты, говоритъ, это?

— Нѣтъ, отвѣчаю: не я. А жаль, что не я.

Самъ поднялъ на него глаза, и вижу, не владѣетъ онъ собой—только я назадъ попятился—онъ со всего маху мнѣ по мордѣ. Не такъ попалъ, какъ цѣлилъ, а все-жъ задѣлъ сильно, хорошо еще, что не кулакомъ билъ, а ладонью, чтобы поскан-

дальнѣй вышло. Такъ. Помню я, что за нимъ сзади входъ былъ въ мужскую уборную. И какъ напередъ я зналъ, такъ и сдѣлалъ: кулакомъ ему въ животъ, потомъ обернулъ, колѣномъ подъ сидѣнье, и прямо головой въ эту самую дверцу. Она, конечно, отворилась, а я ужъ ничего не помню, не въ себѣ, значитъ, вотъ сейчасъ сердце разорвется—верхомъ на него вскочилъ, повалилъ, и билъ жестоко, но недолго, пока во мнѣ это самое бѣшенство не вышло.

По счастью, ничего у меня въ рукѣ не было, а то-бъ я, понятно, его убилъ—такой ужъ у меня нравъ, къ гнѣву и вспыльчивости склонный.

Случись тутъ, что какъ разъ господинъ Ѳаддеевъ увольнилъ своего человѣка, Петра. А жилъ онъ у него долго, только Ольгѣ Ивановнѣ неподходящій былъ, она противъ него штуку и подвела, будто онъ портсигаръ бариновъ золотой стащилъ.

Я мѣста лишился, конечно, и она меня вмѣсто него подсунула. Я тогда не очень понималъ, для чего она старается,—думалъ, просто ко мнѣ изъ сочувствія, что я ея полюбовникъ. А у ней свои планы были.

Въ домѣ господина Ѳаддеева, какъ меня Ольга Ивановна научила, сталъ я сразу скроменъ и приличенъ (она старика увѣрила, что я ея двоюрдный братъ). Левъ-же Кириллычъ Ѳаддеевъ былъ человѣкъ крупный, сѣдой, ротъ у него неправильный, длинный, и лицо будто перекошенное, но глаза очень умные.

Его параличъ порядочно хватилъ, а теперь немного полегчало, и онъ говорить ужъ могъ, но съ постели не вставалъ, и внимательно въ меня все всматривался. Видно—большой былъ раньше баринъ, и бабникъ, это я замѣтилъ, какъ онъ на Ольгу Ивановну поглядывалъ, да навѣрно, и параличъ у него на этомъ самомъ дѣлѣ произошелъ.

Меня онъ быстро не взлюбилъ. За что, не знаю. Грубаго мнѣ ничего не говорилъ, а только я понялъ, что онъ презираетъ меня, какъ хама.

Помню, онъ разъ при мнѣ спросилъ Ольгу Ивановну:

— А что вашъ кузенъ по французски понимаетъ? и закрылъ глаза.

Ольга Ивановна, понятно, отвѣтила, что нѣтъ. Ишь какого себѣ лакея захотѣлъ—съ французскимъ языкомъ!

Другой разъ я ему газету подавалъ, и про нормальный отдыхъ приказчиковъ заикнулся,—я объ этомъ въ газетѣ-же и прочелъ.

Онъ прищурился, и вяло такъ, кисло говоритъ:

— А вы знаете, что значитъ слово нормальный?

Я отвѣчаю, что такой, молъ, какой надо. Онъ поковырялъ въ зубу зубочисткой, рыгнулъ, но не такъ, какъ у насъ рыгаютъ, у смердовъ, а видно, что это барскій плохой желудокъ—и говоритъ:

— Необразованные люди часто употребляютъ слова, которыхъ не понимаютъ.

И съ этой зубочисткой въ рукѣ, будто и говорить ему лѣнь, въ десяти словахъ все объяснилъ, точно на судѣ рѣчь держитъ. Тутъ и я къ нему ненависть возымѣлъ. Только онъ кончилъ, я передъ нимъ довольно дерзко вытянулся, и говорю:

— Слушаю-съ, баринъ, постараюсь запомнить.

Такъ что мнѣ потомъ даже Ольга Ивановна внушеніе сдѣлала. «Все испортишь», сказала. «А мы можемъ хорошее дѣло сдѣлать»—и улыбнулась, губки свои, по обыкновенію, скривила. Какъ она сказала «дѣло сдѣлаемъ»—по мнѣ въ родѣ озноба прошло, и самъ не знаю, какое дѣло, а только волосы похолодѣли, будто меня ожидаетъ очень занятное и опасное. Надо сказать, загадочный человѣкъ была Ольга Ивановна. Вотъ ужъ правда, коли есть на свѣтѣ бѣсы, то около нея ужъ навѣрно гнѣздились.

Самъ я въ то время очень отошелъ отъ раннихъ своихъ лѣтъ, когда мы съ мамашей въ церковь ходили, и всенощную слушали. Очень я огрубѣлъ, обнаглѣлъ. Съ одобренія Ольги Ивановны сталъ я кой-чѣмъ промышлять: опять на бѣгахъ принялся играть, съ наѣздникомъ однимъ познакомился. Служба моя при Львѣ Кириллычѣ пустяковая была, и можно сказать, мы съ Ольгой Ивановной всѣмъ домомъ правили: эти отлучки мнѣ легко сходили.

Иногда я и въ клубѣ въ карты игралъ—везло. Раза два, когда трудно приходилось, я такія штуки дѣлалъ: говорю знакомому—ставлю пятерку, въ долю. А самъ къ дверямъ, пятерку-же не кладу. Выигрывали—беру десять, будто правда мои деньги стояли, а нѣтъ—меня и въ комнатѣ уже нѣтъ. До свиданія.

Такимъ маneромъ наигралъ я за годъ рублей шестьсотъ, и половину, по совѣту Ольги Ивановны, держалъ на сберегательной книжкѣ. На другую часть—рискнулъ, на биржѣ сыгралъ. Опять удача—двѣсти заработалъ. Тутъ я себѣ новый костюмъ сшилъ, завелъ котелокъ, перчатки, и на улицѣ выглядѣлъ настоящимъ молодымъ человѣкомъ.

Ольга Ивановна тоже не промахъ была, и когда мы съ

ней ходили къ Коршу, или въ фарсъ, то насъ никакъ нельзя было принять за лакея и экономку.

Но съ нѣкотораго времени сталъ я замѣчать въ ней странности. Хотя жили мы бокъ о бокъ, и скрываться другъ отъ друга было трудно, однако, она что то скрывала. Куда-то ходила, какія то дѣла завела, я это понималъ, но не могъ въ толкъ взять, что именно.

И со Львомъ Кириллычемъ стала она разныя умности разводить — смотритъ на него холодными глазами, а маленькимъ ротикомъ (я тогда очень догадывался, что она на звѣрька хищнаго похожа, скажемъ—на ласку)—такъ и сыплетъ о пролетаріатѣ, классовой борьбѣ, революціи. И откуда она всего этого нахваталась? Я слова-то эти въ первый разъ слышалъ, а она такъ и чешетъ. Даже Левъ Кириллычъ изумлялся, но и ему лестно было, что вотъ у него для разныхъ услугъ женщина, а съ ней и о серьезномъ можно поговорить.

Лежитъ, бывало, рыгаетъ, зубочисткой во рту разрабатываетъ, и тянетъ, тянетъ: молъ, все бредни, если такъ жизнь устроить, казармы получатся, никто работать не захочетъ, потому что богатымъ нельзя будетъ сдѣлаться. А я слушаю его, и думаю: хорошо болтать, всю жизнь шампанское да устрицы пролопавши, а можетъ въ нашей шкурѣ другое запѣлъ бы. Но думалъ я такъ единственно по ненависти къ его важному виду, а не потому, чтобы самъ этими дѣлами былъ занятъ. Самъ-то я какъ разъ такимъ Львомъ Кириллычемъ и хотѣлъ бы стать.

А Ольга Ивановна и меня удивляла. Зачѣмъ ей это все нужно? Неужто-жъ она собиралась обездоленнымъ и трудящимся помогать? Ужъ очень это ея физіономіи, какъ сказать, не подходило. Повѣрить въ это очень было трудно. Я пробовалъ съ ней заговорить—безплодно. «Оставь,—отвѣчаетъ,—это мои дѣла. Я тебѣ не мѣшаю, какъ ты на бѣгахъ, да по притонамъ въ карты играешь—и ты меня не трогай». Больше ничего не добился, а только понялъ, что знакомства у ней новыя завелись, и дѣла она обдѣлываетъ, надѣясь отъ нихъ имѣть выгоду.

Съ тѣмъ я и отошелъ, но на душѣ у меня было неспокойно.

Самъ я жилъ не ахти какъ, и съ дѣвченками путался,—одна даже меня полюбила и супникомъ быть предлагала, да я не пошелъ, гордость, вѣрно, мужская мѣшала. Значитъ, и самъ-то я былъ финтифлю съ малиной, а все-жъ насчетъ Ольги Ивановны тяжелыя у меня были опасенія, и я ждалъ чего-то мерзкаго.

Напримѣръ, разъ помню въ Ружейномъ переулкѣ встрѣтилъ я ее съ человѣкомъ, — она меня не видала, а я личность эту

очень замѣтилъ, потому его еще по кофейной зналъ: съ усами завитыми, въ охранномъ отдѣленіи служилъ. Что такое, думаю, откуда у ней знакомство такое? А она меня же на смѣхъ подняла: «Эхъ, ты, умная голова, думаешь, ты одинъ его по кофейнѣ знаешь? А другимъ нельзя съ нимъ знакомыми быть? Онъ для моихъ дѣлъ нуженъ».

Только это не все. Разъ еще случилось въ клубѣ—да какой это клубъ? Такъ, притонъ для всякой шушеры — случилось въ третьемъ часу ночи, встрѣчаю я этого человѣка, онъ сильно выпивши, ко мнѣ спиной за столикомъ сидѣлъ — другому, тоже, видно, изъ этой компаніи, и говоритъ: «А малявка-то наша разработалась. Ловкая бабенка». «Это что въ кассиршахъ служила?» «Да, сперва стѣснялась, путала, а теперь обошлась совсѣмъ».

Тутъ вдругъ на меня тоска нашла. Больше я отъ нихъ ничего не слышалъ, а такъ сумно у меня на сердцѣ сдѣлалось, что просто хоть бросай все да домой убирайся. Вышелъ я изъ клуба, иду пѣшкомъ, тихо было, звѣзды, на бульварахъ уже никого. Помню, хотѣлось мнѣ тогда далеко уйти за городъ, забыть все.

Понятно, Ольга Ивановна мнѣ ни въ чемъ не открылась; все же встревожилась, съ этого самаго времени—случайно это или нѣтъ, не знаю, — она стала мѣняться, и даже очень. Со Львомъ Кириллычемъ сдѣлалась рѣзче, и со мной, и чаще у ней голова болитъ, похудѣла, — и вижу, безпокоится, что-то скрываетъ. Только иногда скажетъ: «Ты безсердечный человѣкъ, Николай, тебѣ только бы за женщинами бѣгать, а кто съ тобой рядомъ, это тебѣ все равно». И почему-то особенно женщинами стала укорять. Я и такъ, и сякъ, отчего мнѣ ничего не скажешь,—она одно твердитъ — не твое дѣло, да разныя непріятности у ней, сплетни про нее распускаютъ, а больше ничего. Но между прочимъ я замѣтилъ, что службой у Льва Кириллыча она стала пренебрегать, и денегъ у ней появилось больше, и даже, какъ и я, она завела себѣ отдѣльную книжку. На ней также нѣсколько сотъ лежало. Такъ что, какъ и понималъ я довольно уже давно, эти дѣла ей небезвыгодны были.

Подошло лѣто, и понятно, никуда мы изъ Москвы выѣхать не могли, а сидѣли на своей Садовой у Кудрина, да смотрѣли, какъ деревья распускаются. Правда, при нашемъ особнякѣ садъ былъ отличный, и выходилъ почти что къ Вдовьему Дому. Льва Кириллыча вывозили въ креслѣ: я его каталъ по дорожкамъ, а онъ на все смотрѣлъ брезгливо, и на солнышко, и на зелень свѣжую, и какъ пролетки по Москвѣ гремѣли, ему не нрави-

лось—какъ будто обижало даже. Только разъ, помню, молчалъ онъ, молчалъ (со мной вообще рѣдко разговаривалъ, не снисходилъ),—да вдругъ и говоритъ:

— Вы меня возите по этой дурацкой Москвѣ, а порядочные люди теперь заграницей, на морѣ. Впрочемъ, вамъ все равно заграницей не бывать, какъ и мнѣ, нечего, значитъ, и разговаривать.

Конечно, я никогда раньше о заграницѣ не думалъ, и къ моему лакейскому положенію это весьма мало подходило, но въ послѣднее время Ольга Ивановна стала мнѣ дѣлать намеки, и опять я не понималъ, къ чему это. Такіе намеки, что можетъ, намъ придется изъ Москвы уѣхать, и очень далеко, и будто-бы это гораздо лучше, чѣмъ оставаться здѣсь. Меня это сбивало, а впрочемъ, я вдругъ на все махнулъ рукой, и такъ мнѣ казалось: ладно, что-то съ ней дѣлается, а что, мнѣ все равно.

И я попрежнему на бѣга ѣздилъ въ новомъ костюмчикѣ, въ соломенной шляпѣ. Два раза въ «Царицынѣ» былъ, пилъ пиво въ лѣтнемъ саду и интрижку завелъ съ тамошней дѣвицей. И конечно, чему быть, того не миновать, и какъ я ни хорохорился, не миновали мы съ Ольгой Ивановной, что намъ назначено было.

Помню, поѣхалъ я на бѣга, и на извозчикѣ развернулъ газетный листокъ; попалось мнѣ имя «Ласточка». Хоть я лошадей уже зналъ, рѣшилъ почему-то на «Ласточку» эту ставить, — лошадка темная, зато много могутъ выдать. Только ввалился, двѣ минуты осталось до заѣзда, беру билетъ, въ ординарѣ. Даже дураку ясно, первымъ долженъ «Князь Игорь» быть. На прямой шина лопается, сбой. Стала «Ласточка» съ «Мамзелью» рѣзаться, и на полголовы у бесѣдки ее обошла. Я взялъ триста.

Обѣдалъ, понятно, у Яра, потомъ въ Акваріумъ, вернулся домой въ третьемъ часу — свѣтать начинало. Такъ. Понятно, выпивши, думаю, Ольга Ивановна сейчасъ меня точить начнетъ. Вхожу я въ комнату, она на постели сидитъ, вся синяя, виски себѣ руками жметъ. «Что ты»? говорю. «Больна?». Молчитъ. «Да что съ тобой, или что случилось?». Опять молчитъ, только письмецо мнѣ подаетъ. Что за дьяволъ такой? думаю. И что-же въ этомъ письмецѣ написано: что вотъ ей, Ольгѣ Ивановнѣ такой-то, объявляется партіей смертный приговоръ. Я на дыбы.

— Какой партіей? За какія провинности?

— Я, отвѣчаетъ, тебѣ этого раньше сказать не могла—. И

легла ничкомъ на постель, уши руками прикрыла, точно я ее бить собирался.

Потомъ стала плакать и меня упрекать, что я ее не люблю, по женщинамъ бѣгаю, одну оставляю, а ее всѣ обижаютъ. Нѣтъ, думаю, погоди. Сѣлъ я къ ней на постель, ноги дрожатъ, погоди: все узнаю.

— За что-жъ убить тебя грозятся?

— За то, за то...—вдругъ она вскочила, и глаза у ней засверкали, какъ у дикаго хоря:—вышло-бы—богатыми-бъ были, за то, что я ихъ кругомъ пальца вотъ какъ обвертывала, а они думали, я ихняя.

И опять она распалилась, что дѣло у ней сорвалось, и со злобой, съ сатанинской яростью все мнѣ выложила: что, правда, втерлась она въ партію, къ политическимъ, и въ охранное отдѣленіе поступила, и все въ гору шла, народу повыдавала, къ осени повышеніе должна была получить, а теперь все пропало, потому что узнали. И опять она въ отчаяніе впала, что вотъ ее не сегодня завтра убьютъ. Охъ, и ночь-же это была!

Хоть никогда я Ольгу Ивановну душевной любовью, съ жалѣніемъ, съ уваженіемъ, не любилъ, но когда она мнѣ это разсказала, прямо скажу: бездна у меня подъ ногами разверзлась.

Чтобы съ Іудой-предателемъ въ одной постели спать, этого я никогда не ждалъ. Но тутъ-то и началось. Она это сейчасъ-же поняла, а какъ была женщина цѣпкая, то меня выпускать ей совсѣмъ не подходило. Сначала она мнѣ въ ноги, чтобы ее убить будто, и по полу ползала, какъ гадъ, руки цѣловала, а потомъ еще лучше устроила — женскую свою силу противъ меня пустила,—и какъ была она разгорячена, да и я взбудораженъ, то ей это очень даже удалось. И въ этомъ самомъ дѣлѣ топили мы оба себя, какъ въ винѣ,—она позоръ свой и страхъ, я—смятеніе и гордость, остатки, что во мнѣ было еще человѣческаго. Понималъ я, тутъ моя гибель настоящая начинается. И точно провалился куда—заснулъ.

А проснулся другимъ человѣкомъ. Ольга Ивановна опять вкругъ меня хлопотала: дѣловитая была женщина, и на личикѣ ея миловидномъ опять заботы были, такъ и кипѣло, и варилось въ ней опять — что вотъ, молъ, надо какъ нибудь вывертываться. А я, напротивъ, совсѣмъ воли лишился. Точно рыба на берегу: треплю хвостомъ, а дышать нечѣмъ, и все равно съ мѣста не сдвинешься.

Въ этотъ день я совсѣмъ Льва Кириллыча не видѣлъ, и не показывался къ нему, а уѣхалъ изъ дому, опять былъ на бѣгахъ, напился, и весь свѣтъ, вся Москва мнѣ теперь другими казались. Какъ море по колѣно. Вѣдь такъ сказать, я все таки предателемъ еще не былъ, а мнѣ мерещилось, что я теперь что угодно могу сдѣлать, не только что котомъ стать, а на всякое преступленіе пойду, потому въ чужой я власти, въ грѣховной, и мнѣ все равно пропадать такъ сейчасъ-ли, или еще когда,—все одно.

Вечеромъ, когда вернулся, встрѣчаетъ меня Ольга Ивановна, глаза у ней сухіе, горятъ, и вся не своя, будто въ другомъ мѣстѣ присутствуетъ, а здѣсь одна ея видимость. Я очень хорошо понялъ: бѣгалъ хорь цѣльный день, придумывалъ, и теперь вотъ онъ, готовъ.

Такъ оно и вышло. Вѣрно, придумала, да еще что.

Увела меня въ нашу комнату, дверь на крюкъ и говоритъ: здѣсь оставаться намъ нельзя, бѣжать надо, заграницу. Денегъ мало. Это не бѣда. Все она разсудила. Вынула револьверъ, на меня навела. Если, говоритъ, проболтаешься, или помочь не захочешь —мнѣ терять нечего, живымъ не выпущу. Я слушаю, молчу. Не испугался нисколько, знаю, все равно: какъ она скажетъ, такъ и сдѣлаю.

А надумала малявка такъ. У Льва Кириллыча въ столѣ, на ключъ запертомъ, процентныхъ бумагъ и деньгами хранилось тысячъ на двадцать.

Ключъ этотъ онъ подъ подушкой хранилъ, и спалъ довольно чутко. А послѣдніе дни сталъ, чтобы отъ безсонницы избавиться, понемногу морфію принимать. Какъ онъ въ двѣнадцать задремлетъ, долженъ я къ нему прокрасться, и морфій въ рюмку всыпать, чтобы ужъ не проснулся. Потому это *я* именно сдѣлаю, что у мужчинъ нервы крѣпче, видите ли. А она вдругъ испугается, и все испортитъ.

Я не помню словъ, какими она мнѣ это говорила. Можетъ потому, что такихъ словъ и нельзя запомнить. И даже я предполагаю—не была ли Ольга Ивановна, когда револьверомъ грозила и планъ свой разсказывала—не была ль она просто сумасшедшей въ это время. Бредъ свой (бредила, можетъ, отъ ужаса),—и мнѣ навязала. А что навязала, это вѣрно. Можетъ, разскажи она мнѣ это недѣлю назадъ,—я бъ тутъ же какъ суку паршивую прихлопнулъ. А то, вѣдь, нѣтъ—сидѣлъ, слушалъ, ни слова не сказалъ. И день слѣдующій точно во снѣ прожилъ, и ждалъ вечера, какъ особеннаго часа жизни, потому зналъ—тутъ рѣшается моя судьба. Ольга Ивановна тоже была особенная,

точно вся въ одномъ, и ходила осторожно, чтобы, скажемъ, не расплескать, что въ ней было.

Вечеръ наступилъ, звѣзды надъ садомъ нашимъ зажглись, а я, какъ полоумный, въ саду на скамеечкѣ сидѣлъ и часу ждалъ. Помню, когда о двадцати тысячахъ думалъ, которыя у Льва Кирилловича въ столѣ лежатъ, то по всему тѣлу проходило мучительное, сладкое чувство. Что говорить: я эти двадцать тысячъ очень хотѣлъ получить, и одной Ольгой Ивановной всего не объяснишь. Мнѣ заграницу хотѣлось, въ рулетку играть, милліонъ выиграть, а что больнымъ однимъ старикомъ меньше будетъ, да еще такимъ, какъ Левъ Кирилловичъ, — право, мало это меня касалось.

И когда я такъ въ саду сидѣлъ и ждалъ, мнѣ показалось, что теперь ужъ никакая сила меня удержать не можетъ—разъ случился во мнѣ этотъ переломъ, — конецъ. Шелъ я какъ въ пропасть въ эту комнату Льва Кириллыча. Дѣло прошлое, могу сознаться: наслажденіе великое было — чувствовать, что вотъ сейчасъ, сейчасъ... и ужъ не вернешь. Убійца, воръ! Голова кружится.

Ольга Ивановна сидѣла у себя въ комнатѣ, будто и ничего произойти не должно было. Опять я не могу сказать, въ здравомъ умѣ была, или нѣтъ. А я черезъ балконъ прошелъ, дверь балконную притворилъ на шпингалетъ, и на цыпочкахъ мимо отворенной двери ко Льву Кирилловичу прокрался. Левъ Кирилловичъ лежалъ на спинѣ, спалъ. Я изъ гостиной—въ коридоръ. Войти долженъ былъ изъ коридора, чтобъ если онъ глаза случайно раскроетъ, то меня не увидѣлъ бы. Такъ все и сдѣлалъ. Лежитъ. Тишина въ домѣ мертвая, по Москвѣ пролетки гдѣ-то гремятъ, гдѣ-то очень далеко.

Подошелъ я къ самой коробочкѣ съ морфіемъ, — кости и голова на ярлыкѣ, при свѣтѣ ночника увидѣлъ,—вздохнулъ, руку протянулъ, и вдругъ... почувствовалъ, что какъ раньше меня нельзя было остановить, образумить, такъ сейчасъ нельзя заставить этотъ порошокъ въ руку взять.

Постоялъ, повернулся, и тихо, дѣловито, какъ Ольга Ивановна со мной говорила, прошелъ въ ея комнату. Она встала— спрашивала, значитъ, сдѣлано-ль. Я ничего не сказалъ, снялъ котелокъ, пальто надѣлъ, потомъ спокойно, точно мной тоже кто управлялъ—изъ всей силы ударилъ по лицу Ольгу Ивановну. Я былъ тогда силенъ. Она упала, а я вышелъ.

II.

Пошелъ я по Садовой, медленно, къ Тверской. Разсвѣтъ занимался. Я шагаю, и такъ усталъ, что насилу ноги двигаю. Но покой на меня нашелъ удивительный. Такъ бы и ушелъ, сколь можно дальше, въ поле бы выбраться, лечь на спину, и просто такъ, полежать.

Тутъ на меня ужасъ напалъ. Хорошо въ полѣ лежать, у кого ничего нѣтъ на совѣсти, кто сердцемъ чистъ. Ну, а кто преступникомъ, убивцемъ сталъ,—тому какъ? Чуть я не побѣжалъ бѣгомъ. Померещилось мнѣ, то-есть, что Льва Кириллыча я отравилъ, и съ Ольгой Ивановной въ предательскую шайку вошелъ, и іудины сребреники получаю. На одно мгновеніе представилъ—похолодѣли виски.

И такъ, я, значитъ, по Садовой чуть не бѣгу, и про себя твержу: «нѣтъ, нѣтъ, неправда это все, неправда».

И тѣмъ же утромъ, въ шесть часовъ, какъ только буфетъ открылся, сидѣлъ я на Брестскомъ вокзалѣ и чай пилъ, про себя размышляя, какъ мнѣ быть. Теперь ужъ поспокойнѣе былъ, и понималъ, что ничего не случилось, и могъ нѣсколько умомъ пораскинуть. Значитъ, очень меня эта исторія съ Ольгой Ивановной и Львомъ Кириллычемъ задѣла, и хоть жилъ я неправильно и развратно, все же это весьма меня встряхнуло. Жизнь моя мерзостью показалась удивительной. Неужели-же я, правда, такой ужъ котъ и мошенникъ безпросвѣтный? Неужели-жъ не могу честно устроиться, на тихой дѣвушкѣ жениться, жить въ своемъ углу, покойно, прилично? Ну, вѣдь годенъ же я на что нибудь, окромя бѣговъ да клуба?

Тутъ гордыня моя всегдашняя заговорила. Нѣтъ, брешешь, это еще мы посмотримъ. И вотъ сидя, съ самимъ собой разговоры ведя, дошелъ я до очень простой вещи: Ольгу Ивановну я брошу и всю свою жизнь прежнюю, а постараюсь по новому устроиться, если можно, даже изъ Москвы совсѣмъ уѣхать, чтобъ меньше соблазну, да можетъ, гдѣ въ другихъ мѣстахъ и лучше будетъ.

День разыгрался веселый, солнечный, и когда я съ Брестскаго вокзала по Тверской шелъ, представлялось мнѣ, что теперь я другой человѣкъ, весь вымытый, полегчавшій, силы у меня сколько хотите, а вотъ люди, солнце, тепло,—это все отлично. Ольги же Ивановны замыслы меня не касаются.

И такъ я себя разжегъ, мнѣ и впрямь представилось, что я порядочный человѣкъ, и образованный даже. Вспомнилъ Андрея Иваныча, метранпажа, который меня въ дѣтствѣ грамотѣ училъ, и какъ Никитина когда-то читалъ. Опять стыдъ меня обуялъ,—вѣдь за все время, что я въ праздности и сытости съ Ольгой Ивановной прожилъ, я ни одной книжки не прочелъ, даже въ газетахъ читалъ только про бѣга, да несчастные случаи, судебныя дѣла.

Чтобы все сразу измѣнить и вправду другимъ сдѣлаться, отправился я въ Народную Читальню, и спросилъ тамъ «Русскія Вѣдомости», сталъ читать, какъ люди заграницей живутъ. Просидѣлъ такимъ манеромъ довольно долго, потому очень усталъ (ночь-то безсонную провелъ) и отправился въ ресторанчикъ.

А въ этомъ ресторанчикѣ и судьба меня ждала новая, хоть я объ этомъ нисколько не думалъ: встрѣтилъ я знакомаго коммивояжера, съ которымъ немного по клубу, да по бѣгамъ былъ знакомъ (онъ изъ Западнаго края, въ Москвѣ по дѣламъ бывалъ). Такой онъ былъ ловкій, проборъ посредь головы, брелоки на животѣ, галстухъ пестренькій, и всегда говорилъ, что въ Польшѣ все хорошо и дешево, а въ Москвѣ дорого и скверно.

Такъ же и тутъ, выпилъ онъ пива, развеселился, и сталъ Польшу расхваливать.

— А въ Варшавѣ панъ тоже не былъ? А Варшаву, а то— малый Парижъ, прошу пана. У васъ завтракъ рубль, а у насъ на первомъ мѣстѣ семьдесятъ пять.

Говорилъ, говорилъ, очень разошелся, и когда выпили съ нимъ еще пива, то прямо сталъ въ Варшаву звать, и будто въ той же фирмѣ, гдѣ онъ работаетъ, помощникъ какъ разъ нуженъ для него, потому что дѣла съ Москвой растутъ.

— На другой день якъ въ Варшавѣ—сто въ мѣсяцъ, угодно? Сто чистенькими, это вамъ что-нибудь ужъ значитъ.

Очень онъ меня распалилъ, и тутъ же я рѣшилъ—ладно, дадутъ сто—хорошо, не дадутъ, все равно какую-нибудь работу да найду, къ тому же у меня триста рублей на книжкѣ уцѣлѣли, значитъ, первое время пробиться сумѣю.

Такъ я и сдѣлалъ, собралъ кой-какой свой скарбъ, Ольгѣ Ивановнѣ сказалъ, что мѣсто получилъ тутъ же въ Москвѣ, и, не долго разговаривая, уѣхалъ въ Варшаву. Понятно, глупо было первому слову полячка, котораго почти и не зналъ,—довѣрять, но меня и самого чрезвычайно подмывало куда-нибудь подальше забраться.

Мѣста мнѣ въ Варшавѣ никакого не дали, очутился я на

улицѣ. Пока деньги были—ничего, а потомъ стало круто. Я крѣпился, хотѣлось мнѣ на честную линію выбиться, стать, значитъ, хоть пролетаріемъ, да чтобъ смѣло всякому въ глаза смотрѣть.

И вотъ, это не легко мнѣ давалось. Жизнью съ Ольгой Ивановной у Ѳаддеева я былъ избалованъ, даже развращенъ. А въ чужомъ краю, безъ языка, достать сносную работу очень трудно. Получивъ же, надо ее удержать. Говорю это не въ свое оправданіе, а чтобы понятнѣе было, какъ я жилъ.

Кѣмъ, кѣмъ только я не перебывалъ въ Западномъ краѣ! И посыльнымъ въ конторѣ, и на заводѣ служилъ, въ Гута-Банковѣ. И опять же, чѣмъ могъ я заниматься тамъ, кромѣ какъ чернорабочимъ дѣломъ, по шестидесяти копеекъ въ день? А прокатчики по два, три рубля получали.

Развозилъ я въ Варшавѣ молоко на велосипедѣ отъ фирмы, мылъ въ ресторанахъ окна, по полтиннику въ день, торговалъ на улицахъ игрушками, ходилъ съ рекламой за спиной, въ дурацкой одеждѣ. Просилъ, и «на билетъ до границы», когда ужъ туго приходилось. А все же въ Москву не хотѣлось ворочаться, потому, не было и въ Москвѣ мнѣ пристанища. Объ Ольгѣ Ивановнѣ не могъ спокойно вспомнить.

Такъ я пробился года полтора,—и сталъ слабѣть. Просто, руки опускаются. Не удержусь, думаю, пропаду гдѣ-нибудь подъ заборомъ. И вотъ сталъ я опять опускаться. Пить началъ, стала мнѣ одна дѣвченка помогать, словомъ—предстояла прежняя дорожка. Тутъ я свелъ знакомство со всякими людьми, а Варшава ими кишитъ. Были у меня жокеи, и биржевые зайчишки, и контрабандисты, и мошенники, и даже одинъ фальшивомонетчикъ. Самъ-же я по фальшивымъ деньгамъ не работалъ, это скажу прямо.

Всѣ эти люди такъ норовили устроиться, чтобы полегче, попріятнѣй жизнь скоротать, не обременять ее трудомъ и потомъ, а если завтра капутъ, такъ и ладно. Это для меня выходило очень подходяще, потому, правда, чего мнѣ было ждать завтрашняго дня? Впереди ничего не видѣлъ, значитъ—пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса.

Работая немного по контрабандѣ, я иногда и политическимъ способствовалъ, въ переправкѣ заграницу. По случаю дѣлъ съ русскими политическими, сошелся я съ нѣкоторыми изъ польскихъ. Выпало мнѣ знакомство съ самыми что ни на есть отчаянными, называли они себя «анархистами-коммунистами». Говоря короче, въ родѣ разбойниковъ были. Большей частью изъ нашихъ-же, такихъ подонковъ, какъ я, состояли.

Мнѣ-же это было какъ разъ подстать. Удила ужъ тутъ я совсѣмъ закусилъ, опять въ болѣе легкую жизнь выбился, что со мной въ Москвѣ происходило—забылъ совсѣмъ. Вино, женщины, деньги—вотъ стали три моихъ кита, хотя, не скрою, иногда нападали на меня приступы тоски отчаянной, какъ будто волочу гирю сто пудовъ вѣсомъ, и все она тяжелѣй, съ каждымъ днемъ. Я предавался вину, и излишествамъ еще больше, но сколько ни кутилъ, не безобразничалъ, никогда не было въ моей душѣ покоя, безъ котораго жизнь не имѣетъ и малѣйшей прелести. Въ это время я такъ себѣ иногда представлялъ, что какъ будто я полюбилъ честную дѣвушку, и она меня, я на ней женюсь, и живемъ мы, имѣя свое дѣло, независимо, порядочно. Даже больше скажу: во время своего бродяжества, по темнымъ дѣламъ, я встрѣтилъ на пограничной станціи дѣвушку (она служила горничной въ дамской комнатѣ)—которая какъ разъ этимъ мыслямъ соотвѣтствовала. Очень деликатная, тихая, и скромно себя держала. Звали ее Настасьей Романовной. Я было попробовалъ съ ней такъ и этакъ, но она меня отшила быстро. Это мнѣ тоже понравилось. Я мало очень такихъ видѣлъ раньше.

Однако-же, надо было чѣмъ-нибудь питаться. Шайка наша утвердилась, окрѣпла, и мы занялись экспропріаціями, то есть, грабежами.

Долженъ сказать—людей въ этихъ дѣлахъ убивать мнѣ не приходилось, но изъ товарищей кой-кто былъ ужъ въ крови, какъ напримѣръ, Янъ Хщоищъ, нашъ предводитель. Сначала мы революціей начинавшейся прикрывались, но скоро всѣ поняли, что никакой тутъ революціи нѣтъ, просто мы для себя работаемъ, подъ благовиднымъ флагомъ.

Дѣйствительно, намъ везло первое время, и изъ проходимцевъ мы вскорѣ вышли въ господа, пріодѣлись, въ первомъ классѣ стали ѣздить на работу, въ лучшихъ ресторанахъ бывали—однимъ словомъ, съ виду никакъ насъ нельзя было принять за разбойниковъ.

Но недолго такъ продолжалось, до того самаго ограбленія на станціи, о которомъ много писали въ газетахъ.

Это дѣло извѣстное. Мы напали на станцію, куда артельщикъ только что привезъ деньги—вечеръ былъ темный, туманный. Связали начальника, взяли кассу; артельщикъ сопротивлялся—его убили,—и забравъ двадцать тысячъ—бѣжали.

Опять-же: убивать мнѣ не пришлось, но эту ночь сырую, огни на линіи, выстрѣлы, какъ потомъ за нами стражники гнались, а мы по картофельному полю бѣжали къ лѣсочку, и тоже

отстрѣливались—этого я никогда не забуду, нельзя это забыть.

Трое нашихъ пропало тутъ-же, четверыхъ потомъ поймали, лишь я, да слесарь одинъ бывшій, Квятковскій, изъ всѣхъ и спаслись.

Товарищей моихъ по этому дѣлу повѣсили, мнѣ-же досталось пять тысячъ, которыя я сумѣлъ урвать во время бѣгства, и потомъ спрятать.

Какъ я убѣжалъ, какъ меня шальная пуля не догнала, этого я не знаю, и потомъ мнѣ иногда казалось, что напрасно и не влѣпили мнѣ сзади заряда. А какъ теперь посмотрю, значитъ, былъ такой смыслъ. Значитъ, нужно мнѣ было черезъ все пройти.

Пять тысячъ деньги немалыя. Раньше, можетъ, я-бъ ихъ прокутилъ, да тутъ опять со мной что-то произошло. То-ли еще силы, здоровья во мнѣ было достаточно, и не хотѣлось совсѣмъ пропадать, то-ли подѣйствовало, что товарищей, кого поймали, тотчасъ повѣсили, только вдругъ бросилъ я Варшаву и всю сволочь, съ которой послѣднее время якшался, и уѣхалъ на прусскую границу.

Понятно, прямо въ городокъ, гдѣ Настасья Романовна жила.

Тутъ во мнѣ и отозвалось, что отецъ мой, хоть и не по настоящему, все-же торговлей занимался: рѣшилъ я сгоряча за дѣло взяться, зажить, какъ слѣдоваетъ. Какъ разъ и вышло, что въ этомъ городкѣ буфетъ при станціи передавался, и при буфетѣ меблированныя комнаты. Эти комнаты существовали для того, что случалось, поѣзда съ нѣмецкой границы съ нашими не совпадали, и значитъ, выходило, что кто въ Россію возвращался, оставались тутъ ночевать. Граница это не главная, не то, понятно, что Александрово или Вержболово, а все-же дѣло это было довольно выгодное, могло давать хорошій профитъ.

Выждалъ я, пока затихла исторія съ грабежомъ, и снялъ этотъ буфетъ и меблированныя комнаты. Тутъ-же я посватался къ Настасьѣ Романовнѣ.

Какъ ужъ я говорилъ, Настасья Романовна была дѣвушка скромная, деликатная и даже нѣжнаго вида, собой миловидная. Происхожденіе ея не совсѣмъ обычное, а именно, барышня одна, возвращавшаяся изъ заграницы, потеряла паспортъ, провела здѣсь три дня: пока насчетъ паспорта справки наводили, съ офицеромъ пограничной стражи согрѣшила. Родила она дочку въ Гродно, и сама умерла. Дочь къ отцу вернули, онъ не отрекся, и тутъ-же ее

устроилъ у одной женщины, и даже платилъ ей, а потомъ и его перевели. Она-же осталась на той самой станціи, откуда получила начало жизни.

Эта самая барская порода въ Настасьѣ Романовнѣ очень даже меня прельстила; понятно, не одно это.

Что-то въ ней такое было,—движеніе тѣла, поступь, губы влажныя и огонь скрытый (я все-же чувствовалъ его)—это все и раскаляло меня до послѣдней степени. Въ скромности ея, какъ будто робости, покорности я такое видѣлъ, что у меня ноги дрожали.

Не умѣю сказать и, признаться, не размышлялъ тогда, нравлюсь ей, или нѣтъ, меня одно разбирало, какъ бы ее добиться, а безъ брака, я понималъ, она ко мнѣ не пойдетъ, потому силу свою женскую знаетъ. Я-же былъ уже буфетчикомъ, человѣкомъ состоятельнымъ, любилъ ее звѣрски, это тоже она видѣла, былъ собой недуренъ, горячъ: ей, однимъ словомъ, полный смыслъ за меня выходить.

Она и вышла.

Такимъ манеромъ сдѣлался я вдругъ женатымъ и солиднымъ человѣкомъ, не смотря, что чуть не вчера еще разбойникомъ былъ. И какъ сами понимаете, не могъ себя просто, покойно чувствовать. Настасья Романовна превзошла, чего я отъ нея ждалъ, и до того меня доводила, что кажется, такъ-бы ее и разорвалъ на части во время любви. Совсѣмъ я какъ пьяный или безумный отъ нея былъ. И съ каждымъ днемъ я сильнѣй чувствовалъ, какъ въ нее въѣдаюсь, какъ нельзя ужъ отъ нея оторваться, точно она оборотень какой, упырь, которому меня-же и съѣсть надлежитъ. А она ходитъ себѣ весь день невинно, глазки потупивъ, въ работѣ мнѣ помогаетъ по буфету, и только иногда блеснетъ у ней во взорѣ такое, что отъ ея скромнаго вида весьма далеко.

Я же у стойки стою за кассой, за огромаднѣйшимъ самоваромъ наблюдаю, и когда она вблизи меня проходитъ, холодѣю. Да и вообще, какъ уже сказалъ я, не было мнѣ покою. Дѣла шли очень порядочно, кухню я улучшилъ, и проѣзжающіе весьма остались довольны, особенно свѣжей рыбой, которой доставку я устроилъ. Много у васъ столовалось пограничныхъ офицеровъ, и господа жандармы. Не скрою—каждый разъ, какъ увидишь синій околышъ этотъ, то и кажется: ну, голубчикъ, по твою душу, пожалуйте-ка въ тюремный замокъ, а оттуда на перекладину, на качели воздушныя. И главное, я понималъ, что это вѣрно, что коли моихъ товарищей вздернули, почему же и меня

нѣтъ? Чѣмъ я меньше ихъ заслужилъ? А потомъ смѣялся надъ собой, издѣвался, что я трусъ, дуракъ, байбакъ. Ну, было и было, а теперь концы въ воду, въ живыхъ-то никого не осталось, и меня при ограбленіи никто не видѣлъ, стало-быть, откуда жъ меня опознать могли?

И тогда я напускалъ на себя веселость, даже наглость такая во мнѣ появилась, что я со знакомымъ жандармскимъ капитаномъ объ этомъ самомъ ограбленіи разговоръ завелъ. «Да», сказалъ: «деньги-то не всѣ нашли, пять тысячъ пропало, вѣрно, одинъ голубчикъ все жъ таки утекъ. Ничего, не отвертится».

А я посмѣиваюсь, говорю:

— Разумѣется дѣло. Вздернутъ.

Такъ-то вотъ я кощунствовалъ, можно сказать, а самъ Настасьи Романовны немного побаивался. Ходитъ она, работаетъ около меня чисто, тихо, а у самой все такая улыбочка,—это, молъ, одна видимость, а тебя со всѣми твоими штуками я наизусть знаю. Ничего отъ меня не скроешь.

По правдѣ-то говоря: другъ съ другомъ мы цѣлый день, спимъ вмѣстѣ, взгляду ея каждая моя жилка открыта, и когда я поблѣднѣю, когда тоска на меня находитъ,—ничего этого нельзя утаить: ужъ про то не говорю, что во снѣ станешь бормотать— сны же у меня всегда были безпокойные, а это время особенно.

И я тоже присматривался къ Настасьѣ Романовнѣ, къ ея поступи мягкой, теплотѣ, что въ ней была, и думалъ: а что, если бы она узнала на какія деньги я этотъ буфетъ содержу? Что бъ она сказала? Это загвоздка была для меня, и положивъ руку на сердце, ничего я тутъ не могъ отвѣтить.

Какъ ни какъ, прожили мы зиму, а въ мартѣ весна ужъ открылась—въ западномъ краѣ она раньше нашей, московской, бываетъ. Стало у насъ больше пассажировъ: передъ Пасхой многіе изъ столицъ за-границу ѣздятъ отдыхать. Смотришь, бывало, на эти скорые поѣзда, что богатыхъ людей, спокойныхъ, довольныхъ, въ чужія страны везутъ, даже завидки возьмутъ. На лицахъ у нихъ написано: мы, молъ, порядочные люди, сколько надо за зиму поработали, деньжонки есть, а теперь ѣдемъ жизнью пользоваться, потому мы не какіе-нибудь шушера, а настоящіе. И они на меня тоже тоску нагоняли. Хотѣлось мнѣ тогда тоже въ поѣздъ сѣсть и куда-нибудь на край свѣта уѣхать, напримѣръ, въ Южную Америку. Тутъ я вспоминалъ, какъ бывало Ольга Ивановна читала въ газетахъ о разныхъ кассирахъ, мошенникахъ, которые, взявъ большой кушъ денегъ, за-границу скрывались. Помню, когда она это читала, мнѣ было чудно, и очень я себя

далеко отъ этихъ людей полагалъ, а вотъ теперь оказывается, самъ я какъ разъ такой, даже хуже, и еще тѣмъ хуже, что и цапнулъ-то немного.

Между прочимъ, здѣсь одну я встрѣчу имѣлъ. Однажды, вижу, несутъ на носилкахъ человѣка, четверо носильщиковъ, за носилками дама, хорошо одѣтая, въ сѣромъ костюмѣ: это значитъ, только что изъ Москвы поѣздъ пришелъ, и больного старика къ заграничному перетаскиваютъ. Смотрю, знакомое что-то. Ближе подходятъ—ну, конечно: Левъ Кириллычъ и Ольга Ивановна. Я за самоваръ нашъ огромаднѣйшій укрылся, но тоже, помню, какъ бумага сталъ бѣлый. А тутъ какъ разъ Настасья Романовна со своимъ невиннымъ видомъ:

— Взгляните, говоритъ, Николай Ильичъ, какого слабаго человѣка, а тоже лѣчиться везутъ.

А сама смотритъ на меня, и видитъ, какъ я смутился, и улыбается:

— А вы, говоритъ, даже и взглянуть не желаете.

Боже мой, прости мои прегрѣшенія, но не удержусь, все же, не сказать: иногда эта самая ея улыбочка изъ себя меня выводила: будто надо мной насмѣшка.

Ну, вообще наша жизнь съ Настасьей Романовной не очень то ладилась, какъ и надо было ждать, понятно. Я на жену просто смотрѣлъ; взялъ, купилъ, и готово. А того я не соображалъ, что человѣка купить трудно. И Настасья Романовна, хоть и жила, и спала со мной, мнѣ только по видимости принадлежала, а сердце у ней было свободно: меня она ни крошки не любила, это я понималъ. Такъ что мысль моя—на тихой, на любящей дѣвушкѣ жениться и съ ней счастливо жить—все это только по внѣшности исполнилось, а въ середкѣ ничего не было, пустое мѣсто.

Понятно, что я такое былъ? Буфетчикъ, хамъ. А у насъ на станціи и пограничники, и жандармы—нѣкоторые даже собой видные офицеры. Бабье-же дѣло такое, что военный для нихъ орелъ, и сразу къ себѣ располагаетъ. И изъ нихъ кто побойчѣй, поопытнѣй, тоже могъ въ Настасьѣ Романовнѣ ея природу разобрать, а на это всѣ вѣдь падки, дѣло извѣстное.

Однимъ словомъ, явился тутъ поручикъ Бабанинъ, жандармъ—рослый, розовый, усики черные, какъ пришлось мнѣ въ жизни замѣтить, довольно часто бываютъ жандармы такіе розовые и упитанные, особенно въ молодости.

Сталъ онъ и такъ и сякъ, къ буфету очень зачастилъ, бывало, выйдешь зачѣмъ наверхъ, въ меблированныя комнаты,

спустишься потомъ—онъ ужъ у стойки, съ Настасьей Романовной любезничаетъ, и со мной за панибрата, точно я ему родственникомъ довожусь. Меня это злило. Молчу, крѣплюсь, на шуточки его не отвѣчаю, свое дѣло дѣлаю, а у самого закипаетъ. Настасья Романовна это понимала очень хорошо, и со мной какъ нарочно еще ласковѣе, такъ овечкой и лебезитъ. Меня-же провести трудно, и скажу такъ: къ тяжелымъ мыслямъ, что меня одолѣвали съ тѣхъ поръ какъ на вокзалѣ поселился—прибавлялись теперь новыя. Сталъ я задумчивѣй, угрюмѣй. На меня нападала тоска, и теперь я не могъ отъ думъ оторваться, отъ думъ о своей жизни. Прежде какъ ляжешь, сразу засыпалъ, а теперь нѣтъ: рядомъ Настасья Романовна спитъ, во снѣ чему-то улыбается. А мнѣ мерещится—это поручикъ Бабанинъ ей снится. И я на нее смотрю, мнѣ тоже жутко дѣлается, будто, чую я, эта женщина тоненькая—и есть моя погибель. Страсть я къ ней чувствую звѣрскую, точно она еще невинная дѣвушка, и ненависть такую: вотъ, кажется, взялъ-бы ее да тутъ-же и задушилъ. И даже мнѣ представляется, какъ шейка ея слабая подъ моей лапой хруснетъ. «Что-жъ, моя жена—будетъ гулять—задушу. И ничего такого нѣтъ. Я ее изъ горничныхъ взялъ, женился, самъ кромѣ нее ни на кого не гляжу, а она съ жандармомъ будетъ путаться? Нѣтъ, шалишь, не на такого наскочила». Сядешь, бывало, въ одномъ бѣльѣ на постели, голову руками сожмешь. «Не любитъ, стерьва, обманула, какъ замужъ шла». «Да развѣ спрашивалъ ее, любитъ-ли?». «Все равно, коли замужъ выходишь, должна своему мужу вѣрной быть, и любить его». Тутъ ужъ поймешь, что глупости болтаешь, какъ есть на постель повалишься и лежишь, какъ колода, съ пустой головой. Потомъ лампадку зажжешь, поставишь передъ иконой свѣчку. Молиться хочется, да не выходитъ ничего. Трудно, видно, такому, какъ я, очиститься.

А у меня, кромѣ Настасьи Романовны, еще мука была, тоже меня изводила. Тѣ несчастные деньги, что на мою долю выпали, не всѣ были кредитками. Тысячный билетъ одинъ затесался туда, государственной ренты. И продать я его не смѣлъ, по той причинѣ, что его номеръ извѣстенъ былъ,—значитъ, предлагать его опасно. Я хранилъ этотъ самый билетъ очень аккуратно, и до чрезвычайности жегъ онъ мнѣ руки. Главное-же, долженъ былъ я отъ Настасьи Романовны его прятать, сами знаете, что за народъ бабы, а тутъ чѣмъ вѣдь дѣло пахло. Совсѣмъ же его разорвать тоже духу не хватало,—думалъ

пройдетъ время, какъ нибудь черезъ жида или контрабандиста спущу.

Между тѣмъ, сталъ я насчетъ жены анонимныя письма получать. Понятное дѣло, подпись — разные тамъ «доброжелатели». Сперва понемногу, потомъ прямо дѣлали объясненіе, чтобы, молъ, за женой присматривалъ, у нее съ поручикомъ Бабанинымъ дѣло есть. Я сперва промолчалъ, потомъ къ Настасьѣ Романовнѣ. Та въ слезы, на икону божится, что все враги наши подстраиваютъ, а сама дрожитъ, и чую я—боится. Была она блудливая женщина, стало быть—не изъ храбрыхъ.

Я ей прямо говорю, хоть и стараюсь сдержаться:

— Если только, Настасья Романовна, это правда, то ужъ знайте, я не потерплю. Какъ хотите, даромъ вамъ не пройдетъ.

И должно, правда, видъ у меня былъ страшный,—снова она мнѣ поклялась, что ничего не было, и не будетъ ничего.

Только я съ этого дня замѣтилъ, что и ко мнѣ она перемѣнилась. Бояться меня стала, и еще больше ненавидѣть, хоть и старалась это скрыть. И что промежду нами, какъ у мужа съ женой, тоже для ней сдѣлалось противно, но она покорялась, а только я понималъ, что она отъ меня и вовсе отошла.

Я, понятно, тутъ совсѣмъ не правъ былъ, но меня это еще пуще ожесточало. Нарочно, бывало, къ ней пристаю, свою мужнину власть показываю. А она—покорна-то покорна, ни въ чемъ упрекнуть не могу, а чувствую—нѣтъ, все-жъ таки, что-то неладно. Какъ за ней слѣжу—а выйдетъ изъ дому на полчаса, сейчасъ у меня мысли—гдѣ была, да не встрѣтилась-ли, да то, да се.

И такая жизнь, понятно, очень меня изводила.

Мнѣ еще далеко тридцати не было, а меня полагали много старше, и мнѣ самому представлялось, что живу я чрезвычайно давно, и вижу весьма мало радости. Даже мое дѣло, по буфетной части, изъ чего я надѣялся большую пользу имѣть—и это меня теперь мало занимало. Конечно, хорошо буфетъ имѣть и деньги наживать, когда о перекладинѣ не думаешь, билета тысячерублеваго не прячешь, и жена съ тобой рядомъ любящая, вѣрная. А какъ у меня было—не приведи Богъ никому.

И въ это самое, трудное время, Господь посѣтилъ меня. Тяжело объ этомъ говорить, да ужъ разъ взялся—надо.

Лѣто выдалось удивительно жаркое, просто на рѣдкость. Съ пассажирами случались обмороки, у насъ въ буфетѣ скисало молоко, я ходилъ въ люстриновомъ пиджачкѣ, и воротникъ крахмальный на мнѣ намокалъ. Настасья Романовна отъ усталости вся потемнѣла, подъ глазами круги появились, и лишъ пору-

чикъ Бабанинъ въ бѣломъ своемъ кителѣ ходилъ какъ ни въ чемъ не бывало. Писемъ я больше не получалъ, но почему-то теперь окончательно увѣрился, что у Настасьи Романовны съ Бабанинымъ *все* есть. Я отмалчивался, а самъ чуялъ, какъ во мнѣ растетъ страшная сила. Что ни день, меня самого пуще она томитъ. Даже преслѣдовать стала меня одна мысль: какъ Настасья Романовна съ Бабанинымъ любовью наслаждаются. И тутъ-же себѣ вопросъ задаю: да когда-же, гдѣ? И самъ понимаю, что негдѣ, а все меня это точитъ. Наконецъ, вскорѣ послѣ Казанской рѣшилъ я такую штуку продѣлать, чтобы ихъ на свѣжую воду вывести: уѣхать на день изъ нашего городка.

У меня и предлогъ хорошій былъ: будто ѣду ящикъ въ банкѣ завести, куда деньги класть буду.

Сказалъ я Настасьѣ Романовнѣ, что ворочусь на другой день, тамъ, будто, переночую. А мнѣ и правда страшно становилось билетъ этотъ у себя держать: ну, какъ Настасья Романовна его подсмотритъ, мало ли что можетъ выйти?

Пошелъ я къ двѣнадцатичасовому поѣзду собираться, открылъ ключемъ ящикъ, гдѣ билетъ лежалъ, въ это время меня кликнули. Я притворилъ, а на ключъ не заперъ. Сбѣжалъ внизъ, принялъ отъ мясника счетъ, и опять наверхъ. Вижу, сидитъ у стола Настасья Романовна, ящикъ отодвинула, и билетъ разсматриваетъ.

— Какая, говоритъ, бумага пріятная: точно лакомъ покрыта. Номеръ пять тысячъ двадцать восемь.

И нагнулась, цифры разсматриваетъ.

Я видимо, въ лицѣ измѣнился, потому что она сказала.

— Что это вы, Николай Ильичъ, я не маленькая, билета вашего не разорву.

Я хриплымъ голосомъ говорю:

— Давай билетъ!

И вырвалъ его изъ рукъ, довольно грубо. Настасья Романовна вздохнула, встала и молча изъ комнаты вышла. А у меня руки дрожали, когда я этотъ билетъ въ бумажникъ клалъ. «Стерьва», думалъ почему то. «Ахъ ты, стерьва».

Ящикъ я заперъ, внизъ спустился. Подошелъ поѣздъ. Настасья Романовна не вышла меня провожать. Мнѣ все равно было. Я сѣлъ въ вагонъ, поѣхали. Жара въ купэ была несосвѣтимая. Помню, ѣду я, и все мнѣ кажется, за нашимъ поѣздомъ другой летитъ, и въ другомъ *кто-то* ѣдетъ. Какъ мы на станціи остановимся, насъ догонятъ, и войдетъ *онъ* въ мое купэ. И вдругъ мнѣ тогда стало представляться все сѣрымъ, точно на

весь Божій міръ тѣнь кѣмъ то брошена,несмотря, что солнце свѣтитъ чрезвычайно ярко.

— Вѣрно лѣса гдѣ-нибудь горятъ, помню, сказалъ господину, который со мной ѣхалъ.

— Почему вы думаете?

А я отвѣчаю.

— Прежде бывало, лѣтомъ воздухъ какой прозрачный, а теперь сѣро, дымно.

Онъ на меня съ удивленіемъ посмотрѣлъ.

— По моему, говоритъ, и сейчасъ очень свѣтло.

Я молчу, ладно, думаю, можетъ, это я нездоровъ. Пріѣхали въ городъ, пошелъ я въ банкъ, нанялъ ящикъ, все это продѣлываю, подписываю; такъ какъ заявленіе давно послалъ, то ключи мнѣ уже готовы, въ стальной комнатѣ кладу свои бумаги, и билетъ этотъ, стою и смотрю на ящики,—всѣ они въ стѣну вдѣланы, и такъ мнѣ кажется, хорошо бы и меня самого въ такой ящикъ уложить, чтобъ никогда оттуда не выйти.

Потомъ я въ гостиницу пошелъ, гдѣ рѣшилъ остановиться. Заказалъ себѣ обѣдъ, и водки къ нему полбутылки. Сижу я, обѣдаю, въ незнакомомъ мѣстѣ, незнамо зачѣмъ, водку пью, а въ глазахъ у меня Настасья Романовна, какъ она у стола сидитъ, билетъ разсматриваетъ и говоритъ «номеръ пять тысячъ двадцать восьмой.» «Скажетъ», думаю, — тяжело такъ, точно мыслямъ трудно двигаться: «обязательно любовнику скажетъ. Ну, ладно».

И чтобы страхъ я тутъ чувствовалъ —нѣтъ, никакого страху. Все равно мнѣ стало. Допилъ я водку, легъ спать. Граммофонъ гдѣ-то рядомъ игралъ, лакеи ходили по корридору, а мнѣ было все равно — и представилось, что теперь я другой человѣкъ, и какъ прежде жилъ, немного ужъ мнѣ осталось.

Я заснулъ очень крѣпко, и проспалъ до самаго вечера.

Мутный это былъ сонъ, и вдругъ въ восемь я проснулся какъ ошпаренный: точно опоздалъ куда. Сердце у меня билось какъ бѣшеное, весь въ поту, и ужасъ мной овладѣлъ, будто я что пропустилъ.

Отворяю окно—на задворки выходитъ, дѣтишки еврейскія играютъ, солнце низко стоитъ, пыль надъ пустыремъ золотится: нѣтъ, ничего я не пропустилъ, напротивъ, рано мнѣ.

Я рѣшилъ домой вернуться съ двѣнадцатичасовымъ. Значитъ, времени довольно. Чтобъ развлечься, пошелъ въ кинематографъ, смотрѣлъ слоновъ въ Индіи, комическую, потомъ шпіонку Кору. Она соблазнила пограничнаго офицера, чтобы выдалъ планъ крѣпости. Онъ выдалъ, а потомъ спохватился, что сдѣлалъ — и къ

полковому. Тотъ говоритъ: «догоняйте, а не догоните — вотъ вамъ револьверъ, сами поймете, что вамъ дѣлать.» И онъ съ товарищами въ автомобилѣ за ней мчится, а она отъ нихъ, тоже во весь духъ, къ нѣмецкой границѣ. Стрѣляютъ другъ въ друга, наконецъ, застава. Тѣхъ нѣмцы пропустили, этихъ нѣтъ. Не догнали значитъ. Ну, онъ изъ револьвера пулю себѣ въ лобъ.

Очень меня эта картина взволновала, и не знаю почему, только чувствую—это про меня. И самъ не знаю, почему именно про меня, а представляется, будто самъ я на автомобилѣ лечу, и хорошо понимаю, что мнѣ не миновать офицерской участи.

Выхожу я изъ кинематографа — еще горьше мнѣ, чѣмъ когда входилъ. Иду по улицамъ, и самъ не знаю, зачѣмъ вышелъ за городъ, къ рѣкѣ. Пришла мнѣ тутъ мысль: мѣсто пустынное, песчаное, луна встала красная, блеститъ въ рѣкѣ—войти въ рѣку эту, и итти, итти пока до дна не дойдешь. Нѣтъ, не пошелъ, *не все додѣлалъ* будто, погоди еще.

Сидѣлъ я на берегу, и въ душѣ у меня сухо было, пусто, тоже песчаная равнина. Кабы я молиться тогда могъ, пасть на землю передъ Господомъ и на всю окрестность рыдать, можетъ, и не было-бъ, что произошло. Но не расплавилось мое сердце, оно было твердо и безплодно. Такъ-же, вѣрно, и діаволъ блуждалъ по пустынѣ, тосковалъ и безумствовалъ, прежде чѣмъ итти искушать Спасителя.

Тутъ поѣздъ невдалекѣ пролетѣлъ по насыпи, и я вспомнилъ, что мнѣ пора. Поплелся я къ вокзалу; на вокзалѣ долго сидѣлъ, своего поѣзда дожидался. Онъ запоздалъ, и былъ первый часъ, когда я выѣхалъ.

Чѣмъ я ближе къ дому подъѣзжалъ, тѣмъ больше въ себѣ силы какой-то находилъ. Даже мнѣ чудилось—тѣло мое легче стало—все силой наполнялось, и въ то-же время волненіе меня разбирало страстное. Но думать я ни о чемъ не могъ, ни соображать, ни понимать не былъ способенъ.

У насъ въ буфетѣ огни приспущены, прислуги почти никого—ближайшій поѣздъ въ четыре. Я прошелъ черезъ залу будто посторонній, не хозяинъ, и прямо наверхъ поднялся, въ меблированныя комнаты, гдѣ и мы съ Настасьей Романовной жили. Зналъ я—два номера заняты, остальные свободны должны быть. Но въ четвертомъ номерѣ—сразу я это понялъ—есть кто-то. Я, конечно, иду по коррицору на цыпочкахъ, слышу вполголоса разговоръ за дверью и голоса знакомые. Мишка, корридорный, у себя храпитъ. Какъ собака, сталъ я примѣтливъ. Сейчасъ къ замочной скважинѣ. Изнутри заперто, шепчутся, но, значитъ, не

понимаютъ, что я здѣсь. Ничего не увидѣлъ, а ручка дверная духами пахнетъ, а, знаю я эти духи. Минуту постоялъ, какъ песъ, ручку дверную обнюхивая, и не говоря ни слова, къ себѣ, въ номеръ. Дверь незаперта, и все отъ Настасьи Романовны осталось, какъ она раздѣвалась. Но постель не смята.

Такъ. Луна зашла за облако, душно, я окно отворилъ. И на улицѣ душно; въ болотѣ, за станціей коростель кричитъ. Черезъ луну облачко длинное, темное протянулось. Я смотрю, кажется мнѣ—послѣдній разъ коростеля слышу. Окна не заперъ, раздѣлся, легъ, лицомъ къ стѣнкѣ,—Настасьѣ Романовнѣ мѣсто оставилъ поудобнѣй. Лежу, ничего не чувствую, точно меня нѣтъ. Бороду тронешь—чужая. Лежу и лежу. Вдругъ, слышу по коридору шаги. Босая идетъ. Огнемъ тутъ что-то по мнѣ прошло. Зналъ я эту поступь Настасьи Романовны, даже очень зналъ.

Вошла осторожно. Только было на постель сѣсть хотѣла, меня увидала—вскрикнула. «Ничего, говорю, это я раньше вернулся, чѣмъ думалъ». И лежу, молчу. Минуту она стояла такъ, будто ничего не понимала. «Что-жъ, говорю, ложись». Вдругъ онъ вся съежилась, легла. Лежимъ, молчимъ, я къ стѣнкѣ лицомъ. Она рядомъ, и слова не можетъ вымолвить, только, сердце колотитится, такъ что мнѣ слышно.

Мы лежали съ четверть часа, потомъ мнѣ надоѣло на боку, я повернулся, и теперь луна уже на нее свѣтила, я лицо увидалъ, глаза.

— Гуляла, говорю. Съ Бабанинымъ.

Я тѣла ея еще не тронулъ. Ужасъ въ ней такой былъ, что больше я подобныхъ глазъ не видывалъ.

— Виновата, Николай Ильичъ.

Тутъ я рукой до ея плеча коснулся, голаго плеча, полудѣтскаго. Опять меня огнемъ жигануло. Думалъ я что, нѣтъ-ли, не знаю. Рука сама вверхъ прыгнула къ горлу, она рванулась, а я сверху навалился, и все у меня вверхъ дномъ пошло. Помню только, вся моя сила въ пальцахъ сошлась, и горло ея я тисками сжалъ. Ну, конечно, металась. Но ужъ мнѣ рукъ разжать нельзя было. Крѣпче давилъ. Потомъ это все кончилось.

III.

Забыть-ли мнѣ эту ночь? Думаю—не забуду никогда, и до гроба мнѣ съ этимъ жить. Буду все же продолжать.

Тихо было въ нашей комнатѣ. Вещи по мѣстамъ стоятъ,

какъ обыкновенно, и взглянуть, даже ничего и не случилось, на постели Настасья Романовна, я передъ ней стою въ одномъ бѣльѣ. И такъ я довольно долго стоялъ, должно, плохо понималъ, въ чемъ дѣло. Потомъ вдругъ сталъ одѣваться. Одѣвался медленно, аккуратно, и все старался лучше галстукъ завязать. Помню, въ головѣ слова вертѣлись, никакъ не отдѣлаешься отъ нихъ: «тачка, бачка перебачка, перебачка тачка-ка».

Подошелъ къ окну, высунулся, свѣжимъ воздухомъ сталъ дышать. Опять коростель кричалъ, но ужъ теперь *другой*. Звѣзды побѣлѣли. Сталъ я въ полутьмѣ разбирать вывѣску на трактирѣ, довольно далеко. Потомъ думаю: «Ну, надо въ полицію». А черезъ минуту: «нѣтъ, погодимъ еще». И опять вывѣску разбираю: «Треть-яго раз-ряда, съ про-да-же-ю пит-ей».

Тутъ, вѣрно, въ родѣ бреда со мной началось.

Я какъ будто и не сплю, а мыслями не могу управить, точно во снѣ. Чепуха идетъ въ головѣ, шпіонка Кора, какъ она въ трактирѣ сидитъ, а я ей говорю: «Ай, молодецъ, ну и молодецъ шпіонка, прелесть». Потомъ еще что-то мнѣ сказать хочется, изъ окна, что-ли выйти, да это трудно. Тяжелая голова, никуда ее не дѣнешь. Или кажется, что лечу, какъ курьерскій поѣздъ, а остановиться не могу. «Куда это? Куда»? хочу спросить. «Ничего, въ Южную Америку». «А какъ-же моремъ?». «Ничего, и моремъ проѣдемъ!».

Наконецъ, собрался съ силами, глаза протеръ, и опять къ кровати подошелъ. «Ну глупости, ну чего тамъ, это я свою жену убилъ, потому она съ другимъ путалась». И опять я сѣлъ, съ такимъ видомъ, будто что настоящее, и правильное сдѣлалъ. «Вотъ теперь все и устроилось». Я ее поаккуратнѣй уложилъ, руки на груди, и все на нее смотрѣлъ. «Если-бъ захотѣлъ, могъ-бы и отказаться, скажу—умерла просто, своей смертью». «Нѣтъ, не къ чему, сдѣлано, такъ сдѣлано. Скажу: захотѣлъ, и убилъ. Что за это будетъ? Каторга. Только-бъ про билетъ не узнали, ну, билетъ теперь пропалъ, и зачѣмъ я его въ ящикъ клалъ? Обыскъ сдѣлаютъ—и конецъ. Скажутъ: откуда деньги? А я что отвѣчу?».

Такимъ манеромъ я бормоталъ, сидя, и кажется, все-же на часъ заснулъ, тутъ-же въ одной комнатѣ съ покойницей, и все мнѣ представлялось то висѣлица, то глаза Настасьи Романовны изъ за этой висѣлицы на меня взглядываютъ, и она говоритъ: «Хорошій билетъ, бумага пріятная. Номеръ пять тысячъ двадцать восемь». Еще Ольга Ивановна мнѣ являлась: въ воздухѣ передо мной, точно въ окнѣ вагона проѣзжала, и пальчи-

комъ грозила, улыбаясь. «Левъ Кириллычъ кланяется, третьяго дня померъ, мнѣ пятнадцать тысячъ оставилъ. Не побрезгалъ-бы тогда, былъ-бы теперь богатымъ». «Вретъ, ничего онъ ей не оставлялъ, а всего ей цѣна четвертной билетъ».

Утромъ, значитъ, ко мнѣ Мишка постучалъ, я отперъ. Помню, онъ назадъ попятился, вѣрно, не очень хорошо я выглядѣлъ.

— «Да, говорю ему: Мишка, надо, молъ, въ полицію сходить, я жену убилъ».

Мишка весь сперва затрясся, потомъ въ комнату заглянулъ, увидалъ Настасью Романовну и опрометью вылетѣлъ.

А мнѣ, странное дѣло, послѣ Мишки стало покойнѣй. Точно въ головѣ немного поулеглось. Я подошелъ къ умывальнику, облилъ голову холодной водой, полотенцемъ вытеръ, причесался, и понимать сталъ лучше, что произошло. Опять къ Настасьѣ Романовнѣ—руку ея взялъ. Рука была уже холодна. Я на нее поглядѣлъ, и первый разъ жаль ее сдѣлалось. «Вотъ, и убилъ, своего добился. Ужъ теперь не поправишь. Поздно».

Въ это время полиція явилась, а скоро слѣдователь пріѣхалъ, допрашивать меня.

Я немного ужъ собой овладѣлъ, и ему все отвѣчалъ ясно, ни въ чемъ не таился.

Онъ спросилъ.

— Что-же вы, и раньше объ этомъ думали, или теперь только дошли, сразу?

Я сказалъ:

— И раньше думалъ. Такъ думалъ, коли спутается съ другимъ, крышка. Я и ей это говорилъ.

— Хорошо. Такъ и запишемъ. А теперь я долженъ васъ арестовать.

Оффиціанты на меня смотрѣли, какъ меня съ двумя городовыми внизъ сводили, и всѣмъ по моему, страшно было. Я шелъ медленно, довольно покойно, только трудно было ногами передвигать, потому я очень усталъ. И на улицѣ на меня глядѣли — многіе здѣсь меня знали, но я не обращалъ вниманія, шелъ по срединѣ улицы, какъ идутъ за гробомъ, да въ тюрьму, и подъ ноги себѣ смотрѣлъ, чтобы половчѣй на камни становиться.

Наконецъ, пришли въ тюрьму. Тюрьма наша, надо сказать, могла называться тюремнымъ замкомъ, потому, тутъ раньше замокъ былъ польскій, съ башнями, рвами, и только лѣтъ сто ее для нашего брата приспособили, для арестантовъ. Помню, вошелъ я въ нее, сдали меня городовые подъ расписку, увидѣлъ

корридоры эти, камеры, и про себя подумалъ: «Вотъ, значитъ, и она, и тюрьма».

Потомъ я снялъ свое пла́тье, все это въ конторѣ осталось, я надѣлъ арестантскую куртку и штаны, и мнѣ представилось, что сейчасъ мнѣ и голову обреютъ. Но понятно, этого не сдѣлали, потому я не каторжный былъ, а еще подслѣдственный.

Первое время, какъ вошелъ въ камеру, ничего не могъ понять: очень много было такихъ какъ я, и молодые, и старые, въ одномъ углу ругаются, другіе на окнахъ сидятъ и кричатъ похабщину, въ женское отдѣленіе. Двое играли въ карты, въ носы. На меня минуту поглядѣли, старикъ какой то буркнулъ: «нашего полку», а потомъ про меня забыли.

Мнѣ это и лучше было. Я сѣлъ на нару, къ стѣнѣ прислонился—стѣна была, какъ сейчасъ помню, холодная. Пріятно къ ней голову привалить. Отъ усталости ли, отъ волненій—все передо мной позеленѣло и поплыло. Я закрылъ глаза. Потомъ и вовсе опустился на нару, и тутъ ужъ все вверхъ дномъ заходило, и такая меня слабость одолѣла,—ни рукой, ни ногой двинуть. Я заснулъ. Спалъ скверно, все время меня какъ на кораблѣ качало, и въ башкѣ опять чепуха тянулась. Все-таки—спать, послѣ такого дѣла, какъ я сдѣлалъ—самое лучшее. Просыпаться хуже—о, насколько хуже!

Я проснулся вечеромъ поздно, когда уже всѣ спали, въ камерѣ лампочка приспущенная едва свѣтила. Я вскочилъ, силы у меня было довольно, точно навожденіе это, въ которомъ я цѣлыя сутки прожилъ, ужъ прошло, и я теперь опять здоровый. Нѣтъ, шалишь, не очень здоровый. *Человѣка убилъ.*

За ту ночь, первую въ тюрьмѣ, много могъ я отдать дней, недѣль, только бы не было ея. Потому, тутъ человѣкъ уже понимаетъ. Онъ не бредитъ, а заснуть не можетъ. Въ головѣ мельница вертится, кровь стучитъ, точно, правда, въ адскомъ огнѣ горишь. Хочешь о другомъ подумать—куда тамъ, затягиваетъ въ свое: вотъ Настасья Романовна входитъ, на постель ложится, вотъ плечо ея голое. Да вѣдь это все прошло ужъ, *было.* Нѣтъ, не прошло, ты еще съ нимъ поживи. Вотъ—хряскъ, шейка ея хряскаетъ. «Да сама, чортъ возьми, съ Бабанинымъ спуталась, меня опозорила. Я-жъ вѣдь ей говорилъ, предупреждалъ». «Номеръ пять тысячъ двадцать восьмой». Это ужъ жандармъ Бабанинъ говоритъ, обыскивая мой ящикъ въ банкѣ. «Билетъ, украденный во время экспропріаціи на станціи. Отлично. Господина буфетчика на перекладку». «Это ничего»,

я отвѣчаю: «Перекладина невысоко, я табуретку подставлю». «Выдернемъ, милый выдернемъ».

Вскакиваешь—нѣтъ, не бредъ, и никого нѣтъ, самъ съ собой говоришь. Ляжешь—все съ начала того несчастнаго дня: какъ въ поѣздѣ ѣдешь, въ банкъ входишь, считаешь билеты, домой ворочаешься...

Свѣтало уже, я сѣлъ на нарахъ, подперъ руками голову,—и вдругъ мнѣ мысль пришла: «Неужели всегда такъ будетъ? неужто не отпуститъ?». И тутъ мнѣ стало очень страшно, я понялъ, что такое смертная тоска, когда стѣны грызть можно.

Рядомъ старикъ проснулся. Икнулъ, посмотрѣлъ на меня мутнымъ взглядомъ, и сказалъ:

— Маешься, парень? Ничего, помайся. По первому разу трудно. А я пятый разъ сужусь, ничего. Привыкъ.

Я на него смотрю и сказать ничего не умѣю.

— Я эти всѣ суды знаю, цѣна имъ грошъ.

Старикъ рукой махнулъ.

— Я самъ рязанскій, а вонъ куда попалъ.—Болтуны, сволочь. Балаболки!

Онъ почесался, зѣвнулъ, и на другой бокъ перевернулся.

«Да, старикъ», думаю: «стало быть, приспособился. Ничего».

Вотъ и мнѣ привыкать приходилось, и я долженъ былъ черезъ то пройти, черезъ что до меня, да и послѣ, тысячи людей прослѣдовали.

Съ этой ночи, должно, сталъ я настоящимъ арестантомъ. Первое дѣло, самъ я себѣ представлялся совсѣмъ другимъ, чѣмъ раньше былъ, на свободѣ. Не то что хуже, или лучше, а другой, такой, какъ вокругъ десятки сидѣли. Второе—я много началъ думать, и все старался въ своей жизни такое понять, изъ за чего я сюда попалъ.

Выходило такъ, будто очень она меня обидѣла, что сошлась съ Бабанинымъ, а я ее за это и хлопнулъ. Помню, когда я только что ее подозрѣвать началъ, то, правда, такъ думалъ, и получалось у меня просто, ясно. А ужъ теперь это все мало мнѣ понятно было. «Вотъ, Льву Кириллычу морфію хотѣлъ было подсыпать,—тамъ и никто не обижалъ, а чуть не подсыпалъ». «Ну, а когда съ Яномъ грабить шли,—тоже за что-нибудь отмстить собирался?» Трудно было мнѣ отвѣтить. Понятно, пріятнѣй себя изобразить такъ, что, молъ за поруганную мужнину честь воздалъ, если-бъ могъ на этомъ остановиться, такъ и гораздо покойнѣе себя чувствовалъ-бы. А такъ просто себя звѣремъ

признать очень даже было противно. Но покоя я не находилъ,—значитъ, сидѣло во мнѣ такое, чего я самъ не разумѣлъ.

И днемъ, и особливо по ночамъ, когда не спалось, занимался я такими размышленьями—что я; совсѣмъ пропащій человѣкъ, или это только такъ, заблужденье одно? Опять голова болѣла, и горѣла; видъ у меня былъ разсѣянный, съ товарищами по тюрьмѣ я мало знался, сторонился ихъ, и вокругъ мнѣ какъ-то *все равно было*; идешь, напримѣръ, къ слѣдователю на допросъ, и на свѣтъ Божій смотришь, точно его нѣтъ; больничнымъ садикомъ проходишь, на деревца взглянешь, или вечеромъ, какъ солнце садится, поля позлащаетъ—«ну, и Богъ съ ними, все равно».

Это очень тяжело, понятно, сталъ я какъ то мертвѣть, себя все меньше за живого считать.

И не знаю, долго-ли-бъ такъ продолжалось, но тутъ вышло одно происшествіе, и меня очень встряхнуло, всего въ другую сторону толкнуло.

Надо вамъ сказать, что въ нашей тюрьмѣ, какъ вездѣ, кромѣ уголовныхъ и политическіе были, и какъ вездѣ, у политическихъ съ уголовными сношенія шли постоянныя. Они намъ табачекъ иногда доставляли, новости разныя говорили,—до нихъ это легче доходило,—случалось, и листки разные подбрасывали, ихняго направленія. Бывало, и такъ, что если они чего требуютъ, мы поддерживаемъ, и обратно. Даже для сношеній у насъ старосты были, съ нашей и съ ихней стороны, и такъ мы устраивались, что на прогулкахъ, а то и въ камерахъ встрѣчались.

Разъ, значитъ, приходитъ къ намъ ихъ староста, барышня Марья Петровна, и говоритъ: «У насъ троихъ къ висѣлицѣ приговорили, на слѣдующую ночь вѣшать, такъ мы протестъ сдѣлаемъ, присоединяйтесь. Дѣло наше правое, потому мы тоже за всѣхъ сюда шли, за народъ, то есть. Наши дали согласіе».

Тутъ я впервые эту Марью Петровну увидѣлъ, и помню, недобро почему-то на нее посмотрѣлъ. Дѣвушка тихая, аккуратная, видно, что за другихъ старается, и сидитъ за другихъ,—очень ужъ отъ нашего брата, записнаго, далеко все это. «Жалѣетъ насъ небось», такъ я думалъ. «Что мы несчастненькіе». И хотѣлось надъ ней посмѣяться, да не вышло, тоскливѣй только стало. «Чего насъ жалѣть, сволочь всякую». И это вѣрно. Въ то время и къ себѣ и къ товарищамъ я очень неуважительно отнесся. Такъ мнѣ представлялось—всѣ то мы шушера, незнамо зачѣмъ на свѣтъ Божій появившаяся. Одно намъ мѣсто—въ этой ямѣ.

Какъ со мной часто бывало, я эту ночь почитай что не спалъ совсѣмъ. Я зналъ, что часовъ около трехъ явятся брать смертниковъ, а мы должны во всей тюрьмѣ по этому случаю поднять стукъ и крикъ. «Глупости», лежу и думаю: «ну, подымемъ гвалтъ, а ихъ все равно повѣсятъ. Смыслу никакого нѣтъ». Думать—думаю, а самого чуть не лихорадка треплетъ. И чѣмъ ближе минута, тѣмъ сильнѣе.

Передъ утромъ уже, часовъ около трехъ,—слышно, лошади во дворъ тюремный въѣхали, карета загремѣла, и фонарики показались. Значитъ, пріѣхали, берутъ. Тутъ, вижу, не я одинъ не спалъ. Всѣ съ мѣстъ повскакали, и къ окнамъ. Сразу же и сигналъ раздался, оттуда, отъ политическихъ. Ну, и наши показали себя. Точно всѣ лишь ждали, какъ бы волю себѣ дать—такой вой подняли, подумаешь, сами стѣны взвыли. Кто табуреткой объ стѣну, кто въ оконную раму, кто объ полъ ногами, фортки пооткрыли, и во дворъ что ни на есть всякую дрянь кидать стали, въ конвойныхъ, конечно.

— Сволочь! кричатъ.—Палачи! Душегубы!

Помню, подскочилъ я тоже къ окну, тоже хочу крикнуть—горло сдавливаетъ. А потомъ ничего, прорвало. Да такъ прорвало, что чуть окна не высадилъ,—силы-то во мнѣ было не мало, и вдругъ она заговорила. Кабы не удержали, право, выхватилъ бы раму и самъ внизъ прыгнулъ. И даже меня удивляетъ, откуда это во мнѣ прыть такая взялась, вѣдь людей этихъ, смертниковъ, я и въ глаза не видалъ, и что я за заступникъ такой выискался, когда и себя то уберечь не могъ, и на чужую жизнь польстился? Поди тутъ, разбери.

Какъ ни какъ, скандалъ мы устроили немалый. Даже за войсками хотѣли посылать, стрѣлять грозились. Ну, смертниковъ, понятно, увезли, а мы могли только локти со злобы кусать.

Когда опять уѣхали кареты, и понемногу наши утихли, я на нару свою вернулся, легъ. Шумъ этотъ, ярость моя, волненіе—разумѣется, мнѣ заснуть не давали. «Увезли», думалъ. «Я знаю, гдѣ и вѣшать будутъ, на пустырѣ, у оврага. Ахъ, сволочи!». «Да можетъ, и *они* такіе жъ въ родѣ насъ грабители?» «Нѣтъ. это другой коленкоръ». «Можетъ, Ольга Ивановна и подстроила, почемъ я знаю?». «А что съ Ольгой Ивановной дѣлать?». «Ну, конечно, ее на перекладину туда, туда. А вотъ буфетчикъ такой есть, Николай, его куда же?». «И его, вмѣстѣ, отлично. Это который жену задушилъ? Звѣрь, звѣрь, и его туда же». Такъ-то вотъ я распалялся,—будто бы собственная кровь меня душила, собственная сила. Опять въ потемкахъ я забарахтался, опять

меня дьяволы, значитъ, обступали. Ни туда, ни сюда мнѣ не поддаться, заливаетъ меня тоска, отчаянье—просто силъ нѣту. А тутъ опять вижу—лицо Ольги Ивановны—со Львомъ Кирилычемъ они мимо нашей станціи проѣзжаютъ, за-границу, лѣчиться на теплыя воды. «А нѣкоторые, кто умные, кассиры, тысячъ пятьдесятъ въ карманъ, и въ Америку». «Ахъ, ты стерьва, ты, ты моя погибель!»

Самъ не помню какъ вскочилъ, и опять къ окну. Ужъ на дворѣ никого нѣтъ, да и я не за тѣмъ, я теперь не изъ за смертниковъ этихъ,—ихъ небось вздернули—я самъ изъ-за себя, у меня голову ломитъ. И вотъ я этой головой объ холодную стѣну, самъ за себя, колотиться сталъ. Что такое сдѣлать хотѣлъ,—Ольгу ли Ивановну растоптать, себя ли извести, или просто боль унять? Этого ужъ я не знаю. А одно вѣрно—мнѣ потомъ разсказывали, что тутъ же я наземь упалъ и биться началъ. Такъ что меня насилу уложили, а какъ утро настало—отправили въ госпиталь, безъ памяти.

Вотъ въ этомъ госпиталѣ я и очнулся, наконецъ, не знаю на какія сутки.

Помню, снѣгъ ужъ выпалъ, бѣло все было за окномъ, въ садикѣ деревья запущены, и на вѣткѣ галка сидѣла, носъ себѣ чистила. Я очнулся,—руку свою потрогалъ. Рука худая, и желтая, поднять ее трудно, и самъ я какъ будто меньше сталъ, и такъ тихо, тихо кругомъ, какъ давно не бывало. Лежатъ больные, докторъ идетъ—какъ разъ обходъ былъ, сидѣлки въ бѣломъ—и все показалось такъ покойно, хорошо. Я сразу все вспомнилъ, кто я, зачѣмъ сюда попалъ, и что меня ждетъ. Я закрылъ глаза. «Вотъ бы такъ заснуть, да совсѣмъ, совсѣмъ бы не просыпаться». Это въ первый разъ со мной было, что я смерти такъ захотѣлъ. Но мнѣ даже хорошо было. Ни тоски, ни ни отчаянья, а просто, очень я усталъ—потянуться бы, вздохнуть—и успокоиться.

Когда докторъ ко мнѣ подошелъ, и я глаза открылъ, то въ нихъ слезы стояли.

— Ну, сказалъ докторъ.—Наконецъ то. Вотъ и вы. Пора, а то ужъ мы и не знали, что съ вами дѣлать.

Осмотрѣлъ меня, температуру смѣрилъ. Ничего, все въ порядкѣ. Онъ на меня смотрѣлъ, какъ на одного изъ десятковъ, болѣвшихъ здѣсь, ему особеннаго дѣла никакого до меня не было. А для меня опять другая жизнь началась—и не та, какую я до тюрьмы велъ, и не та, какъ въ тюрьмѣ жилъ.

Черезъ недѣлю я вставалъ ужъ. Ходилъ, еле ноги пере-

двигая, и даже было смѣшно: точно-бы я младенецъ, ходить учусь, или-бы я гораздо своихъ лѣтъ старше: такъ мнѣ представлялось, что я лѣтъ на десять постаршѣлъ, и все, что со мной до тюрьмы происходило, ужасно какъ было давно. Скажемъ: въ молодости когда-то я съ Ольгой Ивановной жилъ, мошенничествами занимался, убилъ жену. И все я хотѣлъ вспомнить, когда-же я женщину-то любилъ? Ну, тоже не могъ добраться.

Тутъ, между прочимъ, познакомился я ближе съ Марьей Петровной, политической, которая къ намъ тогда приходила. Эта Марья Петровна тоже въ госпиталь попала послѣ тогдашней исторіи—руку себѣ ухитрилась вывихнуть. А сама она была фельдшерица, и когда оправилась немного, то стала сидѣлкамъ помогать, и какъ докторъ у насъ человѣкъ былъ порядочный, то онъ медлилъ ее выписывать. Понятно, она полезный была человѣкъ.

Такъ что и къ намъ въ палату она доступъ имѣла, и въ корридорѣ мы съ ней встрѣчались. Я ужъ говорилъ, что первый разъ, какъ ее увидѣлъ, то недобро къ ней отнесся, недовѣрчиво. Ну, немного этого и здѣсь осталось, но ужъ именно немного. Потому что довольно скоро я разобралъ: напротивъ, очень къ ней надо добрымъ быть. Это дѣвушка впрямь была хорошая, безъ всякихъ штукъ, душевный человѣкъ. Мы сперва съ ней о пустякахъ разговаривали, а потомъ само собой вышло, спросила она и о главномъ. И очень просто спросила.

— Ну, а что, говоритъ, вамъ жену свою жаль?

Исторію мою, то-есть, за что сижу, она давно уже знала. Я-же тоже давно понялъ, что это полоуміе было, что я ее убилъ. Только ей почему-то не сказалъ. Отвѣтилъ:

— Она сама на то шла.

Марья Петровна поглядѣла на меня — глаза у ней были большіе, каріе, и головой покачала. А сказать не сказала ничего.

Нѣсколько дней мы объ этомъ ничего не говорили, а потомъ я разъ какъ-то проговорился:

— Вы, Марья Петровна, меня врядъ-ли понять можете. Вы дѣвушка чистая и благородная, а я хамъ, и жизнь у меня вся была хамская, и понятія хамскія, гдѣ-жъ намъ столковаться? Я для васъ, конечно, извергъ, да что подѣлать.

— А какая-жъ такая, говоритъ, у васъ была жизнь, что я ее понять не могу?

Тутъ я подумалъ, подумалъ, да и сказалъ:

— А вотъ такая. Хотите узнать какая,—извольте. Могу кое что разсказать.

И правда, я ей много изъ своей жизни разсказалъ, и видѣлъ, что напротивъ, многое понимаетъ и отъ меня даже не отвертывается.

— Я такъ и думала, отвѣчаетъ, что не сразу вы до этого дошли.

Видишь ты какая: молоденькая, тихая, а такія вещи понимаетъ!

Ну, стала она мнѣ говорить и то, за что ихъ въ тюрьмы и ссылки отправляютъ. Но только не бахвалилась этимъ, ничуть, что, молъ, мы вотъ какіе, а вы разъэдакіе. Просто разсказывала, что они дѣлаютъ, чего добиваются. И ей казалось, что даже скоро и добьются. Я слушалъ, мнѣ занятно было, только все это для меня чужое. То есть, я понимаю, что такіе люди находятся, которые не только того не желаютъ отъ жизни, чего я, напримѣръ, да и большая часть хочетъ, а напротивъ, наперекоръ своему счастью идутъ, и кончаютъ дни то-ли на висѣлицѣ, то-ли Богъ знаетъ гдѣ, въ Сибири.

Они то, такіе, есть, и вѣрно, много изъ нихъ хорошихъ людей, какъ и Марья Петровна. Да я не ихній. Я совсѣмъ по другому жилъ, значитъ, мнѣ и дорожка другая.

Я такъ Марьѣ Петровнѣ и высказалъ.

Она согласилась.

— Конечно, говоритъ. Я васъ въ нашу вѣру и не собираюсь обращать.

А я ухмыляюсь, и отвѣчаю:

— Я, вѣдь, Марья Петровна, пропащій человѣкъ.

Она минуту подумала, и говоритъ:

— Только вы себя напрасно тѣмъ раздражаете, что все у васъ: хамъ, да пропащій, и тому подобное. Понятно, вы много надѣлали... всякаго. Ну, теперь и разсчитываться надо. Мало-ли что: вы здоровый человѣкъ, еще молодой, вамъ надо цѣлую еще жизнь жить, такъ старайтесь какъ нибудь заслужить. А то пропащій да пропащій. Такъ и взаправду пропасть можно.

— Что-жъ я по вашему дѣлать долженъ, Марья Петровна?

— Ну, она отвѣтила—и даже глаза ея заблестѣли: я васъ учить не могу, а все-же одно навѣрно знаю. Вонъ вы мнѣ тогда сказали, что сама ваша жена и заслужила свою смерть—стало-быть, вамъ ее не жалко, и вы думаете, что вы правы. Пока вы думаете такъ, вамъ очень тяжело будетъ. А пожалѣете, станетъ легче.

Эхъ, Марья Петровна, Божья душа невинная: я давно ужъ знаю, что правъ не былъ, и тогда, понятно, вамъ сказалъ по гордости. И пожалѣлъ Настасью Романовну давно, и все-жъ таки со своей жизнью не расквитаешься. Очень много нажито всего, плечи давитъ-съ!

Однако, все-же благодарю Божью душу. Все-же со мной такъ не говорилъ доселѣ никто, и эти разговоры большое на меня дѣйствіе оказали.

Я очень былъ доволенъ, что попалъ въ госпиталь, да и не я одинъ: всѣ кто лежали, очень не хотѣли выписываться, многіе даже доктора просили подольше ихъ задержать. Я, однако, не просилъ. Марью Петровну выписали за нѣсколько дней до меня. Помню, послѣднюю ночь когда тамъ ночевалъ, то долго не могъ заснуть. Такъ, раздумался, сталъ представлять, что со мной впереди будетъ, какъ въ тюрьму вернусь, въ Сибирь пойду. Меня это, не могу сказать, не пугало. «Значитъ, и въ тюрьмѣ поживемъ, и на каторгѣ. Что-жъ, ничего. Всего попробуемъ».

Но потомъ на сердцѣ моемъ стало легче, и какъ будто я даже разстроился, въ нѣжность какую-то впалъ. Все мнѣ хотѣлось вспомнить что нибудь очень хорошее, трогательное въ своей жизни, что меня-бы согрѣло. Трудно было это выбрать. Все-же, я размягчился, и помню, глаза у меня стали мокрые.

IV.

На судѣ я держался покойно. Мнѣ даже довольно занятно было разсматривать присяжныхъ, судей, публику (народу, впрочемъ, было мало). Немного мѣшали конвойные съ шашками. У нихъ были такія лица, точно я убѣгу. А куда мнѣ бѣжать? Я совсѣмъ не собирался бѣжать.

Дѣло мое разобрали быстро, потому что оно ясное было. Я все разсказалъ просто, не скрываясь. Не упомянулъ только, что деньги получилъ съ экспропріаціи: на висѣлицу мнѣ не хотѣлось, но долженъ сказать, что прежняго страху, ужаса, что, бывало, волосы холодѣютъ, я теперь не испытывалъ. «Коли уличатъ, то и помремъ, а самъ въ петлю не полѣзу»—такъ я, примѣрно, разсуждалъ. Впрочемъ, почему-то на деньги мои вниманія не обратили: было ихъ въ ящикѣ полторы тысячи, и я объяснилъ, что часть съ собой изъ Москвы привезъ, а большую половину на вокзалѣ заработалъ. На номеръ моего билета вниманія не обратили.

Защитникъ мой—отъ суда—молодой человѣкъ, говорилъ, что я въ припадкѣ ревности жену убилъ. Господинъ прокуроръ сказалъ все ему наперекоръ, но не особо на меня насѣдалъ. Потомъ, наконецъ, меня спросилъ предсѣдатель:

— Не имѣете-ли что сказать, подсудимый?

Я передъ этимъ задумался, и не разслышалъ его словъ.

Онъ еще разъ спросилъ. Я вскочилъ, понялъ, что невѣжливо обошелся, и растерялся немного. Я ничего не приготовилъ отвѣтить, и замялся. Потомъ сразу успокоился. Поклонился низко присяжнымъ, и говорю:

— Виноватъ, кругомъ. Моя вина.

И сѣлъ. Присяжные недолго совѣщались, и приговоръ вынесли: виноватъ, но со снисхожденіемъ. Вышло мнѣ—на четыре года въ каторгу, а потомъ на поселеніе.

Помню, когда изъ суда меня выводили, ясный былъ мартовскій день. На асфальтѣ у подъѣзда лужа блестѣла, воробьи бѣсились. Какая-то старушенка подала мнѣ двѣ копѣйки. Я ей поклонился тоже, какъ присяжнымъ, въ поясъ.

Послѣ этого меня довольно скоро съ партіей отправили въ Сибирь, черезъ Москву. Тамъ насъ почему-то задержали, два дня мы прожили въ Бутыркахъ. Уже была весна, тепло, и когда изъ Бутырокъ насъ гнали на Курскій вокзалъ, пыль подымалась на Долгоруковской. Хоть никого у меня въ Москвѣ не было своихъ, кромѣ мамаши на кладбищѣ—все же мнѣ казалось, что кого нибудь встрѣчу, изъ знакомыхъ. Но никого не встрѣтили. Когда подошли къ Страстному, вдругъ мнѣ захотѣлось на минуту свернуть къ Тверскому бульвару, взглянуть на домъ, гдѣ я родился, росъ, съ мамашей ко всенощной ходилъ къ Іоанну Богослову, съ отцомъ вздорилъ: но нельзя было, понятно. Мы взяли налѣво, вдоль бульваровъ. Я взглянулъ на главы Страстного монастыря, снялъ шапочку и перекрестился.

На Курскомъ вокзалѣ, оказалось, съ нами отправляютъ партію политическихъ, изъ нашего-же города, только они позже выѣхали. Между прочимъ, здѣсь и Марья Петровна была. Я этому очень обрадовался, она меня узнала и изъ окна платочкомъ помахала.

Мы и дальше весь путь, можно сказать, рядомъ совершили. Долгій путь—ѣхали и по желѣзной дорогѣ, и на баркѣ плыли, и пѣшкомъ шли. И зашли мы очень далеко, почитай что на край свѣта.

Всей жизни своей не опишешь. Скажу коротко. Четыре года я отбылъ на каторгѣ, и случилось что и Марья Петровна отбывала свое наказаніе тамъ-же. Это для меня было хорошо, и за то время, какъ я ее зналъ, я очень успѣлъ ее полюбить. Разумѣется, не той любовью, но просто какъ чистаго, славнаго человѣка. Сошелся я кой съ кѣмъ и еще изъ политическихъ—тоже попадались люди выдающіеся. Оказался тутъ и Андрей Иванычъ, мой первый учитель. Онъ очень постарѣлъ. Ко мнѣ отнесся со вниманіемъ, и такъ прибавлю: съ сожалѣніемъ. Только на его сожалѣніе я не обижался, потому, онъ на это право имѣлъ. Разъ онъ мнѣ сказалъ: «Эхъ, Николай, чувствовалъ я, что ты съ пути собьешься, на дурную дорогу попадешь. А взять бы тебя въ руки настоящія съ дѣтства, можетъ, что изъ тебя-бы и вышло». Потомъ онъ помолчалъ, и прибавилъ: «Впрочемъ, путей нашей жизни никто не знаетъ. Ты не подумай, что я тебя въ чемъ нибудь упрекаю».

Но меня трудно было уже раздражить упрекомъ. Я очень измѣнился. И на каторгѣ я старался держаться образованныхъ, политическихъ, а когда поселенцемъ сталъ, то сошелся съ ними еще ближе. Много помогала мнѣ Марья Петровна. Я иногда вспоминалъ наши разговоры съ ней въ госпиталѣ, и хотя очень ясно понималъ, какъ неправильна была жизнь, которую велъ въ молодости, и которая привела меня сюда; хотя очень даже жалѣлъ покойную Настасью Романовну и осуждалъ себя въ высшей степени за насиліе надъ ней—все же смыть своего грѣха я не могъ. Я чувствовалъ, что Андрей Иванычъ, Марья Петровна, Никифоровъ (это ея женихъ былъ)—пришли сюда съ открытой душой, *за правду*, а на мнѣ навсегда останется тягота. Это и не можетъ быть иначе, понятно. Я не могу сейчасъ смѣяться беззаботно, какъ малой дитя, потому что во мнѣ нѣтъ святой невинности этого дитяти. Я могу, и буду нести свой крестъ. Но я знаю, кто я.

Въ настоящее время, когда я достигъ уже зрѣлаго возраста, врядъ-ли кто узналъ-бы во мнѣ прежняго кутилу, экспропріатора и убійцу. Это все во мнѣ умерло. Говорятъ, я кажусь сумрачнымъ, и серьезнымъ человѣкомъ. Марья Петровна укоряетъ меня лишь за одно, за пристрастіе къ Библіи, которое у меня появилось. Она иногда подсмѣивается надо мной, говоритъ, что я, пожалуй, готовлюсь въ старообрядческіе начетники. Я ее понимаю, и не обижаюсь. Если-бы она прожила мою жизнь, быть можетъ, она думала-бы по другому, и какъ я, возвращалась-бы нерѣдко къ псалмамъ Давида. Ибо для сердца, прошед-

шаго сквозь печаль и мракъ, всегда близки будутъ слова псалмопѣвца. Вмѣстѣ съ нимъ я скажу въ заключеніе о себѣ и всей своей жизни: «Помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ».

Бор. Зайцевъ.



* * *

Тайна жизни не разгадана,
А ужъ смерть идетъ, близка...
Я слѣжу за дымомъ ладана...
Келья тѣсная низка...

Я молила Матерь Божію
Разумъ темный просвѣтить,
Я пришла къ Ея подножію
Пламень сердца утишить.

Но напрасны всѣ моленія, —
Силъ нѣтъ больше на борьбу,
Нѣтъ отвѣта на сомнѣнія,
Въ тѣсной кельѣ, какъ въ гробу...

З. Вершинина.

ПРИЗРАКИ.

(Изъ повѣсти дней моихъ).

Къ повѣстямъ дней моихъ,—вы помните, я ихъ вамъ разсказывалъ,—мнѣ нужно прибавить еще нѣсколько страницъ. Теперь уже послѣднихъ! Пусть эти страницы будутъ прощальной данью прошлому. Мнѣ пора отдохнуть.

Буду искать себѣ бѣлую комнату... Съ бѣлыми обоями, можно мазаную известью... Будетъ висѣть только одна картина въ бѣлой рамѣ: стволы березъ на фонѣ снѣга. Изъ окна будетъ видно только море и небо, только море и небо. Высокую бѣлую лилію поставлю на столъ. И бѣлый листъ бумаги — для моихъ думъ; для новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ.

На закатѣ лѣтъ хочу жить, какъ юная дѣвушка; послѣднія капли жизни хочу испить одиноко, изъ непорочнаго, хрустально-чистаго бокала.

Да будутъ кончены повѣсти дней ушедшихъ! Концомъ ихъ да будетъ отдыхъ и примиреніе. Бѣлую комнату я буду искать себѣ для этого отдыха, усталый отъ людей, слишкомъ подолгу сидящихъ въ креслѣ напротивъ меня, курящихъ, лгущихъ, жалующихся на неудачи въ жизни. Еще усталъ отъ приципов, кодексъ которыхъ мелкимъ шрифтомъ втиснутъ въ переплетъ самой толстой изъ книгъ, отъ вздоховъ скребущихся въ дверь вопросовъ, проблемъ, диллемъ и гипотезъ, которымъ запрещенъ входъ ко мнѣ: за тягостью лѣтъ я ихъ разрѣшить не способенъ. Усталъ отъ гущи красокъ, обилья тѣней, потрескавшихся образовъ давнихъ переживаній. Хочу уйти отъ нихъ. Я созову ихъ всѣ разомъ, запру на ключъ извнѣ, уйду,—и буду искать себѣ бѣлую комнату...

Пусть эти строки будутъ послѣдней данью моимъ призракамъ.

Вотъ уже много лѣтъ, какъ я въ пути. Привычный путникъ, одинъ изъ тѣхъ, на кого такъ спокойно и равнодушно смотрятъ кондуктора: «съ этимъ хлопотъ нѣтъ, онъ знаетъ, на сколько минутъ остановка, гдѣ сойти». Одинъ изъ тѣхъ, кто не ѣздитъ отъ столицъ къ большимъ городамъ. Нѣтъ, садится за часъ до столицы и бросаетъ поѣздъ на маленькой уснувшей станціи, въ самую неурочную пору. Чтобы остаться здѣсь? Нѣтъ, здѣсь нѣтъ и гостиницы! Но здѣсь вѣтка другой дороги въ другое захолустье. Или — дальше на лошадяхъ, по плохой проселочной дорогѣ съ двумя глубокими колеями.

Я выѣхалъ въ тотъ моментъ, когда въ мірѣ, залитомъ солнцемъ, потухла маленькая восковая свѣчка, слабаго пламени которой никто не видалъ и никто не замѣтилъ угашенія. Маленькая свѣчка чистаго воска... Чѣмъ она была для меня? Зачѣмъ вамъ знать!

Зачѣмъ вамъ знать? Можетъ быть этимъ, лишь мнѣ замѣтнымъ и дорогимъ огонькомъ, лишь для меня горѣвшимъ, меня согрѣвавшимъ и мнѣ свѣтившимъ, былъ живой человѣкъ, дитя, женщина, другъ; можетъ быть это была моя надежда, мечта моя — мы всѣ мечтатели! Можетъ быть іюльскимъ свѣтлячкомъ блеснула въ головѣ пожившаго, прожившаго,—вдругъ блеснула сказка совсѣмъ юныхъ лѣтъ; а блеснувъ—пропала. И навсегда пропала. И ужъ безвозвратно! Легкій, утренній, свѣжащій вѣтерокъ, такой нѣжный и пріятный, — и вдругъ задулъ слабое пламя. Задулъ такъ, не со зла... А зачѣмъ задулъ? И вотъ свѣчка угасла.

И стало темно и неуютно. Тогда я всталъ и пошелъ. Оглянулся разъ: ничего не видно; тамъ позади темно и неуютно; никто не окликнулъ. И пошелъ дальше.

Когда я ушелъ, я сказалъ себѣ: буду одинъ! И правда, я одинъ, почти всегда, и нѣтъ у меня мѣста, которое я звалъ бы домомъ. Пароходъ можетъ подолгу стоять у пристани, но онъ нигдѣ не дома. И я таковъ же.

Я не скрою: я полонъ тоски. Но это не тоска по осѣдлости: быть путникомъ — моя натура. И не тоска по жизненнымъ связямъ: моя вторая натура—свобода. Тоска ненужности — вотъ моя тоска; ненуженъ себѣ, и мнѣ никто, никто не нуженъ. Такъ, чтобы щемило сердце желаньемъ видѣть, любить и ласкать;

такъ, чтобы мысль отбрасывала все, что ей предлагается, и кричала: «нѣтъ, дайте мнѣ это, лишь одно это!»; или чтобы воля была безсильна побороть жажду жизни и хоть минутнаго счастья... Этого нѣтъ.

Не душевный холодъ, а зябкость. Странно это! Одинъ я, или среди людей,—я всматриваюсь себѣ въ душу, чувствую ее маленькимъ, озябшимъ, сморщеннымъ комочкомъ. И самъ себѣ кажусь такимъ же маленькимъ, сморщеннымъ, смиренно прижавшимся въ уголъ. Инстинктивно я оглядываюсь кругомъ:

— Почему же не смѣются или не жалѣютъ меня?

И если въ такой моментъ я вижу себя въ зеркалѣ, мнѣ дѣлается страшнымъ мое раздвоеніе. Тамъ я вижу знакомаго, но совсѣмъ чуждаго мнѣ человѣка, рослаго, сильнаго, съ просѣдью въ волосахъ, съ лицомъ самоувѣреннымъ, немного усталымъ, съ совсѣмъ молодыми глазами. Таковъ я былъ и раньше, пока внутри меня не отдѣлилось что-то и не стало жить особо. И то, что отдѣлилось, было самимъ мною; то, что осталось, стало чуждымъ мнѣ, стало моей неотвязчивой маской, моимъ двойникомъ.

Съ нимъ, съ двойникомъ, мы порою бываемъ очень близки; но это — лишь наединѣ. Мы подолгу смотримъ другъ на друга; я спрашиваю его:

— Доволенъ ты? Ты примирился, по крайней мѣрѣ?

И тогда онъ съеживается, старѣетъ подобно мнѣ, и говоритъ:

— Уйдемъ, уйдемъ! Кажется, подходитъ этотъ припадокъ безмыслія и холодной дрожи; ты заразилъ меня.

И мы уѣзжаемъ, всегда неразлучные...

Я не бѣгу отъ людей; вѣдь люди не мѣшаютъ одиночеству; напротивъ, скорѣе помогаютъ быть одинокимъ. Но и не стремлюсь къ нимъ; среди нихъ дѣлается все менѣе оригинальныхъ, интересныхъ и глубокихъ. Я просто—принимаю ихъ и терплю ихъ, какъ принимаю и терплю жизнь. И такъ до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не напомнитъ мнѣ слишкомъ ярко объ одномъ, давно прожитомъ времени. И когда прошлое вновь встаетъ передо мной, — тогда я уже не мирный путникъ, я—бѣглецъ, я раненый, убѣгающій съ проклятіемъ, но безъ мысли о мести.

Мой міръ населенъ тѣнями прошлаго; ихъ такъ много, такъ много! Иныя изъ нихъ я люблю и жалѣю; и я нѣжно ласкаю ихъ, когда едва слышной поступью, легкой походкой входятъ онѣ ночью ко мнѣ, одинокому путнику. Тогда я прощаю и тѣмъ... Тогда все и всѣмъ прощаю и отъ всѣхъ жду прощенья...

Вы стоите передъ большимъ стереоскопомъ, устроеннымъ ради рекламы. Приказчикъ думаетъ, что вы хотите купить его, и любезно показываетъ вамъ цѣлыя серіи чужеземныхъ видовъ. Но вы не хотите купить, вы только смотрите.

Африку? Да, и Африку. Можетъ быть у васъ есть виды Россіи? Какая удивительная страна! Страна подъ снѣгомъ... Ахъ, эти степи, залитыя солнцемъ! Хвойный лѣсъ, вѣдь это хвойный лѣсъ, не правда ли? Ледоходъ на Волгѣ? Но знаете, это же моя родная страна! Мнѣ кажется, что стекла запотѣли, или это просто усталость глазъ...

Затѣмъ, давъ отдохнуть глазамъ, вы плывете по швейцарскимъ озерамъ, подымаетесь по горнымъ фуникулерамъ и узкоколейнымъ дорогамъ. Угодно вамъ взглянуть съ Пилатуса на озеро Четырехъ Кантоновъ? Или полюбоваться каскадомъ въ Мейрингенѣ? Панорамой горъ съ Роторна? Или и вы, какъ многіе, влюблены въ изящную, бѣлую, осеребренную блескомъ предвечера Юнгъ-Фрау?

Лебеди на Женевскомъ озерѣ... Тироль... Лаго ди Гарда съ высокой, отвѣсной стѣной горъ... Вотъ, наконецъ, вы ѣдете въ гондолѣ въ Венеціи подъ Мостомъ Вздоховъ, между дворцомъ и тюрьмой... Помните, какъ гондольеръ окликаетъ на поворотѣ узкихъ каналовъ:

— О-э!

И изъ-за угла слышенъ откликъ. Потомъ встрѣчаются и прощаются тихимъ плескомъ двѣ молчаливыя гондолы. Ѣздили вы ночью за островомъ святого Георгія? Разсказывали сказки, развалившись на мягкихъ черныхъ подушкахъ и откинувъ голову къ звѣздамъ? Вдали все еще слышна серенатина...

Да, все это было, все проносилось передъ взоромъ, какъ теперь передъ памятью. Картины и встрѣчи, — встрѣчи, мимолетныя, какъ картины.

Одной совсѣмъ юной дѣвушкѣ очень хотѣлось повидать море; она прожила всю свою девятнадцатилѣтнюю жизнь въ русской провинціи. Потомъ, когда мать повезла ее заграницу, она увидала большіе европейскіе города, увидала озера, снѣговыя вершины горъ. Много-много чужихъ людей. Но моря она еще не видала.

У матери былъ большой другъ, который попросилъ ее отпустить съ нимъ дѣвочку посмотрѣть море. Это такъ близко и не будетъ стоить ровно ничего! Развѣ мы не старые друзья?

— Но развѣ вы собираетесь ѣхать?

— Я не собирался сидѣть на мѣстѣ. А куда ѣхать—все равно. Мнѣ вдвойнѣ пріятно прокатиться съ вашей дѣвочкой.

— Да какая она дѣвочка; она уже взрослая.

— Отпустите ее со мной! Я доставлю ее обратно черезъ три дня. Мы только взглянемъ на море.

Часа за два до отъѣзда я бѣгу по магазинамъ. Нужно захватить чего-нибудь поѣсть для дѣвочки; вагонъ-ресторана не будетъ. Я покупаю ей страсбургскій пирожокъ. Потомъ покупаю одеколону: это—вмѣсто умыванья, ее запылитъ дорогой.

Она ждетъ на вокзалѣ. Она смотритъ въ другую сторону, и не сразу узнаетъ меня, такъ какъ я одѣтъ по дорожному. Подкрадываюсь, хватаю за руку.

— Ну?

— Ахъ!—вскрикиваетъ она. И я еще и еще разъ вижу ясную и радостную улыбку ожиданья. Ей такъ хочется, такъ хочется взглянуть на море!

Мы ѣдемъ въ поѣздѣ. Страсбургскій пирожокъ пригодился...

Сгущаются сумерки. Въ окно вагона видны скалы и море, прохладное и прекрасное.

Я вглядываюсь въ глаза моей маленькой спутницы. Когда глазъ не видно,—она рисуется мнѣ серьезной. Но едва блеснутъ въ темнотѣ двѣ звѣздочки — снова я вижу и чувствую улыбку. И снова въ умѣ моемъ стоитъ та же фраза:

— Вступаю въ жизнь. Гляжу въ будущее съ удивленіемъ и радостью ожиданья...

Она мнѣ сказала:

— Какъ странно... У меня совсѣмъ нѣтъ прошлаго! Вѣдь гимназія, учителя, подруги,—это не прошлое. А другихъ воспоминаній нѣтъ. Вотъ эта поѣздка будетъ первымъ моимъ воспоминаніемъ.

Милый ребенокъ безъ прошлаго!

Ей девятнадцать лѣтъ. Мнѣ хочется взглянуть на нее, какъ на женщину, хотя бы и маленькую. Но нѣтъ, не могу. Она остается для меня ребенкомъ, милымъ и чистымъ, съ ясными глазами, говорящими:

— Вступаю въ жизнь съ удивленнымъ ожиданіемъ, въ жизнь большую, странную, полную чудесъ, полную непонятнаго. Иду къ тайнѣ, не готовая къ ней, такая маленькая въ этомъ огромномъ мірѣ.

Я улыбаюсь ей той улыбкой, которой не зналъ давно. Это — улыбка юности, или, вѣрнѣе, улыбка для юныхъ. Улыбкой скры-

ваю я большую тоску. Если бы я былъ юношей, такимъ же чистымъ и довѣрчивымъ, я бы смѣлъ сказать ей:

— Дай мнѣ руку, пойдемъ вмѣстѣ! Это и веселѣе и легче. Какъ братъ съ сестрой...

Былъ бы я стройнымъ, смѣлымъ, красивымъ, со взглядомъ рождающагося мужчины, съ сильной рукой, чуткой для пожатья. И я сказалъ бы ей:

— Мы ѣдемъ къ морю не для лѣниваго нѣжанья на пляжѣ. Мы ѣдемъ вдохнуть соленой, бодрящей водяной пыли, взглянуть на дали, проводить закатъ и ждать утра. Знаешь—оно вѣчное и бездонное, его не охватишь глазомъ. Мы почерпнемъ въ его красотѣ запасъ бодрой силы, и вернемся, опять вернемся къ снѣгамъ и Волгѣ. Тѣ, до насъ, старики,—миръ праху ихъ!—видѣли мало красоты вѣчной; они черпали энергію во временномъ и, растративъ ее, не знали, чѣмъ пополнить. Мы возьмемъ ее изъ вѣчнаго и въ вѣчномъ пополнимъ. И передъ красотой и молодостью,—сестра моя!—кто не преклонится? Кто не дастъ намъ дороги? Вѣрѣ уступитъ дорогу безвѣріе, сила прогонитъ слабость, и наша побѣда,—сестра моя!—будетъ не проклятьемъ прошлому и не местью ему, но радостью за будущее, радостью и благословеніемъ. Идемъ со мной, идемъ вмѣстѣ, рука въ руку!

И пошли бы, и вступили бы въ волны, не боясь простуды, и перешли бы море; вѣдь все доступно, все возможно тому, кто вѣритъ.

И вступили бы въ жизнь рядомъ... сестра моя!

. . . .

Мечты мои! Онѣ тревожатъ меня и сейчасъ. Мечты мои, отзвуки надеждъ уснувшихъ...

Еще никогда я не былъ такъ слабъ и неразуменъ, какъ сейчасъ, когда пишу. И такъ слабъ и одинокъ. Съ мной нѣтъ здѣсь моего вѣрнаго, вѣчнаго, вѣщаго совѣтника—моря, моего страннаго, страшнаго, страстнаго друга—моря, синяго моря непостояннаго.

Все минуетъ, все потонетъ въ его пучинѣ, все уйдетъ.

Туда, на дно. Слабый всплескъ замретъ въ плескѣ прибоя, бѣлый гребень покроетъ водяную могилу думъ и переживаній. А тамъ—гладь лазурная, блики солнца, отраженныя пятна облаковъ, да длинныя, рябыя дорожки отъ плоскаго берега вглубь, вдаль, въ небытіе. Прощай!

Но не могу забыть...

Не могу забыть ея дѣтскихъ словъ, сказанныхъ съ наивнымъ сожалѣніемъ:

— У меня нѣтъ прошлаго... Мнѣ нечего вспоминать...

Мой маленькій другъ! А вотъ я полонъ прошлымъ! Когда я одинъ и свѣтъ лампы брошенъ внизъ—меня обступаютъ призраки прошлаго. Я не забылъ ничего. Я ничего не забуду.

Тонкіе, прозрачные, колеблющіеся, всегда готовые уйти неслышно и неслышно явиться, они—мой міръ, какъ я—ихъ цѣль. Они являются ко мнѣ боязливо и робко, хотя я—рабъ ихъ. Въ сладкомъ и тягостномъ плѣну они держатъ мою душу. Они стоятъ толпой и подходятъ по одиночкѣ.

— Это ты, отецъ? Даже ты здѣсь? Но вѣдь ты умеръ, когда я еще не жилъ сознательной жизнью. Что общаго между нами?

И говоритъ мнѣ старикъ, съ большимъ лбомъ и насмѣшливыми глазами:

— Мой мальчикъ, мой бѣдный, усталый, полусѣдой мальчикъ! Ты долженъ простить меня за то, что я далъ тебѣ жизнь. Она интересна, эта жизнь, но тяжела. И еще прости меня за то наслѣдство, которое я тебѣ оставилъ: за эту неприспособленность къ жизни, за довѣрчивость и безволіе, за жажду сказки, которой нѣтъ, и отдыха, котораго не будетъ...

— А ты не отдохнулъ?—спрашиваю я старика, моего отца. Онъ отвѣчаетъ задумчиво:

— Могила—не отдыхъ; тотъ крестъ, который ты поставилъ надъ ней—насмѣшка надъ недожитымъ. Я не покоенъ; я тревожусь прежней загадкой: почему мнѣ, желавшему такъ малаго, было суждено еще меньшее?

— Отецъ, я тебя зналъ такъ мало. Неужели и ты былъ поэтомъ, ничего не создавшимъ? Я былъ еще мальчикомъ тогда; но я помню твой взглядъ за часъ до смерти. Ты смотрѣлъ на меня, сидѣвшаго съ книгой у твоей кровати, пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ было все, что можетъ сказать умирающій. Тогда я просто заплакалъ, не понявъ. Теперь я понимаю: ты благословлялъ меня на смерть? На такую же смерть безъ оправданья? Правда ли?

— Правда. Я и теперь благословляю тебя. Мы встрѣтимся тамъ. И оба, призраками, мы будемъ приходить къ другимъ, такимъ же неустроеннымъ въ жизни, и ждать ихъ, и звать ихъ къ себѣ, съ собой, въ наше послѣднее ничто; но и въ немъ нѣтъ отдыха, ты знаешь?

— Да. Но скажи, отецъ, почему ты говоришь такъ странно,

загадками? Ты, который при жизни говорилъ простыя вещи съ простой улыбкой; вотъ съ этой, какъ сейчасъ?

Онъ смѣется:

— Но вѣдь это ты говоришь за меня, мой пожилой мальчикъ, мой бѣдный сынъ! Я былъ проще; мы всѣ были проще... И всѣхъ проще была вотъ она, вотъ эта старая женщина, грустная, съ голубыми глазами, которые такъ много плакали...

Мать стоитъ около меня; она такъ слаба. Она молчитъ и только гладитъ меня по головѣ съ такой лаской, которой нѣтъ равной! Ласка женщины—матери-старухи.

Я шепчу ей, растроганный, слабый, какъ дитя. Я шепчу ей:

— Скажи мнѣ, мама, что же это за жизнь? За что это, мама?

Она гладитъ мнѣ волосы, ласкаетъ...

— Ты—женщина; ты должна знать...

Она ласкаетъ, молчитъ...

— Ты умерла вдали отъ меня, я не видалъ и твоей могилы. Скажи, если бы я могъ быть у твоей постели, — ты открыла бы мнѣ загадку жизни? Или, мама, и ты ея не знала?

Она ласкаетъ...

— Простила ли ты меня за себя и за другихъ?

Плачетъ, ласкаетъ еще нѣжнѣе худой тонкой рукой. И впервые шепчетъ тихо:

— Мой бѣдный мальчикъ! Иди ко мнѣ, иди къ намъ... Я прижму тебя къ старой, сухой материнской груди, я согрѣю тебя слабымъ, дрожащимъ объятьемъ матери, мой милый мальчикъ...

— Мама, я хотѣлъ бы жить...

— Я знаю это. Но тѣ, молодыя, согрѣютъ только на мигъ. Смотри, сколько ихъ здѣсь; отнимутъ тебя, но не спасутъ; приласкаютъ, не не утѣшатъ.

— О, нѣтъ, мама, еще немного, еще крупинку жизни!

И уже нѣтъ дрожащаго призрака старухи. Передо мной дѣвочка съ большими открытыми глазами, любящими, молящими. И подъ легкой кисеей ждетъ отклика сердце, и манитъ, и дрожитъ ожиданьемъ. И тонкія, прозрачныя руки хотятъ протянуться, и ждутъ, и не смѣютъ...

Я помню. Это ея глаза еще недавно смотрѣли прямо, черезъ меня, смотрѣли вдаль, говоря:

— Вступаю въ жизнь...

Зачѣмъ же теперь они смотрятъ на меня, и тянутся ко мнѣ, и несмѣло спрашиваютъ:

— Позовешь ли? Велишь ли? Должна ли я уйти?

— Уйди, дитя!

— Но я бы осталась лишь на минутку. Я не дитя уже. Смотри!

И спадаетъ кисея. И подъ нѣжной грудью я вижу глубокую рану.

— Уйди же, уйди!.. Это не я убилъ тебя!

— Это ты сдѣлалъ. Но ты не убилъ, ты пробудилъ меня къ жизни. Ты сказалъ: ищи! Вотъ я и нашла, вотъ я пришла къ тебѣ. Позволь мнѣ побыть минутку! Только коснись—и рана скроется. Я отдаю тебѣ всю себя навсегда, готовая на всѣ страданья.

— Уйди, умоляю! Уйди, моя дѣвочка, пока не поздно! Уйдите всѣ!—кричу я призракамъ. Уйдите, у меня нѣтъ больше силъ!

Они уходятъ неслышно.

Я одинъ.

Призраки, призраки... Избранникъ я вашъ? Или вы ко всѣмъ приходите, ко всѣмъ согрѣшившимъ—за часъ до расплаты, не щадя, не звоня у двери?

Черные кипарисы уходили въ небо. Между ними бѣлѣли въ сумеркахъ мраморы. То было кладбище. И ночью тамъ вставали прозрачныя тѣни, блѣдныя, высокія, неслышныя. Онѣ двигались къ намъ, простирая руки, слѣпыя и безпомощныя. Ихъ видѣлъ только я, и только я слышалъ ихъ голосъ, какъ шопотъ листьевъ:

— Мы ушли изъ жизни такъ рано, такъ рано! Мы такъ многаго не узнали, не поняли; мы не видали лучшаго. И вотъ теперь, безсильныя, робкія, мы ищемъ обманувшаго, чтобы молить его вернуть намъ жизнь лишь на завтра.

— Зачѣмъ?

— Чтобы дожить недожитое. Насъ разбудили вопросомъ, но не отвѣтили.

— Отвѣта нѣтъ,—шепчу я тихо въ тонъ призракамъ.

— Ты знаешь?

— Да, я знаю. Отвѣта нѣтъ! Развѣ *тамъ* вамъ не открыли, что въ жизни все неразрѣшимо?

Они не умѣютъ плакать и уходятъ безъ слезъ.

Близь кладбища на скалахъ мы сидѣли съ Машей, съ той дѣвочкой, что такъ хотѣла увидать море. Я говорилъ ей:

— Нѣтъ, Маша, я не учитель жизни, я въ ней такой же несмышленышъ, какъ и вы. И это потому, что я много жилъ. Развѣ

вы, Маша, еще не знаете, еще не слышали, что въ жизни все неразрѣшимо?

Она, волнуясь, сбиваясь въ словахъ, быть можетъ краснѣя въ темнотѣ ночи, настаивала:

— Но все таки опытъ что нибудь даетъ же? Какъ неразрѣшимо? Этого не можетъ быть! Что неразрѣшимо для насъ—будетъ яснымъ для другихъ.

— Для кого?

— Ну, для потомковъ, что ли, я не знаю.

— Это не утѣшительно, Маша; вы меня не поняли. Я хочу сказать, что жизнь наша сплетается изъ многаго, что примирить нельзя. Совсѣмъ одиноко жить невозможно, а жить съ другими, значитъ—сталкиваться съ ними ежеминутно и либо гибнуть самому, либо губить ихъ. Это, Маша, аксіома!

Маша думаетъ. Потомъ качаетъ головой отрицательно.

— Этого не можетъ быть! Точно нельзя примирять интересы.

— Нельзя. Можетъ быть, впрочемъ, въ мелочахъ и можно, но въ высшемъ нельзя. А высшее, это—жизнь чувствъ. И вотъ, Маша, въ дружбѣ одинъ всегда будетъ предателемъ, другой—жертвой, а въ любви одинъ — палачъ, другой—казнимый. Или, Маша, взаимно палачи и казнимые, но это еще хуже.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Вѣдь это же не должно быть правдой! Такъ жить нельзя!

— Почему нельзя? Напротивъ, Маша, тѣмъ самымъ жизнь глубже и интереснѣе. Тѣмъ самымъ она богаче. Но только не нужно утѣшать себя мыслью, что все разрѣшимо.

Мы молчимъ. Маша не видитъ, что призраки на кладбищѣ стоятъ въ выжидающей тревогѣ и слушаютъ. И говорятъ:

— Развѣ и она будетъ обманута?

— Да, и она.

— Но вѣдь ее предупредили раньше, а намъ никто, никто не открылъ этой тайны.

— Ахъ! Она не повѣритъ! Она такъ молода, что не захочетъ повѣрить. Онъ говоритъ ея уму, а ея сердце ищетъ сладкаго обмана.

— Значитъ она придетъ къ намъ такою же?

— Да.

Маша смотритъ вдаль, гдѣ огоньки рыбацкихъ лодокъ.

— Неужели уже завтра нужно ѣхать? Такъ не хочется! Такъ хорошо у моря...

На кладбищѣ шевелится тѣнь старой женщины. И я слышу:

— Неужели онъ сдѣлаетъ это?

— Да. Такъ нужно. Онъ самъ страдаетъ. Но онъ уже не можетъ жить безъ этого обмана. Онъ любитъ осенней любовью. Она обновитъ его силы, вернетъ ему молодость на время. Наконецъ—онъ уже не властенъ.

И всѣ тѣни хоромъ говорятъ:

— Да, онъ уже не властенъ! Мы знаемъ. Онъ сказалъ: это неразрѣшимо.

Откинувшись на плоскій камень, какъ на спинку кресла, Маша говоритъ:

— Вы и сегодня разскажете мнѣ сказку?

— Да, я разскажу вамъ про волну.

И я начинаю.

Вокругъ насъ столпились тѣни. Я начинаю — слушайте, Маша!

Волна.

Тѣ гребни прибрежныхъ волнъ, съ которыми я давно уже и часто велъ бесѣды, сказали мнѣ однажды:

— Ты опять просишь сказокъ, ненасытный человѣкъ! Развѣ мало ты ихъ слыхалъ отъ насъ? Сегодня намъ некогда. Сегодня уже послѣдній большой прибой. Лѣтомъ мы будемъ отдыхать, и нужно приготовиться. Сейчасъ у насъ кипитъ работа: мы прилѣпляемъ къ камнямъ ракушки. Черезъ два-три дня рыбаки пріѣдутъ собирать ихъ, будутъ босыми ногами бродить по краю скалъ и смотрѣть въ воду. Нынче имъ много поживы, и ножи ихъ затупятся въ первый же день. Да, намъ некогда.

— А какъ же я? Вы оставите меня съ моей прозой жизни, съ моимъ нытьемъ, безъ красивыхъ фантазій, безъ вашихъ вѣчныхъ грезъ, одного? Мало же вы хотите давать изъ своего изобилія!

— Мало? Ты понялъ вѣчность? Ты понялъ стихію? Понятенъ тебѣ языкъ волнъ? Чуешь ты безконечность красокъ морской дали? Это—мало?

— Да, мало! Отъ вѣчнаго и безграничнаго я не могу принимать обрывковъ. Иронія ваша мнѣ наскучила. Хочу знать вашу любовь.

Гребни разсыпались. Я показался имъ дерзкимъ. Потомъ они велѣли мнѣ итти по скаламъ до небольшого выступа. Тамъ

есть подводный камень, и надъ нимъ вырастаетъ большая, прозрачная лазурная волна. Ее любилъ человѣкъ. Пусть она разскажетъ все, что можетъ понять человѣкъ. Пусть она разскажетъ.

Когда онъ пріѣзжалъ снять домикъ въ четыре комнаты на склонѣ горы надъ моремъ, то вечеромъ хозяйка домика болтала сосѣдямъ:

— Этотъ синьоръ не изъ тѣхъ, которые торгуются! Если онъ не снимаетъ себѣ огромной виллы въ Рапалло или Санта Маргарита, то лишь потому, что не хочетъ жить въ курортѣ. Онъ будетъ жить съ женой вдвоемъ,—зачѣмъ же имъ большое помѣщенье? Мой домикъ имъ приглянулся чистотой. Вѣдь вы знаете, какъ я люблю опрятность во всемъ. Мой покойный мужъ не терпѣлъ грязи!

Хозяйка была толстой грубой женщиной и вѣчно носила одинъ и тотъ же грязный передникъ. Ея прическа была сдѣлана по послѣдней деревенской модѣ, съ полсотней шпилекъ, но примята корзиной бѣлья, которую она таскала на головѣ. Вѣдь прическа дѣлалась крѣпко и прочно разъ на недѣлю впередъ.

— Онъ или маркизъ или русскій князь. Говоритъ, что долго жилъ въ Римѣ, а на Ривьерѣ въ первый разъ.

— Красивый какой!—разсказывала подругамъ Анна. — Свѣтлый блондинъ, лицо нѣжное, какъ у св. Себастьяно, и мягкіе усы.

Надъ Анной долго смѣялись: Развѣ ты гладила усы?

А на другой день онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ женой. Багажъ ихъ былъ не великъ. Сосѣди запримѣтили въ немъ два большихъ ящика съ красками, свертки холста.

Итакъ, онъ оказался художникомъ. Хозяйка его уже не считала маркизомъ, но увѣряла, что онъ извѣстный художникъ. Его картины продаются въ Римѣ за высокую цѣну. О немъ пишутъ въ газетахъ.

Впрочемъ, сосѣди занимались теперь не имъ, а его женой. Она была совсѣмъ молоденькой. И, повидимому, они были недавно женаты. Теперь дѣвочки подсматривали за ними во время прогулокъ. Имъ удавалось видѣть много интереснаго, и все это дѣлалось потомъ предметомъ обсужденія.

Когда онъ садился гдѣ-нибудь писать, то вокругъ собирались мальчики и по цѣлымъ часамъ водили глазами съ палитры на полотно и съ полотна на палитру. Но когда къ художнику приходила жена, всегда въ легкомъ свѣтломъ платьѣ, то онъ почти не касался своихъ этюдовъ, и мальчики расходились.

Его звали Андреа, его жену—Нина, и это имя нравилось итальянцамъ, такъ какъ оно было имъ знакомымъ и значило «милая». Они называли себя русскими. Когда они пріѣхали, Нина знала по итальянски только buon giorno и tante grazie. Потомъ немного научилась понимать ясную и нескорую рѣчь.

Шумѣло море. Когда накатывалась синяя гряда волны на берегъ, то надъ подводнымъ камнемъ она сталкивалась со стремительной пѣной отбоя. Изъ столкновенія двухъ водяныхъ массъ внезапно выростала высокая, прекрасная волна. Сквозь нее свѣтилъ лучъ солнца зеленоватымъ свѣтомъ, и она была похожа на чудесную женщину, страстную и холодную, выросшую изъ морской пѣны, какъ родилась Венера. Это была самая красивая волна побережья. Ея разсказъ я и передаю.

Вотъ какъ она разсказывала.

Нина пріѣхала сюда веселой и свѣтлой и оставалась такой, пока Андреа однажды не пришелъ сюда, на этотъ камень, гдѣ сейчасъ сидишь ты съ твоимъ карандашемъ и съ твоей знакомой морю тетрадкой. Андреа писалъ не буквами, а красками, и мы старались прыгнуть выше, чтобы взглянуть на его работу. Онъ былъ большой художникъ, хотя хозяйка напрасно называла его знаменитымъ. Онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ чистъ для этого.

Въ первый свой приходъ онъ смѣло набросалъ углемъ очертанія скалъ, той кучки домиковъ, и провелъ линію горизонта. Потомъ онъ взялъ палитру и писалъ долго и съ увлеченіемъ. Въ тотъ день было тихо, и онъ не видалъ меня. Но когда онъ пришелъ вторично, было сильное волненье, больше сегодняшняго, и онъ увидалъ, что краски уже не тѣ, и что его картина спокойнаго моря слишкомъ простодушна. Короче говоря,—онъ увидалъ меня, бѣдный Андреа!

Былъ конецъ октября, и въ открытомъ морѣ бури были часты. Новый холстъ Андреа былъ посвященъ мнѣ. Онъ по цѣлымъ часамъ вглядывался въ меня, ловилъ мои тона и мою радугу, осязалъ мои бѣлоснѣжныя кружева, слушалъ мой голосъ и сидѣлъ, какъ зачарованный. Когда я выростала передъ нимъ надъ этимъ подводнымъ камнемъ,—онъ весь уходилъ въ зрѣнье и оглядывалъ меня съ ногъ до головы. Когда я падала со стономъ, онъ судорожно мѣшалъ краски на палитрѣ. И я слышала, какъ онъ повторялъ мой стонъ. Во всевозможныхъ позахъ и положеніяхъ писалъ онъ меня,—но мертвый холстъ не давалъ ему безконечной игры моихъ красокъ. Иногда онъ

бросалъ свои кисти, клалъ на голый камень свою кудрявую голову и хмуро смотрѣлъ въ небо—но не долго.

Я звала, я манила его, я шептала еще незнакомыя ему слова, я плѣняла его, я играла имъ...

— Зачѣмъ?

— Онъ былъ дерзокъ! Онъ хотѣлъ быть богомъ, забывъ, что онъ только человѣкъ. Развѣ въ его ящикѣ были живыя краски? Развѣ мертвымъ пятномъ можно передать движеніе, въ которомъ и есть вся красота? Развѣ можетъ человѣкъ взять меня и унести отсюда? Или создать меня изъ воды своими руками? Чего хотѣлъ онъ? Онъ хотѣлъ владѣть мною, между тѣмъ какъ я давно уже владѣла имъ.

Разъ или два приходила сюда Нина. Андреа вспыхивалъ и хмурился и старался отвлечь отъ меня ея вниманье.

— Это ничего, это такъ, пустяки!—говорилъ онъ, быстро переворачивая холстъ.—Не клеится сегодня моя работа.

И избѣгалъ ея взгляда, ея пытливаго, грустнаго взгляда.

Поняла-ли она—я не знаю. Но помню, какъ однажды Нина пришла сюда безъ него и долго смотрѣла на меня страннымъ, ревнивымъ взглядомъ. А я нарочно вздымалась высоко-высоко, бросала надъ своимъ гребнемъ цѣлые каскады пѣны и брызгъ, и, падая, разбивалась въ облако пыли. Я смѣялась надъ Ниной, которая очень страдала. Но вѣдь смѣялась и надъ нимъ.

— Ты не любила его?

— Я не знаю человѣческой любви. Я знаю много сказокъ про нее, но мнѣ кажется это такимъ грубымъ. Вѣдь вы, люди, размножаетесь любовью, а мы рождаемся, на мигъ умираемъ, и живемъ вѣчно, вѣчно обновляясь. Мнѣ ваша любовь непонятна и ненужна. Но есть въ васъ много страннаго! Вотъ вы чувствуете красоту, и художникъ не даромъ такъ любилъ меня. Но только зачѣмъ вы хотите закрѣпить ее на бумагѣ, запечатлѣть на полотнѣ? Вѣдь вся ея сила въ ея мимолетности и вѣчной измѣнчивости, вѣчномъ обновленіи. Можно засушить цвѣтокъ, но весну остановить невозможно. Продли мгновенье и вели морю остановиться,—передъ тобой будетъ грубая, беззвучная стеклянная масса, которая тебѣ завтра же надоѣстъ! И если бы ты могъ, или могъ Андреа, подойти ко мнѣ, ощупать меня руками, потрогать мой гребень—его любовь исчезла бы тотчасъ, вслѣдъ за моей красотой. Но развѣ не этого именно хотѣлъ Андреа? А онъ былъ еще самымъ чуткимъ изъ людей, самымъ изящнымъ изъ художниковъ.

И опять, гордая и холодная, она вздымается и рушится.

И движется къ берегу новый валъ съ бѣлоснѣжнымъ гребнемъ и отъ берега откатывается къ нему пѣна отбоя. Вѣчное, вѣчное, вѣчное движеніе.

У художника была размолвка съ Ниной. Андреа избѣгалъ ея взгляда. А взглядъ ея былъ прозрачный, и глубокій, и грустный. Въ синевѣ ея глазъ, какъ въ спокойномъ морѣ, отражалась лазурь неба. Ясное небо затуманено облакомъ. Но грозы не будетъ. Растаетъ облако, и снова засіяетъ надъ моремъ чистая лазурь. Чистая-чистая и ясная-ясная.

Для этого неба были краски на палитрѣ Андреа. Не было ихъ только для прозрачной волны.

— Можетъ быть я могла бы полюбить,—говоритъ волна.— Въ вашей любви есть красота и грусть. Но радости мало. А я хочу радости, хоть и холодна для нея. Но я хочу ея!—говоритъ она, выгибая зеленоватый станъ и вздымая пѣну.

И снова рушится, и снова рождается, и падаетъ бѣлой массой.

Андреа скучалъ, когда море было спокойно. Это были дни разлуки съ волной.

— Онъ смотрѣлъ въ воду, искалъ меня, желалъ меня, просилъ вѣтра и бури. Въ его холстѣ не было жизни, и мой портретъ былъ только лубочной картинкой, жалкой мазней.

Вотъ ея карточка... Знакомыя черты, любимая улыбка,— а ея нѣтъ, нѣтъ, и не замѣнитъ ея кусокъ бумаги, плоскій и гладкій. Прижми его къ губамъ и смотри, какъ запотѣетъ онъ отъ такого движенія. И пусть отрезвитъ тебя холодный поцѣлуй клочка бумаги. Брось его и поди, ищи ее по свѣту, если она еще не въ могилѣ. Тогда умри и ты.

Сквозь воду желтѣетъ камень, покрытый мохомъ. Въ глубинѣ играютъ бѣлыя пятна морского дна. Смотри внимательно— не увидишь ли рыбокъ. Можетъ быть, онѣ разскажутъ тебѣ, куда ушла волна, которая была вчера, но не родилась сегодня. Или, если ты терпѣливъ, жди вѣтра и новаго прибоя.

Нина уѣхала рано утромъ. Эту ночь они оба не спали, но она не плакала, и онъ молчалъ. Передъ этимъ она была такъ весела и дѣловита, не искала его и, какъ будто, жила своей жизнью. Она починила его бѣлье, потомъ долго разбирала письма и читала тѣ, которыя были отъ матери. Потомъ она привела въ порядокъ всѣ комнаты, поставила новые цвѣты— зимнія розы. Потомъ она смотрѣла, какъ все чисто, какъ все опрятно. Потомъ въ своей комнатѣ стояла передъ окномъ на море и плакала съ открытыми глазами, и не хотѣла вытирать

слезъ,—вѣдь онъ все равно былъ на своемъ берегу у волны. Все равно онъ тамъ! Потомъ она уложила свои вещи въ чемоданъ. Взяла только одну картину, которую онъ писалъ для нея. Вѣдь это же ея вещь, она не беретъ чужого!

Потомъ она спрятала чемоданчикъ подъ кровать. Вдругъ онъ пришелъ бы и сказалъ:

— Останься! Какъ же я?

А онъ пришелъ только поздно вечеромъ и не сказалъ ни слова.

Совсѣмъ не проститься она не могла. Нужно было разстаться просто, свободными людьми, друзьями.

Друзьями!

И она просто, по дружески, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Прощай, Андрей, я утромъ уѣду!

Оба были измучены, и она—чистая, и онъ—жалкій, постарѣвшій.

Сказала хозяйкѣ, что скоро вернется и обняла ее на прощанье. Мальчикъ взялъ вещи, а Андреа проводилъ ее.

Онъ могъ бы еще сказать:

— Какъ же я? Одинъ?

Это было бы некрасиво. Снова раскладывать чемоданъ; а потомъ опять...

Въ вагонѣ она прижалась въ уголъ. Итальянцы смотрѣли на нее. Женщины криво улыбались на ея русскую прическу, но всѣ видѣли, что она хороша. Ее считали дѣвочкой. Поѣздъ нырялъ изъ туннеля въ туннель. Море то появлялось, то исчезало. Было душно и дымно. И тяжело-тяжело было ей, такой маленькой, съ такимъ большимъ горемъ.

Еще разбитое счастье... А развѣ она имѣла право на счастье, эта маленькая Нина? И что такое счастье? Почему я, волна, не знаю его? Я, прекрасная прибрежная волна, дочь прибоя, внучка синяго моря?

Еще разбитая жизнь, о которой не жалѣютъ.

Холстъ и кисти Андреа бросилъ въ море. Онъ бросилъ въ море дорожную палитру и долго смотрѣлъ, какъ она носилась въ прибоѣ среди пѣны.

И еще и еще были сказки, пока на востокѣ не стало совсѣмъ свѣтло.

Сказки про море... О томъ, что говорило мнѣ море...

— Вамъ не холодно, Маша?

Не отвѣчая, она говоритъ:

— Что бы вы ни разсказывали, у васъ все выходитъ такъ изящно. И какой вы... молодой!

— Могъ бы быть отцомъ вамъ, Маша! И хотѣлъ бы быть вашимъ отцомъ.

— А я не хотѣла бы... Такъ лучше!

Она тихо гладитъ мою руку. Мнѣ грустно, и я бѣшено ненавижу тѣ призраки на кладбищѣ, что теперь попрятались среди памятниковъ и кипарисовъ. Но я знаю, что они слѣдятъ за мной всегда и всюду.

— Такъ вамъ не холодно, Маша... родная дѣвочка?

Она еще не поняла... Не отрываетъ руки, къ которой я прижался лбомъ, другой рукой гладитъ мнѣ волосы. Въ этотъ моментъ она старше меня. Говоритъ голосомъ моей матери:

— Вамъ вѣрно трудно жить. Я вотъ не знаю, а чувствую. Я бы такъ хотѣла сдѣлать вамъ что-нибудь хорошее!

— Вы уже сдѣлали. Видите—мнѣ хорошо.

— Хорошо ли? Я не знаю, я васъ не понимаю.

И вдругъ наклоняется ко мнѣ, серьезно и дѣловито беретъ мою голову и цѣлуетъ въ лобъ.

— Вотъ!

И сейчасъ же покраснѣла, закрыла лицо руками.

Я разсмѣялся.

— Ахъ вы, милый ребенокъ! Ну, спасибо; ну, пойдемте домой. Нужно вамъ хоть немного поспать передъ дорогой.

Она встала, едва держась на ногахъ отъ слабости. Стала лицомъ къ морю.

— Я не хочу спать. Потомъ высплюсь. Тамъ, дома, у мамы.

Смотритъ въ даль новыми глазами. Въ нихъ еще больше вопроса, но уже есть новое, чего не было раньше: есть безпокойная мысль о томъ, что не все разрѣшимо, что не всякой загадкѣ есть отвѣтъ.

— Со мной что то сдѣлалось,—говоритъ Маша.—И правда, точно это сказка, а не жизнь. Этого не было никогда, и можетъ быть не будетъ. Море, какое оно... Море, милое море! Море!

Ея глаза полны слезъ.

— О чемъ вы, Маша?

Плачетъ у меня на груди.

— Не знаю. И хорошо мнѣ и страшно какъ то... Вѣдь вы... не дадите меня въ обиду?

Опять зашевелились призраки:

— Онъ не обидитъ ея?—шепчутся они.—Ея жизнь лишь сейчасъ началась. Но онъ не долженъ ее обидѣть! Онъ жалѣетъ...

— Полноте, Маша, вамъ нечего бояться! Все это отъ усталости и отъ избытка красоты. Смотрите, какъ ярко зажегся бѣлымъ маленькій парусъ! Смотрите, какое темное море! Оно еще ночное, еще не проснулось, но по нему уже скользитъ утро.

Она быстро повертывается къ морю, не отрываясь отъ меня. Смотритъ долго... Потомъ поднимаетъ голову и смотритъ прямо мнѣ въ глаза.

Это уже не та Маша, которую я кормилъ въ вагонѣ страсбургскимъ пирожкомъ. Передо мной маленькая женщина, лишь за минуту бывшая ребенкомъ и теперь проснувшаяся для жизни.

И нѣжно и ласково отстраняясь отъ меня новымъ и такимъ изящнымъ движеніемъ, она говоритъ смущенно:

— Ну, теперь пойдемте домой. Можетъ быть, и правда я немного посплю до поѣзда...

Когда я думаю о жизни, то представляю ее себѣ уже не юной дѣвушкой, какъ было прежде, а сѣдой старушкой, прекрасной и насмѣшливой. Ея образъ старѣлъ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ и моимъ духомъ. Но тѣло старѣетъ быстрѣе духа.

Старушка входитъ ко мнѣ безъ стука. Говорить съ ней такъ хорошо. Она успокаиваетъ мою мысль.

Спрашиваю старушку жизнь:

— Почему я, какъ и всѣ, запутался въ философіи неразрѣшимаго? Мнѣ досадно, что именно и я—какъ всѣ! А вѣдь казалось бы, что именно пріятіе неразрѣшимости и должно успокоить. Значитъ—и думать нечего! И незачѣмъ строить удобныя хижины для мысли и воздушныя замки для чувствъ. Правда? А вотъ неспокоенъ, волнуюсь, трачу время въ безплодныхъ попыткахъ его наверстать. Усталъ...

— Да, это усталость,—говоритъ она, смѣясь.—Просто—физическая усталость. Отдохни.

— Умереть?

— Ну вотъ, зачѣмъ умирать! Развѣ я не хороша?

Опять смѣется старая женщина.

Она чудно красива. Я ей спѣшу сказать это. Она сама это знаетъ; но, какъ всякой женщинѣ, эти слова ей милы и пріятны.

И вотъ тогда она впервые подала мнѣ мысль искать бѣлую комнату.

Она сказала.

— Это не символъ; не старайся разгадать и понять тамъ, гдѣ нечего разгадывать. Просто—найди бѣлую комнату, а въ ней найдешь и покой. Но знаешь: въ нее, какъ въ постель, явись умытымъ и чистымъ. Все черное сбрось прежде, отрѣжь все прошлое. Явись въ нее не для думъ и мученій безсоницы, а только для сна и отдыха. Не отдыхаютъ тѣ, что читаютъ и курятъ въ постели. Снѣгъ простынь покрывается пепломъ, подушки и волосы пахнутъ дымомъ, коптитъ лампа на столикѣ у кровати. Ты не слѣдуй примѣру этихъ, экономящихъ время и его теряющихъ. Недоспанное въ постели они досыпаютъ на ходу, когда смѣются, ѣдятъ, любятъ и творятъ.

— Да, я знаю...

Старушка смѣется: «Еще бы ты не зналъ! Неисправимый курильщикъ, еще въ дѣтствѣ испортившій зрѣнье чтеніемъ лежа».

На минуту наша бесѣда тухнетъ. Такъ бываетъ передъ самымъ главнымъ, къ чему нужно перейти, ради чего и состоялось наше свиданье.

Она выпрямилась, сѣдая и прекрасная:

— Любовью я освѣщаю вашъ путь! Любовью многоликой, непонятной, доступной лишь избраннымъ; но жаждутъ ея всѣ. Она, пробуждаясь въ ребенкѣ, не умираетъ и въ старикѣ. Отъ нея нельзя уйти, и безумецъ тотъ, кто хочетъ избѣжать лучшаго, что есть на пути отъ колыбели къ могилѣ! Она—высшая красота, она—высшее счастье! Ея не мѣряютъ, ею не равняются, съ ней нельзя бороться; кто борется, тотъ побѣжденъ и погибнетъ! И если ты, самъ того не зная, пробудишь чувство въ сердцѣ ребенка, — знай, что это — лучшее, что ты могъ ему дать, лучшее, чѣмъ ты могъ съ нимъ подѣлиться.

— Это твой отвѣтъ?

— Да. Не старайся вновь сложить лепестки распустившагося цвѣтка и спрятать ихъ въ бутонъ, который былъ вчера, но былъ лишь до сегодняшней зари. Ты сомнешь лепестки, ты можешь сломать стебель. Пусть утро, пусть море, пусть разлитая въ мірѣ красота будутъ виновниками,—если тебѣ такъ необходимо оправданье. То, что случилось, то должно быть. Оно непонятно,—но все непонятно для васъ, живущихъ чувствомъ. Оно неразрѣшимо,—но ты ли хочешь разрѣшить то, что и мнѣ не подъ силу?

— Это твой отвѣтъ?

— Да, отвѣтъ, если отвѣтъ возможенъ, и если нуженъ.

Снова сѣла сѣдая красавица; теперь смѣется.

— Знаешь, бросимъ торжественный тонъ. Ты ждалъ отъ меня

рѣчи—вотъ она. Но лучше поговоримъ просто, по душѣ. Ты полюбилъ Машу?

— Ты знаешь лучше. Я самъ еще не знаю ясно...

— Твое сердце поетъ?

— О, оно полно пѣсни! Но—ты это знаешь—оно перестанетъ пѣть скоро, очень скоро. Едва пройдетъ праздникъ и настанетъ день будній...

— Ты боишься слезъ?

— Я ихъ ненавижу. И еще ненавижу призраки! Всѣ они такъ похожи другъ на друга, такъ печальны, такъ преслѣдуютъ меня тревожными взглядами. Иногда мнѣ кажется, что я преступникъ. Но я не преступникъ. О, жизнь! Скажи мнѣ, что я не преступникъ!

У нея совсѣмъ молодой, серебряный смѣхъ, какъ серебряны ея локоны.

— Ты хочешь знать? Ты — жертва, а не преступникъ! Жертва любви своей!

Жертва любви, жертва любви своей! Поетъ ли сердце? Да, оно поетъ, оно поетъ серебрянымъ звономъ! О, жизнь, какъ я молодъ! Какъ молодъ я, старый годами!

И я смѣюсь, откинувъ голову на спинку кресла.

Стучу въ комнату Маши.

— Маша, пора вставать! Черезъ часъ мы ѣдемъ.

— Я готова, я не спала. Отворить вамъ?

— Да, конечно.

Я къ ней врываюсь, веселый, какъ юноша.

— Маша, съ добрымъ утромъ, мой маленькій другъ!

Немножко испуганно, но смѣясь:

— Что съ вами случилось?

— Маша, я пьянъ утромъ и солнцемъ! Смотрите, какъ я молодъ сегодня! Я говорилъ со старушкой жизнью. Я думалъ, что я преступникъ; она сказала мнѣ, что я — жертва любви своей. Дайте же мнѣ ваши руки, да не бойтесь меня! Сегодня я никому не сдѣлаю зла, сегодня мое сердце поетъ. Маша! Оно поетъ серебрянымъ голосомъ!

И еще говорю ей:

— Отчего не спала? Думала? Гадала? О, маленькая птичка! Какъ мнѣ прекрасно, какъ мнѣ чудесно! Ну, ничего, не нужно гнѣваться...

— Вы меня напугали своей телеграммой,—говоритъ мать

Маши.—Что это вамъ вздумалось остаться лишнихъ два дня? Положимъ, я такъ и предчувствовала. Это все ты, стрекоза!

— По правдѣ сказать, это я виноватъ; я уговорилъ Машу не очень торопиться подъ материнское крылышко. Вы вѣдь не сердитесь?

— Что же мнѣ сердиться? я боялась только, что она васъ замучитъ, эта дѣвочка.

— Немножко замучила,—смѣюсь я, глядя на Машу;—но за дорогу я успѣлъ отдохнуть, такъ какъ она мирно дремала въ уголкѣ.

— А сейчасъ пойду и лягу совсѣмъ,—говоритъ Маша усталымъ голосомъ.

Мы остаемся вдвоемъ на террасѣ отеля и смотримъ на сумеречное озеро.

— Хорошо вы провели время?

— Мнѣ кажется больше, чѣмъ хорошо. Я люблю море, какъ дельфинъ. Машѣ оно доставило большое наслажденіе, какъ мнѣ кажется.

— Ну, спасибо вамъ. Нравится вамъ моя дѣвочка?

Зачѣмъ я буду лгать? Я отвѣчаю тѣмъ же тономъ, глядя на озеро:

— Больше, чѣмъ нравится. Гораздо больше! Я ее полюбилъ.

— Ее нельзя не полюбить,—спокойно говоритъ Машина мать.—У нея хорошее сердце; но она еще совершенное дитя. Иногда я очень боюсь за нее.

— Да, я ее полюбилъ!—рѣзко повторяю я, закрывъ глаза. И чувствую на себѣ удивленный и испуганный взглядъ.

— Я слышала, что вы женились за границей?—спрашиваетъ она, помолчавъ.

Какой ясный, послѣдовательный переходъ материнской мысли!

— Да, женился, уже лѣтъ пять.

— А гдѣ ваша жена?

— Она живетъ въ Россіи съ дочерью.

— Да? У васъ есть дочь?

— Есть. Я не видалъ ея; но говорятъ — славный ребенокъ.

Она не спрашиваетъ больше.

— Что вы думаете дѣлать, Андрей Дмитричъ?

Что я думаю дѣлать? Вотъ о чемъ я сейчасъ менѣе всего думаю!

— Я уѣзжаю завтра обратно къ морю. Потомъ поѣду еще куда нибудь.

— А въ Россію?

— Въ Россію? — спрашиваю я съ искреннимъ удивленіемъ. — Нѣтъ, въ Россію я не поѣду. Что мнѣ дѣлать въ Россіи?

Опять долгое молчанье. Смотримъ на уснувшее озеро и первыя звѣзды.

Если черезъ альфу и бэту — всѣ это знаютъ, — если отъ этихъ звѣздъ Большой Медвѣдицы проложить прямую, то она пройдетъ черезъ полярную звѣзду. Тамъ сѣверъ. Гдѣ сѣверъ — тамъ моя родина. И тамъ кто нибудь ищетъ ту же полярную звѣзду, но взглядомъ недружелюбнымъ, и, повернувшись къ ней спиной, пытливо смотритъ вдаль. Онъ думаетъ:

— Тамъ—югъ... Тамъ всегда тепло, цвѣтутъ лимоны, шумитъ море, живетъ свободный народъ. Счастливы тѣ, кто теперь тамъ, въ странѣ лазурныхъ грезъ и мраморныхъ чудесъ...

Мы стоимъ другъ противъ друга, отдѣленные тысячами верстъ; мы тянемся другъ къ другу, я — на сѣверъ, онъ — на югъ. Дайте намъ крылья; мы полетимъ и встрѣтимся въ полетѣ.

— Вы въ Россію? — воскликнетъ онъ удивленно. — Развѣ вы не знаете, что въ ней все уснуло, и на всѣхъ сердцахъ лежитъ камень, холодный камень?

— Вы оттуда?—перебью его я.—Какъ вы могли? На что вы надѣетесь? Чужая красота не баюкаетъ сердца, не грѣетъ его чужое солнце! Вернитесь скорѣе!

И разстанемся, каждый сожалѣя о другомъ. Оба летимъ не *туда*, а *оттуда*, оба несемъ съ собой повсюду то безпокойное, что заставляетъ насъ, плохихъ астрономовъ, искать полярную звѣзду на безстрастномъ куполѣ.

Да, но не сейчасъ. Сейчасъ мнѣ нужно тепла и моря.

— Нѣтъ, въ Россію я не поѣду, — вновь повторяю я, вставая.

— Вы завтра рано уѣдете?

— Нѣтъ, ночью. Я обѣщалъ Машѣ пойти съ ней въ замокъ. Тамъ въ саду чудесные фонтаны.

На лицѣ у любящей матери я вижу безпокойство, которому я виною. Мнѣ жаль ея. Я дружески жму ея руку и смѣюсь.

— Ну, покойной ночи. Дѣвочка спитъ, пора и намъ, почтеннымъ людямъ, на покой.

— Какой вы еще молодой, какъ я погляжу! — говоритъ она, пытливо смотря мнѣ въ лицо.

— Спасибо. Только нѣтъ, не молодъ я, ни годами, ни душой! И знаю хорошо, на что я годенъ и что я смѣю.

Мнѣ кажется, она успокоилась.

Рано утромъ мы съ Машей идемъ въ садъ замка. Замокъ стоитъ довольно высоко на горѣ, но дорога къ нему проста и удобна для подъема. Я бывалъ здѣсь много разъ. У воротъ неизмѣнно стоитъ старикъ Иваноэ, гарибальдіецъ, добродушный и безхитростный. Онъ привѣтствуетъ меня словами ben tornato, низко кланяясь Машѣ.

— Дочка?—киваетъ онъ на дѣвушку.

Мнѣ дѣлается почему то весело, хотя было бы правильнѣе запечалиться.

— Нѣтъ, невѣста!—отвѣчаю я ему.

— А,—немножко удивленъ старикъ.—Ну что жъ, и это хорошо. Еще лучше даже. Carina!

Въ замковомъ саду, кромѣ насъ, нѣтъ никого въ это рабочее утреннее время. Мы садимся на небольшой площадкѣ, ограждающей насъ отъ крутого ската внизъ. Смотримъ на городъ внизу, на даль озера и цѣпь горныхъ вершинъ.

Я зналъ Машу совсѣмъ крошечной дѣвочкой, затѣмъ не видалъ ни ея, ни ея матери много лѣтъ. Теперь мы знакомы лишь недѣлю. Но за тѣ пять дней, что мы провели вдвоемъ у моря, особенно за два послѣднихъ, неразсчитанныхъ заранѣе дня, мы сблизились, насколько могутъ сблизиться двое людей съ такой разницей въ возрастѣ, забывшіе объ этой разницѣ.

— Маша, разскажите мнѣ что нибудь.

— Да я ужъ все вамъ разсказала.

— Еще разскажите. Изъ своего дѣтства, Маша.

— Ну... ну вотъ была я дѣвочкой... Знаете, я иногда ужасно радовалась жизни! Такъ мнѣ какъ то отрадно было, что вотъ я живу... Но многаго не понимала. Ну что жъ вамъ разсказать... Хотите разскажу, какъ я ходила на исповѣдь?

Я молча киваю и заранѣе улыбаюсь. Разсказы Маши всегда чудесны. Я смотрю на ея закинутую головку. У Маши прелестна черта верхней губы; дѣтски нѣжный скатъ и легкіе усики, отчетливо видные на солнечномъ свѣтѣ. Солнце освѣщаетъ ей волосы, образуя вѣнчикъ надъ силуэтомъ лица. Маша святая,

я знаю это! Маша дорога мнѣ, но слишкомъ чиста для меня.

Она разсказываетъ.

Однажды мама велѣла мнѣ итти исповѣдоваться, и говоритъ:

— Маша, ты покайся во всемъ, ничего не скрывай.

Я говорю:

— Я не знаю въ чемъ.

— Онъ самъ тебя спроситъ, а если не спроситъ—ты разскажи сама.

— Да я не знаю, мама, про что!

Мама смѣется:—ну, все равно, иди!

Я ужасно трусила, когда шла! Главное боялась, что ничего не знаю и что нечего разсказывать. Думала, что это очень дурно.

Мнѣ батюшка говоритъ:

— Въ чемъ же ты грѣшна?

Я говорю:

— Я не знаю.

— Ну, что нибудь дурное сдѣлала?

— Нѣтъ!

— Какъ же такъ, ничего дурного? Что нибудь ужъ да сдѣлала, скрывать не надо.

— Я не скрываю!

Мнѣ ужасно было обидно. Что онъ мнѣ не вѣритъ. Ужъ думала-думала, чтобы такое дурное я сдѣлала. Ну прямо ничего не помню.

— Можетъ быть, маму огорчала чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, не огорчала.

— А папу?

— Папу тоже не огорчала?

— Сестеръ не обижала?

— А у меня нѣтъ сестеръ.

— Можетъ быть, думала что нибудь нехорошее про другихъ?

— Нѣтъ, не думала.

— Гм... Ну, слова дурныя говорила?

— Нѣтъ.

— Этакая же ты дѣвочка. А учишься хорошо?

— Хорошо.

— Лѣнишься все же? Лѣнь ходить въ гимназію? Поди, поспать хочется больше, да поиграть?

— Нѣтъ, я люблю ходить въ гимназію!

— Ну, а насчетъ уроковъ?

— А мнѣ не трудно, я скоро учу.

— Вотъ ты какая... Тебѣ сколько лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Ничего дурного не думаешь? Ну тамъ, чего-нибудь?

— Нѣтъ.

Я ему отвѣчаю, и ужъ такъ мнѣ грустно, что нечего мнѣ сказать.

— Гордишься, можетъ быть?

— Нѣтъ, не горжусь.

Еще что то спрашиваетъ:

— Богу утромъ-вечеромъ молишься?

— Молюсь.

Ну, онъ меня отпустилъ. Я, помню, иду по улицѣ и чуть не плачу. Точно на экзаменѣ провалилась! Ужъ такъ мнѣ стыдно было, что я никакого грѣха не могла вспомнить. Вы что надо мной смѣетесь?

— Маша, голубка, я не смѣюсь,—смѣюсь я,—я только думаю... думаю, какъ вотъ сейчасъ—найдете вы за собой какіе-нибудь грѣхи?

— Конечно, я очень дурная!

— А напримѣръ, что вы дурного въ жизни сдѣлали?

— Ну, мало ли сколько!

— Ну скажите что-нибудь!

— Какъ же я вамъ скажу, мало ли тамъ! Я всего не вспомню.

— Что-нибудь вспомните.

— Такъ я не знаю, что сказать. Вотъ разнымъ людямъ больно дѣлала.

— Ахъ, Маша, какъ вамъ не стыдно! Какъ же вы это имъ боль причиняли.

— Да я никогда не хотѣла этого! Ну чѣмъ же я виновата, право? Я и не знала обыкновенно...

— Маша,—говорю я серьезно.—Слушайте, я васъ очень прошу вспомнить что-нибудь очень дурное про себя, какой-нибудь гадкій поступокъ противъ совѣсти. Ну, постарайтесь вспомнить!

— Зачѣмъ вамъ это?

— Я иначе не могу. Я самъ гадкій и хочу чѣмъ-нибудь съ вами сравняться.

— Вы вовсе не гадкій!

— Оставьте, Маша, оправдывать меня. Лучше вспомните что-нибудь или хоть выдумайте; мнѣ необходимо это.

Маша чувствуетъ въ моемъ голосѣ необычайную серьезность. Она начинаетъ думать. Я вижу, какъ въ ея головѣ, окруженной золотымъ вѣнчикомъ волосъ, суетливо бѣгаетъ мысль, ища дурныхъ поступковъ въ жизни.

Готово! Она нашла! Немножко краснѣя, говоритъ:

— Когда я была въ первомъ классѣ, одна ученица...

— Маша!

— Что?

— Перестаньте говорить о первомъ классѣ...

— Такъ вы же сами просите! Это одинъ очень дурной поступокъ; правда я не сдѣлала, а только хотѣла. Но все же...

— Маша, Маша, Маша, довольно...

Я сижу съ откинутой головой. Бѣдная дѣвочка испуганно стоитъ передо мной; она вся дрожитъ отъ моего стона. Могу ли не стонать? Могу ли я не стонать!

. . . .

— Что съ вами?—безпокойно спрашиваетъ Маша.—Ну, что съ вами?

— Ничего, Маша, особеннаго. Просто нервничаю я. Хотите пройтись? Пройдемся немного.

— Вы меня испугали. Что было съ вами? Скажите мнѣ. Ну, скажите мнѣ!

— Маша,—говорю я,—я вспомнилъ море. Знаете, это озеро, окруженное горами, оно меня давитъ. Я вернусь къ морю, туда, гдѣ мы провели эти дни.

— Вы уѣдете скоро?

— Сегодня.

— И мы больше не увидимся? Долго? Я не могу долго! Я скажу мамѣ, что не могу не видѣть васъ.

— Какое вы дитя, Маша, какое вы милое дитя! Сколько нѣжности у меня къ вамъ, сколько любви къ вамъ, Маша!

— Теперь прошло? Вамъ не будетъ больше больно?

— Да, прошло. Теперь и это озеро мнѣ кажется милымъ.

— Ахъ, какое же вы дитя, сколько съ вами возни!—говоритъ Маша, зажимая ручкой мой искренній, громкій смѣхъ.—А еще называете себя старикомъ! Ну, пойдемте же скорѣе внизъ!

И мы бѣжимъ, оба молодые. Въ воротахъ старикъ киваетъ намъ съ особой лаской. Я даю ему лиру и говорю:

— А вѣдь я пошутилъ. Это, дѣйствительно, моя дочка. Нравится?

— Bella ragazzina!—шамкаетъ онъ.—И похожа на синьора! Совсѣмъ тѣ же глаза!

— Можно войти?

— Да, Маша.

— Мама легла, а мнѣ позволила посидѣть съ вами... Посидѣть до вашего отъѣзда.

Она вошла, какъ входятъ дѣвочки къ старшимъ. Вошла и сѣла въ кресло, не откидываясь на спинку, держа руки на колѣняхъ. Сейчасъ я улыбнусь ей, и она кинется ко мнѣ радостная.

— Вы сидѣли такой серьезный, точно сердитый. Вы не сердитесь на меня?

Я искренне смѣюсь.

— За что, Маша? Вы сдѣлали что-нибудь дурное?

— Нѣтъ...

— Можетъ быть, огорчили маму?

— Нѣтъ, съ чего вы взяли?

— А учитесь прилежно?

— Ну, вы опять смѣетесь надо мной. Вы не смѣете надо мной смѣяться, я не дѣвочка!

— Простите, мой миленькій другъ, я смѣюсь любя!

— Вы, правда, любите меня?

— Доказать?

— Да!

Она подставляетъ мнѣ щеку для доказательства. Милая, нѣжная Маша! Свою осеннюю любовь я докажу и искуплю другимъ...

Какъ быстры у нея переходы отъ смѣха къ грусти.

— Вы ни за что не останетесь?—спрашиваетъ она робко.

— Нѣтъ, Маша, не останусь, не могу остаться.

— И уже не пріѣдете сюда? Вѣдь мы проживемъ здѣсь еще двѣ недѣли.

— Не знаю, Маша... Нѣтъ, не пріѣду.

Она садится рядомъ на стулъ и глубоко задумывается. Потомъ смотритъ на меня пристально.

— Маша, скажите мнѣ, что вы сейчасъ думали?

— Я скажу. Я думала о томъ, почему все такъ выходитъ? Почему вы уѣзжаете? Вѣдь я понимаю, что у васъ нѣтъ сейчасъ

никакого дѣла, которое бы требовало вашего отъѣзда; да и сами вы говорили это мамѣ. Значитъ, или вамъ надоѣло быть со мной, или вы чего то боитесь. Вамъ надоѣло?

Но взглянула на меня и бросилась обнимать съ дѣтской нѣжностью.

— Нѣтъ, простите меня, я только такъ сказала! Я вѣдь вѣрю, что вы любите; я не знаю жизни, но знаю, что вы никогда бы не обманули меня. Почему же мнѣ такъ трудно понять васъ? Помогите мнѣ.

— Вы угадали, Маша. Я боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, Маша, что если не уѣду сейчасъ,—позже будетъ еще тяжелѣе.

— А нужно уѣхать? Вы не хотѣли бы остаться со мной?

— Маша, что значитъ—остаться съ вами?

— Ну, взять меня съ собой?

— Взять васъ... куда?

— Всюду, куда вы поѣдете. Хоть на край свѣта!

— Вы со мной? Вы понимаете ли, Маша, что́ вы говорите? Вѣдь вы же дѣвочка, а я почти старикъ...

— Слушайте!—вдругъ говоритъ Маша такимъ взрослымъ тономъ, что поражаетъ меня.—Вы вотъ все называете меня дѣвочкой. Это не правда! Конечно, я мало пережила, я еще молода. Но я понимаю, что я говорю. Я понимаю, что вы много старше меня, но знаю, что вы тоже молодой, и душой молодой, и лицомъ совсѣмъ молодой. Если вы называете себя старикомъ, то это только потому, что любите, когда вамъ возражаютъ; и это очень не хорошо, я этого въ васъ не люблю, потому что это—кокетство! Видите, какая я строгая. А потомъ... ну, вотъ и забыла, что хотѣла сказать... А что то очень важное...

— Вы звали меня на край свѣта, Маша.

— Нѣтъ, не смѣйтесь! Я вамъ сказала и повторю: если вы хотите, я поѣду съ вами всюду, куда пойдете вы, всюду. Я васъ люблю, я знаю; я не могу быть безъ васъ! Ну, вотъ видите, я сказала...

Еще глубже вырыта пропасть... Я долго утѣшаю ея слезы, какъ утѣшаютъ дѣтское горе.

— Маша, о чемъ же плакать, мой другъ?

— Какъ вы не понимаете,—говоритъ она сквозь слезы,— что это обидно! Ну, хорошо, я влюбленная дѣвочка, а вы— старикъ. Но тогда зачѣмъ же вы говорили мнѣ, что любите меня? Дѣвочкамъ этого не говорятъ! И ихъ не цѣлуютъ такъ,

какъ вы меня цѣловали. Развѣ вы не понимаете, что такъ дѣлать нельзя...

Въ этотъ моментъ чувства мои замираютъ. Изъ темнаго угла выходитъ мой двойникъ, озябшій, больной, съежившійся. Въ его рукахъ часы; не глядя на меня, онъ шепчетъ издали:

— Кажется, пора? Намъ предстоитъ длинный переѣздъ, и тебѣ лучше поторопиться. Можно выйти отсюда какъ-нибудь незамѣтно, прижавшись къ стѣнкѣ.

Я смотрю на него со злобой, и мнѣ хочется крикнуть ему:

— Чему ты радуешься? Вѣдь ея слова относятся и къ тебѣ. Ты—несчастный, гадкій циникъ! Я лучше тебя.

Онъ продолжаетъ тѣмъ же шепотомъ:

— Можно посчитаться дорогой, сейчасъ некогда.

— Я останусь!—шепчу я со злостью.—Останусь! — хочу крикнуть со слезами.

Но онъ въ отвѣтъ смѣется беззвучно:

— Смотри, просрочишь билетъ! Вѣдь все равно уѣдешь завтра. И по дорогѣ будешь обвязывать голову мокрымъ полотенцемъ...

Маша поднимаетъ ясные глаза; отъ прошлыхъ слезъ они еще ярче свѣтятъ.

— Вы сердитесь?—говоритъ она.

Я не сразу возвращаюсь къ жизни, и она говоритъ опять:

— Вы сердитесь? Я обидѣла васъ? Ну, вотъ, я...

Она становится на колѣни и припадаетъ головой къ моей опущенной рукѣ.

— Не надо, Маша, голубушка, не дѣлайте этого!

— Я не встану, пока вы не простите!

— Не надо, Маша, пожалуйста! Ну, встань же, голубка, не мучь меня!

Она встаетъ, обвиваетъ руками мою шею, не видя и не зная моего ужаса и горя. И такъ хороша она, такъ дорога мнѣ... Вѣдь она — источникъ воды живой, она — обновленье!.. Гдѣ мнѣ взять силы оттолкнуть ея нѣжность...

— Вѣдь вы сказали мнѣ, что любите,—шепчетъ Маша.

Мой двойникъ уходитъ завистливый и смущенный, а я говорю Машѣ, со всѣмъ жаромъ, со всей искренностью:

— Люблю, люблю, Маша, люблю тебя всѣмъ сердцемъ!

— А если такъ,—говоритъ она,—такъ мы должны быть вмѣстѣ. Я не понимаю, какъ можетъ быть иначе? И почему?

— Не можешь же ты хотѣть быть моей женой, Маша?

— Почему не могу?—спрашиваетъ она съ ясными, уди-

вленными глазами. — Да, я хочу быть вашей женой... если бы только вы хотѣли этого.

— Ты знаешь, Маша, что я женатъ, что у меня есть дочь...

— Знаю, но вы не живете съ ними? Ваша жена уже вышла замужъ за другого? Вѣдь правда?

— Правда, Маша, но я не въ разводѣ.

— Какой вы странный... Вы опять говорите со мной, какъ съ дѣвочкой. Я же сказала вамъ, что пойду съ вами всюду! Зачѣмъ же говорить мнѣ про какой-то разводъ?

— Тебѣ девятнадцать лѣтъ...

— Да, девятнадцать; развѣ то, что я говорю, не хорошо говорить въ эти годы?

— Маша, я совсѣмъ не про то...

— Такъ про что же?

— Про то, что ты такъ молода...

— Это дурно?

— Вотъ что,—говоритъ она вдругъ,—выслушайте меня! Можетъ быть, до сихъ поръ я была дѣйствительно ребенкомъ. Но теперь я полюбила и стала взрослой. Да, полюбила и стала взрослой! Я говорю вамъ: я готова поѣхать съ вами хоть сейчасъ, хоть не прощаясь съ мамой, хотя я знаю, что мама никогда не станетъ противиться моему счастью. Но если бы даже она плакала, умоляла меня остаться, подождать, подумать, если бы ей было страшно больно и тяжело,— я бы все равно ушла! Я вѣдь очень сильная, а теперь еще сильнѣе. Я все могу! И обо мнѣ вы не должны думать. Но я знаю, что вамъ не нужна такая ничтожная, маленькая, неопытная въ жизни...

— Маша, умоляю васъ, перестаньте!

— Нѣтъ, дайте сказать! Вы не бойтесь, я спокойна. Видите—не плачу. Ну, маленькая я, ну, ничтожная. Но зато вы—большой. Съ вами рядомъ и я бы могла стать чѣмъ-нибудь. Я ужъ думала объ этомъ. Вы такой сильный, все можете! Но вы устали и тоскуете. Нужно только доказать вамъ, что вы еще молодой и можете еще много создать въ жизни. А я бы... ну что я могу... ну, я бы говорила вамъ это каждый день и не давала бы вамъ хмуриться. Я бы, такая, какъ есть, маленькая, отдала вамъ всю жизнь, все, что у меня есть. Вотъ молодость моя есть—ее бы и отдала... Сердце бы свое отдала... да и отдала ужъ! А я вѣдь еще никого никогда не любила...

— Добрая моя...

Я хочу лаской защитить ее отъ того циника, тамъ, въ углу,

который, приподнявшись на цыпочки, шепчетъ мнѣ черезъ голову Маши:

— Оставайтесь же, оставайтесь, побѣжденный побѣдитель...

— Я все равно никогда-никогда не разлюблю васъ и никогда не забуду! Хорошо, вы уѣдете. Вы не хотите взять меня, потому что боитесь за мое будущее? А мое настоящее? Вы думаете о немъ? Съ той минуты, какъ вы уѣдете, я буду страдать. И это неправда, что вы боитесь за меня. Вы за себя боитесь! Вы не любите меня такъ сильно, какъ надо. Или любите, но боитесь разлюбить. Вотъ видите. Хоть я и дѣвочка, а понимаю!

Опять горькія слезы. И сквозь рыданья говоритъ ребенокъ:

— Но вѣдь это потомъ, а теперь мы были бы такъ счастливы!

И снова голосъ женщины:

— Вотъ, я умоляю васъ, а знаю, какъ это стыдно. У меня совсѣмъ нѣтъ женской гордости...

Я не говорю ей ни слова; вѣдь она угадала... Только глажу волосы, ласкаю, вытираю ей слезы ея уже совсѣмъ мокрымъ маленькимъ платкомъ. Мы долго молчимъ. Слезы смѣнились усталостью и нѣжнымъ примиреніемъ безъ словъ. Прощайте, послѣднія минуты! Прощай, Маша!

И, обнимая меня не подѣтски, не подѣтски прижимаясь ко мнѣ всѣмъ тѣломъ, она шепчетъ мнѣ съ порывистымъ дыханіемъ:

— Какъ люблю тебя, какъ люблю тебя, милый мой, милый мой, милый...

Пора...

— Маша, прощай! Еще разъ, вотъ такъ, еще послѣдній, послѣдній разъ...

Она шепчетъ, какъ бы проснувшись:

— Развѣ уже пора? Такъ скоро?

— Да, прощай.

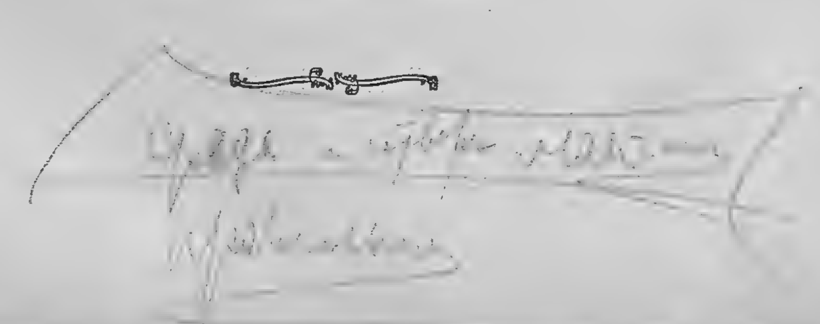
— Прощай, мой милый, милый...

. . . .

— Прощай, Маша!

М. А. Осоргинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Стихотворенія.

I.

Таютъ жертвенно извивы
Блѣдной тучки въ синемъ зноѣ.
Въ материнскомъ лонѣ нивы
Зрѣетъ таинство земное.
Чуть колышетъ, обнимая,
Вѣтеръ стебли золотые.
Смутно ловитъ ширь нѣмая
Благовѣстія святыя.
То звенятъ блаженно дали,
И плыветъ надъ томной нивой
Вздохъ обласканной печали,
Шопотъ радости стыдливой...
Но смолкаютъ волхвованья...
Полный колосъ, нѣжась, дремлетъ...
И отрада упованья
Поле жаркое объемлетъ.
И любовно дышитъ зноемъ
Сине-пламенное небо
Надъ молитвеннымъ покоемъ
Дозрѣвающаго хлѣба.

II.

Годы безсильны стереть огневыя мгновенья:
Все между нами дрожитъ необрывная нить.
Сердце искало—замѣны, обмана, забвенья...
Сердце узнало, что нечѣмъ тебя замѣнить.
Гдѣ ты теперь? Если море рукой своей зыбкой
Станъ твой ласкаетъ, поетъ тебя въ гимнѣ прибой,
Вѣтеръ цѣлуетъ иль солнце встрѣчаетъ улыбкой,—
Знай: это я—въ многоликомъ единый—съ тобой.
Если томишься ты чуждой душѣ суетою,
Если ты маешься въ трудной житейской борьбѣ
И на минуту забудешься смутной мечтою,—
Знай: это я вспоминаю, грустя, о тебѣ.
Если, отвергнувъ безстрастный обрядъ Гименея,
Знойное тѣло отдавъ одинокому сну,
Въ сладкой истомѣ проснешься ты, вся пламенѣя,—
Знай: это я къ тебѣ, въ грезахъ цѣлуя, прильну.
Если, наскучивъ законною лаской ревнивца,
Ржавыя цѣпи сожжешь ты на грѣшномъ огнѣ—
Губы отдашь поцѣлуямъ иного счастливца,—
Знай: не ему ты раскроешь объятья, а мнѣ!

III.

Когда на нее я гляжу—
На иней нескрытыхъ сѣдинъ,
Когда я украдкой слѣжу
Игру ея скорбныхъ морщинъ
И взоръ, убѣгающій въ даль,
Гдѣ бродятъ ушедшіе сны,—
Мнѣ хочется плакать, мнѣ жаль
Ея лучезарной весны.

Пускай и не мнѣ расцвѣла
Улыбка ея красоты,
Пускай и не мнѣ отдала
Она свои тайны-мечты,
Пускай раздѣлить съ ней печаль
Мнѣ право и власть не даны,—
Мнѣ грустно, мнѣ больно, мнѣ жаль
Ея невозвратной весны.

IV.

Ужъ осень выплакала слезы...
Молчатъ угрюмо небеса,
И съ жесткихъ косъ сѣдой березы
Не каплетъ мертвая роса.

Ко сну отходитъ день уставшій.
Поблеклый паркъ унылъ и пустъ.
Прорвавъ парчу листвы опавшей,
Дрожитъ нагой, озябшій кустъ.

И, одинокое, пустое,
Средь вѣтокъ жалостно застрявъ,
Чернѣетъ гнѣздышко, витое
Изъ моха, волоса и травъ...

А та, что строила—Богъ знаетъ,
Въ какой далекой сторонѣ:
Грустить и смутно вспоминаетъ
О милой сѣверной веснѣ...

А. Колтоновскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВЛАДИМІРѢ СЕРГѢЕВИЧѢ СОЛОВЬЕВѢ.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Москву старый мой пріятель Владиміръ Ѳедоровичъ Орловъ посовѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Вл. Сер. Соловьевымъ, и мы какъ-то вечеромъ отправились къ нему. «Не знаю, въ Москвѣ ли Соловьевъ,—замѣтилъ Орловъ. Спросимъ у извощиковъ».

— «Почему же извощики могутъ это знать?»—удивленно спросилъ я.—«А, видишь ли, онъ не только ѣздитъ съ ними, но часто случается ему отбирать у нихъ всю выручку».

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что Владиміръ Сергѣевичъ не любилъ отказывать не только нуждающимся, но и вообще просящимъ. Если ему случалось раздать всѣ имѣвшіяся при немъ деньги, а встрѣчался еще нищій, то онъ занималъ у извощика. Это очень нравилось извощикамъ, и они считали Соловьева особенно «душевнымъ бариномъ».

Соловьевъ жилъ тогда на углу Пречистенки и Зубовской площади. Дойдя до площади, Орловъ спросилъ у стоявшаго тамъ извощика: «А что Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ, въ Москвѣ?». «Въ Москвѣ, дня три какъ уже пріѣхалъ и теперь дома», отвѣтилъ извощикъ, нисколько не удивленный этимъ вопросомъ.

Соловьева мы дѣйствительно застали дома, но ему нездоровилось, его лихорадило, и онъ, укутываясь въ пледъ, сидѣлъ на диванчикѣ маленькой своей комнаты, даже на окнѣ которой стояло нѣсколько иконъ.

Бесѣда зашла объ отношеніи Ветхаго Завѣта къ Новому. Владиміръ Сергѣевичъ отстаивалъ ихъ если не тождество, то родство, и утверждалъ, что они плодъ одного и того же дерева, съ

тою только разницей, что Ветхій Завѣтъ можно уподобить дикому, кислому плоду, а Новый—уже облагороженный, сладкій, но все же яблоня одна и та же; мы же больше выставляли на видъ ихъ не сходства а противоположности. Не желая утомлять его, мы скоро ушли, и затѣмъ я довольно долго не видалъ его, пока не встрѣтилъ у Льва Николаевича Толстого.

Поразителенъ былъ контрастъ между этими двумя людьми, не только во внѣшности, но и во всемъ умственномъ и духовномъ складѣ. Толстой былъ некрасивъ, но вся фигура его дышала необычайной тѣлесной и духовной мощью истаго сына земли. Соловьевъ былъ замѣчательно красивъ, но худъ, болѣзненъ и какъ бы сотканъ изъ однихъ нервовъ, являясь художественнымъ воплощеніемъ мыслящаго интеллигента. Одинъ стремился свести небо на землю, другой самъ воспарялъ къ небесамъ. Ихъ влекла тогда другъ къ другу какъ общая жажда водворить царство Божіе на землѣ, такъ и ненависть къ царящему злу. Нерѣдко можно у Соловьева встрѣтить блестящія страницы, подъ которыми охотно подписался бы Левъ Николаевичъ.

«Подмѣнъ христіанства формальнымъ православіемъ есть коренное зло, съ которымъ мнѣ приходится бороться всю мою жизнь». Чьи это слова?. Можно было бы приписать ихъ Толстому, а между тѣмъ такъ характеризуетъ Соловьевъ свою дѣятельность. Въ то время Соловьевъ не относился враждебно ко Льву Николаевичу, а напротивъ, восхищался его произведеніями и поручилъ, между прочимъ, Орлову составить изъ нихъ сводку мыслей, пригодныхъ для солдатъ. «Я постараюсь, чтобы такая книжка была въ ранцѣ каждаго солдата», говорилъ Соловьевъ. Такой книжки Орловъ не составилъ, но это, вѣроятно, подало Толстому мысль написать свои знаменитыя «памятки»—солдатскую и офицерскую. Когда я впослѣдствіи спросилъ Владиміра Сергѣевича, думаетъ ли онъ выполнить свое благое намѣреніе, онъ какъ-то неохотно отвѣтилъ, что собирался это сдѣлать при Александрѣ III-мъ, а теперь считаетъ это лишнимъ. Почему—такъ и осталось для меня тайной.

Не мало было у Соловьева общихъ чертъ съ Толстымъ, напримѣръ, ихъ громадная начитанность, ихъ интересъ ко всѣмъ сферамъ человѣческой мысли, ихъ необычайная память; но Толстой никогда не забывалъ даже самой мелкой художественной черты, почему нибудь поразившей его въ человѣкѣ или въ художественномъ произведеніи, а Соловьевъ — каждую плѣнившую его мысль.

Зайдя какъ-то ко Льву Николаевичу, я засталъ у него въ

кабинетѣ нѣсколько посѣтителей, которымъ Толстой читалъ вслухъ третью статью Соловьева о «Смыслѣ Любви», только что появившуюся тогда въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи». Дойдя до того мѣста въ этой этатьѣ, гдѣ говорится о безсмертіи и воскресеніи, и зная изъ предыдущихъ нашихъ бесѣдъ, что я считаю это задачей человѣчества, Левъ Николаевичъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «а особенно по душѣ эта статья должна быть одному изъ насъ». Окончивъ ее, онъ замѣтилъ: «поразительно, какъ умѣетъ Соловьевъ сразу схватить самую суть дѣла, запустить сошникъ подъ самый корень, въ самую глубь вопроса; но всегда страшно за него, что онъ не сможетъ довести борозду до конца». На другой день мнѣ опять пришлось быть у Льва Николаевича, и рѣчь зашла о статьѣ Соловьева. Толстой признавалъ, что основная мысль ея вѣрна, «но лишь въ идеалѣ, а вѣдь идеалъ только потому идеалъ, что онъ недостижимъ». «Недостижимъ въ ближайшемъ будущемъ, а не вообще»,—замѣтилъ я.—«Ну, конечно, но развѣ лишь въ очень, очень далекомъ будущемъ».

Вновь увидѣться съ Владиміромъ Сергѣевичемъ мнѣ пришлось не скоро, и не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, въ которомъ году—не припомню. Въ то время А. В. Васильевъ—одинъ изъ немногихъ чистыхъ и искреннихъ славянофиловъ, особенно гордившійся тѣмъ, что у насъ смертная казнь отмѣнена прежде, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ,—задумалъ издавать журналъ «Русская Бесѣда». Я имѣлъ удовольствіе нѣсколько знать Васильева и предложилъ перевести для его журнала только что вышедшую книгу Дрюммонда: «Восхожденіе Человѣка» (The Ascent of man). Васильевъ охотно согласился, и въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ его плѣнила мысль пригласить въ сотрудники Владиміра Сергѣевича. Съ этой цѣлью я зашелъ къ Соловьеву, занимавшему номеръ въ гостиницѣ Англія. Владиміръ Сергѣевичъ дать статью согласился, но лишь со временемъ. Названную книгу Дрюммонда онъ въ то время не зналъ, но восхищался другой его книжкой: «Естественный законъ въ духовномъ мірѣ», для перевода которой обѣщалъ дать предисловіе. Мой переводъ этой послѣдней книги, съ значительными, кажется, сокращеніями, былъ помѣщенъ въ «Русской Бесѣдѣ» и по этому поводу Владиміръ Сергѣевичъ написалъ мнѣ одно изъ прилагаемыхъ писемъ. Переводъ книги «Восхожденіе Человѣка» не былъ напечатанъ въ «Русской Бесѣдѣ», такъ какъ журналъ этотъ скоро прекратилъ свое существованіе.

Не смотря на то, что я, какъ народникъ, во многомъ не сходился съ Владиміромъ Сергѣевичемъ,—на что указываетъ дру-

гое письмо его ко мнѣ,—онъ все же всегда былъ ко мнѣ очень внимателенъ, а я не переставалъ восхищаться имъ и всегда при первой возможности заходилъ къ нему. Главной занимавшей насъ темой былъ вопросъ о смыслѣ любви. Въ моей статьѣ по этому вопросу, исходя изъ положенія, что мы происходимъ отъ одноклѣточныхъ организмовъ, которые не умираютъ—такъ какъ дѣленіе есть не смерть, а размноженіе,—я задавалъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ и откуда у многоклѣточныхъ, болѣе сложныхъ организмовъ могла появиться смерть. Я приходилъ къ заключенію, что для той основной жизненной клѣтки, которая составляетъ наше *я*, смерти тоже нѣтъ, а существуетъ лишь временное замираніе; внѣшнія орудія клѣтки отпадаютъ и составляютъ то, что мы называемъ трупомъ. Статья эта понравилась Соловьеву; онъ совѣтовалъ непремѣнно отдѣлать ее для печати. При этомъ онъ не разъ вспоминалъ Федорова, извѣстнаго библіотекаря Румянцевскаго Музея. Замѣчательно хорошій человѣкъ этотъ, убѣжденный приверженецъ всеобщаго воскресенія, вызывалъ вполнѣ заслуженное уваженіе такихъ людей, какъ Толстой и Соловьевъ. Соловьевъ очень сожалѣлъ, что Федоровъ не находитъ издателя для своихъ многотомныхъ трудовъ.

Однажды, войдя къ Соловьеву, я засталъ у него одного молодого поэта-декадента; поэтъ этотъ прислалъ Соловьеву томикъ своихъ стихотвореній и пришелъ выслушать его мнѣніе. «Отчего вы такъ торопитесь печататься?—замѣтилъ ему Соловьевъ.—Вы еще очень молоды, въ Ваши годы даже Пушкинъ еще не печатался, а Вы торопитесь выступить уже съ отдѣльнымъ томикомъ. Что бы Вамъ подождать, пока Вы не напишете что-нибудь дѣйствительно хорошее? Если у Васъ есть даръ, дайте ему хоть нѣсколько созрѣть и оформиться. Вотъ природа, ужъ она ли не даровита—а между тѣмъ, если бы она остановилась на обезьянѣ, едва ли можно было бы сказать, что она создала нѣчто прекрасное; но она на этомъ не остановилась, она пошла дальше, и въ человѣкѣ мы уже видимъ задатки чего-то дѣйствительно прекраснаго. Сдѣлайте и вы также; теперь ваша поэзія—простите за откровенность—достигла только обезьяньей стадіи; подождите, пока она не дойдетъ до человѣческой—если ей это суждено,—и тогда печатайтесь». И поэтъ, невольно улыбнувшись, горячо пожалъ Соловьеву руку.

Въ бесѣдахъ съ Соловьевымъ меня всего больше поражало то, что, въ противоположность Толстому, онъ боялся быть послѣдовательнымъ до конца. Такъ напримѣръ, онъ признавалъ, что тюрьмы являются учрежденіями нехристіанскими и что, любя

ближняго, хотя бы и меньше чѣмъ самого себя, все же нельзя посылать его въ тюрьму, нельзя держать его въ тюрьмѣ; но при этомъ онъ считалъ безусловно необходимымъ, чтобы угроза тюрьмой оставалась. Признавая человѣка по природѣ существомъ недобрымъ, онъ находилъ полезнымъ страхъ наказанія. «Я знаю одного человѣка—сказалъ мнѣ однажды Соловьевъ—который навѣрное убилъ бы меня, если бы зналъ, что останется безнаказаннымъ. Теперь же онъ боится каторги и старается убить меня внушеніями». Мнѣ невольно припомнился при этомъ разсказъ Александра Герасимовича Орфано, утверждавшаго, что Влад. Сер. иногда физически испытываетъ, какъ черти запускаютъ ему въ спину свои когти и донимаютъ его во время писанія.

Говоря о войнѣ, Соловьевъ охотно признавалъ, что христіанинъ не долженъ убивать ближняго; но онъ былъ твердо увѣренъ въ неизбѣжности нашествія желтой расы на Европу. Онъ допускалъ, что эта раса можетъ водворить на землѣ лучшій политическій и экономическій строй, но его страшило полнѣйшее отсутствіе въ ней мистическаго чувства, и онъ считалъ ее окончательно неспособной постичь христіанскую мистику, которой онъ придавалъ если не первенствующее, то громадное значеніе.

Левъ Никифоровъ.



Письма В. С. Соловьева къ Л. П. Никифорову.

1.

Многоуважаемый Левъ Павловичъ!

Благодарю васъ за ваше доброе, хотя и преисполненное недоразумѣній, письмо. Надѣюсь, что главное изъ этихъ недоразумѣній скоро будетъ разъяснено печатью, а потому спрошу васъ только: гдѣ вы видѣли тѣхъ либераловъ, о которыхъ пишете,—я такихъ не встрѣчалъ, и мнѣ сдается, что это у васъ мечты воображенія. А вотъ вамъ дѣйствительный представитель того либерализма, съ которымъ я имѣю дѣло — Михаилъ Мат-

вѣевичъ Стасюлевичъ. Помимо его литературныхъ заслугъ, я знаю его безусловно безкорыстную (онъ ни копѣйки не получаетъ, а кой-что отъ себя прикладываетъ, кромѣ труда и времени) дѣятельность на пользу простонародья въ Петербургѣ. Благодаря ему, тамъ за послѣдніе годы открыто нѣсколько сотъ новыхъ начальныхъ училищъ; также благодаря ему, устроенъ городской фильтръ, вслѣдствіе чего смертность отъ заразныхъ болѣзней (главнымъ образомъ въ низшемъ классѣ населенія, ибо высшій воды не пьетъ) сократилась вдвое. Я не знаю въ Россіи человѣка, который заслуживалъ бы большаго уваженія, чѣмъ этотъ «либералъ». Вообще эти ярлыки ничему дѣйствительному, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не соотвѣтствуютъ. Если даже принять вашъ, весьма недостаточный критерій, то вотъ вамъ либералъ Стасюлевичъ, который уже болѣе тридцати лѣтъ какъ ничего не беретъ съ народа и очень много даетъ ему, а съ другой стороны народникъ К. и иные ему подобные преспокойно состоятъ на казенной службѣ и получаютъ жалованье, а даютъ ли они что-нибудь народу—неизвѣстно.

Кстати: я долженъ васъ разочаровать относительно себя. Вы не совсѣмъ вѣрно меня поняли: я говорилъ, что уже 12 лѣтъ какъ не получаю никакого жалованья, ибо не состою ни на какой службѣ; но когда въ юности я былъ доцентомъ университета, а потомъ членомъ ученаго комитета, я получалъ свою тысячу рублей въ годъ и не чувствовалъ при этомъ никакихъ угрызеній совѣсти. Это происходило, можетъ быть, отъ моей безнравственности, а, можетъ быть, отъ моего знакомства съ росписью государственныхъ доходовъ и расходовъ, изъ разсмотрѣнія коей явствовало, что не только мои 1.000 руб., но всѣ тѣ два или три милліона, которые идутъ на поддержаніе учености въ Россіи, никакой важности не представляютъ; а съ другой стороны, совсѣмъ безъ всякой учености даже турки и китайцы обходиться не могутъ. О французскихъ своихъ книгахъ не могу вамъ ничего сообщить. Ихъ судьба меня мало интересуетъ. Хотя въ нихъ нѣтъ ничего противнаго объективной истинѣ, но то субъективное настроеніе, тѣ чувства и чаянія, съ которыми я ихъ писалъ, мною уже пережиты.

Завтра ѣду въ Петербургъ недѣли на двѣ, на три. Если въ концѣ апрѣля или началѣ мая случится вамъ быть въ Москвѣ, навѣдывайтесь, пожалуйста, очень радъ былъ бы съ вами еще увидѣться.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ.

2.

Дорогой Левъ Павловичъ!

Книгу Дреммонда Ascent of man я кончаю только этой ночью. Думаю, что она заслуживаетъ перевода, но тоже съ сокращеніемъ. Для начала по прежнему считаю удобнѣе Natural Law, какъ болѣе принципіальную. Отъ предисловія не отказываюсь, но сію минуту написать его какъ слѣдуетъ не могу; да и для редакціи «Русской Бесѣды» мое появленіе осенью удобнѣе, чѣмъ лѣтомъ,—хотя вообще ихъ расчетъ на пользу моего участія въ журналѣ не дѣлаетъ чести ихъ практическому смыслу.

Если вы имѣете какія нибудь особыя причины торопиться съ этимъ дѣломъ, то напишите мнѣ ихъ въ Петербургъ—Галерная, 20, ред. «Вѣстн. Евр.». Я уѣзжаю изъ Финляндіи завтра и вернусь въ концѣ мая.

Получилъ письмо большое отъ Арк. изъ Кіева. Радъ былъ факту письма, но содержаніе кислосладкое и отчасти нелѣпое. Онъ между прочимъ видитъ примѣръ нравственнаго совершенства въ Авраамѣ, намѣревающемся заколоть своего сына,—а разумъ и совѣсть уподобляетъ тому «ослу, котораго нужно оставить внизу горы Божіей». Печальная была бы участь Господа Бога, если бы къ нему могли восходить только существа безъ разума и совѣсти! Буду отвѣчать А. въ скоромъ времени. Еще получилъ я письмо безъ подписи изъ Лукоянова (откуда и вы послѣдній разъ писали) по поводу моего «принципа наказанія». Письмо очень большое, почеркъ какъ будто вашъ и образъ мыслей также, но превратное пониманіе моей точки зрѣнія такое, какого и отъ васъ не ожидалъ бы. Выведите меня изъ недоразумѣнія. А то я думалъ было отвѣтить печатью при случаѣ.

Будьте здоровы!

Искренно васъ любящій Влад. Соловьевъ.

3.

Не посѣтуйте, дорогой Левъ Павловичъ, за этотъ поздній отвѣтъ: мнѣ такъ много приходится писать для печати, что на частную переписку остается совсѣмъ мало времени. — Еще до полученія вашего послѣдняго письма я долженъ былъ оставить

всякое сомнѣніе въ вашей неприкосновенности къ Лукояновскимъ письмамъ: тѣ же авторы прислали мнѣ еще письмо, болѣе откровенное и уже явно не могущее имѣть ничего общаго съ вами. Бар. И. еще въ апрѣлѣ рѣшительно отказалась отъ всякаго содѣйствія какъ по вашему ходатайству, такъ и по всѣмъ другимъ подобнымъ, съ которыми я обращался,—я думалъ, что вы объ этомъ догадаетесь по моему молчанію. То, что вы пишете по поводу „Принц. наказ.", основано на недоразумѣніи. По моей идеѣ принципъ наказанія есть *человѣколюбіе* какъ къ потерпѣвшему, такъ и къ преступнику, а вы говорите, что я возвожу въ принципъ *насиліе*. Насиліе я допускаю какъ необходимое въ извѣстныхъ случаяхъ средство для исполненія обязанности человѣколюбія, совершенно такъ, какъ въ примѣрѣ Льва Ник. съ бросаніемъ дѣтей изъ окошка при пожарѣ. Я уже воспользовался этимъ примѣромъ въ статьѣ о войнѣ, которая скоро появится, и буду еще имъ пользоваться, какъ очень удачной иллюстраціей *моей мысли.*

Очень бы желалъ быть предувѣдомленнымъ, когда вы будете въ Москвѣ или въ Петербургѣ, чтобы устроить свиданіе, а писать много имѣетъ многія неудобства.

Храни васъ Богъ!..

Любящій васъ В. Соловьевъ.

4.

Многоуважаемый Левъ Павловичъ!

Относительно перепечатки статьи моей объ Огюстѣ Контѣ изъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефрона извѣщаю васъ, что согласенъ на эту перепечатку при слѣдующихъ трехъ условіяхъ:

1) Мнѣ будутъ доставлены прежде напечатанія двѣ корректуры—одна въ гранкахъ и другая сверстанная, и статья будетъ напечатана согласно моимъ поправкамъ.

2) Такъ какъ изданіе не имѣетъ благотворительной цѣли, то при выходѣ книги мнѣ будетъ уплачено за право печатанія моей статьи сто пятьдесятъ рублей.

3) Я обязуюсь въ теченіе пяти лѣтъ по выходѣ книги нигдѣ не перепечатывать своей статьи и никому не передавать ее съ этою цѣлью; по истеченіи же пяти лѣтъ возвращаю себѣ право распоряженія означенною статьею.

Съ истиннымъ уваженіемъ Влад. Соловьевъ.

24 февраля 1896 г.



КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛІИ[1]).

(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).

III.

Упадокъ палаты общинъ и возвышеніе кабинета.

Прерогативы англійской короны давно уже сведены на нѣтъ. Другой наслѣдственный органъ власти—палата лордовъ—вышла изъ затѣянной ею, недавней борьбы, униженною, разбитою, изувѣченною. Она сохранила лишь возможность скалить зубы, но не кусать. Она можетъ задержать на короткое время рѣшенія палаты общинъ, но не отмѣнять ихъ. Воля палаты общинъ отнынѣ непреоборима; все предъ нею стушевалось, всѣ остальныя «сословія королевства» — корона, лорды. Нѣтъ для нея и тѣхъ преградъ, которыя воздвигнуты писанными конституціями, налагающими узду на палату народныхъ представителей установленіемъ особаго порядка законодательства *конституціоннаго*, (т. е. измѣненія законовъ основныхъ). Палата общинъ отнынѣ все можетъ, все вершаетъ одной своей властью; ея величіе и ея сила достигли апогея. Да, на первый взглядъ.

На самомъ дѣлѣ исторія палаты общинъ за послѣдній полувѣкъ, въ особенности за послѣднія 30 лѣтъ, есть исторія прогрессивнаго упадка и безсилія. Цѣлый рядъ причинъ и обстоятельствъ вызвалъ это паденіе, кажущееся столь неожиданнымъ и непонятнымъ. Въ центрѣ ихъ стоятъ два явленія, проходящія какъ бы красной нитью чрезъ всю парламентскую и вообще политиче-

[1]) См. октябрь, стр. 174.

скую жизнь Англіи за послѣдніе десятки лѣтъ. Это — крайнее развитіе парламентаризма и крайнее развитіе партійной организаціи. Указаніе на крайнее развитіе парламентаризма, какъ на причину умаленія парламента, опять таки представляется какъ бы парадоксомъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оно окажется выражающимъ вполнѣ вѣрно политическую дѣйствительность. Парламентская система представительнаго правленія предполагаетъ зависимость министерства отъ палаты народныхъ представителей и постоянный и непосредственный контроль ея надъ нимъ. Чѣмъ полнѣе осуществляется этотъ контроль, то есть чѣмъ полнѣе отвѣтственность министровъ, тѣмъ болѣе приближается парламентское правленіе къ своему идеалу. Но полнота министерской отвѣтственности отнюдь не состоитъ или не состоитъ исключительно въ безусловномъ подчиненіи: она слагается изъ двухъ элементовъ — тѣсной зависимости и въ то же время широкой власти. Министры могутъ быть свергнуты въ одно мгновенье ока, для этого достаточно мановенія руки большинства палаты; но пока они находятся у власти, они пользуются полной свободой дѣйствій. Чѣмъ больше отвѣтственности, тѣмъ больше власти, и наоборотъ. Легко ли или трудно поддерживать это соотвѣтствіе между властью и отвѣтственностью, или, иначе говоря, это равновѣсіе силъ парламентской и правительственной, но безъ него блага парламентскаго строя не могутъ быть вполнѣ обезпечены; уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону одинаково ведетъ къ извращенію парламентскаго режима.

Въ англійскомъ парламентаризмѣ равновѣсіе это нынѣ нарушено, вслѣдствіе того, что въ теченіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ министерская отвѣтственность получила чрезвычайное развитіе въ направленіи полноты власти министровъ. Исходнымъ пунктомъ этого движенія можетъ считаться избирательная реформа 1867-го года. Вызванное этой реформой преобладаніе демократическаго начала, наряду съ усложненіемъ соціальныхъ и экономическихъ отношеній и съ ростомъ государственныхъ интересовъ британской имперіи, расширяло изо дня въ день кругъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію парламента. Представители болѣе широкихъ слоевъ общества, получившіе послѣ 1867 г. доступъ въ палату, приносили съ собой туда и повышенный интересъ къ народнымъ нуждамъ, и желаніе принимать или по крайней мѣрѣ афишировать личное участіе въ ихъ удовлетвореніи. Обязанный отнынѣ своимъ мандатомъ въ гораздо меньшей степени личнымъ связямъ и личному положенію своему, чѣмъ въ преддемократическій вѣкъ, до 1867 г., депутатъ, же-

лавшій удержать вниманіе и расположеніе многочисленныхъ избирателей, съ которыми онъ не могъ входить въ непосредственный контактъ, старался напоминать имъ о себѣ возможно частыми выступленіями на большой національной сценѣ парламента, на которую обращены всѣ взоры. Участіе депутатовъ въ дебатахъ отъ этого непомѣрно увеличилось, затрудняя и замедляя ходъ парламентской машины. Къ этой безсознательной обструкціи присоединилась скоро умышленная и систематическая обструкція ирландцевъ. Ирландскіе депутаты, подъ предводительствомъ Парнелля требовавшіе автономію для Ирландіи, рѣшились вынудить ее, не давая парламенту работать, пока имъ не дадутъ удовлетворенія. Пользуясь существовавшей тогда почти неограниченной свободой слова, они произносили безконечныя рѣчи, имѣвшія или неимѣвшія отношеніе къ дѣлу, затягивая засѣданія на всю ночь и даже дольше. Большинство палаты, во главѣ котораго стоялъ тогда Гладстонъ, было вынуждено ограничить традиціонную свободу слова въ палатѣ общинъ. Нѣсколько защищенная принятыми мѣрами отъ злостной обструкціи, палата продолжала изнемогать, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, подъ тяжестью многословія депутатскаго и многообразія проблемъ, подлежавшихъ ея разсмотрѣнію. Когда къ концу XIX столѣтія завершился давно уже начатый поворотъ во взглядахъ на роль государственной власти и политика laisser faire уступила мѣсто все возрастающей регламентаціи закона, особенно въ сферѣ соціальной, отъ парламента, уже перегруженнаго, потребовались еще новыя усилія. Наконецъ, наступившее около того же времени, т. е. въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка, обостреніе партійной борьбы сдѣлало умышленную парламентскую обструкцію обычной; она стала патентованнымъ средствомъ не только для третьей партіи, вбивающейся клиномъ въ двухпартійную систему парламентаризма, но даже и для «законной оппозиціи». Въ результатѣ, по причинамъ того или другого свойства, палата общинъ оказалась, коротко говоря, неработоспособной.

И вотъ, съ 80-хъ а особенно съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начинается борьба съ этой неработоспособностью, какъ съ хронической болѣзнью, посредствомъ парламентскаго регламента или наказа[1]). Въ рядѣ послѣдовательныхъ

[1]) Для краткости я употребляю терминъ континентальнаго парламентскаго права, вошедшій въ употребленіе и у насъ. Англійскій парламентъ не имѣетъ общаго кодекса парламентскаго права, а руководствуется рядомъ отдѣльныхъ постановленій, принятыхъ въ разное время, и обычаями.

постановленій, все усиливавшихъ дозу, наказъ систематически урѣзывалъ права депутатовъ. Отнюдь не посягая на самую свободу слова и другія прерогативы членовъ палаты, принятыя мѣры клонились къ тому, чтобы ограничить возможность фактическаго пользованія ими. Прежде всего введено было, по поводу обструкціи ирландцевъ, закрытіе преній по волѣ большинства палаты: the closure. До тѣхъ поръ ораторъ могъ говорить столько времени, сколько ему угодно было, лишь бы присутствовало въ палатѣ не менѣе 40 человѣкъ—установленный кворумъ. The closure (французское la clôture), заимствованное изъ континентальныхъ парламентскихъ порядковъ, дало право прекратить въ любой моментъ, вотумомъ палаты[1]), пренія по данному вопросу или параграфу билля. Но скоро это показалось недостаточнымъ, и въ нѣсколько пріемовъ установленъ былъ порядокъ, ограничивавшій пренія истеченіемъ заранѣе опредѣленнаго срока, дня и часа: палатѣ предоставлено было рѣшать впередъ, что пренія по такому-то отдѣлу билля должны быть закончены къ такому-то сроку, по слѣдующему отдѣлу — къ такому то, и т. д. Если же въ моментъ наступленія этого срока оставались еще параграфы, не подвергнутые обсужденію, то они вовсе не обсуждались, а тотчасъ голосовались: «парламентская гильотина» отсѣкала дальнѣйшіе дебаты. Затѣмъ наказъ пошелъ еще дальше и предоставилъ предсѣдательствующему право дѣлать выборъ между внесенными поправками, назначать къ обсужденію тѣ, которыя представляются ему болѣе существенными, и исключать изъ него всѣ остальныя.

При обсужденіи сложныхъ вопросовъ большой важности, возбуждавшихъ острыя разногласія партій, министерство регулярно пускало въ ходъ «гильотину», чтобы сломать сопротивленіе оппозиціи. Меньшинство яростно протестовало противъ насилія, учиненнаго большинствомъ «на законномъ основаніи», но когда, послѣ счастливыхъ для него, выборовъ, оно само становилось у власти, оно и не думало о томъ, чтобы отказаться отъ «гильотины». Новое большинство спѣшило использовать это оружіе противъ новой оппозиціи. Первоклассные билли принимались палатой и становились законами, хотя цѣлые отдѣлы ихъ вовсе не были подвергнуты обсужденію.

---

[1]) Вотумъ этотъ, однако, не можетъ быть направленъ противъ опредѣленныхъ ораторовъ, еще не успѣвшихъ высказаться, ибо въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ записи ораторовъ; желающій говорить долженъ дождаться окончанія рѣчи своего предшественника и встать съ своего мѣста, чтобы „схватить глазъ спикера", который даетъ ему слово, если замѣтитъ его.

Если парламентское правленіе справедливо называется правленіемъ посредствомъ обсужденія— government by discussion,—то правленіе это перестало существовать въ Англіи въ видѣ правильнаго и неизмѣнно дѣйствующаго учрежденія; палата общинъ перестала быть «обсуждающимъ собраніемъ», (a deliberative assembly) или, вѣрнѣе, является таковымъ лишь спорадически. Жизнь палаты по прежнему протекаетъ преимущественно въ дебатахъ, и даже длинныхъ и яростно полемическихъ; но въ то же время нельзя отрицать того, что, какъ обыкновенно жалуется оппозиція, законы проходятъ безъ парламентскаго обсужденія. Это своеобразное положеніе хорошо иллюстрируется оригинальной статистикой, которою недавно (въ январѣ 1913 г.) обмѣнялись въ парламентѣ, въ видѣ полемическихъ аргументовъ, лидеръ оппозиціи и вождь ирландской партіи, по поводу билля объ ирландской автономіи. Бонаръ Ло, жалуясь на то, что министерство не дало достаточно обсудить этотъ билль, указалъ, что изъ 1646 строкъ, которыя билль занимаетъ, обсуждено лишь 212, а 1434 строки приняты совершенно безъ обсужденія. Правительство — заявилъ лидеръ оппозиціи — уничтожаетъ самый духъ парламентскихъ учрежденій; каждому извѣстно, что въ условіяхъ, въ которыя поставлена палата, она перестала быть законодательнымъ собраніемъ. Ирландскій вождь Редмондъ, отвергая обвиненіе въ недостаточномъ обсужденіи билля, привелъ слѣдующія цифры: потрачено на разсмотрѣніе билля 45 дней, а на обсужденіе вопроса объ ирландской автономіи—26 лѣтъ; произнесенныя въ настоящемъ году рѣчи занимаютъ въ оффиціальномъ изданіи парламентскихъ отчетовъ 5000 столбцовъ, въ нихъ содержится $2^1/_2$ милліона словъ; на каждаго изъ депутатовъ пришлось бы, если бы они всѣ говорили, по 4500 словъ, а на каждаго дѣйствительно говорившаго приходится въ среднемъ 20.000 словъ; всѣхъ голосованій было 194; пройдено депутатами въ голосованіяхъ (совершающихся посредствомъ выхода въ разные корридоры) 20 миль. Эта юмористическая статистика не уничтожаетъ, однако, того факта, что изъ 1646 строкъ билля обсужденію подверглись только 212.

Наряду съ мѣрами сокращенія преній, наказъ ограничилъ депутатовъ постепеннымъ отнятіемъ у нихъ почти всего парламентскаго «времени»: онъ опредѣлилъ, что въ извѣстные дни недѣли могутъ быть разсматриваемы лишь предложенія правительства, и въ первую очередь—бюджетъ. Затѣмъ правительство стало забирать «время» и для другихъ, не бюджетныхъ, биллей своихъ, требуя для нихъ предпочтенія предъ законода-

тельными предложеніями, исходящими отъ обыкновенныхъ депутатовъ (private members). Послѣднимъ оставлены были опредѣленные часы въ извѣстные дни недѣли. Но потомъ и эти дни были сокращены, и на вторую половину сессіи они совсѣмъ были отняты у депутатовъ, чтобы палата могла всецѣло посвятить себя обсужденію правительственныхъ законопроектовъ. Время, остававшееся для разсмотрѣнія предложеній депутатской инициативы, было такъ незначительно, что его едва хватало для того, чтобы разсмотрѣть хоть нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ какъ депутаты продолжали вносить многочисленные законопроекты, то установлено было между ними жеребьеметанье въ началѣ каждой сессіи. Немногіе проекты, получавшіе въ этой лотереѣ хорошіе номера, могли увидѣть свѣтъ Божій, а остальные автоматически отпадали, и въ началѣ сессіи регулярно происходило «избіеніе младенцевъ», по выраженію парламентскаго жаргона. Но и депутаты, которымъ посчастливилось, не могли надѣяться довести свои проекты до послѣдней парламентской стадіи, если они вызывали возраженія, ибо троекратныя чтенія и дебаты по поводу поправокъ требовали больше времени, чѣмъ было на лицо. Такіе проекты могли быть разсмотрѣны сполна и приняты только при содѣйствіи правительства, если министерство соглашалось переписать ихъ на себя, или если оно уступало время изъ своего запаса. Но обращаемыя къ министерству просьбы о томъ, чтобы оно «дало льготы» (to give facilities) авторамъ законопроектовъ, рѣдко удовлетворялись; оно слишкомъ дорожило «своимъ временемъ», которое въ сущности было «временемъ палаты».

Это присвоеніе «времени палаты» явилось лишь развитіемъ началъ парламентаризма. Въ парламентскомъ режимѣ кабинетъ есть своего рода предприниматель или подрядчикъ государственныхъ дѣлъ; онъ берется не только управлять страной на основаніи существующихъ законовъ, но и вырабатывать и проводить всѣ новые законы, могущіе понадобиться. Въ случаѣ неисправности онъ отстраняется. Но именно поэтому нельзя, не впадая въ абсурдъ, мѣшать ему быть исправнымъ, и прежде всего нужно дать ему использовать все необходимое для работы время, не отвлекая его отъ работы и не тормозя государственной машины, которую онъ приводитъ въ движеніе. Англійскій кабинетъ могъ бы, поэтому, доказывать не безъ успѣха, что онъ—вовсе не узурпаторъ. Отъ этого, однако, нимало не измѣняется выяснившійся фактъ, что законодательная инициатива членовъ англійскаго парламента сведена почти къ нулю.

Согласившись на такое ограниченіе свободы всѣхъ своихъ движеній, члены палаты общинъ уступили не только или не столько парламентской необходимости, сколько требованіямъ партійной дисциплины, необычайно возросшей. Въ предыдущихъ статьяхъ уже было указано вскользь на усиленіе партійности, наступившее послѣ избирательной реформы 1867 г. Реформа эта отразилась на партійной жизни цѣлымъ рядомъ послѣдствій. Прежде всего она измѣнила объемъ и составъ избирательнаго корпуса. Количество избирателей болѣе чѣмъ удвоилось; преобладаніе получилъ городской демосъ. Партіямъ отнынѣ надо было располагать для усиленной борьбы громадными арміями; каждой изъ нихъ нужно было пушечное мясо. Традиціонная, болѣе или менѣе классовая кліентура партій—аристократическій элементъ и его приспѣшники на одной сторонѣ, буржуазія на другой—отнынѣ была недостаточна; безъ поддержки демоса ни одна партія не могла играть большой роли, и обѣ бросились наперерывъ вербовать приверженцевъ среди новыхъ избирателей. Усилія, употребленныя для этого въ особенности торійской партіей, увѣнчались успѣхомъ, и партіи потеряли свой классовый обликъ. Это обстоятельство измѣнило самый характеръ ихъ борьбы. Онѣ болѣе не имѣли особой, такъ сказать природной кліентуры, обладаніе которою обезпечивало имъ опредѣленное политическое положеніе. Последнее стало менѣе устойчивымъ, потому что зависѣло отъ поддержки одной и той же общественной группы, которую партіямъ приходилось оспаривать другъ у друга. Соперничество партій приняло, вслѣдствіе этого, характеръ ожесточенной борьбы, интенсивность которой скорѣе усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ стали терять подъ ногами и другую естественную базу, различіе въ принципахъ и программахъ. Это различіе тоже начало сглаживаться, вслѣдствіе стремленія каждой партіи пріобрѣсти во что бы то ни стало расположеніе демократическаго избирателя. Слабость боевыхъ позицій должна была быть восполнена яростью нападенія и защиты; болѣе чѣмъ когда-либо нужно было идти въ бой сомкнутыми рядами. Къ тому же у партій явились, въ началѣ обозрѣваемой эпохи, исключительные лидеры, давшіе живое воплощеніе партійному энтузіазму и агрессивности. Создалась могучая организація, поддерживавшая эти чувства, какъ неугасаемый огонь на политическомъ очагѣ. Лидеры были Гладстонъ и Дизраэли, сдѣлавшіеся послѣ 1869 г. верховными вождями своихъ партій. Представляя по своему характеру и своимъ та-

лантамъ яркій контрастъ, они одинаково внушали своимъ приверженцамъ безграничное довѣріе и восторженное удивленіе, чтобы не сказать—обожаніе. Политическая ихъ непогрѣшимость была догматомъ, изъ котораго само собой вытекало нравственное велѣніе слѣдовать за ними слѣпо. Партійная дисциплина и соединенная съ нею партійная вражда стали культомъ.

На служеніе имъ явилась новая организація, раскинувшаяся по всей странѣ. Когда послѣ реформы 1867 г. число избирателей въ городахъ сразу увеличилось въ нѣсколько разъ, предъ партіями всталъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ уловить ихъ въ свои сѣти. Для воздѣйствія на избирателей существовали кой-гдѣ, со времени реформы 1832 г., партійныя ассоціаціи; кромѣ того, наканунѣ выборовъ обыкновенно образовывались избирательные комитеты, состоявшіе изъ немногихъ мѣстныхъ нотаблей и партійныхъ добровольцевъ. Авторитетъ этой небольшой кучки лицъ не простирался достаточно далеко ни въ нравственномъ, ни въ матеріальномъ смыслѣ, чтобы захватить широкія массы народныя, введенныя на политическую сцену. Для того, чтобы поднять ихъ, нуженъ былъ болѣе могучій рычагъ. Такимъ рычагомъ явилась партійная организація на демократической основѣ всеобщаго голосованія, на подобіе существовавшей уже въ заатлантической республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. И вотъ, съ 70-хъ годовъ открывается, подъ руководствомъ Джозефа Чемберлена изъ Бирмингама, знаменитаго впослѣдствіи государственнаго человѣка, движеніе, направленное къ тому, чтобы всѣ избиратели и даже неизбиратели, причисляющіе себя къ партіи, образовали изъ себя въ каждой мѣстности партійный союзъ, съ выборнымъ правленіемъ для веденія всѣхъ партійныхъ дѣлъ и въ частности для избранія кандидатовъ въ парламентъ и въ мѣстныя выборныя учрежденія. Скоро въ большинствѣ городовъ либералы завели подобнаго рода постоянныя ассоціаціи, а затѣмъ всѣ мѣстныя ассоціаціи объединены были въ національную федерацію съ представительнымъ органомъ, который предназначенъ былъ быть парламентомъ партіи рядомъ съ парламентомъ имперскимъ. Движеніе, поднятое Бирмингамскими радикалами, скоро перешло и въ консервативную партію, принявшую ту же систему партійныхъ ассоціацій на демократическихъ началахъ. Новая организація, получившая заимствованное изъ Америки прозвище *кокусъ* (Caucus), въ короткое время пріобрѣла большое политическое вліяніе. Демократическая основа ея была болѣе номинальна, чѣмъ дѣйствительна, ибо масса населенія, по свойственной ей апатіи, принимала въ ней

очень слабое участіе и просыпалась только во время выборовъ. Обычно все дѣло находилось въ рукахъ горсти энергическихъ людей, выбранныхъ ничтожнымъ числомъ избирателей, отличавшихся, подобно имъ, своимъ политическимъ рвеніемъ. Но демократическій флагъ, развернутый ассоціаціями кокуса, и существованіе ихъ въ качествѣ постоянныхъ учрежденій, всегда стоящихъ на стражѣ партійныхъ интересовъ, сдѣлало ихъ общепризнаннымъ органомъ партіи, съ которымъ должны были считаться отнынѣ всѣ выступавшіе отъ имени партіи, и въ первую голову—кандидаты въ парламентъ. Только кандидаты, получившіе инвеституру кокуса, стали считаться оффиціальными кандидатами, за которыхъ всѣ правовѣрные члены партіи должны были голосовать на выборахъ; другіе кандидаты признавались какъ бы самозванцами. Вскорѣ выступленіе независимыхъ кандидатовъ стало невозможнымъ, и не только потому, что на нихъ лежалъ одіумъ партійныхъ раскольниковъ и крамольниковъ, но и потому, что, при многочисленности избирателей и необходимости *обрабатывать* каждаго въ отдѣльности нужна была постоянная и сложная организація, какою располагалъ только кокусъ. Кокусъ же давалъ свою инвеституру и свою поддержку въ избирательной кампаніи только тѣмъ кандидатамъ, которые отвѣчали его партійнымъ воззрѣніямъ и вообще подчинялись ему. По избраніи въ парламентъ депутаты оставались подъ зоркимъ наблюденіемъ кокуса, взявшаго на себя роль блюстителя партійной ортодоксіи, и получали отъ мѣстнаго комитета указанія и замѣчанія. Въ случаѣ непослушанія депутата кокусъ могъ снять его кандидатуру на слѣдующихъ выборахъ и положить конецъ его политическому животу.

Лишенный новыми партійными отношеніями своей политической независимости, депутатъ былъ въ то же время умаленъ въ своемъ личномъ достоинствѣ зависимостью отъ новаго народнаго избирателя. Предсказаніе, сдѣланное Дизраэли въ 1866 г., сбылось: демократическій избиратель потерялъ уваженіе къ депутату, когда тотъ сталъ зависѣть отъ перваго встрѣчнаго. Кандидатъ или депутатъ своимъ заискивающимъ поведеніемъ только подчеркивалъ свое новое положеніе. Депутатское званіе составляло по прежнему предметъ вожделѣній, но потеряло свою прежнюю цѣнность на житейскомъ рынкѣ, еще задолго до послѣдняго десятка лѣтъ, когда рабочіе стали попадать въ парламентъ въ значительномъ количествѣ.

Тѣ же причины, которыя вызвали умаленіе депутатовъ, привели къ возвеличенію лидеровъ. Народный избиратель и партія

сообщили новый престижъ лидерамъ, даже и не такимъ какъ Дизраэли или Гладстонъ. До демократической эры лидеры партій, можно сказать, вовсе не приходили въ контактъ съ избирательными массами; ихъ ареной былъ исключительно парламентъ. Послѣ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда «первый встрѣчный» сдѣлался вершителемъ судебъ страны, а съ другой стороны пресса и «платформа» получили чрезвычайное развитіе, верховные лидеры сошли съ своего Олимпа и стали появляться на митингахъ, не только въ Лондонѣ, но и въ провинціи. Каждое слово, произнесенное ими, становилось черезъ нѣсколько часовъ извѣстнымъ во всѣхъ концахъ страны благодаря телеграфу и дешевой прессѣ. Между рядовымъ избирателемъ и верховнымъ лидеромъ партіи установилось какъ бы непосредственное общеніе; лидеръ сталъ достаточно близокъ къ избирателю, чтобы внушать ему личное довѣріе и преданность, и въ то же время остался достаточно далекъ отъ него по своему положенію и мѣсту дѣятельности, чтобы питать воображеніе, возвеличивающее все находящееся вдали, особенно въ столицѣ имперіи. И когда престижъ мѣстнаго депутата сталъ падать, англійскій избиратель, по натурѣ своей, сформированной вѣками феодализма и аристократическаго главенства, «почтительный» (deferential, по выраженію Бэджгота), привыкшій всегда to look up («взирать вверхъ»), естественно перенесъ свои чувства политическаго почтенія и довѣрія на верховнаго лидера. Новыя условія нарождавшейся демократической цивилизаціи прибавили къ этимъ чувствамъ оттѣнокъ цезаризма, и лидеръ партіи сталъ помазанникомъ толпы. Во главѣ обычныхъ требованій, которыя избиратель предъявляетъ къ своему депутату, какъ-то исповѣданіе партійной вѣры, личная добропорядочность, щедрость въ пожертвованіяхъ на мѣстныя нужды, и т. д., явилось требованіе *лойяльности* (loyalty) по отношенію къ лидеру партіи. Отнынѣ разумѣлось само собой, что депутатъ избирался въ парламентъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать тамъ подъ началомъ извѣстнаго лидера—Гладстона, Салиссбюри, Бальфура, Асквита. Парламентскіе выборы приняли характеръ личныхъ плебисцитовъ.

На стражѣ этихъ отношеній депутатовъ къ лидерамъ стала новая партійная организація, выступившая подъ знаменемъ демократіи—кокусъ. Взявшись утвердить власть рядового избирателя въ управленіи партіей, кокусъ занялъ позицію, враждебную оффиціальнымъ лидерамъ. Но лидерство имѣло свои корни въ самыхъ глубинахъ народной души, и вырвать ихъ оказалось невозможнымъ. Кокусъ, притомъ, имѣлъ прямой интересъ итти въ ногу съ лидерами; ихъ ореолъ отражался на

немъ усиленіемъ его вліянія на массы. И кокусъ молчаливо призналъ надъ собой авторитетъ лидеровъ. Съ 1886 г. гегемонія оффиціальныхъ лидеровъ партіи стала безспорной въ либеральномъ кокусѣ, и около того же времени—въ консервативной организаціи, потрясенной-было демократической фрондой Рандольфа Черчилля. Оффиціальные лидеры партій сдѣлались фактическими главами народной организаціи партіи внѣ парламента, и чрезъ это получили возможность использовать въ парламентскихъ отношеніяхъ власть, которую кокусъ присвоилъ себѣ надъ депутатами. Если депутатъ обнаруживалъ стремленія къ независимости отъ лидеровъ, то кокусъ, по собственной иниціативѣ или по указанію изъ Лондона, обращался къ впадавшему въ ересь депутату съ увѣщаніями, а въ случаѣ безуспѣшности ихъ, шелъ еще дальше въ мѣрахъ воздѣйствія, вплоть до отлученія, т. е. отказа поддерживать кандидатуру ослушника на слѣдующихъ выборахъ.

Анализированныя нами три явленія—сгущеніе партійной атмосферы, возвышеніе лидеровъ и умаленіе рядовыхъ членовъ парламента,—не разъ скрещивавшіяся своими нитями, соединились въ одномъ общемъ результатѣ: они довели партійную дисциплину въ палатѣ общинъ до небывалой дотолѣ строгости, особенно въ правительственной партіи. Вожди послѣдней имѣли больше средствъ воздѣйствія на депутатовъ, а чрезвычайность ставки—сохраненіе или потеря власти—легче вынуждала подчиненіе членовъ партіи. Въ качествѣ лидеровъ партіи, министры всегда могли натравить на депутатовъ своей партіи ихъ кокусы; въ качествѣ министровъ, вожди правительственной партіи держали надъ ней еще одинъ дамокловъ мечъ, и болѣе острый: угрозу распущенія палаты, если числящіеся въ партіи депутаты не будутъ поддерживать правительство въ голосованіяхъ. А новые выборы означаютъ для депутата, прошедшаго, послѣ ожесточенной борьбы и громадныхъ расходовъ (около десятка тысячъ рублей), быть можетъ, едва нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, новую борьбу и новые расходы, а пожалуй и провалъ, политическую смерть, которая внушаетъ депутатамъ, во всемъ мірѣ, еще большій страхъ, чѣмъ физическая смерть. Но это еще не все. Лидера нужно поддерживать не только за страхъ, но и за совѣсть: корабль, который везетъ по бурному парламентскому морю Цезаря партіи, везетъ и ея счастье, а отъ сохраненія ея у власти зависитъ, само собою разумѣется, благоденствіе и величіе страны. Во имя высшихъ интересовъ партіи и родины необходимо, поэтому, всегда итти въ ногу съ правительствомъ, парализовать во что бы то ни стало усилія оппозиціи и соглашаться

даже, чтобы поставить ей матъ, на чрезвычайныя мѣры, какъ на «печальную необходимость», согласно выраженію, сдѣлавшемуся крылатымъ у насъ въ Россіи.

Такой «печальной необходимостью», продиктованной партійной дисциплиной, и были мѣры, ограничившія пользованіе свободой рѣчи и законодательной иниціативой. Но мѣры эти, принятыя главнымъ образомъ противъ оппозиціи, обратились и противъ членовъ большинства, вотировавшихъ ихъ, и дали правительству оружіе противъ собственныхъ приверженцевъ его. И всѣ депутаты, безъ различія партій, оказались связанными по рукамъ и по ногамъ, то какъ члены партіи, то какъ члены парламента, въ силу наказа.

Въ этихъ условіяхъ конституціонныя отношенія между палатой и исполнительной властью, регулируемыя министерской отвѣтственностью, подверглись коренному измѣненію. Министерство перестало быть отвѣтственнымъ предъ парламентомъ въ полномъ смыслѣ этого понятія; палата, сама теперь зависящая во многомъ отъ министерства, лишилась возможности осуществлять свободно важнѣйшую изъ своихъ функцій—контроль надъ дѣйствіями правительства. Обсужденіе дѣйствій правительства, критика ихъ, даже исходящая изъ рядовъ большинства, не прекратились. Но, во первыхъ, сузилась матеріальная возможность ихъ осуществленія, вслѣдствіе ограниченій, установленныхъ наказомъ въ пользованіи парламентскимъ временемъ. Запросы, выражаясь континентальнымъ парламентскимъ терминомъ, какъ и законодательныя предложенія отдѣльныхъ членовъ, подлежатъ жеребьеметанію, а независимо отъ жребія могутъ быть предъявлены только съ согласія правительства [1]).

Пренія объ адресѣ и особенно бюджетные дебаты представляютъ гораздо больше возможности для критики правительственной политики и отдѣльныхъ дѣйствій министровъ или администраціи; но и тутъ депутаты ограничены наказомъ. Даже когда наказъ не мѣшаетъ, и критика правительственныхъ дѣйствій вполнѣ свободна, она остается безъ санкціи, какъ бы она ни была сурова. Классическія санкціи вотума порицанія или недовѣрія и сверженіе министерства, правда, существуютъ еще, но только въ учебникахъ конституціоннаго права. На практикѣ

---

[1]) Запросы, предъявляемые лидеромъ оппозиціи, отвѣтственнымъ представителемъ ея, принимаются правительствомъ во всякое время.

онѣ больше не находятъ приложенія [1]) и не могутъ найти его: въ новыхъ условіяхъ, намъ уже извѣстныхъ, партійное большинство не можетъ вотировать недовѣріе правительству, не совершая самоубійства. Доведенная до крайности партійная дисциплина не только связала тѣснѣе отдѣльныхъ членовъ большинства, принявшихъ предъ избирателями обязательство поддерживать опредѣленнаго лидера, но она строго замкнула партіи, сдѣлала невозможными всякія иныя группировки, даже въ исключительныхъ случаяхъ. Большинство, вотирующее противъ правительства, не только свергаетъ его, но лишаетъ себя власти и открываетъ государственную цитадель партіи, стоящей на противоположномъ политическомъ полюсѣ и преслѣдующей политику, которую большинство всегда считало пагубной. Средняго выхода нѣтъ болѣе. Между членами партіи и лидерами устанавливается, въ виду этого, безмолвный договоръ на жизнь и смерть, какъ нѣкогда между вассаломъ и его сюзереномъ: большинство должно всегда голосовать за правительство, а тамъ, на слѣдующихъ выборахъ, народный вердиктъ одобритъ или осудитъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Отдѣльные члены большинства могутъ критиковать министровъ, правительство болѣе или менѣе благодушно выслушиваетъ этихъ критиковъ и нерѣдко даже принимаетъ ихъ замѣчанія къ руководству; но критика, высказанная отъ имени большинства, то есть формулированная въ вотумѣ, уже не пріемлема для правительства—она ставитъ на карту его жизнь. Парламентская критика обезпечиваетъ только бо́льшую гласность правительственныхъ дѣйствій. Этотъ результатъ, самъ по себѣ, конечно, весьма цѣнный, достигается также очень развившейся за послѣдніе десятки лѣтъ практикой *вопросовъ*, обращаемыхъ къ министрамъ въ началѣ каждаго засѣданія по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Хотя министры часто стараются дать очень лаконическіе или уклончивые отвѣты, каждодневный перекрестный допросъ ихъ въ парламентѣ заставляетъ ихъ и подчиненную имъ администрацію быть на сторожѣ. Но широкая возможность освѣщенія дѣйствій правительства еще не даетъ палатѣ

---

[1]) Уже двадцать лѣтъ какъ палата общинъ не принимала запроса съ мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ; въ послѣдній разъ это случилось въ 1893 г. Сверженіе правительства палатой совершилось въ послѣдній разъ еще раньше, въ 1886 г., когда часть либеральнаго большинства соединилась съ консервативной оппозиціей противъ Гладстона. Правда, въ 1895-мъ году кабинетъ Розбери подалъ въ отставку послѣ успѣшнаго для оппозиціи голосованія въ палатѣ, но не вслѣдствіе его. Во время голосованія часть членовъ большинства отсутствовала, а вопросъ, вызвавшій его, былъ совершенно ничтожный. Министерство, тяготившееся своимъ положеніемъ, воспользовалось голосованіемъ какъ предлогомъ, чтобы уйти.

непосредственнаго вліянія на его политику и власти надъ министрами. Самымъ яркимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что одна изъ важнѣйшихъ отраслей правительственной дѣятельности, именно иностранная политика, совершенно ускользнула въ послѣднее время отъ палаты общинъ; министръ иностранныхъ дѣлъ занимаетъ въ парламентѣ точно экстерриторіальное положеніе, онъ только освѣдомляетъ палату, когда и поскольку онъ это признаетъ за благо.

Ослабленіе парламентскаго контроля надъ исполнительной властью тѣмъ болѣе чувствительно, что компетенція и функціи «вѣдомствъ» увеличились въ чрезвычайной степени, вслѣдствіе усиливающейся регламентаціи государствомъ отношеній экономическихъ и иныхъ. Бюрократія растетъ въ Англіи не по днямъ, а по часамъ, и хотя она составлена на всѣхъ ступеняхъ своихъ изъ людей, глубоко проникнутыхъ чувствомъ долга, она отнюдь не непогрѣшима и, какъ въ другихъ странахъ, обнаруживаетъ тенденцію толковать распространительно свои полномочія. Къ тому же къ обычной компетенціи ея, административной, прибавилась въ послѣднее время и законодательная: многіе законы, принятые парламентомъ, формулируютъ лишь общія начала, предоставляя подробное развитіе ихъ, въ порядкѣ управленія, министерскимъ департаментамъ, въ формѣ правилъ, инструкцій и т. д. Если вызывающія критику дѣйствія вѣдомствъ и доходятъ до палаты, то министръ всегда покрываетъ ихъ предъ парламентомъ, а самъ министръ покрытъ солидарной безотвѣтственностью министерства.

Согласно классической доктринѣ парламентаризма, палата должна предоставить свободу дѣйствій министерству, потому что оно отвѣтственно передъ нею, потому что она всегда имѣетъ возможность устранить его отъ дѣлъ. Новѣйшая эволюція англійскаго парламентаризма привела къ тому, что большинство должно предоставить свободу дѣйствій министерству, такъ какъ оно не можетъ свергнуть его. Одинъ изъ послѣднихъ и лучшихъ изслѣдователей англійскаго политическаго строя, американецъ A. L. Lowell, склонный, повидимому, находить въ фактахъ не только силу, но и разумъ, замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи [1]), что теперешнія отношенія большинства и правительства отвѣчаютъ истиннымъ принципамъ парламентаризма: правительству—власть, парламенту—критика. Но если бы это было такъ, то не было бы никакой нужды въ парламентахъ; функція критики можетъ выполняться и отлично выполняется прессой.

---

[1]) *The Government of England*, 1908, I, 351.

«Истинные принципы» парламентаризма привели въ Англіи къ тому, что министерство фактически «забронировано» противъ большинства, въ то время какъ во многихъ другихъ странахъ, преимущественно латинской расы, тѣ же «истинные принципы», наоборотъ, сдѣлали изъ министерства игрушку въ рукахъ палаты, свергающей кабинеты и составляющей ихъ вновь почти изъ тѣхъ же элементовъ, какъ карточные домики. Между этими двумя противоположными, но одинаково утрированными формами парламентаризма можно ли найти середину? Это, очевидно, вопросъ, достойный размышленій всѣхъ интересующихся парламентскимъ правленіемъ [1]).

Одновременно съ контролемъ надъ исполнительной властью, палата общинъ потеряла и свою рѣшающую роль въ дѣлѣ законодательства, и по тѣмъ же причинамъ. Она фактически лишена не только законодательной инціативы, но и свободы дѣйствій въ разсмотрѣніи правительственныхъ биллей; она и тутъ связана партійной дисциплиной. Дисциплина эта не идетъ такъ далеко, чтобы давать правительству carte blanche въ дѣлахъ законодательства; отдѣльныя группы и отдѣльные члены большинства часто представляютъ свои возраженія и поправки, и между ними и правительствомъ нерѣдко происходятъ за кулисами оживленные переговоры съ цѣлью прійти къ соглашенію. Но возражающіе должны убѣдить и напугать министерство, чтобы оно допустило ихъ поправки; если же они въ томъ не успѣли, то правительство взываетъ категорически къ дисциплинѣ своего большинства. Когда большинство коалиціонное, то одна изъ составляющихъ его партій можетъ, угрозой отпаденія, заставить правительство принять или отвергнуть то или другое рѣшеніе законодательной проблемы. Но въ общемъ новое положеніе вещей вполнѣ вѣрно характеризуется формулой, данной позднѣйшими комментаторами англійскаго правленія (Sidney Low, A. L. Lowell): «министерство законодательствуетъ съ согласія палаты».

Помимо уступокъ, которыя правительство дѣлаетъ большинству, а иногда даже меньшинству, въ дѣлахъ законодательства, оно всегда и повсюду должно считаться съ палатой; его политика не можетъ расходиться съ господствующими въ палатѣ настроеніями. Но какъ бы значительна ни была доля вліянія, сохраненнаго палатой, въ конечномъ результатѣ всетаки оказывается

---

[1]) Быть можетъ, не сочтено будетъ нескромностью съ моей стороны, если я замѣчу мимоходомъ, что въ послѣднемъ моемъ сочиненіи: *La démocratie et les partis politiques* (1912, стр. 685—697) сдѣлана попытка разрѣшенія вопроса о томъ, на какихъ новыхъ основаніяхъ могла бы быть установлена министерская отвѣтственность.

громадный пассивъ: она въ значительной степени перестала быть обсуждающимъ собраніемъ, потеряла законодательную инціативу и вообще первенствующую роль въ законодательствованіи, и лишилась своей власти надъ министерствомъ. Въ итогѣ нельзя не признать въ настоящее время полнѣйшимъ анахронизмомъ опредѣленіе Гладстона, согласно которому «палата общинъ есть центръ англійской политической системы, солнце, вокругъ котораго вращаются всѣ другія тѣла». Палата есть лишь видимый «центръ», лишь сцена, великая національная сцена, на которой происходитъ политическое дѣйствіе; но движущія силы находятся теперь внѣ ея. Классическое опредѣленіе конституціоннаго монарха: Le roi règne, mais ne gouverne pas въ весьма значительной степени примѣнимо теперь къ парламенту. Управляетъ и законодательствуетъ министерство, а оно зависитъ главнымъ образомъ отъ избирателей. На выборахъ, гдѣ происходитъ единоборство двухъ лидеровъ, народъ поднимаетъ на щитъ одного изъ нихъ, и этого невѣнчаннаго Цезаря должна признать сама корона: она должна призвать къ высшей власти его, и никого другого. Затѣмъ онъ по своему усмотрѣнію, не спросясь палаты, составляетъ правительство, которое и остается во власти, доколѣ народъ на выборахъ не свергнетъ его. Парламентъ больше не творитъ суда надъ министерствомъ; надъ ними обоими есть высшій судья—народъ.

Конституціонная эволюція, совершившаяся въ Англіи подъ знакомъ демократіи, привела, такимъ образомъ, къ новому перемѣщенію центра политической тяжести: сила власти, перешедшая нѣкогда отъ короны къ палатѣ общинъ, съ преобладавшимъ въ ней вліяніемъ аристократіи, а затѣмъ, послѣ 1832 г., къ дѣйствительнымъ представителямъ народа, теперь находится въ министерствѣ, опирающемся на избирательный корпусъ и на кокусъ, являющійся соединительнымъ звеномъ между ними.

Выясняя новую роль высшихъ представителей исполнительной власти въ конституціонной экономіи Англіи, я пользовался для обозначенія ихъ общераспространеннымъ въ континентальный Европѣ терминомъ министерства. Но въ дѣйствительности высшая власть принадлежитъ въ Англіи не министерству, а группѣ членовъ его, называющейся *кабинетомъ* [1]). Все изложенное

[1]) Англійское *министерство* или *администрація* состоитъ изъ всѣхъ высшихъ представителей исполнительной власти, засѣдающихъ въ парламентѣ: министровъ, товарищей министра и другихъ сановниковъ, мѣняющихся съ перемѣной партіи у власти, а кабинетъ содержитъ въ себѣ лишь важнѣйшихъ членовъ министерства.

выше относится къ кабинету. Необычайное положеніе, достигнутое имъ въ теченіе послѣдихъ десятковъ лѣтъ, тѣмъ болѣе замѣчательно, что это учрежденіе вовсе неизвѣстно законодательству, и самаго термина «кабинетъ» нельзя найти ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ. Кабинетъ не имѣетъ никакой организаціи, собранія его совершенно приватны, онъ не ведетъ никакихъ протоколовъ, никакія свѣдѣнія о происходящемъ въ его засѣданіяхъ никогда не становятся достояніемъ публики. Кабинетъ есть въ дѣйствительности соединеніе верховныхъ лидеровъ партіи, побѣдившей на выборахъ, и нѣсколькихъ другихъ лицъ изъ парламентскаго же міра, которыхъ они или, вѣрнѣе, глава ихъ счелъ за благо кооптировать, во вниманіе къ ихъ талантамъ или къ ихъ вліянію, съ возложеніемъ на нихъ министерскихъ обязанностей или даже номинальной должности. Слова Гладстона объ англійской конституціи: Time was its parent, silence was its nurse (время ее породило, молчаніе ее вскормило), еще болѣе примѣнимы къ кабинету. Выдѣлившись негласно изъ тайнаго совѣта короля, слишкомъ многочисленнаго для того, чтобы давать монарху интимные совѣты, кабинетъ въ продолженіе двухъ вѣковъ постепенно и незамѣтно соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ нити государственнаго правленія и парламентской жизни. Составленный первоначально изъ довѣренныхъ лицъ короля, кабинетъ, опираясь на своихъ единомышленниковъ въ парламентѣ, съ теченіемъ времени занялъ по отношенію къ коронѣ положеніе, все менѣе и менѣе зависимое. Съ другой стороны, являясь представителемъ короны и носителемъ исполнительной власти, онъ утвердилъ свое вліяніе надъ парламентомъ. Это было тѣмъ легче для него, что узость избирательной базы палаты общинъ до 1832 г. не давала ей большого авторитета: она не представляла общественное мнѣніе страны, а состояла въ громадномъ большинствѣ изъ ставленниковъ аристократіи и короны. Принадлежавшее послѣднимъ вліяніе на депутатовъ, проведенныхъ ими, сосредоточилось въ рукахъ кабинета, благодаря тому, что члены послѣдняго были министрами короны и въ то же время главами аристократическихъ клановъ, боровшихся за власть. За рѣдкими исключеніями, кабинеты составлялись сплошь изъ лидеровъ аристократіи [1]), и члены палаты общинъ слѣдовали за ними, толкаемые если не личными выгодами (коррупція въ парламентѣ процвѣтала въ XVIII-мъ вѣкѣ), то соціальной дис-

---

1) Такъ «великій коммонеръ» Питтъ старшій былъ главой кабинета, но всѣ остальные члены были лорды.

циплиной, связывавшей весь кланъ. Министры были, поэтому, почти диктаторами палаты. Какъ Робертъ Лоу вспоминалъ въ 1865-мъ году, министру дореформенной эпохи достаточно было сказать: «я не могу согласиться на такую комиссію», чтобы сдѣланное въ парламентѣ предложеніе объ учрежденіи этой комиссіи моментально отпало.

Послѣ 1832-го года власть кабинета пошла на убыль, вслѣдствіе перемѣнъ, внесенныхъ реформой въ характеръ парламента: благодаря допущенію среднихъ классовъ къ избирательному праву, палата стала представлять просвѣщенное общественное мнѣніе, сдѣлалась независимой, и помыкать ею стало безконечно труднѣе. Новыя политическія условія, развернувшіяся если не тотчасъ, то въ скоромъ времени, какъ бы провозгласили лозунгъ, брошенный недавно и въ совершенно другой обстановкѣ съ трибуны юнаго парламента: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной». Зависимость кабинета отъ парламентскаго большинства обрисовалась ярко и запечатлѣла собою весь періодъ времени между реформой 1832 г. и демократической реформой 1867 г.—золотой вѣкъ англійскаго парламентаризма. Даже такіе могучіе премьеры, какъ Пиль и Пальмерстонъ не могли повернуть вспять новаго теченія. За указанныя 35 лѣтъ министерство перемѣнилось восемь разъ, и въ семи случаяхъ оно было свергнуто палатой совершенно независимо отъ постороннихъ вліяній.

Порядокъ вещей, порожденный реформой 1867 г., опять поднялъ власть кабинета и вознесъ ее на небывалую высоту. Это произошло главнымъ образомъ благодаря тому, что вновь наступили условія аналогичныя существовавшимъ до 1832 г.: палата снова состояла изъ людей, лишенныхъ независимости, а власть тѣхъ, отъ кого они зависѣли, была въ распоряженіи кабинета. Перемѣнился лишь источникъ зависимости: депутаты зависѣли отнынѣ не отъ аристократіи и не отъ короны, а отъ демоса и отъ кокуса партіи, силъ тѣмъ болѣе могучихъ, что онѣ выходили изъ нѣдръ народныхъ. Какимъ образомъ эти новыя силы, вмѣстѣ съ необходимостью обезпечить во что бы то ни стало работоспособность палаты, придавили депутатовъ и поставили ихъ подъ команду партійныхъ лидеровъ—это мы уже знаемъ. Намъ остается только повторить, что верховенство кабинета явилось логическимъ послѣдствіемъ создавшихся новыхъ условій, парламентскихъ и внѣпарламентскихъ, безъ того чтобы кабинеты стремились, изъ властолюбія или презрѣнія къ парламенту, расширить свои функціи и свое вліяніе. Поэтому палата смотрѣла безъ

особенной тревоги на возраставшее значеніе кабинета, тѣмъ болѣе, что теорія безусловной отвѣтственности министровъ осталась неприкосновенной.

Полнота министерской отвѣтственности сдѣлала кабинетъ доминирующимъ по отношенію къ коронѣ еще болѣе, чѣмъ по отношенію къ парламенту. Этому особенно благопріятствовало то обстоятельство, что на престолѣ находилась столь долго, вплоть до начала настоящаго вѣка, женщина—королева Викторія. Потерявъ въ 1861 году своего мужа, принца Альберта, бывшаго ея совѣтникомъ и вдохновителемъ въ государственныхъ дѣлахъ, она осталась одинокой на тронѣ и не могла противостоять властнымъ премьерамъ своимъ. Основываясь на томъ, что онъ отвѣчаетъ за всѣ дѣйствія королевы, кабинетъ лишилъ ее окончательно, въ теченіе полувѣка, права дѣйствовать помимо него. Можно сказать, что онъ присвоилъ себѣ почти всѣ прерогативы короны, такъ что въ дѣйствительности послѣднія обозначаютъ прерогативы, осуществляемыя кабинетомъ отъ имени короны, но по его иниціативѣ и его усмотрѣнію. О правахъ короны, относящихся къ верховному управленію, независимому отъ парламента (King in Council— король въ совѣтѣ, въ отличіе отъ King in Parliament — король въ парламентѣ), и осуществляемыхъ со скрѣпою министровъ, говорить нечего. Но и права короны, которыя монархъ осуществляетъ самолично, безъ министерской скрѣпы, сдѣлались достояніемъ кабинета. Во главѣ ихъ находится право распущенія парламента, являющееся регуляторомъ всего парламентскаго строя. Въ 1868 г. едва ли не въ послѣдній разъ проявилось активное участіе короны въ роспускѣ палаты общинъ. Право назначенія министровъ, также относящееся къ той категоріи правъ, которыя монархъ осуществляетъ самолично, тоже перешло окончательно въ руки кабинета. Въ 1892 г. королева Викторія воспротивилась включенію депутата Лабушера въ кабинетъ, и Гладстонъ, изъ уваженія къ престарѣлой королевѣ, не настоялъ на своемъ. Это былъ послѣдній случай королевскаго вмѣшательства. Король Эдуардъ VII попробовалъ было протестовать въ 1905 г. противъ назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ Винстона Черчилля, котораго онъ зналъ мальчикомъ съ игрушечной лошадкой и потому считалъ неподходящимъ для такого высокаго поста,—но долженъ былъ уступить. Осуществляя полностью всѣ обычныя королевскія прерогативы, кабинетъ завладѣлъ также и чрезвычайными прерогативами, называемыми иногда «запасными правами короны», и хотя не отмѣненными формально, но давно уже не

осуществляемыми. Оставляя конституціоннымъ юристамъ рѣшить споръ о томъ, потеряли ли эти прерогативы силу или нѣтъ, кабинетъ взялъ изъ арсенала короны нѣкоторые изъ этихъ заржавленныхъ мечей и опоясалъ себя ими. Такъ въ 1871 г. отмѣна продажи офицерскихъ чиновъ, отвергнутая палатой лордовъ, проведена была Гладстономъ силой королевской прерогативы. Точно такъ же проведена была въ 1908-мъ году Бальфуромъ реорганизація военнаго вѣдомства. Въ 1911-мъ году Асквитъ выдвинулъ королевскую прерогативу назначенія пэровъ, чтобы заставить палату лордовъ принять билль, ограничившій ея права.

Окончательное утвержденіе кабинета въ его почти диктаторской власти можно отмѣтить датою 1885-го года. Но около того же времени власть эта ускользнула отъ кабинета въ полномъ его составѣ. Онъ сталъ слишкомъ многочисленъ—число его членовъ доходило до 20—и разношерстенъ для конфиденціальнаго совѣщанія, и изъ него выдѣлилась, какъ нѣкогда кабинетъ изъ Тайнаго Совѣта, небольшая группа, составленная изъ премьера и нѣсколькихъ довѣренныхъ коллегъ. Она взяла въ свои руки всю политику кабинета, образовала въ его средѣ an innér circle (внутренній кругъ) или the inner Cabinet—внутренній кабинетъ; остальные члены кабинета составили the outer Cabinet—внѣшній кабинетъ. Послѣднему приходится лишь принимать къ руководству и къ исполненію то, что the inner Cabine постановляетъ, хотя министры считаются солидарными и коллективно отвѣтственными за дѣйствія всего кабинета.

Но централизація въ кабинетѣ пошла еще дальше: его вліяніе и власть воплотились въ единомъ лицѣ перваго министра, хотя ни званіе его, ни функціи его неизвѣстны закону [1]). Первый министръ росъ вмѣстѣ съ кабинетомъ и наконецъ переросъ его. Новыя условія политической жизни, возвеличившія лидеровъ и создавшія вокругъ нихъ атмосферу цезаризма, уготовили первому министру исключительное положеніе и въ кабинетѣ, и въ парламентѣ. Въ демократическую эпоху, когда кабинетъ почти весь былъ составленъ изъ членовъ аристократіи или примыкавшей къ ней высшей буржуазіи, глава кабинета былъ только primus inter pares, теперь его власть опиралась на народныя массы, поднявшія его на щитъ, и онъ превратился въ генералиссимуса, командующаго арміей, связанной по всей линіи

1) Выраженіе «первый министръ» употреблено было оффиціально въ первый разъ въ Берлинскомъ трактатѣ 1878 г., гдѣ Биконсфильдъ подписался Prime Minister of England. Затѣмъ недавно, въ 1905 г., особымъ королевскимъ указомъ «первый министръ» поставленъ въ церемоніалѣ вслѣдъ за архіепископами.

quasi-военной дисциплиной. Къ этимъ общимъ условіямъ присоединились личныя качества первыхъ премьеровъ новой эпохи— Дизраэли (Биконсфильда) и Гладстона, властныхъ, величественныхъ и силой генія вознесенныхъ на недосягаемую высоту. Окружавшее ихъ восторженное удивленіе и почитаніе подняло ихъ высоко даже надъ ближайшими соратниками и сотрудниками, привыкшими взирать на нихъ почти благоговѣйно и трепетно [1]. Ихъ преемники, и не обладая ихъ исключительными качествами, унаслѣдовали ихъ престижъ; онъ остался связанымъ съ должностью и сохранялся даже въ личныхъ отношеніяхъ, держа на почтительномъ разстояніи рядового депутата отъ верховнаго лидера [2]. Если премьеръ—человѣкъ менѣе рѣшительный и властный, если онъ имѣетъ въ своемъ кабинетѣ такихъ крупныхъ людей, какъ напр. Джозефъ Чемберленъ въ кабинетѣ Бальфура или Ллойдъ Джорджъ въ кабинетѣ Асквита, то власть его не всегда проявляется такъ ярко, но она никогда не стушевывается. Правда, Гладстонъ, всѣхъ болѣе способствовавшій установленію новыхъ отношеній, писалъ въ 1878-мъ году:

1) Въ біографіи лорда Иддеслея (Life... by Andrew Lang), болѣе извѣстнаго подъ именемъ сэра Стаффорда Норткота, одного изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ людей консервативной партіи второй половины XIX-го вѣка, бывшаго министромъ въ кабинетѣ Дизраэли, приведены выдержки изъ дневника его, содержащія въ себѣ, между прочимъ, описаніе визита, сдѣланнаго имъ Биконсфильду въ его помѣстьѣ. Отъ всего разсказа вѣетъ высокопочитаніемъ, сэръ Стаффордъ точно ходитъ все время на цыпочкахъ; въ интимномъ дневникѣ, писанномъ для себя, онъ всегда называетъ Биконсфильда the chief (начальникъ); онъ не забываетъ упомянуть и такія мелочи, какъ то, что Биконсфильдъ выслалъ ему лошадей на станцію; онъ, повидимому, доволенъ вниманіемъ, оказаннымъ ему—ему, который самъ былъ вице-лидеромъ партіи и представителемъ одной изъ старинныхъ фамилій южной Англіи. Отношенія сотрудниковъ Гладстона къ нему запечатлѣны были не меньшей почтительностью. Припоминаю по этому поводу анекдотъ, разсказанный мнѣ знакомыми Гладстона лѣтъ 25 тому назадъ: одинъ политическій дѣятель, бывшій товарищемъ министра въ министерствѣ Гладстона, а впослѣдствіи и членомъ кабинета его, и занимавшій притомъ большое положеніе въ литературѣ, встрѣтилъ однажды Гладстона по дорогѣ въ парламентъ, въ началѣ Parliament street. Великій мужъ вперилъ свой взоръ въ пространство; на челѣ его была печать глубокой думы. Поздоровавшись съ нимъ, соратникъ его сказалъ: г. Гладстонъ, я не буду Вамъ мѣшать, я буду только итти рядомъ съ Вами. И въ глубокомъ молчаніи они прошли вдвоемъ всю улицу. Когда они ступили на крыльцо парламента, Гладстонъ обернулся къ своему спутнику и съ торжествующимъ видомъ сказалъ ему: а я насчиталъ за это время столько-то каретъ, проѣхавшихъ по Parliament street.

2) Противоположныя отношенія, повидимому, считаются необычными и достойными быть отмѣченными. Одинъ крупный государственный человѣкъ и парламентскій ветеранъ, недавно умершій, бесѣдуя со мной, незадолго до своей смерти, о парламентскихъ нравахъ, съ особенной силой подчеркиваетъ обходительность лидера одной изъ двухъ большихъ партій. И до чего она доходитъ: «въ буфетѣ парламента онъ разговариваетъ съ депутатами, даже лично съ нимъ незнакомыми». «И вообразите—прибавилъ лукаво мой собесѣдникъ,—это ему не приноситъ несчастья».

«Глава британскаго правительства не есть великій визирь; онъ не имѣетъ власти, въ точномъ смыслѣ этого слова, надъ своими коллегами». Слова эти и тогда уже не отвѣчали дѣйствительности. Гораздо ближе къ послѣдней опредѣленіе, данное въ 1904 г., въ засѣданіи парламента, однимъ изъ будущихъ членовъ слѣдующаго министерства: «Конституція претерпѣла серьезное измѣненіе. Правленіе чрезъ парламентъ перестало существовать; оно уступило мѣсто правленію чрезъ кабинетъ; и, говорятъ, совершилось даже новое измѣненіе, теперь мы имѣемъ правленіе чрезъ перваго министра въ кабинетѣ»...

М. Острогорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).



ФРАНЦУЗСКІЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ НАЧАЛА XIX ВѢКА ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

I.

«Изученіе политическихъ партій въ началѣ XIX вѣка приводитъ насъ къ выводу, что нѣтъ книги о французскихъ либералахъ (un livre manque sur les libéraux français)». Такими словами начинаетъ свою, недавно (1910) вышедшую въ свѣтъ книгу о Токвилѣ новый французскій историкъ Марсель [1]). Нельзя не признать справедливость такого приговора. Конечно, это не значитъ, что о либеральной партіи ничего не было написано; но все до сихъ поръ написанное о либеральной партіи неудовлетворительно съ точки зрѣнія строгихъ требованій исторической науки. Несомнѣнно, въ исторіографіи существуетъ пробѣлъ, и только въ будущемъ можно ожидать полнаго освѣщенія судебъ французскаго либерализма, когда, съ одной стороны, собраны будутъ хранящіеся въ архивахъ документальные источники для его исторіи, а съ другой, изслѣдователи будутъ обращаться къ этому предмету не въ цѣляхъ апологіи, полемики, либо политическаго поученія, а ради познанія объективной истины, sine ira et studio, памятуя, что scribitur historia ad narrandum, non ad probandum.

Начало такому изслѣдованію прошлаго либеральной партіи во Франціи положено молодымъ русскимъ ученымъ, В. А. Бутенко, въ его прекрасной книгѣ: «Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи», первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ въ началѣ текущаго года. О ней была уже помѣщена въ «Вѣст-

1) Pierre Marcel. Essai politique sur Alexis de Tocqueville.

никѣ Европы» (май) небольшая замѣтка, да и съ авторомъ книги читатели журнала имѣли возможность познакомиться по двумъ его статьямъ изъ той же эпохи реставраціи, которыя были напечатаны на страницахъ «Вѣстника Европы» [1]). И трудъ г. Бутенко, и предметъ, которому онъ посвященъ, заслуживаютъ, однако, того, чтобы еще разъ обратить на нихъ вниманіе читателей.

Г. Бутенко очень обстоятельно изучилъ литературу предмета, о чемъ свидѣтельствуетъ исторіографическій очеркъ, предпосланный самому изложенію и занимающій около 50 страницъ. И исторія разработки эпохи реставраціи во Франціи, и современное состояніе вопросовъ, входящихъ въ составъ этой общей темы, представлены съ большою полнотою [2]) и, что особенно важно, съ совершенною самостоятельностью научнаго сужденія, указывающею на то, что авторъ—настоящій хозяинъ въ избранной имъ области. Можно только пожалѣть, что въ своемъ исторіографическомъ очеркѣ онъ ограничился одною французскою литературою; немалый интересъ представляетъ, несомнѣнно, и отношеніе къ реставраціи историковъ другихъ странъ, особенно историковъ нѣмецкихъ — Гервинуса, Рохау, Гиллебранда, Альфреда Штерна и др. Кромѣ того, быть можетъ, автору нужно было бы дать болѣе подробную критическую характеристику тѣхъ архивныхъ источниковъ, сочиненіями которыхъ онъ всего больше пользовался въ своей книгѣ. Прибавляю, однако, что большого ущерба отъ обоихъ пробѣловъ для книги не произошло [3]).

Одно изъ крупныхъ достоинствъ труда г. Бутенко заключается въ томъ, что, не довольствуясь изученіемъ печатнаго матеріала, который былъ извѣстенъ и его предшественникамъ, онъ привлекъ къ дѣлу совершенно новый матеріалъ, найденный имъ, главнымъ образомъ, въ парижскомъ національномъ архивѣ, въ картонахъ съ бумагами, касающимися политическихъ выборовъ, съ административными донесеніями объ общественномъ настроеніи (esprit public), съ рапортами прокуроровъ о процессахъ по дѣламъ печати и т. п. Цѣлые ряды страницъ основаны

1) Статья о „Безподобной палатѣ" (ноябрь 1912) и изъ исторіи французскаго законодательства о печати, (августъ 1913).

2) Авторъ почему-то пропустилъ только вступительную часть «Исторіи десяти лѣтъ» Луи Блана.

3) См. объ этомъ въ моей рецензіи въ первомъ выпускѣ «Научнаго Историческаго Журнала».

у г. Бутенко почти исключительно или преимущественно на архивныхъ данныхъ; многое изъ нихъ приведено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, кое-что напечатано цѣликомъ въ приложеніяхъ. Мнѣ кажется, что этотъ новый матеріалъ автору нужно было бы охарактеризовать съ точки зрѣнія его достовѣрности и его значенія рядомъ съ другими источниками для исторіи эпохи.

Не только свѣжій матеріалъ выгодно отличаетъ трудъ г. Бутенко отъ многихъ другихъ, посвященныхъ данной эпохѣ, но и его точка зрѣнія. Въ исторіографическомъ очеркѣ онъ отмѣтилъ существованіе двухъ интересовъ къ предмету его изслѣдованія — политическаго и историческаго, справедливо указавъ, при этомъ, что французскіе писатели лишь съ трудомъ переходили съ первой точки зрѣнія на вторую, научно-объективную. Конечно, для иностранца, какимъ г. Бутенко является по отношенію къ Франціи, неизмѣримо легче было не поддаваться въ изученіи своего предмета вліянію злобы дня, и въ этомъ отношеніи было бы особенно интересно сопоставить французскія сужденія объ эпохѣ съ сужденіями историковъ, принадлежавшихъ къ другимъ націямъ. Я не думаю, чтобы отсюда могли получиться какіе-либо особенно важные результаты для освѣщенія самой эпохи, но это дало бы возможность еще лучше оттѣнить тѣ двѣ точки зрѣнія, которыя въ данномъ вопросѣ различаетъ авторъ. Я думаю, что не у однихъ только французскихъ писателей авторъ могъ бы обнаружить желаніе не столько изслѣдовать прошлое, сколько поучать современниковъ.

Широкая постановка темы и привлеченіе къ изслѣдованію новаго матеріала имѣли слѣдствіемъ то, что книга г. Бутенко заключаетъ въ себѣ много новаго и въ смыслѣ дотолѣ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ фактовъ, и въ смыслѣ выводовъ или поправокъ, вносимыхъ авторомъ въ обобщенія, частныя сужденія и приговоры другихъ, писавшихъ о затронутыхъ имъ предметахъ. Можно только пожалѣть, что г. Бутенко одну изъ важныхъ составныхъ частей своей темы отложилъ до второго тома, въ которомъ должна быть изложена исторія либеральной партіи во Франціи съ 1820 по 1830 г. Я говорю о соціальной сторонѣ исторіи эпохи. Быть можетъ, было бы лучше, если бы авторъ далъ читателямъ изложеніе этой стороны теперь же. Во всякомъ случаѣ, ея отсутствіе въ первомъ томѣ даетъ читателю право считать себя не вполнѣ неудовлетвореннымъ; послѣднее же слово принадлежитъ автору, и судить его можно будетъ только по выходѣ въ свѣтъ второго тома. Пока достаточно того, что онъ сознаетъ

важность вопроса, самъ его прямо ставитъ, обѣщаетъ его разсмотрѣть во второй части изслѣдованія, а мѣстами и въ первой мимоходомъ его касается, гдѣ къ тому былъ болѣе или менѣе прямой поводъ. Я позволилъ бы себѣ даже высказать предположеніе такого рода. Соціальная (и соціально-экономическая) сторона французской исторіи начала XIX в. такъ мало изслѣдована, что здѣсь г. Бутенко приходилось чуть не все создавать вновь, и, быть можетъ, онъ поступилъ вполнѣ благоразумно, отстрочивъ опубликованіе этого отдѣла своего изслѣдованія, дабы еще поработать надъ темой и воспользоваться для нея матеріаломъ, собраннымъ для второго тома.

Съ другой стороны, читатель книги г. Бутенко можетъ считать себя вознагражденнымъ стройностью плана, положеннаго въ ея основу, и литературностью изложенія. Книга читается съ большимъ интересомъ и очень легко: ея успѣхъ у любителей историческаго чтенія нужно считать обезпеченнымъ. Хотя авторъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы давать какое-либо политическое поученіе или наставленіе, самый предметъ его научнаго изслѣдованія—дѣятельность либеральной партіи въ эпоху крайней реакціи—имѣетъ близкое отношеніе къ запросамъ современности, къ злобѣ текущаго дня. Это также можетъ дать книгѣ г. Бутенко нѣкоторое количество читателей.

Въ своемъ трудѣ или, вѣрнѣе, въ имѣющейся уже его части г. Бутенко изучаетъ сравнительно очень небольшой періодъ времени. Если исключить исторіографическое введеніе и вступительную главу, въ которой говорится о либеральныхъ теченіяхъ во Франціи до эпохи реставраціи (что вмѣстѣ составляетъ около девяноста страницъ), все остальное въ текстѣ книги, почти пятьсотъ страницъ, относится къ періоду въ какія-нибудь шесть лѣтъ. Это сопоставленіе большихъ размѣровъ книги съ краткостью обслѣдованнаго въ ней періода времени уже само по себѣ служитъ указаніемъ на то, съ какою подробностью авторъ излагаетъ исторію эпохи, особенно, если мы примемъ еще въ расчетъ, что книга является отнюдь не общей исторіей эпохи, а исторіей только одной политической партіи въ данный періодъ времени. Автора интересуетъ, кто были предшественники либерализма временъ реставраціи и почему только послѣ возвращенія Бурбоновъ партія пріобрѣла крупное историческое значеніе. Онъ слѣдитъ, далѣе, за дѣятельностью либераловъ и за судьбой ихъ усилій во время первой реставраціи и «ста дней», а равнымъ образомъ и въ дни «безподобной» палаты. Раздвоеніе партіи на доктринеровъ и независимыхъ, происшедшее около этого

времени, заставляетъ автора въ дальнѣйшемъ, т. е. для 1816—1820 гг., разсматривать тѣхъ и другихъ отдѣльно, при чемъ особенно подробно онъ останавливается на независимыхъ, какъ на либералахъ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Доктринерамъ отведена въ книгѣ одна глава, независимымъ—цѣлыхъ три. Эта послѣдняя партія окончательно сформировалась, какъ доказываетъ г. Бутенко, лишь въ 1817—1818 г. Прежде всего, онъ знакомитъ читателя съ теоретиками партіи, т. е. съ политическими идеями и съ программой либераловъ, чтобы перейти затѣмъ къ характеристикѣ вождей партіи и обслуживавшихъ ее органовъ прессы. Здѣсь, по самому существу дѣла, г. Бутенко опирался на печатный матеріалъ; но когда онъ потомъ переходитъ къ вопросамъ объ организаціи партіи, о ея участіи въ выборныхъ кампаніяхъ, о парламентской ея тактикѣ, онъ широко пользуется тѣмъ архивнымъ матеріаломъ, о которомъ было сказано выше. Онъ изображаетъ здѣсь успѣхи партіи, окончившіеся въ 1820 г. пораженіемъ, отъ котораго французскій либерализмъ эпохи реставраціи долго не могъ оправиться.

Таковы внѣшнія рамки изслѣдованія г. Бутенко. Въ книгѣ много новаго, но, конечно, это не значитъ, что въ ней все ново или одинаково ново. Напримѣръ, политическіе писатели эпохи реставраціи или тогдашняя періодическая пресса—темы много разъ затронутыя, источники для нихъ—печатные, давно извѣстные, и искать здѣсь чего-либо неизвѣстнаго, понятно, не приходится. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить, что г. Бутенко вполнѣ самостоятельно переработалъ весь этотъ матеріалъ — печатные политическіе трактаты эпохи [1]), тогдашнюю брошюрную прессу, газетныя статьи—и внесъ въ историческое изображеніе эпохи не мало новыхъ черточекъ. Цѣлые ряды страницъ, написанныхъ на основаніи неизданнаго матеріала, даютъ иногда или одно новое, или исправленія прежнихъ невѣрныхъ мнѣній, и притомъ не по отношенію къ одной только либеральной партіи. Авторъ изучалъ ее на фонѣ общей исторіи эпохи, многіе факты которой и мнѣнія объ этихъ фактахъ онъ подвергъ критической провѣркѣ. Не всѣ читатели будутъ въ состояніи оцѣнить то, что въ данномъ отношеніи сдѣлано русскимъ изслѣдователемъ реставраціи. Большинство читателей историческихъ работъ интересуется ихъ конечными результатами, иногда совсѣмъ не обращая вниманія на пути, приведшіе къ этимъ результатамъ, на критику прежнихъ взглядовъ, на ихъ устраненіе новыми данными или новыми сообра-

1) По непонятной причинѣ авторъ совсѣмъ обошелъ взгляды г-жи Сталь.

женіями, на поправки, вносимыя въ установившіяся мнѣнія. Но научная критика совершала бы, однако, большую несправедливость, если бы не отмѣчала такъ или иначе этой стороны историческихъ изслѣдованій.

Въ дальнѣйшемъ мы намѣрены остановиться, главнымъ образомъ, на общихъ выводахъ, къ которымъ приходитъ въ своемъ трудѣ новый русскій историкъ Франціи, отнынѣ могущій считаться однимъ изъ наиболѣе солидныхъ изслѣдователей прошлаго этой страны; но предварительно мы считаемъ нужнымъ хотя бы перечислить наиболѣе важныя мѣста книги, гдѣ г. Бутенко съ несомнѣнною выгодою для исторической науки отступаетъ отъ своихъ предшественниковъ и вообще устанавливаетъ новыя положенія.

Сюда, слѣдуя порядку изложенія, нужно, прежде всего, отнести опроверженіе мнѣнія многихъ историковъ реставраціи, будто все французское общество въ 1814 г. желало конституціи на англійскій манеръ, къ чему мы еще вернемся. Очень интересны страницы (103 и слѣд.) о сенатской конституціи 1814 г., которая, какъ никогда не вступавшая въ дѣйствіе, раньше не привлекала вниманія историковъ. Ея анализъ въ трудѣ г. Бутенко представляетъ собою нѣчто новое; въ особенности цѣнно указаніе, во-первыхъ, на неотмѣченную прежними историками реставраціи ту эволюцію въ сторону усиленія монархической власти, которую совершила выработка новаго государственнаго устройства со времени сенатской конституціи до момента изданія хартіи; и во-вторыхъ, на отголоски конституціи 1791 г., видное въ нѣкоторыхъ пунктахъ сенатской конституціи. Ново, равнымъ образомъ, указаніе на тѣ пункты хартіи 1814 г., на которыхъ сказалось вліяніе наполеоновскихъ конституцій.

Большой интересъ представляютъ, затѣмъ, страницы (157 и слѣд.), гдѣ г. Бутенко, широко пользуясь своими архивными выписками, говоритъ объ общественномъ настроеніи въ провинціи во время первой реставраціи и о враждебныхъ правительству демонстраціяхъ того времени. Говоря о происхожденіи наполеоновскаго дополнительнаго акта (стр. 179 и слѣд.), онъ поправляетъ мнѣнія новѣйшаго историка этой затѣи Наполеона, Радиге, который не съумѣлъ, какъ слѣдуетъ, отнестись къ имъ же самимъ опубликованнымъ документамъ [1]). Въ приложеніяхъ авторъ напечаталъ, по рукописи Національнаго архива, интересный проектъ конституціоннаго акта, представленный центральной комиссіей палатѣ представителей 29 іюня 1815 года (съ прибавленіями

[1]) Авторъ вообще во многихъ случаяхъ критикуетъ и поправляетъ Радиге.

рукою Манюэля). Въ томъ же архивѣ г. Бутенко нашелъ массу данныхъ административнаго и полицейскаго происхожденія для характеристики отношенія различныхъ классовъ общества къ Наполеону и его правительству въ эпоху ста дней, и на основаніи этого матеріала написалъ нѣсколько очень интересныхъ страницъ (212 и слѣд.). Столь же важный архивный матеріалъ использованъ имъ и для рѣшенія вопроса о выборахъ въ палату представителей 1815 г. (стр. 221 и слѣд.). Большое значеніе имѣетъ также мѣсто (стр. 233 и слѣд.), гдѣ говорится о палатѣ ста дней, къ которой прежніе историки отнеслись пренебрежительно, несмотря на ея важную роль въ исторіи либерализма, выясненную теперь авторомъ. На основаніи обильнаго архивнаго матеріала онъ изображаетъ и состояніе общественнаго мнѣнія во Франціи въ эпоху «безподобной» палаты и послѣ ея роспуска, и результаты выборовъ 1816 г., иногда поправляя попутно взгляды историковъ на эти вопросы. Напр., онъ указываетъ, что на борьбу партій въ окружныхъ коллегіяхъ историки вовсе не обратили вниманія и потому неправильно изображали тактику либераловъ на выборахъ 1816-го года. Цѣлое изслѣдованіе предпринялъ г. Бутенко по вопросу о составѣ партіи независимыхъ, о которомъ прежніе историки, какъ онъ успѣшно доказываетъ, имѣли невѣрныя представленія. Рядомъ архивныхъ данныхъ пользуется авторъ для исторіи попытокъ либеральной партіи создать себѣ прочную организацію, равно какъ для исторіи либеральной агитаціи въ департаментахъ. Избирательныя кампаніи либеральной партіи въ 1816—1820 гг. также освѣщены въ книгѣ на основаніи большого количества архивныхъ данныхъ, касающихся, между прочимъ, правительственнаго вліянія на выборы (стр. 515 и слѣд.). Разборомъ архивныхъ документовъ авторъ опровергаетъ обвиненіе независимыми министерства Дессоля въ томъ, будто оно само провоцировало подачу петицій, съ цѣлью остаться у власти. Впрочемъ, всѣхъ случаевъ, когда авторъ преимущественно пользуется архивнымъ матеріаломъ, и не перечтешь.

II.

Исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи В. А. Бутенко предпосылаетъ очеркъ либеральныхъ теченій до того періода времени, который разсматривается въ его книгѣ. Онъ даетъ лишь самую общую характеристику либерализма въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., нужную ему для выясненія генезиса тѣхъ принци-

повъ, которые составляли основу идеологіи либерализма [1]. Настоящимъ его духовнымъ отцомъ онъ правильно считаетъ Монтескьё, формулировавшаго и основной догматъ либерализма—обезпеченіе за личностью извѣстныхъ правъ, и другую характерную его черту—недовѣріе къ непосредственной демократіи, выставившаго ученіе о раздѣленіи властей и указавшаго на англійскую конституцію, какъ на наиболѣе полное воплощеніе высказанныхъ имъ принциповъ. Уже въ началѣ революціи среди ея дѣятелей можно обнаружить восходящее къ Монтескьё теченіе чистаго либерализма, съ которымъ конкурировало другое, стремившееся «примирить доктрину Монтескьё съ доктриной Руссо, либеральную идею—съ демократической, индивидуальную свободу—съ народовластіемъ». Оба эти теченія пережили всѣ бури революціи и деспотизмъ Наполеона и опять возродились въ эпоху реставраціи. Сначала, именно до 1820 г., на которомъ останавливается первый томъ труда г. Бутенко, эти теченія добивались своего каждое отдѣльно, затѣмъ слились въ общемъ руслѣ конституціонной оппозиціи, но потомъ, вслѣдъ за переворотомъ 1830 г., снова раздѣлились. Установивъ эти двѣ группы либераловъ временъ революціи, авторъ указываетъ, что въ рядахъ либеральной партіи эпохи реставраціи мы не находимъ ни одного изъ уцѣлѣвшихъ представителей первой, умѣренной группы, но тѣмъ не менѣе можемъ смотрѣть на нее, какъ на прямую политическую предшественницу доктринеровъ реставраціи, оказавшую вліяніе и на міросозерцаніе «либераловъ въ узкомъ смыслѣ слова» (т. е. независимыхъ). Такимъ образомъ, В. А. Бутенко устанавливаетъ среди либеральныхъ дѣятелей революціи двѣ категоріи, изъ которыхъ въ одной видитъ предшественниковъ доктринеровъ, такъ и либераловъ въ узкомъ смыслѣ, дѣйствовавшихъ на политической сценѣ въ разсматриваемую имъ эпоху. Однако, если, по его мнѣнію, первая группа дѣятелей революціи и оказала вліяніе на политическое міросозерцаніе либераловъ въ узкомъ смыслѣ, то это относится, главнымъ образомъ, къ прославленію англійской конституціи; въ остальномъ родоначальниками ихъ были представители болѣе демократическаго направленія первой поры революціи; нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и въ рядахъ оппозиціи временъ реставраціи (Ларошфуко-Ліанкуръ, Лафайетъ, Буасси д'Англа, Ланжюннэ, братья Ламеты и др.). Что касается Мирабо, то, по мнѣнію г. Бутенко, онъ, какъ человѣкъ, стоявшій особнякомъ отъ обѣихъ группъ, не оказалъ вліянія ни на одну изъ либеральныхъ партій реставраціи. Это

[1] Нельзя не выразить сожалѣнія, что для этого очерка авторъ не воспользовался такими книгами, какъ «Идея государства» Анри Мишеля или «Исторія личной свободы во Франціи» Лакретеля.

очень вѣроятно, но авторъ такого своего мнѣнія подробно не доказываетъ.

Нѣкоторые изъ родоначальниковъ будущихъ «независимыхъ» временъ реставраціи, послѣ крушенія конституціонной монархіи, примкнули въ 1792 г. къ республикѣ, въ которой и стремились реализовать свои либеральныя стремленія. Сколько-нибудь благопріятныя условія для этого наступили лишь послѣ паденія Робеспьера. Въ ту группу конвента, которая послѣ 9 термидора объединилась на почвѣ идеала либеральной республики, вошли и бывшіе демократическіе конституціоналисты, и уцѣлѣвшіе во время террора жирондисты, и такъ называемые «идеологи», послѣдніе представители философскаго движенія XVIII вѣка. Непосредственнымъ результатомъ этой коалиціи (съ прибавкою умѣренныхъ термидоріанцевъ) была конституція III-го года, типичными чертами которой авторъ называетъ недовѣріе къ непосредственной демократіи и желаніе поставить на болѣе прочную почву вопросъ о гарантіяхъ личной свободы. Отмѣчая это послѣднее обстоятельство, онъ долженъ былъ бы прибавить, что, въ сущности, такая позиція была возвращеніемъ къ точкѣ зрѣнія тѣхъ членовъ учредительнаго собранія, которыхъ онъ причисляетъ къ умѣренно-либеральному направленію въ духѣ Монтескьё. Нужно было бы еще, по моему мнѣнію, оговориться, что подведеніе тѣхъ или другихъ дѣятелей революціи подъ устанавливаемыя авторомъ категоріи не можетъ имѣть безусловнаго значенія. Наприм., Ланжюннэ авторъ называетъ и въ группѣ конституціоналистовъ 1791 г., и въ числѣ жирондистовъ, Дону— и среди жирондистовъ, и среди идеологовъ.

Либерализмъ конституціи III-го года былъ совсѣмъ иной, чѣмъ либерализмъ конституціи 1791 г. Авторы первой не осмѣлились порвать съ традиціей исключительныхъ мѣръ, установившейся въ эпоху конвента, и «изъ боязни погубить соціальное дѣло революціи, изъ страха передъ соціальной реакціей не рѣшились сдѣлать логическихъ выводовъ изъ либеральныхъ положеній конституціи». Г. Бутенко останавливается на тактикѣ либеральной оппозиціи временъ директоріи и приходитъ къ выводу, что среди тогдашнихъ либераловъ было два теченія: одно, представленное преимущественно дѣятелями учредительнаго и законодательнаго собраній, было строго политическимъ и стремилось къ полному осуществленію индивидуальной и политической свободы, другое, примыкавшее къ жирондистамъ [1]) и «идео-

[1]) Противоположеніе жирондистовъ членамъ законодательнаго собранія грѣшитъ большою условностью.

логамъ», болѣе дорожило соціальной стороной революціи и готово было поступиться либеральными принципами. Переворотъ 18 фрюктидора былъ побѣдою второго теченія надъ первымъ, и въ числѣ лицъ, его одобрившихъ, былъ вождь будущихъ либераловъ эпохи реставраціи, Бенжаменъ Констанъ, видѣвшій въ переворотѣ неизбѣжное зло, но льстившій себя надеждою на конечное, несмотря на насильственный актъ, торжество идеала свободы. Та группа либераловъ, которая пострадала отъ переворота 18 фрюктидора, имѣла теперь въ своихъ составѣ много членовъ, разочаровавшихся въ республикѣ и начавшихъ думать о необходимости конституціонной монархіи, единственной способной водворить въ странѣ политическую свободу. Такую эволюцію совершили, напр., будущіе доктринеры Ройе-Колларъ и Камиллъ Жорданъ. Первый вошелъ въ составъ роялистическаго комитета, убѣждавшаго будущаго Людовика XVIII вступить на путь умѣренно-либеральной политики. Сношенія комитета съ графомъ Прованскимъ прекратились только передъ самымъ установленіемъ имперіи; затѣмъ это умѣренно-либеральное теченіе совсѣмъ сошло со сцены, чтобы снова выступить на нее только послѣ паденія имперіи.

Либерально-демократическое теченіе, представителями котораго были либеральные фрюктидоріанцы (конституціоналисты 1791 г., жирондисты и идеологи), пережили, по представленію г. Бутенко, болѣе сложную эволюцію. Переворотъ 18 фрюктидора вернулъ страну ко временамъ революціонной диктатуры, что вынудило либеральныхъ его сторонниковъ перейти въ оппозицію. Одни изъ нихъ, какъ и будущіе доктринеры, стали подумывать о возстановленіи монархіи, только не съ Бурбонами во главѣ; другіе (особенно «идеологи») находили нужнымъ создать новую республиканскую конституцію. Разочарованіе тѣхъ и другихъ въ конституціи III года сдѣлало возможнымъ единодушное сочувствіе приверженцевъ либеральныхъ идей къ coup d'état, совершенному Наполеономъ: въ числѣ сочувствовавшихъ были и Лафайетъ, и Бенжаменъ Констанъ, и братья Ламеты, и Дону съ другими «идеологами». Безъ сочувствія либеральныхъ фрюктидоріанцевъ, сдѣлавшихся брюмеріанцами, Наполеону, быть можетъ, и не удался бы его замыселъ. Авторъ останавливается на исторіи выработки консульской конституціи, въ которой, кромѣ Сійеса, большую роль игралъ Дону.

Послѣ 18 брюмера либералы стояли на сторонѣ его главнаго участника лишь очень короткое время. Наиболѣе видные изъ нихъ, какъ Б. Констанъ и Дону, перешли въ оппозицію,

главной задачею которой сдѣлалась борьба во имя свободы противъ деспотическихъ замашекъ новаго правительства. Съ установленіемъ имперіи всякая оппозиція, въ смыслѣ противодѣйствія правительству, во Франціи прекратилась. Мало того: многіе изъ числа либерально настроенныхъ людей до такой степени были теперь убѣждены въ неосуществимости своихъ идеаловъ, что считали возможнымъ служить абсолютной монархіи. Авторъ называетъ здѣсь нѣкоторыхъ дѣятелей либерализма, служившихъ Наполеону (Ал. Ламетъ, герц. Бройль, Войе д'Аржансонъ и др.). Отрицательное отношеніе къ правительству не шло далѣе «оппозиціи салоновъ», бывшей совершенно безопасною для власти, пока Наполеонъ не сталъ терпѣть неудачи. Тѣмъ не менѣе, «несмотря на отсутствіе какого бы то ни было внѣшняго проявленія, въ средѣ представителей либеральной школы существовала своя внутренняя жизнь, и ихъ политическая мысль продолжала работать подъ вліяніемъ жизненнаго опыта послѣднихъ лѣтъ». Деспотическая имперія начала XIX в. нанесла послѣдній ударъ республиканскимъ стремленіямъ; республиканская партія совсѣмъ исчезла. Если страхъ передъ народовластіемъ заставилъ либераловъ 1799 г. отказаться отъ настоящаго (выборнаго) народнаго представительства, то горькій опытъ научилъ ихъ теперь, что безъ этого представительства немыслимо осуществленіе другихъ пунктовъ ихъ программы. Гарантіей противъ эксцессовъ демократіи являлся теперь въ ихъ глазахъ имущественный цензъ. Политическимъ идеаломъ бывшихъ либеральныхъ республиканцевъ сдѣлалось нѣчто среднее между англійской конституціей и конституціей 1791-го года. Такъ какъ, съ другой стороны, правительство видимо покровительствовало бывшимъ эмигрантамъ и перекинувшимся на его сторону роялистамъ, и они все болѣе забирали силу, то въ либеральной средѣ возникали опасенія за новый соціальный строй, не имѣвшія, впрочемъ, основаній.

Такъ въ послѣдніе годы имперіи подготовлялась почва, на которой въ эпоху реставраціи должна была вырости либеральная партія. Подъ вліяніемъ общей политической и культурной реакціи тогдашніе представители либерализма рѣшительно порывали со многими революціонными традиціями, оставаясь, тѣмъ не менѣе, врагами деспотизма. На почвѣ этой вражды происходило даже нѣкоторое сближеніе между роялистами, не считавшими возможнымъ примириться съ Наполеономъ, и бывшими дѣятелями революціи, разочаровавшимися въ республикѣ, хотя далеко не всѣ представители либерализма желали, подобно Ройе-

Коллару, возстановленія Бурбоновъ на французскомъ тронѣ. Новое «credo» либераловъ въ эпоху паденія имперіи формулировалъ Б. Констанъ, въ своей брошюрѣ: «О духѣ завоеванія и узурпаціи». По мнѣнію нашего изслѣдователя, «значеніе выступленія законодательнаго корпуса во имя политической свободы сильно преувеличивалось послѣ паденія имперіи», хотя, конечно, оно было характернымъ симптомомъ пробужденія въ обществѣ либеральнаго движенія, возобновившаго борьбу за свои идеалы. «Внезапная реставрація Бурбоновъ застала представителей этого движенія врасплохъ, когда они не успѣли еще ни организовать свои силы, ни развить свою политическую и соціальную программу» (стр. 90). Въ этотъ важный историческій моментъ авторъ различаетъ все-таки два главныя теченія въ либерализмѣ. Первое (Ройе-Колларъ, Камиллъ Жорданъ, Гизо) вело свое происхожденіе отъ умѣренно-либеральной программы 1789 г. и стояло за реставрацію Бурбоновъ, тогда какъ другое (Б. Констанъ, г-жа Сталь и др.) было генетически связано съ конституціоналистами 1791-го года, чрезъ жирондистовъ, «идеологовъ» и оппозицію наполеоновскаго трибуната, и болѣе дорожило учрежденіями, чѣмъ лицами, не будучи, однако, враждебнымъ къ Бурбонамъ. Изъ перваго теченія г. Бутенко выводитъ партію доктринеровъ реставраціонной эпохи, изъ второго—партію «независимыхъ» или «либераловъ въ узкомъ смыслѣ слова». «Въ 1814 г., — говоритъ онъ (стр. 91), — либеральное движеніе какъ бы возвращалось назадъ къ своему исходному пункту, къ принципамъ 1789 г., съ конституціонной монархіей во главѣ. За истекшія двадцать-пять лѣтъ оно прошло длинный политическій путь... и возвращалось теперь къ старой династіи, умудренное политическимъ опытомъ и готовое внести рядъ существенныхъ поправокъ въ свои прежнія политическія построенія, подъ условіемъ сохраненія неприкосновенности соціальныхъ завоеваній революціи и осуществленія политической свободы».

Таковъ общій взглядъ В. А. Бутенко на судьбы французскаго либерализма до эпохи реставраціи. Мы позволили себѣ изложить его особенно подробно не потому, чтобы авторъ давалъ здѣсь что-либо новое, а потому, что это—цѣльный очеркъ, первый въ своемъ родѣ, въ литературѣ. «Къ сожалѣнію— совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ—не смотря на энергичную ученую разработку эпохи французской революціи въ послѣдніе годы, исторія либеральныхъ теченій времени революціи и имперіи до сихъ поръ составляетъ одинъ изъ наименѣе освѣщенныхъ и разработанныхъ вопросовъ». Въ книгѣ г. Бутенко

этотъ очеркъ былъ необходимъ, какъ введеніе къ главной части его труда.

III.

«Для успѣшнаго существованія большой политической партіи—говоритъ В. А. Бутенко—недостаточно еще, чтобы она обладала болѣе или менѣе разработанной политической идеологіей, рисующей желательную для нея форму государственнаго устройства. Она никогда не будетъ въ состояніи играть крупную роль въ ходѣ историческихъ событій, если она не сумѣетъ вложить въ политическую форму необходимаго соціально-экономическаго содержанія. Чисто политическіе идеалы могутъ быть предметомъ искренняго увлеченія со стороны отдѣльныхъ теоретиковъ, но они никогда не будутъ въ силахъ поднять за собою народныя массы. Только опредѣленная соціальная и экономическая программа, удовлетворяющая реальные интересы тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, программа, для осуществленія которой въ конечномъ счетѣ и нужна соотвѣтственная политическая форма, можетъ привлечь къ кружку идеологовъ партіи симпатіи рядовой массы общества и опредѣлить ту соціальную среду, на которую партія должна опираться и въ которой она будетъ находить своихъ приверженцевъ». Этимъ общимъ соображеніемъ г. Бутенко объясняетъ, почему въ новѣйшей исторіи Франціи либеральная партія не могла имѣть большого значенія раньше реставраціи Бурбоновъ. Дѣло въ томъ, что главною ея соціальною задачею была защита соціальныхъ пріобрѣтеній революціи—ликвидаціи феодальнихъ отношеній и отмѣны сословныхъ привилегій,—пріобрѣтеній, у которыхъ въ эпоху революціи были гораздо болѣе энергичные защитники въ лицѣ демократовъ, а въ эпоху консульства и имперіи вѣрнымъ ихъ оплотомъ былъ самъ Наполеонъ. Когда реставрація Бурбоновъ поставила на очередь вопросъ о возстановленіи стараго порядка, а демократическая партія къ этому времени успѣла совершенно исчезнуть, роль защитниковъ новаго общественнаго строя выпала на долю либераловъ, какъ единственной группы, выступившей во имя принциповъ 1789 г.

Переходя къ изложенію самой исторіи либеральной партіи въ первые годы реставраціи, нашъ изслѣдователь, прежде всего, указываетъ на то, что для образованія во Франціи, послѣ паденія имперіи, настоящихъ политическихъ партій понадобился до-

вольно значительный промежутокъ времени. Тѣмъ не менѣе, хотя въ 1814 г. и не сформировались еще политическія партіи въ полномъ смыслѣ слова, все-таки, съ переходомъ страны къ болѣе свободному режиму, въ обществѣ сразу объединились отдѣльныя группы политическихъ единомышленниковъ, и эти группы, не смотря на слабость и неорганизованность либеральнаго движенія, играли уже замѣтную роль въ событіяхъ первыхъ лѣтъ эпохи реставраціи. Авторъ оговаривается при этомъ, что роль обоихъ либеральныхъ направленій въ событіяхъ 1814—1816 гг. была неодинаково важна. Будущіе доктринеры въ это время еще «совершенно не выдѣлялись изъ среды умѣренныхъ роялистовъ и не выступали въ роли борцовъ за либеральныя начала»; поэтому авторъ обращаетъ свое вниманіе «преимущественно на либераловъ болѣе радикальнаго оттѣнка». Онъ особенно отмѣчаетъ, что къ концу имперіи враждебное отношеніе либераловъ къ династіи Бурбоновъ сильно смягчилось; въ 1814 г. всѣ они, даже «цареубійцы» Барeръ и Карно, дружно привѣтствовали возстановленіе на французскомъ престолѣ старой династіи. Популярность англійской конституціи въ этотъ моментъ нашъ изслѣдователь считаетъ, однако, сильно преувеличенною; онъ приходитъ къ заключенію, что «общее теченіе въ пользу подражанія Англіи началось позже, когда режимъ, введенный хартіей 1814 г., началъ получать реальное осуществленіе». Относительно будущаго устройства Франціи въ 1814 г. мнѣнія среди либераловъ были очень различныя; особенно любопытно то, что главнымъ движущимъ мотивомъ сенаторовъ, бывшихъ иниціаторами низложенія Наполеона, «было вовсе не желаніе перенести во Францію принципы англійской конституціи, а стремленіе обезпечить отъ возможныхъ посягательствъ матеріальные принципы революціи». Отраженіе политическихъ стремленій либеральныхъ круговъ французскаго общества нашъ историкъ ищетъ въ сенатской конституціи, на которой сказались вліянія англійской конституціи и конституціи 1791 г., а также стремленіе установить прочныя гарантіи противъ всякой попытки возвращенія къ старому порядку. Не даромъ съ большимъ сочувствіемъ къ сенатской конституціи отнеслись разныя брошюры, авторы которыхъ принадлежали къ либеральному лагерю. Но въ это время либералы еще не сходились на какой-либо общей программѣ и не имѣли организаціи, которая помогла бы имъ сказать рѣшающее слово въ дѣлѣ выработки новаго государственнаго строя. Франція получила конституціонную хартію изъ рукъ легитимнаго короля.

Со времени изданія хартіи 1814 г. «въ распоряженіи

приверженцевъ либерализма были два могущественныхъ орудія— парламентская трибуна и свободная пресса, и они поспѣшили ими воспользоваться для борьбы за свои идеалы». Авторъ подробно останавливается на дѣятельности палаты 1814 г., въ которой уже было 60—70 членовъ либеральной оппозиціи двухъ оттѣнковъ: болѣе умѣреннаго и довольно крайняго, кромѣ третьяго, бонапартистскаго, сторонники котораго тоже проникались либеральными стремленіями. Не смотря на то, что во всѣхъ оттѣнкахъ оппозиціи стало складываться убѣжденіе, что реакціонный правительственный курсъ зашелъ слишкомъ далеко и что «такъ дальше жить было нельзя» (cela ne peut pas durer), либералы стояли далеко отъ устраивавшихся демонстрацій противъ правительства и отъ закулисныхъ интригъ, предпочитая вести борьбу одними легальными средствами. Поэтому и къ возвращенію Наполеона въ 1815 г. они отнеслись отрицательно, вовсе не желая новаго водворенія во Франціи военнаго деспотизма. «Для либераловъ—говоритъ г. Бутенко—была совершенно ясна программа, при помощи которой можно было бороться съ Наполеономъ. Нужно было показать народу, что монархія Бурбоновъ вполнѣ примирится съ принципами революціи, заставить правительство заговорить языкомъ 1789 г., отдѣлить дѣло революціи отъ дѣла имперіи и слить его съ принципомъ легитимизма, вызвать широкое общественное движеніе противъ Наполеона и спасти монархію, сдѣлавши ее оплотомъ свободы». Дворъ и правительство были, однако, противъ такой программы, и попытки оживить симпатіи общества въ пользу династіи оказались безуспѣшными. Народу и арміи программа либераловъ вообще мало что говорила. Для народа и арміи «кризисъ, переживавшійся Франціей, былъ прежде всего кризисомъ соціальнымъ; къ политической свободѣ они были равнодушны, и Наполеонъ былъ въ ихъ глазахъ единственнымъ воплощеніемъ принциповъ революціи, единственнымъ защитникомъ новой революціонной Франціи противъ притязаній эмигрантовъ и духовенства». Если во время первой реставраціи ничего не было сдѣлано для осуществленія либеральной программы, то все-таки былъ за эти нѣсколько мѣсяцевъ сдѣланъ шагъ впередъ въ направленіи образованія либеральной партіи, ибо теперь прежняя «оппозиція салоновъ» стала превращаться въ сильное общественное движеніе. Публицистика, по удачной формулировкѣ автора, «разработала его политическую идеологію, пренія палатъ выяснили его практическую программу, а замыслы двора и эмигрантовъ опредѣлили его соціальную задачу».

Стодневное царствованіе Наполеона въ 1815 г. создало для французскаго либерализма новыя условія существованія и дѣятельности. Наиболѣе умѣренные его представители, будущіе доктринеры, оставались до поры до времени въ сторонѣ, а когда поняли, что Наполеону не удержаться, стали хлопотать о томъ, чтобы вторая реставрація Бурбоновъ не была простымъ повтореніемъ ошибокъ первой. Въ нихъ вообще «роялизмъ преобладалъ надъ либерализмомъ». Наоборотъ, представители другихъ оттѣнковъ либерализма приняли самое дѣятельное участіе въ событіяхъ эпохи ста дней. Демократы сдѣлали это сразу, чистые либералы—когда обнаружилось, что Наполеонъ изъ разныхъ возможныхъ направленій политики выбралъ то, котораго никакъ уже нельзя было отъ него ожидать. Возвратившійся во Францію императоръ рѣшился слѣдовать либеральной политикѣ и сталъ склонять на свою сторону представителей либерализма. В. А. Бутенко затрудняется указать, какіе мотивы руководили Б. Констаномъ въ его сближеніи съ Наполеономъ, но за то много говоритъ интереснаго объ участіи Б. Констана въ выработкѣ знаменитаго дополнительнаго акта. По справедливому замѣчанію нашего историка, эта новая наполеоновская конституція была гораздо либеральнѣе хартіи Людовика XVIII, и тѣмъ не менѣе она встрѣтила во французскомъ обществѣ очень много противниковъ и чрезвычайно мало защитниковъ. Г. Бутенко обстоятельно знакомитъ насъ съ газетной и брошюрной прессой этого времени, отмѣчая, какъ характерный фактъ, что громадное большинство тогдашнихъ брошюръ принадлежало представителямъ различныхъ оттѣнковъ бывшей либеральной оппозиціи противъ Бурбоновъ. Чаще всего либеральные публицисты высказывались за нѣчто среднее между англійскими порядками и конституціей 1791 г., при чемъ основнымъ ихъ мотивомъ было «недовѣріе къ исполнительной власти». Дополнительный актъ единодушно осуждался почти во всѣхъ либеральныхъ брошюрахъ. Нашъ изслѣдователь изучилъ громадное ихъ количество, при чемъ собралъ и сопоставилъ высказанныя въ нихъ мнѣнія по разнымъ вопросамъ конституціоннаго права. Защитниковъ дополнительнаго акта было очень мало, но въ ихъ числѣ былъ Б. Констанъ.

Исторія эфемерной палаты представителей, выбранной въ силу дополнительнаго акта, въ достаточной мѣрѣ разработана въ книгѣ нашего историка. Составъ наполеоновскихъ избирательныхъ коллегій, выбранныхъ первичными собраніями еще въ X году, былъ далеко не демократическимъ; большинство ихъ членовъ принадлежало къ высшимъ классамъ и, въ частности,

какъ удалось это обнаружить самому В. А. Бутенко, особенно много было среди нихъ старыхъ дворянъ-роялистовъ. Послѣдніе, однако, не рѣшились принять участія въ выборахъ, и послѣдніе оказались наиболѣе благопріятными для представителей различныхъ оттѣнковъ роялизма. Въ самой палатѣ преобладаніе принадлежало умѣренно-либеральному направленію надъ революціонно-демократическимъ, проявившимся въ это время; членами этой палаты были почти всѣ выдающіеся либералы эпохи реставраціи. Авторъ даже называетъ эту палату «либеральной par excellence, самой либеральной изъ всѣхъ палатъ за время съ 1814 по 1830 г., не исключая даже палаты, санкціонировавшей въ 1830 г. іюльскую революцію и смѣну династіи». Вопреки отрицательному отношенію историковъ эпохи къ дѣятельности этой палаты, г. Бутенко взглянулъ на нее какъ на собраніе, въ которомъ впервые встрѣтились за общей законодательной работой представители либерализма различныхъ оттѣнковъ и образовали опредѣленную группу политическихъ единомышленниковъ, отграничившихъ себя и справа, и слѣва, т. е. какъ отъ роялистовъ съ бонапартистами, такъ и отъ «якобинцевъ». Палата занялась вопросомъ о пересмотрѣ конституціи, получившимъ особое значеніе теперь, послѣ вторичнаго паденія Наполеона. Въ этотъ моментъ либеральное большинство палаты, кромѣ новой конституціи, должно было подумать и о замѣщеніи сдѣлавшагося вакантнымъ трона, такъ какъ считало новое изгнаніе Бурбоновъ безповоротнымъ. Проектъ конституціи былъ выработанъ; нашъ историкъ подробно съ нимъ знакомитъ читателя, справедливо называя эту конституцію «наиболѣе полнымъ выраженіемъ демократическаго либерализма эпохи реставраціи», «наиболѣе демократическою изъ всѣхъ конституцій за періодъ съ 1814 по 1830 г., наиболѣе близкою по своему духу къ стремленіямъ эпохи революціи». Идея парламентскаго министерства оставалась, какъ и раньше, внѣ поля политическаго зрѣнія либераловъ. Не мудрено, что конституція палаты ста дней, какъ отмѣчаетъ г. Бутенко, была потомъ очень популярна среди либераловъ: о введеніи ея думали участники заговоровъ 1820—1823 гг., и ее же вспоминали демократическіе представители либерализма во время іюльской революціи. Вопросъ о замѣщеніи трона въ 1815 г. былъ рѣшенъ европейской коалиціей, и либераламъ, не смотря на господствующее положеніе, какое они заняли въ странѣ, такъ и не удалось осуществить свою тогдашнюю программу. Они не сумѣли взять въ свои руки рѣшеніе кризиса, потому что, подобно Наполеону, не захотѣли быть «ко-

ролями жакеріи и вызвать революціонное движеніе въ народѣ».

Переходъ отъ ста дней къ бѣлому террору совершился не сразу; и либералы могли нѣкоторое время думать, что ихъ положеніе не поколебалось. Это положеніе сдѣлалось безнадежнымъ только съ отставкою министерства Талейрана и Фуше. Сначала Людвикъ XVIII держался примирительной политики, довольно близкой къ умѣренному либерализму, да и въ департаментахъ не всюду и не сразу опредѣлилось торжество роялистической реакціи. Здѣсь не мѣсто разсказывать о бѣломъ террорѣ и о «безподобной» палатѣ; и нужно только отмѣтить очень настойчиво проводимое авторомъ мнѣніе, что реакціонная «безподобная» палата, осуществляя свою программу, прибѣгала къ пріемамъ англійскаго парламентаризма, чѣмъ сыграла большую роль въ конституціонномъ воспитаніи французскаго общества, тогда какъ либералы только позднѣе додумались до идеи парламентскаго министерства. Во время роялистической реакціи либеральная партія была совершенно разгромлена. Любопытно, что тѣ изъ либераловъ, которые еще могли дѣйствовать, и особенно доктринеры, начали даже защищать прерогативу королевской власти противъ притязаній реакціонной палаты, и когда палата была наконецъ распущена съ ссылкою на сохраненіе правъ короны и съ устраненіемъ сдѣланныхъ уже ею уступокъ народному представительству, либералы были довольны этимъ. «Сущность кризиса—говоритъ авторъ, состояла въ *соціальномъ*, а не въ *политическомъ* моментѣ, и поэтому для либераловъ въ 1816 г., какъ и въ 1814 г., охрана созданнаго революціей соціальнаго строя оказалась важнѣе конституціонныхъ формъ».

Населеніе радостно привѣтствовало роспускъ «безподобной» палаты, но побѣда министерства на выборахъ 1816 г. далеко не была такою полною, какъ оно ожидало. В. А. Бутенко снабдилъ свое изслѣдованіе интересными картами выборовъ въ красках, и первою изъ нихъ является карта выборовъ 1816 г. Либералы вошли въ составъ палаты въ количествѣ 35 человѣкъ изъ лѣваго центра и всего 14 изъ лѣвой (при общемъ числѣ 239 депутатовъ). При отсутствіи партійной организаціи, возникшей у либераловъ лишь годъ спустя, у нихъ и не могло быть на выборахъ 1816 г. общей тактики. Въ общемъ они дѣйствовали разрозненно, хотя, съ другой стороны, замѣтно предпочитали брать своихъ кандидатовъ изъ членовъ палаты ста дней.

Какъ бы то ни было, надъ реакціей была одержана побѣда, послѣ которой между побѣдителями началось разслоеніе. Первыми

выдѣлились независимые (indépendants), какъ стали называть себя либералы въ 1817 и 1818 гг. Это были люди, которые находили политику министерства все еще слишкомъ уступчивою по отношенію къ реакціонерамъ. Въ болѣе правыхъ кругахъ династическій индифферентизмъ независимыхъ далъ поводъ создать этой партіи антидинастическую репутацію. Послѣ окончанія первой сессіи въ партіи возникъ центральный комитетъ (comité directeur), завязавшій сношенія со всѣми департаментами, гдѣ должны были происходить выборы, и начавшій выставлять своихъ кандидатовъ; онъ объединилъ дѣятельность избирательныхъ комитетовъ на мѣстахъ и тѣмъ самымъ способствовалъ превращенію партіи въ нѣкоторое организованное цѣлое. Доктринеры въ теченіе сессіи 1816—1817 г. оставались на сторонѣ министерства, но потомъ отъ него откололись, и министерскій центръ распался: одни сблизились съ правой, другіе, имѣя во главѣ доктринеровъ, стали сближаться съ независимыми. Эта дифференціація закончилась только къ осени 1818-го года.

IV.

Излагая исторію либеральной партіи послѣ того момента, на которомъ мы только что остановились, В. А. Бутенко слѣдитъ отдѣльно за доктринерами и за независимыми. Доктринеры въ его классификаціи являются правымъ крыломъ либеральной партіи, заслуживающимъ скорѣе названіе «кружка», а не партіи; независимые являются лѣвымъ крыломъ либерализма, имѣющимъ, наоборотъ, полное право на названіе партіи. Этимъ неравнымъ значеніемъ обоихъ отдѣловъ либерализма эпохи реставраціи и объясняется столь неравномѣрное вниманіе автора къ доктринерамъ и къ независимымъ. Припомнимъ, что вторыхъ онъ нерѣдко называетъ либералами въ болѣе узкомъ смыслѣ слова[1]). По отношенію къ тѣмъ и другимъ авторъ знакомитъ читателей съ вождями партіи, съ ея политическими идеями, съ партійною прессою и съ парламентскою тактикою.

Еще во время «безподобной» палаты нѣкоторые представители меньшинства сдѣлали попытку его объединенія въ цѣляхъ борьбы съ эксцессами ультра-роялистовъ. Эта попытка окончилась неудачею, которая, однако, не помѣшала непосредственнымъ иниціаторамъ попытки продолжать дѣйствовать сообща

[1]) Иногда г. Бутенко даже противополагаетъ либераламъ, о чемъ см. ниже (со ссылкою на стр. 352).

въ теченіе всей сессіи 1815—1816 г. Ихъ было меньше десяти человѣкъ. Нѣкоторые вскорѣ отстали, но ихъ замѣнили новыя лица. Самымъ виднымъ первоначальнымъ членомъ кружка былъ Ройе-Колларъ; изъ присоединившихся наиболѣе значительными были Гизо и герцогъ Бройль. Окончательное обособленіе группы произошло во время сессіи 1817—1818 г., наиболѣе же блестящій періодъ въ ея дѣятельности охватываетъ 1818—1820 годы. Происхожденію термина «доктринеръ» давались разныя объясненія, изъ которыхъ болѣе вѣроятнымъ нужно считать указаніе на наклонность членовъ кружка разбирать каждый вопросъ съ отвлеченно-философской точки зрѣнія, хотя у доктринеровъ «въ сущности какъ разъ не было неизмѣнной доктрины, и въ политической жизни они были оппортунистами» Въ прошломъ объединяло всѣхъ ихъ отрицательное отношеніе къ революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію автора, они оказали положительное вліяніе на серьезную научную работу своего времени, о чемъ онъ, впрочемъ, только и ограничивается общимъ замѣчаніемъ.

В. А. Бутенко довольно подробно останавливается на политической теоріи Ройе-Коллара, которою, въ общемъ, историки политическихъ теорій интересовались мало, такъ какъ Ройе-Колларъ не оставилъ послѣ себя никакихъ трактатовъ. Нашъ авторъ извлекъ его теорію изъ парламентскихъ рѣчей этого вождя доктринеровъ, съ поправками къ мнѣніямъ Немъ-Демаре, спеціально занимавшагося вопросомъ. Характерною особенностью этого ученія онъ считаетъ оппортунизмъ и противорѣчія во взглядахъ Ройе-Коллара, логическія его непослѣдовательности, сводитъ къ психологическому единству. Основное стремленіе Ройе-Коллара заключалось въ желаніи сочетать легитимизмъ со свободою, при чемъ всѣ его симпатіи принадлежали дореволюціоннымъ временамъ. Возставая противъ всякаго деспотизма, проповѣдуя «суверенитетъ разума», Ройе-Колларъ не формулировалъ основныхъ правъ личности, соблюденіе которыхъ обязательно для всякаго нормальнаго правительства и во всякое время. Свободу печати онъ ставилъ очень высоко, но готовъ былъ итти въ этомъ вопросѣ на уступки и самъ одно время стоялъ во главѣ цензурнаго вѣдомства. На участіе въ выборахъ онъ смотрѣлъ не какъ на право, а какъ на функцію, возлагаемую государствомъ на часть населенія, и былъ рѣшительнымъ противникомъ демократіи. Въ принципѣ Ройе-Колларъ стоялъ за равновѣсіе между порядкомъ и свободою, но онъ больше боялся для Франціи анархіи, нежели деспотизма, и потому былъ противъ увеличенія правъ палаты за счетъ правъ

короля. Страницы, на которыхъ г. Бутенко приводитъ мнѣнія Ройе-Коллара, о взаимныхъ отношеніяхъ короны и представительства, заключаютъ въ себѣ интересныя подробности (стр. 345 и слѣд.). Систему, развивавшуюся этимъ дѣятелемъ съ парламентской трибуны, авторъ называетъ «наиболѣе яркимъ и последовательнымъ воплощеніемъ доктрины его кружка, видѣвшаго въ эту эпоху свою задачу въ борьбѣ на два фронта, противъ ультра-роялистовъ и противъ либераловъ», одинаково стремившихся передать преобладающее вліяніе на дѣла въ руки палаты депутатовъ. Когда въ 1820 г. эта доктрина потерпѣла неудачу и доктринеры были отброшены въ оппозицію, пришлось создавать новую идеологію партіи, за что взялся уже Гизо, въ 1816 г. стоявшій еще на точкѣ зрѣнія Ройе-Коллара, какъ это доказываетъ нашъ историкъ, разсматривая политическіе взгляды и Гизо за это время.

Доктринеры не старались вербовать многочисленныхъ сторонниковъ и вообще не придавали большого значенія существованію политическихъ партій. Только въ концѣ 1818 г. они вошли въ постоянныя сношенія съ лѣвымъ центромъ, тоже не имѣвшимъ партійной организаціи и потому легко подпавшимъ вліянію группы доктринеровъ. Авторъ знакомитъ читателей съ прессою доктринеровъ, очень часто полемизировавшей противъ «независимыхъ», и съ отношеніями, какія существовали въ 1816—1820 гг. между ними и правительствомъ. Въ общемъ, за все это время они находились въ тѣсной съ нимъ связи и послѣдовательно поддерживали министерства Ришельё, Дессоля и Деказа, хотя, подчеркивая свою самостоятельность, по временамъ и расходились съ правительствомъ, а въ 1820 г., послѣ поворота правительства въ сторону реакціи, перешли въ оппозицію. Перипетіи партіи въ этомъ отношеніи изложены авторомъ очень обстоятельно, при чемъ отмѣчены всѣ случаи, когда доктринеры выступали защитниками дѣйствительно либеральныхъ принциповъ. Особенно близки они были къ министерству Деказа (съ 30 дек. 1818 по 20 ноября 1819), которое даже называли «доктринерскимъ» и которое нашъ историкъ справедливо считаетъ «наиболѣе либеральнымъ моментомъ всей эпохи реставраціи» (стр. 374), хотя это былъ либерализмъ, въ концѣ концовъ, все-таки довольно половинчатый. Напуганные успѣхами независимыхъ на осеннихъ выборахъ 1819 г., Деказъ и доктринеры обратились къ мысли объ измѣненіи избирательнаго закона, который и былъ передѣланъ въ 1820 г. въ реакціонномъ духѣ. Авторъ подчеркиваетъ, что первая мысль объ этомъ

принадлежала самимъ доктринерамъ. Скоро, однако, этой партіи пришлось искать сближенія съ другими оттѣнками оппозиціи, когда аристократическая реакція въ 1820 г. снова оказалась побѣдительницей въ борьбѣ, происходившей между новой и старой Франціей. Первый періодъ исторіи доктринеровъ кончился; для новаго же нужны были и новая тактика, и новая политическая идеологія, которыя В. А. Бутенко обѣщаетъ разсмотрѣть во второмъ томѣ своего труда.

V.

На 1820-мъ годѣ авторъ остававливается и въ исторіи партіи независимыхъ. «Доктринеры—говоритъ онъ,—считались съ результатами революціи, но предпочли бы, если бы могли, вовсе вычеркнуть событія революціи изъ исторіи Франціи». «Независимые, необоротъ, съ французской революціи начинали эру возрожденія Франціи и, осуждая ея эксцессы, самый переворотъ считали и неизбѣжнымъ, и благодѣтельнымъ» [1]). У обоихъ направленій либерализма авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя родственныя черты, которыя сводитъ къ защитѣ интересовъ новой Франціи, къ желанію политической свободы, къ отрицанію демократіи, къ страху передъ революціей. Но въ 1816—1820 г.г. обѣ партіи далеко расходились между собою и въ политической идеологіи, и въ тактическихъ пріемахъ. Если доктринеры возлагали всѣ свои упованія на королевскую власть, то «независимые искали главной опоры своимъ стремленіямъ въ общественномъ мнѣніи и въ народномъ представительствѣ» и стремились на практикѣ приблизить хартію къ конституціи палаты представителей 1815 г., которая за все это время оставалась ихъ политическимъ идеаломъ. Цѣлую главу посвящаетъ г. Бутенко изложенію ученій четырехъ теоретиковъ партіи: Дону, Дестютта де Траси, Б. Констана и Ланжюннэ, принимая за наиболѣе характерную ихъ особенность чисто индивидуалистическій взглядъ на цѣль существованія государства. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ этомъ обзорѣ политической идеологіи независимыхъ, хотя въ его замѣчаніяхъ по поводу отдѣльныхъ пунктовъ многое заслуживаетъ вниманія. Въ общемъ, въ этой части книги г. Бутенко мало новаго, особенно въ передачѣ ученія Б. Констана, которому отведено наиболѣе мѣста. Замѣтимъ только, что изъ

[1]) Вотъ здѣсь бы автору и нужно было указать на взгляды, высказанные г-жею Сталь въ ея „Considérations sur la révolution française“.

всѣхъ теоретиковъ и публицистовъ партіи независимыхъ именно Б. Констана нашъ историкъ считаетъ ближе всего стоящимъ къ доктринерамъ и что наименьшій успѣхъ въ рядахъ собственной партіи имѣло именно его стремленіе приблизить Францію къ англійскимъ порядкамъ, главнымъ образомъ его попытка, хотя и очень робкая, установить солидарность между министерствомъ и народнымъ представительствомъ.

Заявленія, дѣлавшіяся независимыми въ прессѣ и съ парламентской трибуны, дали г. Бутенко матеріалъ для характеристики практической программы партіи. «Собственно говоря— замѣчаетъ онъ,—терминъ *партійная программа* можно употреблять относительно эпохи реставраціи съ большой оговоркой. Партійная жизнь этого времени носила слишкомъ неопредѣленный, анархическій характеръ, исключавшій возможность строгой партійной дисциплины. Члены партіи не собирались на періодическіе съѣзды и не вырабатывали общей программы, которая была бы обязательна для всѣхъ членовъ партіи», поэтому самому историку приходится заднимъ числомъ формулировать требованія партіи. В. А. Бутенко характеризуетъ либеральную программу 1816—1820 гг. какъ имѣющую чисто отрицательный характеръ, въ смыслѣ борьбы съ попытками возвращенія къ дореволюціоннымъ порядкамъ. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ, между прочимъ, усматриваетъ, одну изъ причинъ пораженія независимыхъ въ 1820 г.

Съ оговоркою въ родѣ той, на которую только-что было указано, разсуждаетъ авторъ и о вождяхъ партіи «независимыхъ». «Отдѣльные депутаты—говоритъ онъ — выступали со своими рѣчами и предложеніями безъ предварительныхъ переговоровъ со своими товарищами по партіи, и даже при окончательномъ голосованіи иногда обнаруживалось отсутствіе партійной дисциплины» Всякая попытка въ противоположномъ направленіи казалось покушеніемъ на индивидуальную свободу депутатовъ, самолюбіе которыхъ не допускало даже мысли о существованіи вождей партіи. Поэтому у независимыхъ и не могло быть оффиціальныхъ лидеровъ, а были только болѣе замѣтные депутаты, мнѣнія которыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ оказывались руководящими. Характеристикамъ такихъ депутатовъ нашъ историкъ посвящаетъ рядъ страницъ. Этими депутатами были Бенжаменъ Констанъ, Манюэль, Лафайетъ, Лаффитъ, Казиміръ Перье, генералъ Фуа; менѣе важную роль играли Войе д'Аржансонъ, Шовеленъ, Дюпонъ (de l'Eure), Биньонъ, Этьенъ, Дюпенъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ авторъ особенно выдви-

гаетъ Манюэля, который, по его словамъ, «больше чѣмъ кто-либо другой изъ вождей либерализма могъ быть названъ лидеромъ партіи», какъ настоящій государственный человѣкъ. Для палаты представителей въ эпоху ста дней онъ приготовилъ проектъ конституціи, обнародованный В. А. Бутенко въ приложеніяхъ къ тексту книги.

Опредѣляя составъ партіи независимыхъ, В. А. Бутенко старается, прежде всего, устранить невѣрное мнѣніе многихъ историковъ, будто въ рядахъ партіи было такъ много бонапартистовъ, что ими-то ей придавалась вся окраска. Онъ хорошо изучилъ вопросъ о принадлежности отдѣльныхъ депутатовъ къ тѣмъ или другимъ партіямъ и въ приложеніяхъ къ тексту далъ подробные ихъ списки. Онъ отрицаетъ тѣсную связь либерализма съ бонапартизмомъ, хотя и отмѣчаетъ, гдѣ тѣ и другіе могли быть единодушными. Это была не область политики, а защита дѣла революціи въ ея соціальныхъ результатахъ. Преклоненіе многихъ либераловъ передъ прошлою военною славою Франціи также играло свою роль. Отвергнувъ мнѣніе о преобладаніи бонапартистовъ въ составѣ партіи независимыхъ, нашъ изслѣдователь доказываетъ невѣрность и мнѣнія, будто въ партіи было много дѣятелей революціи, «якобинцевъ». По его подсчету, наиболѣе видную группу въ составѣ партіи сосставляли дѣятели эпохи ста дней, чистые либералы. Имъ отводитъ онъ первое мѣсто, второе—бонапартистамъ, третье—«якобинцамъ», какъ ихъ называли, хотя всѣ бывшіе дѣятели революціи, входившіе въ составъ партіи въ 1816—1820 г., принадлежали къ ея умѣренному направленію. Въ партіи, конечно, были разные оттѣнки, отразившіеся и на отдѣльныхъ органахъ партійной прессы, интересному обзору которой отведено въ книгѣ около двухъ десятковъ страницъ. Г. Бутенко, впрочемъ, признаетъ невозможнымъ рѣзко обособлять три принимаемые имъ оттѣнка либеральной партіи, такъ какъ они переплетались и сливались между собою, иногда не только въ одномъ и томъ же періодическомъ изданіи, но даже въ дѣятельности одного и того же члена партіи. Это дѣлаетъ изъ всей оппозиціонной публицистики единое цѣлое, съ перваго взгляда какъ будто поражающее своею сложностью и некоординированностью, но на самомъ дѣлѣ объединенное общей политической программой и крѣпко спаянное общимъ соціальнымъ интересомъ.

Свое изслѣдованіе о партіи независимыхъ въ 1816—1820 г.г. В. А. Бутенко заключаетъ разсмотрѣніемъ ея организаціи, участія въ избирательной борьбѣ и парламентской

тактики. Создавать свою политическую организацію партіи пришлось въ очень затруднительныхъ условіяхъ, такъ какъ французское законодательство того времени не признавало свободы собраній, и законъ 1810 г. требовалъ для всякаго собранія свыше двадцати человѣкъ предварительно разрѣшенія администраціи. Интересно, что свобода собраній и союзовъ даже не входила въ число неотъемлемыхъ правъ личности, о которыхъ говорили теоретики либерализма. Въ 1816—1820 г.г. независимые предпочитали прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ обходить законъ. В. А. Бутенко разсказываетъ исторію попытокъ организаціи независимыхъ, начиная съ 1817 г., когда возникъ первый центральный комитетъ партіи. Имъ не забыты и мѣстныя организаціи, о которыхъ онъ собралъ интересный матеріалъ въ Національномъ архивѣ. Онъ приходитъ, однако, къ выводу, что въ большей части департаментовъ организацій не было и что значеніе очаговъ либеральной агитаціи принадлежало разнымъ литературнымъ собраніямъ, масонскимъ ложамъ, гостиницамъ, кофейнымъ. Объ этомъ у него также было въ распоряженіи немало архивныхъ данныхъ, равно какъ и о петиціяхъ, банкетахъ и демонстраціяхъ, служившихъ цѣлямъ либеральной агитаціи на мѣстахъ. Страницы, посвященныя всему этому, даютъ особенно много новаго для бытовой исторіи политической борьбы того времени. Изъ Парижа и другихъ большихъ городовъ разсылались по департаментамъ готовые печатные образцы или проекты петицій, подъ которыми собирались подписи даже среди крестьянъ, напуганныхъ слухами о возстановленіи феодальныхъ правъ. Публичные банкеты по подпискѣ начались въ маѣ 1818 г. въ самомъ Парижѣ, но большею частью они устраивались въ другихъ городахъ въ честь либеральныхъ депутатовъ, когда они возвращались домой по окончаніи законодательныхъ сессій (съ осени 1818-го года), или же въ ихъ честь устраивались торжественныя встрѣчи. Бывали публичныя демонстраціи и другихъ видовъ—въ театрахъ, съ конца 1819 г. и на улицахъ; въ 1820 г. онѣ приняли характеръ настоящихъ народныхъ волненій. Въ этихъ оппозиціонныхъ выступленіяхъ принимала большое участіе студенческая молодежь; нашъ авторъ напечаталъ въ приложеніяхъ любопытное письмо одного парижскаго студента своему отцу.

Особенно много вниманія и труда отдавали независимые избирательнымъ кампаніямъ. Въ 1816 и отчасти въ 1817 г. правительство было озабочено тѣмъ, чтобы не дать ультра-роялистамъ возможности побѣждать на выборахъ; но когда образовалась партія независимыхъ, всѣ правительственныя усилія были

направлены на то, чтобы противодѣйствовать этой партіи. Въ распоряженіи г. Бутенко были три оффиціальныя докладныя записки, бывшія своего рода инструкціями для правительственныхъ агентовъ на мѣстахъ, и онъ не только передалъ намъ ихъ содержаніе (стр. 516 и слѣд.), но и наиболѣе въ нихъ существенное напечаталъ въ приложеніяхъ. Независимымъ приходилось усиленно бороться съ разными способами административнаго воздѣйствія на избирателей. Эта задача было тѣмъ труднѣе, что они не имѣли полной свободы въ своей избирательной агитаціи; до мая 1819 г., когда была уничтожена цензура, они, напр., не могли помѣщать въ газетахъ имена своихъ кандидатовъ, и только осенью этого года всѣ либеральныя газеты напечатали общій списокъ кандидатовъ, выработанный центральнымъ комитетомъ. Въ книгѣ собрано много свѣдѣній о томъ, какъ вели независимые свои избирательныя кампаніи, пользуясь слухами о реакціонныхъ замыслахъ придворныхъ сферъ, распространяя партійныя газеты и брошюры, разсылая своихъ агентовъ, устраивая банкеты, раздавая готовые бюллетени съ именами либеральныхъ кандидатовъ и т. п.

Всѣ эти усилія не оставались безплодными, и, начиная съ выборовъ 1817 г., партія дѣлала все большіе и большіе успѣхи. Въ палатѣ 1816 г. независимымъ принадлежало всего только 14 мѣстъ, въ 1817 г. къ нимъ прибавилось еще 11, въ 1818 г.— новыхъ 18, а послѣ осеннихъ выборовъ 1819 г. число независимыхъ въ палатѣ дошло до 76, что составляло немногимъ менѣе третьей части общаго числа депутатовъ. Политическіе противники независимыхъ объясняли ихъ успѣхи на выборахъ тѣмъ, что послѣдніе происходили въ главныхъ городахъ департаментовъ, благодаря чему преобладаніе въ избирательныхъ коллегіяхъ принадлежало городскому населенію, остальные же избиратели пріѣзжали въ очень малыхъ количествахъ. Это объясненіе было принято нѣкоторыми историками, но г. Бутенко опровергаетъ его съ цифрами въ рукахъ. По его убѣжденію, главная причина избирательныхъ побѣдъ либераловъ заключалась въ успѣхѣ либеральнаго движенія вообще, вызванномъ озлобленіемъ противъ роялистической реакціи 1815—1816 г.г. и неувѣренностью въ ближайшемъ будущемъ. Этотъ выводъ автора основанъ, между прочимъ, на административныхъ донесеніяхъ, которыя онъ изучалъ въ Національномъ архивѣ. Префекты указывали также, что въ департаментахъ не понимаютъ разныхъ оттѣнковъ политическихъ мнѣній, и общество рѣзко дѣлится на ультра-роялистовъ и либераловъ, прежняго же, умѣреннаго направленія не

было (объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ архивный документъ, помѣщенный авторомъ въ приложеніяхъ).

В. А. Бутенко останавливается еще на вопросѣ, въ какихъ общественныхъ слояхъ партія независимыхъ находила сторонниковъ. По его словамъ, это была вся не-аристократическая Франція—мелкая, а иногда и крупная буржуазія, особенно владѣльцы національныхъ имуществъ, крестьяне, унтеръ-офицеры и солдаты наполеоновской арміи, люди либеральныхъ профессій, студенческая молодежь. При этомъ перечисленіи автору не мѣшало бы прибавить, что въ этихъ кругахъ было мало избирателей, вслѣдствіе высокаго ценза, дѣйствовавшаго въ ту эпоху. Были, конечно, и исключенія: и въ этихъ группахъ встрѣчались ультра-роялисты или приверженцы правительства, какъ бывали сторонники либерализма среди дворянъ и чиновниковъ.

Что касается до парламентской дѣятельности независимыхъ, то она, какъ особенно подчеркивается въ книгѣ, выражалась не столько въ собственномъ законодательскомъ творчествѣ, сколько въ критикѣ правительственныхъ начинаній. Подражая англійскому порядку, они особенно пользовались бюджетными преніями для критики политики министерства. Не въ одномъ мѣстѣ своего труда В. А. Бутенко отмѣчаетъ, какъ расширялась компетенція палатъ, даже благодаря ультра-роялистамъ, и какъ независимые пользовались этимъ въ своихъ цѣляхъ. Въ 1819—1820 г. они попытались установить еще одинъ конституціонный обычай: приданіе политическаго характера адресу на имя королю, но пока имъ это не удалось. Вся парламентская борьба 1816—1820 г.г. касалась исключительно политическихъ вопросовъ; вопросы экономической политики мало интересовали независимыхъ. Либеральная теорія требовала полной экономической свободы, но промышленныя сферы стояли, наоборотъ, за протекціонизмъ, и мнѣнія, высказывавшіяся по этому вопросу въ прессѣ, были противорѣчивы. Въ палатѣ всѣ независимые были настроены болѣе единодушно, и, наприм., при обсужденіи таможеннаго тарифа въ 1820 г. ни одинъ изъ нихъ не выступалъ противъ принципа протекціонизма.

Очень интересны и тѣ страницы книги, гдѣ говорится объ отношеніи независимыхъ къ разнымъ министерствамъ. Когда Ришельё вышелъ въ отставку и формировалось будущее «доктринерское» министерство Дессоля, поднимался вопросъ о предоставленіи въ немъ двухъ портфелей независимымъ, которые готовы были видѣть вообще въ назначеніи новаго министерства свою побѣду. Такіе факты, какъ изданіе въ 1819 г. законовъ о печати, бывшихъ самыми интересными изъ всѣхъ законовъ о

печати [1]), вселили въ независимыхъ увѣренность въ томъ, что время торжества ихъ политической программы не за горами. Ихъ тонъ во время бюджетныхъ преній сдѣлался болѣе смѣлымъ, прямо вызывающимъ; особенно рѣзко подчеркивали они въ рѣчахъ свою преданность дѣлу революціи. Сначала они чуть не считали министерство солидарнымъ съ ними, но когда увидѣли, что этого не было на самомъ дѣлѣ, то стали нападать на министерство и высмѣивать доктринеровъ, близко къ нему стоявшихъ. Послѣ блестящей побѣды на выборахъ оппозиція сдѣлалась вообще очень вліятельнымъ факторомъ политической жизни, хотя и не помѣшала отмѣнѣ выборовъ депутата «цареубійцы» Грегуара. Успѣхъ испанской революціи 1820 г. еще болѣе окрылилъ надежды независимыхъ, но правительство, подъ, вліяніемъ этихъ событій, вступило на путь репрессій противъ либерализма. Уже въ это время (начало 1820 г.) намѣчался конфликтъ, приведшій черезъ десять лѣтъ къ революціи. Усиленіе демонстрацій, начавшихъ принимать революціонный характеръ, не могло не тревожить правительство и еще болѣе настраивать его противъ независимыхъ. Нашъ историкъ ставитъ вопросъ: «какую роль въ этихъ безпорядкахъ играли главные вожди либерализма, представлявшіе партію въ палатѣ и въ прессѣ?» (стр. 571). Онъ опровергаетъ мнѣніе о военномъ заговорѣ, возникшемъ, будто бы, въ это время среди крайнихъ элементовъ либеральной партіи: въ архивныхъ и печатныхъ источникахъ объ этомъ ничего нѣтъ, да и самый заговоръ, думаетъ г. Бутенко, совершенно не соотвѣтствовалъ бы тогдашней тактикѣ либераловъ. Нѣтъ также никакихъ опредѣленныхъ данныхъ и для того, чтобы говорить о какомъ-либо участіи независимыхъ въ возбужденіи безпорядковъ, въ которыхъ нѣкоторые либералы готовы были видѣть скорѣе руку «тайнаго правительства» ультрароялистовъ. Многіе представители партіи были прямо напуганы революціоннымъ характеромъ начавшагося движенія и потому отнюдь не могли его поощрять.

Въ первомъ томѣ своей книги В. А. Бутенко останавливается на возобновленіи правительственной реакціи, вслѣдствіе чего въ двадцатыхъ годахъ Франціи пришлось опять пережить періодъ контръ-революціи, программу которой завѣщала «безподобная» палата. Что было причиной пораженія либеральной партіи въ моментъ наибольшихъ ея успѣховъ? Дювержье де-Горaннъ, признаваемый авторомъ за наиболѣе вдумчиваго историка реставраціи, объясняетъ пораженіе партіи ея собственными такти-

[1]) См. ст. В. А. Бутенко. въ «Вѣстн. Евр.».

ческими ошибками; но въ этомъ объясненіи авторъ видитъ не столько безпристрастнаго историка, сколько современника, возлагавшаго надежды на торжество либерализма и испытавшаго разочарованіе отъ дальнѣйшаго хода событій. Нашъ историкъ ищетъ болѣе глубокихъ причинъ—въ общемъ положеніи страны, въ непримиримости интересовъ старой и новой Франціи. Примиреніе между обѣими было невозможно, какъ это и обнаружила революція 1830 г. Отчего, однако, побѣду не удалось одержать новой Франціи еще въ 1820-мъ году? Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Бутенко указываетъ, прежде всего, на несовершенство созданной либералами партійной организаціи и на слишкомъ малое число ея участниковъ. Одерживать побѣду на выборахъ она имъ помогала, но отъ общества они не требовали иной поддержки, и большинство изъ нихъ прямо отступилось отъ самими же ими вызваннаго общественнаго движенія. Главное, однако, не это, а характеръ программы либераловъ, съ ея чисто отрицательнымъ содержаніемъ: они не обѣщали обществу никакихъ положительныхъ благъ, не вкладывали въ политическія формы никакого новаго соціальнаго содержанія. Въ имущихъ классахъ была сильна боязнь революціи, и когда борьба стала принимать революціонный характеръ, общество отвернулось отъ оппозиціи, оставило независимыхъ безъ поддержки. Съ другой стороны, боевые вопросы, бывшіе предметомъ политической борьбы, ничего не говорили народнымъ массамъ; онѣ могли бы объединиться подъ предводительствомъ либераловъ лишь въ томъ случаѣ, если бы смутныя опасенія реакціи уже въ 1820 г. приняли характеръ того озлобленія, съ какимъ большинство націи стало относиться къ правительству послѣ ряда лѣтъ господства правыхъ. Страхъ правительства передъ успѣхами независимыхъ заставилъ власть попятиться назадъ, что для доктринеровъ имѣло значеніе крушенія всего ихъ политическаго міровоззрѣнія, а для независимыхъ было только простою политическою неудачею, заставившей ихъ пересмотрѣть вопросъ о своей тактикѣ. Съ 1820 г. г. Бутенко начинаетъ, поэтому, новый періодъ въ исторіи какъ праваго, такъ и лѣваго крыла либеральной партіи въ правленіе старшей линіи Бурбоновъ.

Въ виду выдающагося интереса разсмотрѣннаго труда нельзя не выразить пожеланія, чтобы обѣщанный авторомъ второй томъ не замедлилъ появиться въ печати. Выражаемъ увѣренность, что онъ будетъ также обиленъ новыми данными и также наученъ, какъ и первый.

Н. Карѣевъ.



ПАМЯТИ И. Я. ФОЙНИЦКАГО.

Спеціально-юридическая пресса уже отмѣтила и продолжаетъ отмѣчать выдающуюся дѣятельность И. Я. Фойницкаго въ области науки уголовнаго права; въ этой работѣ принялъ участіе и пишущій эти строки. Но дѣятельность почившаго была такъ широка и во многихъ отношеніяхъ имѣла такую важность, что ея освѣщеніе на страницахъ журнала не-спеціальнаго, представляется намъ дѣломъ не только полезнымъ, но и необходимымъ.

Конечно, полное подведеніе итоговъ явится дѣломъ будущаго, когда образуется нѣкоторая перспектива, необходимая для безпристрастнаго суда. Но имя И. Я.—одно изъ тѣхъ, которыя безусловно найдутъ мѣсто на страницахъ исторіи русской науки и русской общественности, а потому уже теперь можно отмѣтить существенные моменты, связанные съ его разнообразной дѣятельностью.

Какъ ученый, почившій И. Я. является признанной и первоклассной величиной. Его магистерская диссертація: «Мошенничество по русскому праву», его докторская диссертація «Ссылка на западѣ»; его обширный трудъ: «Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ», его «Курсъ особенной части уголовнаго права; посягательства на личность и имущество»,—все это монументальные труды, охватившіе огромную часть матеріальнаго уголовнаго права и оставившіе въ наукѣ замѣтный и яркій слѣдъ.

Талантъ И. Я. здѣсь сказался съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Преодолѣвая трудности, онъ даетъ ясныя, глубоко продуманныя и стройныя юридическія конструкціи; для избѣжанія повтореній онъ не боится отступать отъ принятаго шаблона и предпослать отдѣлу, охватывающему большую группу преступленій, общее ученіе объ основныхъ признакахъ, свойственныхъ всѣмъ

этимъ преступленiямъ, и о главныхъ понятiяхъ, относящихся къ ихъ составу. Избѣгая многочисленныхъ цитатъ и длинныхъ литературныхъ указанiй, обычно образующихъ очень громоздкiй «ученый аппаратъ», онъ въ тоже время располагаетъ большою эрудицiей и умѣетъ отмѣтить все дѣйствительно важное и цѣнное; онъ широко пользуется сравнительнымъ методомъ и даетъ при этомъ не сухiя сопоставленiя, а умѣло проведенныя параллели, изъ которыхъ всегда вытекаютъ поучительные выводы. Въ работѣ историко-догматической, онъ умѣетъ тонко прослѣдить эволюцiю изучаемаго понятiя или института и использовать данныя исторiи при освѣщенiи современности. Въ историко-догматическихъ трудахъ, какъ у насъ,такъ и въ Германiи, длиннѣйшее изложенiе относящихся къ исторiи вопроса данныхъ изъ разныхъ эпохъ слишкомъ часто идетъ какъ нѣчто самодовлѣющее и оставляется безъ вниманiя, когда авторъ переходитъ къ догматической сторонѣ своего труда; отъ этого недостатка сочиненiя И. Я. совершенно свободны. Наконецъ, его анализъ и его критика всегда отличаются тонкостью и большой умѣлостью, безразлично, имѣетъ ли онъ дѣло со статьями закона, научными теорiями или сенатскими толкованiями.

Кромѣ названныхъ ними капитальныхъ трудовъ въ области матерiальнаго уголовнаго права, И. Я. написалъ рядъ цѣнныхъ статей, въ значительной своей части вошедшихъ въ его двухтомный сборникъ: «На досугѣ». Мы не будемъ излагать ни содержанiя этихъ статей, ни основныхъ чертъ главныхъ трудовъ И. Я.; мы отмѣтимъ только моменты имѣющiе широкое не только научное, но и общественное значенiе.

И. Я. — юристъ съ ногъ до головы; онъ высоко чтитъ догматическiй элементъ науки, на разработку котораго отдалъ много труда и силъ; но въ то же время за конструкцiями онъ не забываетъ реальной жизни и ея потребностей. Отъ своей науки онъ прежде всего требуетъ отзывчивости и настаиваетъ на расширенiи ея рамокъ. Это credo остается у него неизмѣннымъ до дня кончины, но особенно ярко проявляется въ его болѣе молодыхъ работахъ, относящихся къ семидесятымъ годамъ истекшаго вѣка. Въ эти годы идеи, которыя и значительно позже мы встрѣчаемъ въ его работахъ, формулируются имъ впервые и наиболѣе выпукло; чаще затрогиваются темы важныя не только для уголовнаго права, какъ для юридической дисциплины, но и по своему соцiальному значенiю; на первый планъ выдвигается уголовно-политическiй моментъ, выражающiйся въ рядѣ реформаторскихъ стремленiй.

Съ благодарной памятью мы прежде всего отмѣтимъ здѣсь широкій взглядъ на предѣлы и задачи науки уголовнаго права, выраженный въ статьяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1873-мъ году, т. е. тогда, когда на западѣ еще не сформировались ни соціологическая, ни антропологическая школы, поднявшія знамя реформы науки и уголовнаго правосудія. Это статьи: «Уголовное право; его предметъ; его задачи» и «Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій», содержащія горячую апологію идеи предупрежденія преступленій и необходимости въ наукѣ и жизни интенсивно работать для этой идеи, изучая факторы преступности и проводя необходимыя реформы, болѣе важныя по своему воздѣйствію на преступность, чѣмъ институтъ наказанія. Во второй изъ указанныхъ статей («На досугѣ», т. I) И. Я. Фойницкій говоритъ: «Нынѣ никто не въ правѣ убаюкивать себя мечтою, что будто бы наказаніе есть единственное дѣйствительное средство противъ преступленія и что потому государство и общество могутъ ограничиться теперь исключительно имъ однимъ. Эта невозможность вытекаетъ уже изъ разрушенія иллюзіи о преступленіи, какъ о продуктѣ исключительно злой воли. Какъ скоро въ ряду условій совершенія его, вмѣстѣ съ элементами индивидуальнаго самоопредѣленія, выяснились вліянія физической природы и общественнаго уклада... наказаніе должно было утратить то значеніе первенствующей и даже исключительной мѣры предупрежденія преступленій, которое оно имѣло прежде и которое за нимъ, по забывчивости или неосмотрительности, провозглашаютъ кое-гдѣ и теперь. Въ самомъ дѣлѣ наказаніе, какъ мѣра индивидуальная, можетъ служить противовѣсомъ лишь для индивидуальныхъ условій преступленія; но кромѣ нихъ есть еще условія физическія и общественныя... ни тюрьма, ни даже смертная казнь недостаточны для устраненія ихъ. Борьба съ ними требуетъ дѣятельности другого рода, предполагающей мѣры общія въ противоположность индивидуальнымъ, разсчитанныя на цѣлую группу явленій и на всѣхъ гражданъ, а не только на тотъ классъ ихъ, который идетъ въ тюрьму и подъ сѣкиру палача... Притомъ, чѣмъ скромнѣе будетъ мѣсто наказанія, чѣмъ больше карательная дѣятельность государства будетъ стушевываться за общими государственными мѣрами, направленными противъ неблагопріятныхъ для него физическихъ и общественныхъ условій, тѣмъ выгоднѣе и для государства, и для общества». Поэтому для раціональнаго разрѣшенія борьбы съ преступностью И. Я. рекомендуетъ прибѣгать къ наказанію лишь какъ къ крайней и самой нежелательной мѣрѣ, которая, рядомъ съ

пользой, приноситъ и личности, и обществу экономическій и моральный вредъ; онъ требуетъ широкой системы разнообразныхъ мѣръ для предупрежденія преступленій и ставитъ ихъ цѣлью «*развитіе народнаго благосостоянія путемъ общественной культуры, путемъ образованія и свободы*». Онъ «безъ малѣйшаго смущенія» утверждаетъ, что такимъ путемъ мы не только не унизимъ достоинства уголовнаго права, но, напротивъ, поднимемъ его на степень дѣйствительной науки, давая «предмету ея логическую опредѣленность и цѣльность, а ей самой—жизненныя основы существованія».

Много воды утекло съ тѣхъ поръ; окрѣпли новыя теченія въ нашей наукѣ; создались школы, реформировавшія науку уголовнаго права и дѣятельно проводящія въ науку и жизнь идеи предупрежденія преступленій, да и внѣ науки уголовнаго права эти идеи не разъ отмѣчались даже въ болѣе давнія времена; но Фойницкому принадлежитъ та безспорная заслуга, что одинъ изъ первыхъ онъ поднялъ голосъ за возрожденіе этихъ идей, постановку ихъ на прочный позитивный фундаментъ и внесеніе ихъ какъ обязательный матеріалъ въ науку уголовнаго права. Эта одновременно научная и общественная заслуга требуетъ благодарной памяти и не меркнетъ отъ того, что свою дальнѣйшую ученую работу И. Я. преимущественно отдавалъ уголовной догматикѣ. Она имѣетъ свою большую соціальную цѣнность, легализируя работу уголовнаго правосудія, ставя его въ тѣсные предѣлы, обезпечивая этимъ гарантіи личности и свободы, освѣщая свѣтомъ науки и приводя къ единству раздробленный и казуистическій матеріалъ, находящійся въ законодательствѣ. Никогда, притомъ, И. Я. не уходилъ далеко и отъ работы для цѣлей уголовно-политическихъ. Блестящимъ анализомъ порядковъ западной и русской ссылки, вдумчивымъ изложеніемъ и критикой старыхъ и новыхъ тюремныхъ системъ, мѣткой характеристикой и разборомъ лишенія правъ, какъ наказанія, и многимъ другимъ И. Я. показалъ надлежащій путь для реформы у насъ дѣла уголовной репрессіи. Свой вкладъ въ дѣло правильной постановки превентивныхъ мѣръ онъ сдѣлалъ не только глубокимъ и самостоятельнымъ изслѣдованіемъ космическихъ факторовъ преступности, но и написанными значительно позже, въ 1893 г., интересными статьями: «Факторы преступности» и «Женщина—преступница». Въ частности изъ области ученія о наказаніи нельзя не указать на яркій штрихъ, мимоходомъ намѣченный И. Я. по исходѣ четверти вѣка его научной работы, а изъ анализа преступленій нельзя не коснуться

еще въ семидесятыхъ годахъ ярко выразившагося отношенія его къ преступленіямъ печати.

Штрихъ, о которомъ мы упомянули, И. Я. далъ въ предисловіи ко второму тому своего сборника: «На досугѣ», вышедшему въ свѣтъ въ 1900-мъ году. Отмѣтивъ, что ссылка отжила свой вѣкъ и что ея отмѣна необходима во имя человѣколюбія и государственной мудрости, И. Я., столь много потрудившійся надъ изученіемъ тюремнаго дѣла и возможно лучшей его постановкой, рѣшается подвести тотъ итогъ, что «*тюрьма также отживаетъ свой вѣкъ*». Онъ утверждаетъ, что можно и должно «*насадить болѣе разумныя и гуманныя учрежденія борьбы съ преступностью,* построивъ ихъ сообразно потребностямъ и условіямъ нашей жизни». Онъ намѣчаетъ и путь созиданія, указывая на земледѣльческія фермы и ремесленные пріюты, «въ примѣненіи сущности которыхъ къ взрослымъ преступникамъ заключается высокая и благодарная задача будущаго».

Эта дѣйствительно высокая и благодарная задача еще далека отъ осуществленія; въ самыхъ передовыхъ странахъ дѣлаются лишь первые и робкіе шаги въ этомъ направленіи; у насъ ихъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя наша страна, съ ея рѣзко выраженнымъ преобладаніемъ земледѣльческаго населенія, особенно нуждается въ созданіи земледѣльческихъ колоній для преступниковъ-сельчанъ. Но важно, что былъ данъ лозунгъ, намѣчая который, И. Я. шелъ рука объ руку съ самыми радикальными критиками современной карательной системы. Въ его устахъ, въ устахъ одного изъ крупнѣйшихъ тюрьмовѣдовъ-теоретиковъ, этотъ лозунгъ звучитъ особенно убѣдительно и сильно.

Другая заслуга И. Я. можетъ быть указана въ связи съ его статьями, затрогивающими вопросы о преступленіяхъ печати («Общегерманское законодательство печати», 1874; «Міровая эволюція законодательства печати», см. сборникъ «На досугѣ», т. II). Въ этихъ статьяхъ авторъ выступаетъ горячимъ защитникомъ правъ печатнаго слова. Даже историческое изложеніе вопроса сразу даетъ возможность уловить основныя мысли автора. И. Я. историческими примѣрами умѣло доказываетъ несостоятельность «полицейско-административнаго начала въ дѣлахъ печати»; онъ ярко обрисовываетъ непослѣдовательность законодателей, поскольку они идутъ на уступки и въ то же время стремятся хоть частично сохранить выросшіе при полицейскомъ порядкѣ институты. Какъ историкъ, авторъ интересно излагаетъ важнѣйшіе періоды развитія печати и разныя системы отношенія къ ней власти; какъ догматикъ, онъ сжато, но мѣтко ха-

рактеризуетъ нормы, регулирующія въ новое время бытіе печати. Но и черезъ исторію, и черезъ догму у И. Я. красной нитью проходитъ отрицаніе всего того, что «угрожаетъ независимости и свободѣ печати» и стараніе точно намѣтить «юридическія начала, опредѣляющія составъ преступленія печати». Онъ рѣшительно вооружается какъ противъ стремленія защищать не опредѣленныя права и нормы, а «абстрактныя начала» или «основы порядка», такъ и противъ попытокъ «становясь подъ старое давно полинявшее знамя... разсматривать печать, какъ общеопасное явленіе соціальной жизни».

Въ области уголовнаго процесса И. Я. оставилъ нѣсколько цѣнныхъ статей («Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ и мѣры къ ихъ сокращенію», 1879; «О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ», 1883; «Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное» и др.) и обширный двухтомный «Курсъ уголовнаго судопроизводства». Громадный законодательный и литературный матеріалъ использованъ въ этомъ курсѣ съ такимъ талантомъ и умѣньемъ, изложеніе отдѣльныхъ вопросовъ такъ обстоятельно и порою глубоко оригинально, что И. Я. признается по праву не только однимъ изъ выдающимся процессуалистовъ-догматиковъ, но прямо ставится между ними на первое мѣсто.

Съ точки зрѣнія уголовно-политической этотъ трудъ даетъ меньше, чѣмъ можно было ожидать, и не можетъ не вызывать нѣкоторыхъ возраженій. Такъ, едва ли можно цѣликомъ согласиться съ той крайне оптимистической оцѣнкой, которую И. Я. уже въ предисловіи далъ новому закону о мѣстномъ судѣ, такъ далеко ушедшему отъ первоначальныхъ предположеній, сохранившему начало высокаго земельнаго ценза и испытавшему цѣлый рядъ «поправокъ». Эти поправки создали большую дистанцію между мировымъ судомъ по судебнымъ уставамъ и новымъ выборнымъ мѣстнымъ судомъ; они такъ приспособили новую реформу къ господствующему въ наши дни общему курсу, что нельзя не питать многихъ и серьезныхъ опасеній относительно того, какова на дѣлѣ окажется реформа, которую И. Я. такъ привѣтствовалъ.

Съ другой стороны можно было бы пожелать, чтобы въ курсѣ больше было матеріала, указывающаго не только на то, каковы должны быть наши суды и ихъ дѣятельность по закону, но и на то, какова наша дѣйствительность въ этой области. Духъ судебныхъ уставовъ искажался не только новеллами; нормы ихъ порою весьма неожиданно преломлялись въ

дѣйствительности. Недаромъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ писали о «признакахъ времени въ дѣлѣ новыхъ судовъ», а въ литературѣ накопилась цѣлая масса фактовъ, свидѣтельствующихъ о новыхъ типахъ въ судебномъ мірѣ и о новомъ характерѣ судебной работы; здѣсь, между прочимъ, имѣются штрихи, отмѣченные величайшими знатоками и судебныхъ уставовъ, и судебной дѣйствительности, напримѣръ А. Ѳ. Кони. Тѣ случаи, гдѣ дѣйствительность отступаетъ и отъ началъ науки и отъ истиннаго духа узаконеній, необходимо было, какъ намъ кажется, отмѣтить больше, чѣмъ это сдѣлано въ капитальномъ трудѣ И. Я. Но, какъ въ этомъ трудѣ, такъ и въ названныхъ нами процессуальныхъ статьяхъ, имѣется много важнаго и въ уголовно-политическомъ, и въ общественномъ отношеніи. Возвышенный взглядъ на задачи адвокатуры и защита ея правъ, какъ свободной, не вяжущейся «съ чиновнымъ мундиромъ», самоуправляющейся корпораціи, защита суда присяжныхъ и выясненіе громадной судебной и культурной важности этого института, обращеніе вниманія юристовъ и общества на вопросъ о невинно-осужденныхъ и невинно-привлеченныхъ къ суду, въ связи съ уясненіемъ вопроса о способахъ такъ или иначе загладить незаслуженныя страданія, вниманіе къ правильной и надлежащей постановкѣ въ дѣлѣ суда гарантій правъ личности, хотя бы и преступной,—все это, вмѣстѣ со многимъ другимъ составляетъ важныя и глубокопривлекательныя стороны уголовно-процессуальныхъ трудовъ И. Я.

Кромѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ научныхъ трудовъ, кромѣ свыше сорокалѣтней дѣятельности на каѳедрѣ с.-петербургскаго университета, при которой онъ создалъ музей и кабинетъ уголовнаго права, кромѣ постоянной работы въ средѣ факультета и совѣта, И. Я. много потрудился и на другихъ разнообразныхъ поприщахъ.

Прежде всего много лѣтъ онъ отдалъ работѣ судебной и законодательной. Уже въ 1876 г. И. Я. получаетъ должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената и занимаетъ ее двадцать три года, вплоть до назначенія сенаторомъ того же департамента; въ этомъ званіи онъ работаетъ 12 лѣтъ, и лишь серьезное развитіе его давняго недуга,—процесса въ легкихъ,—и ослабленіе силъ заставляетъ его незадолго до смерти перейти на болѣе легкій и спокойный постъ сенатора общаго собранія.

Передъ нами, такимъ образомъ, тридцать пять лѣтъ судебной работы И. Я., длинная вереница его разнообразныхъ заключеній

и написанныхъ имъ или состоявшихся при его участіи рѣшеній. Конечно, талантъ И. Я., его глубокія познанія и его тонкій юридическій анализъ не могли не отразиться на этой работѣ, но, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, Фойницкій - практикъ не былъ на высотѣ Фойницкаго - теоретика. Годы, съ которыми совпала сенаторская работа Фойницкаго, были годами вымиранія лучшихъ началъ судебныхъ уставовъ, развитія всевозможныхъ новеллъ и постепенно укрѣплявшагося торжества «новаго курса», стремившагося приспособить наши новые суды къ условіямъ дореформенныхъ порядковъ и дореформенной дѣйствительности. По образному выраженію одного изъ нашихъ судебныхъ корифеевъ, началъ отлетать «духъ живъ», воодушевлявшій и въ сенатѣ дѣятелей перваго призыва; служеніе великому дѣлу правосудія стало превращаться въ заурядную службу по судебному вѣдомству. Лишь люди исключительной стойкости и принципіальности могли въ это время оказаться на высотѣ; прочіе вольно или невольно приспособлялись въ большей или меньшей степени.

При тѣхъ взглядахъ, которые имѣлъ И. Я. на независимость суда, на характеръ и идеалы судебной дѣятельности, конечно, каждый компромиссъ здѣсь являлся для него тяжелымъ; справедливо одинъ изъ непосредственныхъ наблюдателей сенатской дѣятельности И. Я., проф. Кузьминъ-Караваевъ, отмѣтилъ трагическую картину тѣхъ случаевъ, когда выдающемуся и европейски извѣстному теоретику, какимъ являлся И. Я., приходилось объявлять резолюцію или участвовать въ постановкѣ резолюцій, въ которыхъ «на безспорную, казалось бы, юридическую аргументацію по политическимъ и литературнымъ дѣламъ обычнымъ отвѣтомъ служила шаблонная формула: оставить безъ послѣдствій».

Гораздо большее сближеніе теоріи и практики мы видимъ въ законодательныхъ трудахъ И. Я., особенно если мы главнымъ образомъ остановимся не на участіи его въ т. наз. Муравьевской комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, а на его работѣ въ качествѣ одного изъ редакторовъ новаго уголовнаго уложенія. Въ журналахъ муравьевской комиссіи, оставившей печальную память и, къ счастью для Россіи, не дождавшейся утвержденія своихъ проектовъ, гдѣ подъ видомъ охраны и развитія лучшихъ началъ судебныхъ уставовъ шло ихъ систематическое искаженіе,— мы не разъ встрѣчаемъ И. Я. въ рядахъ меньшинства, возражавшаго противъ новаго курса. Онъ не занималъ боевой позиціи, не подавалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ яркихъ особыхъ мнѣній (которыя, кстати сказать, подавались другими и въ государ-

ственномъ совѣтѣ сыграли большую роль при неутвержденіи проектовъ комиссіи), но въ извѣстныхъ предѣлахъ все же стремился отстаивать наиболѣе важныя и дорогія для него основы нашего уголовнаго права.

Какъ одинъ изъ редакторовъ новаго уложенія, И. Я. вынесъ на своихъ плечахъ громадный трудъ предварительной подготовки отдѣла объ имущественныхъ преступленіяхъ и объяснительной къ нему записки; но онъ энергично участвовалъ и въ разработкѣ общихъ вопросовъ, особенно тамъ, гдѣ намѣчаемыя реформы касались наиболѣе близкихъ и дорогихъ ему вопросовъ (ссылка, институтъ реабилитаціи, попытка отражать въ наказаніи начала классификаціи преступниковъ по мотивамъ ихъ дѣйствій и по наличности или отсутствію привычки и т. п.).

На редакторовъ новаго уголовнаго уложенія часто и сильно нападаютъ. Но если мы вспомнимъ, что на Уложеніи имѣется масса позднѣйшихъ наслоеній, въ которыхъ неповинны его редакторы, что на нѣкоторыхъ отдѣлахъ лежитъ печать «независящихъ обстоятельствъ», что первоначальныя предположенія редакторовъ были измѣнены въ силу рѣшительнаго и властнаго протеста вліятельныхъ вѣдомствъ, если мы прибавимъ, что разгаръ работъ комиссіи совпалъ съ расцвѣтомъ укрѣплявшейся все болѣе и болѣе реакціи, съ силами которой редакторамъ приходилось считаться, поскольку они заботились объ осуществимости своихъ предположеній, и что новое уложеніе, при всѣхъ его крупныхъ недостаткахъ, все же неизмѣримо лучше стараго и является крупнымъ шагомъ впередъ, совершеннымъ подъ вліяніемъ многихъ лучшихъ научныхъ теченій того времени (т. е. восьмидесятыхъ годовъ, когда сложились основы этого уложенія),—то мы признаемъ, что редакторы, и въ числѣ ихъ И. Я., потрудились много и плодотворно, и что И. Я. стремился вести законодательную работу въ духѣ своихъ лучшихъ научныхъ идеаловъ.

Тамъ, гдѣ работу И. Я. не связывало его оффиціальное положеніе, гармонія между теоретикомъ и практикомъ сказывались въ немъ еще ярче.

Прежде всего это былъ человѣкъ огромной научно-общественной инициативы, глубоко понимавшій важность организаціи и единенія. Мы встрѣчаемъ И. Я. въ числѣ инициаторовъ и организаторовъ петербургскаго юридическаго общества; онъ же—одинъ изъ инициаторовъ особыхъ судовъ для малолѣтнихъ въ Россіи и дѣятельный участникъ открытія перваго изъ такихъ судовъ въ Петербургѣ; онъ работаетъ надъ организаціей дѣла патроната и въ послѣдніе годы жизни стоитъ во главѣ петербургскаго обще-

ства патроната; онъ въ эти же годы работаетъ какъ гласный городской думы и, несмотря на болѣзнь и массу другихъ занятій, принимаетъ дѣятельное участіе въ думскихъ комиссіяхъ, гдѣ его знанія и опытъ открываютъ ему возможность давать важныя и убѣдительныя заключенія по вопросамъ юридическаго характера, иногда заставляющія контрагентовъ города миромъ кончить дѣла, по которымъ къ городу уже предполагалось предъявлять иски; онъ—дѣятельный участникъ съѣздовъ представителей исправительно-воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность И. Я. въ области международныхъ организацій. Много и плодотворно потрудился онъ въ дѣлѣ подготовки двухъ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ и на нѣсколькихъ конгрессахъ принималъ дѣятельное участіе. Когда возникъ международный союзъ криминалистовъ, основанный Листомъ, Принсомъ и вамъ-Гамелемъ и на знамени своемъ написавшій главные девизы соціологической школы уголовнаго права, близкіе къ научному credo И. Я., послѣдній немедленно присоединился къ союзу и вошелъ въ бюро его, гдѣ долго былъ главнымъ представителемъ Россіи и гдѣ всегда поддерживалъ главную тенденцію союза: направлять научную работу въ сторону обновленія на лучшихъ началахъ уголовнаго законодательства странъ участницъ союза. Благодаря этому, почти не читающій по русски Западъ зналъ И. Я., и въ лицѣ его уважалъ русскую науку уголовнаго права. Благодаря этому работы И. Я. переводятся на иностранные языки: въ изданномъ союзомъ огромномъ обзорѣ современнаго европейскаго и внѣевропейскаго уголовнаго законодательства выходитъ, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, написанный Фойницкимъ отдѣлъ, относящійся къ Россіи; въ Парижѣ издаютъ во французскомъ переводѣ его работы о ссылкѣ; въ одномъ изъ лучшихъ спеціальныхъ журналовъ (созданномъ Листомъ «Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft») появляется переводъ оригинальной, интересной статьи И. Я. «О соучастіи».

Въ указанной области международно-научнаго общенія должно съ особымъ удареніемъ отмѣтить заслугу И. Я., заключающуюся въ основаніи русской группы международнаго союза криминалистовъ. Не забудемъ, что первый въ Россіи съѣздъ юристовъ въ то же время оказался и послѣднимъ; всѣ попытки устроить второй съѣздъ разбивались о соотвѣтствующее veto; научное общеніе между юристами теоретиками и практиками, между представителями столицъ и представителями

провинціи естественно ослабѣвало. И вотъ, благодаря энергіи и хлопотамъ И. Я., утверждается уставъ русской группы, и русскіе криминалисты получаютъ завидную для другихъ юристовъ возможность объединяться, вступать въ тѣсное общеніе, чувствовать себя звеномъ союза, охватывающаго криминалистовъ почти всего міра, и рука объ руку работать для обновленія нашего уголовнаго законодательства въ духѣ началъ, выдвинутыхъ наукой и опытомъ опередившихъ насъ странъ.

До 1905-го года И. Я. стоитъ во главѣ созданной имъ группы и направляетъ ея работу въ качествѣ безсмѣннаго выборнаго предсѣдателя. Въ 1905-мъ году на кіевскомъ съѣздѣ происходитъ разрывъ между группой и И. Я. и лишь въ прошломъ году, послѣ долгаго перерыва, И. Я. снова появляется на съѣздѣ группы, которая была такъ дорога ему.

Сейчасъ не пришло еще время для полнаго освѣщенія происшедшаго конфликта. По адресу И. Я. и тогда, и позже раздавалось много упрековъ за все, связанное съ закрытіемъ кіевскаго съѣзда. Пусть въ этихъ упрекахъ имѣется значительная доля правды, но безпристрастная исторія со временемъ отмѣтитъ то тяжелое положеніе, въ которомъ оказался И. Я., какъ отвѣтственное за съѣздъ и за судьбу группы лицо, когда неожиданно для него на съѣздъ накатила мощная политическая волна и прозвучали лозунги, во многомъ для И. Я. по его убѣжденіямъ неприемлемые. Спросимъ себя, много ли въ тотъ моментъ нашлось бы лицъ одинаковаго съ Фойницкимъ офиціальнаго положенія и одинаковыхъ убѣжденій, которыя пошли бы на встрѣчу большинству съѣзда? Намъ кажется, что въ отрицательномъ отвѣтѣ сомнѣнія быть не можетъ, и это нужно твердо помнить при безпристрастной оцѣнкѣ происшедшихъ событій и тѣхъ дѣйствій И. Я., которыя подверглись осужденію.

Прошли годы, принесшіе много разочарованій; многіе болѣе спокойно стали смотрѣть и на исторію кіевскаго съѣзда; многіе искренно порадовались, что И. Я. на съѣздѣ 1912-го года снова появился среди его членовъ и ждали, что старый предсѣдатель, которому столь многимъ обязана группа, въ близкомъ будущемъ опять приметъ горячее участіе въ ея трудахъ. Но судьба судила иное. Быстро въ послѣдніе два года падали силы И. Я.; неутомимо, несмотря на это, онъ работалъ на каѳедрѣ и бодро перенесъ огорченіе, вызванное тѣмъ, что безъ всякихъ сношеній съ нимъ и помимо его рекомендаціи была замѣщена по назначенію каѳедра уголовнаго судопроизводства, которую онъ занималъ

въ университетѣ. Еще въ серединѣ сентября онъ читалъ лекціи и экзаменовалъ. Правда, вслѣдствіе многолѣтней болѣзни онъ выглядѣлъ значительно старше своихъ 66 лѣтъ, но все же ничто не заставляло ожидать такъ скоро роковой развязки.

При жизни И. Я. успѣлъ выпустить только два тома сборника «На досугѣ»; онъ разсчитывалъ дать и третій томъ, куда долженъ былъ войти рядъ его цѣнныхъ статей. Смерть этому помѣшала, но мы не сомнѣваемся, что петербургскій юридическій факультетъ и петербургское юридическое общество исполнятъ лежащій на нихъ долгъ по отношенію къ памяти почившаго и примутъ мѣры къ выпуску третьяго посмертнаго тома, къ которому необходимо приложить и портретъ почившаго. Помѣщая эти строки въ «Вѣстникѣ Европы», мы не можемъ въ заключеніе не указать, что И. Я. имѣлъ связь съ этимъ журналомъ: на его страницахъ появилась въ 1878-мъ году статья: «Патронатъ въ Россіи и за-границей», а въ 1874-мъ году—имѣющая, какъ мы видѣли, громадное общественное значеніе статья: «Общегерманское законодательство печати».

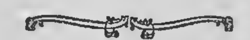
Въ предисловіи къ первому тому сборника «На досугѣ» И. Я. писалъ, что нельзя отъ него требовать, чтобы онъ полностью и въ 1897-мъ году раздѣлялъ всѣ положенія, изложенныя «въ весну его жизни». «Закону эволюціи, пояснялъ онъ, подчинены какъ цѣлые народы, такъ и отдѣльныя личности». Сказался, конечно, этотъ законъ эволюціи и въ разныхъ сторонахъ жизни и дѣятельности И. Я. Однако, пробѣгая мыслью эти разныя стороны и подводя итоги, можно и должно сказать, что наша родина понесла тяжкую утрату: изъ жизни ушелъ человѣкъ большого и незауряднаго таланта, неутомимый труженникъ, человѣкъ долга и крупной иниціативы, искренно преданный наукѣ и ея идеаламъ, съ честью трудившійся для этой науки и блага родины до своего послѣдняго вздоха.

Пишущій эти строки не былъ ученикомъ И. Я. въ прямомъ и формальномъ смыслѣ этого слова; онъ не былъ слушателемъ усопшаго, не подъ его руководствомъ готовился къ научной дѣятельности и не при его участіи получалъ ученыя степени. Но онъ въ своемъ научномъ развитіи считаетъ себя многимъ обязаннымъ трудамъ покойнаго И. Я. и испыталъ при сформированіи своего научнаго credo мощное воздѣйствіе тѣхъ основныхъ идей И. Я., которыя съ такимъ блескомъ были изложены на страницахъ его многочисленныхъ произведеній. Съ благодарной памятью вспоминаетъ онъ о чести читать параллельный съ И. Я. курсъ,

которую онъ имѣлъ, открывъ этотъ курсъ по желанію и просьбѣ почившаго. Такихъ просьбъ немного найдемъ мы въ исторіи нашихъ университетовъ.

М. Чубинскій.

Sit tibi terra levis!



АВІАТОРЪ.

Повѣсть нашихъ дней.

(Окончаніе) [1].

Я ходилъ въ синей блузѣ и кожаномъ передникѣ и научился своимъ молотомъ заставлять пѣть наковальню. Помѣщеніе, гдѣ мы работали, было темное и полно дыма. Въ глубинѣ пылалъ горнъ; механикъ Каспаръ, наступая ногою на поддувальный мѣхъ, дулъ на огонь и самъ то будто загорался, то исчезалъ, окутанный гигантскими тѣнями. Отблескъ пламени кривилъ его нижнюю губу, словно обросшую шерстью, приплюснутую коротенькой трубкой, которой онъ не выпускалъ изо рта, заставлялъ его корчить уморительныя рожи. Когда мы ковали трубы, сталь плавилась въ фіолетовомъ и свѣтло-зеленомъ огнѣ и плакала огненно-желтыми слезами.

Изъ черной кузницы я выходилъ на свѣтъ, во вторую нашу мастерскую, гдѣ пахло клеемъ и деревомъ. Здѣсь работалъ Якобъ, сухенькій старичекъ, вѣжливый, услужливый, все время тихонько разговаривавшій самъ съ собою. Пила визжала, словно аккомпонируя басистому гудѣнью двигателя; склеенныя деревяшки зажимали клещами.

Мы строили сарай, который долженъ былъ служить намъ и ангаромъ, и чертежной, и пріемной, и складомъ. Окна его выходили во дворъ, на нашъ маленькій домикъ, пріютившійся подъ тѣнью высокихъ старыхъ деревьевъ. Мы дали ему имя: «Обитель довольства». Сердце мое, какъ маятникъ, раскачивалось между чертежной и домомъ.

---

[1]) См. октябрь, стр. 227.

Тѣмъ временемъ шуринъ мой въ поискахъ вдохновенія скитался по разнымъ городамъ и привозилъ домой все, что казалось ему пригоднымъ: пружинные замки, стальныя струны, прорезиненную матерію, нивеллиры, колеса тележки и идеи. И, по возвращеніи, дни напролетъ сидѣлъ за чертежнымъ столомъ, неутомимо доискиваясь наиболѣе совершенной формы, которая не давалась ему. Когда ему случалось обѣдать у насъ, онъ вмѣсто бумаги, чертилъ на скатерти; и мы, не отрываясь, слѣдили за его карандашемъ—я съ интересомъ профессіонала, моя жена—съ затаенной тревогой и страхомъ.

Работа въ ангарѣ подвигалась. Медленно пригонялись одна къ другой отдѣльныя части. Къ открытому среднему брусу прикрѣпляли остовы крыльевъ. У птицъ учились мы дѣлать ихъ легкими и въ то же время выносливыми; стойки мы выдалбливали, дѣлая ихъ полыми, какъ птичьи кости, а ребра брали гибкія, какъ птичьи перья. Былъ выработанъ и проэктъ двигателя—о четырехъ цилиндрахъ, въ пятьдесятъ лошадиныхъ силъ—и выполненіе его поручено тому самому заводу, гдѣ я служилъ еще недавно.

Создавался организмъ; его желѣзное сердце уже начинало биться, и мы испытывали благоговѣйную радость творчества.

Мнѣ вспоминается сонъ, который снится многимъ и уже не снится мнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ люди научились летать. Я съ безумной скоростью несусь по воздуху; вѣтеръ толчками подгоняетъ меня; я просыпаюсь—и, даже просыпаясь, ощущаю напряженность своихъ сухожилій и недвижную пустоту пространства. Сердце мое бьется сильно и ровно; во мнѣ нѣтъ страха, нѣтъ сомнѣній: я леталъ и буду летать; сегодня ночью, или милліоны лѣтъ назадъ—не все ли равно: что было разъ, когда нибудь вернется въ круговоротѣ жизни.

Въ насъ трепетало радостное ожиданіе и гнало насъ на просторъ. Ни зимой, ни лѣтомъ мы вечеромъ не могли усидѣть въ комнатахъ. Мы скатывались съ горъ на саняхъ; ѣздили на лодкѣ, на веслахъ и подъ парусомъ, упражнялись въ плаваніи, учились двигаться по землѣ и по водѣ, готовясь къ движенію въ воздухѣ.

Я, уроженецъ степей, научился любить красоту горъ: карабкаться все выше и выше, шагъ за шагомъ завоевывая просторъ; спускаться все ниже, словно врастая обратно въ низины.

Горный хребетъ надъ озеромъ выступалъ обнаженный и гладкій изъ пояса лѣсовъ, покрывавшихъ его склоны; дорога

прорѣзывала его, прямая, какъ стрѣла, и затѣмъ круто спускалась въ лѣсъ, точно проваливаясь въ дыру. Вмѣстѣ съ Маріей мы скользили съ горъ въ долины по мягкому покрову, который не былъ ни жидкимъ, ни твердымъ. Оба мы были, какъ машины, работающія совмѣстно, въ тактъ; одновременно нагибались и, задерживая саночки, проводили рукой по мягкому снѣгу. Буки и сосны подставляли намъ ножку, подсовывали подъ полозья нашихъ саночекъ сплетенія своихъ корней; сани подпрыгивали, задѣвали за кусты, хлеставшіе насъ по головамъ. Нырнувъ въ сугробъ, они вдругъ взлетали съ размаху на самый верхъ снѣжнаго вала, и тогда открывался дивный видъ на озеро, берега и острова на озерѣ, мирно лежавшіе въ глубинѣ подъ нами. Мы особенно дорожили такими моментами, ловили ихъ и наслаждались ими; затѣмъ, движеніемъ ноги, я круто сворачивалъ въ первый и второй изгибъ дороги, чертившей букву S среди занесенныхъ снѣгомъ виноградниковъ. Впереди былъ свободный путь: вѣтеръ крутилъ высокіе столбы снѣжной пыли, деревья и столбы, словно сорвавшись съ привязи, мчались мимо; мы ничего не видѣли, ничего не слышали; ощущали только свистъ вѣтра въ ушахъ и, съ громкимъ предостерегающимъ крикомъ, вихремъ промчавшись черезъ послѣднюю лощину, вылетали на плоскую равнину, гдѣ сани постепенно замедляли бѣгъ.

Мы оба продолжали сидѣть въ нихъ, мокрые, немножко одурѣлые, безумные и радостные, опьяненные неудержимой стремительностью бѣга, отъ которой кровь быстрѣй бѣжала въ жилахъ. Сколько времени длился этотъ бѣгъ—минуты или часы—не все ли намъ было равно? Мы не боялись труднаго и долгаго подъема на гору, лишь бы снова и снова насладиться краткимъ мгновеніемъ.

Я плавалъ въ озерѣ. Чуждый берегъ манилъ и выросталъ. Нога моя уже касалась прибрежнаго песка и вновь отталкивалась, и вдругъ—налетѣла буря. Со всѣхъ сторонъ набѣгали волны, пѣнясь и обгоняя другъ дружку. Только я успѣвалъ взобраться на гребень одной, сзади захлестывала меня съ головой другая; вода набиралась и въ уши, и въ носъ, не хватало воздуха. И каждая волна угоняла меня все дальше отъ берега. Я потерялъ счетъ времени; часы кружились въ какой-то адской пляскѣ; напрягая силы, я все плылъ и плылъ. Наконецъ изъ водныхъ долинъ выдвинулась деревня. Дымъ изъ трубъ нашей мастерской указывалъ мнѣ направленіе: итакъ, надо плыть противъ теченія. Одно время силы наши казались равными.

Потомъ снова меня захлестнула волна; я наглотался воды и ослабѣлъ. Теченіе съ неудержимой силой относило меня прочь отъ берега.

Воля моя притупилась; на душѣ было горько:—такъ безсмысленно погибнуть отъ слѣпой ярости стихій, которыя даже не ненавидятъ—нѣтъ, просто не знаютъ, что дѣлаютъ; видѣть дымъ собственной трубы и думать, что это—прощальный привѣтъ отъ начатаго дѣла и сердца, которое бьется въ унисонъ съ твоимъ и, однакоже, не знаетъ о твоей бѣдѣ... Гнѣвъ кипѣлъ во мнѣ; хотѣлось плакать и кричать—а я едва дышалъ.

Пароходъ, отдѣлившійся отъ пристани, прошумѣлъ близко отъ меня, на подачу голоса. Но, когда я увидалъ, что пассажиры озабоченно указываютъ на меня пальцами, гордость моя возмутилась—я не подалъ голоса.

А затѣмъ исчезли и боль, и желаніе; я плылъ, словно во снѣ, едва шевеля членами. Кто то позвалъ меня; я увидѣлъ стѣну, схватился за нее и почувствовалъ, что меня тянутъ кверху.

Голосъ Маріи спросилъ:

— Хватитъ у тебя силъ взобраться въ лодку?

Я покачалъ головой.

— Такъ держись покрѣпче за бортъ.

Она на веслахъ дотащила меня до пристани. Я, шатаясь, вылѣзъ на берегъ и грохнулся о земь безъ чувствъ.

Когда я проснулся, возлѣ моей кровати сидѣла Марія. Въ этомъ снѣ изнеможенія мнѣ снилось счастье дѣтства—быть слабымъ и чувствовать себя подъ крылышкомъ. Я сталъ просить:

— Прости, Марія.

Она улыбнулась, усталою улыбкой, старившей ее.

— А это—было тоже предопредѣленіе?

Я молча поцѣловалъ ея руку.

Уже нашелся смѣлый летчикъ, который перелетѣлъ черезъ Ламаншъ, и вновь назначенъ былъ воздушный турниръ, посланъ вызовъ врагу, который шлетъ въ воздушныхъ всадниковъ свои невидимыя стрѣлы.

Пока мы пробовали двигатель, мой шуринъ сидѣлъ на верстакѣ и сердито жевалъ кончики усовъ.

— Мы будемъ летать,—ворчалъ онъ,—но, пока, все это только начало, неуклюжее и неумѣлое. Мы танцуемъ на канатѣ,

силясь сохранить равновѣсіе, вмѣсто того,чтобъ реагировать автоматически, какъ птицы.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись на ты, я хорошо узналъ его и не мѣшалъ ему ворчать.

Плоскій хребетъ горы поросъ низкой травой, тамъ и сямъ усѣянной блѣдными осенними розовато-лиловыми безвременниками. Здѣсь мы рѣшили упражняться въ первыхъ пробѣгахъ и взлетахъ, прежде чѣмъ дать нашему летучему дракому плавники, чтобъ испробовать его на озерѣ.

Марія стала просить меня:

— Не летай.

Я разсердился.

— Что же мнѣ—довѣрить свою машину чужому человѣку? Это только доказывало бы, что я самъ не довѣряю ей и трусливо подвергаю опасности вмѣсто себя другихъ людей, не знающихъ ея такъ хорошо, какъ твой братъ и я.

Марія схватила меня за руку.

— Тогда возьми меня съ собой.

Я нервничалъ и грубо оттолкнулъ ее—не оцѣнивъ ея тихаго геройства, ея желанія раздѣлить со мной опасность, которой она не могла отвратить.

Снова, какъ много лѣтъ тому назадъ, я ночью свезъ на условленное мѣсто нашъ аэропланъ. Во всѣхъ домахъ на нашей улицѣ огни были погашены, и вывѣски трактировъ раскачивались на вѣтру. Только въ «Быкѣ» горланили пьяные. Наша лошадка бѣжала мелкой рысцей; Каспаръ и старый Якобъ плелись сзади.

На Эгартѣ насъ поджидалъ мой компаньонъ. Мы осторожно сняли машину по частямъ съ телѣги и перенесли ее въ ангаръ, выстроенный нами на опушкѣ лѣса.

Затѣмъ мы пожали другъ другу руки и простились. Мой товарищъ поставилъ въ дверяхъ ангара складной стулъ, взялъ трубку — но не курилъ. Заворачивая за уголъ, я оглянулся и кивнулъ ему. Онъ сидѣлъ, нагнувшись впередъ, и смотрѣлъ на разобранную на части птицу,—созданіе рукъ его.

Не могу безъ дрожи вспоминать эти дождливые дни и холодныя ночи, когда мы зябли и подъ теплымъ одѣяломъ, не говорили ни о чемъ, кромѣ погоды, слѣдили только за дыханіемъ зефира и учились бояться каждаго каприза вѣтерка, измѣряя его секундометромъ.

Лѣто увядало, птицы тянулись на югъ; цѣлая стая ласточекъ, утомившись въ пути, спустилась отдохнуть въ нашихъ тростникахъ. Ихъ взволнованное щебетанье то вдругъ становилось шумнымъ, то слабѣло, замирало. Только птенцы и во снѣ все жалобно попискивали. На зеленой лужайкѣ передъ нашихъ ангаромъ порхалъ послѣдній мотылекъ—зачѣмъ ты здѣсь, крылатое дитя лѣта? Или ты шлешь, умирая, привѣтъ большому брату?

Когда вѣтеръ стучался въ стѣны ангара, я вспоминалъ свою родную степь, сила стучится, вызывая на бой; она хочетъ быть сломленной. Но мы, не довѣряя гиганту, который показываетъ намъ кулаки, нападаемъ на него во снѣ, боремся съ нимъ силой нашего двигателя. Или человѣкъ разучился противоставить силѣ хитрость? Паруса моей угасшей юности—неужто вы вернетесь? Мнѣ вспоминалось дѣтство: какъ осенью наши летучіе змѣи долго упрямо качались взадъ и впередъ на веревкѣ, прежде чѣмъ попасть въ воздушное теченіе и полетѣть. Дѣти приходятъ изъ глубинъ первыхъ ступеней жизни человѣчества и еще помнятъ тѣ времена, когда огромные допотопные драконы летали, ввѣряя себя вѣтру. Дѣти, безумцы и китайцы — одни только хранятъ древнюю мудрость.

У насъ въ ангарѣ было теперь людно. Отъ времени до времени приходилъ кто-нибудь изъ сосѣдей крестьянъ, съ шумомъ откатывалъ дверь и молча разглядывалъ незнакомую, странную, безтѣлесную машину, ничего ему не говорившую. А у щелей ангара часами слышался дѣтскій шепотъ, полный ожиданія. Для ребятишекъ летательная машина и полетъ — одно и то же, и они изо дня въ день довѣрчиво ждали, когда она полетитъ, потому что и сами они летали—съ ангелами и эльфами, съ семью братьями лебедями и семью воронами. «Сестрица отрѣзала у гуся крылья и полетѣла на нихъ къ своимъ братьямъ на гору».

Старый Якобъ кивалъ головой и тихонько ухмылялся про себя, слушая ихъ разговоры.

— Это какъ же, значитъ—какъ коверъ-самолетъ, что ли?

— Это воздушный шаръ.

— А зачѣмъ у него крылья?

Малютка дѣвочка, съ блестящими глазами, пояснила:

— Они полетятъ на небо.

Рослый черномазый мальчишка проворчалъ басомъ, какъ взрослый:

— Да, если только не свалятся.

Другой мальчуганъ съ задорнымъ личикомъ попросилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть поближе.

Другіе подхватили:

— И намъ тоже!

Я отворилъ дверь и впустилъ ихъ всѣхъ. Они сбились въ кучу и притихли, точно въ церкви.

Я, улыбаясь, спросилъ:

— Ну-ка, скажите: что это?

Они смущенно молчали.

Та же дѣвочка, сконфуженно теребя бантикъ отъ косы, сказала:

— Это лѣтняя птица — у нея двѣ пары крыльевъ, а на головѣ рожки.

Она подразумѣвала пропеллеръ. Я потянулъ ее за косичку и не сталъ ей разъяснять ея ошибку.

Еще успѣютъ они узнать устройство летательной машины, и это не сдѣлаетъ ихъ умнѣе.

Мой товарищъ, стоя на крышѣ ангара, измѣрялъ силу вѣтра. Крестикъ въ чашечкѣ, словно играя, ходилъ кругомъ: то лѣниво, то въ галопъ, потомъ совсѣмъ заснулъ.

— Два въ секунду—можно.

Утро занималось сѣрое, морозное; далекія деревья купались въ туманѣ. Меня трясла лихорадка ожиданія, спать я не могъ; вскочилъ съ постели и тотчасъ взялся за работу. Старый Якобъ потиралъ жесткія сморщенныя руки. Каспаръ спокойно курилъ. Мы перенесли нашъ бипланъ на скошенную лужайку. Еще разъ натянули проволоки и осмотрѣли всѣ замки; смазали моторъ, наполнили резервуаръ бензиномъ.

Кимъ по обыкновенію жаловался:

— Эхъ, надо было положить на сидѣнье кружокъ изъ пробки, или каучука.

Я быстро вынулъ изъ кармана двѣ монеты, и мы бросили жребій.

— Марка или франкъ?

— Франкъ.

Я протянулъ ему руку.

— Желаю успѣха.

— Спасибо.

Онъ взошелъ по наклону и поставилъ бипланъ противъ улегшагося вѣтра. Затѣмъ самъ полѣзъ на него по маленькой лѣсенкѣ.

— Я возьму малую скорость.

Каспаръ положилъ свои медвѣжьи лапы на пропеллеръ. Затрещалъ запалъ; винтъ завертѣлся и остановился.

— Еще разъ.

Загудѣлъ моторъ, завертѣлся винтъ — вѣтеръ пошелъ отъ него въ нашу сторону.

Кимъ раскинулъ руки — словно хотѣлъ обнять весь міръ.

Мы отпустили хвостъ и отступили въ сторону. Бипланъ, держа хвостъ горизонтально, покатился по прямой линіи. У опушки лѣса онъ описалъ кривую; я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ легко поворачиваетъ. Вотъ онъ ужъ близко; голова пилота, гладкая, какъ у бобра, въ кожаной шапочкѣ летчика, лежитъ, словно отрѣзанная, на рулѣ высоты — совсѣмъ какъ голова Іоанна Крестителя на блюдѣ. Моторъ умолкъ.

Мой товарищъ скомандовалъ.

— Поверните аэропланъ.

Мы всѣ трое повиновались.

— Садись!

Я, схватившись за передній край нижней поверхности, перекинулся черезъ бортъ и усѣлся верхомъ на доскѣ для сидѣнья, между Кимомъ и моторомъ. Я не задавалъ вопросовъ и не удивлялся, что Кимъ какъ то сразу сталъ совсѣмъ другой.

— Слѣди за моторомъ.

Я протянулъ руку мимо него и взялся за рычагъ.

— Заводи.

Каспаръ завертѣлъ пропеллеръ; подпрыгивая, аппаратъ пришелъ въ движеніе. Встрѣчный вѣтеръ былъ свѣжій и рѣзкій; я крѣпче нахлобучилъ шапку на голову.

— Крѣпче нажми!—крикнулъ мнѣ Кимъ въ самое ухо.

Я нажалъ.

Пилотъ судорожно вращалъ колесо руля то вправо, то влѣво, чтобы удержать машину въ равновѣсіи, и заставилъ ее описать большую дугу. Я оглянулся назадъ—боковой руль направленія былъ послушенъ—мы огибали поле.

И я ощутилъ въ себѣ радость тѣхъ, чей расчетъ оправдывается на дѣлѣ. Мы почти не обращали вниманія на то, что кругомъ все свѣтлѣло, одинаковое нетерпѣніе напрягало наши нервы. Кимъ дергалъ колесо руля, какъ будто хотѣлъ притянуть его къ себѣ, и я угадалъ, чего ему хотѣлось, и что было противъ нашихъ первоначальныхъ намѣреній. Я далъ мотору полный ходъ и нашъ аэропланъ сдѣлалъ скачекъ. Мы неслись, словно на саняхъ съ горы, скользили съ быстротой пущенной

стрѣлы. Дорога стала гладкой, какъ зеркало и неслась намъ навстрѣчу. Темная стѣна лѣса выпрямилась; я невольно остановилъ моторъ: земля перекосилась; аэропланъ вздрогнулъ отъ толчка, подбросившаго насъ кверху. Одна изъ боковыхъ тягъ волочилась по землѣ; я потянулъ руль на себя; машина стала.

Мы оба выбились изъ силъ, почти окоченѣли; незащищенные глаза ныли отъ вѣтра. Что случилось? Мой шуринъ повернулся ко мнѣ; мы смущенно переглянулись.

Каспаръ на велосипедѣ катилъ къ намъ, на ходу набивая трубку. Онъ смѣялся:

— Вы славно полетали.

Мы оба не отвѣтили — значитъ, такъ и было. Стыдъ давилъ насъ; мы сознавали всю опасность нетерпѣнія, увлекшаго насъ: нельзя же такъ ставить на карту недоконченное дѣло.

Я нерѣшительно спросилъ.

— Насколько же мы поднялись надъ землею? На полметра?

Каспаръ очень удивился.

— Какъ: на полметра? На пять метровъ — можетъ быть, даже на десять.

Каспаръ тѣмъ временемъ осматривалъ машину.

Дужка была сломана; края поддерживающихъ поверхностей слегка повреждены. Мы не спѣшили вернуться къ мѣсту подъема.

Я шелъ позади Кима, и мысли мои были грустныя. Какъ часто я представлялъ себѣ тотъ дивный моментъ, когда тѣло мое отдѣлится отъ земли. И вотъ, сегодня, мы летали—и я почти не замѣтилъ этого.

Началась пора ученія, практики, безконечныхъ повтореній. Мы дѣлали разбѣги, позволяя себѣ лишь небольшіе взлеты, и постепенно улучшали аппаратъ: увеличили размѣры крылышекъ, сдѣлали толще края поверхностей.

Въ летаніи по прямому направленію мы были уже тверды и упражнялись теперь только въ виражахъ.

Затѣмъ, сильнѣе повернули руль высоты и изъ нашей котловины взвились въ неограниченный просторъ. Я управлялъ машиной и несся вмѣстѣ съ вѣтромъ къ оголеннымъ деревьямъ; нашъ бипланъ подпрыгивалъ, словно на спинѣ чудовища, и содрогался отъ сильныхъ толчковъ. Лѣсъ былъ подъ нами; съ угрозой тянулся къ намъ своими черными руками. На меня вдругъ напалъ безумный страхъ; но тотчасъ же на сердце мое

легла другая рука и влила въ него свое спокойствіе. Близкіе предметы, на мигъ приковавшіе мое вниманіе, потонули въ гущѣ лѣса внизу; я уже, не отводя глазъ, смотрѣлъ прямо передъ собой. Всѣ чувства слились въ одномъ—слухѣ; ухо чутко прислушивалось къ звуку мотора; рука парировала каждое колебаніе машины. И все время въ этомъ первомъ полетѣ я чувствовалъ на своей груди руку друга, контролировавшую біеніе моего сердца, передававшую мнѣ свою спокойную увѣренность. Авіаторомъ нельзя стать—имъ надо родиться; у истаго авіатора, какъ у рыбъ и птицъ—шестое чувство—чувство равновѣсія, которому человѣкъ далъ въ себѣ заглохнуть и лишь съ трудомъ завоевываетъ его снова.

Очки съѣхали съ моего носа; я косился на руль высоты, какъ мнѣ казалось, качавшійся надъ ними; мы описали дугу надъ деревней, озеромъ и островомъ. У опушки лѣса я остановилъ моторъ, и мы стали скользящимъ спускомъ спускаться къ Эгарту. Тогда я снова пустилъ въ ходъ машину; аэропланъ поднялся, и мы причалили къ поблекшей, вытоптанной травѣ.

Катя въ ангаръ своего воздушнаго коня, шуринъ бранился.

— Мы же условились не подниматься высоко.

Я пожалъ плечами.

— Развѣ это я? Вѣтеръ, дувшій изъ котловины, увлекъ насъ за собою.

Каспаръ закурилъ свою коротенькую трубочку и, выпустивъ клубъ дыму, проворчалъ:

— Вѣтеръ-ли?

Старый Якобъ тихонько посмѣивался.

— Комики!..

Мой товарищъ разсердился.

— Больше мы летать не будемъ, пока я не придѣлаю добавочныхъ боковыхъ рулей и плавниковъ—тогда можешь спускаться хоть прямо въ озеро.

Я не разсердился на него и пошелъ обратно, той же дорогой, по которой давеча летѣлъ. И видѣлъ тотъ же островокъ на озерѣ и поднимавшійся надъ озеромъ туманъ. Я присѣлъ на склонѣ холма. Въ душѣ расло упорство. Налетѣлъ врагъ мой—буря. Желтыя полоски берега стали сразу грязно-бурыми; за ними кипѣла черная съ бѣлыми завитками пѣны вода. Прибрежные луга словно приблизились и стали ярко-изумрудными; а горы—ихъ темно-голубымъ бордюромъ. Картина сочныхъ красокъ и

строгихъ формъ—утѣха взору тѣхъ, кто стоитъ на твердой землѣ и кому нечего бояться бури.

Я радостно кинулся подъ дождь и только передъ своимъ домомъ въ изумленіи остановился. Марія стояла въ дверяхъ; въ расширенныхъ ея глазахъ я читалъ страхъ.

Гдѣ эти дни, полные смѣны картинъ и опьяняющихъ мечтаній. Небо раскинулось надо мной куполомъ осуществленія— а я измѣряю его сводъ и слишкомъ тонкіе его устои взоромъ, который разсчитываетъ и вычисляетъ. Надо ли возноситься высоко надъ землей? Или, наоборотъ, приблизить къ ней свой полетъ? Могущество наше возрасло; прибавилось новое орудіе передвиженія; надо научиться пользоваться имъ.

Гдѣ вы, дни моего одиночества? Мое Я связано точно цѣпью съ его Ты, и наши мысли бѣгутъ въ одной упряжкѣ. Но порою мнѣ становится жутко. Что, въ сущности, я знаю о тебѣ? Что я зналъ о женщинахъ? Я знаю только одно: никогда больше я не буду одинъ, а, между тѣмъ, полной близости тоже нѣтъ; чувствуется извѣстное отчужденіе, стѣна, стоящая между мужчиной и женщиной.

Твое Я для тебя ясно; ты сама—центръ міра; твоя основа въ тебѣ самой, ибо ты предназначена изъ себя самой давать новые ростки жизни.

Мы же, неспособные вмѣстить міръ въ себѣ самихъ, мечемся во всѣ стороны, накидываясь то на женщину, то на работу.

Какъ только нашъ аэропланъ на своихъ круглыхъ ногахъ-колесикахъ выкатывался изъ ангара, въ деревнѣ поднимался шумъ и бѣготня; ворота школы разверзали пасть, и изъ нея, словно живой рой звуковъ, облекшихся въ плоть и кровь, вылеталъ рой дѣтей, устремлявшихся къ набережной. Звуки смѣшивались, сливались въ одно, и въ тихомъ зимнемъ воздухѣ проносился, словно бурный вѣтеръ, крикъ:

— Они летаютъ.

Мы снимались съ высотъ и летали надъ озеромъ, уже не боясь летать при свѣтѣ дня, и весело глядя сверху внизъ на людей—этихъ одаренныхъ разумомъ и въ то же время неразумныхъ существъ тамъ внизу, взволнованно размахивавшихъ руками и закидывавшихъ головы, чтобъ поглядѣть на насъ.

Ибо для насъ жизнь и міръ становились безгласными: мы видѣли только жесты. Человѣкъ казался шарикомъ на другомъ, большемъ шарѣ и точкой на чернильномъ пятнѣ—тѣнь его, наоборотъ, имѣла человѣческій обликъ и бѣжала бочкомъ по поверхности втораго шара. Коровы казались призраками возлѣ пестрыхъ пятенъ; деревья вытягивались силуэтами, очерченными на землѣ, съ какими-то корявыми лишаями у подножья. Озеро лежало ясное и безкрасочное; игры рыбъ отражались въ воздухѣ, и мы видѣли ихъ совсѣмъ близко. То, что казалось правдой, было на самомъ дѣлѣ миражемъ,—созданнымъ капризомъ солнечныхъ лучей.

Но мы, все же, чувствовали свою власть надъ тѣми, внизу: власть надъ природой, и всѣ живыя существа, кромѣ человѣка, пугались насъ и грознаго жужжанья нашего мотора. Дикія утки и кулики опрометью ныряли въ серебряную воду; чайки, судорожно взмахивая крыльями, безпомощно метались взадъ и впередъ.

Мы повернули и пересѣкли наше шоссе, на которомъ наискосокъ росшіе тополя словно наставили противъ насъ копья. Заяцъ присѣлъ на заднія лапки, потомъ вдругъ прыгнулъ въ кусты—и обезумѣлъ отъ страха, убѣдившись, что, несмотря на всѣ его хитрости, жужжаніе наверху надъ нимъ не прекратилось. Семья косуль внезапно остановилась на просѣкѣ; самка протяжно заворчала, козлята попрятались въ папоротники; козлы уткнулись лбами въ деревья. Ястребъ, охотившійся за воробьями, выпустилъ изъ когтей уже пойманную добычу, испугавшись еще болѣе дерзкаго разбойника, который утаскиваетъ даже людей.

Мы поднимались все выше и выше. Озеро за спиной у насъ съежилось и стало голубымъ. Деревня скрылась изъ виду; въ морѣ лѣсовъ колыхались бѣлыя виллы. Лѣса встали крутой стѣной, и надъ ними возносились великаны съ убѣленными снѣгомъ старости маковками. Они словно цѣплялись за наши крылья и не пускали. Отъ вѣчныхъ снѣговъ вѣяло холодомъ; моя радость остыла. Мы были здѣсь не одни—мы весь міръ унесли съ собою.

Я круто затормозилъ моторъ; земля понеслась намъ навстрѣчу; мы спустились на озеро, сразу обезцвѣтившееся, прямо на наше отраженіе въ немъ, протягивавшее намъ навстрѣчу плавники. Когда мы плыли къ берегу, мной овладѣло желаніе прыгнуть туда, въ этотъ милый, манящій соблазнъ.

Но мы уже снова взвились кверху, отыскивая обычное наше мѣсто спуска. На лужкѣ передъ ангаромъ паслись овцы—

точно отраженіе зимняго неба, покрытаго мелкими облачками-барашками. Мы упали посерединѣ стада—ни одна не подняла головы.

Въ нашей мастерской стоялъ на штапелѣ новый воздушный корабль: мы строили гоночный монопланъ для всеміркаго конкурса, въ сто лошадиныхъ силъ, съ стальными канатами вмѣсто проволокъ, съ крытымъ сидѣньемъ, крѣпко втиснутымъ въ крытую гондолу—символъ нашей цѣли: стремительной атаки на врага, который на этотъ разъ былъ уже не вѣтеръ, а человѣкъ и конкуррентъ.

Мы были слуги закона, его же не прейдеши, работники эволюціи, изъ матеріи и цѣпи рождающей форму. Теперь я постигъ, какъ тѣсно соприкасаются между собою формы и какъ одна и та же цѣль дѣлаетъ ихъ подобными одна другой: грубой формы ящикъ—змѣй—сталъ птицей, и свершилось то, что не удавалось піонерамъ, рабски копировавшимъ устройство тѣла птицы, не внося въ него никакихъ усовершенствованій.

Даже Кимъ, всегда подозрительный и сомнѣвающійся, хвалилъ нашу работу.

— На этомъ мы будемъ летать быстрѣе—значитъ, и безопаснѣе.

Онъ взволнованно шагалъ по ангару.

— Сегодня я записался на полетъ.

Мы лакировали поддерживающую поверхность, поставленную на козлы. Мой шуринъ круто вдругъ остановился.

— Кто сядетъ на руль?

Я провѣрилъ, ровно ли положенъ грунтъ. Парусина натянулась и стала серебристо-сѣрой. Не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ:

— Я самъ хотѣлъ бы управлять—а ты слѣди за направленіемъ.

Тонъ его удивилъ меня; я промолчалъ. Онъ продолжалъ скороговоркой:

— Каспара мы возьмемъ съ собою и запасныя части уложимъ въ мой автомобиль. Якобъ, разумѣется, останется здѣсь.

Я вышелъ во дворъ и началъ красить гондолу, тоже въ серебристо-сѣрый цвѣтъ; съ широко растопыренными ногами, она походила на амфибію, вылѣзшую изъ озера на берегъ. Черезъ минуту и Кимъ пришелъ ко мнѣ.

— Мы оба должны имѣть дипломы. Я уже подалъ заявленіе; завтра обязанъ выполнить часовой полетъ въ воздухоплавательномъ паркѣ—тамъ будутъ присутствовать два комитетчика.

Онъ подготовилъ все, чтобы захватить меня врасплохъ. Я подумалъ и сдержалъ злое слово, просившееся на языкъ. То, что предстояло намъ, требовало единенія и безусловной взаимной поддержки. Вѣдь, онъ, дѣйствительно, лучшій летчикъ, чѣмъ я—это рѣшало дѣло.

— Я буду участвовать въ мѣстныхъ конкурсахъ, а ты въ большомъ.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и вдругъ разговорился, какъ это рѣдко съ нимъ бывало. Я же ощущалъ въ себѣ надрывъ и боль: мы были уже не Я и Ты, а Я—и Я.

Я отыскалъ Марію. И она тоже измѣнилась: затаила въ себѣ страхъ и мольбы и казалась воплощеніемъ дружбы и твердой рѣшимости.

Она работала въ саду, гдѣ уже показались крокусы, предвѣстники весны.

— Мы заявили, что будемъ участвовать въ круговомъ полетѣ.

Она подняла глаза.

— Это необходимо?

— Для насъ отъ этого все зависитъ. Безъ дипломовъ мы не можемъ итти дальше.

— Иди,—сказала она.—Иди—и возвращайся. Я знаю, что еще не могу удержать тебя.

Городокъ, гнѣздившійся въ долинѣ, былъ шумный и дымный. Улицы, ведшія къ фабрикамъ и мастерскимъ, наполнились закопченными, перепачканными сажей людьми; но одна была чистенькая, нарядная, запруженная пестрыми экипажами.

Вокругъ большого поля кольцомъ расположились зрители. Развѣвались флаги, играла музыка. Раздвинулся занавѣсъ ангара. Первый аэропланъ съ трескомъ взвился на воздухъ; его привѣтствовали единодушнымъ крикомъ изумленія и восторга. За нимъ второй, третій, четвертый. Теперь вопросъ былъ уже не въ томъ, чтобъ полетѣть, но въ томъ, кто полетитъ смѣлѣе, дальше, выше. Опьяненіе публики передавалось авіаторамъ; чудо стало зрѣлищемъ и зрѣлище—акробатическимъ представленіемъ.

Въ нашемъ ангарѣ еще заканчивали сборку частей. Длинная, тонкая гондола стояла посрединѣ; мой шуринъ, вскарабкавшись на нее, обходилъ ее кругомъ; Каспаръ укрѣплялъ винтъ на втулкѣ. Здѣсь было тихо и сумеречно; шумъ снаружи доносился до насъ журчаньемъ ручейка; когда же взрывъ рукопле-

сканій привѣтствовалъ новаго авіатора, казалось, будто вѣтеръ шуршитъ сухими листьями.

Въ щель занавѣса заглядывали любопытные, входили, просили позволенія взглянуть на нашего дракона. Итальянецъ, графъ и атташе посольства, скромно смотрѣлъ издали, прислушиваясь къ словамъ инженера, объяснявшаго своей женѣ устройство нашего аэроплана: инженеръ былъ возбужденъ и суетливъ; его дама и его спутникъ—неизмѣнные посѣтители всѣхъ полетовъ. Въ сторонѣ отъ нихъ парень съ жилистыми, длинными, какъ у обезьяны, руками, крѣпкими широкими зубами и самоувѣреннымъ видомъ изслѣдовалъ моторъ, предлагая отрывистые дѣловитые вопросы механику: онъ былъ шофферомъ; потомъ, однажды, потихоньку отъ своего хозяина, поднялся на его аэропланѣ. Поджарый господинъ съ сѣрыми щеками и черными зубами, въ которыхъ блестѣли золотыя пломбы, озирался вокругъ умными, немного грустными глазами; онъ былъ баронъ и глобтроттеръ, и на полетахъ выступалъ какъ бы антрепренеромъ своего болѣе молодого друга, котораго онъ также привелъ съ собой.

— Вы участвуете и въ мѣстныхъ состязаніяхъ?

Я пояснилъ:

— Одинъ я, чтобы поберечь нервы моего товарища для дальнихъ полетовъ.

Баронъ съ живостью повернулся къ своему другу:

— Видите, докторъ—беречь свои силы—въ этомъ залогъ побѣды.

Докторъ лѣниво махнулъ рукой; его неопредѣленно-мечтательный взглядъ сталъ насмѣшливымъ.

— Одинъ разъ—вы помните, баронъ, это было въ Реймсѣ, въ школѣ авіаціи—я не хотѣлъ подняться при десяти секундометрахъ: тогда другой летчикъ, изъ упорства, полетѣлъ на моей машинѣ—и сломалъ мнѣ аэропланъ, а себѣ ногу.

Старый спортсменъ усмѣхнулся, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Когда ослу живется хорошо...

— Съ тѣхъ поръ,—лукаво закончилъ докторъ,—я не отказываюсь ни отъ одного полета—вы понимаете, изъ дружбы...

Какая то отцвѣтшая особа женскаго пола тоже просунула голову сквозь занавѣсъ.

— Господинъ докторъ, какъ я восхищаюсь вами! Неужели вы не знаете, что такое страхъ?

Докторъ смѣялся, какъ будто его щекотали; Каспаръ грубо задернулъ занавѣсъ.

Пришелъ офицеръ, записавшійся на полетъ съ метаніемъ бомбъ. Оно было примѣрное—надо было бросить въ опредѣленную цѣль мѣшокъ съ пескомъ—игра, вродѣ той, въ какія мы играли въ дѣтствѣ, когда воображали себя разбойниками и солдатами, стремились быть сильными и мѣрили свою силу слабостью другихъ.

Мой гиппогрифъ былъ готовъ къ полету; его вывезли на трэкъ. Я торопливо одѣвался; завязывая шапку, съ отогнутыми назадъ наушниками, я весь облился потомъ; мнѣ было жарко въ моемъ костюмѣ водолаза. Мой товарищъ устало растянулся на носилкахъ, стоявшихъ тутъ же, въ глубинѣ ангара, словно предостерегая, или издѣваясь; всѣ прочіе вышли изъ палатки.

Воздухъ былъ на рѣдкость прозрачный; всѣ звуки отчетливо доносились съ высоты въ долину. Ближніе холмы нахлобучили на себя шапки изъ тумана; далекая вершина окутала голову облачнымъ тюрбаномъ.

— Ой, какъ ноетъ моя рана!..—Баронъ постучалъ по груди.—Торопитесь, господа—мой барометръ предвѣщаетъ бурю.

Мы полетѣли, огибая поле и стремясь къ нашей цѣли, бѣлѣвшей, какъ большой бѣлый мѣсяцъ въ травѣ. Затѣмъ, мой спутникъ приподнялся на сидѣньѣ и бросилъ мѣшокъ; мы оба зорко приглядывались—еще разъ поймали блескъ въ солнечномъ свѣтѣ мѣшка, летѣвшаго по одному направленію съ нами—и уже умчались далеко.

Мой спутникъ пошутилъ.

— Такимъ образомъ аэропланъ впервые служитъ практическимъ цѣлямъ.

И прибавилъ, уже серьезно:

— И ему суждено выполнять двѣ противорѣчивыхъ задачи—не только сближать народы, но и раздѣлять ихъ.

Я съ горечью отвѣтилъ:

— Человѣкъ ни въ чемъ не умѣетъ проявить такой изобрѣтательности, какъ въ истребленіи другихъ.

Молодой офицеръ, подумавъ, молвилъ:

— Не въ томъ ли причина этого, что въ человѣкѣ живетъ смутная память о его прежнемъ существованіи, когда у него были жабры, или крылья, и его снова тянетъ съ его жаждой разрушенія и въ воздухъ, и въ глубь водъ. И одновременно съ этимъ воскресаетъ поединокъ: нѣчто высшее, чѣмъ бойня массъ—борьба одинъ на одинъ: человѣка съ человѣкомъ, въ которой одинъ долженъ погибнуть. Ибо эта хрупкая игрушка изъ парусины и деревянныхъ планокъ, которую можетъ опро-

кинуть даже воздушная волна, поднятая вражескимъ аэропланомъ, эти гигантскіе пузыри, которые одна искра можетъ взорвать и уничтожить—вѣдь они должны взаимно истреблять другъ друга—если не предпочтутъ избѣгать одинъ другого.

Насъ обогналъ послѣдній конкурентъ:—военный бипланъ, которымъ управлялъ драгунскій поручикъ. Его спутникъ все еще перегибался черезъ бортъ, ища глазами цѣль, которую они уже миновали. Мой пассажиръ, потирая озябшія руки, говорилъ, не скрывая своей радости:

— Въ одномъ изъ аэростатовъ стараго графа я видѣлъ письменный столъ, подвѣшенный на цѣпяхъ къ потолку, и окно, продѣланное въ полу—это какъ бы говорило: «Пріучитесь направлять свои взоры внизъ»; и, разумѣется, ландшафтъ также постепенно приспособится къ измѣнившейся перспективѣ.

Влажные покровы тумана застилали горы; солнце стало водянистымъ, небо мутнымъ. Вѣтеръ дулъ съ юго-востока на югъ.

Второе состязаніе было на длительность полета. Высокій, мрачный человѣкъ съ орлинымъ лицомъ властно вскочилъ въ свой монопланъ и ринулся впередъ; одно изъ колесиковъ отдѣлилось отъ аппарата и, какъ собачка, покатилось за нимъ сзади; киль медленно наклонялся, изгибаясь, какъ листъ бумаги на огнѣ, и, наконецъ, сломался.

— Слѣдующій!—скомандовалъ руководитель.

На стартъ неуклюже и грузно выкатился массивный бипланъ. Маленькій человѣкъ, поджарый и худой, словно жокей, сѣменилъ около него и нюхалъ воздухъ.

— Скверный вѣтеръ.

Распорядитель лаконически спросилъ его.

— Вы летите?

— Да, да.

Сухопарый человѣкъ долго возился надъ мостикомъ, обстоятельно изслѣдовалъ руль и соединительныя проволоки. По темному кольцу зрителей пробѣжалъ ропотъ недовольства. Сухопарый растерянно смотрѣлъ на небо:

— Воздухъ сегодня полонъ проваловъ.

Змѣя обвила свою жертву и шипѣла.

— Слѣдующій!—нервно крикнулъ распорядитель.

Слѣдующій былъ молодой инженеръ, легкій и быстро поворачивающійся аэропланъ котораго блестѣлъ, какъ бронза. Не обращая вниманія на нетерпѣніе зрителей, онъ выкурилъ сигару, затѣмъ усѣлся поудобнѣе и полетѣлъ.

Сухопарый все еще возился надъ своимъ неуклюжимъ ящикомъ.

— Аппаратъ все кренится направо.

— Ничего. Отпускай!

Распорядитель ободряюще потрепалъ его по плечу. Гопъ!— сухопарый уже сидѣлъ на мѣстѣ. Въ глазахъ его свѣтилась рѣшимость фанатика; онъ торопливо кивалъ головой въ тактъ пляскѣ мотора; команда шарахнулась въ сторону—машина тронулась.

Прехорошенькая бабенка, расфранченная, вся въ пестрыхъ бантикахъ, словно фрегатъ на парадѣ, чуть не плача смотрѣла ему вслѣдъ съ порога его ангара.

— Flying jockey [1]), — усмѣхнулся докторъ.

— Пожалуй, и побѣдитель,—вслухъ разсчитывалъ баронъ.— Этому бы только подняться—внизъ онъ вернется не такъ скоро.

— Потому что боится спуститься, — хвастливо издѣвался докторъ, влѣзая въ свой аппаратъ.

Слѣдующая очередь была наша. Моторъ трещалъ, встрѣчный вѣтеръ со свистомъ дулъ намъ въ лицо; взволнованная толпа зрителей сразу вся какъ-то съежилась и стала безгласной, какъ свѣтовая картина на освѣщенномъ экранѣ. Когда мы стали огибать поле, налетѣвшій вѣтеръ такъ нажалъ на крылья, что мы мгновенно выбились изъ прямого направленія и полетѣли внизъ, какъ ястребъ, когда онъ, сложивъ крылья и растопыривъ когти, ринется камнемъ внизъ на птичникъ. Десять тысячъ человѣкъ сразу шарахнулись въ разныя стороны, мы видѣли людей, распластавшихся на землѣ, головы, торчавшія на обрубкахъ туловищъ, какихъ-то уродцевъ, гномовъ, мандрагоръ. Мнѣ стало смѣшно: смерть сидѣла за моей спиной и была въ моихъ рукахъ—а я великодушно подарилъ жизнь и намъ и имъ. Я сильной рукой выпрямилъ аппаратъ; мы, словно на скачкахъ, перепрыгнули черезъ барьеръ и снова взвились высоко. Мгновенно испугъ толпы перешелъ въ экстазъ: мы видѣли быстро удаляющіеся жесты бѣшеннаго восторга, поднятыя руки, подбрасываемыя въ воздухъ шляпы, раскрытые рты — и прислушивались къ отголоскамъ этого восторга въ насъ самихъ.

Мы почитали себя освобожденными отъ земныхъ путъ и царями завоеванныхъ нами новыхъ царствъ; а, между тѣмъ, счастье наше уже было прислушиваньемъ къ одобренію и зависти толпы. Ибо толпа уже заразила насъ своими суетными

---

[1]) Летающій жокей.

вожделѣніями: она владѣла нами; мы были зеркаломъ ея тщеславія.

Вокругъ насъ и надъ нами другіе аэропланы огибали столбы старта, колыхаясь на сильномъ вѣтру, то приближаясь, то отлетая. Послѣдній лучъ пробился сквозь мутную пелену тумана, какъ улыбка, скользнувшая по грустному лицу. Городъ потонулъ въ дыму, стоявшемъ надъ нимъ; горы, небо, дома,—все смѣшалось. Вечерніе туманы ползли по землѣ, лизали насъ своими влажными языками, пожирали всю жизнь тамъ, внизу.

Когда къ сумеркамъ и туману присоединился еще и дождь, мы вернулись съ аэродрома въ отель и собрались на совѣтъ.

Въ каминѣ, вокругъ котораго мы усѣлись, догорали полѣнья; огонь вытапливалъ изъ нихъ жизненный сокъ; они шипѣли и гасли и снова оживали. Табачный дымъ, недвижно стоявшій надъ нами, дремля въ теплѣ, потревоженный, поднимался кверху, когда кто-нибудь разсѣкалъ его движеніемъ руки.

Дымъ и свѣтъ, и голоса—все это какъ-то отодвинулось отъ меня: я снова былъ, какъ встарь, одинокъ — и въ же время былъ однимъ изъ исполнителей въ разыгрывавшейся пьесѣ: невидимыя нити протягивались между нами, оплетали насъ общностью нашей судьбы, невѣдомой, подстерегавшей насъ, и раздѣляли озлобленностью конкуренціи. Хоть мы и не знали другъ друга, но, все же, разбились на группы.

Это былъ парламентъ изъ представителей самыхъ разнообразныхъ сословій, присягнувшихъ новому знамени, каждый изъ насъ услыхалъ зовъ судьбы, и каждый истолковалъ его по своему. Инженеры учились демонстрировать; офицеры рвались изъ мирнаго затишья въ бой. Аристократы-летчики были довольны, что внесли въ свою безпечную жизнь заботу и убивали время спортомъ, стоявшимъ особнякомъ отъ всѣхъ другихъ и выше ихъ, уже потому, что съ нимъ были связаны рискъ и огромные расходы. Авантюристы охотились за фортуной, по разбойничьи наскакивая на нее и отползая въ сторону, когда атака оказывалась неудачной. Лавочники несли на рынокъ чужую кожу и собственную алчность и спекулировали, какъ всегда. А въ уголкѣ ютилась кучка добросовѣстныхъ юнцовъ, полныхъ искренняго воодушевленія. Ими двигала только страсть, владѣвшая ими, и они уповали только на побѣду.

Изъ разноголосицы выдѣлялся жалобный голосъ одного изъ летчиковъ, который вѣчно жаловался:

— Мнѣ дали отвратительный бензинъ.

Членъ комитета успокаивалъ его; тотъ кричалъ:

— Это мнѣ безразлично. Извольте достать мнѣ лучшаго.

Высокій и угрюмый, онъ наступалъ на маленькаго комитетчика, очень смущеннаго—настоящій кондотьеръ, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ.

Въ нашемъ углу молодой инженеръ вытащилъ изъ кармана потертый кожаный кисетъ и набивалъ коротенькую трубочку; отъ трубочки поднимался тонкій, сладковатый запахъ. Нетороппливо затянувшись, онъ разложилъ локти на столѣ и разсказывалъ о томъ, что пережилъ сегодня:

— Я нынче, вѣдь, въ первый разъ леталъ. Думаю: дай погляжу, какъ это будетъ. Смотрю—а уже вишу надъ лѣсомъ. Деревья щекочутъ пятки—не скажу, чтобъ это было особенно пріятно...

На столѣ посерединѣ комнаты метеорологъ разложилъ карты и депеши. Онъ былъ дома въ томъ воздушномъ царствѣ, куда мы устремлялись слѣпо, на удачу; онъ составлялъ для насъ маршруты, разгадывалъ загадки облаковъ и знакомилъ насъ съ вѣтрами, съ которыми намъ предстояло имѣть дѣло во время полета. То, что намъ представлялось опасностью и злымъ коварствомъ, для него было закономъ и доказательствомъ правильности его разсчетовъ.

Онъ проводилъ карандашемъ вдоль изобаръ, объясняя намъ:

— На картѣ вы видите кольцо циклона, сопровождающагося пониженіемъ температуры, который идетъ на насъ изъ Англіи и уже задѣваетъ насъ въ данный моментъ своимъ переднимъ краемъ. Можетъ быть—въ лучшемъ случаѣ—завтра, когда мы очутимся въ серединѣ его, можно надѣяться на нѣкоторое затишье; но потомъ надо будетъ снова ждать дождя и порывистаго вѣтра, еще болѣе сильнаго, чѣмъ сегодня—по всей вѣроятности — съ сѣверо-запада.

Очень элегантный господинъ, любезный и предупредительный, путешественникъ и спортсменъ, поднялся съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ предложить тостъ, и началъ, кланяясь вправо и влѣво:

— Господа—милостивыя государыни и милостивые государи—онъ поклонился въ сторону авіаторши, сидѣвшей, заложивъ ногу на ногу, пріучаясь носить панталоны, и курившей папироску,—какъ вы только что слышали, и завтра надо ждать дурной погоды; поэтому возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли намъ завтра летать?

Онъ повернулся къ господину, одѣтому въ платье англій-

скаго покроя, котораго всѣ звали ветераномъ, такъ какъ онъ леталъ уже годъ и превосходилъ всѣхъ насъ опытностью: ибо развѣ годъ не былъ равенъ цѣлой жизни тамъ, гдѣ начало жизни считается отъ перваго полета? Тотъ промолчалъ; словно зарница вспыхнула въ усталомъ лицѣ его.

Баронъ поддержалъ его, оберегая всѣ эти молодыя жизни, чьей молодости и отвагѣ онъ завидовалъ:

— Ни въ какомъ случаѣ. Подождемъ, пока погода прояснится.

Онъ потянулся къ бутылкѣ шампанскаго и налилъ всѣмъ въ бокалы, бутылка дрожала въ его изсохшей рукѣ.

Комитетчикъ ломалъ руки.

— Господа! что же вы съ нами дѣлаете?—умоляю васъ—программа...

Не безъ затаенной иронiи докторъ успокоилъ его:

— Если вамъ такъ ужъ нужно—я полечу.

Въ его голосѣ, сейчасъ только такомъ мечтательномъ и пѣвучемъ, звучали упорство и досада: блѣдныя губы сжались, въ задумчивыхъ, мягкихъ чертахъ появилось выраженiе надменности любимцевъ счастья. Баронъ, участвовавшiй въ половинной долѣ съ нимъ, покачалъ головой; на его сѣрыхъ щекахъ обрисовались два красныхъ пятна. Онъ былъ игрокъ, ставившiй на карту чужую жизнь; взвинчивая свои истрепанные нервы опасностью друга, онъ хитростью выманивалъ у нихъ треволненiя новаго небывалаго спорта, предаться которому непосредственно не позволяли ему его годы. Онъ сердечно любилъ своего компаньона, всѣмъ сердцемъ, добрымъ отъ природы и не ожесточившимся въ старости, вдобавокъ, соединявшимся съ тонкимъ и культивированнымъ умомъ, оберегалъ его съ заботливой нѣжностью отца,—но отъ этого только еще больше дрожалъ за него, когда онъ подвергалъ себя опасности.

— Вы опять рискуете, дитятко.

Драгунъ, управлявшiй бипланомъ, долговязый, стройный мужчина въ спортсменской шапочкѣ и съ моноклемъ въ глазу, словно протрубилъ:

— Боже мой!—вѣдь мы здѣсь не для удовольствiя.

Кондотьеръ крикнулъ:

— Я не полечу.

Это онъ, послѣ двухъ, легко давшихся ему побѣдъ, въ самомъ началѣ состязанiя на длительность полета разбилъ свой монопланъ, а запасныя части не могли прибыть раньше, чѣмъ черезъ два дня.

— А вы, г. старшiй пилотъ?

Нашъ медвѣдь былъ погруженъ въ созерцаніе молоденькой авіаторши. Добрые глаза его, въ глубинѣ которыхъ затаилась вся хитрость постояннаго участника гонокъ, неохотно взглянули на насъ. Онъ нерѣшительно пробормоталъ:

— Разъ другіе не хотятъ...

Маленькій поручикъ съ розовымъ дѣтскимъ личикомъ изумленно оглядѣлся вокругъ своими водянисто-голубыми глазами; вѣки его, все время хлопавшія, сами собой опустились, голова свѣсилась на грудь—черезъ минуту онъ сталъ тихонько всхрапывать.

Но комитетчикъ не сдавался.

— Васъ ждутъ въ столицѣ, господа.

Второй членъ комитета, присланный изъ столицы на состязанія, съ удареніемъ добавилъ:

— Король ждетъ.

Кондотьеръ насмѣшливо возразилъ:

— Такъ и летите сами.

Элегантный купецъ перешелъ въ дѣловой тонъ:

— Я, какъ фабрикантъ...

Юный инженеръ, летавшій на его аэропланахъ, сухо и безцеремонно перебилъ его:

— Мы рискуемъ своей жизнью.

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ его баронъ, любовно дувшійся на своего компаньона.

Третій комитетчикъ шутливо вздохнулъ:

— А мы—своими деньгами.

Кондотьеръ презрительно фыркнулъ. Фабрикантъ, съ своей стороны, возразилъ, уже не любезно, а ледянымъ тономъ:

— Аппараты тоже стоютъ денегъ.

Комитетчикъ поспѣшилъ умаслить его:

— Для насъ, разумѣется, главное—безопасность летчиковъ и аппаратовъ—какъ бы ни была намъ невыгодна отсрочка. И, разъ она необходима...

Мы съ Кимомъ переглянулись. Въ его глазахъ танцовали опасные огоньки: захваченный страстью и честолюбіемъ, не считающимся ни съ чѣмъ, кромѣ себя, онъ бросилъ свое слово, какъ мечъ Бренна, на чашку вѣсовъ:

— Дѣлайте, какъ знаете—а я лечу.

Изъ угла, гдѣ сидѣла молодежь, жаждавшая хоть одного дальняго полета, раздались апплодисменты. Во мнѣ все ликовало: да, да, конечно, мы летимъ. Кимъ разсѣкъ мечемъ мои невидимыя путы.

Баронъ поперхнулся шампанскимъ, закашлялся и полѣзъ въ карманъ за носовымъ платкомъ, причемъ небрежно переложилъ изъ одного кармана въ другой пачку кредитокъ. Журналистъ, все время что-то писавшій на окнѣ, не вмѣшиваясь въ разговоръ, похлопалъ его по спинѣ; потомъ кликнулъ боя, отдалъ ему телеграмму и, зѣвнувъ, посовѣтовалъ намъ:

— Дѣти, не ссорьтесь.

Онъ былъ единственный трезвый въ этомъ кружкѣ опьяненныхъ, который оставался для него всегда одинаковымъ—замазанной и вновь написанной картиной въ той же рамѣ. Онъ дѣлалъ свое дѣло: отъ асфальта манежа переходилъ на улицу, воплощаемую для него автомобилемъ—слитой воедино силой человѣка и машины, едва касающейся земли. На его глазахъ та же сила, окрылившись, устремлялась въ воздухъ, въ высь; на его глазахъ тѣ же страсти стремились впередъ, подхлестываемыя демоническимъ первобытнымъ инстинктомъ, снова и снова минуя исходную точку. То, что казалось намъ безпримѣрнымъ, для него уже стало традиціей, и онъ, не смущаясь, ждалъ минуты, когда ему можно будетъ использовать ихъ неутолимое стремленіе для своихъ чисто земныхъ цѣлей.

Его всѣ знали и прислушивались къ его словамъ.

— Господа,—началъ онъ:—кельнеръ, еще стаканъ!—Господа, дайте себѣ передышку въ двадцать-четыре часа: съ завтрашняго утра до шести часовъ утра послѣзавтра. Послѣ этого каждый можетъ летѣть когда захочетъ. Ваше здоровье, господа.

Съ этимъ всѣ согласились, и у всѣхъ отлегло отъ сердца; теперь мы снова стали товарищами и единодушными; мы обсуждали маршрутъ.

Маленькій поручикъ проснулся, протирая глаза.

— Я, кажется, задремалъ?

Онъ дремалъ такимъ образомъ каждый вечеръ и, просыпаясь, каждый разъ удивлялся. Никто не обратилъ на него вниманія: онъ снова спросилъ:

— Ну что, рѣшили?

— Да.

— Тѣмъ лучше.

Довольный, онъ всталъ и пошелъ спать.

Высокій, загорѣлый кондотьеръ отвелъ въ сторону третьяго комитетчика.

— Кто будетъ выплачивать призы, которые я у васъ заработалъ?

Надъ аэродромомъ клубился утренній туманъ; коротко подстриженный дернъ на лужайкѣ дымился. На западѣ стояла блѣдная луна; на востокѣ всходило солнце, пробиваясь сквозь туманъ, и алѣя пурпуромъ. Между луною и солнцемъ носились въ туманѣ, словно отыскивая путь, большія птицы, и отблескъ занимавшагося дня просвѣчивалъ, какъ пламя, сквозь недвижныя ихъ крылья.

Въ ангарѣ, по растоптаннымъ анемонамъ, ходили люди; раздавался стукъ молотковъ; натягивали или ослабляли тонкія проволоки, которымъ ввѣрялись двѣ человѣческихъ жизни; въ послѣдній разъ внимательно прислушивались къ работѣ мотора. Предсказаніе метеорологической обсерваторіи оправдалось: дождь и вѣтеръ утихли—протаились, хитря, до новой вспышки. Надо было использовать эту паузу. Комиссары приводили въ порядокъ все на стартѣ; выкликали номера—тринадцатаго не хватало.

Первымъ поднялся драгунскій поручикъ: небрежный и самоувѣренный, словно отправлялся пофлиртовать. Его неуклюжій ящикъ погудѣлъ надъ обросшимъ кустами лужкомъ, затѣмъ перевалилъ черезъ гребень видимой воздушной волны и поднялся выше. Повернувъ, онъ пронесся мимо края холмовъ, начинавшихся отъ мрачнаго еловаго лѣса, стоявшаго, словно лѣсъ копій, и поднялся въ свободное пространство надъ ними, гдѣ не было уже никакихъ препятствій: теперь аэропланъ его казался свѣтлымъ крестомъ на изжелта-сѣромъ фонѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался все выше, гудѣнье его мотора расплывалось въ жуткую тишину, отъ которой захватывало дыханіе у зрителей въ долинѣ. Мы еще видѣли, какъ онъ черной полоской прорѣзалъ полосу тумана и затѣмъ направился прямо къ горамъ. Онъ находился, по всей вѣроятности, на высотѣ ста метровъ надъ ними, но сѣрая туча, словно кошка, разлегшаяся на вершинахъ, тотчасъ же поглотила его.

Зрители зааплодировали. Подъ шумокъ на стартъ выкатили другую летательную машину. Механикъ ловкимъ гимнастическимъ прыжкомъ очутился на сидѣньи возлѣ доктора; колеса завертѣлись, пробѣжали по гладкой землѣ и быстро стали карабкаться по воздушнымъ извивамъ, все выше и выше. Прибѣжалъ баронъ, съ бутербродомъ въ одной рукѣ и бокаломъ пива въ другой; онъ смотрѣлъ вслѣдъ обоимъ, какъ курица наседка смотритъ на высиженныхъ ею утятъ, плавающихъ въ прудѣ.

Ветеранъ ходилъ вокругъ своего дракона, упрямаго, какъ оселъ.

— Его, должно быть, повредили при перевозкѣ по желѣзной дорогѣ.

Оба, человѣкъ и машина, сердито и недовѣрчиво ворчали другъ на друга.

— Солидности нѣтъ. Я предпочитаю свой старый бипланъ.

Маленькій поджарый жокей, таща за собой на буксирѣ свою слезоточивую даму, взволнованно кинулся прямо къ столу, за которымъ засѣдало жюри.

— Я еще не готовъ—я полечу послѣднимъ.

И бѣгомъ побѣжалъ обратно въ свой ангаръ, а женщина за нимъ.

Элегантный купецъ далъ приказъ своему инженеру:

— Берите курсъ прямой.

Тотъ дурашливо приложилъ руку къ козырьку:

— Радъ стараться.

Фабрикантъ замялся; ему, видимо, хотѣлось еще что-то добавить.

— Въ случаѣ, если бы по дорогѣ что-нибудь испортилось...

Молодой человѣкъ вдругъ сталъ серьезенъ.

— Что же тогда? Пусть пропадаетъ машина, пусть хоть въ куски разобьется—лишь бы человѣкъ уцѣлѣлъ.

Но сейчасъ же опять развеселился и закурилъ сигару.

— Чему быть, того не миновать.

Онъ не спѣша влѣзъ въ гондолу.

— Ну, прощайте.

— До свиданья.

Но его уже и слѣдъ простылъ.

Выползъ третій бипланъ—на брюхѣ, словно крокодилъ.

Ветеранъ любезнымъ жестомъ указалъ авіаторшѣ мѣсто рядомъ съ собою и взялся за рычагъ, словно за весло. Они помѣмѣщались на самомъ краю поддерживающей поверхности; позади ихъ вертѣлись пропеллеры, съ перекрещивающимися цѣпями. Съ легкимъ попутнымъ вѣтеркомъ они поднялись и исчезли.

Облака клубились все гуще, нависали все ниже и тяжелѣе. Солнце казалось тусклымъ пятномъ на сѣромъ холстѣ.

— Торопитесь, господа,—еще разъ посовѣтовалъ намъ баронъ,—черезъ часъ разыграется непогода.

Нашъ летучій конь былъ привязанъ канатами къ столбамъ ангара; на него поставили динамометръ. Кимъ нагнулся надъ моторомъ; затрещалъ запалъ... Веревки натянулись, завѣса нашего

шатра вздулась, съ дюжину шляпъ улетѣло. Я опустился на колѣни передъ динамометромъ; стрѣлка прыгала. Сто шестьдесятъ кило тяги... внезапно одинъ цилиндръ пересталъ работать, стрѣлка динамометра метнулась назадъ. Дыханіе сперлось въ моей груди; я былъ весь страхъ и желаніе—но звукъ мотора опять ужъ былъ чистый. Онъ все ускорялъ темпъ; ритмическіе звуки сливались въ ревъ, напоминающій ревъ быка. Стрѣлка все вздрагивала: сто шестьдесятъ—все то же. Огорченный, я далъ знакъ товарищу остановить моторъ—и ревъ прекратился.

— Попробуемъ еще разъ съ запаснымъ винтомъ.

Мы перемѣнили пропеллеръ; въ новомъ подъемная сила была больше.

Снова моторъ прошелъ всю скалу звуковъ: трескъ словно ружейныхъ выстрѣловъ—бычій ревъ—и гудѣнье органа. Силомѣръ прыгалъ быстро. Мой шуринъ вглядывался въ цикломѣръ, постепенно растопыривая обѣ руки и потомъ загнувъ два пальца:—тысяча двѣсти—моторъ дошелъ до полнаго числа оборотовъ. А я черезъ плечо знакомъ показалъ ему: двѣсти десять. Онъ только кивнулъ головою и выпрямился. Въ его рукѣ была сила пятисотъ человѣкъ: онъ посмотрѣлъ на горы; одно движеніе руки—и моторъ умолкъ, только у насъ, оглушенныхъ, шумѣло въ ушахъ.

Это была прелюдія къ битвѣ и смотръ нашимъ силамъ.

Каспаръ освободилъ грифа отъ его путъ и наполнилъ его легкія масломъ и бензиномъ. Я измѣрилъ вѣтеръ, слабый, но и порывистый—вестъ-зюйдъ-вестъ—и установилъ на компасѣ направленіе,—остъ-нордъ-остъ: вѣтеръ будетъ намъ въ спину и насъ не будетъ сильно относить. Успокоенный, я повѣсилъ на мѣсто инструменты: цикломѣръ, манометръ, часы и барографы передъ мѣстомъ пилота, возлѣ своего собственнаго мѣста—компасъ и подставку для карты, на которой она развертывалась автоматически. Покуда Каспаръ укладывалъ въ автомобиль багажъ и запасныя части, мы переодѣлись для полета. Зіяло входное отверстіе опустѣвшаго ангара; въ мутныхъ лужахъ валялись угловатыя жестянки изъ подъ бензина и темный силуэтъ носилокъ.

Я нагнулся и сорвалъ анемону:—ты, цвѣтокъ вѣтра, будь для насъ символомъ возвращенія на землю.

Старый пилотъ покончилъ, наконецъ, приготовленія и сдѣлалъ пробный кругъ. Онъ долго не могъ подняться, потомъ круто взлетѣлъ; аэропланъ его закачался; одно крыло, поднявшись высоко, захлопало; бипланъ съ грохотомъ и трескомъ ринулся на

траву—словно сатана хлопнулъ ладонью по проклятой землѣ. Летчикъ кувырнулся внизъ головой.

— Сальто-мортале!—молвилъ баронъ; его монокль звенѣлъ, ударяясь о пуговицы кожаной куртки.

Мы поспѣшили къ мѣсту крушенія, но пилотъ уже шелъ намъ навстрѣчу, втягивая голову въ плечи и широко разставляя ноги, словно на палубѣ судна. Онъ прошелъ мимо насъ, не видя насъ; врачъ окликнулъ его; онъ уставился на него, съ трудомъ сообразилъ, кто это, и простоналъ:

— Докторъ—воздуха!..

Онъ размоталъ кашнэ на шеѣ и распахнулъ куртку, подъ которой обнаружились бумага и картонъ—броня и панцырь летчика на воздушномъ турнирѣ. Докторъ, сѣденькій и робкій, приложилъ ухо къ могучей груди, осторожно постукивая по ней и спрашивая:

— Больно?

Гигантъ качалъ головой и глубоко дышалъ. Врачъ изумился.

— Все цѣло.

Мы подхватили подъ руки пилота и отвели его въ лазаретную палатку. Лежа на матрацѣ, онъ крикнулъ комитетчику:

— Вѣдь я имѣю право возобновить полетъ на другомъ аппаратѣ?

— Конечно.

Онъ знакомъ подозвалъ механика.

— Приготовьте мой бипланъ. Я полечу не раньше, какъ черезъ часъ. А теперь оставьте меня одного.

Онъ вытянулся и закрылъ глаза.

На стартѣ поднимался маленькій поручикъ; вѣтеръ отъ его пропеллера хлестнулъ насъ по лицу. Когда его аэропланъ мелькнулъ надъ лѣсомъ, какъ разъ надъ нимъ показался дважды перечеркнутый крестъ; спускаясь, онъ все выросталъ, и наконецъ мы узнали, чья это машина.

— Ветеранъ.

Аэропланъ пробѣжалъ немного и остановился.

— Что случилось?

Ветеранъ совсѣмъ раскисъ. Авіаторша покосилась на него и соскочила на землю.

— Нервы,—презрительно пояснила она, настолько громко, что онъ слышалъ.

Онъ устало поплелся за нею, приказавъ:

— Укладывайте. Разбирайте машину.

Одинъ изъ насъ уронилъ, глядя ему вслѣдъ:

— Этотъ готовъ.

Но насъ это не смутило; мы сгорали отъ нетерпѣнія. Ибо самый волнующій моментъ—не летаніе, а ожиданіе полета. Наши страшно натянутые нервы съ неестественной силой реагировали на каждое внѣшнее раздраженіе. А машина была мертвая машина изъ обтянутыхъ матеріей деревянныхъ планокъ, съ желѣзнымъ сердцемъ, которое не билось. Насъ обоихъ взвѣсили, такъ какъ обязательный вѣсъ долженъ быть не менѣе 150 кило; затѣмъ распорядитель махнулъ флажкомъ внизъ:—Летите, молъ.

Пропеллеръ завертѣлся, разсѣкая воздухъ вокругъ себя двойною косой; команда шарахнулась въ сторону, словно сметенная вѣтромъ. Земля выпрямилась, вмѣстѣ съ лугами, домами и людьми въ раккурсѣ, какъ будто скользившими наискосокъ по отлогой дорогѣ. Противники стали лицомъ къ лицу—воля человѣка съ силою вѣтра. И мгновенно роли летчика и машины перемѣнились: теперь аппаратъ весь дрожалъ отъ бѣшеннаго біенія своего жаркаго сердца, охлаждаемаго радіаторомъ; летчикъ же застылъ въ недвижномъ покоѣ, сталъ функціей, переносимой на аппаратъ. Токъ замкнулся; концентрированное напряженіе нашло себѣ цѣль и исходъ. Человѣкъ вложилъ свою душу въ свое орудіе, какъ Богъ влагаетъ ее въ свои творенія.

Послѣ перваго круга, платки и шляпы, которыми махали наши друзья, казались пушкомъ, летавшимъ далеко внизу; на второмъ они походили на позабытыя утромъ капли росы. Городъ уже расплылся далеко за нами. Впереди обрисовывался на сѣромъ небосводѣ въ видѣ буквы Т монопланъ маленькаго поручика; автомобиль Каспара казался насѣкомымъ, ползшимъ по узенькой рытвинѣ. Высоты, надъ которыми мы летѣли, стали плоскими и широкими и весь ландшафтъ совсѣмъ другимъ. Зеленыя волны взметывались кверху и опадали, стада паслись въ котловинахъ; всюду были покой и красота.

Надъ лѣсомъ, верхушки котораго колыхались отъ вѣтра, нашъ аэропланъ вдругъ полетѣлъ перпендикулярно внизъ—и, прежде чѣмъ страхъ отдрожалъ въ насъ, уже спокойно летѣлъ дальше. Убѣгая отъ грозной для насъ близости земли, мы подымались все выше, вознося съ собой сознаніе нашего Я, какъ центра міра: для насъ само собою разумѣлось, что мы вольно плывемъ въ пространствѣ. Отъ земли мы совсѣмъ оторвались: она обособилась, стала для насъ панорамой, которой мы любовались сверху, картиной всего того, изъ чего слагается жизнь,—рельефной картой, развернутой передъ нами.

Всѣ ея выпуклости и впадины повторялись на той картѣ, которая развертывалась предо мной, и этотъ ландшафтъ, никогда мною не виданный, былъ мнѣ знакомъ. Я зналъ и эти коловороты рѣзко очерченныхъ лѣсовъ, и эти пересѣченныя во многихъ мѣстахъ ленты шоссейныхъ дорогъ, и эти черныя ниточки—рельсы, храбро прорѣзывавшія долины, и трусливо огибавшія горы,—и селенія, тянувшіяся вдоль ручьевъ и дорогъ, или же толпившіяся, какъ овцы вокругъ пастуха, вокругъ церкви и кладбища.

Мѣстность внизу постепенно повышалась, но для насъ она все время оставалась плоской. Гигантская фабричная труба, которая должна была служить намъ указателемъ пути, казалась остріемъ иголки, не выше прочихъ. Въ узкомъ, какъ щель, разрѣзѣ долины, зіяло русло рѣки и возлѣ него виднѣлся городъ—темнымъ, дымнымъ пятномъ. Я взглянулъ на маршрутъ—и удивился: мы пересѣкали рѣку не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ. Мы держали правильный курсъ, по компасу и по солнцу, а, между тѣмъ, все таки сбились съ дороги: очевидно, нечувствительный для насъ вѣтеръ свѣжѣлъ и относилъ насъ съ намѣченнаго нами пути.

Я взглянулъ на карту и попробовалъ опредѣлить, насколько мы отклонились отъ курса. Просѣка въ еловомъ лѣсу и колокольня должны были покрывать другъ друга, а они расходились; соотвѣтственно этому, я измѣнилъ курсъ, пока одно не закрыло другого, и затѣмъ началъ править на далекую вѣтряную мельницу.

Теперь мы летѣли параллельно воздушной линіи, проведенной мною на планѣ, и направлялись къ большой рѣкѣ, широкой и тусклой, текущей на сѣверъ. Черезъ рѣку было перекинуто много мостовъ; по ней, какъ пауки, ползали лодки, и каждое, большое и малое судно, для насъ видимое только какъ палуба и труба съ бѣлымъ треугольникомъ посрединѣ, посылало намъ пронзительные, но неслышные намъ привѣты, и надъ каждымъ при этомъ взвивался словно дымокъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Прорѣзавъ извивы рѣки, мы полетѣли дальше вверхъ по теченію, чувствуя по дрожи нашего воздушнаго катера, что вѣтеръ дуетъ теперь намъ навстрѣчу.

Городъ былъ скрытъ въ дали, приближавшейся къ намъ, расплывался въ туманѣ, въ конгломератѣ собственныхъ испареній, стоявшихъ надъ нимъ сѣрою безкрайнею тучей. Предмѣстія жались къ берегамъ рѣки, утопая въ садахъ, изукрашен-

ныхъ по весеннему. Вокзалъ съ расходящейся сѣтью рельсовъ казался колчаномъ, полнымъ стрѣлъ; поѣзда—цѣпочками, протянутыми по рельсовымъ путямъ; всѣ они были окутаны клубами бѣлаго дыма. Сѣть улицъ и громады домовъ лежали внизу, какъ изрѣшетченное торфяное болото, тупое однообразіе котораго веселили только стройныя башни церквей и округленные купола дворцовъ въ стилѣ барокко, съ ажурными башенками, галлереями, зубцами и завитками, полные прелести, расточительности украшеній и веселья, величія и шаловливости. Сочно блестѣла зеленая ярь ихъ покрытій.

Вѣтеръ все крѣпчалъ; налетая, онъ жестоко встряхивалъ нашъ аппаратъ; ежеминутно намъ приходилось парировать его козни, и мы искали убѣжища въ каменномъ морѣ домовъ.

Какое то желтое пятнышко маячило, словно привязанный серпъ мѣсяца. Мѣсто спуска было ужъ близко—мы остановили моторъ и сразу очутились среди безмолвія, смутившаго насъ. Всѣ земные предметы вдругъ выскочили въ поле зрѣнія, подпрыгивая, словно на резинкахъ—аэропланъ остановился.

Мы были вновь среди людей—но все еще не могли прійти въ себя—намъ все чудилось, что мы должны летѣть и летѣть безъ конца.

— Поздравляю. До сихъ поръ вы летали дольше всѣхъ—часъ и девять минутъ.

Полетъ нашъ растянулся на цѣлыхъ сто двадцать километровъ.

Съ усиліемъ мы выпутались изо всѣхъ нашихъ застежекъ и слѣзли на земь, шатаясь, какъ пловцы, уставшіе плавать. Мы въ автомобилѣ доѣхали до ангара, и шумный говоръ толпы, стоявшей шпалерами на всемъ протяженіи нашего пути, доносился до насъ словно сквозь воду. На стартѣ насъ встрѣтили поздравленіями товарищи, вернувшіеся раньше: оба офицера и молодой инженеръ. У доктора что-то приключилось съ моторомъ, и его еще не было. Черезъ часъ пріѣхалъ за нами Каспаръ на автомобилѣ. Старшій пилотъ, котораго онъ опередилъ, пріѣхалъ тотчасъ вслѣдъ за нимъ; жокей выбылъ изъ состязанія.

Мы рѣшили летѣть снова завтра чуть свѣтъ, до новаго ненастья, которымъ угрожали намъ метеорологи, и потому поставили своего крылатаго коня въ стойло. Только драгунъ осмѣлился полетѣть снова—и при спускѣ сѣлъ на винтъ.

— Въ щепки,—проговорилъ онъ, пожавъ плечами и обмоталъ шелковымъ носовымъ платкомъ свою руку, разрѣзанную чуть не до кости.

Когда мы вечеромъ совѣщались о погодѣ, по мутно сѣрому

небу, покрытому разорванными тучами, разливался закатъ, зловѣще-желтый и огненный. Вокругъ мѣсяца виднѣлся коричневый вѣнчикъ.

Уже совсѣмъ смерклось, когда въ воздухѣ снова что-то гнѣвно загудѣло и что-то грузно спустилось въ тростники. Это былъ бипланъ доктора.

Мы всѣ рано разошлись на отдыхъ и проснулись еще до разсвѣта отъ крика воронъ подъ нашими окнами.

Ночь была холодная, мы грѣлись у бивачнаго костра. Дулъ рѣзкій вѣтеръ съ запада, парусина ангарныхъ шатровъ вдали вздувалась и хлопала. На разстояніи пущенной стрѣлы отъ насъ лежалъ на землѣ раненый и накренившійся на бокъ аэропланъ доктора—колоссальный въ неопредѣленности своихъ очертаній. Падавшій на него свѣтъ фонарей автомобиля выхватывалъ изъ мрака отдѣльный движущіяся части: болтающіяся ноги, взмахъ руки, согнутую спину. Вѣтеръ относилъ всѣ звуки; эти появленія и исчезновенія походили на игру, исходъ которой еще неизвѣстенъ. Отъ раненаго биплана отдѣлилась широкая тѣнь, потонула во мракѣ и снова вынырнула въ нашемъ освѣщенномъ кругу. Отблескъ пламени озарилъ грузную, приземистую фигуру въ желтой курткѣ и такихъ же штанахъ. Костюмъ летчика, перепачканный масломъ и жиромъ, дѣлалъ его внѣшность комичной: онъ былъ паяцомъ въ этой игрѣ, полной дурачествъ и величій, воплощеніемъ тяжести, превозмогшей самое себя и возносящейся къ небу.

Докторъ поднялъ къ нему свое блѣдное, гладко выбритое лицо.

— Ну что—летимъ?

Механикъ вертѣлъ въ рукахъ кожаную шапку.

— Тормазъ тоже изогнутъ.

Докторъ небрежнымъ движеніемъ швырнулъ недокуренную папироску въ огонь, гдѣ она вспыхнула и превратилась въ кучку свѣтящагося пепла.

— Такъ замѣните его другимъ—я подожду.

Механикъ переминался съ ноги на ногу, что то, видимо, хотѣлъ сказать, но не сказалъ — и, наконецъ, ушелъ. Докторъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и выраженіе доброты изгладило на мигъ нервную напряженность его лица.

— Ночи напролетъ за работой, дни въ автомобилѣ, или

на аэропланѣ... Къ чему все это? Какая польза отъ этого намъ и тѣмъ, кто намъ рукоплещетъ?

Онъ плотнѣе закутался въ свою шубу. Какъ всѣ, кому жизнь даетъ роль, а не дѣло, онъ былъ не чуждъ позы; но въ этомъ кругу и въ эти минуты онъ устало и раздраженно сбрасывалъ маску благера, прикрывавшую нѣжную, мечтательную и чуткую душу.

— Чѣмъ мы лучше торреадоровъ и гладіаторовъ, рискующихъ жизнью на потѣху черни?

Что такъ ожесточило его? Было ли то отрезвленіе послѣ пьянаго угара, холодъ слишкомъ ранняго утра? Баронъ съ огорченіемъ смотрѣлъ на него; драгунъ покосился на него въ монокль, блеснувшій въ отсвѣтѣ костра, и пожалъ плечами.

— Боже мой, да — въ концѣ концовъ, вѣдь, всякое осуществившееся желаніе несетъ съ собою разочарованіе для всѣхъ, кромѣ профессіоналовъ и снобовъ.

На барона снова напалъ приступъ кашля, едва не задушившій его. Успокоившись, наконецъ, онъ поднесъ спичку къ большой черной сигарѣ, которую держалъ въ рукѣ, и возразилъ:

— И насъ, и васъ, несомнѣнно, привлекаетъ и воодушевляетъ здѣсь одно и то же: — интенсивность ощущенія жизни.

Докторъ упрямо прервалъ его:

— Все дѣло въ вашей жестокости, въ вашемъ желаніи упиться чужою кровью.

Драгунъ поднялся на ноги и жестомъ насмѣшливаго сожалѣнія швырнулъ въ огонь еще одну щепку отъ своего разбитаго аэроплана.

— *Voilà*—жизнь всегда удобряется смертью.

Я повернулся къ доктору.

— Вы несправедливы къ самому себѣ. И къ другимъ также. Сказки и птицы не будятъ въ нихъ того волненія, которое гонитъ ихъ на крыши для того, чтобъ хоть на нѣсколько саженъ приблизиться къ нашимъ сотнямъ и тысячамъ метровъ подъема. Птица въ воздухѣ есть символъ стремленія ко всему высокому, чистому, оторвавшемуся отъ земли — но, вѣдь, мы знаемъ, что она — только символъ. А тутъ наше стремленіе само поднимаетъ себя въ пространство, и каждый летчикъ— это все человѣчество.

Баронъ добродушно и сочувственно кивалъ головой.

— Такимъ образомъ ощущеніе получаетъ свой чувственный первообразъ — стремленіе, страсть, которая подобно ему ищетъ усиленія жизнеощущеній и выдумываетъ для себя то,

чего ему недостаетъ. Легенда овладѣваетъ едва свершеннымъ, ибо чувствуетъ въ немъ то великое, которое останется, миѳъ перекидывается въ будущее и становится утопіей, и то, что въ области техники является сложнымъ результатомъ обмѣна и усовершенствованія взаимнаго опыта многихъ строителей и пилотовъ, а въ культурной—выраженіемъ цѣлаго даннаго періода времени—въ поэзіи становится творческимъ подвигомъ отдѣльнаго индивидуума.

Я вспомнилъ своего покойнаго учителя, и мнѣ захотѣлось почтить его помять.

— Быть можетъ, имя Лиліенталя станетъ такимъ же миѳическимъ, какъ имена Икара и Виланда.

Драгунъ насмѣшливо пояснилъ:

— Въ качествѣ мечтателя практика, который изобрѣлъ для дѣтей—игрушку, а для взрослыхъ—летаніе по воздуху.

Кто то позади меня сухо, почти презрительно возразилъ:

— Онъ былъ послѣдній изъ отжившей породы людей, которая еще вѣрила безусловно въ природу. Новый человѣкъ вѣритъ только въ прямую линію и колесо. Культура ведетъ свое начало отъ изобрѣтенія колеса.

Это Кимъ, оставшійся въ ангарѣ, чтобы присмотрѣть за приготовленіями къ полету нашего механика, незамѣтно подошелъ къ костру.

— Мы готовы—и день ужъ наступилъ. Черезъ полчаса я лечу.

Вѣтеръ измѣнился; теперь онъ былъ сѣверо-западный; прибрежныя высоты откликались веселымъ эхо на стукъ моторовъ. На востокѣ тянулась бѣлая полоска—разсвѣтъ; предразсвѣтный холодокъ покалывалъ спину. Драгунъ налилъ всѣмъ коньяку; баронъ отхлебнулъ и примирительно замѣтилъ:

— Мнѣ думается, что въ новую миѳологію войдутъ имена всѣхъ, кто содѣйствовалъ разработкѣ идеи полета.

— Это кто же, по вашему?—спросилъ драгунъ.

Докторъ отвѣтилъ:

— Творившіе въ одиночествѣ—художники и мечтатели.

Кимъ покачалъ головой.

— Ремесленники и люди дѣла.

Докторъ упрямо повторилъ прежнее въ новой формѣ:

— Только тотъ, кто одинокъ, разочарованъ, возмущенъ и сжегъ мосты за собою—только тотъ научится летать.

— Летать способны только люди цѣльные, не надломленные и не задумывающіеся, — рѣзко возразилъ мой шуринъ.—

Все искусство летчика— въ томъ, чтобы мгновенно реагировать на ежесекундныя измѣненія его положенія: онъ мгновенно долженъ выбрать изъ всѣхъ возможностей одну, спасительную для него — независимо отъ того, правильно ли онъ поступаетъ теоретически, или же въ разрѣзъ съ теоріей. Кто раздумываетъ, тотъ ужъ не летчикъ. Только позеръ играетъ мыслью о смерти; настоящій, прирожденный летчикъ гонитъ отъ себя прочь такую мысль, какъ нѣчто отрицательное, непостижимо враждебное.

Мы оба взглянули на барона; онъ дипломатически улыбался.

— Это вѣчное противоположеніе человѣка фантазіи человѣку дѣла; отрицать его можетъ только мощная творческая сила, вѣрящая въ себя и собой опьяненная: повсюду человѣкъ фантазіи творитъ, а человѣкъ дѣла узурпируетъ его твореніе.

— Именемъ ея величества толпы,—добавилъ драгунъ, и повелъ атаку на оба фланга.—Ибо, господа летчики, въ основѣ своей, что такое полетъ? Не болѣе, какъ возвращеніе къ аристократическому экипажу-одиночкѣ, и отклоненіе отъ демократическаго принципа, одержавшаго побѣду въ 48-мъ году, надѣливъ насъ пароходами и желѣзной дорогой. Начало этому перевороту положилъ велосипедъ, но масса демократизировала его. Мѣсто его заступилъ автомобиль—и онъ на пути къ той же демократизаціи. Аэростатъ уже превратился въ омнибусъ для упитанныхъ экскурсіонистовъ—придетъ время, и аэропланъ опустится до той же роли...

Но баронъ всталъ и закончилъ дебаты убѣжденнымъ и страстнымъ заявленіемъ:

— Человѣкъ пересоздастъ его дѣло, какъ онъ пересоздалъ своего творца. Эта эволюція творца черезъ его твореніе есть чудо, которое нельзя проконтролировать, въ которое можно только вѣрить, какъ и во всякое чудо.

Медленно, едва замѣтно прихрамывая, пошелъ онъ къ своему автомобилю, чтобы ѣхать вслѣдъ за летчиками. Мы погасили костеръ и послѣдовали за нимъ. Бѣлая полоска на востокѣ окрасилась кровью; на всѣхъ вершинахъ загорался день; въ долинахъ плавалъ туманъ. Роса на лугахъ заблестѣла и въ строгомъ утреннемъ воздухѣ разсыпались жемчужными нотками голоса невидимыхъ птицъ.

Автомобили и комиссары всѣ были на мѣстѣ. Комиссары, поеживаясь отъ холода, добросовѣстно предупреждали:

— Погода снова портится. Вѣтеръ сѣверо-сѣверо-восточный—прямо въ лицо.

Руководитель приглашалъ записываться на стартѣ; первымъ записался докторъ; послѣ него мой товарищъ.

Баронъ взволнованнымъ голосомъ читалъ вслухъ послѣднія телеграммы.

— Нашъ бипланъ для полетовъ въ бурю совсѣмъ не годится.

Драгунъ просилъ доктора, и за его кажущейся вялостью крылась жажда летѣть.

— Возьмите меня съ собой, вмѣсто вашего механика.

Они вмѣстѣ подошли къ биплану, который еще чинили. Въ баракѣ на стартѣ зазвонилъ телефонъ; руководитель снялъ трубку.

— Станція № 1-й... Здравствуйте... У васъ не хотятъ летѣть по причинѣ дурной погоды? Грустно, но—что же дѣлать... У насъ? Два номера записались — второй и восьмой. Мы отсовѣтовали... Спасибо. Добраго утра.

Онъ повернулся къ намъ.

— Кто еще хочетъ летѣть?

Старшій пилотъ отвѣтилъ уклончиво; молодой инженеръ вынулъ трубку изо рта и категорически заявилъ:

— Только не я.

Докторъ, озлобленный, бѣжалъ назадъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Мой аппаратъ раньше двѣнадцати не будетъ готовъ.

Баронъ сіялъ.

— Перстъ судьбы, мой милый мальчикъ.

Руководитель еще разъ провѣрилъ:

— Слѣдовательно, остается только № 8-й. — Я сейчасъ запрошу по телефону метеорологическую станцію. Алло. Станція 2. № 8-й хочетъ летѣть—какія у васъ предсказанія?.. Весьма сомнительныя? Вы не совѣтуете?.. Нѣтъ, запрещать намъ нѣтъ смысла... Спасибо. Добраго утра.

Онъ повѣсилъ трубку и опять повернулся къ намъ. Лицо у него было серьезное.

— Господа, мы не скрываемъ отъ васъ, что погода опасная. Если вы желаете летѣть, помните, что вы дѣлаете это на свой страхъ и рискъ.

Кимъ круто оборвалъ его.

— Благодарствуйте—мы освѣдомлены.

И съ непроницаемымъ лицомъ обратился ко мнѣ:

— Такъ какъ же — летимъ мы или нѣтъ?

Всѣ взоры сосредоточились на мнѣ. Само собой, я отвѣтилъ:

«да»—вѣдь не во мнѣ было дѣло—мои мысли кружили около шурина. Онъ ли это—всегда трезвый, обдумывающій, разсчитывающій? Да вѣдь передо мною совсѣмъ другой человѣкъ — воплощенная страсть и безумная алчность. Мои неослѣпленные страстью глаза видѣли ясно:—его пожиралъ холодный огонь—то безуміе, которое обжигаетъ всѣхъ, кто насильно перешагнетъ отведенныя имъ природой границы. Что были намъ опасность и предостереженія! Опасность была не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

На извощикѣ подъѣхалъ юный поручикъ, свѣжій и розовый, какъ персикъ.

— Ну что? Будутъ полеты?

— № 8-й хочетъ летѣть.

— О, тогда, разумѣется, и я лечу.

— Предсказанія погоды очень угрожающія.

— Ну, навѣрное, дѣло не такъ ужъ плохо.

Онъ не спѣша направился къ своему ангару, напѣвая какой-романсъ.

Мы полѣзли въ гондолу. Каспаръ, положивъ обѣ лапы на винтъ и сопя носомъ, тихонько предупредилъ насъ:

— Сегодняшній воздухъ мнѣ чертовски не нравится.

У меня въ душѣ была какая то размягченность, предчувствіе бѣды и отдаленнаго женскаго страданія. Я искалъ глазами глазъ Кима: охладить свою тревогу его спокойствіемъ—и испугался дикаго огня, которымъ горѣлъ его взоръ. Онъ раскинулъ руки, какъ смертельно раненый въ битвѣ; воздушная свора завыла, мы прокатили по старту, потомъ скользнули вверхъ...

Мы плыли въ грядѣ тумана, клубившагося надъ рѣкой; холодная рѣка тянула насъ внизъ, къ себѣ. Мы пересѣкали улицы, надъ которыми еще витали сны и тѣни ночи; на острыхъ шпицахъ слабо трепеталъ отблескъ зари.

Оставивъ за собою рѣку справа, мы свернули по направленію ея притока; несмотря на вѣтеръ, мелкія облачка на небѣ были недвижны, словно сигнальные шары на невидимыхъ привязяхъ.

На горизонтѣ тучи сгущались, выгибали хребты и быстро надвигались, ежеминутно мѣняя очертанія. То это былъ корабль, тащившій за собою на буксирѣ шлюпку; то огромный китъ съ двумя китенышами; то вдругъ четыре утки, плывущія гуськомъ, одна за другой. Одна расплывалась и пятилась къ намъ; теперь она напоминала сфинкса сбоку; голова у него была мужская съ куцой бородкой и въ плоской шапкѣ съ помпономъ. Звѣриное туловище оторвалось отъ головы, мгновенно расплывшейся, и

сверху словно обросло бѣлой шерстью, а на брюхѣ стало гладкимъ и голубовато-сѣрымъ. И все разросталось... воздухъ быстро уплотнялся, сталъ мутно-чернымъ; мракъ поглотилъ нашего воздушнаго коня. Я оглянулся—мой товарищъ исчезъ—распалась связь человѣка съ человѣкомъ и человѣка съ землей.

И тутъ налетѣла буря. Она ревѣла, какъ корабельная сирена въ туманѣ, свистѣла въ проволокахъ, трещала матеріей, смѣялась и плакала. Приплюснула мнѣ носъ, когда я нагнулся къ компасу: игла компаса вертѣлась, какъ сумасшедшая, и тотчасъ отскакивала назадъ. Что это?—мы стоимъ на якорѣ—или вертимся на одномъ мѣстѣ? Гондола раскачивалась, подпрыгивала, сворачивала то вправо, то влѣво, и вдругъ словно ушла изъ подъ ногъ, между тѣмъ, какъ я былъ сорванъ съ мѣста налетѣвшимъ вѣтромъ. Я судорожно ухватился руками за обшивку и уперся ногами въ бортъ; аппаратъ сперва накренился, затѣмъ всталъ на дыбы. Число оборотовъ пропеллера уменьшалось; мы поднимались. Мы снова овладѣли своимъ воздушнымъ конемъ и изъ тумана пробивались на свѣтъ, къ небесной лазури.

Облака вокругъ насъ были снѣжно-мокрые; съ одежды моей текла вода. Я озябъ, дышалъ прерывисто, сердце билось ускоренно; тупое давленіе сжимало мнѣ виски. Въ ушахъ шумѣло, какъ въ морской раковинѣ; стукъ мотора доносился откуда-то издали. Но позади сознанія что-то во мнѣ инстинктивно прислушивалось, чтобы предупредить сознаніе, если моторъ хоть на одинъ мимолетный мигъ перестанетъ стучать.

И постепенно хаосъ прояснился, облекся въ форму; мы вынырнули изъ тучи на свѣтъ. Подъ нами было бѣлое, колышущееся море тумана, мѣстами блестѣвшаго, какъ мишура. На днѣ его былъ спящій міръ.

Но что это? Или меня обманываютъ чувства?—Аппаратъ вдругъ повернулся, взвился кверху, какъ чортовы качели—все круче и круче—вотъ-вотъ мы очутимся внизъ головой...

Словно огненнымъ мечемъ кольнуло меня—сухой, короткій толчекъ—я мгновенно понялъ: моторъ забастовалъ. Я снова оглянулся черезъ плечо и поймалъ взглядомъ силуэтъ друга, прежде чѣмъ вихрь поглотилъ насъ. Порывъ вѣтра поставилъ крылья перпендикулярно и притиснулъ насъ къ штирборту. Вихрь подхватилъ насъ и бросилъ внизъ; и члены, и мысли наши отяжелѣли. Въ головѣ стучало, въ ушахъ гудѣло; вся кожа горѣла, какъ обожженная. Что это стучитъ? — сердце и пульсъ, или моторъ и пропеллеръ? Одно — отголосокъ другого, адъ—и эхо ада.

И вдругъ,—всѣ шумы поглотила тишина; мы падали, словно въ кошмарномъ снѣ. Я слышалъ свистъ вѣтра и кашель—ты живъ еще, другъ мой, и продолжаешь мучиться? Я съ усиліемъ поднялъ тяжелыя вѣки, увидѣлъ лѣсъ, выступившій изъ тумана, и вскрикнулъ. Мы задѣли за верхушку ели и стукнулись о земь. Пропеллеръ еще косилъ высокую траву, обвивавшую его тысячью рукъ; затѣмъ аэропланъ опрокинулся на бокъ, лодка вывернулась, какъ перчатка, и обломки, трубки, проволоки и желѣзныя штанги — все это навалилось на насъ, впиваясь намъ въ тѣло.

Хлынули ручьи алой крови; я чувствовалъ, какъ горячей волной убѣгаетъ изъ меня жизнь; выползъ изъ углубленія, вырытаго въ землѣ моторомъ при паденіи, и сквозь дыру въ холщевомъ крылѣ вылѣзъ въ траву. Кимъ былъ прижатъ колесомъ руля—я освободилъ его. Онъ, шатаясь, сдѣлалъ два шага и опустился на срубленный пень; грудь его тряслась отъ рыданій, глаза, окаймленные красными кругами, были полны слезъ, губы синія, щеки пылали. Правая рука повисла, какъ плеть. Самъ весь разбитый, израненный, я перевязалъ эту руку, спасшую насъ—и поцѣловалъ ее, всосавъ чужую соленую кровь. И невольно въ памяти моей встало слово—старинное, почти вышедшее изъ употребленія слово: побратимъ—братъ по крови.

Я стащилъ съ себя костюмъ авіатора и началъ изслѣдовать свои раны—царапины, порѣзы, ссадины — все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что мы живы. Вѣдь мы чувствуемъ боль— мы ощутительно чувствуемъ свое счастье.

Я, прихрамывая, ковылялъ около нашего воздушнаго коня, теперь мертваго, лежавшаго съ переломанными членами. Кованые стальные раскосы искривились, деревянныя планки походили на сломанныя ребра, порванныя соединительныя проволоки — на силки, которыми ловятъ птицъ. Оголенный остовъ крыла торчалъ копьеобразно кверху, а надъ нимъ, на ели, за которую мы зацѣпились при паденіи, висѣла лоскутьями матерія, которой были обтянуты крылья. Изъ проломленныхъ резервуаровъ вытекали масло и бензинъ, смѣшиваясь съ кровью изъ нашихъ ранъ. Мнѣ жаль тебя, творенье рукъ моихъ: ты мнилъ себя одушевленнымъ— и вотъ, лежишь кучкой мертвыхъ щепокъ.

Мой товарищъ заставилъ себя встать.

— Пойдемъ искать помощи.

Въ туманѣ смутно виднѣлись какія-то фигуры; мы окликнули ихъ—но это было просто деревья, очертаніями похожія на людей. Мы подбодрились и стали медленно подниматься по лѣс-

ной тропинкѣ. Моросилъ мелкій дождикъ, мы ежеминутно скользили и оступались на мокромъ откосѣ, тихонько вскрикивая отъ боли.

У подножія холма пріютилась избушка; изъ трубы шелъ дымъ—значитъ, хозяева были дома. Залаяли собаки; на порогъ вышелъ старикъ. Сердца наши шибко забились—мы снова среди людей.

Старикъ сердито и ворчливо освѣдомился:

— Ну? Чего вамъ?

— Помогите намъ—мы разбились, упали...

— Откуда упали?

— Мы летали.

Онъ переспросилъ не столько съ сомнѣніемъ, сколько съ презрѣніемъ:

— Летали? Да развѣ люди летаютъ?

Я указалъ ему на нашъ разбитый аэропланъ. Онъ бросилъ на него равнодушный взглядъ и сдѣлалъ намъ знакъ войти въ избушку.

Мы были далеко отъ шоссе, въ тѣхъ самыхъ горахъ, черезъ которыя перелетѣли вчера. Старый угольщикъ, жившій отшельникомъ въ этой избушкѣ, промылъ и перевязалъ наши раны, и черныя лапы его прикасались къ нимъ легко, точно руки сестры милосердія. Затѣмъ сходилъ въ ближнюю деревню, отправить телеграммы устроителямъ полетовъ, Каспару и Маріи.

Вернувшись, онъ ворчливо разсказалъ намъ, что въ деревнѣ говорятъ еще о третьемъ разбившемся летунѣ.

Послѣ двѣнадцати погода прояснилась; сквозь тучи проглядывали теперь просвѣты голубого неба. Укладывая инструменты, мы услыхали отдаленное гудѣнье—это бипланы, пользуясь тѣмъ, что ненастье миновало, тяжело неслись навстрѣчу побѣдѣ.

Только стало смеркаться, раздался знакомый намъ звукъ рожка—это Каспаръ на нашемъ автомобилѣ пробирался черезъ лѣсъ. Онъ ловко, словно по асфальту, подкатилъ къ избушкѣ и смѣрилъ насъ озабоченнымъ взглядомъ: нижняя губа его отвисла отъ тревоги.

Мы всѣ вмѣстѣ поднялись на откосъ и остановились передъ останками нашего общаго дѣтища. Механикъ почесалъ затылокъ, отступилъ на шагъ назадъ и закурилъ трубку—вопреки всѣмъ предписаніямъ—теперь, молъ, ужъ все равно.

Кимъ злобно выругался.

Я обиняками освѣдомился, кто еще пострадалъ, кромѣ насъ.

Оказалось: маленькій поручикъ—онъ лежитъ при смерти въ сосѣдней деревушкѣ. Мнѣ безумно захотѣлось еще разъ увидѣть его. Изъ лѣсу набѣжало много разнаго люда; Кимъ остался стеречь разбитый аэропланъ; Каспаръ поѣхалъ со мной.

Автомобиль подпрыгивалъ на тряской тропинкѣ, черезъ которую тянулись корни деревьевъ; я стискивалъ зубы, чтобы не вскрикнуть отъ боли. Возлѣ первой же деревушки мы выѣхали на шоссе, которое шло то въ гору, то подъ гору; мигомъ колеса нашего автомобиля были забрызганы грязью. Даль раскрылась, обнаруживъ небо и горы, розовыя и зеленыя, съ резедовымъ оттѣнкомъ. За спиной у насъ поднималась огромная оранжевая луна. Буря утихла, и всѣ раны къ ночи закрылись.

Мы въѣхали въ деревушку: передъ пріютомъ для бѣдныхъ стояло нѣсколько автомобилей; ребятишки заглядывали въ окна. Я отворилъ дверь, заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ, и очутился въ полумракѣ, гдѣ говорили шопотомъ. Пахло бѣдняками, іодоформомъ и непромокаемыми плащами. По стѣнамъ прыгали отсвѣты висячей лампы посрединѣ. Блики, то свѣтлые, то почти темные, танцовали на тарелкахъ, на инструментахъ и перевязочномъ матеріалѣ, на лысинѣ врача и на лицѣ, въ которомъ угасала жизнь. На грязномъ, перепачканнымъ рвотою тюфякѣ умиралъ мой товарищъ. Ноги его превратились въ безформенную массу; лицо было уже не розовое и не дѣтское. Оно было блѣдно и до ужаса серьезно; водянисто-голубые глаза смотрѣли въ одну точку, и жутко было читать въ нихъ сознаніе близости смерти. Сѣрыя губы судорожно подергивались, не издавая ни звука; въ груди захрипѣло; вѣки смежились.

Маленькій поручикъ уснулъ послѣднимъ сномъ.

Помолимся за него — каждый тому Богу, который услышитъ его.

Ночь была темная; небо усѣяно звѣздами; мы ѣхали между двухъ черныхъ стѣнъ, сдвигавшихся, чтобы раздавить насъ. Огоньки фонарей бѣжали впереди, какъ собаки по свѣжему слѣду, отгоняя отъ насъ мракъ и напасти.

Мнѣ было тяжело; на сердце камнемъ легло горе незнакомыхъ мнѣ женщинъ.

Мысли сплетались въ образы: амулетъ на остывшей груди— осколокъ стекла въ золоченой оправѣ. Чѣмъ былъ для тебя этотъ осколокъ, товарищъ? Кусочкомъ ли земли, который ты бралъ съ собою, какъ залогъ и символъ твоего возвращенія? Что сулилъ тебѣ этотъ амулетъ:—жизнь, счастье, удачу? Или непо-

стижимая жизнь такъ пугала тебя, что ты сотворилъ себѣ символъ и подобіе, какъ идолъ есть подобіе божества? Но что такое для насъ жизнь, товарищъ:—осколокъ ли стекла, который мы носимъ съ собою, или же полетъ вокругъ земли, породившей насъ за тѣмъ, чтобы пожрать и снова породить на свѣтъ? Жизнь для насъ—это нетерпѣніе и предчувствіе, которымъ звенитъ голубой колоколъ надъ нами.

Жизнь для насъ—это взлетъ въ поднебесье и паденіе въ глубину: и въ тотъ моментъ, который вы оплакиваете, онъ изжилъ свою жизнь цѣликомъ. Всѣ мы ждемъ только зова: всѣ мы—солдаты идеи, которая повелѣваетъ нами. Главное: быть готовымъ, быть всегда на чеку.

Мы ѣхали въ темную ночь, подъ звѣзднымъ небомъ—межъ двухъ черныхъ стѣнъ, сдвигавшихся, чтобы раздавить насъ. Огоньки фонарей бѣжали впереди, словно собаки по свѣжему слѣду, отгоняя отъ насъ мракъ и напасти. Врачъ, сидѣвшій рядомъ со мной въ автомобилѣ, щупалъ мнѣ пульсъ.

— У васъ лихорадка,—сказалъ онъ.

Я трясся въ ознобѣ.

Бѣлые коридоры перекрещивались подъ прямымъ угломъ; въ бѣлыя кафельныя стѣны врѣзывались бѣлыя двери. За дверью послышались заглушенные шаги; вошелъ Кимъ и подалъ мнѣ телеграмму.

— Призы едва покрываютъ убытки.

Я, наполовину не разслышавъ его словъ, утѣшилъ его:

— Моторъ, навѣрное, можно будетъ исправить.

Я прочелъ, и почувствовалъ, какъ вокругъ зашумѣли ручьи—забили источники въ моемъ сердцѣ; паденіе и больничная койка потонули въ волненіи крови.

Телеграмма была отъ Маріи. Она молча отпустила меня, зная, что я иду на опасность, чтобы не прибавить мнѣ заботъ. Но теперь, когда, узнавъ половину правды, она испугалась вдвойнѣ, она молила:

«Подумай о своемъ ребенкѣ».

Какъ сквозь воду, я слышалъ голосъ Кима:

— Мы должны строить болѣе легкіе аппараты, болѣе подвижные и быстроходные...

Я думалъ:

— Какъ будто на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ формулъ, шансовъ, конкуренціи!.. Какъ будто моторъ заступилъ мѣсто нашей души.

Кимъ продолжалъ:

— До слѣдующаго конкурса остается ровно десять недѣль.

Я думалъ:

— И вотъ, я вторично стою на мертвой точкѣ — боленъ и жду выздоровленія.

Кимъ уже взялъ карандашъ и записывалъ какія то вычисленія въ свою записную книжку,

— Нужно сдѣлать уголъ паденія болѣе тупымъ...

Во мнѣ звучалъ старый, давно умолкшій голосъ.

Тотъ ли я, что былъ: мечтатель, ночью странствующій съ звѣзды на звѣзду? Когда мы опустились по кривой на землю, какъ обрадовались мы первому человѣку, какъ жутко было глядѣть въ лицо смерти. Не человѣкъ ли—цѣль, насъ возвышающая? А я презрѣлъ права человѣка.

Кимъ въ чемъ то убѣждалъ меня, громко и сердито; я смотрѣлъ на него вопросительно, чужими глазами.

Кривыя нашей жизни разошлись.

Марія выѣхала встрѣтить меня. Мы шли рука объ руку зелеными лугами. Мнѣ страшно было дотронуться до ея тѣла, освященнаго материнствомъ, и я смущенно молчалъ, потому что она молчала.

Волнистыя гряды холмовъ раздвинулись: блеснуло озеро, веселое, нарядное. Когда мы остановились полюбоваться имъ, Марія спросила:

— Почему братъ мой не пріѣхалъ вмѣстѣ съ тобой?

— Онъ закупаетъ матерьялъ для постройки новаго аэроплана.

Она только кивнула головкой, но я понялъ ее и обѣщалъ:

— Я не стану летать, пока это можетъ быть вреднымъ для тебя.

Она посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

— А потомъ?

Это былъ отголосокъ безмолвныхъ вопросомъ, терзавшихъ меня. Марія выдернула свою руку изъ моей и схватила меня за обѣ руки, отвѣчая сама себѣ:

— А потомъ ты опять полетишь.

Мы шли по окраинѣ луга, сплошь заросшей фіалками.

— Марія!—какъ я былъ близорукъ и эгоистиченъ—я видѣлъ только твое противодѣйствіе и не видѣлъ, что оно вытекаетъ изъ любви.

Она отвѣтила:

— За то время, что я была одна, я много думала объ этомъ. Мы оба неправы—я тоже думала только о себѣ. Женщинѣ трудно примириться съ тѣмъ, что, и достигнувъ своей цѣли и своего счастья, она должна дѣлить его съ чѣмъ то другимъ—хуже того: съ опасностями, грозящими ежеминутно отнять у нея это счастье.

— Съ идеей, Марія, которой живы всѣ мы.

— Милый, развѣ женщинѣ нужна идея?—ей нуженъ мужчина.

— Ты ошибаешься: жизнь каждаго изъ насъ тяготѣетъ къ цѣли, которая лежитъ внѣ ея — у мужчины къ его призванію, у женщины—къ ея ребенку.

— Ты правъ—кругъ нашего существованія не такъ ужъ тѣсенъ, какимъ его мнитъ нашъ эгоизмъ. Вѣдь и мнѣ предстоитъ пережить опасный моментъ. Я много думала объ этомъ и поняла, что опасность—ничто передъ необходимостью выполнить свое призваніе. И роды, вѣдь, несутъ съ собой опасность для жизни и страданія—но какая же женщина откажется изъ-за этого отъ счастья быть матерью?

— Ты какъ то сказала, что иные погибаютъ, не потому, что опасность была сильнѣе ихъ, а потому, что сами они были до глупости неосторожны. Именно такъ было съ нами на этомъ послѣднемъ конкурсѣ.

— Вашъ союзъ неудаченъ. Я знаю брата: онъ человѣкъ разумный и разсчетливый, но ненасытный и не хочетъ считаться съ предѣлами своихъ силъ — когда же его захватитъ страсть, онъ забываетъ о всякой осторожности и способенъ на самые безумные поступки.

— Но вѣдь именно такія натуры и нужны намъ. Онѣ заставляютъ себя выполнять намѣченное и увлекаютъ за собой другихъ.

— На гибель...

— Или на побѣду.

Мы были уже въ деревнѣ; дѣти бѣжали намъ навстрѣчу; старики кланялись почтительно и довѣрчиво; они уже успѣли оцѣнить наши намѣренія и ту пользу, которую они могутъ принести.

Прошло еще нѣсколько недѣль, и судьбѣ угодно было упрочить воздушныя узы, приковавшія меня къ этой общинѣ, подвергнувъ ихъ испытанію огнемъ и водой.

Въ этотъ вечеръ — хотя въ освѣщенныя окна уже толкались комары и порой стукались грузно майскіе жуки, гудѣвшіе: думъ-цумъ, — въ этотъ вечеръ наша улица никакъ не могла успокоиться. Внезапно раздавшійся набатъ разогналъ дѣтей, игравшихъ на пустырѣ; словно мыши, на которыхъ бросилась кошка, они прыснули въ разныя стороны; во всѣхъ закоулкахъ деревни слышался топотъ маленькихъ ножекъ; въ каждую дверь врывался одинъ ребенокъ, а то и цѣлая куча ребятъ. А церковный колоколъ снова загудѣлъ громко, съ угрозой: всѣ ли вы, молъ, дома? Деревня притаила дыханіе, и вдругъ—все зашумѣло, зашепталось, забѣгало, захлопало окнами... темносиній небосводъ вдругъ вспыхнулъ алымъ заревомъ; изъ всѣхъ домовъ слышались крики:

— Горимъ! Пожаръ!

Горѣла группа самыхъ красивыхъ домовъ въ нашей деревнѣ: три нарядныхъ дома съ остроконечными кровлями, съ расписными фронтонами, съ рѣзными карнизами и надписями, въ зеленыхъ вѣнкахъ, или изваянными на камнѣ: «Зеленое Затишье», «Веселый Отдыхъ», «Красный Змѣй», — но огненные языки взвивались высоко и уже лизали сосѣдніе дома. Прибѣжали пожарные, въ мундирахъ, кое-какъ наброшенныхъ на плечи; распахнулись тяжелыя ворота ратуши, выкатили на площадь пожарный насосъ; полуодѣтые люди кричали, плакали, суетились; брызгала вода, взвивались кверху снопы искръ. По всему небу разлилось багровое зарево; лопались коньки на крышахъ, трещали перила лѣстницъ подъ напоромъ толпы. Колоколъ испуганно гудѣлъ, теперь уже вопрошая: «Всѣ ли вы спѣшите на помощь?».

Но, когда мы ворвались въ заднія комнаты «Веселаго Отдыха», полуистлѣвшее крыльцо котораго лизали огненныя змѣйки, въ комнатѣ съ голыми стѣнами, на которыхъ зловѣще играли отсвѣты огня, мы нашли стараго Якоба, стоявшаго на колѣнахъ передъ своей кроватью. Кровать была такая же кривая и дряхлая, какъ самъ онъ, и пропиталась запахомъ бѣдности, напоминающимъ запахъ картофеля въ затхломъ погребѣ. Не обращая на насъ вниманія, старикъ водилъ по ней скрюченными пальцами и шепталъ:

— Ты не бойся — не бойся — стой, гдѣ стоишь—тебѣ нечего бояться.

На двухъ стульяхъ у стѣны лежалъ узелъ съ бѣльемъ; старикъ приготовился къ бѣгству, но почувствовалъ, что кровать его тоже боится огня, и остался съ нею. Пожарный Дитрихъ, у котораго дома была ворчунья жена, бѣдность и куча дѣтей,

молча поднялъ кровать; я взялся за нее съ другой стороны, и мы пронесли ее сквозь огонь наверху и воду внизу; старикъ съ двумя стульями и узломъ плелся за нами; когда мы поставили кровать на землю, она вся разсыпалась.

Два дня подрядъ, въ то время, какъ развалины пожарища еще дымились, и въ нихъ пекся гигантскій пирогъ изъ воды, мусора, грязи и дерева, старый столяръ съ ручной телѣжкой бродилъ по деревнѣ и подбиралъ остатки своего имущества, свозя все въ нашъ ангаръ: здѣсь доску, тамъ горшокъ, обуглившуюся тряпку, рваный башмакъ. Мы зашли навѣстить его—и застали его за работой; онъ по кусочкамъ сколачивалъ свою кровать, прибивая на мѣсто щепку за щепкой—съ такой же заботливостью, какъ реставраторъ старинную мозаику. Видъ у него былъ довольный. Онъ молча кивнулъ намъ головой. Наработавшись за день, онъ засыпалъ, среди стружекъ, станковъ и разобранныхъ на части аэроплановъ, и не подозрѣвалъ новыхъ заботъ, уже докучавшихъ другимъ.

На пристани мѣрно стучалъ молотокъ: механикъ Каспаръ выводилъ плотину. Озеро повернуло противъ теченія, и воды его вздымались, казалось, до самаго сѣраго неба, съ котораго лились, навстрѣчу имъ, потоки дождя. Пустырь, на которомъ еще недавно давала представленія труппа артистовъ—двѣ повозки, три осла, восемь ребятъ и дуракъ Августъ—между тѣмъ какъ мамаша, слишкомъ растолстѣвшая, чтобы продолжать заниматься своимъ ремесломъ акробатки, обходила публику съ тарелкой, а папаша, не менѣе грузный, ругательски ругалъ всѣхъ, кто не сразу лѣзъ въ карманъ за деньгами—пустырь, на которомъ играли дѣти и хранились рыбачьи лодки, наполовину въ грязи, какъ крокодилы—внезапно сползъ въ озеро, и озеро перегородило улицу—стой, молъ—дальше ходу нѣтъ. Школьники, освобожденные отъ занятій, плескались въ водѣ; мальчишки катались на доскахъ, загребая самодѣльными веслами; дѣвченки, подобравъ юбочки, шлепали по лужамъ; старики говорили о прежнихъ трудныхъ годахъ, когда по деревнѣ разъѣзжали на лодкахъ, и выражали опасеніе, какъ бы въ этомъ году не было еще хуже. Дождь пересталъ, но вода въ озерѣ все поднималась, затопляя неогороженные сады; по водѣ плавалъ цвѣтъ земляники и сахарнаго горошка. Во всѣхъ трещинахъ набережной и стѣнъ домовъ на набережной стояла вода; изъ погребовъ она просачивалась въ сѣни и нижніе этажи. Крестьяне выводили скотъ изъ хлѣвовъ; коровы глухо мычали, били ногами по водѣ, расплескивая ее; хозяева ругались.

Ночь пала на землю, черная, сырая. Все мужское населеніе строило мостки, прокладывая ихъ черезъ деревню: поставятъ козлы, положатъ на нихъ вдоль бревно, поперекъ другія бревнышки, поменьше, и на нихъ, опять вдоль, доски; скрѣпятъ все это кой-гдѣ гвоздями. Но, пока одни выведутъ, другіе, глядишь, ужъ залиты водой. Вытянутъ мостки на сто метровъ длины; вода забѣжитъ на десять метровъ впередъ, поднимутъ ихъ на два дюйма, а вода поднялася на три. И къ разсвѣту— еще до четырехъ всѣ были уже на ногахъ—деревня превратилась въ озеро съ массой островковъ, и даже дѣти притихли и утратили охоту играть.

Мы, мужчины, держали совѣтъ.

— Нижніе этажи очищены?

— Внизу въ домахъ никого нѣтъ; всѣ перебрались въ верхніе этажи.

— А старый Якобъ?

Я только сейчасъ вспомнилъ о старомъ Якобѣ. Я предостерегалъ его, совѣтовалъ ему пріискать себѣ заблаговременно надежный пріютъ, но онъ остался въ нашей мастерской. Мы подъѣхали на лодкѣ къ окну ангара; онъ весь былъ залитъ водой; кровать стояла посерединѣ. Алло! Якобъ! Ты здѣсь? Ни звука въ отвѣтъ. Стучимся—все тихо. Вылѣзли изъ лодки— прямо въ воду—обошли домъ сзади, выломали двери. Вода хлюпаетъ, щепки пляшутъ въ ней, волны уже смочили краюшекъ свѣсившагося одѣяла. Старый Якобъ лежитъ на кровати, укутавшись съ головой въ одѣяло и преспокойно спитъ, и посапываетъ во снѣ. Вотъ спокойствіе духа!—ничѣмъ его не пробьешь: ни огнемъ, ни водой. Тряхнули мы его, разбудили— удивился, но не испугался и сталъ натягивать на себя штаны, которые выудилъ съ верстака. Мы перенесли въ лодку матрацъ и одѣяло; кровать, освобожденная отъ лишней тяжести, мгновенно всплыла. По лицу старика, похожему на вспаханное поле, разлилась тихая улыбка.

— Что? И ты хочешь съ нами?

Онъ шелъ, по колѣно въ водѣ, толкая передъ собою кровать, которую ухитрился продвинуть въ дверь, и люди говорили:

— Глядите-ка, старый Якобъ опять перебирается на другую квартиру.

Я долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, заинтересованный тѣмъ, гдѣ онъ со своей кроватью причалитъ, наконецъ. И думалъ про себя:—Этотъ старый ящикъ и въ смертный часъ не покинетъ его и будетъ ему послѣднимъ утѣшеніемъ.

Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, и картина преображалась: у кровати выросли крылья, и она полетѣла. Оформилась мысль, давно мучившая меня, какъ наяву стараніе припомнить сонъ—нашлось заключительное звено къ цѣпи разорванныхъ картинъ: въ лазурныхъ моряхъ носились серебряныя рыбки; по озеру, словно выжидая благопріятный моментъ, скользилъ гидропланъ; старый нашъ бипланъ обвѣсился плавниками, какъ свиными пузырями; гоночный монопланъ превратился въ крылатую лодку—эту лодку я сдѣлаю непроницаемой для воды, подвижной и быстрой,—чтобы всякій водный путь сталъ для меня желанной гаванью.

Но я отложилъ выработку этого плана и вернулся къ требованіямъ момента. Мы провели мостки отъ дома къ мастерской и вынесли изъ нея все, что можно было вынести. Затѣмъ, община пригласила меня на совѣтъ: рѣчь шла о томъ, какъ преградить путь наводненію, отодвинуть его назадъ и помѣшать ему вернуться.

На нѣсколько недѣль мнѣ пришлось отложить работу. По залитой солнцемъ рѣчкѣ плавали рыбки. Воротился Кимъ, и съ нимъ баронъ, пожелавшій осмотрѣть нашу маленькую мастерскую. Онъ не прочь былъ войти съ нами въ долю, если мы захотимъ расширить свое дѣло. Я предложилъ пріобрѣсти пожарную площадь, продававшуюся вмѣстѣ съ огромными дворами и поставить тамъ новую мастерскую.

Баронъ все внимательно осматривалъ, обо всемъ разспрашивалъ; онъ былъ гораздо болѣе дѣлецъ, чѣмъ я предполагалъ.

— Вы недалеко отъ границы—используйте это: вы можете имѣть сбытъ въ двухъ странахъ заразъ... И непремѣнно надо открыть отдѣленіе въ столицѣ.

Онъ освѣдомился о моемъ моторѣ и посовѣтовалъ мнѣ продать патентъ—кстати было и предложеніе, отъ той самой фирмы, гдѣ я служилъ раньше.

Выходя изъ мастерской, онъ указалъ на валявшіяся въ углу поверхности перваго нашего, такъ сказать, учебнаго аппарата.

— Почему вы отказались отъ биплана?

Шуринъ отмахнулся рукой.

— Это типъ уже устарѣлый.

Баронъ напомнилъ.

— А на нашемъ конкурсѣ кто побѣдилъ? Старшій пилотъ, докторъ—слѣдовательно, бипланъ. Усовершенствуйте вашъ аппаратъ; для военныхъ цѣлей теперь всего нужнѣй такой—прочный, способный поднять нѣсколькихъ человѣкъ и открывающій свободный видъ на мѣстность.

Я упомянулъ о гидропланѣ, который я строилъ и намѣревался испробовать его въ этомъ же году, на нашемъ озерѣ.

Кимъ раздражительно буркнулъ.

— Я думалъ, мы сперва построимъ мой гоночный аэропланъ.

Но баронъ, по обыкновенію, вмѣшался примирительно.

— Можно дѣлать одно и не оставлять другого. Ибо эта Америка, только что открытая, сулитъ тысячи возможностей.

Еще переливались радугой на солнцѣ покрытые иломъ пни на дровяныхъ дворахъ, а на нихъ ужъ появились каменьщики, за ними шли слесаря, плотники и механики.

Явились и другіе: мошки, летѣвшія на свѣтъ, мотыльки, обжегшіе себѣ крылышки, залетныя птицы—бѣлокурые мальчики, которымъ не давалъ спать по ночамъ стукъ молотковъ, шалые игроки, ставившіе на послѣднюю карту свое счастье, самоувѣренные юноши, желающіе сами быть кузнецами своей судьбы. Я взялъ одного изъ нихъ—кому жизнь, потѣхи ради, вложила въ руку иглу, вмѣсто молота—взялъ его въ помощники и къ осени научилъ его летать. Это былъ мой первый ученикъ.

Каспаръ былъ уже мастеромъ.

ЭПИЛОГЪ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Was du ganz errungen hast,
Sinkt aus der Hand als schwere Erdenlast,
Es schwebt nicht mehr traumleicht vor deinem Blick,
Irden wurd's—und fällt der Erde zurück.

Мы ѣхали на родину, въ отцовскій домъ, чтобъ онъ былъ первымъ благословеннымъ кровомъ нашему ребенку. И, когда время исполнилось, Марія родила мальчика.

Она страдала и мучилась, но въ стонахъ ея пѣла древняя мудрость: счастье на землѣ въ томъ, чтобъ покориться своей участи. Изъ комнаты роженицы неслись раздирающіе крики; я не зналъ, что они мнѣ возвѣщаютъ—смерть или жизнь, сердце мое раскрывалось навстрѣчу имъ и хотѣло взять свою долю стра-

данiй—но я одиноко блуждалъ у порога. Наслажденіе, испытанное вмѣстѣ, стало болью разлуки.

И вотъ, я держу на рукахъ наше дитя. Голый черепъ съ высокимъ лбомъ, весь въ складкахъ, точно у озабоченнаго старика; глаза — мутныя бездны, не выдающія тайны зарожденія искры жизни между двумя электродами—мужчиной и женщиной.

Я нагнулся къ своей женѣ, и нашъ поцѣлуй былъ обѣтомъ.

Я оставилъ мать и ребенка и пошелъ бродить по степи, по болоту. Багряный осенній коверъ уже поблекъ; верхушки тополей мели сѣрое небо, серебряный блескъ березъ потускнѣлъ, пріобрѣлъ известковый оттѣнокъ. Въ темной водѣ между кочками отражалось мое лицо; канавы спали, черныя, непроницаемыя, какъ тогда, ночью.—За болотомъ маячила деревня; богатые дома и бѣдныя лачуги стояли бокъ-о-бокъ, будто перешептываясь между собою.

Церковный звонъ уже отзвучалъ. Я нажалъ холодную, какъ ледъ, ручку церковной двери. Она не поддавалась, но я нашелъ боковой входъ, второпяхъ оставленный кистеромъ незапертымъ. Отголосокъ моихъ шаговъ гулко разносился подъ безлюдными сводами, порхалъ, словно летучая мышь между темными статуями святыхъ, будто шевелившихся въ сумеркахъ: окаменѣлые великаны молились передъ отходомъ ко сну.

Не вчера ли еще я, набожный мальчикъ, набожно пѣлъ въ этой церкви псалмы? Не лежитъ ли еще рука моей матери рядомъ съ моимъ загорѣлымъ кулачкомъ на нашемъ молитвенникѣ; не раздастся ли сейчасъ голосъ отца, задающаго тонъ нашему шаткому хору? Время и пространство слились воедино и я, бѣглецъ, вернулся и даю отчетъ мятежной душѣ.

Мой домъ, моя Обитель Довольства, теперь, когда я покидаю тебя, я помню, что ты шепталъ мнѣ: вѣдь у тебя человѣческіе глаза — глаза Іакова, прозрѣвающіе міръ до самаго дна.

Смотри, съ моей работой связанъ вмѣстѣ міръ—міръ этотъ—женщина, жена моя. Ты, таинство дивнаго превращенія, воплощеніе неразрывного единства, чаша зачатія и вино рожденія—теперь, когда я дѣлю тебя съ другимъ, ты вдвойнѣ моя.

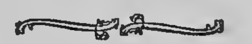
И ты, мое другое и дитя мое—будь вѣткой, соединяющей наши стволы, дабы въ нихъ текли однѣ и тѣ же соки. Ты, возвращеніе ко всякому началу, ты, звено, соединяющее прошлое съ будущимъ. Или мы слишкомъ легковѣсны? И нуженъ балластъ?—какъ, однако, много вѣситъ ребенокъ!

Такъ простись же, мое Я, со своимъ одиночествомъ—оно обрѣло голосъ и стало многообразнымъ. Прими этотъ отвѣтъ на твой вопросъ: мы ловимъ неощутимое, смотримъ въ невидимое, стремимся въ царство звѣздъ—и этимъ творимъ земное дѣло и служимъ земнымъ цѣлямъ.

Тѣни ночи сгущались надо мной; я ощупью выбрался изъ церкви; надъ посеребренными крышами поднимался все выше лунный серпъ. Я торопливо шагалъ по болоту; оно кричало тысячью голосовъ, и всѣ голоса сливались въ одинъ.

Друзья, возложите на себя землю свою и летите. Въ вашихъ связанныхъ крыльяхъ звенитъ старая пѣсня — пусть откликнется на нее ваше сердце!

Съ нѣмецкаго пер. З. Журавская.



ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО И СВОБОДА ПЕЧАТИ.

Объединенное дворянство, понимая очень широко свои задачи, не обходило вниманіемъ ни одного выдающагося вопроса русской жизни. Оно интересовалось и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ образованіемъ въ Россіи; оно озабочено было положеніемъ печати; оно считало возможнымъ предлагать мѣры къ рѣшенію еврейскаго и другихъ инородческихъ вопросовъ. И если прослѣдить ходъ развитія нашего законодательства за послѣдніе годы, то можно сказать, что въ предложеніяхъ, дѣлаемыхъ Палатамъ отъ имени правительства, легко отмѣтить на каждомъ шагу развитіе тѣхъ взглядовъ, которые нашли выраженіе или въ рѣчахъ отдѣльныхъ членовъ дворянскихъ съѣздовъ, или въ принятыхъ ими постановленіяхъ. Объединенное дворянство давно озаботилось вопросомъ о періодической печати; оно начало съ попытки проводить собственные взгляды въ самостоятельномъ органѣ и кончило призывомъ увеличить денежныя субсидіи оффиціозной прессѣ и усилить преслѣдованіе такъ называемой лѣвой печати.

Въ 1906 г. объединенное дворянство еще мечтаетъ о созданіи собственнаго органа. Но большія трудности лежать на пути осуществленія этого предпріятія. На нихъ указываетъ г. Брянчаниновъ. Чтобы осуществить мысль объ изданіи органа, служащаго выраженіемъ взглядовъ объединеннаго дворянства, «требуется милліонъ рублей, такъ какъ газета можетъ имѣть вліяніе при условіи таланта и компетентности сотрудниковъ и при условіи первоклассной освѣдомленности, а это стоитъ большихъ денегъ. Кромѣ того большая серьезная газета можетъ окупаться только объявленіями, а такъ какъ таковыя начинаютъ приливать только

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія, то въ первые два-три года солидная газета должна готовиться къ дефициту въ нѣсколько сотъ тысячъ». Ораторъ считаетъ, поэтому, болѣе практичнымъ «войти въ соглашеніе съ уже существующей солидной газетой, воспользоваться для общаго политическаго отдѣла ея налаженнымъ личнымъ составомъ, пріобрѣсти сразу ея кліентуру, дать ей новую, въ лицѣ всѣхъ сторонниковъ правильнаго освѣщенія интересовъ землевладѣнія и земледѣлія, а для этого обезпечить себѣ въ каждомъ номерѣ газеты извѣстное количество столбцовъ, наполняемыхъ матеріаломъ по указанію особо избраннаго союзомъ землевладѣльцевъ комитета. Для облегченія финансовой стороны дѣла съ точки зрѣнія сосредоточенія въ одномъ органѣ всѣхъ теченій экономической жизни, *противныхъ соціализму*, полезно было бы привлечь въ тотъ же органъ и союзъ торгово-промышленниковъ, которые вошли бы также въ часть издержекъ, и получали-бы также въ номерѣ свое мѣсто для освѣщенія вопросовъ съ ихъ точки зрѣнія». Г. Брянчаниновъ считаетъ торгово-промышленниковъ союзниками дворянства въ борьбѣ съ соціализмомъ и частичными противниками его въ области тарифной и таможенной. «Уклоняясь самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ всякой правительственной субсидіи и давленія—говоритъ онъ,—газета могла бы обезпечить за собою преимущественную оффиціозную освѣдомленность, а это сразу бы заставило общественное мнѣніе ею интересоваться и лучше всякихъ рекламъ содѣйствовало бы ея распространенію». Предложеніе г. Брянчанинова въ сущности сводилось къ тому, чтобы объединить консервативные интересы въ борьбѣ съ соціализмомъ.

Можно спросить себя, насколько осуществимо было и тогда, а не только теперь, подобное желаніе. Торгово-промышленная партія, конечно, содержитъ въ себѣ людей, враждебно относящихся не только къ соціализму, но и ко всякой попыткѣ создать у насъ соціальное законодательство по образцу, скажемъ, германскаго. Они съ недовѣріемъ относятся къ фабричной инспекціи и не горятъ желаніемъ принять на себя большую часть бремени, связаннаго съ системой страхованія рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Нѣкоторые изъ нихъ и при прохожденіи недавняго закона по этому предмету указывали на то, что въ Германіи часть издержекъ по осуществленію страхованія беретъ на себя казна, о чемъ въ поступившихъ въ наши законодательныя палаты проектахъ не было, разумѣется, и помину. Но если торгово-промышленный классъ и не прочь тормозить нѣкоторыя начинанія нашей бюрократіи на пользу трудящагося люда, то стоитъ той же бюрократіи только напомнить о томъ золотомъ дождѣ, какой сыплется на фабрикантовъ и заводчи-

ковъ, благодаря поддерживаемому правительствомъ протекціонному тарифу, чтобы побудить представителей нашего развивающагося капитализма къ «самоотверженному» принесенію «на алтарь отечества», ну хотя бы, отказа отъ дальнѣйшаго отстаиванья своей позиціи. Но протекціонный тарифъ—это то самое, изъ-за чего въ нашихъ торговыхъ договорахъ приходится жертвовать интересами тѣхъ классовъ, которые живутъ главнымъ образомъ земледѣліемъ. Въ отвѣтъ на обложеніе высокой пошлиной нѣмецкихъ фабрикатовъ и полуфабрикатовъ намъ отвѣчаютъ повышеніемъ сборовъ, взимаемыхъ на границѣ не съ одной русской пшеницы. Прусскіе аграріи торжествуютъ, а русскіе только мечтаютъ о томъ, какъ бы по ихъ примѣру образовать особую партію, которая своимъ давленіемъ потянула бы вѣсы правительственной политики, разумѣется, не къ пользѣ фабрикантовъ, заводчиковъ и тѣхъ, кто торгуетъ ихъ товаромъ. Главный русскій производитель, крестьянинъ, молчитъ, ужъ не потому ли, что продаваемаго имъ, скрѣпя сердце, на сторону хлѣба едва хватило бы для собственнаго продовольствія?

И въ вопросѣ о необходимыхъ вольностяхъ интересы обоихъ классовъ—земледѣльческаго и торгово-промышленнаго—рѣзко расходятся между собою. На что помѣщикамъ свобода передвиженія, отмѣна иностранныхъ паспортовъ, пропускъ въ предѣлы Имперіи даже тѣхъ американцевъ, которые заподозрѣны въ происхожденіи отъ евреевъ? А вѣдь все это—неотложная необходимость для тѣхъ, кто правильно видитъ въ привлеченіи иноземныхъ капиталовъ необходимое условіе для расцвѣта нашей промышленности. Немудрено, поэтому, если и независимо отъ той непопулярности, какую сразу создали для г. Брянчанинова его смѣлыя выступленія и его нескрываемое разномысліе съ товарищами по сословію, проектъ его не встрѣтилъ поддержки. Графъ Д. А. Олсуфьевъ доказывалъ необходимость изданія газеты для борьбы съ революціей. Такая газета, надѣется онъ, руководила бы общественнымъ мнѣніемъ и была бы признана всѣми мелкими газетами центральнымъ органомъ. Ораторъ мечтаетъ о созданіи еженедѣльника, занимающагося преимущественно вопросами земледѣльческаго характера, и думаетъ, что для этого на первыхъ порахъ достаточно будетъ затраты трехъ или четырехъ тысячъ рублей. Г. Шильдеръ-Шульднеръ болѣе неумѣренъ въ своихъ требованіяхъ: онъ хочетъ ежедневной газеты. «Слово «газета», говоритъ онъ, пугаетъ всѣхъ изъ-за расходовъ, но газета можетъ существовать, если имѣетъ пять тысячъ подписчиковъ» (?). Издатели прекратившейся недавно газеты «Русская Молва», вѣроятно, могли бы представить на это серьезныя возраженія. Г. Шильдеръ-Шульднеръ, повидимому, расчитывалъ на то, что въ

каждой губерніи окажется по сто дворянъ, готовыхъ подписаться на такую газету, и назначалъ цѣну на нее въ 10—12 руб. въ годъ.

И это предложеніе, повидимому, сразу оцѣнено было по достоинству. Съѣздъ ограничился выслушаніемъ двухъ отдѣльныхъ предложеній графа Олсуфьева и князя Шаховскаго и постановилъ просить дворянскія собранія ассигновать на изданіе центральнаго органа по 3,000 руб. въ годъ и оказывать всякое содѣйствіе мѣстной прессѣ согласнаго съ съѣздомъ направленія. Сообщенія, сдѣланныя какъ графомъ Олсуфьевымъ, такъ и княземъ Шаховскимъ, даютъ полную оцѣнку значенію, какое можетъ имѣть мѣстная печать въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ въ деревняхъ. Съѣздъ приглашается, поэтому, графомъ Олсуфьевымъ принять такое постановленіе: «онъ всемѣрно рекомендуетъ губернскимъ дворянскимъ собраніямъ оказывать посильную поддержку, какъ денежную, такъ и всякую иную, мѣстнымъ газетамъ желательнаго землевладѣльцамъ направленія».

Заявленіе князя Шаховскаго гласитъ: «Несомнѣнно, что возвратившіяся въ свои «гнѣзда» дворяне личнымъ своимъ трудомъ и вліяніемъ будутъ способствовать умиротворенію страны и успокоенію взбудораженныхъ народныхъ массъ. Но для спасенія отъ надвигающейся анархіи и противодѣйствія сѣятелямъ разрушительныхъ ученій всего этого недостаточно. Дворянству необходимо, воспользовавшись состоявшимся объединеніемъ и созданной организаціей, выступить на активный путь борьбы съ крамолой ея же оружіемъ, т. е. печатнымъ словомъ. Надо опровергать въ разныхъ изданіяхъ, распространяемыхъ въ народѣ и въ малообразованныхъ слояхъ населенія, ложныя ученія и лживыя свѣдѣнія, имѣющія единственною цѣлью революціонизированіе массъ и подготовленіе ихъ къ государственному и соціальному перевороту, а также надлежитъ укрѣплять въ населеніи уваженіе къ своему родному и исконному, разъясняя великое значеніе главныхъ устоевъ государственной и народной жизни. *Слѣдуетъ въ буквальномъ смыслѣ слова засыпать народъ брошюрами, листками и разными изданіями* (курс. подл.), благодаря которымъ разсѣялся бы миражъ, созданный дѣятельностью революціонныхъ партій, и народъ почувствовалъ бы ту гибель, которая грозитъ государству отъ смуты, заглянулъ бы въ пропасть, въ которую его толкаютъ его мнимые друзья, и опомнился бы. Если съѣздъ признаетъ справедливость высказаннаго выше, то ему *слѣдуетъ нынѣ же, не разъѣзжаясь, собрать складочный капиталъ, и довольно значительный, для немедленнаго же приступа къ организаціи борьбы съ революціей помощью печати. Необходимо немедленное основаніе большой ежедневной и большой народной*

газеты. Первую надлежало бы издавать въ Петербургѣ, а вторую—въ Москвѣ или въ какомъ-либо крупномъ провинціальномъ городѣ (курс. подл.). Засимъ немедленно же надо приступить и къ составленію народныхъ брошюръ. Было бы желательно главное издательское предпріятіе учредить при совѣтѣ и поставить его подъ контроль этого центральнаго органа объединеннаго дворянства. Предпріятіе это, однако, должно быть частнымъ, и изданія отнюдь не должны носить на себѣ какого-либо штемпеля дворянской организаціи».

Реальныхъ послѣдствій всѣ эти заявленія, повидимому, не имѣли. Отозвался одинъ только В. М. Пуришкевичъ, предложеніемъ внести тысячу рублей на организацію печатнаго органа. На второмъ дворянскомъ съѣздѣ постановлено благодарить его за это предложеніе, но самый вопросъ о пожертвованіи оставить открытымъ, прося В. М. Пуришкевича сдѣлать о семъ, если онъ пожелаетъ, заявленіе въ совѣтѣ.

На второмъ своемъ съѣздѣ объединенное дворянство, признавая, повидимому, безнадежнымъ осуществленіе мысли о самостоятельномъ органѣ и о борьбѣ съ враждебными направленіями однимъ съ ними оружіемъ—свободнымъ словомъ, единогласно поручаетъ совѣту «просить правительство обратить вниманіе на злоупотребленіе свободой слова прессой революціоннаго направленія». Въ то же время объединенное дворянство идетъ, такъ сказать, на помощь правительству въ дѣлѣ обузданія печати и поручаетъ совѣту «пересмотрѣть временные законы о печати въ цѣляхъ содѣйствія къ измѣненію закона въ направленіи, соотвѣтствующемъ правильно понимаемымъ задачамъ печати». Годъ спустя у собранія, повидимому, не остается никакихъ иллюзій на счетъ возможности осуществить мысль о самостоятельномъ органѣ, проводящемъ виды дворянства, хотя губернскими предводителями и былъ поставленъ на обсужденіе двор. собраній вопросъ объ ассигнованіи суммъ, нужныхъ для такого органа, хотя имъ и было поручено открыть частную подписку для той же цѣли, суммъ, повидимому, никакихъ не поступило. Разумѣется, еще менѣе реальной оказалась надежда на то, что переговоры съ союзомъ земельныхъ собственниковъ увѣнчаются крупными пожертвованіями со стороны послѣднихъ все для той же газеты, призванной перевоспитать широкіе круги русскаго общества. Мѣстные дворяне, повидимому, не захвачены были этой мыслью, а купцы и разночинцы, владѣвшіе помѣстьями, сторонились отъ первенствующаго сословія. Поэтому на третьемъ съѣздѣ, въ 1907 г., «по докладу совѣта объ изданіи дворянствомъ еженедѣльнаго органа печати и объ имѣющихся для сего средствахъ, съѣздъ постановилъ: «считать прежде-

временнымъ окончательное разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, пока въ распоряженіи совѣта не будетъ для этой цѣли достаточно матеріальныхъ средствъ».

Прекраснымъ комментаріемъ къ такому рѣшенію можно считать соображенія, высказанныя нѣсколько лѣтъ спустя, на новомъ съѣздѣ, однимъ изъ вліятельныхъ его членовъ, В. М. Пуришкевичемъ. «Въ 1905 г.,—пишетъ онъ,—мы видимъ, какъ страшно, какъ бѣшено развивается лѣвая пресса, какъ душитъ она правую прессу, которая находится и въ настоящее время только въ зачаткѣ». «Въ 1905 г.,—продолжаетъ ораторъ, — лѣвой печати еще не было. Въ настоящее время она развивается лихорадочно и проникаетъ положительно во всѣ медвѣжьи углы. Лѣвая печать обладаетъ деньгами; она имѣетъ то, на что существуетъ каждая газета; а газета держится не на подписчикахъ, а исключительно на объявленіяхъ. Правая же пресса не имѣетъ возможности существовать на объявленія, потому что таковыя даютъ торговыя фирмы, даетъ купечество». Г. Пуришкевичъ заявляетъ, что русское купечество вытѣсняется еврейскимъ, а потому отъ купечества и не дается объявленій въ правую прессу. «Пути распространенія лѣвой прессы, — говоритъ далѣе г. Пуришкевичъ,—гораздо шире и доступнѣе, чѣмъ правой. Сотрудниками ея являются тѣ подпольные элементы, которые съ 1905 г. всплыли на поверхность: народные учителя, агрономы, статистики, оцѣнщики...; они являются даровыми сотрудниками лѣвой прессы. И посмотрите, какъ хорошо освѣдомлена эта пресса, и какъ удачно ведется отдѣлъ провинціальной жизни! Нѣтъ такого глухого угла Россіи, откуда она не имѣла бы корреспонденцій. Всякая такая корреспонденція съ захватывающимъ интересомъ читается на мѣстахъ... Помимо средствъ, помимо даровыхъ сотрудниковъ, которыхъ нѣтъ у правой прессы, лѣвая печать отличается удивительной освѣдомленностью. Она знаетъ все и проникаетъ повсюду: она имѣетъ своихъ корреспондентовъ и агентовъ во всѣхъ министерствахъ и департаментахъ... Лѣвая пресса никогда не вступаетъ въ противорѣчіе въ освѣщеніи того или иного факта: она дѣйствуетъ спаянно, коллективно и дружно... Въ одинъ и тотъ же моментъ, въ одно и то же время въ самыхъ различныхъ и далекихъ углахъ Россійской Имперіи расходятся газеты съ совершенно одинаковымъ освѣщеніемъ событій русской общественной и государственной жизни; онѣ создаютъ настроеніе и гипнотизируютъ народныя массы; и массы культурныя, интеллигентныя чувствуютъ необходимость поступать такъ или иначе, понимаютъ пользу проведенія тѣхъ или иныхъ реформъ именно благодаря тому, что всѣ дѣйствуютъ по одному и тому же лозунгу».

Съ такимъ противникомъ, очевидно, споръ будетъ не легкимъ, если не поставить на свою сторону правительство, если не снабдить его такими полномочіями, при которыхъ былъ бы задушенъ голосъ общественной совѣсти и среди общаго молчанія раздавались бы одни патріотическіе раскаты рева охранительной печати. Согласно съ этимъ, еще въ 1908 г., на засѣданіи 16-го марта, князь Дмитрій Цертелевъ въ короткомъ словѣ (предсѣдателемъ было предложено ограничить рѣчи 5-тью минутами) заявляетъ: «чтобы заставить печать говорить одну правду, необходимо созданіе устава о печати и въ особенности временныхъ правилъ: они должны быть построены на слѣдующихъ началахъ: 1) Всѣ появляющіяся въ печати статьи должны быть подписаны полнымъ именемъ авторовъ. 2) Въ періодическихъ изданіяхъ отвѣтственность редактора и издателя нераздѣльна. 3) Судъ по дѣламъ печати принадлежитъ особому внѣвѣдомственному учрежденію, которое въ своихъ постановленіяхъ руководствуется не только формальными требованіями гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, но и совокупностью всѣхъ обстоятельствъ, значеніе которыхъ мѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени». Бехтѣевъ соглашается съ тѣмъ, что правила, изданныя 24 ноября 1905 г., требуютъ исправленія, такъ какъ они дали печати возможность пріобрѣсти такой характеръ, что она разлагающимъ образомъ «дѣйствуетъ и на сторону политическую, и на сторону этическую». Съѣздъ принимаетъ, по предложенію Бехтѣева, резолюцію, что законъ о печати требуетъ исправленія и измѣненія, въ смыслѣ большей обезпеченности личности, порядка и спокойствія, и передаетъ матеріалъ по этому вопросу въ совѣтъ съѣзда, съ порученіемъ пригласить лицъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ, дабы обсудить и дать рѣшеніе въ направленіи, которое самъ совѣтъ признаетъ нужнымъ.

Итакъ, уже въ 1906 г. намѣчены были тѣ «преобразованія», одинъ слухъ о которыхъ такъ взволновалъ самые широкіе круги русскаго общества. Выставлено была положеніе, что издатель долженъ отвѣчать наравнѣ съ редакторомъ, что когда дѣло идетъ объ обузданіи печати, нечего руководствоваться одними законами гражданскими и уголовными, а надо принимать во вниманіе «совокупность всѣхъ обстоятельствъ, мѣняющихся сообразно условіямъ мѣста и времени». А это очевидно значитъ: что въ одномъ городѣ и въ одной губерніи будетъ считаться дозволеннымъ, то будетъ запрещеннымъ въ другой губерніи и въ другой деревнѣ; книга или статья, не вызвавшая никакой репрессіи сегодня, можетъ вызвать ее завтра; однимъ словомъ, судъ перестанетъ быть су-

домъ, и его девизомъ будутъ не извѣстныя слова Екатерины: «лучше оправдать нѣсколькихъ виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго», а хорошо извѣстный нашему чиновничеству принципъ: «чего изволите».

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всю невѣроятность проведенія въ жизнь государства, не отказавшагося отъ мысли быть правовымъ, началъ, колеблющихъ всякую закономѣрность, въ проэктѣ реформы закона о печати мы уже встрѣчаемъ нормы въ родѣ слѣдующей: отвѣтственность редактора распространяется на издателя и на типографщика. Одного извѣстія объ этомъ было достаточно, чтобы поднять на ноги не одну только лѣвую, но и правую прессу. Вѣдь это означало бы ни больше, ни меньше какъ то, что, при произвольномъ толкованіи «сообразно мѣсту и времени» гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, ни одинъ человѣкъ съ деньгами не рѣшился бы принять на себя громадныхъ затратъ, связанныхъ съ періодическимъ изданіемъ, такъ какъ трудно было бы предвидѣть заранѣе всѣ поводы къ закрытію газеты.

Въ недавно сообщенномъ «Русскими Вѣдомостями» текстѣ пересмотрѣннаго совѣтомъ министровъ проекта не упоминается прямо объ отвѣтственности издателя и собственника типографіи, но имѣется одна норма, при которой широчайшій произволъ открытъ для администраціи въ дѣлѣ воспрепятствованія издателю упраздненной газеты замѣнить ее новою. Статья 47-я гласитъ: «Издателю пріостановленнаго или прекращеннаго судомъ повременнаго изданія воспрещается до истеченія срока, указаннаго въ законѣ, или въ опредѣленіи или въ приговорѣ суда, издавать лично, или чрезъ посредство другихъ лицъ, какія-либо иныя однородныя, замѣняющія пріостановленныя или прекращенныя повременныя изданія, кромѣ тѣхъ, которыя имъ издавались одновременно съ пріостановленнымъ или прекращеннымъ изданіемъ».

Въ этой нормѣ всякаго, разумѣется, поразятъ два обстоятельства. Первое состоитъ въ томъ, что издатель лишается возможности печатать новую газету даже при посредствѣ третьихъ лицъ. Кто будетъ установлять фактъ такого посредства и какъ провести границу между участіемъ прежняго издателя въ новой газетѣ и простымъ помѣщеніемъ имъ денегъ у третьяго лица?

Другое недоумѣніе: какими внѣшними признаками можно установить, что новая газета, кѣмъ-либо предпринятая, есть воспроизведеніе старой? Неужели достаточно будетъ ссылки на сходство въ общемъ направленіи? Но вѣдь такое сходство—какъ слѣдуетъ, напримѣръ, изъ рѣчи г. Пуришкевича, выше мною приведенной,—отмѣчается у всѣхъ органовъ лѣвой печати. Опять таки и

въ этомъ отношеніи открытъ полный просторъ для произвола, а нерѣдко и самодурства мѣстной власти, отъ которой зависитъ судьба провинціальной прессы.

Разумѣется, и новому проекту еще далеко до начертаннаго княземъ Цертелевымъ идеала. Нѣтъ запрета печатать иначе какъ подъ собственнымъ именемъ. Нѣтъ циническаго заявленія, что законы должны толковаться судомъ «по соображеніямъ времени и мѣста». Идеальное законодательство о печати, предложенное княземъ Цертелевымъ и встрѣтившее единодушное одобреніе объединенныхъ страхомъ дворянъ, еще ждетъ своего осуществленія въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ недостатка въ призывахъ къ «недреманному оку» положить конецъ тому, что въ устахъ г. Пуришкевича признается «анархіей печати». «Намъ внушаютъ мысль—говоритъ этотъ «радѣтель»,—что мы еще далеко отстали отъ Западной Европы, когда мы, въ сущности говоря, въ дѣлѣ свободы далеко опередили ее, ибо на Западѣ существуетъ свобода печати, но тамъ запрещается анархія печати. У насъ же въ настоящее время имѣется въ полномъ смыслѣ слова анархія прессы; если мы будемъ продолжать итти по тому пути, по которому идемъ съ 1905-го года, то близко то время, когда будетъ распропагандирована не только вся русская интеллигенція и правящіе классы, которые всегда были оторваны отъ широкой народной массы, но, несомнѣнно, и весь народъ».

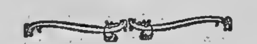
Недаромъ ораторъ заканчиваетъ свою рѣчь въ засѣданіи 11-го марта 1912 г. предложеніемъ, чтобы въ ближайшемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ предсѣдателемъ совѣта объединеннаго дворянства было доложено Государю о положеніи дѣлъ, «принимающемъ все болѣе и болѣе грозный характеръ, благодаря лѣвой печати, и о необходимости принять тѣ или другія мѣры для оздоровленія русской прессы и прекращенія того тлетворнаго теченія, которое исходитъ съ лѣвой стороны».

Г. Пуришкевичъ не думаетъ, однако, что однѣми мѣрами противъ лѣвой печати будетъ создано препятствіе дальнѣйшему разливу «освободительныхъ идей», и потому призываетъ правительство и общество къ поддержанію правой прессы. «Свободная пресса, которая не зависитъ отъ правительства, а лишь отъ самой себя, влачитъ жалкое существованіе, говоритъ онъ. Ея редакторовъ называютъ хулиганами, погромщиками, черносотенцами и пр., а правительственная власть, администрація въ большинствѣ случаевъ относится къ такой независимой прессѣ скептически, и о редакторахъ ея говорятъ, что это неспокойные люди!». Авторъ весьма трезво смотритъ на условія, при которыхъ могъ бы быть обезпеченъ боль

шій успѣхъ правой прессѣ. «Я долженъ указать—говоритъ онъ—на тотъ фактъ, который намъ постоянно бросаютъ въ глаза лѣвые: они кричатъ: «правая пресса получаетъ субсидію, тотъ или другой редакторъ или органъ получаетъ субсидію!». Ораторъ ссылается на примѣръ Германіи, въ которой Бисмаркъ «захватомъ прессы путемъ средствъ» имѣлъ на нее колоссальное вліяніе и создалъ съ нею единство Имперіи. Не отступаетъ Пуришкевичъ и отъ мысли рекомендовать нашему отечеству примѣръ еще недавняго врага нашего Японіи, «правительство которой, по его словамъ, тратитъ громадныя суммы на поддержку и распространеніе прессы, и это не считается ни постыднымъ, ни позорнымъ. Только мы боимся словъ, какъ московская купчиха боится жупела «металлъ». «Что нужно дѣлать, къ чему должно стремиться въ данный моментъ правительство—спрашиваетъ себя Пуришкевичъ, и отвѣчаетъ: я думаю, что главной задачей правительства и насъ—въ лучшемъ смыслѣ этого слова передового сословія Россіи—создать на мѣстахъ прессу—не скажу путемъ органическаго питанія этой печати субсидіями: этого не нужно; но нужно дать возможность этой прессѣ существовать въ независимости отъ правительственныхъ субсидій. Для этого необходимо правительству озаботиться, чтобы каждая газета русской прессы въ крупныхъ общественныхъ пунктахъ имѣла свою типографію. Такъ какъ въ этихъ пунктахъ существуетъ цѣлый рядъ казенныхъ учрежденій и организацій, которыя могутъ давать заказы, то отсюда слѣдуетъ, что правые органы, которые не могутъ получать объявленій, будутъ, имѣя типографію, получать доходъ отъ нея.

Такимъ образомъ совѣтъ, какой объединенное дворянство, по мнѣнію г. Пуришкевича, можетъ и должно дать правительству, сводится къ двумъ мѣрамъ: 1) наложить намордникъ на лѣвую печать и 2) оживить правую золотымъ дождемъ, ну хотя бы въ формѣ заведенія для нея на казенный счетъ типографій и снабженія казенными объявленіями. Тогда общественное мнѣніе будетъ фабриковаться у насъ самимъ начальствомъ, какъ это, молъ, дѣлается въ Японіи и дѣлалось въ Германіи. Да и нѣтъ въ этомъ ничего мудренаго, скажетъ досужій читатель, припоминая изъ «Записокъ Сумасшедшаго», что «луна изготовляется въ Гамбургѣ».

Максимъ Ковалевскій.



ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ[1]).

II.

Экономическое положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Милліоны крестьянъ, переваливших за Уралъ, распахали десятки милліоновъ десятинъ на необъятномъ пространствѣ дѣвственныхъ земель, вырубили и выкорчевали дремучіе лѣса, осушили болота, населили города, подняли торговлю и промышленность страны—словомъ, создали небывалое до тѣхъ поръ развитіе производительныхъ силъ въ своей новой родинѣ. Вотъ нѣкоторые факты, дающіе понятіе о темпѣ этого развитія. Населеніе Азіатской Россіи съ 1897 до 1911 г. увеличилось на $6^1/_2$ милліоновъ или на 45%, дойдя почти до 20 милліоновъ душъ; сельское населеніе возрасло на 41%, городское—на 77%. Изъ этихъ 6 милліоновъ прироста 4 милліона приходится на послѣдній періодъ (послѣ 1905-го года). Съ этого же времени начала особенно расширяться посѣвная площадь, увеличившаяся только по 8 губерніямъ (за 1907—11 гг.) на 52%. За 4 года (1907—10 гг.) по всей Азіатской Россіи посѣвы возрасли на 1,6 милліоновъ дес., (во всей Имперіи—на 4 милліона); возрастаніе однихъ азіатскихъ посѣвовъ составило 40% всего общеимперскаго прироста. Ростъ посѣвовъ и скота почти вдвое превышалъ ростъ населенія—а это, a priori, должно свидѣтельствовать о необычайномъ развитіи производительныхъ силъ, никогда не наблюдавшемся въ коренной Россіи, гдѣ производительность сельскаго хозяйства до сихъ поръ еще отстаетъ отъ роста населенія. Сибирь всасываетъ въ себя потоки людей и затѣмъ начинаетъ выбрасывать на внутренній міровой рынокъ потоки пшеницы, масла и другихъ с.-хозяйственныхъ продуктовъ. За 7 лѣтъ (до 1900 г.) вывозъ хлѣба по Сибирской ж. д. поднялся съ $10^1/_2$ милліоновъ пудовъ до 51 милліона, вывозъ масла (1894—1910 гг.)—съ 400 тыс. пуд. до 3,8 мм. Въ общемъ получается такая яркая картина пышнаго расцвѣта производительныхъ силъ, что при взглядѣ на нее закружилась голова не только у нашихъ министровъ, видѣвшихъ ее изъ окна салонъ-

[1]) См. сентябрь, стр. 274.

вагоновъ, но и у кое-кого изъ западно-европейскихъ экономистовъ, которые взапуски расхваливаютъ мудрость и энергію правительства въ переселенческомъ дѣлѣ.

Но на этой картинѣ уже давно завелось темное пятно, и оно за послѣдніе годы все растетъ и растетъ, яркія краски картины тускнѣютъ и блекнутъ. Пятно это — *неурожаи*, которые въ нѣкоторыхъ болѣе густо населенныхъ западныхъ областяхъ начинаютъ пріобрѣтать постоянную осѣдлость. Въ XX вѣкѣ было уже два трехлѣтнихъ періода неурожаевъ: въ 1900—1902 и въ 1909—1911 гг., да и въ 1912-мъ году нѣкоторыя области опять голодали. Въ Тургайской и Акмолинской областяхъ завелись цынга и голодный тифъ. Паденіе среднихъ урожаевъ по пятилѣтіямъ еще не особенно замѣтно (съ 54 пудовъ въ 1896—900 гг. до 51 пуда въ 1906—10 гг.), но погодныя колебанія урожайности превратились въ рѣзкіе скачки; въ послѣднее десятилѣтіе размахъ амплитуды колебаній сталъ значительно шире, чѣмъ въ Европейской Россіи, и по отдѣльнымъ мѣстностямъ дошелъ до такихъ невѣроятныхъ цифръ, какъ 5 и 260 пудовъ сбора ржи съ десятины, 3 и 250 пудовъ овса, 10 и 300 пуд. пшеницы. Этотъ размахъ—грозный предвѣстникъ надвигающагося кризиса экстенсивныхъ, хищническихъ системъ полеводства. Даже въ нѣкоторыхъ, изумительныхъ по плодородію черноземныхъ мѣстностяхъ (въ Семирѣчьи) появились неурожаи, вслѣдствіе того, что переселенцы, по мѣткому выраженію одного изъ нихъ, «запакостили» свои участки.

Кризисъ экстенсивнаго земледѣлія — неизбѣжный результатъ хищническаго хозяйства. Еще совсѣмъ недавно въ Сибири царила переложная система: каждый выбиралъ себѣ на просторѣ лучшіе куски земли, обрабатывалъ ихъ безъ передышки до полнаго истощенія и затѣмъ бросалъ на нѣсколько лѣтъ подъ степь и лѣсныя поросли. Такая система требуетъ большихъ площадей удобной земли. Когда нахлынули сюда милліоны переселенцевъ, раціональное веденіе перелога стало невозможнымъ, такъ какъ распашкѣ подвергалась все бóльшая площадь, а площадь залежей все сокращалась. Перелогъ превратился въ безпорядочное пестрополье, высасывающее изъ земли всѣ соки. Единственный выходъ отсюда—переходъ на урегулированное трехполье съ удобреніемъ, а тамъ, гдѣ это нужно (напримѣръ, въ маслодѣльныхъ раіонахъ), и на болѣе интенсивныя системы. Такой переходъ въ Западной Европѣ и внутри Россіи происходилъ на протяженіи вѣковъ; совершаясь исподволь, онъ не требовалъ особыхъ усилій. Но въ Сибири, которая въ этомъ отношеніи напоминаетъ Соединенные Штаты, переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ, вынуждаемый быстро расту-

щимъ населенiемъ и теперешнимъ «землеустройствомъ» старожиловъ, долженъ совершиться сразу: старожилому населенiю и старымъ поселенцамъ приходится, такъ сказать, однимъ прыжкомъ перемахнуть черезъ столѣтнюю эволюцiю. А для такого геройскаго прыжка нужно имѣть большiя силы: нужны личная энергiя, инициатива, извѣстная культурность, а прежде всего и больше всего —устойчивое экономическое благосостоянiе.

Многiе изслѣдователи сильно сомнѣваются въ устойчивости «домашняго благополучiя» сибирскихъ поселенцевъ и даже старожиловъ. А. Хохряковъ, по поводу послѣднихъ неурожаевъ, говоритъ: «Выяснилось, что деревня и за Ураломъ живетъ также необезпеченно, также день за днемъ перебивается, какъ и деревня центра. Едва случился неурожай въ одной изъ самыхъ богатыхъ губернiй Сибири, и населенiе уже голодаетъ, уже необходима продовольственная помощь. И это—въ уѣздахъ, гдѣ крестьянство получаетъ ежегодно десять миллiоновъ рублей за масло. Запасовъ никакихъ, никакой предусмотрительности, полное отсутствiе хозяйственнаго распорядка». О. А. Шкапскiй, ставящiй благосостоянiе сибирскихъ крестьянъ въ зависимость отъ земельнаго простора, также констатируетъ его неустойчивость. «При томъ экстенсивномъ хозяйствѣ которое ведется въ Сибири и бросить которое крестьяне не могутъ, въ силу общихъ экономическихъ условiй, благосостоянiе переселенца можетъ расти только тогда, когда имѣется на лицо просторъ, возможность истощенную землю замѣнить свѣжей. Если этого сдѣлать нельзя—сибирское крестьянское хозяйство начинаетъ падать, какъ и въ коренной Россiи». Развитiе маслодѣлiя, по словамъ А. М. Мелкихъ, «встрѣчаетъ препятствiе въ постепенно сокращающемся многоземельи и въ замѣтномъ вздорожанiи кормовъ, заставляющихъ переходить къ болѣе заботливому уходу за скотомъ и принимать мѣры къ улучшенiю его породы и повышенiю его производительности. Все это не по силамъ новымъ культуртрегерамъ, все это, можетъ быть, даже выше ихъ пониманiя».

Насколько и въ какую сторону измѣняется экономическое положенiе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, отъ какихъ причинъ зависятъ колебанiя въ уровнѣ ихъ благосостоянiя—выясняется данными трехъ массовыхъ переписей переселенцевъ, изъ которыхъ первая (сплошная) была произведена въ 1889—1900 гг., вторая (выборочная) въ 1903—4 гг. и третья (тоже выборочная) въ 1911—12 гг. Переписи эти выясняютъ различное влiянiе *времени*, *мѣста*, *юридическихъ* и *экономическихъ* условiй водворенiя на характеръ эволюцiи переселенческаго хозяйства.

Какъ эти переписи, такъ и всѣ другiя изслѣдованiя отмѣчаютъ

первостепенное значеніе *времени* водворенія. По послѣдней переписи, напримѣръ, приходилось на дворъ:

	Десятинъ посѣва.	Головъ крупнаго скота.	На 1 дес. посѣва крупнаго скота.
На родинѣ	2,4	?	?
Въ Сибири у проживших до 3 лѣтъ.	2,7	2,5	0,93
» » » » 3 года	4,4	3,9	0,88
» » » » 4—7 лѣтъ	5,2	4,0	0,75
» » » » 8—18 »	7,4	5,5	0,75
» » » » свыше 18 »	7,4	6,8	0,92
Всего въ среднемъ	5,4	4,3	0,80

Тоже самое явленіе констатируютъ и другія переписи. Послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія на новомъ мѣстѣ, переселенческое хозяйство уже достигаетъ тѣхъ миніатюрныхъ размѣровъ, какіе оно имѣло на родинѣ; послѣ 4—8 лѣтъ оно выростаетъ вдвое, но затѣмъ дальнѣйшій ростъ замедляется. 6—7 десятинъ посѣва, 4—5 головъ крупнаго скота—это предѣлъ крестьянской «сытости». Дойдя до этого предѣла, переселенецъ покрываетъ уже свои личныя и хозяйственныя потребности, и хотя, при 38-десятинномъ надѣлѣ на дворъ, онъ бы могъ, на первый взглядъ, свободно расширять свое хозяйство и дальше, но этому препятствуетъ, съ одной стороны, отсутствіе сбыта, съ другой—повидимому, плохое качество или трудность обработки многихъ включенныхъ въ надѣлъ пустошей. По крайней мѣрѣ цѣлыхъ $^2/_3$ надѣльныхъ земель еще совсѣмъ не тронуты переселенцами, не смотря на то, что огромное большинство описанныхъ хозяйствъ находились на мѣстѣ больше 3-хъ лѣтъ и достаточно окрѣпли. Въ то же время, почти двѣ трети пашни уходятъ подъ посѣвы,—пропорція при раціональной переложной системѣ недопустимая и вызываемая, очевидно, недостаткомъ удобныхъ для пахоты угодій.

По переписи 1903-4 гг. размѣры земледѣльческаго хозяйства у проживших даже 9 лѣтъ и больше переселенцевъ были еще меньше: 2,7 головъ рабочаго скота и 5,3 дес. земли посѣва—размѣры самаго обыкновеннаго средняго хозяйства въ Россіи. Но, можетъ быть, дальнѣйшему расширенію хозяйствъ препятствовало, помимо плохого качества земли, отсутствіе сбыта? Появится сбытъ—и хозяйство расширится. Дѣйствительно, вблизи желѣзныхъ дорогъ размѣры его больше; въ Приамурьи, при наличности обез-

печеннаго сбыта въ казну, посѣвы крестьянъ-старожиловъ достигаютъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ. Но... *только посѣвы.* Скотоводство и тамъ, и въ степяхъ, и въ лѣсо-степи—всюду отстаетъ отъ земледѣлія. Всѣ три переписи, въ этомъ отношеніи, даютъ одинаковыя показанія. На одну десятину у преобладающаго большинства переселенцевъ приходится по 0,7—0,8 головъ скота. «Не можетъ быть оживленія мѣстной промышленности,—говоритъ г. Шкапскій,—разъ мы видимъ на огромныхъ листахъ жизни повторяющуюся сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, которая привела Россію къ экономическому кризису и которая предвѣщаетъ то же самое и въ Сибири. Вѣдь, 0,7 головы на десятину посѣва—это то самое разбитое корыто, отъ котораго бѣгутъ съ родины крестьяне. Бѣгутъ, и въ то же время на новыхъ мѣстахъ черезъ нѣсколько лѣтъ, приходятъ къ тому же самому». Въ первый годъ послѣ водворенія, переселенецъ пріобрѣтаетъ необходимую скотину; затѣмъ, укрѣпившись, онъ набрасывается на посѣвы, въ 3-4 года удваиваетъ и утраиваетъ ихъ, но не заботится ни объ удобреніи, ни о лучшей обработкѣ земли, ни о сохраненіи ея плодородія. Съ ростомъ населенія площадь залежи, возстанавливающей плодородіе естественнымъ путемъ, все убываетъ, земля тощаетъ, неурожаи ростутъ и Сибирь начинаетъ вступать въ ту полосу кризиса экстенсивныхъ системъ полеводства, который пережитъ уже западомъ Европейской Россіи и царитъ сейчасъ на ея востокѣ.

Въ общемъ, слѣдовательно, переписи констатируютъ довольно быстрое развитіе переселенческаго хозяйства до извѣстнаго предѣла: но это—зыбкая, неустойчивая эволюція. Достаточно двухъ-трехъ значительныхъ неурожаевъ, чтобы отъ переселенческой «сытости» не осталось и слѣда.

Слѣдующій факторъ экономическаго благосостоянія переселенцевъ—*мѣсто*, т. е. природныя условія тѣхъ раіоновъ, въ которыхъ переселенцы водворяются. Здѣсь, опять, всѣ три переписи единогласно свидѣтельствуютъ, что переселенческое хозяйство ростетъ лучше всего въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ и хуже всего въ лѣсныхъ, въ дремучей тайгѣ.

На одинъ дворъ.

	По переписи 1903-4 г.		По переписи 1911-12 г.	
	Десят. посѣва.	Головъ крупн. скота.	Десят. посѣва.	Головъ крупн. скота.
Западно-Сиб. лѣсостепь	—	—	8,4	5,1
Степь	6,8	5,3	6,1	4,5
Вост.-Сибирск. лѣсостепь	4,4	3,1	3,8	3,4
Урманъ и тайга . . .	2,9	2,8	2,3	3,1

Вліяніе мѣста водворенія на темпъ хозяйственной эволюціи почти равносильно вліянію времени: переселенцы, прожившіе въ тайгѣ 7—8 лѣтъ, имѣютъ тѣ же посѣвы и скотъ, какъ у степныхъ колонистовъ послѣ двухлѣтняго пребыванія. По переписи 1903-го года старые таежные поселенцы имѣли меньше скота, чѣмъ было у нихъ на родинѣ. Въ степномъ раіонѣ безпосѣвные и малопосѣвные (до 3 дес.) дворы составляютъ 18%, въ лѣсостепномъ—40%, въ подтаежномъ—48, въ таежномъ—70%. Этотъ фактъ, а также то обстоятельство, что на десятину посѣва въ лѣсныхъ раіонахъ приходится въ $1\frac{1}{2}$—2 раза больше земледѣльческаго капитала, при сравнительно низкой урожайности, показываютъ, съ какимъ трудомъ таежному земледѣльцу удается наладить его маленькое хозяйство. И вотъ теперь, когда въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ осталось уже мало свободныхъ земель, правительство собирается распродать ихъ графамъ Медемамъ, Новосильцевымъ и «крѣпкимъ», зажиточнымъ хозяевамъ, а малоземельныхъ бѣдняковъ упорно старается загнать въ тайгу.

Третій факторъ—юридическія условія водворенія. Переселенцы дѣлятся, какъ извѣстно, на «легальныхъ», получившихъ проходныя свидѣтельства, пользующихся льготнымъ проѣздомъ и часто ѣдущихъ на зачисленные заранѣе участки, или водворяемыхъ на заготовленныхъ участкахъ въ первую очередь—и «нелегальныхъ» самовольцевъ, «билетныхъ», ѣдущихъ безъ проходныхъ свидѣтельствъ по общему тарифу и водворяемыхъ на участкахъ во вторую очередь, послѣ устройства легальныхъ. Процентъ самовольцевъ не находится ни въ какой связи съ размѣрами переселенческаго движенія: главныя причины ихъ существованія—шатанія правительственной политики, то запрещающей, то поощряющей переселеніе, а также плохая организація освѣдомительнаго аппарата. За 16 лѣтъ съ 1896 г. по 1911 г. число самовольцевъ достигло 1,4 мил., противъ 2,1 мил. легальныхъ, т. е. самовольческое движеніе составило двѣ трети легальнаго. Только за три года наивысшаго подъема движенія (1907—1909 г.) прошло въ Азію 690 тыс. самовольцевъ и, въ результатѣ, П. А. Столыпинъ насчиталъ въ 1910 г. 700 тыс. неустроенныхъ переселенцевъ въ одной Западной Сибири. Самовольцы облюбовали Томскую губернію и Акмолинскую область, куда за 1896 — 1907 г.г. ихъ прошло 809 тыс. (67%). Такое скопленіе ихъ въ одномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что они рекрутируются, главнымъ образомъ, изъ безземельныхъ и очень малоземельныхъ элементовъ деревни, и настолько бѣдны, что не въ состояніи послать ходоковъ, а безъ ходоковъ нельзя заранѣе зачислить землю. Поэтому они идутъ «по слухамъ» и письмамъ родственниковъ, въ

мѣста, гдѣ уже ихъ земляки осѣли,—а главные кадры переселенцевъ, до послѣднихъ лѣтъ, осѣдали именно въ Томской губ. и Акмолинской области. Земляки хлопочутъ и о пріемѣ ихъ въ старожильческія общества. Наконецъ, у нихъ не хватаетъ средствъ на болѣе далекое путешествіе. Земскіе переселенческіе агенты отмѣчаютъ, что «громадное большинство самовольныхъ переселенцевъ направляется какъ разъ въ такіе раіоны Сибири, въ которыхъ меньше всего можно разсчитывать на полученіе земли, т. е. въ Томскую губернію и Акмолинскую область, и при этомъ въ мѣста, наиболѣе густо заселенныя». Положеніе ихъ бываетъ зачастую крайне тяжелымъ. По словамъ г. Ребрина *), «переселенцамъ этой категоріи цѣлые годы приходится ожидать казенной земли, какъ манны небесной, проживать съ семьями послѣднія скудныя средства, привезенныя съ родины, и испытывать на себѣ всѣ послѣдствія сибирской безработицы, ютиться, нерѣдко, въ скотскихъ избахъ старожиловъ и подвергаться, со стороны послѣднихъ, самой беззастѣнчивой эксплоатаціи». Дѣтская смертность выростаетъ у нихъ иногда до 100%,— т. е. дѣти вымираютъ всѣ поголовно.

Въ Томской губерніи трижды производилась сплошная перепись непричисленныхъ переселенцевъ-самовольцевъ. Результаты двухъ переписей опубликованы г. Ногнибѣдой въ «Вопросахъ колонизаціи» (№№ 9 и 11). По переписи 1904 г. изъ 81 тыс. описанныхъ семей бездомовыхъ было 29%, безпосѣвныхъ—48%, безъ крупнаго скота—27%, между тѣмъ какъ по переписи 1911—12 г.г., охватившей почти исключительно «причисленныхъ», первыхъ оказалось 2,8%, вторыхъ (вмѣстѣ съ сѣющими до 1 дес.)—16%, третьихъ—5—6%. Даже послѣ 6—7 лѣтъ пребыванія на новомъ мѣстѣ 40 непричисленныхъ не обзавелись полевымъ хозяйствомъ. Тѣ, которымъ это удалось, имѣютъ по 3,5 дес. посѣва и 1,9 головъ лошадей. Большая часть засѣвала на арендованной землѣ, около пятой доли—на захваченныхъ пустующихъ участкахъ. Благодаря «землеустройству» старожиловъ и снятію запрета съ кабинетскихъ земель, изъ которыхъ отрѣзались большія площади, за два послѣднихъ года переселенческое вѣдомство водворило многихъ самовольцевъ и къ 1912 г. ихъ оставалось въ Томской губерніи 33 тыс. дворовъ. Но «отрѣзки» уже приходятъ къ концу, старожилы, стѣсненные въ своихъ угодьяхъ, перестаютъ сдавать въ аренду, и жалкое хозяйство тѣхъ, кому не удалось получить надѣлъ, окончательно «сползаетъ внизъ»: въ 1909 г. изъ сѣющихъ самовольцевъ было только 3% засѣвавшихъ менѣе 1 дес., въ 1910 г.—уже 26%. Старожилы не только

[1]) Въ докладѣ: „Переселеніе и земство“ XII съѣзду естествоиспытателей и врачей (подсекція статистики).

перестаютъ сдавать въ аренду: они окончательно отказываются отъ пріемки новоселовъ. Послѣднія сообщенія земскихъ корреспондентовъ изъ Сибири пестрятъ свѣдѣніями о такихъ отказахъ или о доведеніи пріемной платы до сотни и больше рублей за мужскую душу. А изъ Россіи «претъ» новая волна самовольцевъ, и въ 1912 г. все въ тѣ же губерніи прошло ихъ 86 тыс. Что съ ними будетъ—одному Богу извѣстно.

Послѣдній факторъ—имущественное положеніе водворяющихся. Мнѣнія различныхъ авторовъ относительно этого вопроса нѣсколько противорѣчивы и неясны. А. А. Кауфманъ, на основаніи стараго изслѣдованія Томской губ., пришелъ къ поразительному выводу: «переселенцы тѣмъ менѣе выигрываютъ отъ переселенія, чѣмъ лучше было ихъ хозяйственное положеніе на родинѣ; для болѣе состоятельныхъ крестьянъ переселеніе положительно не выгодно: въ Сибири имъ не удается, въ общемъ выводѣ, довести своей запашки даже и до тѣхъ размѣровъ, которыхъ она у нихъ достигала на родинѣ» [1]). Тамъ же онъ доказываетъ, что рабочій составъ переселенческаго двора имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ запасы денежныхъ средствъ, принесенныхъ съ собой, такъ какъ многорабочіе, но совершенно безденежные дворы оказались въ состояніи завести болѣе обширное, по размѣрамъ, хозяйство, чѣмъ малорабочіе, но богатые деньгами и имуществомъ. Тѣмъ не менѣе, для будущаго времени, когда, вслѣдствіе сокращенія земельнаго простора и вздорожанія хозяйственныхъ средствъ, первоначальное устройство и обзаведеніе будутъ обходиться дороже, авторъ считаетъ, что «размѣръ принесенныхъ денежныхъ средствъ пріобрѣтетъ вмѣсто прежняго второстепеннаго, доминирующее, первостепенно важное значеніе».

Что же, на самомъ дѣлѣ, важнѣе для устройства переселенческаго хозяйства—рабочія руки или капиталъ? Первыми переселенцы достаточно богаты, вторымъ—бѣдны. По докладу О. А. Шкапскаго, основанному на переписи 1903-4 г.г., переселенческія семьи состояли изъ 6,4 ѣдоковъ при 1,5 работниковъ, а крестьянская семья въ Россіи—изъ 5,7 ѣдоковъ, при 1,2 работникахъ. По переписи 1911—12 г.г. размѣръ переселенческой семьи въ моментъ переписи равнялся 6,1 душамъ при 1,3 работникахъ мужского пола. По многолѣтнимъ даннымъ Турчанинова, размѣръ семьи у переселенцевъ равенъ 6,2 ѣдокамъ. Среди переселенцевъ очень мало стариковъ, которые остаются дома доживать послѣдніе годы; мало и женщинъ: (по Черниговскимъ даннымъ—на 10% меньше, чѣмъ на родинѣ); очень мало семей, не имѣющихъ хотя бы одного работника.

[1]) „Переселеніе и колонизація“, стр. 306.

Однимъ словомъ, переселенческій потокъ—это потокъ *рабочей силы*, не нашедшей себѣ приложенія на родинѣ. Но денегъ у нихъ мало: по переписи 1903—4 г.г. только 14,6% имѣли свыше 200 руб., по переписи 1911—12 г.г. съ собой привезено по 90 р. и получено ссуды по 96 р. По послѣдней переписи трудъ и капиталъ одинаково вліяютъ на размѣры хозяйства.

На одну семью приходилось:

Въ хозяйствахъ сѣющихъ	Душъ обоего пола.	Рабочихъ муж. пола.	Денегъ при водвореніи (своихъ и ссуды).	Скота штукъ.
до 1 десятины.	4,7	1,1	149	0,8
1—3 дес.	5,4	1,2	164	1,2
3—9 дес.	6,9	1,5	183	1,8
Свыше 9 дес.	8,9	1,9	274	2,8

«Чѣмъ больше душъ въ хозяйствѣ, тѣмъ больше въ немъ работниковъ и тѣмъ больше оно производитъ посѣва». Съ другой стороны, «чѣмъ больше было у переселенца средствъ *въ началѣ*, при приступѣ къ хозяйству, тѣмъ болѣе у него оказывается посѣва въ настоящее время» [1]). Капиталъ *эквивалентенъ* труду. Значеніе перваго, какъ отмѣтилъ также и А. А. Кауфманъ, первостепенно при водвореніи и первоначальномъ устройствѣ, когда каждый лишній десятокъ рублей даетъ переселенцу возможность быстрѣе и крѣпче заложить фундаментъ своего хозяйства: но дальнѣйшая постройка хозяйственнаго зданія производится личнымъ трудомъ новосела, и прочность его стѣнъ болѣе всего зависитъ отъ трудоспособности хозяйствующей семьи. Поэтому, здоровыя руки прекрасно возмѣщаютъ недостатокъ средствъ, если только раціональная организація ссуды позволитъ поселенцу быстро и безболѣзненно заложить свой фундаментъ.

Въ общихъ чертахъ, наша краткая характеристика экономическаго положенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, причинъ и условій развитія ихъ хозяйства, показываетъ, что для прочной и устойчивой эволюціи этого хозяйства, а вмѣстѣ съ нимъ и для развитія производительныхъ силъ въ колонизуемыхъ областяхъ, нужно очень многое. Нужно, чтобы переселенецъ, попадая въ Сибирь, имѣлъ самъ или получалъ отъ казны извѣстный минимумъ денежныхъ средствъ; нужно, чтобы этотъ минимумъ расходовался продуктивно, на оборудованіе хозяйственнаго фундамента, т. е. на покупку необходимаго скота и орудій, на возведеніе жилища, а не

---

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній объ экономическихъ положеніи переселенцевъ въ Сибири, вып. 1, стр. 44—48.

на аренду земли, не на «пропой» старожиламъ, принимающимъ ихъ въ общество, не на покупку отрубовъ у казны; нужно, чтобы переселенецъ получалъ *сразу* даровой участокъ земли достаточныхъ размѣровъ, и притомъ въ раіонахъ *удобныхъ* для колонизаціи, а не въ дикой тайгѣ, вдали отъ человѣческаго жилья, или въ недоступныхъ горахъ, или на болотахъ Пріамурья, или въ безводныхъ пустыняхъ юга. Далѣе нужно, чтобы неурожаи не подорвали его хозяйства вначалѣ; чтобы, когда оно разовьется до предѣловъ «сытости»,—ему былъ обезпеченъ удобный сбытъ излишковъ, т. е. пути сообщенія были хорошо оборудованы. Нужно, наконецъ, чтобы переселенецъ не голодалъ періодически, а, работая въ обстановкѣ сравнительнаго довольства, могъ накоплять запасы средствъ, необходимыхъ для быстраго и безболѣзненнаго перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ хозяйства, когда это понадобится по общему ходу экономической эволюціи въ данной области.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій развитія переселенческаго хозяйства является, какъ мы видимъ, мѣсто поселенія—его природныя качества, а также размѣръ отводимыхъ участковъ. Поэтому, будущность колонизаціи Азіатской Россіи больше всего зависитъ отъ ея *колонизаціонной емкости*, отъ наличности запаса свободныхъ земель, удобныхъ для заселенія.

III.

Колонизаціонная емкость и туземное хозяйство.

Казалось бы, вопроса о колонизаціонной емкости Сибири не можетъ существовать: что такое 20 милліоновъ населенія на территорію въ полтора милліарда десятинъ, когда въ Европейской Россіи на почти вчетверо меньшей площади умѣщаются 120 милліоновъ? И всетаки этотъ вопросъ до сихъ поръ является таинственной загадкой. Послѣднія работы почвенно-ботаническихъ экспедицій, еще болѣе—послѣднія дѣйствія и законопроекты правительства приподняли краешекъ завѣсы надъ этой тайной и общая, если не цифровая, то описательная характеристика колонизаціонной емкости можетъ быть произведена со значительной степенью достовѣрности.

Однако, прежде всего, не надо забывать, что колонизація создается *людьми*, которые имѣютъ свои опредѣленные вкусы, намѣренія, хозяйственныя способности. Какъ совершенно справедливо указалъ статсъ-секретарь Кривошеинъ въ своей рѣчи въ 3-ей Думѣ при обсужденіи переселенческой смѣты на 1910-ый годъ, «люди идутъ

устраивать новую жизнь, ломая старую, и направлять ихъ искусственно не туда, куда ихъ тянетъ, значитъ брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что для такого рѣшенія судьбы отдѣльныхъ лицъ, для выполненія такой системы, никакое правительство въ мірѣ, никакая общественная организація не можетъ имѣть достаточно ни знаній, ни средствъ, ни силъ». Куда же тянетъ нашихъ переселенцевъ?

Обычно указываютъ, что переселенцы ищутъ въ Сибири такой же природной обстановки, какая была у нихъ на родинѣ: выходцы изъ степей тянутся въ степи, изъ лѣсовъ—въ подтаежные «бѣльники», «гари», урманы. Но этого указанія недостаточно для болѣе опредѣленной характеристики направленія колонизаціи. И степь и лѣсъ встрѣчаются въ большинствѣ областей, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, однако заселеніе отдѣльныхъ областей идетъ далеко не одинаковымъ темпомъ. Если взять всю ту эпоху колонизаціи, которая охватывается наиболѣе точными цифровыми данными, то изъ 4 милліоновъ всѣхъ переселенцевъ водворилось:

Въ западной Сибири.	52,3%
Въ восточной »	13,7 »
На Дальнемъ Востокѣ.	8,0 »
Въ степныхъ областяхъ.	22,7 »
Въ Туркестанѣ	3,3 »

Три четверти переселенцевъ осѣли въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ, т. е. въ раіонахъ, пограничныхъ съ Европой. Но и въ этихъ раіонахъ колонизація сосредоточилась въ двухъ мѣстностяхъ, такъ излюбленныхъ самовольцами—Томской губ. и Акмолинской области, куда прошло около 2,2 милліоновъ душъ (56% всѣхъ переселенцевъ). Въ остальныхъ областяхъ Западной Сибири и киргизскихъ степяхъ размѣстилось около 800 тыс., а всего—3 милліона. Эти три милліона уже разобрали почти весь доступный колонизаціи свободный земельный фондъ западныхъ областей Азіатской Россіи. Въ Западной Сибири остались только лѣсныя пространства на сѣверѣ, да горныя высоты Алтая на востокѣ. Намъ нечего тратить время на доказательство этой истины, которую признаютъ и представители переселенческаго вѣдомства. «Свободные участки остались почти исключительно въ лѣсной полосѣ, а колонизація и культура лѣсныхъ пространствъ—еще дѣло будущаго» [1]). Насколько неохотно заселяются лѣсные участки—теперь видно на примѣрѣ бли-

1) См. брошюру: „Къ вопросу объ учрежденіи высшаго с.-хозяйственнаго учебнаго заведенія въ Сибири“.

жайшаго къ Европейской Россіи Туринскаго уѣзда Тобольской губ., гдѣ всѣ нарѣзанные переселенческіе участки образованы еще до 1902 г., съ 1902 г. началось ихъ заселеніе, а до конца 1910 г. заселено только 47% душевыхъ долей, тогда какъ въ степныхъ и лѣсостепныхъ раіонахъ губерніи онѣ разбираются нарасхватъ. Вообще, переселенцы обѣгаютъ большую часть Тобольской губерніи, не смотря на то, что она лежитъ на перепутьи изъ Европы въ Азію, потому что она—лѣсная. И не удивительно: въ урманныхъ участкахъ этой губерніи лѣсистость 70%, болотистость 20%, 2% озеръ и только 8% гари и полянъ; въ подъурманныхъ—сплошныхъ лѣсовъ 35%, болотъ 30%, а въ лѣсостепныхъ теперь уже негдѣ отводить. Для того, чтобы поселенецъ достигъ экономическаго «благополучія», выражающагося въ 3,5 дес. посѣва на дворъ, ему нужно затратить своихъ 625 р. (по разсчетамъ г. Введенскаго), да казна тратитъ на ссуду и межеваніе 330—430 р., всего болѣе тысячи рублей, да 5 лѣтъ упорнаго труда всей семьи, который, мало-мало, нужно оцѣнить въ двѣ тысячи рублей. Кромѣ того нужно провести широкія проѣзжія дороги, стоющія тысячу рублей верста; а такъ какъ участки разбросаны изолированными островами, среди глухихъ лѣсовъ и непролазныхъ болотъ, то для каждаго участка нужно строить десятки верстъ, затрачивая десятки тысячъ рублей. Для раціональной колонизаціи лѣсовъ необходимо бы было предварительно вырубить и выкорчевать по одной-двѣ десятины лѣса для каждаго хозяйства и осушить болота, чтобы переселенцы не гибли отъ лихорадокъ и т. д.

Въ горномъ Алтаѣ свободныхъ земель 13 милліоновъ десятинъ, изъ которыхъ обслѣдованы около 8 милліоновъ, при чемъ на этой площади оказалось 30 тыс. душъ и 7½ тысячъ дес. посѣва. Завѣдующій экспедиціей г. Михайловъ думаетъ, что стремленіе насадить тамъ земледѣльческую культуру было бы большой ошибкой: выходцы изъ Европейской Россіи здѣсь непригодны—нужны коренные сибиряки,—промышленники, охотники, скотоводы. Однако, переселенческое вѣдомство умудрилось отыскать здѣсь милліонъ десятинъ, пригодныхъ для заселенія.

Въ остальной части Западной Сибири всѣ удобныя земли сплошь захвачены старожилами и переселенцами. Переселенческій фондъ получается тутъ, благодаря «землеустройству» старожиловъ. Онъ также приходитъ къ концу.

«Землеустройство» въ главномъ уѣздѣ—Барнаульскомъ—уже закончено, въ другихъ заканчивается въ 1913-14 г.г.; «отрѣзки» частью идутъ самовольцамъ, которыхъ все-таки осталось еще свыше

300 тыс. душъ и въ 1912 г. прибавилось 40 тыс.,—частью назначены въ продажу по новому закону [1]).

Въ степныхъ областяхъ свободнаго земельнаго фонда, въ сущности, не было, такъ какъ вся территорія, по закону, отдана въ пользованіе киргизъ до того момента, пока въ ней государство не почувствуетъ надобности. Когда эта надобность явилась, начались отрѣзки «излишковъ» земель, опредѣляемыхъ особыми статистическими экспедиціями. Но вѣдь киргизы этого закона не знали; они не предполагали, что когда-либо ихъ родная степь будетъ у нихъ отбираться и расположились на просторѣ, гдѣ кому полюбится, при чемъ лучшія земли они использовали наиболѣе продуктивно, поставивъ на нихъ зимовыя стойбища, отведя землю вокругъ зимовокъ подъ сѣнокосы и пашню. Теперь какъ разъ въ эти лучшія по качеству, наиболѣе снабженныя водными источниками, столь важными въ безводныхъ степяхъ, призимовочныя угодья клиномъ врѣзываются переселенческіе участки и производятъ полный переворотъ, а зачастую и разстройство въ киргизскомъ хозяйствѣ.

Степныя области занимаютъ площадь въ 154 милл. десятинъ, изъ которыхъ 12 милліоновъ уже отошли къ переселенцамъ. Но весь югъ (приблизительно ниже 50-й параллели) не пригоденъ для земледѣлія; даже кочевники не останавливаются тамъ на продолжительное время и лѣтомъ—когда скудныя пастбища выгораютъ, а большія рѣки, въ родѣ Эмбы, превращаются въ цѣпь горько-соленыхъ озеръ,—перекочевываютъ на сѣверъ. Слѣдовательно, изъ 142 мил. дес. нужно отбросить по крайней мѣрѣ 70—80 милл. десятинъ, гдѣ живетъ теперь, приблизительно, до 2½ милл. киргизъ, съ 15 милл. головъ скота (въ переводѣ на крупный), да больше милліона переселенцевъ. Но и на сѣверѣ почвы далеко не вездѣ одинаковы, воды не вездѣ достаточно для постоянной осѣдлости; сама природа предопредѣлила киргизамъ-скотоводамъ постоянныя перекочевки съ зимнихъ пастбищъ на лѣтнія и обратно. «Лѣтовки безъ зимовыхъ стойбищъ—говоритъ «Алтайская газета» (1911 г., 31 августа)—не имѣютъ никакой цѣны, какъ и зимовыя безъ лѣтнихъ. Зимой жить тамъ, гдѣ кочуютъ киргизы лѣтомъ, невозможно, ибо на лѣтовкахъ скотъ съѣдаетъ все, и не будетъ ни покоса, ни хлѣба, потому что эти зимовки, т. е. сравнительно удобныя для земледѣлія мѣста, чрезвычайно микроскопичны».

---

[1]) Мы не будемъ говорить о томъ, къ чему приводитъ „землеустройство“ старожиловъ. На Алтаѣ, послѣ него, нѣкоторые изъ крестьянъ пошли „въ кусочки“.

Въ наиболѣе плодородной и излюбленной переселенцами Акмолинской области повторное изслѣдованіе В. К. Кузнецова насчитало всего 12 мил. дес. призимовочныхъ угодій. Вся остальная площадь, включая и безплодный югъ, равняется 37 милл. дес. Такимъ образомъ, призимовочныя угодья составляютъ около 25%. Такая пропорція угодій сохраняется и въ Семипалатинской области. Главнымъ образомъ отъ нихъ отрѣзаны тѣ 5 милліоновъ десятинъ, которые перешли за послѣдніе годы къ переселенцамъ. Предстоятъ еще дальнѣйшія отрѣзки, такъ какъ «излишки» въ Акмолинской области опредѣлены повторнымъ изслѣдованіемъ въ 12 милл. дес., а во всѣхъ степныхъ областяхъ—въ 22 милліона.

Эти излишки найдены благодаря особому методу исчисленія нормъ киргизскаго землепользованія, изобрѣтенному г. Кузнецовымъ. Предыдущая экспедиція Ф. А. Щербины разсчитывала площадь, потребную для киргизъ, по дѣйствительному количеству ихъ скота и, сверхъ того, прибавляла 20% на приростъ. Средней нормой, достаточной для существованія киргизскаго хозяйства считались, съ прибавкой на приростъ, 24 единицы скота (въ переводѣ на крупный). Съ тѣхъ поръ, благодаря ряду благопріятныхъ лѣтъ, до второй переписи киргизское скотоводство увеличилось въ Акмолинской области на 59%. Населеніе возрасло вдвое меньше и, казалось бы, слѣдовало норму г. Щербины увеличить. Вторая экспедиція поступила наоборотъ: г. Кузнецовъ убавилъ норму, доведя ее до 14-15 единицъ, тогда какъ въ наличности, при переписи, оказывалось 18-21 единицъ скота. Убавлена была норма скота, значительно (почти вдвое) понижена и норма пастбищной земли, потребной для прокормленія этого скота. Вслѣдствіе такого пониженія В. К. Кузнецову удалось найти, сверхъ исчисленныхъ г. Щербиной излишковъ, только въ 3 уѣздахъ области еще 5,4 милліона десятина.

По существующимъ узаконеніямъ, правительство обязано сохранить за киргизами такую площадь земли, которая не только обезпечивала бы ихъ существованіе при данномъ хозяйственномъ строѣ, но и давала бы возможность дальнѣйшаго развитія. Какое же это развитіе, если киргизамъ не только не оставляется земли про запасъ, но количество, сохраняемое за ними, гораздо меньше того, которое необходимо для продовольствія имѣющагося въ наличности скота? А вотъ какое: по объясненію г. Новоселова (въ № 3 «Вопросовъ колонизаціи»), такія жестокія отрѣзки мотивируются принципомъ, «какъ бы *предвосхищающимъ* результаты естественной эволюціи мѣстнаго хозяйства подъ наплывомъ переселенческой массы изъ Россіи». Не данный уровень хозяйства долженъ опредѣлять собой норму землепользованія, а наоборотъ, норма сама

должна указывать на наиболѣе подходящую *въ будущемъ* систему хозяйства». Эта система—земледѣліе. Извѣстная «записка» двухъ министровъ рекомендуетъ окончательно устраивать только тѣхъ киргизовъ, которые уже перешли на земледѣліе. По отношенію къ остальнымъ, «записка» обѣщаетъ продолжать политику «изъятія земельныхъ излишковъ у кочевниковъ», оставляя имъ часть земель «по возможно пониженнымъ нормамъ». «Записка» совѣтуетъ не оставлять такимъ киргизамъ «земель пригодныхъ для зернового хозяйства». Такими землями «необходимо дорожить и слѣдуетъ всѣми мѣрами способствовать переходу ихъ отъ кочевниковъ къ русскому земледѣльцу». Спрашивается, если у киргизъ отнимаютъ пахотныя угодья, то какъ же они перейдутъ на земледѣліе?

Въ настоящій моментъ, хотя оффиціозы протрубили на всѣхъ перекресткахъ о необычайной тягѣ киргизъ къ земледѣлію и осѣдлой жизни, факты, удостовѣренные ихъ же собственными переписями, вовсе этого не подтверждаютъ. По Акмолинской области число сѣющихъ хозяйствъ поднялось за 10 лѣтъ лишь на 6%, а средній размѣръ посѣва на дворъ остался безъ измѣненія, въ то время какъ число скота и абсолютно, и по разсчету на дворъ значительно увеличилось. По бюджетамъ экспедиціи В. К. Кузнецова доходъ отъ скотоводства равняется 65% всѣхъ доходовъ, а отъ земледѣлія и сѣнокосовъ—только 10,1%. Серьезное значеніе для киргизъ земледѣліе имѣетъ лишь въ двухъ уѣздахъ—Акмолинскомъ и Кустанайскомъ, да и тамъ оно отступаетъ на второй планъ передъ скотоводствомъ. Такая устойчивость скотоводческаго быта, быть можетъ, и объясняется тѣмъ, что у киргизъ отнимаются земли, пригодныя для хлѣбопашества; если эта гипотеза вѣрна, то дальнѣйшая колонизація степи можетъ сильно затормозить переходъ киргизъ на земледѣліе.

Но и скотоводство задерживается, не столько отрѣзками, сколько прегражденіемъ кочевыхъ путей. Эти пути—длинныя, узкія ленты, вѣками установленныя по степи для перекочевокъ каждаго отдѣльнаго рода. Переселенческое вѣдомство не находитъ нужнымъ считаться съ ними: оно перерѣзываетъ ихъ переселенческими участками, посрединѣ пастбищъ устраиваетъ пашни, или кольцомъ окружаетъ зимовыя стойбища, такъ что киргизамъ нѣтъ ни прохода, ни проѣзда, а то отрѣзываетъ ихъ отъ водопоя.

Въ общемъ итогѣ это «землеустройство» киргизъ несомнѣнно поведетъ къ такимъ серьезнымъ потрясеніямъ въ ихъ хозяйствѣ, что пара хорошихъ «куянжиловъ»—зимнихъ гололедокъ съ повальнымъ падежомъ скота—не сравняется съ нимъ. Но и переселенцы получатъ не очень большія выгоды отъ киргизскаго разоренія.

Правительство считаетъ переселенческій фондъ въ 22 милліона десятинъ; но эти милліоны—«маленькіе».

Вотъ небольшая иллюстрація къ оффиціальнымъ подсчетамъ.

На обложкѣ «справочной книжки» по Акмолинскому переселенческому раіону въ 1912 г. жирнымъ шрифтомъ напечатано такое «предупрежденіе»: «Лучшіе участки въ уѣздахъ Омскомъ, Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ предназначаются для продажи, почему на нихъ зачисленіе производиться не будетъ до выхода соотвѣтствующаго закона». Въ концѣ книжки перечисляются участки съ обозначеніемъ свободныхъ долей, и изъ этого перечисленія видно, что количество свободныхъ долей въ трехъ указанныхъ уѣздахъ равно 1650—всего на 500 семей. На такой фондъ, притомъ идущій на продажу, указываетъ «справочная книжка». А изъ «объяснительной записки къ смѣтѣ переселенческаго управленія на 1913 г. мы узнаемъ, что свободные «излишки» въ этихъ уѣздахъ составляютъ, ни много, ни мало, 5,4 милліона десятинъ. Съ одной стороны—милліоны «излишковъ», съ другой—обращеніе ничтожнаго свободнаго фонда въ продажу, знаменующее всюду только полную использованность колонизаціонной емкости даннаго раіона. Какъ это совмѣстить?

Совмѣщеніе очень нехитрое: исчисленіе «излишковъ»—результатъ элементарныхъ ариѳметическихъ манипуляцій, производимыхъ по такому шаблону: вся территорія равняется столькимъ-то милліонамъ десятинъ; по нормамъ, установленнымъ экспедиціей, киргизамъ причитается столько-то; остальная площадь—«излишки»—столько-то милліоновъ. Гдѣ находятся эти милліоны, что они изъ себя представляютъ—черноземъ, или солончаки, или камень,— есть ли тамъ вода, можно ли тамъ жить людямъ, или только степнымъ шакаламъ—все это вѣдомство разберетъ потомъ, при нарѣзкѣ участковъ. А пока что—на бумагѣ можно вывести: колонизаціонный фондъ=22 мил. десятинъ. На самомъ же дѣлѣ, изъ 21 мил. дес. исчисленныхъ въ двухъ областяхъ излишковъ 9,6 милліоновъ, или 45,7%, находятся на призимовочныхъ угодьяхъ. Остальные 11,4 милліона—на лѣтовкахъ. А что такое лѣтовки—это показываетъ само ихъ названіе. Жить постоянно тамъ можно только въ очень рѣдкихъ случаяхъ: тамъ можно лишь «лѣтовать», т. е. кочевать на пастбищахъ.

Цѣлый рядъ показаній земскихъ, болѣе безпристрастныхъ, агентовъ свидѣтельствуетъ, что во многихъ мѣстностяхъ степи фондъ уже исчерпанъ, и ходаческія кампаніи сплошь и рядомъ постигаетъ полная неудача. И это послѣ того, какъ изъ указаннаго 22 милліоннаго запаса израсходовано до сихъ поръ только 5 милліоновъ десятинъ, несомнѣнно лучшихъ земель. Вотъ почему, ос-

новываясь на данныхъ о размѣрахъ призимовочныхъ угодій на территоріи «излишковъ», мы считаемъ возможнымъ опредѣлить незанятую, удобную для колонизаціи часть этой территоріи не болѣе, какъ въ 4—5 милліоновъ десятинъ. Если изъ лѣтовокъ кое-что можетъ войти въ колонизуемый фондъ, то вѣдь не всѣ призимовочныя земли пригодны для заселенія. Этотъ фондъ можетъ быть использованъ не сразу, а въ теченіе 10-15 лѣтъ, такъ какъ проведеніе дорогъ, обводненіе участковъ и вообще приведеніе ихъ въ пригодный для заселенія видъ производится лишь исподволь.

Мы нѣсколько задержались на киргизскихъ степяхъ на томъ основаніи, что эта область—наиболѣе привлекательная для крестьянъ черноземной полосы, откуда идутъ $^3/_4$ переселенцевъ. Мы думаемъ, что, съ большой натяжкой, сюда и въ западную Сибирь возможно допустить ежегодное водвореніе 100—120 тыс. душъ обоего пола, принимая въ разсчетъ и «землеустройство» старожиловъ. Конечно, вполнѣ возможно, что теперь, когда снова нарастаетъ переселенческое движеніе, въ особенности изъ восточныхъ губерній, въ которыхъ свирѣпствуютъ неурожаи и разрушеніе общины — количество направляющихся сюда переселенцевъпревзойдетъ эту цифру. Въ 1912 г. въ обѣ области двинулось 125 тыс. душъ—$^3/_5$ всѣхъ переселенцевъ этого года, и изъ нихъ было 60 тыс. самовольцевъ, урегулировать движеніе которыхъ почти невозможно. Но мы говоримъ о томъ количествѣ, которое можетъ быть устроено болѣе или менѣе сносно. Остальные, вѣроятно, проведя годъ-два въ безплодныхъ поискахъ свободныхъ участковъ, вернутся домой или перейдутъ въ другія области.

Въ три остальныя области — Восточную Сибирь, Дальній Востокъ и Туркестанъ—къ 1912 г. прошло всего 1,1 милліоновъ душъ переселенцевъ. Большая половина ихъ—626 тыс.—осѣла въ Восточной Сибири, главнымъ образомъ въ Енисейской губ. (446 тыс.). Здѣсь селятся преимущественно выходцы изъ нечерноземной полосы, хотя за послѣднее время, путемъ «землеустройства» старожиловъ и туземцевъ, очистились «излишки» надѣловъ въ Минусинскихъ степяхъ, которые привлекли малорусскихъ крестьянъ. Степной и лѣсостепной фондъ Енисейской губерніи сконцентрированъ въ 3-хъ уѣздахъ, занимающихъ площадь около 15 милліоновъ десятинъ. Густота населенія здѣсь максимальная для Восточной Сибири—около 4 человѣкъ на кв. версту, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ этой губерніи—0,6 чел., въ Иркутской—0,9 чел., въ Забайкальской области—1,4 чел. Конечно, и 4 чел. на кв. версту—это еще большой земельный просторъ; но, какъ и въ другихъ сибирскихъ областяхъ, огульныя цифры пространства и плотности еще

ничего не говорятъ. Населеніе не распредѣлено равномѣрно по всему степному раіону: оно жмется къ берегамъ рѣки Енисея, а кругомъ лежатъ пустынныя степи, которыхъ никто не занимаетъ, потому что среди этихъ степей много земель непригодныхъ для земледѣлія по почвеннымъ условіямъ. Почвы Енисейскихъ степей крайне пестры; прекрасные черноземные участки перемежаются съ каменистыми, глинистыми, солонцовыми, болотистыми. Черноземныя земли по большей части уже заняты; тѣ же, которыя остались, требуютъ искусственнаго орошенія, необходимаго какъ для хорошихъ, такъ и для плохихъ почвъ. Общее явленіе—засухи 2-3 раза въ десять лѣтъ, причемъ въ одно лѣто сплошь выгораютъ всѣ посѣвы. Минусинскія степи могли бы вмѣстить гораздо бо̀льшія количества поселенцевъ, если бы оборудовать ихъ искусственнымъ орошеніемъ. Въ настоящее время тутъ производятся гидро-техническія изысканія, отъ результатовъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей колонизаціи степей; пока же колонизація питается преимущественно «отрѣзками» у старожиловъ и инородцевъ. Но стоитъ ли затрачивать милліоны на ихъ орошеніе, когда здѣсь можно сѣять рожь, овесъ, въ лучшемъ случаѣ пшеницу, а въ Туркестанѣ еще не орошены громадныя площади, которыя можно отвести подъ хлопокъ, рисъ, виноградъ и прочія цѣнныя культуры. Помимо дороговизны и малой продуктивности, необходимость оросительныхъ сооруженій растягиваетъ использованіе колонизаціоннаго фонда на много лѣтъ, и емкость его для ежегодной колонизаціи будетъ весьма незначительной.

Степныя мѣста встрѣчаются и въ другихъ областяхъ восточной Сибири; они заняты бурятами, которыхъ теперь «землеустраиваетъ» переселенческое вѣдомство. Степи эти иногда недурны по почвѣ, но плохи по климату: сухая весна, сухая осень и малоснѣжная зима, при дождливомъ лѣтѣ. Въ Иркутской губерніи въ 1912 г. отъ дождей и раннихъ морозовъ погибли почти всѣ посѣвы. Большая часть Восточной Сибири покрыта лѣсами и горами и до сихъ поръ привлекала немного даже нечерноземныхъ переселенцевъ. Въ Забайкалье до 1912 г. переселилось всего 4 тыс. человѣкъ; колонизація его началась лишь въ 1909 г. и врядъ ли будетъ сильно развиваться, потому что старожилый элементъ — казаки, занявшіе лучшія земли, сами уже начинаютъ страдать отъ малоземелья, не смотря на то, что у нихъ отрѣзокъ еще не дѣлали. По словамъ «Забайк. Нови», казаки, въ виду малоземелья, разрабатываютъ пашни изъ-подъ лѣса и кустарниковъ, по уступамъ высокихъ горъ, куда сѣмена и земледѣльческія орудія доставляются верхомъ по извилистымъ крутымъ тропинкамъ, а созрѣвшіе хлѣба спускаютъ воло-

комъ на полозьяхъ или длинныхъ изогнутыхъ жердяхъ. Буряты еще не страдаютъ отъ малоземелья, но только потому, что они вымираютъ. «Землеустройство» ихъ доканаетъ совсѣмъ, если они не уйдутъ въ Монголію, куда они стали собираться въ послѣдніе годы.

Колонизація Восточной Сибири, за исчерпаніемъ удобнаго фонда въ Западной, будетъ теперь расширяться: за два послѣднихъ года (1911—12 г.) она удвоилась (съ 28 тыс. до 55 тыс.). Но, по природнымъ свойствамъ области, обилію лѣсовъ и горъ, требующихъ большихъ затратъ на расчистку, проведеніе дорогъ, а въ степяхъ—на орошеніе, она можетъ итти лишь медленнымъ темпомъ. До размѣровъ даже теперешняго заселенія Западной Сибири она никогда не сможетъ дорасти уже потому, что большая часть области пригодна только для нечерноземныхъ поселенцевъ, вообще мало нуждающихся въ переселеніи; а поскольку въ немъ нуждаются литовско-бѣлорусскіе и прибалтійскіе крестьяне—они пробили себѣ новую дорогу: за Атлантическій океанъ. За послѣднее время, число однихъ литовцевъ-эмигрантовъ въ Америку достигло почти 20 тыс. въ годъ.

Правительству нѣтъ интереса затрачивать большія средства на колонизацію В. Сибири, которая, кромѣ Забайкалья, удалена отъ внѣшнихъ границъ. Наоборотъ, *Дальній Востокъ*, на границахъ котораго китайцы поселили въ два года 400 тыс. человѣкъ, привлекъ къ себѣ, послѣ русско-японской войны, усиленное вниманіе. Правительству приходится не только оберегаться отъ желтой опасности извнѣ: она сидитъ внутри, и всѣми средствами, имѣющимися въ его распоряженіи, оно пытается ее выгнать.

Желтая опасность внутри—корейцы и китайцы, земледѣльцы, торговцы, промышленники. Какъ земледѣльцы, они дѣйствительно представляютъ грозную опасность для русскихъ колонистовъ. На Дальнемъ Востокѣ встрѣтились два антипода, двѣ діаметрально противоположныя системы хозяйства, изъ которыхъ «русская является начальной формой земледѣлія, а другая, китайская—высшей ступенью с.-хозяйственной культуры». Китайско-корейская культура не знаетъ неудобныхъ земель. Земли, переселенческими агентами отмѣченныя какъ «непроходимыя дебри», «сплошная тайга», охотно занимаются и раздѣлываются желтыми земледѣльцами, уходящими оттуда только подъ напоромъ насилія. Они работаютъ почти исключительно руками, безъ рабочаго скота и громоздкихъ орудій, на кручахъ подъ угломъ въ 45°. Сѣвооборотъ у нихъ близкій къ плодосмѣну, грядковая разсада, сплошные посѣвы безъ отдыха, причемъ земля не тощаетъ, благодаря усиленному примѣненію удобренія. И эта выработанная тысячелѣтіями на ничтожныхъ площадяхъ, почти огородная культура существуетъ на ряду съ переложнымъ земле-

дѣліемъ русскихъ старожиловъ, получившихъ на дѣлы по 100 дес. на дворъ, отводящихъ подъ посѣвъ всего 13% удобной площади, удобряющихъ землю только палами—сжиганіемъ всякой растительности, пашущихъ многолемешными плугами, убирающихъ хлѣбъ американскими жнейками и молотилками. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старожильческое хозяйство напоминаетъ хозяйство американскихъ фермеровъ на экстенсивной, хищнической стадіи его развитія.

Нѣтъ ни одного изслѣдователя Пріамурья, который высказалъ бы какое-либо сомнѣніе въ томъ, что желтая земледѣльческая культура въ короткое время стерла бы съ лица земли культуру старожиловъ, казаковъ и переселенцевъ, если бы въ эту борьбу не вмѣшивалась правящая власть. Китайцевъ стараются выгнать всякими способами; корейцамъ уже урѣзали ихъ 15-десятинные надѣлы. Старожилы, 30% которыхъ въ Амурской области засѣваютъ больше 25 десятинъ, кормятся, главнымъ образомъ, казной и городами, и ихъ годовые бюджеты достигаютъ 2000 рублей. Съ 1892 по 1907 г. Дальній Востокъ обошелся казнѣ въ 715 милліоновъ, не считая стоимости войны и Китайской дороги. Въ 1910 г. дефицитъ казны составлялъ 55 1/2 милліоновъ. Нѣкоторая часть этого дождя милліоновъ падаетъ и на земледѣльческое хозяйство русскихъ. «Безъ казны и хлѣбъ бросятъ сѣять», говорятъ сами старожилы. Интендантство скупаетъ хлѣбъ у русскаго населенія, хлѣбъ плохой, съ большой примѣсью сорныхъ травъ и «пьяныхъ» зеренъ, щуплый, сырой, морщинистый, маловѣсный—по цѣнамъ вдвое большимъ, чѣмъ существующія въ сосѣдней Манчжуріи. Н. А. Крюковъ говоритъ, что въ Пензѣ и Моршанскѣ, гдѣ въ прежніе годы хорошая крестьянская рожь ссыпалась по 30—40 коп., за Уссурійскій хлѣбъ не дали бы больше гривенника, а казна платитъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к.

Кромѣ казны, русское хозяйство поддерживается городами и промышленностью; помимо Царства Польскаго у насъ нѣтъ ни одной области съ такой развитой городской жизнью. Городское населеніе достигаетъ свыше 30%, и сверхъ того на желѣзной дорогѣ, на пріискахъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ занята цѣлая рабочая армія, вмѣстѣ съ которой внѣ-земледѣльческое населеніе составляетъ не менѣе половины всего населенія области. Своего хлѣба, мяса въ области мало; съѣстные припасы тамъ дороги, а деньги дешевы. Земледѣліе растетъ и развивается вокругъ большихъ городовъ—Благовѣщенска и Никольска-Уссурійскаго, въ раіонѣ которыхъ сконцентрировалось 75% всѣхъ посѣвовъ.

Сельское населеніе кормится не только земледѣліемъ, но и промыслами. Податной инспекторъ Владивостокскаго участка г. Казанскій произвелъ анкету среди населенія своего участка, при чемъ

обнаружилъ отсутствіе около 40% русскаго населенія. Поселенцы, проживъ полученную ссуду, сбѣгаютъ въ города, на пріиски, гдѣ жизнь интереснѣе и много заработковъ.

Значительно менѣе развито земледѣліе у казаковъ, не смотря на то, что на хозяйство у нихъ, въ среднемъ, приходится 200 дес.; У старожиловъ 12,7 дес. посѣва на дворъ, у казаковъ—6,4 дес. А между тѣмъ казаки живутъ въ краѣ вдвое дольше старожиловъ, и земли у нихъ самыя лучшія. Офиціозные авторы сваливаютъ всю вину на тяжелую военную службу; другіе говорятъ о лѣности, непривычкѣ къ труду, легкой наживѣ на промыслахъ и сдачѣ земли въ аренду желтымъ. Какъ бы то ни было, фактъ полной неприспособленности казаковъ къ земледѣльческому труду, при самой благопріятной обстановкѣ—налицо.

Если старые русскіе засельщики края могутъ существовать только при поддержкѣ казны, городовъ и промышленности, если они не выдерживаютъ свободной конкурренціи съ туземныхъ элементомъ, допущенной на самый короткій срокъ, словомъ, если ихъ хозяйство—тепличное растеніе, то, быть можетъ, новые переселенцы оказываются крѣпче, скорѣе становятся на собственныя ноги и составятъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно твердый оплотъ отъ желтаго «засилья», не физическаго, а культурнаго?

До 1906 г. переселеніе въ Приамурье, долгс шедшее морскимъ путемъ, не превышало нѣсколькихъ тысячъ. Въ 1907 г. сюда нахлынуло сразу 85 тыс. переселенцевъ; въ Уссурійскій край «влилось» $^{2}/_{3}$ того количества, которое пришло за 48 предшествующихъ лѣтъ. Часть этихъ переселенцевъ была переписана спустя нѣкоторое время; среди описанныхъ хозяйствъ оказалось 25—40% бездомовыхъ, 50—70% безъ рабочаго скота, 85% безкоровныхъ; 90% нуждались въ хлѣбѣ до новаго урожая. Съ 1908 г. они начали убѣгать назадъ. «Къ удержанію переселенцевъ принимались всевозможныя мѣры: увѣщанія, разъясненія. Покидавшіе раіонъ, разоренные матеріально, подавленные душевно, они, естественно, распространяютъ объ области самые тревожные слухи» [1]). Послѣ этого, переселеніе сразу упало; въ 1911 г. сюда переселилось $13^{1}/_{2}$ тыс., въ 1912 г.—21 тыс., не смотря на то, что рабочее движеніе изъ Россіи на Амурскую дорогу выросло за эти два года съ 52 до 106 тыс., а рабочихъ усиленно сманивали на переселенческіе участки.

Г. Шликевичъ [2]) объясняетъ неудачи приамурской колонизаціи недостаткомъ денежныхъ средствъ у переселенцевъ. Дѣйствительно,

---

[1]) Введенскій, И. «Переселеніе на Дальній Востокъ за послѣдніе годы». («Вопросы колонизаціи», № 4).

[2]) Въ „Трудахъ Амурской экспедиціи“, (вып. V).

въ Приамурье послѣ 1905 г. повалили бѣдняки—малоземельные и совсѣмъ безземельные. Но богатыхъ переселенцевъ вѣдь и взять не откуда: «переселеніе (тѣмъ болѣе на Дальній Востокъ) имѣетъ смыслъ для того, кому на родинѣ терять нечего», говоритъ А. А. Кауфманъ. Сами переселенцы указываютъ на другія причины неудачи: 27,4% «обратниковъ» ссылалось на *заболоченность*, 21,3—на *наводненія*, 16,3%—на каменистость почвы и прочія неблагопріятныя природныя условія; двѣ трети неудачныхъ переселеній явились результатомъ этихъ условій. Дѣйствительно, такой природы русскій переселенецъ не видѣлъ и не могъ себѣ представить: пышная, порой субтропическая растительность, а зимой морозы въ 40°. Средняя температура января ниже архангельской; средняя температура іюля соотвѣтствуетъ Кавказу и Крыму. Переселенецъ, не двигаясь съ мѣста, попадаетъ, по климату, съ крайняго юга прямо на крайній сѣверъ. Лѣтомъ идутъ безконечные ливни, скопляющіеся въ августѣ, когда земледѣлецъ дорожитъ каждымъ сухимъ днемъ. Отсюда и американскія уборочныя машины, безъ которыхъ хлѣбъ сгніетъ на корню: но иногда почва до того раскисаетъ, что эти машины нельзя сдвинуть съ мѣста. Зимой, при жестокихъ вѣтрахъ, отсутствіе снѣга. Зимы сухія: земля промерзаетъ на такую глубину, что въ значительной части области оттаиваетъ лишь верхній слой, а внизу остается «вѣчная мерзлота». Лѣтніе дожди производятъ частыя наводненія; рѣки обрамлены по берегамъ крутыми валами—осадками отъ прежнихъ наводненій. Послѣ наводненія вода въ рѣчныхъ долинахъ не спадаетъ; отсюда повсемѣстная заболоченность, усиливаемая густой растительностью, такъ поражающей взоры неопытныхъ переселенцевъ. Заболоченность—главное препятствіе для русской колонизаціи; къ климату нашъ переселенецъ еще могъ бы притерпѣться, но съ заболоченностью онъ сладить не можетъ. Осушительныя меліораціи въ крупныхъ размѣрахъ—подъ силу лишь государству.

Наиболѣе сухія удобныя «степи» уже разобраны: переселенческіе участки, съ каждымъ новымъ отводомъ, отодвигаются на сѣверъ, при чемъ заболоченность ихъ растетъ: въ 1901 г. процентъ заболоченности участковъ равнялся 17—18, въ 1909 г.—40. Если въ снятомъ и отведенномъ фондѣ такъ рѣзко увеличивается процентъ заболоченности, то въ фондѣ, оставшемся неиспользованнымъ, онъ, надо думать, еще выше. Г. Рубинскій полагаетъ, что въ Нижне-Амурской низменности изъ милліоновъ десятинъ, пригодны лишь десятки и сотни тысячъ, и то лишь въ слабой степени. («Тр. Амурск. экспед.», вып. IV). Спеціалисты отмѣчаютъ, что заболоченность прогрессируетъ: сфагновые мхи, растущіе на болотахъ Приамурья, въ высшей степени гигроскопическіе, впитываютъ и распространяютъ

влагу. Ботаникъ Эттингенъ находитъ, что «вся мѣстность находится въ стадіи прогрессирующаго заболачиванія».

Наконецъ, кромѣ климата, суроваго и полнаго контрастовъ, заболоченности, лѣсистости, наводненій—почвы области плохія. Въ справочныхъ книжкахъ для переселенцевъ почвы Приамурья сравниваются съ петербургскими, псковскими, новгородскими. Богатыхъ тучныхъ черноземовъ здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и настоящихъ степей. Степи покрыты луговой и болотной растительностью, чаще—лѣсомъ. Къ сѣверу мѣстность дѣлается болѣе гористой, почвы—каменистыми; удобныхъ долинъ все меньше, климатъ суровѣе.

Инспекторъ Клягинъ, считающій, что въ Амурской области изъ 36 мил. дес. (ниже 60° параллели) заболочено 15 милліоновъ, не находитъ смысла въ гидротехническихъ меліораціяхъ: «достиженіе сколько нибудь видныхъ результатовъ потребуетъ такихъ колоссальныхъ затратъ, на которыя, въ настоящее время, нѣтъ нужды рѣшаться. За тѣже деньги можно превратить въ культурное состояніе гораздо скорѣе и относительно дешевле громадныя площади въ Европейской Россіи, а слѣдовательно получится экономія въ тѣхъ суммахъ, которыя тратятъ теперь переселенцы на переѣздъ, водвореніе и обзаведеніе въ новомъ для нихъ краѣ». Если почвы Приамурья не лучше новгородскихъ, такъ, вѣдь, въ Приозерномъ раіонѣ, подъ самой столицей сколько угодно болотъ, требующихъ осушки.

Насколько можно видѣть изъ послѣднихъ трудовъ Амурской экспедиціи, переселенческое вѣдомство само разочаровалось теперь въ Приамурьѣ. Хотя оффиціозы и насчитываютъ тамъ еще фондъ въ 400 тысячъ душевыхъ долей, но это—все земли 2-го и 3-го сорта; разсчеты, притомъ, обставлены различными оговорками: напримѣръ, изъ 119 тыс. долей въ Амурской области—62 тыс. оказываются «хуторскими» участками, пригодными лишь для скотоводства, и то послѣ цѣлаго ряда меліорацій. На второсортныхъ участкахъ заболоченность—41%; на третьесортныхъ, емкость которыхъ—230 тыс. долей, она еще больше. Въ концѣ концовъ, быть можетъ, изъ 400 тысячъ долей дѣйствительно пригодныхъ не наберется и 40 тыс., и заселеніе ихъ возможно лишь въ длительный промежутокъ времени.

Какъ и въ другихъ областяхъ, взоры правительства, по неволѣ, обратились къ землямъ, занятымъ старожилами. У старожиловъ, имѣющихъ около 2,2 мил. дес., предполагается отыскать еще 80 тыс. долей. Но Приамурскіе старожилы, не въ примѣръ остальнымъ, получили надѣлъ не во временное, а въ вѣчное пользованіе, но съ оговоркой, что надѣлъ отнимается, если не будетъ использованъ въ теченіе пяти лѣтъ по водвореніи. Такъ какъ оговорка

эта своевременно не была реализована, то теперь правительство разсчитываетъ только на *продажу* земли старожилами, для чего, между прочимъ, открыло отдѣленіе крестьянскаго банка. Продажа земель въ Приамурьи, зависящая отъ доброй воли старожиловъ, ставитъ переселенцевъ въ худшія условія, чѣмъ въ Западной Сибири. И какое противорѣчіе здравому смыслу представляетъ эта продажа, наряду съ 400-рублевой ссудой, которой, съ нынѣшняго года, правительство приманиваетъ сюда переселенцевъ!

Гораздо большій фондъ могутъ дать казачьи земли. Изъ 15 милліоновъ десятинъ этихъ земель поселеніями занято всего $2^1/_2$ милліона дес. Амурская экспедиція предлагаетъ «землеустроить» казаковъ, отведя имъ по 30 дес. на мужскую душу. Казаковъ муж. пола 42 тыс.; слѣдовательно, отводимые по проекту надѣлы составятъ 1,3 мил. дес. Освобождается 13,7 мил.; изъ нихъ 9 милліонный фондъ генерала Духовского уже пущенъ въ оборотъ. Здѣсь съ казаками перестали церемониться: все громче и настойчивѣе становятся голоса въ оффиціальной печати, требующіе экспропріаціи земель у Приамурскихъ и другихъ сибирскихъ казачьихъ войскъ. И нужно думать, что, по крайней мѣрѣ, относительно Дальняго Востока, эти голоса будутъ услышаны. Казачьи земли расположены по границѣ, откуда грозитъ желтая опасность.

Правительство сознало всю трудность, почти невозможность заселенія незанятыхъ земель—а заселить Дальній Востокъ необходимо для «политическаго равновѣсія». «Стоитъ или ни стоитъ Дальній Востокъ народныхъ усилій, нуженъ онъ намъ или не нуженъ—оставить его мы не можемъ: мы туда идемъ и будемъ итти, несемъ туда государственныя средства, посылаемъ наше населеніе и впредь такъ будетъ неизбѣжно, независимо отъ того, во благо или во зло обратится это стремленіе». («Тр. Амурск. эксп.», в. IV, стр. 123). Чиновники идутъ и будутъ итти и нести туда казенныя деньги—это вѣрно. Но «наше населеніе» плохо откликается на призывы правительства, потому что оно знаетъ, что «это стремленіе» обратится ему «во зло». Въ лучшемъ случаѣ, удвоенныя ссуды и открытіе для заселенія казачьихъ земель привлекутъ двойное, допустимъ—даже тройное количество переселенцевъ: вмѣсто 20 тыс. двинется туда тысячъ 50, максимумъ—60. Съ бо̀льшимъ количествомъ и переселенческое вѣдомство не сладитъ, принимая въ соображеніе, что даже на лучшихъ участкахъ требуются довольно сложныя гидротехническія, дорожныя и лѣсокультурныя работы.

Послѣдняя область—Туркестанъ. Разочаровавшись въ возможности широкой земледѣльческой колонизаціи Приамурья, гдѣ правительство уповаетъ теперь на развитіе промышленности, оно обра-

тило взоры на это послѣднее прибѣжище для нашихъ переселенцевъ. Наталкиваетъ на Туркестанъ и необходимость развитія хлопководства, вызванная послѣдними осложненіями съ Соединенными Штатами.

Туркестанскій край, діаметрально противоположный, по своей природѣ, Дальнему Востоку, сходится съ нимъ въ одномъ отношеніи: русскіе засельщики сталкиваются и тутъ, и тамъ съ болѣе высокой туземной культурой, чѣмъ ихъ собственная. Китайцы и корейцы въ Приамурьѣ, сарты въ Туркестанѣ, какъ земледѣльцы, стоятъ на высшихъ ступеняхъ развитія, и не туземцамъ приходится учиться у русскихъ, а наоборотъ, русское хозяйство въ этихъ областяхъ только тогда сдѣлается прочнымъ, когда оно ассимилируетъ тѣ пріемы и навыки, до которыхъ туземцы дошли путемъ тысячелѣтняго опыта. Въ исторіи Россіи, какъ колонизующейся страны, такихъ примѣровъ еще не бывало: на основаніи предшествующаго опыта мы не можемъ сказать, что выйдетъ изъ такой ассимиляціи. Но, кромѣ сартовъ, и другихъ осѣдлыхъ инородцевъ, густо осѣвшихъ по берегамъ большихъ водныхъ артерій въ южныхъ и центральныхъ раіонахъ Туркестана, туземное населеніе состоитъ изъ киргизъ, заселяющихъ преимущественно двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-Дарьинскую. Въ этихъ областяхъ экспедиціи отыскали теперь около $17^{1}/_{2}$ милл. десятинъ «излишковъ», сюда (главнымъ образомъ въ Семирѣчье) и направляется русское переселеніе.

На Семирѣчье, лежащее вдоль китайской границы, по политическимъ и экономическимъ соображеніямъ, правительство обратило большое вниманіе. Извѣстная «записка» главноуправляющаго землеустройствомъ возлагаетъ на Семирѣчье роль пшеничной житницы для хлопковыхъ раіоновъ Туркестана, въ которыхъ цѣлый милліонъ десятинъ цѣнныхъ орошаемыхъ земель отводится теперь подъ пшеницу. Въ запискѣ выражена надежда, что, съ проведеніемъ желѣзно-дорожной линіи Арысь-Вѣрный, соединяющей Семирѣчье съ хлопковыми раіонами значительная часть пшеничныхъ посѣвовъ въ этихъ раіонахъ можетъ быть замѣнена хлопкомъ и другими, болѣе цѣнными культурами. Насколько основательны эти надежды?

Семирѣченская область, равная по площади 37 милл. десятинъ, представляетъ по рельефу рядъ переходовъ отъ высокихъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами и льдами горъ на югѣ и востокѣ, черезъ сравнительно пологіе холмы и скаты въ нагорной полосѣ, къ равнинамъ, въ которыхъ преобладаютъ солончаковыя и песчаныя почвы, почти лишенныя воды. «Въ Семирѣчьѣ, по словамъ завѣдывающаго туркестанскими экспедиціями П. П. Румянцева, нѣтъ большихъ сплошныхъ пространствъ удобной земли; они распо-

ложены болѣе или менѣе обширными оазисами среди горъ и безводныхъ пустынь. Сплошь, на десятки и сотни верстъ, тянутся лишь солончаковыя и песчаныя степи равнинной части, обыкновенно причисляемыя къ неудобнымъ землямъ. По даннымъ Статистическаго Комитета, плодородныхъ почвъ въ области—около 18 милл. десятинъ, но только небольшая ихъ часть лежитъ въ полосѣ предгорій, гдѣ единственно возможно такъ называемое «богарное» земледѣліе подъ дождь безъ искусственнаго орошенія. Немного ниже оно немыслимо безъ полива, такъ какъ лѣтній зной выжигаетъ къ серединѣ лѣта всякую растительность.

Киргизы, благодаря системѣ кочеваній съ предгорій и горъ на равнины, эксплоатируютъ большія пространства, частью какъ пашню, частью какъ пастбище. Какъ у нихъ, такъ и у другихъ осѣдлыхъ инородцевъ преобладаетъ *поливное* земледѣліе; изъ 600 тыс. дес. посѣва 400 тыс. орошаются искусственнымъ путемъ. Они сами создали и разработали сѣть иногда очень искусно проведенныхъ каналовъ-арыковъ, работая самыми примитивными орудіями. Переселенческому вѣдомству, оросившему до 1910 г. всего 4 тыс. дес., производство работъ обошлось вчетверо дороже, чѣмъ туземцамъ (около 40 рубл. десятина). Между тѣмъ, повышеніе колонизаціонной емкости Семирѣчья всецѣло зависитъ отъ организаціи оросительныхъ предпріятій; фондъ богарныхъ земель въ предгорьяхъ, послѣ изъятія 1,2 милл. дес. въ 1910—11., въ значительной степени исчерпанъ, и въ 1911 г. включались въ заготовленные участки такія земли, на которыхъ русскимъ невозможно селиться безъ устройства на нихъ орошенія. Богарный фондъ Семирѣчья опредѣляется различно—отъ 400 тыс. до 2,3 милл. дес.; но часть его занята русскими (на богарѣ находится 200 тыс. дес. преимущественно переселенческихъ посѣвовъ), часть нужна киргизамъ, центръ хозяйственной дѣятельности которыхъ сосредоточенъ въ полосѣ предгорій. Здѣсь лежатъ ихъ пашни и сѣнокосы, тутъ и въ сосѣднихъ горахъ живутъ они лѣтомъ и зимой, спускаясь на равнины лишь ранней весной и поздней осенью. Предгорья для семирѣченскихъ киргизъ играютъ бо́льшую роль, чѣмъ призимовочныя угодья для степныхъ; въ пашню и въ сѣнокосъ ими вложено много труда—здѣсь, кромѣ поливного земледѣлія, производятся ими посѣвы туркестанской люцерны. Переселенческое вѣдомство, при нарѣзкѣ участковъ, вынуждено сгонять и разорять тысячи киргизскихъ семействъ: по словамъ депутата Волкова (въ 1910 г.) предположено къ изъятію болѣе 5100 очаговъ киргизской осѣдлости, съ населеніемъ болѣе 30 тыс. душъ—и это для того, чтобы на ихъ мѣсто устроить всего какихъ-нибудь 2500—3000 переселенческихъ хо-

зяйствъ. Между тѣмъ, киргизское скотоводство и безъ того сильно пошатнулось; съ 70-хъ годовъ количество скота у нихъ въ разныхъ уѣздахъ сократилось на 15—80%. Дальнѣйшія отрѣзки «излишковъ» на богарѣ поведутъ къ тому, что часть киргизъ «землеустроится» и окончательно осядетъ на землю, но другая часть, ведущая преимущественно кочевое хозяйство, разорится, превратится въ пролетаріевъ, батраковъ для насаждаемыхъ теперь помѣщиковъ и рабочихъ для горныхъ промысловъ. Степныя равнины запустѣютъ, скотоводство окончательно упадетъ.

Немного выиграютъ отъ этого и русскіе, потому что богарный фондъ невеликъ, а веденіе поливного земледѣлія требуетъ большихъ затратъ и умѣнья. Вытѣсненіе киргизскаго хозяйства русскимъ скорѣе приведетъ къ паденію, а не къ подъему сельскаго хозяйства въ его цѣломъ. Земледѣліе на богарѣ непрочно: богарныя земли безъ удобренія быстро тощаютъ, ихъ приходится замѣнять, при залежной системѣ, все новыми и новыми участками, а вслѣдствіе притока переселенцевъ запасъ богарныхъ земель быстро приходитъ къ концу. Урожаи на богарѣ подвержены чрезвычайнымъ колебаніямъ: стопудовые сборы чередуются съ нулевыми, и при дальнѣйшей распашкѣ, безъ примѣненія болѣе интенсивныхъ пріемовъ обработки, земледѣліе подъ дождь становится крайне рискованной операціей. «Полтавцы, Черниговцы, которые ввели у себя на родинѣ и вспашку подъ зябь, и глубокую вспашку, и пары, и озимые посѣвы, и сортировку сѣмянъ, и удобреніе, придя въ Семирѣчье, отбрасываютъ все это, какъ ненужный балластъ, и начинаютъ пахать кое-какъ, сѣять только яровую пшеницу на одномъ полѣ до полнаго истощенія. Поэтому мало-мальски неблагопріятная весна немедленно уничтожаетъ почти весь урожай». (Купластъ, «Гидротехнич. работы»).

При такой хищнической эксплоатаціи почвы, богарное земледѣліе неминуемо должно пережить въ ближайшемъ будущемъ глубокій и тяжелый кризисъ, который несомнѣнно отразится неблагопріятно на переселенческомъ движеніи. И возможно, что не изъ Семирѣчья повезутъ пшеницу въ Туркестанъ, а наоборотъ, изъ Туркестана придется нагружать вагоны хлѣбомъ, назначеннымъ для продовольствія голодающихъ переселенцевъ.

Такъ какъ запасы еще неистощенныхъ богарныхъ земель при всякихъ разсчетахъ, даже при разореніи тысячъ киргизскихъ стойбищъ, оказываются сравнительно небольшими, въ сотни тысячъ, а не въ милліоны десятинъ, и такъ какъ земледѣліе на богарѣ, при господствующихъ системахъ, рискованно, то устойчивая с.-хозяйственная эволюція края возможна лишь при широкой орга-

низаціи искусственнаго орошенія. Но, при способности нашихъ казенныхъ культуртрегеровъ затрачивать десять рублей тамъ, гдѣ нуженъ рубль, эта операція, если она будетъ поставлена широко, обойдется такъ дорого, что посѣвы сравнительно дешевыхъ зерновыхъ культуръ на орошенной землѣ будутъ невыгодны. Вотъ почему мы считаемъ дальнѣйшую колонизацію края и весь планъ г. Кривошеина построенными на такомъ же шаткомъ основаніи, какъ и посѣвы на богарѣ.

Все сказанное относительно Семирѣчья можно примѣнить и къ другой области, открытой теперь для русскихъ переселенцевъ— Сыръ-Дарьинской, въ которой, впрочемъ, и богарныхъ земель значительно меньше, и потребность въ поливныхъ земляхъ гораздо настойчивѣе. Въ обѣихъ областяхъ фондъ территоріи, доступный для колонизаціи безъ оросительныхъ меліорацій, вѣроятно разъ въ десять меньше исчисляемыхъ правительствомъ „излишковъ" и не превышаетъ $1^1/_2$—2 мил. дес.

Объ остальномъ Туркестанѣ, густо заселенномъ сартами, которые, по словамъ „записки", дошли уже до сѣвооборота: „рисъ, дыня, хлопчатникъ", много не приходится говорить, потому что орошенныя земли тамъ всѣ уже заняты, а орошеніе 3 мил. дес., доступныхъ такой меліораціи, требуетъ 700 мил. рублей. Правительство разсчитываетъ на продажу земель сартами, и на частную предпріимчивость. Поливная земля оцѣнивается теперь уже сотнями рублей — цѣнность ея будетъ быстро возрастать. У русскихъ поселенцевъ не найдется денегъ, чтобы заплатить выкупъ за землю, и вдобавокъ имъ придется учиться поливному земледѣлію, хлопководству, разведенію садовъ и виноградниковъ. Можетъ быть, они и способны усвоить эту науку, но кто будетъ кормить ихъ во время ученья, кто будетъ платить за нихъ десятки рублей ежегоднаго выкупа за десятину?

При такихъ условіяхъ малоземельному крестьянину гораздо легче выбраться наверхъ въ центральной Россіи, и тѣмъ, кто способенъ сладить съ такими препятствіями для расширенія своего хозяйства, незачѣмъ ѣздить въ Туркестанъ. Что касается до частной предпріимчивости, то русскихъ капиталовъ для грандіозныхъ предпріятій, прибыльность которыхъ неизвѣстна, у насъ мало, и притомъ частные предприниматели будутъ выжимать всѣ соки изъ переселенцевъ; крестьяне и на родинѣ сидятъ въ господской кабалѣ, какъ арендаторы помѣщичьихъ земель, и Туркестанская кабала врядъ ли покажется имъ слаще домашней.

Въ общемъ, надо думать, что Туркестанская колонизація, которая сейчасъ выражается въ ничтожныхъ цифрахъ (максимумъ—

15 тыс. въ 1912 г.), будетъ всегда итти позади даже дальневосточной. Послѣ исчерпанія остатковъ богарнаго фонда, устройство каждой переселенческой семьи на орошаемыхъ земляхъ обойдется казнѣ въ сотни и тысячи рублей, а отъ самихъ переселенцевъ потребуетъ такой энергіи, инициативы, культурности и такихъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ дать лишь единицы, а не рядовая, малоземельная, некультурная масса. Туркестанъ — эта, по выраженію г. Кривошеина, самой природой созданная оранжерея — требуетъ и людей, привыкшихъ обращаться съ оранжерейными культурами, а не воспитанныхъ на ржи и овсѣ. И если главной цѣлью правительства дѣйствительно является развитіе производительныхъ силъ страны, фундаментомъ для этого развитія оно должно взять не русскихъ пришельцевъ, а *мѣстныхъ туземцевъ*, руками которыхъ создана возможность человѣческой жизни въ этомъ краѣ, уже погибавшемъ подъ летучими песками пустыни. Примѣръ необычайно быстраго развитія хлопководства [1]) на орошаемой туземной территоріи показываетъ, какую мощную производительность могло бы проявить мѣстное населеніе, если бы къ дичку его азіатской культуры сдѣлать прививку европейской науки. Сѣть школъ и агрономическихъ учрежденій, элементарныя политическія свободы, широкое самоуправленіе въ нѣсколько лѣтъ освободили бы нашу мануфактуру отъ американскаго хлопка. Но къ чему безплодныя мечты!..

Мы дали маленькій, но по возможности ясно очерченный рисунокъ колонизаціонныхъ перспективъ пяти областей Азіатской Россіи. Безъ крупныхъ меліорацій, безъ затраты не 30 милліоновъ, какъ теперь, а по крайней мѣрѣ сотенъ милліоновъ, природныя условія страны допускаютъ ежегодное водвореніе не болѣе 250—300 тыс. переселенцевъ, считая 100—120 тыс. въ Западной Сибири и степныхъ областяхъ, 70—80 тыс. въ Восточной, 50—60 тыс. на Дальнемъ Востокѣ и 30—40 тыс. въ Туркестанѣ. Мы больше чѣмъ удвоили для послѣднихъ двухъ областей цифру фактической ихъ колонизаціи въ 1912 г., когда она достигла максимальныхъ размѣровъ, и сильно преувеличили цифру Восточной Сибири, въ разсчетѣ, что истощеніе удобнаго фонда на Западѣ Сибири и реформа ссудной помощи переселенцамъ приведутъ къ «разсѣянію» колонизаціи по направленію на Востокъ и на Югъ. Но это случится не сразу; въ первые годы переселенцы будутъ валить по проторенньмъ дорогамъ въ западную Сибирь и степныя области, переполняя уже и безъ того почти до краевъ заполненную степную

---

[1]) Въ 1906 г. подъ хлопкомъ въ Средней Азіи было 61 тыс. дес., въ 1911 г.—401 тыс.

и лѣсостепныя полосы, превращаясь въ «неприписанныхъ» пролетаріевъ, ведущихъ еще болѣе нищенское существованіе, чѣмъ на родинѣ. Вотъ почему коренной задачей современной переселенческой политики, помимо улучшенія общихъ условій колонизаціи, становится урегулированіе переселенческаго движенія, приведеніе его въ соотвѣтствіе съ наличностью свободнаго удобнаго фонда въ различныхъ областяхъ. Посмотримъ, какимъ образомъ правительство пытается осуществить эту задачу.

Н. Огановскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



МУЧЕНИКЪ БУРСЫ.

Н. Г. Помяловскій (5 окт. 1863—1913 г.).

«Бери жизнь, какъ есть она, не прибавляя и не убавляя!».. «Мое призваніе—жить... всей душой, всѣми порами тѣла жить хочу».. Эти нервныя, страстныя слова какъ бы взяты изъ современнаго «модернистскаго» романа, такъ много въ нихъ нетерпѣливой, жадной любви къ жизни, какъ къ чему-то манящему и ускользающему... А между тѣмъ они принадлежатъ старому и очень мрачному писателю, одаренному большимъ талантомъ и богатыми силами, но не успѣвшему вполнѣ проявить себя въ жизни—Николаю Герасимовичу Помяловскому.

Оставленныя Помяловскимъ немногочисленныя произведенія переполнены мыслями о жизни и ея таинственномъ непріятелѣ, смерти. Онѣ царятъ надъ всѣмъ другимъ—надъ общественными спорами, надъ мечтами «новыхъ» людей и пр. И всегда два непримиримыхъ голоса ведутъ объ этомъ, самомъ важномъ для Помяловскаго, предметѣ споръ. Одинъ, мрачный и отчаянный, доказываетъ ничтожность человѣческаго существованія и безсмысленность жизни, а другой отстаиваетъ жизнерадостность.

— Странное явленіе такіе господа, какъ ты,—говоритъ Молотовъ своему пріятелю-Гамлету:—Скучаютъ о томъ, что жизнь коротка. Чѣмъ короче она, тѣмъ болѣе побужденій жить! Если ты увѣ-

ренъ, что твоя жизнь не повторится, то и долженъ беречь ее; немного дней дано природой...

Тревожное, кипучее, полное глубокой неудовлетворенности и страданій, бытіе самого Помяловскаго было очень кратко, и онъ его не берегъ, а безостановочно сжигалъ. Неразъ онъ пытался, въ порывѣ недовольства собою, покончить съ жизнью; въ концѣ концовъ этому помѣшала только ранняя смерть, на 28 году.

Краткость жизни — довольно обычный у насъ писательскій удѣлъ, по крылатому слову Некрасова. Но вотъ та особенная мятежность и неустроенность, вообще, трудность жизни (да и осложняющая ее иногда несчастная «слабость»), которая объединяетъ беллетристовъ-разночинцевъ, невольно заставляетъ задуматься... Почему именно «разночинцевъ»? Не слишкомъ ли рѣзокъ тотъ переходъ изъ тусклой обывательской среды въ верхи интеллигенціи, который этимъ писателямъ приходится сдѣлать? Не гибельно ли, при общей психической неустойчивости и слабой культурности, противорѣчіе между личною одаренностью, индивидуальнымъ полетомъ, собственнымъ багажемъ, съ одной стороны, и наслѣдственною косностью—съ другой?

«Я родился космополитомъ,—говоритъ Молотовъ,—не былъ связанъ ни съ какою почвою, не былъ человѣкомъ сословія, кружка, семьи. Казалось, такъ легко было вступить въ свѣтъ. Но я былъ выходцемъ изъ своего сословія, и потому, какъ всѣ выходцы, не понималъ, что многого требовать нельзя, что необходима умѣренность, тихій гласъ»...

Въ одномъ изъ писемъ Чеховъ, со своею обычною психологическою проницательностью, опредѣляетъ громадность той затраты силъ, которая требуется отъ писателя-разночинца при переходѣ отъ плебейства въ интеллигентности. «Что писатели-дворяне брали у природы даромъ, то разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывшій лавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинопочитаніи, цѣлованіи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченный, ходившій по урокамъ безъ калошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемѣрившій и Богу, и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества,—напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавливаетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая, человѣческая»...

Какъ въ коренномъ, типично-русскомъ человѣкѣ, въ Помялов-

скомъ сочетались непримиримыя противорѣчія, несоединимыя черты. Его «желѣзному» выносливому организму, казалось, отпущено было силъ на сто лѣтъ. Но богатырская мощь совершенно парализовалась его болѣзненною впечатлительностью и общею крайнею неустойчивостью натуры. Неблагопріятныя условія жизни и воспитанія содѣйствовали тому, что эта пестрота организаціи—странная смѣсь силы и немощи—привела къ роковому исходу.

Въ письмѣ къ Полонскому, написанномъ за годъ до смерти, Помяловскій дѣлаетъ характерныя признанія на счетъ своего недуга. «Первый разъ пьянъ я былъ на седьмомъ году. Съ тѣхъ поръ до окончанія курса, страсть къ водкѣ развивалась кресцендо и диминуедо. Что за причина? Ни мудрецы, ни доктора, съ которыми я совѣтовался, ничего не отвѣчали на этотъ вопросъ. Чувствовалъ причину *одинъ только я*, но *не хотѣлъ* сознаться въ ней. Она была въ началѣ чисто моральная, но теперь едва ли не перешла въ болѣзнь тѣла. Я пилъ въ дѣтствѣ; значитъ здѣсь и искать начало моего порока. И дѣйствительно, этимъ началомъ былъ *грѣхъ* (въ смыслѣ катехизиса), который заставили меня сдѣлать *насильно*. Смѣшно было бы, еслибъ и теперь я считалъ себя преступникомъ и налагалъ на себя эпитиміи, но тогда было не то. Я былъ мальчикъ религіозный, я сталъ молиться Богу, говѣть, брать добровольныя эпитиміи, поститься, отдавать нищимъ послѣднія деньженки. Меня совѣсть мучила, и я сокрушался о лишеніи царства Божьяго. Отвѣдавъ вина, я почувствовалъ, что измѣняется расположеніе духа и съ тѣхъ поръ сталъ отвѣдывать его чаще и чаще. Невѣжественная бурса не могла успокоить мою совѣсть, а напротивъ—своимъ православно-карательнымъ духомъ она усиливала ея мученія; съ другой стороны товарищество, уважавшее пьянство, поощряло во мнѣ этотъ порокъ. При окончаніи курса я былъ почти пьяница»... Представленіе о грѣхѣ было тѣмъ тяжелымъ, коснымъ наслѣдствомъ, которое онъ воспринялъ отъ своего духовнаго сословія, оно осложнилось страстностью и тонкою впечатлительностью его натуры художника, отдающагося каждому переживанію цѣльно и глубоко; варварская среда, какъ мы видимъ изъ собственныхъ словъ Помяловскаго, эти индивидуальныя данныя только обострила и помогла реализовать...

Н. Г. Помяловскій родился въ 1835 г., въ семьѣ дьякона малоохтенской кладбищенской церкви. Если не считать постоянныхъ кладбищенскихъ «пейзажей», неизбѣжно оказывавшихъ на его душу мрачное вліяніе, дѣтство его слѣдуетъ признать сло-

жившимся въ общемъ благопріятно. Въ дружной, мирной семьѣ діакона не было ни обычнаго для духовной среды деспотизма, ни самодурства. Дѣти росли сравнительно свободно, окруженныя любовью и лаской. Тѣмъ ужаснѣе должно было показаться будущему писателю то «крещеніе», которое ждало его въ страшной бурсѣ, самой уродливой изъ всѣхъ закрытыхъ дореформенныхъ школъ. Встрѣченная имъ тамъ звѣриная жестокость нравовъ потрясла его нѣжную душу до основанія.

«Въ жизни человѣка бываетъ періодъ времени, отъ котораго зависитъ вся моральная судьба его, когда совершается переломъ его нравственнаго развитія, — писалъ впослѣдствіи Помяловскій. — Говорятъ, что этотъ періодъ наступаетъ только въ юности; это неправда: для многихъ онъ наступаетъ въ самомъ розовомъ дѣтствѣ»... Въ одномъ изъ очерковъ бурсы, гдѣ самъ авторъ фигурируетъ подъ именемъ Карася («Бѣгуны и спасенные бурсы»), подробно воспроизведены эти первыя, коверкающія жизнь, впечатлѣнія дѣтства. Послѣ товарищеской встрѣчи съ издѣвательствами и колотушками, грозящими членовредительствомъ, не замедлила послѣдовать и педагогическая расправа — первое сѣченіе. «Справа свистнули лозы, слѣва свистнули лозы; кровь брызнула на тѣлѣ несчастнаго, и страшнымъ воемъ огласилъ онъ бурсу. Съ правой стороны опоясалось тѣло двадцатью пятью ударами лозъ, съ лѣвой столькими же. Нервы его были уже измучены тогда, когда его нарекали Карасемъ, щипали и заушали, а во время наказанія они совершенно потеряли способность къ воспріятію моральныхъ впечатлѣній: память его была отшиблена; мысли... мыслей не было, потому что въ такія минуты разсудокъ не дѣйствуетъ; нравственная обида... и та созрѣла послѣ, а тогда онъ не произнесъ ни одного слова въ оправданіе, ни одной мольбы о пощадѣ, раздавался только крикъ живого мяса, въ которое впивались красными и темными рубцами жгучія, острыя, яростныя лозы... Тѣло страдало, тѣло кричало, тѣло плакало... Вотъ почему Карась, когда его послѣ спрашивали, что въ его душѣ происходило во время наказанія, отвѣчалъ: не помню. Нечего было и помнить, потому что душа Карася умерла на то время»... «Вспоминая это страшное время, Карась говоритъ: многія честныя дѣти честныхъ отцовъ возвращаются домой подлецами; многія умныя дѣти умныхъ родителей возвращаются домой дураками. Плачутъ отцы и матери, отпуская сына въ бурсу, плачутъ и принимая его изъ бурсы».

За время пребыванія въ бурсѣ, Помяловскій былъ высѣченъ *четыреста* разъ. Впослѣдствіи онъ самъ, съ ироніей, спрашивалъ себя: «пересѣченъ» ли онъ или «не досѣченъ»? Въ бурсѣ сѣкли не-

истово правыхъ и виновныхъ, иногда засѣкали на смерть, сѣкли даже больныхъ, находящихся на излѣченіи въ больницѣ. Понятно, какъ должны были реагировать на эту педагогическую систему дѣти изнѣженныя, поступающія въ бурсу изъ любящихъ семей. У Помяловскаго есть потрясающій разсказъ о блѣдненькомъ, худенькомъ новичкѣ, который едва не умеръ отъ страха, когда впервые увидѣлъ «знатную порку». Онъ старался хорошо учиться и слѣдить за собой, чтобы не заслужить розги; «когда сѣкли кого-нибудь, онъ дрожалъ и блѣднѣлъ. Учитель замѣтилъ и возненавидѣлъ его, потому что терпѣть не могъ, когда кто-нибудь сильно кричалъ подъ лозами. Учителю захотѣлось попробовать, каковъ новичекъ подъ розгами. Придравшись къ какому-то случаю, онъ отпоролъ новичка такъ, что тотъ долго послѣ того таскалъ изъ тѣла своего прутья. Ученикъ послѣ порки упалъ въ обморокъ. Этимъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя учителя, который началъ преслѣдовать его и каждый разъ поролъ жестоко. Ученику до того тяжко было жить, что онъ рѣшился бѣжать изъ училища. Его поймали. Тогда онъ сначала хотѣлъ повѣситься, но потомъ рѣшился на слѣдующую штуку. Дождался онъ ночи, досталъ перочинный ножъ, разрѣзалъ себѣ руку, и своею кровью написалъ на бумажкѣ:—Дьяволъ, продаю тебѣ свою душу, только избавь меня отъ сѣченія.—Съ этой бумажкой онъ залѣзъ ночью подъ печь. Что тамъ съ нимъ было, неизвѣстно. Оттуда его вытащили замертво. Онъ говорилъ, что видѣлъ чорта. Начальство, узнавъ его продѣлку, высѣкло его подъ колоколомъ, послѣ чего онъ былъ снесенъ въ больницу, гдѣ и отдалъ Богу душу». Въ этой жуткой бурсацкой легендѣ, которую учиники съ трепетомъ передавали другъ другу, нѣтъ ничего вымышленнаго—никакихъ преувеличеній. То, что въ ней разсказано, совершалось въ бурсѣ постоянно, на каждомъ шагу, могло случиться съ каждымъ.

Удивляться ли послѣ этого той ненависти, которую Помяловскій сохранилъ на всю жизнь къ бурсѣ и своимъ воспитателямъ? «Бываютъ дѣтскія печали, глубокія и сильныя печали,—говоритъ онъ въ «Очеркахъ бурсы», —за которыя человѣкъ не можетъ простить и тогда, когда станетъ взрослымъ»... По словамъ его біографа и товарища, Н. А. Благовѣщенскаго, у Помяловскаго случались вспышки непримиримой ненависти къ бурсѣ до послѣднихъ минутъ; онъ склоненъ былъ винить ее во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. «Проклятые!—шепталъ онъ бывало, задыхаясь отъ злости.—Какъ я васъ ненавижу! Вы отравили всю жизнь мою, вы разбили лучшія надежды.—И не плачетъ онъ: выраженіе лица сдержанное, тяжело спокойное, а у самого слезы такъ и льются. Въ эти минуты съ

трудомъ можно было удержать его отъ скандала, онъ готовъ былъ сейчасъ же бѣжать и мстить»...

Конечно, не одна розга создавала атмосферу неукротимой ненависти, а вся бурса, со своимъ складомъ, этотъ характерный уголокъ дореформенной Россіи. При безправіи младшихъ и необузданномъ самоуправствѣ и самодурствѣ старшихъ, ненависть была вполнѣ естественнымъ чувствомъ, которое должно было ихъ связывать. Въ отношеніяхъ воспитанниковъ другъ къ другу царили тоже грубость и цинизмъ, кулачное право, полное пренебреженіе къ душѣ другъ друга. Къ бурсацкой наукѣ всѣ были совершенно равнодушны, не учились, а главнымъ образомъ старались улизнуть отъ уроковъ. Пустоту и досугъ бурсаки съ раннихъ лѣтъ пріучались топить въ винѣ; и, когда вино подверглось запрещенію, «стали пить всѣ»—таковъ былъ успѣхъ педагогической системы. Некультурность и грязь въ этомъ истинно-русскомъ уголкѣ были фантастическія, исключающія возможность человѣческаго существованія. «Насѣкомыхъ было огромное количество, не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими: онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженной и нечесанной головѣ; когда однажды сняли съ него рубашку и вынесли ее на снѣгъ, то снѣгъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще, необрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака».

Какъ Помяловскій не одичалъ въ подобной обстановкѣ, да еще и сохранилъ въ душѣ живой родникъ любви къ литературѣ—остается загадкой. Склонность къ литературѣ проявилась въ немъ рано и онъ принималъ дѣятельное участіе въ ученическомъ журналѣ: «Семинарскій Листокъ», помѣстивъ въ немъ, между прочимъ, свой первый беллетристическій очеркъ: «Махиловъ». Когда «Семинарскій Листокъ» прекратился, Помяловскій былъ очень огорченъ и не зналъ, куда дѣвать свой досугъ. По словамъ его товарища, онъ «въ тотъ же день съ горя напился до положенія ризъ»...

Литературныя симпатіи Помяловскаго были прочны, и по окончаніи семинаріи онъ продолжалъ стремиться къ писательству, уклоняясь отъ другихъ профессій, особенно отъ духовной карьеры. Прежде всего былъ напечатанъ въ «Журналѣ для воспитанія» его коротенькій очеркъ «Вуколъ». Но по настоящему окрылило его только вступленіе въ число сотрудниковъ «Современника», гдѣ въ февралѣ 61-го года появился его первый романъ «Мѣщанское счастье». На него произвело очень сильное впечатлѣніе знакомство съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ — не только его единомышленниками, но, что гораздо важнѣе, людьми одной съ нимъ природы—такими же демо-

кратами-разночинцами, *новыми* людьми. Послѣ бурсацкой замкнутости, одиночества, отверженности и пустоты, жизнь сверкнула для него яркимъ праздникомъ. Наступившее общественное оживленіе еще усилило это приподнятое настроеніе. Въ октябрѣ того же 61-го года былъ напечатанъ второй романъ Помяловскаго «Молотовъ», доставившій ему не только литературную извѣстность, но и славу, хвалебные отзывы критики и новыя знакомства. Къ сожалѣнію, наслаждаться всѣмъ этимъ и спокойно работать надъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ Помяловскому мѣшала его роковая слабость, развившаяся въ бурсѣ. Всѣ сильныя впечатлѣнія, пріятныя и непріятныя, сопровождались у него однимъ и тѣмъ же—возліяніемъ Бахусу. Въ промежуткахъ между двумя своими романами Помяловскій на деньги, полученныя за «Мѣщанское счастье», такъ закутилъ, что допился до бѣлой горячки и слегъ въ больницу. Но особенно побуждали къ запою отрицательныя впечатлѣнія, какихъ было не мало, ибо, по его словамъ, онъ скоро замѣтилъ, что «въ жизни та же бурса»... На немъ очень тяжело отразилось закрытіе «Современника»; личная жизнь тоже не налаживалось. И отъ всѣхъ неудачъ, общественныхъ и личныхъ, былъ одинъ только надежный бальзамъ—вино. Однако, «бальзамъ» отличался странными свойствами: онъ не успокаивалъ, а какъ бы еще разжигалъ муки, не разсѣивалъ, а сгущалъ мракъ. «Желчными, глубоко рвущими сердце страданіями выражалось его опьяненіе, такъ что, глядя на эти муки, и жалко, и страшно становилось за него. Бывало начнетъ онъ, будто нарочно, представлять предъ собой непріятныя для него личности и припоминать все зло, какое нанесли они ему» [1]. Въ такіе минуты онъ то пытался убить себя, то умолялъ спасти его и проклиналъ ненавистную бурсу.

Упоминая объ «Очеркахъ бурсы» Помяловскаго, его біографъ дѣлаетъ осторожное примѣчаніе: «Все сказанное здѣсь о бурсѣ происходило еще въ 40-хъ годахъ, когда, вообще, большинство нашихъ духовно-учебныхъ заведеній страдало отъ недостатка присмотра. Замѣчаемъ это для того, чтобы читатели не судили по нашему описанію о нынѣшнихъ духовныхъ училищахъ, гдѣ, сообразно съ потребностями времени, введены, говорятъ, многія улучшенія». Дѣйствительно ли такъ значительны эти «улучшенія», что нуждаются въ оговоркахъ? Ушла ли отъ насъ дореформенная Россія съ своей розгой и старой бурсой, сгубившей Помяловскаго? Судя

---

1) Полное собр. соч. И. Г. Помяловскаго, изданіе «Просвѣщенія». Ц. 1 р. Біограф. очеркъ Н. А. Благовѣщенскаго.

по новымъ литературнымъ иллюстраціямъ, въ этомъ можно усумниться.

Въ «Завѣтахъ» сейчасъ печатается интересная повѣсть г. Добронравова о «новой бурсѣ» [1]), написанная съ интимной правдивостью и искренностью. Этотъ документъ одинаково краснорѣчиво говоритъ и о томъ, что успѣло въ бурсѣ измѣниться, и о томъ, что осталось неизмѣннымъ. Сами воспитанники несомнѣнно за это время выросли въ своемъ человѣческомъ сознаніи, не остались внѣ воздѣйствія обновляющихъ токовъ жизни. «Товарищество», которое едва намѣчалось при Помяловскомъ, теперь совсѣмъ окрѣпло, превратилось въ общественную силу; оно поставило себѣ задачей бороться съ устарѣлымъ укладомъ бурсы и добиваться улучшеній—«облегченья» своей доли, гуманнаго обращенія, доступа въ университетъ и т. п. Уже самый характеръ этихъ минимальныхъ требованій показываетъ, что по существу бурса осталась прежней...

И въ самомъ дѣлѣ, присмотрѣвшись къ новой бурсѣ, мы видимъ въ ней то же самое, что и въ старой. Правда, въ ней нѣтъ больше розги, но ея наслѣдство—полная деморализація и одичаніе нравовъ—во всей силѣ. Ученики не всегда раболѣпствуютъ передъ наставниками, а напротивъ, случается, безпощадно расправляются съ ними, бранятъ, выгоняютъ вонъ, рѣжутъ правду въ глаза и даже избиваютъ. Но развѣ отъ этихъ расправъ не вѣетъ тою же жутью, что и отъ прежей забитости? Съ такою же жестокостью, какъ и прежде расправляются бурсаки съ шпіонами—«подскулами», этимъ связывающимъ звеномъ между наставниками и воспитанниками. Въ преподаваніи тотъ же, что и прежде, формализмъ и мертвая схоластика, побуждающая учениковъ «спасаться» отъ уроковъ. И въ бурсѣ, не смотря на культурныя улучшенія, также господствуетъ грязь и голодъ, изъ-за обкрадыванія экономіи картежная игра, развратъ и пьянство. Наставники и воспитанники соперничаютъ во всемъ этомъ другъ съ другомъ. Разсказъ воспитанника этой новой бурсы потрясаетъ не меньше старыхъ «очерковъ бурсы» и оставляетъ въ душѣ жуткое недоумѣніе.

«...Изъ насъ хотятъ воспитать пастырей, священниковъ. И для этого ничего не дѣлается. Никто не поинтересуется, чѣмъ мы живемъ, какими интересами, чего хотимъ. Отдали насъ сюда родители: учитесь! Мы и учимся. Хороши будущіе пастыри! Черезъ два года нѣкоторые изъ моихъ товарищей, пьяницъ, картежниковъ, кощунствующихъ и невѣрующихъ, будутъ просвѣщать народъ, говорить ему о вѣрѣ, о любви, о разныхъ пріятныхъ предметахъ, которые имъ без-

---

[1]) «Завѣты» 1913 г. № 4, 5, 6, 7, 8 и 9.

различны и не волнуютъ нисколько... Ректоръ, монахъ, архимандритъ, спаиваетъ всю семинарію, развратничаетъ и развращаетъ первокласниковъ, нѣкоторые изъ нихъ, тѣ, что покрасивѣе, выходятъ изъ ректорской квартиры со слезами на глазахъ и деньгами въ карманѣ. И такъ озлобляется и разоряется душа человѣческая»... «Скучно живетъ бурса... Завтра уроки, надоѣвшіе предподаватели, «спасанье» отъ попойки или граммофона, замѣчанія Варсонофія, вечернія выпивки. То же будетъ и послѣ завтра, и черезъ недѣлю, и черезъ годъ. Давитъ бурса, тѣснитъ то, что незримо носится въ ея стѣнахъ, духъ смиренія, рабства, пресмыкательства, низкопоклонства. Я думаю о бурсѣ со злобой, о ея преподавателяхъ — съ ненавистью»...

«Потихоньку, незамѣтно росли гнѣвъ и обида бурсы, и она отводила душу въ похабныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ не щадили начальство, и въ пьянствѣ. Пили всѣ: и малыши перваго класса, и бородатые богословы, пили много и жестоко. Ректоръ смотрѣлъ на пьянство снисходительство и самъ устраивалъ у себя пирушки или, какъ онъ называлъ, радѣнія для старшихъ семинаристовъ. И послѣ такихъ «радѣній» ночью въ семинаріи раздавались крики, пѣсни и ругательства, и пьяные ползли изъ ректорской квартиры по ступенькамъ въ четвертый этажъ. И часто многихъ изъ нихъ исключали за пьянство черезъ два-три дня... Пріѣзжали ревизоры, бывали на урокахъ и уѣзжали, найдя все въ порядкѣ. И все оставалось по прежнему»...

Вотъ какова эта новая бурса послѣ улучшеній! Видно, не такъ далеко ушла отъ насъ старая Россія... Не устарѣлъ и Помяловскій.

«Очерки бурсы» самое интимное изъ произведеній Помяловскаго. Оно для него характерно той особенной «трезвой» правдой изображенія, которую проницательный Тургеневъ подмѣтилъ въ другомъ разночинцѣ Рѣшетниковѣ. Но талантъ Помяловскаго и его писательская личность полнѣе отразились въ его знаменитыхъ романахъ.

Оба романа: «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ» тѣсно связаны общимъ героемъ, весьма близкимъ самому автору. Въ лицѣ Молотова передъ нами первая попытка обрисовать *новаго* человѣка, демократическаго интеллигента, который вышелъ изъ низовъ и врѣзывается въ коренную интеллигентную среду. Молотова еще нельзя назвать «мыслящимъ реалистомъ» въ писаревскомъ смыслѣ, ибо онъ живетъ пока не столько мыслью, сколько чувствомъ, жизнерадостнымъ ощущеніемъ своей самостоятельности и силы, живетъ безъ

опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ для себя. Это лишь, предтеча тѣхъ самоувѣренныхъ, прямолинейныхъ «реалистовъ», которые задавали тонъ жизни въ 60-ые годы. Но авторъ превосходно схватилъ въ основѣ «новую» природу своего героя, его дерзновеніе въ устройствѣ жизни и полную несовмѣстимость его психологіи съ психологіей старо-интеллигентской, ту несовмѣстимость, которая постоянно вызывала столкновенія и вражду въ редакціи «Современника» между его старыми и молодыми сотрудниками.

Старый тургеневскій интеллигентъ по природѣ очень сложенъ, духовно аристократиченъ и полонъ рефлексій. Это—всегда Гамлетъ, благородно чувствующій, но недѣятельный, любящій утѣшать себя въ своихъ пораженіяхъ тѣмъ, что его «среда заѣла», обстоятельства погубили. Не чуждъ этого интеллигентскаго скептицизма и самъ Помяловскій въ своей писательской сложности. У него даже была потребность художественно воплотить свой гамлетизмъ, что онъ и сдѣлалъ въ лицѣ параллельнаго Молотову героя, художника Черевина. Но Молотову никакой гамлетизмъ незнакомъ, онъ весь желѣзный, какъ и подобаетъ выходцу изъ народа, сыну слесаря. Въ Молотовѣ писатель далъ не свой портретъ, не субъективное отраженіе, а нѣчто общее. Онъ мастерски уловилъ типъ средняго интеллигентнаго разночинца, гордаго тѣмъ, что онъ кузнецъ собственной жизни и выбился изъ темноты своими усиліями.

Молотовъ совсѣмъ не склоненъ утѣшать себя сваливаніемъ вины на чужія плечи, и ссылка на то, что «среда заѣла», представляется ему оскорбительной. Нѣтъ ужъ, если не достигъ того, чего хотѣлъ, то не «среда» въ этомъ виновата, а собственная негодность... Вотъ какъ разсуждаетъ новый человѣкъ. Здоровый самокритизмъ, цѣльная воля и самостоятельность являются той базой, на которую опирается его психологія. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы «не старую, отцами переданную жизнь продолжать, а создать свою... выдумать ее, что ли? сочинить?.. у умныхъ людей спросить?..»

«Мыслящій реалистъ» сидитъ уже въ Молотовѣ въ зародышѣ. Любя жизнь и стремясь къ ней, онъ не хочетъ взять ее безъ размышленій, безъ пониманія.

— Я только одно понялъ: мое призваніе—жить... всей душой, всѣми порами тѣла жить хочу. Бери жизнь, какъ есть она, не прибавляя и не убавляя! Да, вотъ она, вотъ смотритъ въ глаза; она идетъ, въ дверь стучитъ: я не могу пока постигнуть, что она такое, но *безъ смысла не возьму ее*; разгляжу я жизнь, разниму по частямъ, душу ея выну»... Эти слишкомъ разсудительныя слова еще не вступившаго въ жизнь юноши сближаютъ Молотова съ утилитаристомъ Рахметовымъ, всегда старающимся дѣлать лишь то, что «нужно».

Въ первомъ романѣ Молотовъ еще совсѣмъ неопытный птенецъ, получающій первые жестокіе уроки отъ жизни. Онъ смотритъ на міръ довѣрчиво и склоненъ любить всѣхъ людей, какъ братьевъ. Но въ семьѣ помѣщика, гдѣ онъ жилъ, неосторожно задѣваютъ его плебейскую гордость, давая понять, что несвѣжее бѣлье и слишкомъ большой аппетитъ можетъ положить непроходимую границу между людьми «бѣлой» и «черной» кости... Онъ реагировалъ на это оскорбленіе со всей бурностью молодости и, вмѣсто любви къ людямъ, въ его сердцѣ зажглась непримиримая ненависть къ «барамъ».

Во второмъ романѣ Молотовъ уже зрѣлый мужъ, знающій себѣ цѣну и гордый своей самостоятельностью и силой. Классовой антогонизмъ въ немъ далеко не потухъ, но успокоился. Ненависть и вражда къ тѣмъ, кто видитъ въ немъ плебея, смѣнилась презрѣніемъ. Онъ—самъ себѣ судья и не дорожитъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которыхъ онъ не уважаетъ.

— Знаешь ли, что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу, не подмигивая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь, и не обманывать себя? О, это тяжелое дѣло! Кто надуваетъ себя, тотъ всегда споконъ... Но я не хочу вашего спокойствія...

Тотъ же пріятель, художникъ Череванинъ, къ которому обращены эти слова, находитъ, что, относительно волновавшихъ его вопросовъ, Молотовъ «кончилъ хорошо»—сталъ снисходителенъ къ другимъ, оставаясь строгимъ къ себѣ. Онъ сказалъ себѣ: «Я долженъ, *самъ* долженъ, своимъ опытомъ, своей головой дойти до того, что мнѣ нужно. Люди не помогутъ, да и требовать, чтобы они въ *твоей* головѣ уложили *твои* же противорѣчія,—несправедливо. Всякій самъ для себя работаетъ. До сихъ поръ меня учили, теперь я буду учиться. Великое дѣло—своя мысль, свое убѣжденіе; это то же, что собственность. Только то и можно назвать убѣжденіемъ, что самимъ добыто, хотя бы добытое было и у другихъ точно такое же, какъ и у меня. Я самъ и есть первый и послѣдній авторитетъ, исходная точка всѣхъ моральныхъ отправленій; и, чего нѣтъ во мнѣ, не дадутъ ни воспитаніе, ни примѣръ, ни законъ, ни среда... И въ чемъ я правъ и виноватъ, во всемъ томъ я самъ правъ и самъ виноватъ, а не кто-либо иной. У меня все свое, и за все я одинъ отвѣчаю!»

Жизненный аппаратъ у Молотова прекрасный—совсѣмъ новый, безъ всякой порчи и ржавчины. Но орудовать этому аппарату пока не надъ чѣмъ. Идеалъ Молотова слишкомъ не замысловатъ: «жизнь для себя», «честное наслажденіе жизнью», довольство и сытость, добытая собственными руками. Показывая своей невѣстѣ Надѣ уютно обставленную квартирку и всякое добро—«канделябры», «коверъ», «до-

рогой рѣзьбы орѣховое кресло» и пр., онъ чувствуетъ большое удовлетвореніе, что всѣмъ этимъ комфортомъ онъ обязанъ только себѣ. «Мое сребролюбіе благородно,—съ наивною гордостью разсуждаетъ онъ:—потому что я никогда и ничего не кралъ, ни отъ кого не получалъ наслѣдства, у меня нѣтъ ничего подареннаго, найденнаго, заработаннаго чужими руками. Все, что у меня есть въ комодахъ, на плечахъ, въ карманѣ, все добыто моей головой и руками. Ни матеріально, ни морально я ни отъ кого независимъ. Меня судьба бросила нищимъ, я копилъ, потому что жить хотѣлъ, и вотъ добился же того, что самъ себѣ владыка».

Вотъ какъ ограниченъ въ своихъ жизненныхъ планахъ этотъ предтеча новыхъ людей! Нѣтъ въ немъ ни яркой, хотя и утилитарной, «общественности» Рахметова, ни богатаго интеллектуальнаго содержанія, какъ у индивидуалиста, умницы Базарова. Все ординарно и легко достижимо.

Самъ Помяловскій въ этомъ отношеніи не сливается съ Молотовымъ. Напротивъ, онъ склоненъ во всякую минуту воскликнуть (какъ и восклицаетъ Череванинъ): «Чортъ бы побралъ это мѣщанское счастье!» Повѣсть не даромъ заключается знаменательнымъ аккордомъ, такъ противорѣчащимъ жизнерадостному настроенію Молотова: «Эхъ, господа, что-то скучно!..»

Но заслуга художника въ томъ и состоитъ, что онъ въ лицѣ Молотова вывелъ не выдающагося, не исключительнаго, а средняго человѣка. И очень правдоподобно то, что онъ поставилъ своего героя въ сравнительно благопріятныя условія въ дѣтствѣ. Хотя Молотовъ и остался послѣ смерти отца нищимъ, но вѣдь его пріютилъ старикъ-профессоръ и окружилъ заботами и лаской; у него были всѣ данныя для того, чтобы развиться и окрѣпнуть. А если бы Молотовъ прошелъ въ дѣтствѣ черезъ такой адъ, какъ Помяловскій въ бурсѣ, отъ него, вѣроятно, ничего бы не осталось; во всякомъ случаѣ ему не пришлось бы торжествовать надъ жизнью.

Ограничивши идеалъ своего героя мѣщанствомъ, Помяловскій проявилъ не только удивительное интуитивное чутье, а какъ бы и историческое прозрѣніе. Новая активная сила жизни и новый живой матеріалъ, въ видѣ людей со здоровой упорной волей и богатымъ запасомъ энергіи, раньше чѣмъ послужить широко-идейнымъ и общественнымъ цѣлямъ, должны были пройти черезъ узенькій идеалъ мѣщанскаго счастья. Прежде всего для себя, для своего желудка, а потомъ уже для чего-нибудь высшаго, для другихъ.

Герой Помяловскаго настоящій чистокровный плебей; и уже по одному этому его «новизна» внѣ сомнѣнія. По сравненію съ Молотовымъ тургеневскій разночинецъ Базаровъ кажется аристокра-

томъ. Этотъ аристократизмъ Базарова, конечно, у него отъ духовнаго отца. Какъ ни объективно и проницательно очертилъ его Тургеневъ, онъ не могъ не передать ему части своей природы, основы своего существа. Не смотря на всѣ демократическія убѣжденія, этотъ разрушитель эстетики, утверждающій, что порядочный химикъ всегда цѣннѣе поэта, въ глубинѣ души самъ немножко поэтъ. Иначе, развѣ бы онъ влюбился въ сверкающую своимъ холоднымъ барствомъ Одинцову? Вотъ Молотовъ не только бы прошелъ мимо этой красавицы совершенно равнодушно, но, пожалуй бы, еще и покосился на ея кружева. Базарову же «кружева» не помѣшали... А въ своемъ предсмертномъ желаніи:—Дуньте на умирающую лампу, и пусть она погаснетъ...—демократъ Базаровъ совсѣмъ романтикъ.

Молотову романтизмъ совершенно чуждъ. Потому-то онъ такъ неуязвимъ и разсудителенъ въ романѣ съ кисейной барышней. Да и въ отношеніяхъ съ его избранницей Надей поражаетъ его разсудительность и практицизмъ. Онъ считаетъ ее подходящей подругой жизни и спокойно дожидается ее, оспариваетъ у другого кандидата, но отнюдь не горячится, не неистовствуетъ, хотя на карту поставлено все. Когда же препятствія, наконецъ, устранены, и его невѣста впервые приходитъ къ нему въ его квартиру, радость свиданія не мѣшаетъ ему вести обстоятельные разговоры о канделябрахъ и хвастаться пріобрѣтеннымъ добромъ... Въ основѣ ихъ союза, хотя они оба молоды, не влеченіе, не страсть, а соотвѣтствіе характеровъ и взглядовъ, поэтому важнѣе всего знаніе другъ друга.

Коренная черта Молотова—демократизмъ, конечно, тоже отъ его духовнаго отца—передалась стихійно. Инымъ онъ бы и не могъ быть, потому что таковъ Помяловскій. Но въ детальной обрисовкѣ характера Молотова Помяловскій проявилъ необыкновенное чувство мѣры и безпристрастіе. Его новый человѣкъ, разночинецъ, изображенъ безъ всякой идеализаціи и прикрасъ, и въ этомъ значеніе его, какъ характернаго типа своего времени.

Талантъ Помяловскаго далеко не успѣлъ вполнѣ проявиться, и трудно рѣшить, чего бы достигъ этотъ писатель, если бы въ дѣтствѣ его не надломила бурса. Но и по оставшемуся наслѣдству можно видѣть, что это былъ талантъ замѣчательный—самобытный и выдающійся. Не смотря на нѣкоторую «плебейскую» угловатость и разныя старомодныя отступленія, въ родѣ обращенія къ читателю, повѣствованіе его не утомляетъ. Иногда отъ страницъ нельзя оторвать глазъ. Описанія его отличаются тою конкретностью и убѣдительностью, которую даетъ только жизнь, тѣсная связь съ нею писателя и глубина его переживаній. Большой психологической тонкостью, при наружной грубоватости, проникнуты у Помяловскаго

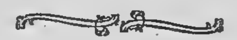
любовныя сцены, напр., объясненіе Молотова съ Надей, когда все уже между влюбленными ясно, и слова совсѣмъ не нужны.

— Но если, Надежда Игнатьевна, вы полюбили бы когонибудь.

— Ну и полюбила бы; а не полюбила, такъ и не полюбила. Не понимаю, о чемъ тутъ толковать?..

Въ писаніяхъ Помяловскаго нѣтъ никакой литературщины—ничего искусственнаго, все просто и жизненно, хотя и недодѣлано, иногда даже недоношено. Въ глубинѣ его творчества чувствуется что-то совсѣмъ своеобразное, *свое*, не успѣвшее выразиться: неугасимая тоска по правдѣ, смѣсь дерзновенія и печали — нѣчто отъ музы Некрасова, то мстительной, то покаянной... Несмотря на склонность къ пессимизму, на жизнь, изуродованную бурсой, и другія «кладбищенскія» впечатлѣнія жизни, въ творчествѣ Помяловскаго всегда звучитъ нотка бодрости, энергіи и протеста. Это отъ такихъ, какъ онъ, въ нашу литературу проникаетъ здоровая, обновляющая жизнеспособная струя, которая все время борется съ «доморощенной байроновщиной» и другими вырожденскими настроеніями.

Е. Колтоновская.



НОВАЯ ИТАЛІЯ.

(Письмо изъ Рима).

Въ безмятежномъ снѣ покоится Италія прошлаго, та изящная, художественная, поэтическая Италія, которая одна извѣстна всѣмъ и хорошо, которую любятъ, понимаютъ, которая даритъ вдохновенье и побуждаетъ къ творчеству. Никто не ставитъ ей рѣзкихъ вопросовъ, никто не оспариваетъ ея высокой цѣнности,—если не брать въ счетъ голоса молодыхъ разрушителей цѣнностей, футуристовъ, ею же рожденныхъ; имъ она въ полуснѣ отвѣчаетъ снисходительной улыбкой.

По всей линіи кипитъ борьба въ Италіи современной, борьба идей, иниціативъ, міросозерцаній. Эта борьба—домашняя, не нарушающая отельнаго покоя иностранца, почти не переходящая отечественныхъ границъ. Среди грандіозныхъ развалинъ старины созидается новая жизнь, свободная, бурная, многообѣщающая. Ей, внѣ предѣ-

ловъ Италіи, мало кто удѣляетъ серьезное вниманіе. Мало того: ее считаютъ явленіемъ отрицательнымъ, покушеніемъ на идиллію травки, проросшей на античныхъ стѣнахъ. О ней говорятъ небрежно, тономъ столичнаго жителя, пробѣжавшаго хронику провинціальныхъ событій.

Нужно жить здѣсь, чтобы почувствовать и понять рядъ глубокихъ перемѣнъ въ жизни Италіи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Для наблюдателя современности она стала неузнаваемой. Учесть внутреннюю цѣнность этой метаморфозы еще невозможно, но одно несомнѣнно: пробудилось къ жизни многое, что до сихъ поръ мирно дремало въ душѣ итальянца, какъ хорошее, такъ и дурное, какъ вносящее большой плюсъ въ общественную жизнь, такъ и тормозящее ея расцвѣтъ. И первое впечатлѣніе, которое неизбѣжно вынесетъ наблюдатель-иностранецъ, не можетъ не быть отрицательнымъ; но, вдумавшись глубже, онъ не можетъ не усомниться въ вѣрности этого перваго впечатлѣнія. И конечнымъ выводомъ изъ первыхъ, еще внѣшнихъ и неизбѣжно поверхностныхъ наблюденій будетъ единственно вѣрное рѣшеніе: современную Италію нужно изучать съ начала, по новымъ методамъ, съ новой серьезностью. Это уже не страна нашихъ неизбѣжныхъ симпатій и нашего охотнаго снисхожденія къ «пылкому итальянцу», а растущая держава, участница міровыхъ судебъ. И на мѣстѣ «пылкаго итальянца» передъ нами неожиданно выростаетъ *итальянская нація*, въ существованіе которой мы еще вчера не вѣрили.

До вчерашняго дня мы знали тосканцевъ, ломбардійцевъ, генуэзцевъ, римлянъ, неаполитанскихъ каморристовъ, сицилійскихъ мафіозовъ. Главную долю нашего вниманія мы обращали на различія характеровъ и діалектовъ, на конфликты мѣстныхъ интересовъ, на противорѣчія сѣвера и юга; именно это все казалось намъ особо характернымъ для итальянской жизни. И намъ ли только? Не подъ тѣмъ же ли угломъ смотрѣли на свою современность сами итальянцы? Возьмемъ, для примѣра, такую естественно объединяющую область, какъ искусство, или литература, или наука. Для насъ казалось бы страннымъ, говоря о современной русской живописи, отмѣчать особое развитіе пейзажа въ Кіевѣ, жанра въ Одессѣ, импрессіонистской тенденціи въ Москвѣ. У насъ нѣтъ особыхъ художественныхъ міропониманій, свойственныхъ современной Тулѣ или Нижнему-Новгороду. Точно также для насъ странно было бы слышать о томскихъ и казанскихъ теченіяхъ въ наукѣ уголовнаго права. Русскій ученый, художникъ, поэтъ не нуждается въ непремѣнномъ обозначеніи города, гдѣ онъ родился и воспитанъ; не смотря на огромную площадь Россіи, наше искусство и наша наука никогда не бываютъ областными, но всегда—«всея Россіи». Между тѣмъ, итальянцы не

могутъ излагать исторію своей современной живописи иначе, какъ по областямъ. Говоря, положимъ, о модномъ скульпторѣ Леонардо Бистольфи, они неизбѣжно связываютъ его имя съ Пьемонтомъ, тогда какъ импрессіониста Сегантини или скульптора Павла Трубецкого (причисляемаго къ итальянцамъ) они считаютъ выразителями традицій Ломбардіи, а Джокомо Фавретто является основателемъ новой венеціанской школы колористовъ. Скульпторъ Этторе Ксименесъ, продающій себя оптомъ и въ розницу во всемъ мірѣ, все же, съ итальянской точки зрѣнія, есть сицилійскій скульпторъ, хотя въ Сициліи и бываетъ рѣдко. Совершенно то же можно сказать о литераторахъ и даже ученыхъ; и здѣсь остатки кампанилизма не вывѣтрились еще изъ итальянской жизни. Мы имѣемъ полное право забыть, изъ какой губерніи родомъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, гдѣ начали писать Андреевъ, Горькій, Бальмонтъ; ихъ родина не мѣшаетъ имъ быть всероссійскими писателями. Между тѣмъ Джованни Пасколи, будучи національнымъ поэтомъ—все же прежде всего тосканецъ, акклиматизировавшійся въ Болоньѣ; критикъ Бенедетто Кроче немыслимъ безъ Апуліи; молодой экстравагантный писатель Папини—чистое порожденіе Флоренціи. Футуристы—несомнѣнные миланцы; какъ миланцы, они ненавидятъ Римъ, въ то время какъ Кроче никогда не сойдется во взглядахъ съ критической школой флорентійскихъ газетъ «Voce» и «Marzocco».

Перейдя отъ этихъ областей къ политикѣ, мы и здѣсь всегда могли встрѣтить характерныя отличія если не отдѣльныхъ городовъ, то двухъ большихъ, еще не слившихся районовъ: юга и сѣвера. Криспи былъ южаниномъ, и южаниномъ остался въ политикѣ; Джолитти — чистый сѣверянинъ, хладнокровный и безпринципный. Борьбу юга и сѣвера можно и въ наши дни постоянно наблюдать въ итальянской палатѣ, которая никогда не была представительницей націи, но довольно вѣрно отражала столкновенія интересовъ мѣстныхъ.

Съ итальянской націей въ настоящемъ смыслѣ слова мы впервые серьезно встрѣчаемся только въ послѣдніе два года. Нѣтъ сомнѣнія, что поводъ къ первому генеральному смотру итальянской націи дала война съ Турціей—не смотру военной мощи Италіи, конечно, а смотру цѣльности ея общественныхъ настроеній. Относясь опредѣленно отрицательно къ триполитанскому предпріятію, считая его если не гибельнымъ, то во всякомъ случаѣ ложнымъ шагомъ, не вызваннымъ ни стратегической необходимостью (обычнѣйшее изъ необоснованныхъ оправданій!), ни насущными интересами страны,— мы все же не можемъ не признать, что оккупація Ливіи была или

прямымъ актомъ національной воли, или, по крайней мѣрѣ, актомъ, этой волѣ не противорѣчившимъ.

Въ данномъ случаѣ насъ не вводятъ въ заблужденіе ни кликушества националистической прессы, сопровождавшія объявленіе войны, ни даже парадныя демонстраціи въ большихъ центрахъ; точно также мы не забываемъ не только о попыткахъ протеста съ агитаторскихъ трибунъ, но и о болѣе существенныхъ и показательныхъ, въ родѣ разборки рельсъ по пути слѣдованія военнаго поѣзда. Тщательно взвѣсивъ всѣ «за» и «противъ», раздавшіяся по поводу войны, отдавъ дань полнаго уваженія смѣлымъ—и даже, по тому моменту, слишкомъ смѣлымъ—выступленіямъ соціалистовъ и другихъ «антиливійцевъ», мы все же должны признать, что триполитанскій походъ былъ начатъ съ благословенія націи, которая и приняла на себя отвѣтственность за его исходъ и за его послѣдствія. Въ томъ, что итальянскій народъ аплодировалъ завоевательнымъ замысламъ правительства, національной зрѣлости усмотрѣть, конечно, еще нельзя; скорѣе наоборотъ. Отзывчивость къ барабанному бою и милитаристскимъ крикамъ гораздо болѣе свойственна націямъ малокультурнымъ и малосознательнымъ, чѣмъ достигшимъ той зрѣлости, при которой уже не придается вѣра шаткимъ смѣтамъ и сомнительнымъ обѣщаньямъ удачи. Не мѣшаетъ вспомнить, что и итальянская пресса, и итальянская дипломатія серьезно воображали завоеваніе африканской колоніи дѣломъ чуть ли не двухъ недѣль; на затяжную войну никто не разсчитывалъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Италія никогда не пошла бы на эту авантюру, если бы заранѣе разсчитала всю колоссальность военныхъ затратъ и всю трудность окончательнаго усмиренія ливійскихъ туземцевъ. Среди самыхъ яркихъ противниковъ войны, не было пессимиста, который называлъ бы крайнимъ срокомъ военныхъ операцій болѣе чѣмъ годъ-полтора; между тѣмъ, сейчасъ трудно найти оптимиста, который не согласился бы, что еще нѣсколько лѣтъ необходимы для окончательной оккупаціи колоніи. Извѣстно, что война въ Ливіи не прекращена лозаннскимъ миромъ, а ведется съ прежней интенсивностью и почти прежними издержками; рѣдкій день обходится безъ «блестящихъ побѣдъ нашего оружія» и безъ «новой попытки измѣнниковъ». Вступительный экзаменъ былъ, слѣдовательно, выдержанъ итальянской націей не потому, что она съ достаточнымъ единодушіемъ высказалась въ пользу захвата Триполитаніи, а потому, что она не отреклась отъ своей отвѣтственности за этотъ шагъ post factum, когда выяснились его послѣдствія.

Кромѣ массы крикуновъ, играющихъ на националистическихъ стрункахъ той части своихъ соотечественниковъ, которая отъ войны ничего не потеряла, въ Италіи было немало серьезныхъ

защитниковъ оккупаціи Триполитаніи и Киренаики. Сейчасъ они не скрываютъ, что ихъ былыя ожиданія не оправдались, что дѣло оказалось затяжнымъ и губительнымъ для итальянскихъ финансовъ. Но именно въ ихъ средѣ и держится крѣпче всего сознаніе отвѣтственности, именно они и готовы заранѣе принять тѣ послѣдствія, которыя поведетъ за собою колоніальная политика: скрытые налоги, быть можетъ внѣшніе займы, заминку въ развитіи промышленности и культуры. Въ то время, какъ печать шовинистскаго толка продолжаетъ кричать о грядущемъ величіи Италіи, о цвѣтущихъ ея финансахъ, о томъ, какимъ легкимъ перышкомъ легла война на плечи итальянскаго народа; въ то время, какъ эта печать яростно нападаетъ на сторонниковъ осторожной политики въ дальнѣйшемъ, вызывая всю Европу помѣряться силами съ итальянскимъ берсальеромъ,—люди серьезные, (и къ такимъ относятся всѣ не политиканы), вѣрно учитывая настоящее, не теряются передъ перспективой будущаго и не сваливаютъ отвѣтственность за ошибки на правительство, на этотъ разъ бывшее дѣйствительно лишь исполнителемъ народной воли. Вотъ эта выдержанность лучшихъ гражданъ Италіи и позволяетъ намъ вѣрить въ нарожденіе итальянской націи; въ данномъ случаѣ нашимъ противникамъ по основному вопросу о значеніи колоніи для Италіи мы всегда охотно отдадимъ преимущество передъ тѣми единомышленниками по тому же вопросу, которые радуются крушенью лучезарныхъ надеждъ слишкомъ пылкихъ патріотовъ, строя на этомъ крушеніи свои политическіе разсчеты. Яркой картиной борьбы такихъ политическихъ разсчетовъ со ставкой на Ливію является начавшаяся въ данный моментъ выборная агитація разныхъ парламентскихъ и новоявленныхъ партій.

Война явилась для Италіи какъ бы экзаменаціонной темой на аттестатъ національной зрѣлости. Но, разумѣется, не она сплотила итальянцевъ, и не она создала единство ихъ національной воли. Оно явилось продуктомъ мирной и умѣренно-просвѣщенной политики послѣдняго десятилѣтія. Криспи былъ типичнымъ guerrafondaio, и однако его колоніальная авантюра націю не создала и не проявила, несмотря на то, что націоналистическая печать въ тѣ времена кричала не меньше, голоса же «антипатріотовъ», каковыми считались всѣ противники авантюры, заглушались цензурной строгостью и угрозой непосредственнаго воздѣйствія. Адуанское пораженіе было принято Европой за естественное звено въ цѣпи доказательствъ вырожденія латинской расы, наряду съ побѣдой Соединенныхъ Штатовъ надъ Испаніей и съ французской дрейфусіадой. Говорить объ итальянской націи въ то время было смѣшно и неумѣстно, и съ объединенной Италіей еще

никто серьезно не считался. Понадобились годы мирной культурной работы, зачатой при свѣтѣ политической свободы, которая смѣнила режимъ Криспи и Гумберта I-го. За послѣднее десятилѣтіе полувѣкового существованія Третьей Италіи повсемѣстно шло глубокое вспахиванье національнаго самосознанія. Аполитичность массы итальянскаго народа помогла ему не увлечься мелкими партійными и областными интересами своихъ оффиціальныхъ парламентскихъ представителей. Изъ города въ городъ, изъ области въ область перебрасывались зерна и зачатки общественныхъ идей; тысячи маленькихъ, незамѣтныхъ работниковъ—учителей, кооператоровъ, агрономовъ, пропагандистовъ—созидали безъ особыхъ препятствій новую Италію, покрывая ее сѣтью союзовъ, камеръ труда, областныхъ и національныхъ федерацій. Второе пятилѣтіе той Италіи, которую мы можемъ назвать по преимуществу «современной», характеризуется не только пышнымъ расцвѣтомъ промышленности и ростомъ сознательности пролетаріата, но и ярко выраженной тенденціей къ отрѣшенію отъ узости интересовъ мѣстныхъ и къ участію въ духовной жизни всей страны. Неожиданное «явленіе міру» итальянской націи можетъ удивить только тѣхъ, кто не вглядывался ранѣе въ современную Италію, продолжая по традиціи считать ее страной «пылкихъ итальянцевъ», услаждающихъ серенадой свое макаронное бытіе. Къ сожалѣнію, этого взгляда держались не одни англичане, путешествующіе по Бедекеру.

Вполнѣ естественно, что внѣшнимъ выраженіемъ расцвѣта національнаго самосознанія явился прежде всего громкій протестъ Италіи противъ господствующаго до сихъ поръ отношенія къ ней европейцевъ, какъ къ «странѣ славнаго прошлаго». Не отрекаясь отъ своего славнаго прошлаго, Италія требуетъ вниманія къ своему настоящему, имѣющему самостоятельную цѣнность. Она отнюдь не согласна выродиться въ страну отелей для пріѣзжающихъ туристовъ, подобно своей сосѣдкѣ—Швейцаріи. Она протестуетъ противъ того, что каждый сентиментальный романистъ пользуется ею, какъ фономъ наиболѣе чувствительныхъ сценъ своего романа. Послѣднее, дѣйствительно, чрезвычайно характерно. Не говоря уже о французахъ и англичанахъ, варіирующихъ безконечные узоры по канвѣ трафаретныхъ декорацій неаполитанскаго залива, венеціанской площади и купола св. Петра,—и у насъ въ Россіи рѣдкій романистъ и новеллистъ, имѣвшій счастье побыть въ «странѣ очарованій», не злоупотребилъ ея красочными пейзажами для пополненія страницъ романа пріятно-картинными отрывками. Въ этомъ большого горя еще нѣтъ. Но Италія права, отмѣчая, съ какой развязностью являются въ ея предѣлы подобные романисты и ху-

дожники, какъ несерьезно они пользуются добытымъ матеріаломъ второго сорта.

Въ любую страну туристъ отправляется съ достаточной къ этой странѣ почтительностью. Въ Парижъ онъ ѣдетъ съ подготовкой въ языкѣ, сшивъ костюмъ у хорошаго портного; въ Лондонъ онъ ѣдетъ подтянувшись, быть можетъ даже побрившись на англійскій манеръ. Всюду его интересуетъ жизнь современная, хотя бы попутно онъ былъ готовъ отдать дань и музеямъ. Только въ Италію туристъ ѣдетъ «съ развалкой», въ самомъ причудливомъ костюмѣ, изготовленномъ ad hoc то ли для тропическихъ странъ, то ли для альпійскихъ прогулокъ. Его не интересуетъ видъ европейскихъ улицъ и европейскихъ людей; но онъ съ восторгомъ даритъ своимъ вниманіемъ «чочаръ», цвѣточницъ и моделей, считая лишь ихъ характернѣйшимъ явленіемъ Италіи, не подозрѣвая въ своей наивности, что эти чочары спеціально для него существуютъ на испанской лѣстницѣ и наряжаются въ костюмы, какихъ никогда въ нормальное время и при нормальныхъ обстоятельствахъ никто изъ нихъ не носитъ. Чувствительнымъ ухомъ этотъ туристъ внимаетъ пѣнію пресловутой «Santa Lucia», считая ее любимымъ романсомъ итальянцевъ и не подозрѣвая, что ея звуки лишь доказываютъ наличность туриста. Онъ забываетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ города Италіи справляли столѣтіе рожденія Джузеппе Верди, что ни Шопенъ, ни Вагнеръ, ни нашъ Чайковскій не чужды музыкальной Италіи, стыдящейся своей слишкомъ прочной славы всемірной поставщицы вздора неаполитанскихъ «пьедигроттъ». Не знаетъ этотъ туристъ и того, что его причудливый костюмъ, сшитый въ Вѣнѣ, скроенъ былъ итальянскимъ закройщикомъ; что и его мягкая шляпа, купленная въ Берлинѣ, родилась въ Италіи, одной изъ первыхъ странъ по шляпному производству; что итальянскіе эмигранты строили туннели на его родинѣ, что итальянецъ изобрѣлъ и поставилъ приборы безпроволочнаго телеграфа на судахъ его родного флота, что и моторъ автомобиля, на которомъ туристъ катался въ своей родной столицѣ,—вѣроятно, итальянскаго происхожденія.

Что увозитъ туристъ изъ Италіи, сверхъ обычныхъ дрянныхъ копій-миніатюръ античныхъ статуй? Онъ увозитъ удовлетворившее его впечатлѣніе: Италія еще не потеряла своей поэтической дикости, еще звучатъ въ ней ночныя серенады (E gira e fai la rota), еще не вымерли ея ciociare, не выцвѣло ея небо, не осипла звучность языка... Слабое утѣшеніе для національной гордости молодой страны, пышно, въ короткое время, развившей свою промышленность, выдвинувшей рядъ ученыхъ и изобрѣтателей, давшей вкладъ въ современную литературу и музыку. Печальное

утѣшеніе для страны, завоевавшей обширную колонію и мечтающей объ имперіалистской политикѣ!

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ парижской «Revue» есть не лишенная интереса статья M. d'Albola (псевдонимъ редактора французской «Italie», выходящей въ Римѣ) «Le conflit des deux Italies». Въ ней авторъ отмѣчаетъ увлеченіе французскихъ романистовъ легкими итальянскими словечками. Рисуя французскій узоръ по итальянской канвѣ, рѣдкій изъ нихъ можетъ удержаться, чтобы не начертать signorina, vetturino, dottore, piazza, piccina, вмѣсто равнозначущихъ mademoiselle, cocher, docteur, place, petite и т. д. Не обходится, при этомъ, и безъ курьезныхъ коверканій языка изъ-за стремленья къ couleur locale. Не скрою, что, улыбаясь приводимымъ въ статьѣ образчикамъ, я вспоминалъ кое-кого и изъ нашихъ литературныхъ поклонниковъ Италіи, съ неменьшей развязностью оперирующихъ итальянскими фразами (благо—на родинѣ не поймутъ, а въ Италіи не прочтутъ!). То же, что объ языкѣ, можно сказать и о выводимыхъ «типахъ» итальянцевъ, столь же похожихъ на типъ подлинный, сколь похожъ на подлиннаго русскаго крестьянина «moujik» французскаго романа «изъ русской жизни». Но не то же ли приходится, къ сожалѣнію, сказать и о большей части болѣе или менѣе «серьезныхъ статей», посвящаемыхъ Италіи путешественниками разныхъ національностей? Не тѣмъ же ли зачастую грѣшатъ «изслѣдованія» по итальянской современной литературѣ, цѣлыя книги объ итальянскомъ искусствѣ? Налетъ туризма и легкой «прогулки съ развалкой»—обычнѣйшее явленіе въ подобныхъ произведеніяхъ. Съ неменьшей свободой они зачастую относятся и къ итальянской политикѣ.

Законный протестъ противъ подобнаго отношенія — первое изъ внѣшнихъ проявленій пробужденія національнаго сознанія итальянскаго народа. Въ данное время протестъ этотъ уже началъ сказываться во многомъ. Его здоровой формой является явная тенденція Италіи развиваться и итти впередъ *своей* дорогой, той самой, которая привела ее къ экономическому расцвѣту и государственной мощи: дорогою неустанной работы надъ развитіемъ промышленности и созиданіемъ демократическихъ формъ соціальнаго развитія, дорогою укрѣпленія политической свободы и привлеченія массъ къ государственному строительству. Насколько увлечено итальянское общество экономическими вопросами, на первый взглядъ—сухими и спеціальными, видно уже изъ того, что даже художественно-литературныя изданія отдаютъ дань такимъ, напримѣръ, вопросамъ, какъ вопросъ объ антипротекціонизмѣ; они открыли у себя рубрику записи для желающихъ примкнуть къ «Лигѣ антипротекціонистовъ».

Бурное начало избирательной борьбы по новому закону, привлекшему къ выборамъ пять милліоновъ гражданъ (вдобавокъ къ прежнимъ тремъ милліонамъ), если еще не доказываетъ уменьшенія традиціонной аполитичности итальянской массы, то все же свидѣтельствуетъ о грядущемъ обновленіи и въ сферѣ жизни парламентской. Однимъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ проявленій національной сознательности является растущій въ послѣднее время спросъ на книгу, именно на итальянскихъ классиковъ—спросъ, позволившій двумъ большимъ издательскимъ фирмамъ предпринять грандіозныя изданія классиковъ. Даже въ мелочахъ сказывается это желаніе не считаться болѣе съ чужимъ мнѣніемъ и итти своей дорогой, не дорожа тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на господина туриста тотъ или иной самостоятельный шагъ молодой Италіи. Въ данный моментъ въ Римѣ злобой дня является намѣреніе города провести трамвай по старинной, красивой улицѣ via Condotti, одной изъ артерій непрерывнаго движеніи туристовъ. Подобное постановленіе, являющееся, говоря по совѣсти, порядочнымъ варварствомъ, вызвало рядъ насмѣшекъ и негодованій съ разныхъ сторонъ. Тогда городъ объявилъ референдумъ, и такъ какъ новая трамвайная линія призвана обслуживать главнымъ образомъ населеніе народныхъ кварталовъ (Prati di Castello), то демократическій утилитаризмъ взялъ перевѣсъ надъ аристократическимъ эстетизмомъ. И городъ перекопалъ и загромоздилъ камнемъ лучшую улицу въ началѣ октября, т. е. въ самый сезонъ нашествія иностранцевъ, для которыхъ еще недавно спеціально подметали площади и разбрасывали на Палатинѣ кусочки шлифованнаго мрамора (идя навстрѣчу маніи англичанъ воровать «античные» обломки). Такой «футуризмъ» римскаго муниципалитета отмѣченъ всѣми, какъ явленіе весьма знаменательное и показательное.

По поводу «конфликта двухъ Италій» не мало писалось въ послѣдніе мѣсяцы и въ Италіи, и во Франціи. Съ одной стороны ростъ населенія въ большихъ городахъ, условія санитарныя, постепенная неминуемая европеизація «поэтическихъ уголковъ» вынуждаютъ правительство и муниципальныя управленія поступаться кое-какими «естественными красотами» и «живописными развалинами», во вниманіе къ удобствамъ жизни. Съ другой стороны и въ самой Италіи и, особенно, внѣ ея раздаются негодующіе голоса протеста противъ профанаціи историческихъ мѣстностей, городовъ, улицъ и монументовъ въ угоду этимъ внѣшнимъ удобствамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при подобномъ ходѣ «прогресса» отъ исторической Италіи скоро не останется ничего, кромѣ музеевъ да нѣсколькихъ памятниковъ, обнесенныхъ рѣшеткой модернъ съ бу-

дочкой кассира у входа. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что Италія не можетъ оставить безъ меліораціи историческія поля Римской Кампаніи и безъ путей сообщенія съ центромъ—населеніе городскихъ окраинъ. Во всякомъ случаѣ она относительно права, когда покорнѣйше проситъ иностранцевъ не вмѣшиваться въ ея дѣла слишкомъ безцеремонно и предоставить ей быть хозяйкой въ своемъ домѣ. Процитирую выдержку изъ статьи г. Артуро Кальца, являющейся продолженіемъ полемики, вызванной уже упомянутой мною статьей «Revue» и возраженіемъ на нее одного изъ критиковъ газеты «Temps».

«Если, желая составить себѣ справедливый критерій для будущаго, безпрекословно послѣдовать совѣтамъ иностранцевъ,—будетъ отъ чего сойти съ ума! Если мы оставляемъ памятники какъ они стоятъ, т. е. въ видѣ живописныхъ руинъ или полу-руинъ, въ какія ихъ обратило время и обращаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе,—это значитъ, что мы — варвары, такъ какъ не умѣемъ цѣнить славной памяти нашихъ великихъ отцовъ и губимъ ихъ наслѣдіе; если мы реставрируемъ памятники — мы варвары, такъ какъ не имѣемъ культа прошлаго и не знаемъ, что прикосновеніе къ этимъ почтеннымъ монументамъ есть преступленіе и оскорбленіе цивилизаціи. Если мы проложимъ въ Римѣ, или во Флоренціи, или въ Неаполѣ, новую улицу, необходимую для удобствъ и нуждъ населенія, если пустимъ моторную лодку по Большому каналу въ Венеціи, или будемъ утилизировать въ качествѣ двигательной силы воду водопада, или осушимъ болото и приморскую низину,—мы опять варвары, такъ какъ не имѣемъ культа красоты, которому служили наши знаменитые предки. Наконецъ, если мы ничего этого дѣлать не будемъ, а отойдемъ въ сторонку, сдѣлаемся маленькими-маленькими, оставимъ нетронутыми улицы Рима и Флоренціи, не будемъ освѣщать улицъ Венеціи, чтобы не нарушать блуждающаго чувства поэтической меланхоліи, навѣваемаго чудеснымъ городомъ, не будемъ утилизировать силы водопадовъ, не будемъ осушать болотъ и низинъ,—мы окажемся народомъ слабымъ и отсталымъ, который не способенъ войти въ стремительный потокъ шумной современной жизни, народомъ, который все еще живетъ пѣсней, апельсинами и полуденнымъ солнцемъ,—недостойный сынъ и потомокъ великихъ предковъ, завоевавшихъ земной шаръ!»

Дѣйствительно—трагическое положеніе, приводящее автору на память басню о томъ, какъ крестьянинъ съ сыномъ гнали осла на рынокъ. Пробовали они пѣшкомъ итти за осломъ—надъ ними смѣялись, что они не пользуются животнымъ; сѣлъ на осла отецъ—его осуждали, что онъ заставляетъ бѣднаго мальчика итти пѣшкомъ;

сѣлъ мальчикъ—его попрекнули за старика отца; сѣли оба—прохожіе возмутились истязаньемъ бѣднаго животнаго!

Современнымъ итальянцамъ досталось, на ихъ радость и на ихъ горе, слишкомъ огромное наслѣдство. Заключается оно въ пожизненномъ владѣніи памятниками міровой исторіи, собственникомъ которыхъ чувствуетъ себя и дѣйствительно является весь цивилизованный міръ, а не одна Италія. Въ этомъ и ключъ къ вопросу. Артуро Кальца правъ въ своихъ остроумныхъ жалобахъ на трагизмъ положенія. Онъ забываетъ лишь одно: вѣдь историческіе памятники имѣются не въ одной Италіи, и однако за участь тѣхъ изъ нихъ, которые достались во владѣніе странамъ болѣе высокой современной культуры, никто не опасается. Одно — использовать «бѣлый уголь» ломбардскихъ и пьемонтскихъ водопадовъ; другое— строить электрическую станцію на каскадѣ въ Тиволи, газовый заводъ на мѣстѣ Circus Maximus, понижать озеро Албано для нуждъ водопровода, рискуя одновременно вызвать малярію. Найти среднюю линію, не уничтожая цѣнности памятниковъ и удовлетворяя растущія нужды страны,—въ этомъ-то и заключается экзаменъ на званіе цивилизованной націи.

И еще одно соображеніе, также упущенное во всей этой интересной полемикѣ. Одною изъ самыхъ пышно - развившихся итальянскихъ индустрій была и является industria dei forestieri (можно перевести такъ: эксплоатація туристовъ). По этому поводу—salvo il dovuto rispetto—итальянцамъ не вредно познакомиться съ другой басней, на этотъ разъ—Крылова, о непрактичности подрыванья корней дерева, плодами котораго питаешься.

Какъ бы то ни было, но самое стремленіе итальянцевъ отмахнуться разъ навсегда отъ мнѣній, совѣтовъ и попрековъ прохожихъ и спокойно гнать своего осла на базаръ, сидя на этомъ ослѣ или идя пѣшкомъ—по собственному выбору, заслуживаетъ вниманія и уваженія. Практично или непрактично поступая, Италія все же права, и даже права юридически, поскольку право владѣнія можно защищать и противъ подлиннаго собственника. Италія слишкомъ долго была подъ игомъ чужеземцевъ, чтобы еще и свою современность положить къ ногамъ англійскаго туриста. Она не можетъ не чувствовать обидной правды въ словахъ поэта-бродяги Тристана Корбьера, который бросилъ по адресу Неаполя свое небрежное:

Voir Naples et... fort bien, merci, j'en viens. Patrie
D'Anglais en vrai, mal peints sur fond bleu-perruquier.

Пока пресловутый девизъ: «Италія для итальянцевъ» не знаменуетъ угнетенія попавшихъ подъ ея эгиду народностей, съ

нимъ мириться можно. Нельзя мириться только съ крикливостью новорожденныхъ итальянскихъ націоналистовъ, съ тѣми крайними шовинистскими теченіями, которыя всегда и вездѣ являются неизбѣжной накипью на пробудившемся національномъ сознаніи. Къ сожалѣнію, эта накипь имѣется и о себѣ громко заявляетъ. И, къ сожалѣнію, это «молодое теченіе», привѣтствуемое футуристами, носитъ въ себѣ всѣ признаки атавизма, начиная непомѣрной воинственностью и кончая непреодолимой симпатіей къ клерикальнымъ слоямъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, весь процессъ предвыборной агитаціи.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что итальянскій національзмъ самъ по себѣ не представляетъ большой опасности, какъ въ силу своего особаго характера, такъ и въ силу своей слабой жизнеспособности. Одинъ изъ главныхъ столповъ и провозвѣстниковъ итальянскаго націонализма, г. Scipio Sighele, рѣзко отграничиваетъ защищаемое имъ credo отъ теоріи и практики націонализма французскаго. «Во Франціи,—говоритъ онъ,—слово *націонализмъ* является синонимомъ партіи ретроградной, клерикальной, антисемитской, легитимистской... Въ Италіи націонализмъ, при переходѣ отъ идеи къ реальности и отъ теоріи къ практикѣ, проявиться не можетъ; этого не допустятъ наши соціальныя условія... Въ Италіи націонализмъ можетъ оказаться лишь партіей либеральной, искренне и смѣло либеральной, которая желаетъ разбудить дремлющую національную энергію, направивъ ее на развитіе торговли, промышленности, искусства, науки, политики, во имя единой цѣли—величія отечества. Націонализмъ, однимъ словомъ, желаетъ одушевить каждаго итальянца тѣмъ патріотизмомъ, который сейчасъ распыляется и дробится на множество патріотизмовъ провинціальныхъ; онъ хочетъ замѣнить мелкіе идеалы, сводящіе сейчасъ всѣ проблемы жизни къ запросамъ желудка и вопросамъ мирнаго житія, идеаломъ труднѣе достижимымъ, но болѣе прекраснымъ: идеаломъ великой Италіи. Націоналистъ, это—человѣкъ, который гордо сознаетъ свою расу и свою латинскую цивилизацію и желаетъ защищать ее противъ иностранцевъ, пытающихся ее принизить. Націоналистъ любитъ свою страну не съ утилитарными разсчетами пришельца, но съ прекраснымъ порывомъ влюбленнаго юноши, который хочетъ ее видѣть славной въ мірѣ, съ увѣреннымъ сознаніемъ человѣка, провидящаго будущее послѣ долгаго изученія и размышленія надъ прошлымъ» [1]).

Противъ подобнаго благороднаго «націонализма» возразить рѣшительно нечего. Развѣ одно: зачѣмъ окрещивать такимъ дур-

---

[1]) *Scipio Sighele.* Pagine Nazionaliste. (Миланъ, 1910).

нымъ (что охотно признаетъ и самъ г. Сигэле) словомъ такое опредѣленное и ясное понятіе, какъ патріотизмъ? Правда, патріотизмъ нерѣдко является не болѣе, какъ риторической формулой для удобныхъ случаевъ,—но развѣ не то же грозитъ ему подъ другимъ названіемъ? Правда и то, что г. Сигэле вводитъ въ свое опредѣленіе идеи націонализма понятіе о «коллективной національной душѣ», которая смѣнитъ идущія въ разбродъ «коллективныя провинціальныя души»,—но развѣ все это пока не та же риторика, вплоть до восклицанія: «мы хотимъ—быть можетъ, это лишь мечта, но мечта прекрасная!—чтобы Италія стала первой міровой націей». Важно знать, какова практическая программа націоналистовъ. И вотъ, когда рѣчь заходитъ объ этой практической программѣ, единственное, что мы узнаемъ ясно, это—призывъ къ подготовкѣ отнятія у Австріи ирридентныхъ земель, старый кличъ, не нуждающійся въ новыхъ кличкахъ.

«Точной и окончательной программы націонализма еще не существуетъ, — пишетъ Сигэле,—такъ какъ націоналисты, на ихъ счастье, не являются кандидатами политическихъ выборовъ, обязанными съ готовностью хитро перечислить публикѣ всѣ свои обѣщанія». Цитированныя строки напечатаны въ 1910-мъ году, а нынѣшней осенью націоналисты, на ихъ несчастіе, уже оказались кандидатами политическихъ выборовъ, сыплющими въ публику обѣщанія съ той же готовностью, какъ и кандитаты прочихъ политическихъ партій. Какъ уже сказано было выше, единственными ясными пунктами ихъ программы является апологія военной мощи Италіи и практическая терпимость къ клерикаламъ. Ради этого положительно не стоило говорить столькихъ громкихъ и прекрасныхъ словъ! Къ чести Сигэле слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что въ моментъ недавняго раскола націоналистовъ онъ остался при прежней идеологіи, рѣзко разойдясь съ поверхностными крикунами. Однако пророчество его не сбылось: между молодымъ итальянскимъ и старымъ французскимъ націонализмомъ значительной разницы нѣтъ, и «вырожденіе идеи» оказалось общимъ имъ обоимъ. Нынѣшняя националистическая пресса въ Италіи, не пользующаяся большой популярностью, не только проявляетъ свою внутренню реакціонность (сближеніе съ клерикалами), не только ведетъ смѣшной походъ противъ масонства, не только, наконецъ, не чужда легитимизма, но и склонна порой къ антисемитизму, что въ свободной Италіи, давно ликвидировавшей еврейскій вопросъ, является чистѣйшимъ атавизмомъ и ретроградствомъ. «Pagine Nazionaliste» оказались лжепророческими. Habeant sua fata libelli!

Является ли опаснымъ теченіемъ націонализмъ, такъ быстро

выродившійся при первыхъ практическихъ шагахъ? Мы этого не думаемъ, какъ не думаютъ этого и передовые слои итальянскаго общества. Рожденный призракомъ войны, расцвѣтшій подъ громъ пушекъ, выродившійся при приближеніи къ избирательнымъ урнамъ, итальянскій націонализмъ болѣе шумливъ, чѣмъ дѣйственъ. Націоналистамъ не удалось создать серьезную политическую организацію; они просто объединили подъ своимъ знаменемъ всѣхъ «людей момента», безпринципную толпу, идущую туда, гдѣ громче раздаются крики, гдѣ, слѣдовательно, человѣкъ больше на виду. Въ избирательную борьбу націоналисты не внесли струи свѣжей и здоровой; наоборотъ, они использовали и довели до логическаго конца всѣ пріемы агитаціи, осужденные нравственно выросшей націей. Будущее не можетъ принадлежать націоналистамъ уже по одному тому, что за ними не пойдутъ ни крестьяне, ни рабочіе. Мало-по-малу итальянскій націонализмъ окончательно выродится въ кучку крикливой и воинственной молодежи, во второе изданіе футуристовъ, которые и сейчасъ имѣютъ съ націоналистами много точекъ соприкосновенія. Останется отъ націоналистическаго идеала лишь то, что вовсе не было ни его исключительнымъ достояніемъ, ни его изобрѣтеніемъ: стремленіе итальянскаго народа къ національному самоопредѣленію, къ самостоятельному развитію своихъ духовныхъ силъ. Два слова: «нація» и «націонализмъ», столь близкія филологически, останутся весьма далекими по внутреннему значенію и удѣльному вѣсу.

Въ данное время интересъ къ политической жизни Италіи нѣсколько повысился и потому, что ея новая палата составится по новому избирательному закону, значительно расширившему право населенія на участіе въ законодательствѣ. Мы далеко не склонны придавать слишкомъ большое значеніе этой реформѣ и ожидать отъ нея большихъ выгодъ для новой Италіи, особенно въ ближайшіе годы. Предвыборная агитація, съ мѣста въ карьеръ принявшая небывалые по оживленію размѣры и даже омраченная рѣзкими столкновеніями на партійной почвѣ, вплоть до кровавыхъ побоищъ и покушеній на отдѣльныхъ лицъ—сулитъ ко дню окончательныхъ выборовъ все, кромѣ подлиннаго обновленія палаты. Отъ нынѣшняго правительства, руководимаго Джолитти, серьезныхъ реформъ ожидать не приходится, а смѣна правительства мало вѣроятна, такъ какъ итальянскія политическія сферы не богаты выдающимися людьми, и замѣнить Джолитти въ данный моментъ абсолютно некѣмъ. Ко дню появленія этихъ строкъ въ печати новая итальянская палата уже сформируется окончательно, и читатель будетъ имѣть случай убѣдиться, что ея ядромъ останется «джолиттіанское большинство». Если

этому ядру удастся отстоять министерство въ единственный опасный для него моментъ—при обсужденіи бюджета, то дальнѣйшій курсъ правительственной дѣятельности можно предсказать на нѣсколько лѣтъ впередъ: маленькія, осторожныя, дешевыя реформы, смѣлыя затраты на флотъ, войско и умиротвореніе колоніи, протекціонизмъ и скрытые налоги, по части идеологіи—проповѣдь сотрудничества классовъ и относительное невмѣшательство въ борьбу труда и капитала.

Обновленіе Италіи ни въ какой связи съ парламентомъ и дѣятельностью правительства не стоитъ. Съ того момента, какъ Италія стала страной дѣйствительно свободной, — т. е. съ начала 900-хъ годовъ,—ея прогрессъ двигается впередъ ея общественностью, Тотъ же надежный и испытанный путь развитія, основаннаго на ростѣ общественныхъ силъ и учрежденій, остается и сейчасъ для Италіи единственнымъ вѣрнымъ путемъ Передъ итальянской націей лежитъ безграничное поле, открытое для общественнаго посѣва. Старые и наболѣвшіе вопросы объ элементарномъ и среднемъ образованіи, о «морализація юга», могутъ быть окончательно разрѣшены лишь путемъ обширнаго приложенія общественныхъ силъ. На страницахъ «Вѣстника Европы» мнѣ не разъ приходилось говорить о пышныхъ зачаткахъ итальянской общественности и ея оригинальномъ характерѣ. Война выбила страну изъ колеи и сильно отвлекла вниманіе общества въ сторону вопросовъ внѣшней и внутренней политики, но война же помогла итальянскому народу сознать себя націей. Теперь, когда угаръ ливійскихъ побѣдъ и пораженій и внутренней полемики по поводу нихъ прошелъ, мы въ правѣ ожидать оживленія культурной работы, ея расцвѣта и ея прогресса.

«Мы хотимъ,—говоритъ Сигэле,—чтобы Италія стала первой міровой націей. Это называется имперіализмомъ. Ну что жъ, пускай!» Никому не воспрещается мечтать, особенно если мечта его подсказана любовью къ родинѣ. Но прежде, чѣмъ стать «первой міровой націей«, Италія должна достигнуть культурнаго уровня тѣхъ націй, которыя пока мѣшаютъ ея первенству. Задача столь же благородная, сколь не легкая. Этой задачѣ и должна посвятить себя итальянская общественность, твердо помня, что одно пріобрѣтеніе африканской колоніи, обставленное предварительнымъ дипломатическимъ согласіемъ другихъ державъ, еще ничего не прибавляетъ къ культурѣ страны. Десятокъ новыхъ свѣтскихъ школъ на югѣ дастъ странѣ гораздо больше, чѣмъ постройка новаго дредноута. Мѣстечко Orgosolo въ Сардиніи, прославленное въ послѣднее время многоактной драмой кровавой мести и бандитскихъ похожденій, не менѣе нуждается въ цивилизаціи, чѣмъ окрестности

Дерны въ защитѣ отъ непокорныхъ арабскихъ племенъ. Одинъ итальянскій критикъ, обиженный тѣмъ, что мы отказываемся признавать важное моральное значеніе за триполитанской войной, пробовалъ высмѣять наше «демосоціальное» стремленіе ставить культуру въ зависимость отъ «обычной панацеи—народной школы» [1]. Не панацея, конечно, но первое и необходимое условіе культуры—несомнѣнно; объ этомъ было бы смѣшно спорить. И этого перваго и необходимаго условія въ Италіи на лицо не имѣется, о чемъ, не полагаясь на правительственную улиту, должно серьезно подумать итальянское общество.

Когда Италія, такъ быстро идущая по пути культуры внѣшней, сумѣетъ догнать передовыя европейскія страны и во внутренней культурѣ,—тогда настанетъ для итальянской націи время борьбы за міровое первенство. Но для этого нужны годы экономическаго и общественнаго зодчества, какіе предшествовали войнѣ съ Турціей и способствовали смѣнѣ «провинціальныхъ патріотизмовъ» расцвѣтомъ единаго національнаго сознанія. Такого мирнаго процвѣтанія, лучшаго залога будущаго «мірового господства», нельзя, со всею искренностью, не пожелать Новой Италіи.

М. А. Осоргинъ.



ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Америка ввела въ англійскій языкъ новое слово—fad, котораго я не нахожу въ новѣйшихъ англійско-русскихъ словаряхъ. Оно означаетъ всякое новшество—въ нравахъ, обычаяхъ, спортѣ, политическихъ и соціальныхъ теоріяхъ и доктринахъ, — недостаточно обоснованное и принимаемое на вѣру. Faddist—человѣкъ, отдающійся такой новой идеѣ болѣе или менѣе односторонне, безъ должнаго обсужденія возможнаго ея воздѣйствія на общій строй жизненныхъ условій. Англійская печать въ послѣднее время усиленно иронизируетъ надъ современной подверженностью американскаго народа такому фаддизму—и нельзя отрицать, что имъ проникнуто у насъ теперь весьма многое. Легислатуры отдѣльныхъ штатовъ часто

[1] *Armando Zanetti* L'Italia contemporanea e il fascino di Roma nel libr o ıpuno scrittore russo. (*Giornale d'Ιtalia,* 13 сентября 1913).

производятъ смѣлые эксперименты съ сырымъ, далеко недостаточно обработаннымъ матеріаломъ. Разъ американецъ увѣровалъ въ какое либо новшество, онъ стремится испытать его и не стѣсняется вводить новые порядки и издавать новые законы. Онъ думаетъ, что это—единственный эффективный способъ испробовать отвѣчающую его настроенію и занявшую его воображеніе новую идею. Если она непрактична, законъ останется мертвой буквой; если цѣлесообразна—жизнь скоро выяснитъ недостатки новаго закона и послѣдующей его переработкой дастъ народу то, что ему нужно. Можно, конечно, возражать противъ такой законодательной стремительности—но опытъ уже доказалъ, что вредной она оказывается только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, и то на короткое время, тогда какъ всѣ существенныя реформы въ нашемъ законодательствѣ послѣдняго времени получили свое начало именно такимъ путемъ, и имъ же всегда шла и теперь идетъ наша дѣйствительность. Такъ, годъ тому назадъ, штаты Орегонъ и Висконсинъ приняли новые законы, регулирующіе государственное разрѣшеніе на бракъ новыми условіями, а съ 1-го прошлаго Августа вступилъ въ силу въ штатѣ Пенсильваніи законъ, регулированіе такое весьма существенно расширяющій. Въ легислатуры нѣсколькихъ другихъ штатовъ внесены проекты аналогичныхъ законовъ, и движеніе въ этомъ направленіи обѣщаетъ сдѣлаться всеобщимъ.

Доктрина, положенная въ основу этихъ новыхъ законовъ, получила у насъ названіе eugenics [1]); словари не даютъ и этого новаго американскаго слова, и его эквивалентъ на русскомъ языкѣ мнѣ неизвѣстенъ. Ея основателемъ считается англійскій ученый Френсисъ Гальтонъ (ум. въ 1911 г.), въ молодости извѣстный африканскій путешественникъ, въ зрѣломъ возрастѣ авторъ многихъ сочиненій о наслѣдственности [2]). Доктрину, названную въ Америкѣ eugenics, онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «изученіе факторовъ, подлежащихъ общественному контролю и могущихъ улучшить или ухудшить расовыя качества будущихъ поколѣній въ физическомъ или умственномъ отношеніи». Гальтонъ думалъ, что, пользуясь нѣкоторыми уже безспорными данными ученія о наслѣдственности, можно улучшить человѣчество и его отдѣльныя расы. Онъ вѣрилъ въ возможность и пользу распространенія на человѣчество пріемовъ и методовъ соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыми уже выработаны спеціальные племенной скотъ и сѣменныя растенія. По-

---

1) Отъ греческаго ευγενης, хорошо рожденный.

2) Heredity of Genins, 1869. English men of science, 1874. Record of family faculties, 1883. Natural Inheritance, 1889.

слѣдователи Гальтона, разрабатывая его мысль, утверждаютъ, что въ Англіи, гдѣ 12 дѣтей изъ 100 не доживаютъ до годичнаго возраста, большая часть этой смертности должна быть отнесена не къ опасностямъ дѣтскаго возраста, а къ послѣдствіямъ дурной наслѣдственности, и что многія болѣзни, какъ напр., слабоуміе и эпилепсія отравляютъ во многихъ семьяхъ послѣдовательно поколѣніе за поколѣніемъ, такъ что будущность дѣтей предрѣшена въ нихъ въ вредномъ для общества смыслѣ. Карлъ Пирсонъ и его ученики доказали, что теоретически одна четверть англійскаго живущаго въ бракѣ населенія, а въ дѣйствительности—одна его шестая производитъ половину всего слѣдующаго поколѣнія, и что эта именно шестая часть особенно заражена дурной наслѣдственностью и мало способна къ цѣлесообразному воспитанію своего потомства въ физическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Въ то же время рождаемость у остальныхъ пяти шестыхъ неуклонно уменьшается, вслѣдствіе чего происходитъ постоянное, и притомъ какъ бы двойное увеличеніе отношенія зараженныхъ типовъ къ здоровымъ; другими словами раса быстро вырождается. Американскія интеллигентныя сферы, въ особенности тѣ, въ которыхъ преобладаютъ женскіе элементы, обратили особое вниманіе на эти изслѣдованія и выводы и сдѣлали изъ нихъ очень острый fad. Образовалось могучее теченіе въ пользу изученія и опредѣленія факторовъ, вредныхъ для расы, и стремленіе исправить то, что доступно общественному контролю, посредствомъ гласности, образованія массъ, а въ самое послѣднее время—и при помощи соотвѣтствующаго законодательства.

Вышеупомянутые новые законы штатовъ Орегона и Висконсина требуютъ отъ являющихся за разрѣшеніемъ вступить въ бракъ паръ весьма основательно обставленныхъ медицинскихъ свидѣтельствъ о безупречномъ физическомъ состояніи обѣихъ сторонъ. Законъ штата Пенсильваніи идетъ гораздо дальше: онъ требуетъ отъ обѣихъ сторонъ отвѣта подъ присягой на слишкомъ двадцать вопросовъ о ихъ умственномъ и физическомъ состояніи (при чемъ перечисленъ цѣлый рядъ передаваемыхъ по наслѣдству болѣзней), о степени родства между ними, о приверженности къ алкоголю и наркотикамъ, а отъ жениха—доказательствъ, что онъ способенъ содержать жену и семью. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ весьма щекотливы, особенно для невѣсты-дѣвушки. Примѣненіе этихъ законовъ уже доказало, что покуда большинство вступающихъ въ бракъ предпочитаетъ выполненію предъявляемыхъ къ нимъ требованій поѣздку въ сосѣдніе штаты для заключенія брака, а въ Пенсильваніи уже были случаи открытаго вступленія въ незаконное сожительство. Возможно, конечно, что населеніе еще недостаточно подготовлено къ такому новшеству,

стѣсняется публичностью обстановки, а съ теченіемъ времени освоится съ новыми требованіями и перестанетъ избѣгать ихъ выполненія. Отзывы серьезной прессы чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Нѣкоторыя, очень вліятельныя изданія отрицаютъ самую возможность эффективности примѣненія этой идеи къ человѣческой расѣ; другіе опасаются, что ея строгое примѣненіе вызоветъ шаблонность въ брачущейся средѣ и пагубно отзовется на будущемъ процентѣ талантливости и въ особенности геніальности. Всѣ три закона единогласно признаются «беззубыми» въ томъ смыслѣ, что даютъ легкія лазейки къ ихъ обходу и не устанавливаютъ никакой отвѣтственности за невыполненіе ихъ требованій. Разрѣшительную бумагу на вступленіе въ бракъ—такъ называемую licence—выдаетъ всюду секретарь графства, лицо выборное, весьма часто на практикѣ ловкій политиканъ, которому, однако, пенсильванскій законъ предоставляетъ безапеляціонное право отказать въ разрѣшеніи на бракъ, разъ ихъ отвѣты покажутся ему почему либо неудовлетворительными. Въ маленькихъ графствахъ, съ нѣсколькими тысячами жителей, гдѣ секретарь лично знакомъ болѣе или менѣе со всѣмъ населеніемъ, онъ имѣетъ возможность дѣйствовать сознательно, если не отнесется къ закону формально и проникнется его цѣлями и духомъ; но въ большихъ, особенно съ милліонными городами, онъ долженъ будетъ дѣйствовать въ потемкахъ, и трудно предположить, чтобы слабоумный, или эпилептикъ, или пьяница, рѣшившійся вступить въ бракъ, показалъ правду, особенно въ присутствіи своей избранницы. Формальное исполненіе закона не достигнетъ цѣли, а для сознательнаго у секретаря не будетъ ни времени, ни средствъ. Такіе извѣстные спеціалисты, какъ профессоръ Бэтсонъ и докторъ Потсъ, безусловные сторонники eugenics въ теоріи, высказались категорически, что современное научное положеніе вопроса еще такъ шатко, что крайне опрометчиво строить на немъ какое-либо ограничительное законодательство. Они не сомнѣваются, что чрезвычайно важно остановить воспроизведеніе зараженнаго наслѣдственными органическими дефектами потомства, но опасаются, что предоставленіе власти запрещать брачные союзы можетъ оказать пагубное вліяніе на все учрежденіе брака. Они думаютъ, что, при современной структурѣ общества, невозможно регулировать его исключительно съ точки зрѣнія матеріалистическаго утилитаризма.

Введеніе пенсильванскаго закона возбудило необычайное вниманіе общественнаго мнѣнія и печати. Большею частью отзывы неблагопріятны закону или въ цѣломъ, или въ частностяхъ, но всѣ признаютъ огромное значеніе вопроса и образовательное вліяніе на народныя массы того факта, что онъ перешелъ изъ области теоріи

въ дѣйствительную жизнь. Сознаніе необходимости общественнаго контроля быстро растетъ, и уже въ настоящій моментъ можно сказать съ увѣренностью, что вызванная нововведеніемъ работа народной мысли найдетъ съ теченіемъ времени торную, цѣлесообразную дорогу. Другими словами, вопросъ заключается уже не въ принципѣ, который можно считать общепризнаннымъ, а только въ выборѣ отвѣчающей потребностямъ тактики.

Штатъ и городъ Нью-Іоркъ пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе на всю государственную жизнь страны. Все чаще и чаще раздаются голоса въ пользу выдѣленія города въ совершенно самостоятельную федеральную единицу. Населеніе обоихъ растетъ феноменально: за десятилѣтіе 1900—1910 оно выросло на 25,4% (населеніе всего союза—только на 21%) и по послѣдней переписи достигло въ штатѣ 9.113.614, въ городѣ—4.766.883 душъ, составляя вмѣстѣ почти одну десятую всего населенія страны. Населеніе города въ дѣйствительности гораздо больше вышеприведенной цифры и достигаетъ 6.474.568 душъ, такъ какъ лежащая на правомъ берегу рѣки Гудзона часть его, состоящая изъ городовъ Вивахена, Гобокена, Нью-Джерсэй, Елизабетъ и Нью-Арка, числится въ штатѣ Нью-Джерсэй, хотя столь же непрерывно связана съ Нью-Іоркомъ, какъ Васильевскій островъ или Петербургская сторона съ Петербургомъ. Всякое представительство въ союзѣ, за исключеніемъ федеральнаго Сената, опредѣляется числомъ жителей, и потому понятно, какое господствующее значеніе имѣютъ штатъ и городъ Нью-Іоркъ и въ федеральной палатѣ представителей, и, въ особенности, въ національныхъ конвентахъ политическихъ партій. Ихъ делегація превышаетъ по численности соединененныя делегаціи цѣлой дюжины мелкихъ штатовъ и, когда голосуетъ единодушно, имѣетъ обыкновенно рѣшающее вліяніе на всякій споръ. Естественно, что политическое положеніе дѣлъ въ штатѣ и городѣ Нью-Іоркъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе всей страны, а за послѣднее время оно и помимо этого представляло большой интересъ по обилію и необычности происходящихъ въ нихъ пертурбацій. За тѣ 23 года, что я корреспондирую изъ Америки въ «Вѣстникѣ Европы», я много разъ останавливалъ вниманіе читателей на Таммани - Холлѣ, демократической организаціи города Нью-Іорка, уже болѣе полувѣка держащей его въ самой тяжелой, самой позорной крѣпостной зависимости. Таммани - Холлъ былъ основанъ какъ благотворительное учрежденіе еще въ концѣ XVIII столѣтія, носитъ имя миѳическаго

вождя одного исчезнувшаго мѣстнаго индѣйскаго племени, и до начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія хотя и принималъ постоянное участіе въ политикѣ города, но имѣлъ больше характеръ общественнаго клуба. Съ выборомъ Твида въ его старшины онъ объявилъ себя оффиціальной организаціей демократической партіи, захватилъ въ свои руки все муниципальное управленіе и обратился въ то позорнѣйшее пятно на всемъ политическомъ тѣлѣ союза, которымъ остается и доселѣ. Твидъ, послѣ десятилѣтняго диктаторства и долгой, упорной борьбы былъ, въ 1873 г., уличенъ въ ограбленіи городской казны на многіе милліоны и умеръ въ тюрьмѣ, но его соучастники сумѣли удержаться въ силѣ. Съ тѣхъ поръ только два раза, и то только отчасти и на очень короткое время, городъ Нью-Іоркъ успѣвалъ освобождаться изъ-подъ власти и грабежа ихъ преемниковъ. Таммани-Холлъ—тайная, чрезвычайно крѣпкая и превосходно организованная комбинація интересовъ водки, шуллерства и проституціи. Въ племенномъ смыслѣ въ немъ безусловно преобладаетъ союзъ ирландцевъ съ евреями, держащими въ своихъ рукахъ темные промыслы города. Въ основѣ организаціи Таммани-Холла лежитъ раздѣлденіе Нью-Іорка на небольшіе участки, изъ которыхъ въ каждомъ есть клубъ, совѣтъ и вождь партіи; эти участковые вожди составляютъ центральный ея совѣтъ и избираютъ Сахема—верховнаго старѣйшину, который на практикѣ и является рѣшителемъ судебъ всего города. Желѣзная, безпощадная дисциплина связываетъ всю организацію; въ нее завербованы и постоянно вербуются вновь прибывающіе европейскіе иммигранты — народъ бѣдный, забитый, невѣжественный, охотно продающій свои голоса за кусокъ хлѣба. Таммани-Холлъ дерзокъ и откровененъ: онъ не издаетъ громогласныхъ платформъ, его вожди не собираютъ публичныхъ митинговъ и не произносятъ красивыхъ рѣчей, вся работа идетъ втихомолку—но при подсчетѣ голосовъ на выборахъ неизмѣнно оказывается, что онъ выбралъ всѣхъ чиновъ города и что правосудіе и администрація находятся всецѣло въ его рукахъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ всѣ чины избираются каждые четыре года; каждый разъ образуется коалиція всѣхъ враждебныхъ Таммани Холлу элементовъ, идетъ свирѣпая борьба—но большинство оказывается за его кандидатами, и грабежъ продолжается безпрерывно. Съ теченіемъ времени Таммани-Холлъ расширилъ свои аппетиты, перестать довольствоваться городомъ и пожелалъ распространить свое ядовитое вліяніе на весь штатъ и даже на національныя дѣла союза. Съ свойственной ему дерзостью онъ сталъ ставить свои условія и штатнымъ, и національнымъ конвентамъ демократической партіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что вожаки обѣихъ ея фракцій—и правой,

въ лицѣ Паркера и Хилла, и лѣвой въ лицѣ Брайяна и даже Вильсона,—торговались съ нимъ и вступали съ нимъ въ секретныя соглашенія. Въ законодательномъ отношеніи городъ находится въ зависимости отъ легислатуры штата, да и губернаторъ, какъ высшая исполнительная власть, имѣетъ возможность вліять на городскія дѣла, разъ они идутъ въ разрѣзъ съ законами штата. Таммани-Холлъ пытается, поэтому, господствовать и въ политикѣ штата. На послѣднихъ выборахъ губернатора это его стремленіе обострилось, и онъ велъ ожесточенную борьбу противъ кандидата демократической партіи на эту должность, Зульцера, который однако былъ выбранъ, благодаря вызванному Рузевельтомъ расколу въ средѣ республиканской партіи. Зульцеръ—еще сравнительно очень молодой человѣкъ, одинъ изъ самыхъ яркихъ работниковъ прогрессивнаго крыла демократовъ,—былъ членомъ федеральной палаты представителей въ Вашингтонѣ и успѣлъ составить себѣ крупное имя какъ искусный, безстрашный и искренній защитникъ истинныхъ народныхъ интересовъ. Въ палатѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ; по его почину былъ объявленъ уничтоженнымъ трактатъ 1832 г. съ Россіей [1]). Но большинство легислатуры штата оказалось въ рукахъ Таммани-Холла, и съ момента вступленія въ должность Зульцера между нимъ и легислатурой завязалась борьба. Прогрессисты обѣихъ главныхъ политическихъ партій союза думаютъ, что самое дѣйствительное средство въ борьбѣ съ наросшимъ зломъ—укорененіемъ въ партійныхъ организаціяхъ профессіональныхъ кликъ, представляющихъ собою не общенародные, а чисто классовые и нерѣдко прямо личные интересы—является назначеніе кандидатовъ на общественныя не партійными конвентами, а прямымъ народнымъ голосованіемъ. Эта реформа уже принята, испробована и одобрена многими штатами, и штатъ Нью-Іоркъ нѣсколько разъ пытался ввести ее и у себя, но Таммани-Холлъ успѣшно разбивалъ эти попытки. Зульцеръ принялся за дѣло съ усиленной энергіей. Когда въ первой схваткѣ враждебная ему легислатура и успѣла отклонить соотвѣтствующій законопроектъ, онъ взялся за организацію низовъ, за подготовленіе такой народной лавины въ пользу реформы, которая смела бы съ своего пути всякое противодѣйствіе. Въ тоже время онъ умѣло и безпощадно раскапывалъ всѣ грѣхи Таммани-Холла по управленію городомъ. Было доказано, что Нью-Іоркъ сдѣлался міровымъ центромъ торговли бѣлыми рабынями, и Таммани-Холлъ неразрывно связанъ съ этимъ торгомъ. Ему стало грозить неизбѣжное

1) Онъ—не еврей, какъ это не разъ утверждала русская юдофобская пресса, а членъ старой американской христіанской семьи.

крушеніе, и въ борьбѣ за существованіе, онъ призналъ необходимымъ такъ или иначе дискредировать Зульцера въ глазахъ массъ. Энергія этого человѣка доставила ему завидную національную извѣстность, огромный престижъ во всемъ союзѣ; на него смотрѣли какъ на крупнѣйшую восходящую звѣзду политическаго будущаго страны, какъ на одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые создаютъ новыя историческія эпохи. Мы такъ давно вынуждены довольствоваться или умѣренными и аккуратными посредственностями, какою оказался Тафтъ, или фейерверочными демагогами, какъ Рузевельтъ или Брайянъ, что всякому дѣйствительно серьезному государственному человѣку открыта широкая возможность проявить свои таланты. Человѣку, который сумѣетъ уничтожить Таммани-Холлъ, американскій народъ дастъ все, что онъ пожелаетъ. Президентъ Вильсонъ пробылъ въ бѣломъ домѣ всего полгода, но уже успѣлъ надѣлать не мало крупнѣйшихъ промаховъ и проявить, съ одной стороны, диктаторско-партизанскія стремленія, съ другой—вялую нерѣшительность и отсутствіе сколько-нибудь опредѣленныхъ взглядовъ на многіе назрѣвшіе государственные вопросы. Недовольные имъ элементы обѣихъ партій стали открыто прочить Зульцера въ непосредственные его пріемники. Къ сожалѣнію, это быстро созданное величіе развалилось въ прахъ еще быстрѣе, чѣмъ создалось, и Зульцеръ самъ подорвалъ его основаніе. Новый законъ штата Нью-Іоркъ, законъ прогрессивный, направленный прежде всего противъ Таммани-Холла и противъ партійной политики кликъ, требуетъ отъ кандидатовъ на всякую общественную должность показанія подъ присягой о расходахъ, произведенныхъ ими на выборную кампанію и источниковъ полученныхъ ими на то средствъ. И Зульцеръ, при выборахъ въ губернаторы штата Нью-Іоркъ, сдѣлалъ такое показаніе. Таммани-Холлъ, въ первую же сессію легислатуры, добился назначенія особаго комитета для провѣрки показаній разныхъ выбранныхъ чиновъ штата. Этотъ комитетъ, по изслѣдованіи дѣла, нашелъ что показаніе Зульцера абсолютно невѣрно во всѣхъ его частяхъ. Оказалось, что многія тысячи долларовъ, полученныя имъ отъ разныхъ лицъ на расходы по выборной кампаніи, были имъ употреблены на личныя нужды, а именно на спекуляцію на Нью-Іоркской денежной биржѣ. Комитетъ добылъ и подлинные чеки, возстановилъ счеты Зульцера съ двумя маклерскими конторами и установилъ его барыши и убытки отъ спекуляцій на незаконно присвоенныя имъ, непринадлежавшія ему деньги. Легислатура, въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, привлекла его, большинствомъ свыше двухъ третей голосовъ, къ судебной отвѣтственности, и онъ подлежитъ теперь спеціальному суду, въ составѣ верхов-

наго суда и сената штата Нью-Іоркъ. Во всей исторіи союза это всего девятый случай привлеченія высшихъ выборныхъ должностныхъ лицъ къ такому спеціальному суду. Несмотря на давленіе со стороны всѣхъ своихъ личныхъ и политическихъ друзей, Зульцеръ, утверждая категорически свою невиновность, отказался дать какое либо объясненіе, обѣщая, однако, представить его суду. Друзья Зульцера утверждаютъ, что въ денежныхъ дѣлахъ онъ неопытенъ, какъ младенецъ, а его жена выступила съ публичнымъ заявленіемъ, что она завѣдывала всѣми фондами его выборной кампаніи, безъ его вѣдома, играла на биржѣ, вела подъ его именемъ счеты съ маклерами, перемѣшала чеки, и потому одна отвѣтственна за всю проистекшую отсюда путаницу. Зульцеръ отказался подтвердить или оспорить это ея заявленіе.

Конституція штата, перечисляя случаи, когда вице-губернаторъ замѣняетъ губернатора, касается случая преданіи послѣдняго суду только въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и потому немедленно возникъ споръ, остается ли Зульцеръ на своемъ мѣстѣ или обязанъ сдать его? Вице-губернаторъ Глиннъ, ставленникъ Таммани-Холла, потребовалъ сдачи, принялъ присягу, назначилъ новый губернаторскій штабъ, былъ признанъ остальными чинами штата и дѣлаетъ всѣ подлежащія вѣденію губернатора распоряженія — но Зульцеръ категорически отказывается сдать должность, продолжаетъ занимать губернаторскіе домъ и помѣщеніе въ Капитоліи штата, и распоряжается по прежнему. Произошло курьезное двоевластіе; весь штатъ находится въ состояніи административной анархіи, распутать которую и возмѣстить проистекающіе изъ нихъ разнообразные убытки будетъ крайне трудно. Признавая того или другого, общественныя учрежденія и частныя лица принимаютъ на свою отвѣтственность всѣ зависящія отъ такого признанія послѣдствія.

Само собой разумѣется, что общественное мнѣніе и пресса заняты этимъ дѣломъ до лихорадки, въ ущербъ почти всему остальному. Составъ суда такъ многочисленъ, такъ спутанъ по своимъ политическимъ аффиліяціямъ, что предусмотрѣть его рѣшеніе невозможно. Никто не сомнѣвается, что вся эта слетѣвшая, какъ снѣгъ, на голову исторія подстроена мстительностью и чисто шкурными интересами Таммани-Холла и его всемогущаго сахема Мюрфи. Но Зульцеръ, однако, повидимому виновенъ по меньшей мѣрѣ въ непозволительно небрежномъ отношеніи къ важнѣйшимъ законамъ штата. Тотъ фактъ, что его обвинителями являются патентованные негодяи, не обѣляетъ его собственныхъ грѣховъ. Только такая же мужественная искренность, какую проявили англійскіе министры въ скандалѣ съ акціями Маркони, могла бы возстановить пошатнутый

престижъ Зульцера. Каковъ бы ни былъ формальный исходъ дѣла, путь, избранный Зульцеромъ, вѣроятно, закончитъ его политическую карьеру. Страна не можетъ довѣрять человѣку, не умѣющему ограждать своихъ собственныхъ, самыхъ важныхъ и примитивныхъ интересовъ.

Со времени вступленія въ должность президента Вильсона и его министра иностранныхъ дѣлъ Брайяна во внѣшней политикѣ Союза воцарилось сугубое доктринерство, оставляющее нѣкоторые неотложные государственные интересы въ состояніи мучительной и крайне убыточной неопредѣленности. Въ виду тѣхъ ужасающихъ, братоубійственныхъ кровопролитій, которыми такъ богата современная исторія всего міра, едва ли можно допустить, что уже настало время врачевать международныя и внутреннія осложненія исключительно идеями пасифизма, особенно когда, volens-nolens, приходится имѣть дѣло съ такими своеобразными, малокультурными странами, какъ Мексика. Самая кровавая, самая безобразная анархія царитъ тамъ уже три года, и, безъ властнаго внѣшняго вмѣшательства, ей не предвидится конца. Въ свое время [1]) я дважды сообщалъ читателямъ «Вѣстника Европы» о ходѣ мексиканскихъ дѣлъ. За два года, протекшіе со времени появленія моего послѣдняго письма, Діазъ былъ вынужденъ бѣжать въ Европу; Мадеро былъ выбранъ президентомъ, но не успѣлъ обуздать вызваннаго имъ самимъ народнаго движенія и водворить порядокъ, и въ февралѣ текущаго года былъ свергнутъ и измѣннически убитъ главнокомандующимъ его же арміи—генераломъ Хуэртой. Хуэрта устранилъ выбраннаго Конгрессомъ, согласно конституціи, временнаго президента, и объявилъ себя президентомъ до тѣхъ поръ, пока возстанія не будутъ подавлены, и правильные выборы, отложенные имъ на неопредѣленное время, не дадутъ странѣ легальнаго президента. Но и Хуэртѣ оказалось не подъ силу успокоить расходившіяся народныя страсти: его армія плоха и ненадежна, денегъ у него нѣтъ, возстанія продолжаются въ большинствѣ штатовъ и, по мѣрѣ постепеннаго разоренія и обѣдненія страны, стали принимать все болѣе жестокій, кровавый характеръ. Пока Мадеро былъ у власти, американскимъ президентомъ былъ Тафтъ; обѣ стороны не трогали иностранцевъ, опасаясь вооруженнаго американскаго вмѣшательства. Почти одновременно съ убій-

---

[1]) См. «Вѣстникъ Европы»: «Письма изъ Америки», январь 1910, сентябрь 1911.

ствомъ Мадеро (18 февраля 1913 г.) вступилъ въ должность Вильсонъ (4 марта 1913 г.) и первымъ публичнымъ заявленіемъ Брайяна было то, что, пока они находятся у власти, Сѣв. Амер. Союзъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ воевать съ кѣмъ бы то ни было. Весь аспектъ вещей въ Мексикѣ быстро измѣнился. Отовсюду пошли вѣсти о нападеніяхъ на иностранцевъ, объ ихъ убійствахъ, мучительныхъ истязаніяхъ при вымоганіи у нихъ денегъ, оскверненіи ихъ женщинъ, разореніи ихъ промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ предпріятій. Особенно страдаютъ желѣзныя дороги, рудники, крупныя фабрики, громадныя и цѣнныя ирригаціонныя плотины. Сотни милліоновъ погибли безвозвратно. Англія, Франція, Испанія обратились къ Союзу съ просьбой о защитѣ для ихъ подданныхъ въ предѣлахъ Мексики. Ихъ аргументація неопровержима: Союзъ долженъ либо отказаться отъ доктрины Монро и развязать имъ руки въ защитѣ ихъ интересовъ въ республикахъ латинской Америки, или немедленно приступить самъ къ дѣйствительной ихъ охранѣ. Въ тоже время всѣ европейскія государства и Японія признали правительство Хуэрты, тогда какъ Вильсонъ безусловно отказался сдѣлать это, ссылаясь открыто на то, что Хуэрта, какъ узурпаторъ и убійца законнаго президента, не имѣетъ рѣшительно никакого права на захваченную имъ насиліемъ власть. Признать его — значитъ санкціонировать измѣнническое, кровавое преступленіе. А Хуэрта, отписываясь на протесты европейскихъ странъ противъ насилій надъ ихъ подданными, утверждаетъ, что непризнаніе его правительства Сѣв. Амер. Союзомъ поддерживаетъ бодрость инсургентовъ и мѣшаетъ ему заключить иностранный заемъ; между тѣмъ безъ денегъ подавить возстанія нельзя.

Вильсонъ былъ очень недоволенъ доставшимся ему по наслѣдству отъ Тафта посломъ въ Мексикѣ, а смѣнить его онъ не могъ, такъ какъ новаго посла нужно было бы аккредитовать къ правительству Хуэрты, чѣмъ оно оказалось бы признаннымъ. Онъ отозвалъ посла якобы въ отпускъ, и посылалъ туда одного за другимъ трехъ своихъ личныхъ друзей, въ качествѣ неоффиціальныхъ совѣтниковъ остававшемуся на своемъ посту секретарю миссіи, фактическому повѣренному въ дѣлахъ. Въ выборѣ этихъ совѣтниковъ Вильсонъ былъ такъ же эксцентриченъ, какъ и въ выборѣ всѣхъ своихъ европейскихъ пословъ. Одинъ изъ нихъ—эксъ-губернаторъ штата Миннесоты, шведъ Линдъ,—человѣкъ очень популярный у себя дома, но не владѣющій ни однимъ иностраннымъ языкомъ, безъ всякаго образованія и свѣтскаго лоска, безъ понятія о чисто византійской ловкости и утонченности мексиканскихъ дипломатовъ. Миссія Линда состояла въ томъ, чтобъ убѣдить Хуэрту отказаться отъ власти и

отъ кандидатуры въ будущіе президенты, и заключить съ представителями инсургентовъ перемиріе, во время котораго и должны быть произведены выборы въ президенты, безъ давленія съ чьей-либо стороны. Планъ чисто мечтательный, не смотря на свою этическую красоту, и невыполнимый уже потому, что вождей инсургентовъ многіе десятки, даже сотни, и они большею частью дѣйствуютъ самостоятельно, не находясь въ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Громадный штатъ Сонора уже формально выдѣляется изъ федераціи и дѣйствуетъ какъ независимое государство. Характеръ настоящей мексиканской смуты измѣнился. Въ ея началѣ противъ Діаза возсталъ Мадеро, признанный вождемъ всѣми частными инсургентскими начальниками въ разныхъ штатахъ. Это была революція, у которой были единство и принципіальное значеніе. Противъ Мадеро возстали уже дѣйствовавшіе независимо другъ отъ друга многочисленные претенденты на власть, а погубилъ его и захватилъ власть его же ближайшій другъ и совѣтникъ. Противъ Хуэрты возстали многіе десятки лицъ, изъ которыхъ только очень немногіе пользуются вліяніемъ даже въ отдѣльныхъ штатахъ; всѣ остальные—просто случайные атаманы разбойничьихъ шаекъ, обыкновенно малочисленныхъ и плохо организованныхъ; къ политикѣ они имѣютъ только самое отдаленное отношеніе. Мексиканская революція выродилась въ разбойничью анархію, и какими либо соглашеніями положить ей конецъ уже нельзя. Въ этомъ бѣличьемъ колесѣ несовмѣстимости мечтательнаго доктринерства съ дѣйствительностью Вильсонъ и Брайянъ и держатъ американско-мексиканскія отношенія вотъ уже полгода. Занятое ими положеніе не можетъ дать практическаго выхода; дѣло, въ сущности, предоставлено собственному теченію и случайностямъ. А между тѣмъ убійства и грабежи растутъ съ каждымъ днемъ. Земледѣльческій пролетаріатъ, засѣвавшій мексиканскія поля, почти цѣликомъ присталъ къ инсургентскимъ и разбойничьимъ шайкамъ, бросивъ дома и семьи на произволъ судьбы; поля вотъ уже третій годъ остаются безъ обработки, хлѣба въ странѣ нѣтъ и купить его не на что, такъ какъ остановилась и вся промышленная жизнь. Большая часть желѣзныхъ дорогъ прекратили всякое движеніе; многіе рудники и фабрики разорены и сожжены. До революціи, въ Мексикѣ проживало свыше 50.000 американцевъ и столько же иностранцевъ разныхъ націй, и въ ея индустрію было вложено свыше полутора милліарда иностраннаго капитала. На призывы о помощи своихъ согражданъ и другихъ иностранцевъ Вильсонъ нѣсколько разъ отвѣчалъ оффиціальными и публичными совѣтами немедленно покинуть страну; онъ даже ассигновалъ сто тысячъ долларовъ на помощь выѣзду неимущихъ. Въ первый

разъ въ исторіи Союза его гражданамъ было объявлено, что разъ они находятся за предѣлами страны, ни на какую защиту отъ своего правительства имъ разсчитывать нельзя. Такъ истолковала политику Вильсона Мексика, и пребываніе въ ней американцевъ сдѣлалось крайне опаснымъ, если не прямо невозможнымъ; заурядный мексиканецъ привыкаетъ думать, что оскорблять, грабить и убивать американца отнынѣ можно совершенно безнаказанно и для страны, и для себя. Малочисленный культурный слой населенія утратилъ всякое вліяніе; все еще полудикія мексиканскія народныя массы не связаны никаками обязательствами культурныхъ людей и признаютъ только одно право—силу. Самымъ дикимъ проявленіямъ ненависти къ иностранцамъ данъ широкій выходъ. И неудивительно, что на дняхъ молодой офицеръ регулярной мексиканской арміи пришелъ съ ружьемъ въ рукахъ на пограничный мостъ черезъ рѣку Ріо-Гранде въ техасскомъ городѣ Эль-Пазо, и принялся стрѣлять въ американскихъ чиновъ, приговаривая: «Нужно открыто убить нѣсколькихъ американскихъ свиней, чтобы нашъ народъ уразумѣлъ, что за это ничего не будетъ».

П. А. Тверской.



«РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ» И РУССКАЯ ПЕЧАТЬ.

Сборникъ статей. «Русскія Вѣдомости». 1863—1913. (Москва, 1913).

Юбилей «Русскихъ Вѣдомостей» наглядно и краснорѣчиво напомнилъ русскому обществу о крупной общественной и культурной роли независимаго печатнаго слова. Газета, сумѣвшая соединить около себя лучшіе прогрессивные элементы русскаго образованнаго общества и сохранившая репутацію безукоризненной нравственной чистоты при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, была и осталась объединяющимъ центромъ для всѣхъ живыхъ силъ нашей общественности, для всѣхъ ревнителей правды и честности въ общественныхъ дѣлахъ—и въ то же время предметомъ вражды и упорныхъ гоненій со стороны мнимыхъ защитниковъ русской государственности.

Въ теченіе полувѣка «Русскія Вѣдомости» съ замѣчательнымъ достоинствомъ и искусствомъ переносили всѣ испытанія, выпадав-

шія на долю органовъ такъ называемаго вреднаго направленія. Вреднымъ, предосудительнымъ и неблагонамѣреннымъ считалось направленіе, стремившееся къ правдѣ и честности въ общественныхъ дѣлахъ, къ охранѣ жизненныхъ правъ и интересовъ народа, къ поднятію его умственнаго развитія, образованія и матеріальнаго быта. Высокополезною и патріотическою, достойною всякаго поощренія признавалась дѣятельность, направленная къ подавленію общественной и народной жизни, къ пониженію умственнаго и культурнаго уровня народныхъ массъ, къ возбужденію непріязненныхъ чувствъ противъ инородцевъ и иновѣрцевъ, къ оправданію разныхъ формъ произвола и беззаконія. Оффиціальные представители власти, по какому-то странному недоразумѣнію, обыкновенно обнаруживали солидарность съ сторонниками тьмы и безправія, противниками и гонителями правды и честности въ общественныхъ дѣлахъ. Въ этой неустанной борьбѣ между двумя направленіями—правдивымъ и лживымъ,—послѣднее почему-то неизмѣнно опиралось на могущественную поддержку и покровительство высшей администраціи. Положеніе людей, выступавшихъ въ печати во имя идей права и законности, оказывалось иногда въ высшей степени рискованнымъ и опаснымъ. Дѣятели лжи и беззаконія представлялись благонадежными столпами патріотизма и пользовались всевозможными привилегіями, тогда какъ искатели правды и добросовѣстные выразители общественной совѣсти подвергались разнымъ ограничительнымъ и карательнымъ мѣрамъ. Завѣдомо ничтожные аферисты, злобные обскуранты и безпринципные карьеристы давали какъ будто тонъ внутренней политикѣ государства и старались отнять у своихъ обличителей всякую возможность противодѣйствія. Сама власть часто ставилась при этомъ въ крайне неловкое положеніе. Много фактовъ этого рода приведено въ историческихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ юбилейномъ сборникѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

Занимая отвѣтственный боевой постъ въ нашей прогрессивной печати, «Русскія Вѣдомости» никогда не отступали предъ опасностью правдиваго слова и нерѣдко обезоруживали противниковъ своею мужественною прямотою. Въ 1878-мъ году произошло извѣстное варварское избіеніе студентовъ мясниками Охотнаго ряда, одобренное «Московскими Вѣдомостями» въ качествѣ похвальной патріотической манифестаціи противъ крамольниковъ. «Русскія Вѣдомости» указали на возмутительный характеръ этой мнимо-народной расправы, совершавшейся на глазахъ полицейскихъ властей, при видимомъ ихъ бездѣйствіи. Полиція пыталась остановить разсылку газеты; въ ожиданіи цензурнаго запрета, на сложенныхъ кипахъ отпечатаннаго номера «усѣлся весьма дородный квартальный надзиратель», но не

дождался распоряженія цензурнаго комитета и не могъ помѣшать сдачѣ газеты на почту. Тѣмъ временемъ даже единомышленники Каткова, отчасти подъ вліяніемъ статьи «Русскихъ Вѣдомостей», сообразили, что быть въ союзѣ съ мясниками имъ все-таки зазорно. Авторъ смѣлой передовой статьи, редакторъ газеты Н. С. Скворцовъ, былъ приглашенъ къ генералъ-губернатору кн. Долгорукову. «Я былъ до крайности возбужденъ—пишетъ онъ своему товарищу по газетѣ В. М. Соболевскому—и приготовился дать ему энергическій отпоръ, если бы онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ что-либо подобное внушенію или высказать порицаніе. Но я ошибся; онъ принялъ меня любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Князь отнесся ко всей этой исторіи съ удивительнымъ благодушіемъ: онъ пожалѣлъ и студентовъ, которыхъ онъ будто бы отъ души любитъ, но высказалъ и нѣжность къ мясникамъ, которые встрѣтили его привѣтствіями, ласково кланялись и кричали ура». Редакторъ объяснилъ ему, что не слѣдуетъ смѣшивать мясниковъ Охотнаго ряда съ «русскимъ простымъ народомъ», о которомъ такъ сочувственно говорилъ князь, и что въ Москвѣ есть дѣйствительно десятки тысячъ народа—фабричные рабочіе, которые могутъ соблазниться примѣромъ безнаказанности мясниковъ, но по всей вѣроятности направили бы свои силы совсѣмъ въ другую сторону. Доводы редактора замѣтно подѣйствовали на князя, и явившійся вслѣдъ затѣмъ попечитель князь Мещерскій, предлагавшій усмирить студентовъ штыками, «получилъ такой отпоръ, какого онъ съ Катковымъ не ожидали».

Тогдашніе могущественные администраторы, при всей своей безцеремонности по отношенію къ обществу и печати, были доступны резонамъ. Тотъ же князь Долгоруковъ въ февралѣ 1886 г. запретилъ московскимъ газетамъ печатать что-либо о двадцатипятилѣтіи крестьянской реформы. Объ этомъ сообщено было типографіи «Русскихъ Вѣдомостей» въ ночь наканунѣ 19-го февраля, когда весь матеріалъ номера былъ уже почти готовъ. Редакторъ В. М. Соболевскій тотчасъ поѣхалъ къ генералъ-губернатору для объясненій. «Было уже поздно—разсказываетъ находившійся тогда случайно въ Москвѣ Вл. Г. Короленко,—и князя Долгорукова пришлось будить. На это долго не рѣшались, но штатскій господинъ, явившійся глубокою ночью, былъ такъ возбужденъ и требовалъ такъ твердо и настойчиво, что стараго князя, наконецъ, подняли съ постели... Объясненіе было довольно бурное. Долгоруковъ, хмурый и недовольный, подтвердилъ, что распоряженіе исходитъ отъ него и должно быть исполнено. На требованіе «законныхъ основаній» и указаніе на нравственную невозможность для печати замолчать юбилей крестьянской реформы Долгоруковъ отвѣтилъ такъ, какъ обыкновенно отвѣчаютъ сатрапы на разговоры о законѣ и нрав-

ственныхъ невозможностяхъ. Оба волновались. Редакторъ заявилъ, что не можетъ выпустить газету безъ статей о реформѣ; Долгоруковъ отвѣтилъ, что со статьями о реформѣ номеръ не будетъ выпущенъ изъ типографіи, а невыпускъ газеты онъ будетъ разсматривать какъ антиправительственную демонстрацію, и непремѣнно ее закроетъ. На томъ и разстались. Соболевскій пріѣхалъ въ Чернышевскій переулокъ поздней ночью, когда уже нельзя было созвать товарищей (телефоновъ тогда еще не было). Ему одному пришлось рѣшать судьбу общаго дѣла и выбирать между унизительнымъ безмолвіемъ въ день великаго юбилея или рискомъ закрытія газеты. Онъ отдалъ распоряженіе пріостановить всю работу и, чрезвычайно взволнованный, уѣхалъ домой». «Русскія Вѣдомости» не вышли на другой день, и ихъ молчаливый протестъ остался безъ вредныхъ послѣдствій для газеты, благодаря «отходчивости» московскаго сатрапа. Бывали случаи, когда князь Долгоруковъ не соглашался дѣйствовать круто по внушенію изъ Петербурга. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» отказалась сообщить, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, имя автора одной статьи. Министръ Д. А. Толстой предложилъ генералъ-губернатору выслать В. М. Соболевскаго изъ Москвы въ административномъ порядкѣ, но князь Долгоруковъ не нашелъ достаточныхъ основаній къ принятію такой рѣшительной мѣры, а министръ не счелъ удобнымъ ссориться изъ-за этого съ вліятельнымъ царедворцемъ.

Нѣсколько разъ возбуждался въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о закрытіи «Русскихъ Вѣдомостей», какъ газеты безусловно вредной для самовластнаго бюрократическаго режима. Въ ноябрѣ 1891-го года, по поводу статьи Льва Толстого объ угрожавшемъ голодѣ, «Русскимъ Вѣдомостямъ» дано было второе предостереженіе, на томъ основаніи, что въ отдѣлѣ телеграммъ были помѣщены ошибочныя цифры о запасахъ разныхъ хлѣбовъ и что этотъ фактъ «служитъ новымъ доказательствомъ предосудительнаго направленія означеннаго изданія». Опечатки были своевременно исправлены, и тѣмъ не менѣе возникли серьезные слухи объ окончательномъ запрещеніи дальнѣйшаго печатанія «Русскихъ Вѣдомостей». Тогдашній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве,—какъ пишетъ въ своемъ обстоятельномъ историческомъ очеркѣ В. А. Розенбергъ,— заявилъ одному изъ членовъ редакціи, что «только необыкновенная мягкость министра внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново, и несклонность его къ рѣшительнымъ мѣрамъ удержали правительство отъ закрытія «Русскихъ Вѣдомостей» на этотъ разъ». А преступленіе газеты заключалось въ томъ, что она приняла слишкомъ близко къ сердцу опасность надвигавшагося народнаго бѣдствія и заговорила о голодѣ,

когда начальство хотѣло еще скрыть существованіе «недорода». Судьба «Русскихъ Вѣдомостей» была вновь поставлена на карту въ 1895-мъ году, когда состоялось совѣщаніе четырехъ министровъ для уничтоженія «Русской Жизни». Побѣдоносцевъ находилъ, что надо воспользоваться случаемъ и покончить кстати съ болѣе крупными противниками—«Вѣстникомъ Европы» и «Русскими Вѣдомостями». «Совѣщаніе отнеслось сочувственно къ этой мысли; даже назначено было засѣданіе, въ которомъ на первой очереди предстояло рѣшить участь «Вѣстника Европы»; но противъ закрытія этого журнала былъ въ то время одинъ изъ министровъ (кажется, министръ юстиціи)», и планъ Побѣдоносцева не осуществился. Въ 1898-мъ году было объявлено газетѣ третье предостереженіе, съ пріостановкой на два мѣсяца, за напечатаніе замѣтки о денежныхъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ распоряженіе гр. Л. Н. Толстого для оказанія помощи больнымъ и нуждающимся духоборамъ, и за неисполненіе приказа о передачѣ этихъ денегъ въ распоряженіе администраціи. Тогдашній временный редакторъ, Д. Н. Анучинъ, сообщаетъ любопытный эпизодъ, относящійся къ хлопотамъ по этому непріятному дѣлу. Въ Петербургѣ, куда ѣздилъ для объясненій А. И. Чупровъ, ему дали понять, что иниціатива кары исходитъ изъ Москвы и вызвана не тѣмъ, что указано оффиціально, такъ какъ запрещенія собирать въ пользу больныхъ и нуждающихся духоборовъ не было и быть не могло. Тогда Д. Н. Анучинъ отправился къ великому князю Сергію Александровичу и узналъ отъ него, что кару назначили въ Петербургѣ, даже не снесясь съ московскимъ генералъ-губернаторомъ; великій князь разрѣшилъ сослаться на его слова и прибавилъ, что самъ поговоритъ съ министромъ на предстоящихъ торжествахъ по случаю открытія памятника Александру II; впрочемъ, по существу онъ считалъ, что кара наложена справедливо, ибо не слѣдовало печатать о пожертвованіяхъ въ пользу духоборовъ въ то время, когда они не желаютъ подчиняться требованіямъ правительства. А. И. Чупровъ видѣлся потомъ съ И. Л. Горемыкинымъ, но ничего не добился. Послѣдствіемъ принятой мѣры былъ на этотъ разъ переходъ «Русскихъ Вѣдомостей» подъ предварительную цензуру, что считалось равносильнымъ прекращенію изданія; но газета выдержала и этотъ мучительный трехлѣтній періодъ цензурной каторги, отъ которой она была освобождена лишь въ 1901 г. Въ ноябрѣ того же года «Русскія Вѣдомости» были пріостановлены на одну недѣлю за напечатаніе судебнаго отчета о дѣлѣ бывшаго полицейскаго пристава, обвинявшагося въ превышеніи власти. Въ послѣдній разъ газета получила предостереженіе лѣтомъ 1905-го года, за мѣсяцъ до обнародованія «булыгинской конституціи», при чемъ «вредное направленіе» замѣчено

было въ двухъ передовыхъ статьяхъ и въ статьѣ «объ организаціи будущаго народнаго представительства». Наконецъ, въ декабрѣ того-же года, временный начальникъ Москвы, адмиралъ Дубасовъ, принялъ «Русскія Вѣдомости» за революціонный органъ и распорядился прекратить это изданіе, «въ виду того, что редакція, во время мятежнаго движенія, еще не окончившагося въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, явно поддерживая его, собирала открыто значительныя пожертвованія въ пользу разныхъ забастовочныхъ комитетовъ, политическихъ ссыльныхъ, борцовъ за свободу, и проч.»; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ наложенъ арестъ на всѣ суммы, собранныя редакціей въ видѣ пожертвованій на разныя «противоправительственныя цѣли», къ которымъ отнесены, между прочимъ, сборы для семействъ пострадавшихъ отъ забастовокъ рабочихъ и т. п. Д. Н. Анучинъ опять поѣхалъ объясняться. «Дубасовъ—разсказываетъ онъ—принялъ меня стоя, въ присутствіи нѣсколькихъ адъютантовъ, и разразился рядомъ упрековъ, что мы поддерживаемъ возстаніе, собираемъ деньги для противозаконныхъ цѣлей, что онъ конфискуетъ собранныя деньги, уничтожитъ газету, не остановится передъ высылкой и т. п.; всѣ мои попытки объясненій были напрасны». По счастливой случайности у газеты оказался неожиданный заступникъ въ лицѣ покойнаго князя П. Н. Трубецкаго, бывшаго тогда московскимъ губ. предводителемъ дворянства; онъ сообщилъ Дубасову, что «Русскія Вѣдомости»—органъ умѣренный, пользующійся симпатіями московскаго общества, и что незаконныя пожертвованія могли попасть къ нимъ только по недоразумѣнію, такъ какъ въ послѣднее время трудно было отличить, что дозволено и что не дозволено. «Черезъ нѣсколько дней—продолжаетъ свой разсказъ Д. Н. Анучинъ—я былъ снова у Дубасова и на этотъ разъ былъ позванъ въ другую комнату, гдѣ мнѣ предложили сѣсть за столомъ, за которымъ помѣстился и самъ Дубасовъ, его секретарь и еще какіе-то чиновники. Дубасовъ сказалъ мнѣ, что онъ, какъ не московскій житель, не былъ знакомъ съ московскими газетами, въ томъ числѣ и съ «Русскими Вѣдомостями», но теперь онъ получилъ свѣдѣнія, что наша газета издается давно и что направленіе ея, хотя либеральное, но приличное; поэтому онъ нашелъ возможнымъ разрѣшить дальнѣйшій выпускъ газеты». Съ другой стороны, онъ узналъ также, что въ числѣ конфискованныхъ суммъ имѣются пожертвованія въ пользу голодающихъ, недостаточныхъ учащихся и т. п., вслѣдствіе чего будетъ произведена провѣрка, и неправильно задержанныя деньги будутъ возвращены; въ результатѣ изъ 53 тысячъ рублей остались конфискованными—и то по сомнительнымъ основаніямъ—около 8 тысячъ рублей. Разрѣшеніе вновь выпускать газету было оффиціально мотиviро-

вано тѣмъ, что «статьи, помѣщавшіяся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за послѣднее время, отличались сдержанностью и серьезностью изложенія». Въ данномъ случаѣ представитель власти откровенно подтвердилъ обычный пріемъ самовластной бюрократіи: сначала принимаютъ крутую мѣру, не имѣя для нея нужныхъ свѣдѣній, а потомъ получаютъ случайно эти недостающія свѣдѣнія. Но, въ отличіе отъ другихъ администраторовъ, Дубасовъ добросовѣстно призналъ свою ошибку и согласился ее исправить, чего вообще избѣгаютъ сановники, озабоченные своимъ престижемъ.

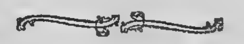
Независимо отъ этихъ карательныхъ мѣропріятій и «предостереженій», дѣлавшихъ правильное веденіе газеты почти героическимъ подвигомъ, на «Русскія Вѣдомости» постоянно обрушивались еще взысканія матеріальнаго свойства: запрещеніе розничной продажи налагалось на газету тринадцать разъ и сохраняло свою силу нерѣдко по полугоду, а разъ даже полтора года; въ бурный 1905 г. газета находилась подъ запретомъ съ января до манифеста 17 октября. Нельзя, конечно, хотя бы приблизительно оцѣнить финансовое значеніе этой цензурной «политики». Сверхъ всего прочаго, газету одолѣвали запретительные циркуляры, число которыхъ возрастало непрерывно и соблюденіе которыхъ становилось все болѣе затруднительнымъ; объ одномъ Львѣ Толстомъ было издано съ 1890-го года десять циркуляровъ, запрещавшихъ, между прочимъ, печатать что-либо объ его юбилеѣ, о «переѣздѣ его на югъ и о привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ этому писателю со стороны его почитателей», «объ отъѣздѣ гр. Л. Н. Толстого въ Крымъ». Однако, «въ виду возможности въ ближайшемъ времени кончины гр. Л. Н. Толстого», разрѣшалось помѣщать некрологи, подъ условіемъ соблюденія «необходимой объективности и осторожности».

Съ наступленіемъ новой эры система административнаго воздѣйствія на печать измѣнилась по формѣ, но не по существу; цѣли остались тѣже, и на помощь администраціи все чаще привлекаются судебныя учрежденія, спеціально приспособленныя къ политическимъ преслѣдованіямъ. Крупные денежные штрафы назначаются по усмотрѣнію властей, безъ всякихъ мотивовъ или съ весьма неопредѣленною мотивировкою. Такихъ штрафовъ наложено на «Русскія Вѣдомости» 26, изъ нихъ два по 3 тысячи рублей (въ 1908 г.), пять по тысячѣ рублей и 16 по 500 р. Разъ назначенъ и взысканъ былъ штрафъ въ тысячу рублей за ошибку телеграфа, сообщившаго о казни 20 крестьянъ, вмѣсто 12; но черезъ мѣсяцъ взысканіе было отмѣнено «въ виду выяснившейся невиновности В. М. Соболевскаго». Штрафы назначались, съ одной стороны, за печатаніе писемъ или статей Льва Толстого, или за хвалебныя о

немъ статьи, съ другой стороны—за критику дѣйствій одесскаго градоначальника Толмачева. Само собою разумѣется, что, наоборотъ, хвалить генерала Толмачева и порицать Толстого дозволялось газетамъ безъ всякихъ ограниченій, и газеты, которыя такъ поступали, считались благонамѣренными и патріотическими. Бороться вульгарными полицейскими пріемами противъ лучшихъ и высшихъ выразителей русскаго народнаго генія и въ то же время старательно ограждать невѣжественныхъ провинціальныхъ сатраповъ отъ неудобныхъ для нихъ разоблаченій,—таковы неизмѣнные принципы нашихъ охранителей, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, искусившихся въ сверхзаконной практикѣ. Послѣдній по времени штрафъ въ 500 р. наложенъ на «Русскія Вѣдомости» въ августѣ, за «передовую статью о переводѣ въ Харьковъ проф. Д. Д. Гримма». Самая возможность подобныхъ произвольныхъ карательныхъ мѣръ за простую критику министерскихъ распоряженій, дозволенную и старыми цензурными законами,—достаточно характеризуетъ современное положеніе печати.

«Русскія Вѣдомости» всегда находились въ близкомъ идейномъ общеніи съ «Вѣстникомъ Европы». Это общеніе выражалось и фактически въ томъ, что нѣкоторые изъ ближайшихъ сотрудниковъ журнала, съ покойнымъ М. М. Стасюлевичемъ во главѣ, состояли въ то же время и сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей», и такіе писатели, какъ напр. М. Е. Салтыковъ и П. Д. Боборыкинъ, одинаково дѣятельно участвовали въ обоихъ изданіяхъ. Когда поднимался вопросъ о судьбѣ «Русскихъ Вѣдомостей», то обыкновенно имѣлось въ виду рѣшить заодно и участь «Вѣстника Европы». Враги «либеральнаго» журнала были въ то же время врагами прогрессивной газеты. Первый организаторъ и вдохновитель «Русскихъ Вѣдомостей», придавшій ей типъ „профессорской газеты“,— Александръ Сергѣевичъ Посниковъ—является теперь однимъ изъ руководителей „Вѣстника Европы“. Этотъ фактъ какъ нельзя яснѣе подтверждаетъ внутреннее родство и солидарность нашего журнала съ „Русскими Вѣдомостями“ на пространствѣ почти пятидесяти лѣтъ. Остается пожелать, чтобы эта идейная близость поддерживалась и укрѣплялась въ будущемъ безъ тѣхъ тяжелыхъ переживаній, о которыхъ напоминаетъ намъ полувѣковая исторія „Русскихъ Вѣдомостей“.

Л. Слонимскій.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Уѣздныя земскія собранія.—Быстрое развитіе начальнаго образованія.—Нарожденіе снизу среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.—Перемѣны въ крестьянствѣ отъ широкаго распространенія грамотности.—Ассигновки въ уѣздныхъ земствахъ на народное обученіе.—Медленный, но важный путь къ правовой жизни.

Какъ ни захирѣло нынѣшнее земство, а все же осеннія сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній развертываютъ широкую картину внутренней жизни Россіи. Это—своего рода ежегодный осенній смотръ всероссійскаго мѣстнаго хозяйства.

И снова, болѣе и болѣе выпукло, выступаетъ одна знаменательная черта: стихійно растетъ дѣло народнаго образованія. Неслышно, почти неуслѣдимо (главнымъ образомъ оттого, что на поверхности громыхаютъ событія, сегодня волнующія насъ досадой, раздраженіемъ, ожиданіемъ, а завтра смѣняющіяся такими же шумными, дутыми явленіями и быстро забываемыя) совершается громадный фактъ: Россія изъ безграмотной дѣлается грамотной.

Учесть такое грандіозное явленіе едва ли посильно отдѣльному человѣческому воображенію: плоды замѣтно начнутъ сказываться чрезъ два-три десятилѣтія. Но уже теперь ясно, что жизнь Россіи начинаетъ перестраиваться съ наиболѣе тонкихъ и глубокихъ корней.

Полезно припомнить, что всего какихъ-нибудь сто-полтораста лѣтъ назадъ насажденіе образованія въ Россіи началось сверху, путемъ созданія, главнымъ образомъ, высшихъ учебныхъ заведеній. И скудныя капли просвѣщенія туго, медленно,—годами и десятилѣтіями,—просачивались въ заскорузлую, затвердѣвшую почву.

Высшія учебныя заведенія того времени напоминали тѣ деревья, которыя появляются на выдвинувшейся изъ почвы скалѣ и долго ползутъ корнями по камню, долго спускаются внизъ, царапая жесткую поверхность и нащупывая плодородную мякоть земли, долго хирѣютъ и влачатъ карликовую жизнь, пока, наконецъ, оконечности корней не доберутся до жизненной мощи настоящей почвы.

Стихійный ростъ начальнаго образованія, обозначившійся въ Россіи за послѣдніе годы, напоминаетъ другую картину. Вся почва громадной россійской равнины какъ бы разступилась и приняла въ себя сѣмена образованія—и сразу на всемъ пространствѣ зазеленѣла, зашелестѣла молодая поросль.

И ясно, что суть уже не въ одномъ только начальномъ образованіи. Изъ него съ естественной послѣдовательностью, какъ вѣтвь изъ вѣтви, выростаетъ среднее и высшее образованіе,—выростаетъ неизбѣжно, органически и съ такой скоростью, которая показалась бы невѣроятной, волшебной пятьдесять-сто лѣтъ назадъ.

Среднія учебныя заведенія по уѣзднымъ городамъ, недавно еще равнодушнымъ и даже враждебнымъ образованію, переполнены учащимися. Быстро открываются новыя среднія учебныя заведенія, и притомъ не только въ городахъ, но и въ крупныхъ селахъ (явленіе двадцатаго вѣка).

Такъ громадная волна низшаго образованія поднимаетъ крупную волну средняго образованія и еще не особенно значительно, но уже довольно замѣтно сказывается и на высшемъ образованіи. Не случайность, что многіе города ходатайствуютъ, конкурируя другъ съ другомъ, объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній. Единичные факты открытія высшихъ разсадниковъ образованія въ Новочеркасскѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Воронежѣ уже намекаютъ на слитное, всероссійское пробужденіе интереса къ высшему образованію.

Таковы внѣшніе признаки прогресса въ этой неизмѣримо важной области народной жизни. Внутренніе признаки еще важнѣе. Какъ ни скромно по своему размѣру низшее образованіе, оно совершаетъ истинный переворотъ въ странѣ, вѣка и тысячелѣтія бывшей безграмотною. Между грамотностью и безграмотностью—бездна, и черезъ эту бездну переводитъ сейчасъ Россію начальное обученіе.

Низшее образованіе даетъ въ безоружныя руки, казалось бы, малое и первоначальное оружіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое, безъ котораго существованіе въ настоящее время дѣлается почти немыслимымъ. Всего 30—40 лѣтъ назадъ довольно спокойно жилось безъ грамотности, а теперь, когда быстро и чрезвычайно осложнилась жизнь, когда книги, брошюры, газеты забираютъ себѣ главную, руководящую роль въ странѣ, быть безъ грамоты—почти все равно, что жить безъ глазъ.

Человѣческому воображенію непосильно обнять всю громадную перемѣну, которую начала вносить грамотность въ жизнь деревни. Безъ преувеличенія, кажется, можно сказать, что все, чѣмъ стала радовать за послѣдніе годы деревенская Россія, получило тотъ или иной толчекъ отъ грамотности. Почти все пошло въ ростъ отъ этого главнаго корня.

Если наблюдается большее довѣріе и болѣе разумное отношеніе къ земской медицинѣ со стороны крестьянства, то, конечно, здѣсь не малую роль сыграла школа, колыхнувшая тысячелѣтній мракъ невѣжества. Если успѣшно двинулась впередъ земская агро-

номія, то, разумѣется, грамотность сказалась здѣсь весьма значительно. Не могло бы безграмотное крестьянство читать агрономическія брошюры, не могло бы слушать лекціи на временныхъ курсахъ, которые теперь во многихъ губерніяхъ пользуются по деревнямъ большимъ успѣхомъ.

И если взглянуть въ корень самого значительнаго за послѣднее время явленія въ русской жизни—кооперативнаго движенія, разросшагося быстро и повсемѣстно,—то и здѣсь грамотность сыграла едва ли не главную роль. Краснорѣчивыя кооперативныя брошюры были бы нѣмы и безсильны въ недавней поголовно-безграмотной Россіи. Да и самая организація кооперативныхъ учрежденій съ ихъ хотя бы несложнымъ, но неизбѣжнымъ счетоводствомъ, контролемъ, торговой и дѣловой перепиской требуетъ хорошей грамотности если не отъ всѣхъ сочленовъ, то отъ группы главныхъ руководителей. И, конечно, здѣсь работаетъ преимущественно молодежь, не очень давно прошедшая черезъ школу и значительно прозрѣвшая для новой, безпокойной, сложной жизни съ расширившимся горизонтомъ,—молодежь, постепенно создающая новый типъ деревенской интеллигенціи, который, умножаясь, составитъ армію культурныхъ работниковъ, тѣсно и органически слитныхъ съ деревней.

Этихъ немногихъ намековъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы получить нѣкоторое предчувствіе того большого дѣла, которое со стихійной стремительностью совершается на россійской равнинѣ. Вспоминать просто о пользѣ грамотности было бы, конечно, наивно, доказывать эту пользу было бы все равно, что убѣждать въ математической истинѣ: дважды два—четыре. Но все мѣняется, когда простое и обычное вдругъ развертывается въ неожиданныхъ громадныхъ размѣрахъ. Когда малыя капли воды капаютъ съ крыши, онѣ не могутъ ни удивить, ни вызвать энтузіазмъ. И тѣ же капли, соединенныя въ большую рѣку, командуютъ характеромъ мѣстности, кладутъ властную печать на бытъ населенія и вызываютъ своей мощью и красотой восхищеніе и преклоненіе.

Кажется, именно въ такую мощную рѣку превратилось за послѣднее время теченіе грамотности въ деревенской Россіи. Оттого-то при чтеніи газетныхъ корреспонденцій о земскихъ собраніяхъ, гдѣ ярко выдвигается линія народнаго образованія, приходишь въ волненіе, видя подтвержденіе и напоминаніе, что эта спасительная волна растетъ и растетъ въ Россіи.

Въ особенности характерны газетныя извѣстія, которыя какъ будто подходятъ къ этому вопросу съ обличительной, отрицательной стороны, а въ сущности даютъ подтвержденіе глубины движенія.

«Вятская Рѣчь», напримѣръ, печатаетъ слѣдующую раздраженную корреспонденцію изъ г. Малмыжа: «Учебный годъ начался не совсѣмъ благополучно для земства: учителей не хватаетъ. Не хватаетъ теперь, съ самаго начала учебнаго года. А что же дальше будетъ—зимою? Перспектива изъ неособенно пріятныхъ. Особенно же это непріятно самимъ учащимъ. Теперь не рѣдкость, что одна учительница занимается съ 70—80 дѣтьми въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Трудъ прямо убійственный, невыносимый. Школа двухъ-комплектная, жалованье казной отпускается на двоихъ. Почему бы, спрашивается, не выдать двойное вознагражденіе той, которая несетъ двойной трудъ. Съ введеніемъ всеобщаго обученія (раньше выдавалось небольшое вознагражденіе) земцы, очевидно, пришли къ тому убѣжденію, что съ учительницы, получающей «цѣлыхъ 30 целковыхъ», можно одновременно драть и по двѣ-три шкуры. И эти лишнія «шкуры», по постановленію земскаго собранія, полностью идутъ въ особую «экономію», гдѣ ежегодно скопляется на такой шкурной спекуляціи по пять и болѣе тысячъ рублей, а нынче можно понадѣяться получить и нѣсколько десятковъ тысячъ. Вѣдь на эти деньги можно выстроить нѣсколько новыхъ школъ! Слезницу за слезницей посылаютъ учащіе г. инспектору, прося о скорѣйшемъ назначеніи помощниковъ. Отъ послѣдняго же, какъ говорится, ни привѣта, ни отвѣта. Молчаніе—это, кажется, излюбленная манера г. инспектора отвѣчать на всѣ просьбы и заявленія подвѣдомственныхъ ему пѣшекъ—г.г. учащихъ. Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали, по моему мнѣнію, недостатокъ учащихъ въ уѣздѣ. Многія земства стараются всѣми силами привлечь въ свой уѣздъ какъ можно больше кандидатовъ, чтобы можно было сдѣлать изъ нихъ болѣе тщательный выборъ и тѣмъ поднять образовательный уровень учащихъ. Съ этой цѣлью во многихъ земствахъ, напр. Пермской губ., установленъ повышенный окладъ жалованья—420 р., вводятся періодическія прибавки, выдаются билеты на безплатный проѣздъ учащихъ на земскихъ лошадяхъ до уѣзднаго города (въ Глазовскомъ—двѣ безплатныя поѣздки) и т. д. и т. д. Наши же земцы на такія «поблажки» неспособны. Разсказываютъ, что одинъ изъ членовъ земской управы, разъѣзжая осенью по школамъ, крайне негодовалъ на то, что учительницы берутъ изъ земскихъ складовъ много стульевъ.—Я заставлю покупать ихъ только по одному стулу,—авторитетно заявлялъ онъ своимъ знакомымъ.—Ну, а если и на одинъ-то стулъ посадить будетъ некого? Что тогда дѣлать будемъ?»

Раздраженіе корреспондента, судя по приведеннымъ фактамъ, довольно законно. Но въ корреспонденціи все же просвѣчиваетъ нѣчто значительное и положительное: несмотря на небрежность земства и вѣ-

домства народнаго просвѣщенія, въ лицѣ инспектора, школы, видимо, ломятся отъ напора учащихся, такъ какъ учителямъ приходится заниматься съ двойнымъ и тройнымъ количествомъ учениковъ. То, что членъ управы или инспекторъ относятся дурно къ своимъ обязанностямъ, временно и преходяще. Но напоръ желающихъ учиться изъ низовъ населенія не случаенъ. Это проснулась почва, которую земство упорно распахивало и засѣивало въ теченіе 50-ти лѣтъ (полезно, кстати, вспомнить объ этомъ предъ близящимся 50-тилѣтнимъ юбилеемъ «земскихъ учрежденій»). Трудилось надъ упрямой, недовѣрчивой почвой не нынѣшнее обезцвѣченное, поправѣвшее земство. Но сдѣлано было такъ много, что движеніе пріобрѣло постепенно неодолимую инерцію и движется теперь само собой, заставляя правыя земства служить ему почти противъ воли. Крестьянское населеніе, которое пятилось отъ школы и которому приходилось всячески внушать пользу грамотности и образованія, нынѣ хлынуло къ школѣ.

Поэтому, напримѣръ, въ корреспонденціи изъ Кузнецкаго уѣзда, — самаго глухого уѣзда въ Саратовской губерніи, — приходится теперь читать такія строки: «Представляя на разсмотрѣніе собранія приходо-расходную сумму земства на 1914 годъ,—сообщаетъ корреспондентъ «Сарат. Вѣстника»,—предсѣдатель собранія, Н. Ф. Иконниковъ, доложилъ, что смѣта спроектирована съ превышеніемъ трехпроцентной предѣльности обложенія въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ: расходъ на народное образованіе, съ осуществленіемъ всеобщаго обученія, повышается по одному этому отдѣлу на 17 проц.».

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Краснинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, аттестуетъ этотъ уѣздъ самымъ захудалымъ въ губерніи («по многимъ отраслямъ земскаго дѣла уѣздъ плетется въ хвостѣ другихъ уѣздовъ») и все же отмѣчаетъ слѣдующее: «На земскомъ собраніи, какъ и всегда, много было удѣлено мѣста вопросамъ народнаго образованія. Собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о пересмотрѣ вопроса о размѣрѣ пособія изъ казны на школьное строительство, такъ какъ старыя нормы пособія не соотвѣтствуютъ настоящимъ цѣнамъ на строительные матеріалы и рабочія руки. Смѣта на народное образованіе собраніемъ повышена почти въ два раза: съ 40,407 руб. въ текущемъ году до 71,759 руб. на 1914 г.».

Такъ же крупно шагнуло Балашовское земство, Саратовской губерніи. «Въ проектѣ смѣты по народному образованію,—сообщаетъ «Саратовскій Листокъ»,—управа внесла вмѣсто 411.190 руб. прошлаго года—714,230 руб., то-есть болѣе на 303.040 руб. Увеличеніе

расхода вызывается главнымъ образомъ потребностью въ школьномъ строительствѣ».

Изъ Рязани пишутъ въ «Русскія Вѣдомости»: «Рязанское уѣздное земское собраніе прошло съ рѣдкимъ оживленіемъ. Этому много способствовало образованіе городской партіи, солидарно съ которой по многимъ вопросамъ выступали и крестьяне. Немало вниманія было удѣлено собраніемъ на народное образованіе. Рѣшено открыть школу повышеннаго типа, преобразовать нѣсколько одноклассныхъ школъ во второклассныя. Собраніе признало также необходимымъ содѣйствовать развитію ученическихъ экскурсій и народныхъ спектаклей. Въ цѣляхъ поднятія техники и развитія кустарныхъ промысловъ собраніе высказалось за открытіе въ с. Льговѣ школы по корзиноплетенію и классовъ рукодѣлія при шести земскихъ школахъ. Рѣшено въ 1914-мъ году организовать лѣтніе трехнедѣльные педагогическіе курсы».

Тамбовскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ: «Спасское земское собраніе внесло въ смѣту на 1914 г. большія суммы на народное образованіе. Помимо ассигнованныхъ 28-ми тыс. рублей на содержаніе земскихъ школъ и 8-ми тыс. руб. на школьное строительство, собраніе постановило ходатайствовать о пособіи со стороны министерства въ 30.300 р. на оборудованіе 54-хъ школьныхъ комплектовъ и о ссудѣ съ разсрочкой на 40 лѣтъ въ 16,900 р. на постройку школьныхъ зданій. Собраніе принципіально согласилось на участіе въ юбилейной выставкѣ, проектируемой губернскимъ земствомъ въ память 50-ти-лѣтія существованія земскихъ учрежденій, отложивъ вопросъ объ ассигновкѣ на это дѣло до экстреннаго собранія. Темниковское земское собраніе на участіе въ этой выставкѣ ассигновало 3 т. рублей. Темниковское собраніе отличалось рѣдкимъ дѣловымъ настроеніемъ: продолжалось шесть дней и разобрало до 170-ти докладовъ. Смѣта возросла противъ прошлаго года на 13 т.), достигнувъ 400 тыс. рублей. Изъ этой суммы около 100 тыс. руб. пошло на народное образованіе и 84 тыс. руб.—на агрономію. Кромѣ того собраніе постановило сдѣлать заемъ около 200 тыс. руб. на расширеніе медицинскаго и ветеринарнаго дѣла и оборудованіе уѣзднаго телефона. За телефонъ особенно стояли гласные отъ крестьянъ».

Изъ Кременчуга «Одесскому Листку» пишутъ: «Собраніемъ утверждена смѣта земскихъ расходовъ на 1914 г., которая выразилась въ почтенной суммѣ 827.697 руб. Изъ указанной цифры ассигновано на постройку школьныхъ зданій и на народное образованіе 385.000 руб.»

Нѣкоторые корреспонденты, видимо, не чувствуютъ важности

вопроса о развитіи народнаго образованія и поэтому упоминаютъ о немъ вскользь. Такъ напримѣръ, корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей изъ Двинска, посвятившій корреспонденцію разнымъ вопросамъ земскаго хозяйства, только въ самомъ концѣ корреспонденціи кратко сообщаетъ: «Замѣтно развитіе земской дѣятельности въ области народнаго образованія и медицины. Предположено къ открытію въ уѣздѣ 17 комплектовъ новыхъ земскихъ школъ къ 95-ти существующимъ».

Знаменательно, что кое-гдѣ въ земствахъ за народное образованіе начинаютъ ратовать крестьяне-гласные. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Смоленска рисуетъ интересную картину земскаго собранія: «Наиболѣе характернымъ явленіемъ только что закончившагося смоленскаго уѣзднаго земскаго собранія было усилившееся значеніе гласныхъ-крестьянъ, въ составѣ которыхъ—нѣсколько работниковъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ. Гласные-горожане (отъ второго избирательнаго собранія) поспѣшили войти съ ними въ соглашеніе. По всѣмъ вопросамъ крестьяне и горожане выступали совмѣстно. Дѣло началось съ учительскихъ курсовъ. Управа внесла предложеніе о внесеніи въ смѣту 700 руб. на посылку желающихъ 20-ти учащихъ на столичные курсы и объ ассигновкѣ 1.100 р. на устройство при содѣйствіи губернскаго земства мѣстныхъ смѣшанныхъ курсовъ—педагогическо-общеобразовательныхъ для учащихъ съ болѣе низшей педагогической подготовкой. Противъ ассигновки на столичные курсы въ комиссіи горячо возражали членъ Государственной Думы октябристъ А. З. Танцовъ и нѣкоторые другіе гласные-помѣщики, видѣвшіе въ этихъ курсахъ «безполезную увеселительную прогулку». Но объединенными голосами крестьянъ и горожанъ вопросъ о курсахъ въ ревизіонной комиссіи, а затѣмъ и въ собраніи прошелъ. Еще ярче разгорѣлась борьба при обсужденіи предложенія управы о приглашеніи инструктора по кооперації, съ содержаніемъ въ 2.000 руб.—Я и многіе другіе гласные,—доказывалъ членъ Государственной Думы Танцовъ,—только впервые слышимъ самое слово «инструкторъ по кооперації». Мы не знаемъ, есть ли гдѣ-либо на свѣтѣ такой человѣкъ, каковы его функціи. Намъ предлагаютъ разрѣшить задачу со многими неизвѣстными.—Это похоже на то,—говорилъ непремѣнный членъ губернской землеустроительной комиссіи В. Н. Каверзинъ,—какъ одинъ любитель музыки выписалъ музыкальный инструментъ «трамъ-бомъ-бомъ» только потому, что впервые о немъ слышалъ.—Трудно въ настоящее время не знать инструкторовъ по кооперації, — возражалъ этимъ почтеннымъ дѣятелямъ гласный-крестьянинъ С. В. Бобровъ (счетоводъ кредитнаго товарищества).—Стоитъ только развернуть любой кооперативный періоид-

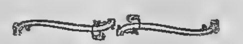
ческій органъ и тамъ можно увидѣть, что такіе инструкторы существуютъ уже во многихъ земствахъ. Предложеніе управы было принято».

Страннымъ образомъ роли какъ будто перемѣнились: дворяне-земцы проявляютъ невѣжество, а крестьянинъ даетъ разъясненія и способствуетъ проведенію культурнаго мѣропріятія. Конечно, приведенный случай, къ сожалѣнію, пока представляетъ исключеніе: еще нѣтъ полнаго доступа крестьянамъ къ земской дѣятельности, и, вѣроятно, еще не очень много среди нихъ созрѣвшихъ земскихъ дѣятелей. Но въ отмѣченномъ фактѣ кроется намекъ на бодрое и, можетъ быть, недалекое будущее. Черезъ школу, а затѣмъ черезъ кооперацію и другія общественныя организаціи подготовляется въ крестьянствѣ классъ общественныхъ работниковъ.

Этимъ, кстати, выдергивается изъ-подъ ногъ праваго дворянства послѣдняя ступенька привилегированной лѣстницы. Правые дворяне главнымъ козыремъ противъ земской и политическихъ реформъ пускали фразу: «Преждевременно. Народъ не созрѣлъ». Можно допустить, что нѣкоторые изъ нихъ высказывали подобный взглядъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, такъ какъ въ опасеніяхъ незрѣлости и политической неподготовленности крестьянской массы заключалось подобіе правды—но именно, только подобіе, такъ какъ земская и политическія реформы прежде всего для того и нужны, чтобы облегчить массамъ путь къ скорѣйшей гражданской зрѣлости.

Ринувшись къ низшему и среднему образованію, къ агрономіи, къ общественной выучкѣ въ коопераціи, крестьянская Россія инстинктивно нашла, можетъ быть, путь къ правовой жизни—путь медленный, но вѣрный, не исключающій, конечно, и всѣхъ другихъ. Еле шевельнувшись, крестьянская Россія заставила восемь лѣтъ назадъ поблѣднѣть противниковъ реформъ и подвинула ихъ къ уступкамъ. Но то было движеніе почти безсознательное, безпорядочное, полуслѣпое. Иная цѣна будетъ этой силѣ, когда она постепенно прозрѣетъ, вооружится образованіемъ (хотя бы и въ небольшомъ размѣрѣ), культурными и общественными навыками. Едва ли потребуется тогда и какая-либо грубая борьба. Уступки придутъ сами собой и одна за другой. Школа, въ которую вливается сейчасъ почти поголовно дѣтское населеніе Россіи, неслышно готовитъ мирную армію, которая выпрямитъ и оздоровитъ, надо надѣяться, русскую жизнь.

И. Жилкинъ.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Л. Авилова. Образъ человѣческій. Разсказы. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книжкѣ г-жи Авиловой собранъ цѣлый рядъ коротенькихъ разсказовъ, преимущественно психологическаго содержанія. Не всѣ они въ одинаковой степени интересны по темамъ, весьма различны они и по выполненію. Но въ каждомъ изъ нихъ горитъ искра настоящаго непосредственнаго таланта, чувствуется свѣжесть души и живость наблюденій. Особенно хороши разсказы, въ которыхъ передано соприкосновеніе человѣка съ природой («Въ весенней дымкѣ», «Послѣдній звонъ», «Сирень цвѣтетъ», «Родное»). То, къ чему такъ упорно и невсегда такъ успѣшно стремятся наши «молодые» писатели—къ проникновенію въ душу міра, къ сближенію съ космосомъ—далось г-жѣ Авиловой безъ всякихъ усилій съ ея стороны, само собой. Она природѣ не чужая. Тютчевскіе «рѣки и лѣса» вели съ нею бесѣду «языками неземными». Особенно близка ея душѣ весенняя природа, съ своими буйными соками и веселящимъ солнцемъ. Писательница связана съ весной такими прочными нитями, что ихъ не изжить во всю жизнь... Ея героиня въ разсказѣ: «Творчество» не даромъ «осталась пьяна молодостью и любовью на всю жизнь». Она естественно не замѣчала того, какъ мелькали годы, «исчезла красота», «рушились надежды и мечты»..., потому что она была прежнею—слишкомъ сильно напитала ее весна. И какъ жестко звучитъ упрекъ ея бывшаго поклонника и друга:—«Маша, милая, пожалуйста не бѣгай и не рѣзвись. Ты уже стара для такого поведенія, а я еще настолько тебя люблю, что мнѣ непріятно видѣть тебя смѣшной и жалкой»...

Въ разсказѣ «Въ весенней дымкѣ» молоденькая дѣвушка Зоя, поссорившись съ женихомъ, пріѣхала искать утѣшенья къ своему дѣду въ деревню. О, старый дѣдъ, которому никогда въ одиночествѣ не скучно среди изъ года въ годъ пробуждающагося и умирающаго сада, умѣетъ подбирать ключи и къ тайнамъ жизни, и къ ея маленькому сердцу!—«Смотри. Знаешь ты, что это растетъ?»—спрашивалъ онъ и тыкалъ концомъ своей палки. «Она присматривалась и ничего не узнавала. Изъ земли на каждомъ шагу высовывались и лѣзли всякія диковинки, въ которыхъ трудно было угадать то зна-

комое и обычное, чѣмъ они станутъ лѣтомъ. Высовывались и лѣзли то былиночки, то трубочки, то набалдашнички, зеленые, бѣлые, красные, наивные, слабые и нѣжные. Старикъ смѣялся и называлъ растенія.—«То-то, братъ! Ничего-то ты не знаешь! Городская ты штучка!» Дѣдъ охотно посвящалъ внучку въ тайны ранней весны, когда такъ тѣсно сплетается «прошлое съ будущимъ... воспоминанія и ожиданія». Самъ онъ давно уже использовалъ свое индивидуальное бытіе и жилъ, какъ часть природы, ея общими радостями.—«...Жаворонки да бабочки... И думается, чего мнѣ, старику, радоваться веснѣ? А вѣришь ли, радуюсь, любуюсь. Вотъ букашецъ какой-то ползетъ. Чувствомъ своимъ говорю ему: Ползи, братъ, за своимъ дѣломъ! Пользуйся жизнью, люби ее, твое это святое право!»

Та же пантеистическая любовь къ міру заполняетъ героя разсказа «Послѣдній звонъ», такого же престарѣлаго, да еще, вдобавокъ, и больного, стоящаго уже одной ногой въ гробу. Простой, мало культурный человѣкъ, онъ умѣлъ любить свой садъ (который много лѣтъ уже держалъ въ арендѣ) не за то, что въ этомъ году много яблонь, и это ему выгодно, а за что-то, чего онъ не можетъ понять и опредѣлить. Въ душѣ его есть «что-то тайное и глубокое, точно ключъ подъ камнемъ», откуда изливается эта странная любовь къ міру, «чистая и прозрачная». Приливъ этихъ чувствъ испытываетъ онъ лишь тогда, когда остается одинъ или когда окружающіе оставляютъ его въ покоѣ, думая, что онъ спитъ... Въ обществѣ людей, среди заботъ о «выгодѣ», ключъ изсякаетъ, и тогда ему кажется, «что онъ что-то потерялъ, что ему о чемъ-то скучно»...

Всѣ герои и героини г-жи Авиловой одарены способностью этой особенной внутренней жизни—тютчевской *ночной* жизни души. Въ этомъ ихъ привлекательность. Чѣмъ больше авторъ позволяетъ развернуться этой ихъ способности, тѣмъ интереснѣе выходитъ у него разсказъ (поэтому, напр., такъ волнуетъ этюдъ «Родное»). Все же раціоналистическое, особенно претендующее на иронію и сарказмъ («Царица») гораздо менѣе ему удается.

Большимъ преимуществомъ г-жи Авиловой является то, что она избѣгаетъ чрезмѣрной договоренности, которою очень часто грѣшатъ женщины-писательницы. Она не дѣлаетъ утомительнаго доклада о переживаніяхъ своихъ героевъ, а умѣло схватываетъ суть ихъ. Иногда это—лишь намекъ... удачный аккордъ, который можетъ разрастись въ душѣ читателя въ симфонію. Чувствуется близость къ Чехову. Вѣроятно, это близость природная, такъ какъ правильно пройденной школы у г-жи Авиловой, къ сожалѣнію, не чувствуется.

Полная непосредственность творчества, отсутствіе всего привычнаго, профессіональнаго, конечно, достоинство г-жи Авиловой.

Но здѣсь же кроется и нѣкоторая опасность для нея. Есть что-то случайное, диллетантское въ ея писательствѣ. Нѣтъ въ немъ необходимой литературной устойчивости и прочности. Отсюда и неровность ея творчества, невоздержанность тона и внутренняя незаконченность нѣкоторыхъ ея разсказовъ.

Е. Колтоновская.

— Н. Л. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Извѣстія отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1912 г. кн. 4-я.

Небольшая работа г. Бродскаго о двухъ поэтахъ кружка Станкевича, И. П. Клюшниковѣ и В. И. Красовѣ, совершенно забытыхъ за отсутствіемъ собраній ихъ стихотвореній, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своею обстоятельностью и полнотою собраннаго матеріала. Изученіе подобныхъ второстепенныхъ величинъ литературы, конечно, очень важно для изображенія среды, окружавшей корифеевъ ея. Клюшниковъ и Красовъ, многими личными чертами и своими поэтическими произведеніями, рѣзко выражаютъ отдѣльные моменты пережитого Бѣлинскимъ, Станкевичемъ, Тургеневымъ. Авторъ напоминаетъ приподнятую духовную атмосферу, въ которой жилъ знаменитый кружокъ идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, и опредѣляетъ, чѣмъ были въ этомъ кружкѣ Клюшниковъ и Красовъ. Первый изъ нихъ, широко образованный, остроумный и блестящій, «Аристофанъ кружка», былъ въ полномъ смыслѣ слова жертвою чрезмѣрно развившейся въ кружкѣ страсти къ самоанализу, рефлексіи, убивавшей всякую непосредственность чувства и возможность активной жизни. Въ концѣ концовъ онъ превратился изъ Аристофана въ злобнаго Мефистофеля для друзей; сталъ, наконецъ, ноющимъ, безвольнымъ существомъ и рано скрылся въ глуши харьковской губерніи, никому не подавая о себѣ вѣстей. Появившись въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ, онъ поразилъ всѣхъ, какъ выходецъ съ того свѣта. Онъ по прежнему интересовался философіей, говорилъ о Платонѣ, Ренанѣ, но поражалъ странностями и разговорами о своихъ болѣзненныхъ состояніяхъ. Поэзія его, когда-то доставлявшая «высочайшее наслажденіе» Бѣлинскому, представляетъ противорѣчивыя колебанія отъ религіозно-мистическихъ устремленій къ ироническимъ выходкамъ и насмѣшкамъ рефлектирующаго ума, выражаетъ настроеніе души, безплодно угнетенной сомнѣніемъ и тоской, безсиліе ея сполна отдаться любви и жизни. Бѣлинскій съ его чутьемъ реальности вскорѣ отрекся отъ своего увлеченія Клюшниковымъ.—В. И. Красовъ, истый романтикъ, вѣчно экзальтированный и взвинченный, всегда способный «вспыхнуть и прослезиться отъ всякой прекрасной мысли, отъ всякаго благороднаго подвига», въ жизни былъ тоже большимъ не-

удачникомъ, и въ 1854 г. умеръ въ бѣдности отъ чахотки. Его стихи—«мечта высокая, прекрасная моя», озаряющая темный путь жизни, открывающая «тайну бытія»; для «мечты», однако, мало мѣста въ равнодушной реальной жизни, и отсюда тихая скорбь меланхолика, который дѣлается пѣвцомъ страданія, «нѣмой печали», сердечныхъ утратъ и погибшихъ упованій; это также живо выражало одно изъ настроеній кружка. Произведенія обоихъ поэтовъ, по вѣрному замѣчанію г. Бродскаго, «цѣнный документъ, стихотворныя строки котораго вскрываютъ, чѣмъ жили, чѣмъ волновались и страдали лучшіе люди того времени».—Въ заключеніе своего очерка, авторъ указываетъ, что личности Клюшникова и Красова послужили оригиналами для нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній.—Въ особенности въ этомъ отношеніи посчастливилось Клюшникову, который изображенъ Полонскимъ въ лицѣ Камкова, героя поэмы «Свѣжее преданіе», и далъ Тургеневу черты для характеристики въ «Андреѣ Колосовѣ» вѣчнаго студента Щитова и для «Гамлета Щигровскаго уѣзда».

Ч. В—ій.

— В. В. Жерве. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Изданіе Русскаго Военно-Историческаго Общества. СПБ. 1913. Стр. IX+174. Ц. 2 р.

Знаменитому партизану 1812 года Денису Давыдову должно быть отведено мѣсто не только въ нашей военной исторіи, но и въ исторіи литературы. Давыдовъ обладалъ оригинальнымъ талантомъ и его поэзія представляла собою довольно замѣчательное явленіе въ нашемъ литературномъ развитіи. Стихотворенія Давыдова очень цѣнилъ Пушкинъ, назвавъ его однимъ изъ своихъ поэтическихъ учителей. Довольно высоко ставилъ Давыдова и Бѣлинскій, причисляя его къ «примѣчательнѣйшимъ людямъ» Александровской эпохи, находя его поэтическій талантъ «замѣчательнымъ, самобытнымъ и яркимъ», говоря, что «какъ прозаикъ, Давыдовъ имѣетъ полное право стоять на-ряду съ лучшими прозаиками русской литературы». Но, несмотря на то, что Давыдовъ, не только какъ военный дѣятель, но и какъ писатель, заслуживаетъ вниманія изслѣдователей нашего прошлаго, у насъ до сихъ поръ не было болѣе или менѣе обстоятельнаго труда о немъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать вышедшей въ изданіи Русскаго Военно-Историческаго Общества книги В. В. Жерве—«Партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ», являющейся первымъ большимъ трудомъ о немъ.

В. В. Жерве использовалъ не только печатные труды, но и первоисточники—обширный, очень цѣнный архивъ Давыдова, благо-

говѣйно сохраненный его потомками и переданный ими Русскому Военно-Историческому Обществу. Не исчерпавъ всего матеріала этого архива, авторъ умѣло извлекъ изъ него наиболѣе важное и существенное, сообщилъ неизвѣстныя свѣдѣнія, обрисовалъ жизнь и боевую дѣятельность Давыдова въ общемъ удачно, хотя и не выдержавъ равномѣрности и очертивъ одни эпохи и эпизоды болѣе подробно, чѣмъ другіе. В. В. Жерве мало остановился на его литературной дѣятельности, обрисовавъ ее поверхностно, не давъ сколько-нибудь обстоятельной ея оцѣнки, обнаруживъ недостаточное знакомство съ источниками, относящимися къ этой области. Малое знакомство автора съ литературой о Давыдовѣ, какъ о писателѣ, всего рельефнѣе обнаруживается на стр. 135, гдѣ авторъ, приводя выдержку изъ статьи, напечатанной въ 1840 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», не знаетъ, что она написана Бѣлинскимъ, что принадлежность ему установлена еще въ 1904 г. С. А. Венгеровымъ, и что она представляетъ собою цитату изъ той же статьи Бѣлинскаго, которую авторъ цитируетъ по книгѣ Б. А. Садовскаго нѣсколькими строками выше. Повидимому, отмѣченная выдержка взята авторомъ изъ вторыхъ рукъ. Говоря о литературной дѣятельности Давыдова, В. В. Жерве часто ограничивается самыми общими замѣчаніями. Напримѣръ, сообщая, что Давыдовъ былъ избранъ въ члены Общества любителей россійской словесности, авторъ говоритъ только, что «въ Трудахъ» этого Общества, издававшихся съ 1812—1828 г.г., «онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ другими лучшими поэтами того времени», не указывая въ чемъ выразилось это участіе, хотя свѣдѣнія объ этомъ легко можно было найти въ недавно вышедшемъ «Словарѣ» членовъ этого общества (М. 1911).

Недостаточно В. В. Жерве удѣлилъ вниманія и характеристикѣ очень интересной въ психологическомъ отношеніи личности Давыдова, оригинальный душевный складъ, внутренній обликъ, психика его выявлены авторомъ блѣдно, выступаютъ въ неясныхъ очертаніяхъ. Въ Давыдовѣ много было противорѣчиваго, какъ напримѣръ, въ немъ уживалось настоящее безкорыстное самопожертвованіе съ погоней за наградами и отличіями, которыхъ онъ усиленно добивался. Авторъ не задумывается надъ этимъ противорѣчіемъ, не пытается найти ему объясненіе, проникнуть глубже въ психику Давыдова.

Мало изслѣдованы и освѣщены въ книгѣ В. В. Жерве также общественно-политическіе взгляды Давыдова; только мимоходомъ затронуто отношеніе его къ тому общественному движенію, которымъ ознаменовалось царствованіе Александра I и которое привело къ декабрьскому возстанію. Авторъ говоритъ, что Давыдовъ, «несомнѣнно, отражалъ въ себѣ воззрѣнія и чувства лучшей части современнаго

ему русскаго общества», оставляя въ сторонѣ анализъ и характеристику взглядовъ Давыдова, не выясняя въ чемъ именно и въ какихъ пунктахъ они были отраженіемъ идеологіи тогдашняго передового общества. Остается не освѣщеннымъ и вопросъ о томъ, почему Давыдовъ, вращаясь въ средѣ, изъ которой вышли декабристы, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ со многими видными дѣятелями движенія, напр., съ М. Θ. Орловымъ, Я. И. Якубовичемъ, А. А. Бестужевымъ, В. Л. Давыдовымъ,—не примкнулъ къ нимъ, не раздѣлялъ ихъ соціально-политическихъ взглядовъ и стремленій. Авторъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что Давыдовъ, «глубоко честный, прямой по натурѣ и откровенный въ сужденіяхъ, не могъ, хотя бы временно, измѣнить своимъ строгимъ житейскимъ принципамъ и примкнуть къ какому-либо тайному обществу», не стараясь вскрыть тѣ сложныя, коренившіяся въ міросозерцаніи и психикѣ Давыдова причины, которыя обусловили отношеніе его къ выступленію декабристовъ.

Кромѣ этого, невозможно согласиться съ нѣкоторыми, сдѣланными В. В. Жерве, оцѣнками поступковъ и сторонъ дѣятельности Давыдова. Такъ напримѣръ, говоря о взятіи Давыдовымъ въ 1812 г. Гродно, авторъ замѣчаетъ, что «нельзя ему отказать въ большой находчивости и остроуміи мѣръ, примѣненныхъ для водворенія порядка въ городѣ и поднятія престижа русскаго имени». Эти мѣры были подобны слѣдующей: «ксендзъ, говорившій похвальное слово Наполеону при вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, долженъ былъ сочинить и въ россійской церкви говорить слово, которымъ проклиналъ Наполеона съ его войскомъ и союзниками и восхвалялъ нашего Государя, Кутузова, русскій народъ и войско», вообще же Давыдовъ «нагналъ страху не только на населеніе, но и на городскихъ чиновниковъ». Такія «мѣры», вызывающія одобреніе В. В. Жерве, не только не могли способствовать «поднятію престижа русскаго имени», какъ полагаетъ авторъ, а, наоборотъ, должны были неминуемо уронить его; Давыдовъ, примѣнивъ насиліе, еще болѣе вооружалъ поляковъ противъ Россіи, обнаружилъ не «находчивость и остроуміе», а политическую недальновидность и отсутствіе такта. Подобныя оцѣнки не удивили бы въ книгѣ, написанной съ опредѣленной, тенденціозной цѣлью—«возбудить патріотизмъ», прославивъ во что бы то ни стало Давыдова, какъ военнаго дѣятеля, но странно ихъ видѣть въ историческомъ трудѣ, гдѣ авторъ долженъ стремиться къ наибольшей объективности и безпристрастности. Историкъ, главной задачей котораго является выясненіе истины, не можетъ пройти мимо ни одного показанія, тщательно не провѣривъ его, но В. В. Жерве, описывая усмиреніе Давыдовымъ въ 1831 г. польскаго воз-

станія, отмѣчая, что въ польскихъ прокламаціяхъ, газетахъ и устныхъ разсказахъ передавалось о жестокости партизана, уклонился отъ обязательной для историка провѣрки этихъ показаній, а просто, безъ всякаго историческаго доказательства, отвергъ ихъ, назвавъ «небылицами». Такой пріемъ, независимо отъ того, правильно или нѣтъ утвержденіе автора, совершенно недопустимъ въ исторической работѣ.

Такимъ образомъ, книга В. В. Жерве, представляя цѣнность, какъ первое обширное изслѣдованіе о Давыдовѣ, въ которомъ удачно обрисована его жизнь и боевая дѣятельность, сообщены неизвѣстныя ранѣе данныя, не лишена недостатковъ, не является исчерпывающей всесторонне вопросъ. Давыдовъ, особенно его литературная дѣятельность, личность и общественно-политическіе взгляды ждутъ еще изслѣдователя. Заслуга В. В. Жерве заключается въ томъ, что онъ заложилъ фундаментъ серьезнаго изученія Давыдова, который до сихъ поръ мало привлекалъ вниманіе изслѣдователей нашего прошлаго, несмотря на то, что вполнѣ его заслуживаетъ. Желательно, чтобы Русское Военно-Историческое Общество, издавъ книгу В. В. Жерве, сдѣлавъ тѣмъ самымъ уже шагъ къ изученію Давыдова, пошло бы и дальше и предприняло бы изданіе его богатѣйшаго архива, что было бы заслугой не только въ области изслѣдованія военной исторіи, но и драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу литературную исторіографію.

А. Фоминъ.

— E. Le Roy. Une philosophie nouvelle, 3 éd 1913 г. Félix Alcan.
— J. Desaymard. La pensée d'Henri Bergson. Mercure de France.
— J. Segond. L'intuition bergsonienne. 1913 г. Félix Alcan.
— R. Berthelot; Un romantisme utilitaire. Etude sur le mouvement pragmatisme. Le pragmatisme chez Bergson 1913 г. Félix Alcan.

На философскомъ небѣ за послѣднее время загорѣлась новая яркая звѣзда. Это А. Бергсонъ. Дѣятельность Бергсона длится уже около четверти вѣка (первое—и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, лучшее—изъ его основныхъ произведеній, «Essai sur les données immédiates de la conscience», появилось въ 1889 г.). Огромное имя Бергсонъ имѣетъ уже давно во Франціи, гдѣ у него масса восторженныхъ поклонниковъ, гдѣ каждая книга его составляетъ цѣлое событіе, не только философское, но и общелитературное, гдѣ, съ одной стороны, синдикалисты, а съ другой, католики — модернисты ищутъ въ его теоріяхъ опоры для своихъ воззрѣній. Но міровой философской величиной Бергсонъ сталъ только за послѣдніе годы, послѣ выхода его послѣдней книги «Творческая эволюція» (1907 г.), послѣ Болон-

скаго философскаго конгресса, одно изъ засѣданій котораго превратилось въ настоящую овацію французскому мыслителю. О Бергсонѣ теперь много пишутъ. Существуетъ уже довольно значительная литература о его философіи, въ видѣ безчисленнаго множества статей въ различныхъ философскихъ и общихъ журналахъ и цѣлаго ряда книгъ,—главнымъ образомъ, конечно, французскихъ авторовъ. На нѣкоторыхъ изъ французскихъ новинокъ въ области Bergsoniana я и остановлюсь въ предлагаемой замѣткѣ.

Для читателя, желающаго войти въ строй мысли Бергсона и уловить духъ его ученія, можетъ быть, лучше всего начать съ книги Э. Ле Руа. Ле Руа, одинъ изъ теоретиковъ католическаго модернизма во Франціи, не ученикъ Бергсона. Это очень талантливый, самостоятельный и обладающій литературнымъ даромъ мыслитель, своимъ особымъ путемъ пришедшій ко взглядамъ, «во многомъ сходнымъ съ концепціями Бергсона. Когда онъ познакомился съ ученіемъ послѣдняго, то въ немъ онъ нашелъ—какъ онъ разсказываетъ въ предисловіи къ разбираемой книгѣ — «блестящее осуществленіе нѣкоего предчувствія и нѣкоего желанія». Въ работахъ Бергсона Ле Руа видитъ одно изъ самыхъ славныхъ дѣяній нашей эпохи. Онѣ, по его мнѣнію, отмѣчаютъ дату, которой исторія не забудетъ, открываютъ новый фазисъ въ развитіи метафизической мысли. Революцію, произведенную Бергсономъ въ философіи, можно сравнить по значенію съ кантовскимъ или даже сократовскимъ переворотомъ.

Въ первыхъ двухъ главахъ Ле Руа даетъ общій очеркъ метода и ученія Бергсона. Въ дополнительныхъ статьяхъ онъ касается цѣлаго ряда частныхъ проблемъ, разсмотрѣнныхъ французскимъ мыслителемъ: теоріи воспріятія, проблемы эволюціи, ученія о логическомъ мышленіи и индукціи, и т. д. Въ заключеніе онъ указываетъ въ немногихъ словахъ на возможность дальнѣйшаго развитія системы въ сторону религіозной философіи и моральной философіи. Изложеніе Ле Руа, яркое и образное по формѣ, заинтересовываетъ читателя. Что касается внутреннихъ достоинствъ его, то лучшей рекомендаціей въ этомъ отношеніи можетъ быть весьма лестный отзывъ самого Бергсона, приведенный въ предисловіи къ книгѣ.

Очень живо и интересно написана небольшая книжка Дезэмара, пытающаяся вскрыть основныя мотивы творчества Бергсона.

Любопытно задумана книга Сегона, онъ указываетъ на рядъ антитезъ, характерныхъ для философіи Бергсона и проходящихъ черезъ всѣ его главныя произведенія. Это дуализмъ количества и качества, однороднаго пространства и живой длительности, матеріи и жизни, тѣла и духа, необходимости и свободы, науки и искусства, общества и личности, рѣчи и мысли, логики и интуиціи, дѣйствія и

чистаго познанія, науки и метафизики — дуализмъ, въ которомъ Бергсонъ отдаетъ предпочтеніе второму члену каждой антитетической пары. Сегонъ пытается въ своей работѣ вскрыть внутреннюю связь и филіацію всѣхъ этихъ антитетическихъ паръ, доказывая кажущійся характеръ заключенныхъ здѣсь антиномій, находящихъ въ интуиціи принципъ примиренія. Въ послѣдней главѣ Сегонъ изслѣдуетъ религіозныя «средства» бергсонизма. Интересная по замыслу работа Сегона сильно испорчена однако необычнымъ для французскаго автора тяжелымъ стилемъ, странной конструкціей предложеній и отдѣльныхъ словъ въ предложеніяхъ.

Книга Р. Бертло представляетъ наиболѣе тщательное и подробное изслѣдованіе философіи Бергсона. Она составляетъ второй томъ задуманнаго Бертло обширнаго изслѣдованія о прагматическомъ движеніи. Первый томъ былъ посвященъ прагматизму Ницше и Пуанкарэ. Слѣдуя методу, примѣненному имъ въ первой своей работѣ, французскій авторъ излагаетъ сперва воззрѣнія Бергсона, подчеркивая въ нихъ элементы прагматизма. Это составляетъ содержаніе первыхъ трехъ главъ книги. Глава IV занимается сравненіемъ прагматизма у Бергсона, Пуанкарэ и Ницше. Затѣмъ идетъ рядъ главъ, посвященныхъ изслѣдованію вопроса объ источникахъ бергсоновскаго прагматизма. Бертло указываетъ на вліяніе, съ одной стороны, романтическаго потока идей, идущаго изъ Равессона, а черезъ него отъ Шеллинга, и дальше отъ виталистической медицины XVIII в. и, наконецъ, отъ Александрійской философіи (Плотинъ), а съ другой, на вліяніе потока эмпирическаго утилитаризма (философія Спенсера, а черезъ нее эмпирическая англійская психологія послѣднихъ двухъ вѣковъ). Вторая—и бо́льшая—половина книги посвящена критикѣ бергсоновской философіи, критикѣ его философіи математики, философіи физики, философіи біологіи, его ученія объ интуиціи и свободѣ и т. д. Бертло указываетъ здѣсь на рядъ противорѣчій въ нѣкоторыхъ, наиболѣе основныхъ, воззрѣніяхъ Бергсона, на многозначный характеръ такихъ коренныхъ для его философіи понятій, какъ «непосредственный», «интуиція», на неправильное толкованіе имъ современнаго естествознанія и математики, и пр. Бертло совсѣмъ не раздѣляетъ преувеличенныхъ восторговъ поклонниковъ Бергсона, и въ частности не раздѣляетъ мнѣнія объ исключительной оригинальности его воззрѣній. Бергсонъ, по его мнѣнію, обладаетъ большимъ талантомъ представлять старыя идеи въ совершенно новомъ и блестящемъ видѣ. Разыскивая въ «новизнѣ» Бергсона «старину» философской традиціи, Бертло до того увлекается своимъ историческимъ анализомъ, что временами не оставляетъ почти ничего своего Бергсону, между тѣмъ какъ, въ концѣ концовъ,

онъ признаетъ вполнѣ оригинальнымъ достояніемъ автора «Творческой эволюціи» его ученіе о длительности, о психологическомъ времени, какъ чемъ-то отличномъ отъ однороднаго времени науки. Въ этомъ отношеніи онъ сравниваетъ его съ Беркли, который сдѣлалъ аналогичную работу по вопросу о пространствѣ, противоставивъ психологическое пространство однородному пространству геометра. Да и вообще Бертло находитъ много общаго въ философской дѣятельности епископа Клоинскаго и автора «Творческой эволюціи», параллелью межъ которыми и заканчивается его книга. «Есть мыслители, пишетъ онъ, творческая оригинальность которыхъ обновляетъ философскія проблемы: таковъ, напримѣръ, Сократъ, таковъ Декартъ. Есть иные мыслители, всеобъемлющій умъ которыхъ координируетъ и располагаетъ въ іерархическомъ порядкѣ различныя возможныя точки зрѣнія въ философіи: таковъ, напримѣръ, Платонъ, таковъ Гегель. Иные, не имѣющіе ни этой революціонной оригинальности, ни этого гигантскаго охвата мысли, вводятъ, по крайней мѣрѣ, остроумныя и плодотворныя различенія при изученіи частныхъ проблемъ. Это младшіе мастера (petits maîtres) философіи. Они для философіи то, чѣмъ является для музыки, скажемъ, Шопенъ. Таковъ былъ нѣкогда Беркли, таковъ нынѣ Бергсонъ».

П. Юшкевичъ.

— Pierre Rain. Un tsar idéologue. Alexandre I-er. Paris. 1913.

Г. Пьеръ Рэнъ, состоящій редакторомъ одного изъ парижскихъ научно-историческихъ журналовъ, Revue des études historiques, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпустилъ первый томъ своего интереснаго изслѣдованія: «L'Europe et la Restauration des Bourbons». Работая надъ его продолженіемъ, г. Рэнъ особенно заинтересовался «безконечно привлекательной» фигурой того, кто игралъ господствующую роль въ международныхъ отношеніяхъ этой эпохи —фигурой императора Александра I, и посвятилъ ему спеціальный этюдъ, имѣющій цѣлью ознакомить французскую публику съ загадочной личностью этого «непроницаемаго сфинкса». Г. Рэнъ добросовѣстно перечиталъ обширную литературу объ Александрѣ I, изучилъ всѣ появившіеся въ печати документы, привлекъ свѣжій архивный матеріалъ изъ французскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ не ставилъ себѣ задачей написать исторію его царствованія, а хотѣлъ только нарисовать психологическій образъ, насколько это позволяютъ сдѣлать въ настоящее время источники. Но онъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ невозможности написать біографію Александра I безъ очерка исторіи Россіи и Европы того времени, и потому его этюдъ представляетъ

собой вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій сводъ научныхъ работъ послѣднихъ десятилѣтій надъ эпохой Александра I. Въ своемъ изложеніи авторъ даетъ чувствовать читателю, что онъ является прежде всего изслѣдователемъ международныхъ отношеній. Его гораздо меньше интересуетъ значеніе Александра I во внутренней исторіи Россіи, чѣмъ его роль въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Но это не мѣшаетъ ему нарисовать достаточно яркія картины и «дней Александровыхъ прекраснаго начала» и мистической реакціи временъ Священнаго союза. Въ своемъ взглядѣ на личность Александра I г. Рэнъ остается подъ сильнымъ вліяніемъ старой традиціи. Его Александръ—благородный мечтатель-идеалистъ, вѣрный ученикъ Лагарпа, лишенный только достаточной силы воли для того, чтобы провести свои идеалы въ жизнь, а затѣмъ разочаровывающійся въ нихъ подъ вліяніемъ собственныхъ неудачъ. Можно пожалѣть, что многочисленные новые документы, которые опубликовалъ въ послѣдніе годы великій князь Николай Михаиловичъ и которые хорошо знакомы г. Рэну, не оказали замѣтнаго вліянія на пониманіе имъ личности Александра и не заставили его внести нѣкоторый коррективъ къ прежней оцѣнкѣ его характера и дѣятельности. Но во всякомъ случаѣ книга г. Рэна, соединяющая научную добросовѣстность съ литературнымъ талантомъ, одинаково можетъ заинтересовать и французское и русское общество.

В. Б.

— Die Rolle der Gewalt in den Konflikten des modernen Lebens. Eine Rundfrage von Prof. Dr. D. Broda (Берлинъ, 1913).

«Роль силы (физической, конечно) въ конфликтахъ современной жизни»—проблема въ высшей степени интересная и значительная. Попытка выяснить отношеніе къ ней властителей думъ и судебъ современности заслуживаетъ, поэтому, вниманія. Однако, наиболѣе видные авторитеты, въ особенности занимающіе отвѣтственное положеніе, уклонились отъ отвѣта: вопросъ еще слишкомъ спорный и поэтому для политическихъ дѣятелей очень щекотливый. Большинство отвѣтовъ исходитъ отъ представителей науки и такихъ общественныхъ дѣятелей, которые болѣе или менѣе независимы отъ партійной дисциплины.

Какъ при всѣхъ «анкетахъ», извѣстная часть опрошенныхъ отнеслась къ предмету очень легко и, не утруждая себя самоуглубленіемъ, отдѣлалась болѣе ими менѣе безсодержательными и двусмысленными фразами. Такъ напр., бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Эмиль Флурансъ, отвѣтилъ: «Я не принадлежу къ тѣмъ, которые полагаютъ, что можно жить безъ *чести*, безъ *спра-*

ведливости и безъ *свободы»*. Вотъ и все. Коротко, но крайне неясно. Надо знать этого политическаго дѣятеля, чтобы понять смыслъ его словъ. Онъ—реакціонеръ: для него сила и насиліе—источникъ всѣхъ благъ. Какъ голосъ изъ другого міра звучитъ рядомъ съ этимъ отвѣтъ знаменитаго естествоиспытателя и философа Вильгельма Оствальда: «Насиліе, во всѣхъ видахъ, составляетъ самое первобытное и поэтому самое грубое и самое нецѣлесообразное средство улаженія противоположныхъ стремленій личностей и группъ». Тоже самое говоритъ другой нѣмецкій ученый, І. Пфлугкъ-Гартунгъ: «Я отвергаю *всѣ* формы насилія, потому что онѣ всѣ безнравственны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается преступленій. Фактически, однако, многотысячелѣтняя исторія показываетъ намъ, что *сила* и опирающееся на чувствѣ силы насиліе болѣе могуче, чѣмъ *право*, если только *право* не становилось *силой*. Поэтому задача состоитъ въ томъ, чтобы право по возможности вездѣ стало силой, чтобы право и сила соединились въ одно цѣлое. Это очень трудно, даже невозможно, потому что представленіе о томъ, что правильно и что неправильно, очень различно не только у отдѣльныхъ лицъ но также у отдѣльныхъ народовъ. Люди различны и по своей природѣ, и по условіямъ своей жизни, и различіе это возрастаетъ съ ростомъ культуры. Остается, поэтому, только регулировать примѣненіе силы и сдерживать страсти и своеволіе». Глубокій знатокъ человѣческой исторіи на бо́льшее, повидимому, не разсчитываетъ.

Нельзя, однако, не признать значительнымъ шагомъ впередъ уже и то, что *принципіально* почти никто болѣе не признаетъ примѣненіе физической силы въ внѣшнихъ и внутреннихъ конфликтахъ незыблемымъ устоемъ общественной жизни. Война всѣми признается большимъ зломъ, для однихъ—болѣе, для другихъ—менѣе неизбѣжнымъ,—но безспорнымъ зломъ, которому по мѣрѣ силъ и возможности надо противодѣйствовать.

По отношенію къ *внутреннимъ* конфликтамъ, политическимъ и соціальнымъ, проблема въ наиболѣе культурныхъ странахъ уже близка къ полному разрѣшенію. Изъ Швейцаріи, напр., уже *прокуроръ*, генеральный прокуроръ Лино Ферріани пишетъ: «Сила ни въ какой формѣ не соотвѣтствуетъ достоинству современнаго человѣчества. Она, въ сущности, только пережитокъ варварскаго средневѣковья». Чисто политическіе конфликты, борьба за власть, за политическое преобладаніе, въ передовыхъ странахъ уже вошли въ русло мирнаго, культурнаго соперничества. Поэтому о нихъ въ анкетѣ едва упоминается.

«*Были* такія эпохи—пишетъ французскій соціологъ Шарль Рише,—когда право не имѣло никакого значенія, когда народы нахо-

дились въ полной зависимости отъ милости начальства, не имѣли никакого голоса, никакой конституціи!» Такія эпохи *«были»* на западѣ!..

Значительно поблѣднѣлъ также призракъ соціальной революціи. Единеніе, организація, дисциплина — вотъ главные лозунги нашего времени и по отношенію къ соціальной проблемѣ. Принципіально, однако, моральное право на революцію и ея историческую необходимость отстаиваютъ не только соціалисты, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, и умѣренные прогрессисты. Но этотъ вопросъ потерялъ свою прежнюю остроту. Шарль Рише пишетъ: «Угрожающей представляется для будущаго только проблема войны. Вотъ нашъ злѣйшій врагъ, страшный и тогда, когда онъ спитъ. Онъ и въ мирное время причиняетъ массу зла. А самое худшее въ немъ, это — что онъ носитъ маску добродѣтели. Грабежъ и разбой прикрывается маской патріотизма. Эту маску надо сорвать». Большая часть другихъ отзывовъ также посвящена главнымъ образомъ войнѣ, какъ самой страшной, самой опасной для культуры формѣ насилія.

Принципіальное отношеніе передовыхъ умовъ нашего времени къ насилію вообще, во всѣхъ формахъ и видахъ, ярко выражено въ отзывѣ покойнаго русскаго соціолога, Я. Новикова: «Прогрессъ и насиліе противны другъ другу, какъ свѣтъ и тьма. Гдѣ есть насиліе, тамъ нѣтъ прогресса».

Б.

— Bureau of the Census. Thirteenth Census of the United States, taken in the year 1910. (Вашингтонъ, 1913).

Конституція Сѣв. Америк. Соед. Штатовъ, основывая число членовъ отъ разныхъ штатовъ въ палатѣ представителей конгресса на числѣ жителей, установила производство во всей странѣ народной переписи каждый десятый годъ. Передъ каждымъ такимъ десятымъ годомъ министерство внутреннихъ дѣлъ организовало временное бюро для производства переписи, существовавшее столько времени, сколько требовалось для приведенія въ порядокъ и опубликованія его работы, и затѣмъ закрывавшееся. Такія временныя бюро произвели всѣ первыя 12 переписей, до переписи 1900 г. включительно. Страна быстро росла, а требованія къ переписямъ все расширялись, обнявъ, наконецъ, всѣ стороны экономической статистики страны. Опубликованіе работъ затягивалось съ каждымъ десятилѣтіемъ; послѣдній томъ отчетовъ о переписи 1890 г. вышелъ только въ 1898 г., когда уже наступало время приступить къ организаціи бюро для производства переписи 1900 г. Отчеты по переписямъ 1890 и 1900 г.г. составляютъ огромныя изданія по десяти

томовъ in folio, въ тысячу слишкомъ страницъ каждый, со множествомъ картъ и діаграммъ. Помимо бюро переписи, и всѣ министерства имѣли въ своемъ составѣ статистическія отдѣленія, обрабатывавшія и публиковавшія разныя спеціальныя статистическія свѣдѣнія. Въ 1902 г. конгрессъ постановилъ сдѣлать бюро переписи постояннымъ учрежденіемъ, объединить въ немъ статистическія отдѣленія другихъ министерствъ и возложить на него всю статистическую работу государства, какъ по собственному почину бюро, такъ и по порученіямъ конгресса и другихъ государственныхъ учрежденій. Съ организаціей особаго министерства торговли и труда бюро было переведено въ его вѣдомство, и съ 1902 г. издало 116 спеціальныхъ изслѣдованій, а теперь выпускаетъ, по мѣрѣ обработки, отчеты о тринадцатой переписи 1910 г. Постоянная организація бюро состоитъ изъ директора, назначаемаго президентомъ съ утвержденія сената, двухъ его помощниковъ, секретаря и 5 отдѣленій. Сверхъ того бюро по мѣрѣ надобности приглашаетъ экспертовъ по разнымъ спеціальностямъ, изучающихъ ихъ на мѣстахъ. На время переписи страна раздѣляется на 330 округовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи наблюдателей; подъ ихъ руководствомъ работало въ теченіе переписи 1910 г. свыше 70.000 счетчиковъ. Перепись начинается 15-го Апрѣля, и должна быть окончена въ городахъ въ 15, въ сельскихъ округахъ въ 30 дней.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ 116 изслѣдованій есть нѣсколько очень обширныхъ и чрезвычайно интересныхъ. Ими руководили самые выдающіеся авторитеты страны по разнымъ спеціальностямъ. Особенно замѣчательны: Коммерческая стоимость желѣзныхъ дорогъ, 1904. Нищенство, 1904. Благотворительныя учрежденія, 1904. Заработная плата, 1905. Религіозныя организаціи, 1906. Бракъ и разводъ, 1906. Телеграфы и телефоны, 1907. Электрическія желѣныя дороги, 1908. Чахотка, 1908. Сравнительныя таблицы роста страны во всѣхъ направленіяхъ по даннымъ всѣхъ 13 переписей.

Вь настоящее время быстро выходятъ одинъ за другимъ сборники данныхъ переписи 1910 г. Вышли два тома извлеченій изъ данныхъ о народонаселеніи, земледѣліи, промышленности и рудниковомъ дѣлѣ, одинъ общій, другой спеціальный, съ подробностями для каждаго штата въ отдѣльности. Полныхъ данныхъ вышло четыре тома; предстоитъ выходъ еще семи. Данныя о населеніи показываютъ: число жителей въ городахъ и графствахъ, плотность населенія на кв. милю, ростъ городского и сельскаго населенія сравнительно съ предшествовавшими переписями, цвѣтъ кожи, мѣсто рожденія каждаго лица и его родителей, возрастъ, полъ, семейное положеніе, посѣщаемость школъ, абсолютную и по возрастамъ, без-

грамотность, жилищное состояніе. Данныя о землевладѣніи и земледѣліи по каждому отдѣльному штату и его графствамъ показываютъ: распредѣленіе обрабатываемой и необрабатываемой земли, число и размѣры отдѣльныхъ фермъ, исторію ихъ дробленія, ихъ стоимость и ея ростъ, ихъ эксплоатацію собственниками или арендаторами, задолженность фермъ, цвѣтъ кожи и мѣсто рожденія собственниковъ или арендаторовъ, количество лошадей, муловъ, рогатаго скота, овецъ, свиней, домашней птицы, пчелъ и т. д., количество продуктовъ, пространства, засѣянныя хлѣбами, травами и разными промышленными растеніями, занятыя фруктовыми, ягодными и огородными садами, ихъ урожаи и ихъ стоимость, орошенныя пространства, ихъ распредѣленіе, эксплоатацію и производительность. Данныя о фабричномъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ число и размѣры производствъ, число рабочихъ, ихъ возрастъ и полъ, распредѣленіе фабрикъ по числу рабочихъ, ростъ дѣла, свѣдѣнія о различныхъ производствахъ—текстильномъ, стальномъ, кожаномъ, химическомъ, лѣсномъ, гончарномъ и т. д., о путяхъ сообщенія и способахъ транспорта, стоимость продуктовъ и ея распредѣленіе по производствамъ и штатамъ.

Каждый томъ содержитъ въ себѣ массу картъ и діаграммъ, дающихъ наглядное представленіе о состояніи данной отрасли въ каждомъ штатѣ и графствѣ. Данныя переписи замѣчательно полны и разнообразны. Говорящія на англійскомъ языкѣ страны вообще обладаютъ превосходными статистическими описаніями. Статистическіе ежегодники Великобританіи, Канады, Австраліи и полны, и авторитетны—но изданія американскаго бюро переписи, на мой взглядъ, значительно превосходятъ ихъ по своей ширинѣ и цѣлесообразности. Въ продажѣ ихъ нѣтъ: они разсылаются даромъ всѣмъ крупнымъ публичнымъ библіотекамъ страны, правительственнымъ учрежденіямъ, наиболѣе значительнымъ газетамъ и немногимъ частнымъ лицамъ, по рекомендаціи членовъ конгресса, изъ которыхъ каждому предоставляется для распредѣленія извѣстное число экземпляровъ.

П. А. Тверской.

— Салическая правда. Русскій переводъ Lex Salica, Н. П. Граціанскаго и А. Г. Муравьева. Со введеніемъ Н. П. Граціанскаго. (Казань. 1913).

Значеніе Салической Правды, какъ историческаго памятника, общеизвѣстно. Поэтому скажемъ нѣсколько словъ лишь непосредственно о работѣ переводчиковъ. Г.г. Граціанскій и Муравьевъ ограничились переводомъ лишь основного текста Правды, т. е. первыхъ 65 титуловъ, со включеніемъ прологовъ, эпилоговъ и такъ наз. Re-

capitulatio legis Salicae. Къ этому принудили ихъ, по собственнымъ ихъ словамъ, «недостатокъ времени, спѣшность и трудность работы» [1]). Переводъ составленъ примѣнительно къ той комбинаціи текста, которая принята въ изданіи Салической Правды, сдѣланномъ Д. Н. Егоровымъ. Комментировать текстъ — въ виду обширныхъ комментаріевъ, имѣющихся въ помянутомъ изданіи—переводчики считали излишнимъ. Не преслѣдуя ученыхъ цѣлей, г.г. Граціанскій и Муравьевъ имѣли въ виду главнымъ образомъ цѣли преподаванія—подготовленіе къ чтенію и комментированію подлиннаго текста памятника въ аудиторіи; недостатокъ комментаріевъ въ изданіи долженъ быть восполненъ устными объясненіями лектора. Переводчики хотѣли дать начинающимъ возможность предварительной оріентировки въ трудномъ языкѣ памятника, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ «широкое поле для самостоятельныхъ догадокъ и построеній». Переводу предшествуетъ принадлежащее перу г. Граціанскаго «Введеніе», также преслѣдующее чисто-учебныя цѣли—сообщеніе самыхъ общихъ свѣдѣній о памятникѣ.

Переводъ Салической Правды—дѣло далеко не легкое. Не говоря уже о варварскомъ языкѣ памятника, не знающемъ ни этимологіи, ни синтаксиса и преисполненномъ германизмами, переводчикъ сталкивается и со многими другими затрудненіями. Самый переводъ въ значительной степени можетъ быть данъ лишь какъ результатъ, опредѣленнаго толкованія текста; между тѣмъ толкованія же отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ титуловъ Правды весьма различны, иногда прямо противоположны. Переводъ Lex Salica можетъ быть поэтому лишь приблизительнымъ и условнымъ.

Г.г. Граціанскій и Муравьевъ справились со своей задачей болѣе чѣмъ удачно. Недостатки, имѣющіеся въ ихъ работѣ, мало существенны. Укажемъ, напримѣръ, слѣдующее. Въ титулѣ LII, озаглавленномъ «О займѣ», мы читаемъ: «Если кто дастъ другому взаймы что-либо изъ своихъ вещей, и тотъ не пожелаетъ ему возвратить, онъ слѣдующимъ образомъ долженъ вызвать его въ судъ. Со свидѣтелями пусть онъ придетъ къ дому того, кому далъ взаймы свои вещи, и пусть заявитъ слѣдующее: «такъ какъ ты не пожелалъ вернуть мнѣ мои вещи, которыя я тебѣ далъ, то...» и т. д. Намъ кажется, что здѣсь дѣло идетъ скорѣе о ссудѣ (commodatum), нежели о займѣ (mutuum), хотя, конечно, отъ кодекса, подобнаго Салической Правдѣ, трудно требовать точнаго разграниченія подобнаго рода понятій. Допускаемое переводчиками въ титулѣ LVI выраженіе «дать обязательство» придаетъ фразѣ совершенно невѣрный и даже непонятный

[1]) Переводъ предназначенъ для историч. семинарія на Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, данное мѣсто передано переводчиками такъ: «Если кто обвинитъ другого на судѣ въ томъ, что онъ не захотѣлъ дать обязательства или заплатить долга, тогда...» и т. д. При подобной редакціи это мѣсто получаетъ такой смыслъ, какъ будто дѣло идетъ о принужденіи кого-либо къ *заключенію* обязательства, тогда какъ изъ текста ясно, что вопросъ сводится къ *исполненію* обязательства, и правильно мысль памятника должна бы была быть выражена такъ: «Если кто-либо обвинитъ другого на судѣ въ томъ, что онъ не захотѣлъ выполнить обязательства или заплатить долга...» и т. д. Принимая въ различныхъ неясныхъ и спорныхъ мѣстахъ, различныя толкованія — то Clement'a (XLIV § 1—LXIV, § 1), то Kern'a (II, приб. I — XXXVII, § 1 — L, § 2), то Pardessus (XXI, § 4), то Du Cange'a (XIX, приб. 1), или предлагая на основаніи разночтеній свое собственное мнѣніе—переводчики иногда не указываютъ основаній, которыя играютъ въ ихъ выборѣ рѣшающую роль. Въ общемъ, однако, можно только привѣтствовать трудъ г.г. Граціанскаго и Муравьева, обогатившій нашу литературу переводомъ такого интереснаго и важнаго памятника, какъ Салическая Правда, и сдѣлавшій его доступнымъ широкимъ массамъ читателей.

Б. Ивановъ.

— Гастонъ Буассье. Картины Римской жизни временъ цезарей. Общественное настроеніе во время Цезарей. Переводъ съ 6-го французскаго изданія Н. Н. Спиридонова. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

Буассье—одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей римской культурной исторіи эпохи имперіи. Въ его картинахъ римской жизни мы находимъ интересное и всестороннее изслѣдованіе оппозиціи, въ то время, когда была стѣснена свобода слова и агенты императорской власти искали измѣну не только въ сенатѣ, но и въ частныхъ домахъ. Это была оппозиція осторожная, таившаяся въ тяжелыя времена. Она ютилась не въ войскахъ, не въ провинціяхъ, ничего не терявшихъ отъ водворенія имперіи, такъ какъ тѣми правами, которыя императоры отняли у римскаго народа, провинціи не пользовались. Муниципальная независимость, насколько она выражается въ выборѣ мѣстныхъ магистратовъ, была сохранена, и муниципіи почти не замѣтили перемѣны политическаго режима. Маленькіе городки Галліи и Испаніи не страдали отъ безумствъ цезарей, и самый слухъ о нихъ туда почти не доходилъ. Оппозиція выростаетъ въ самомъ Римѣ къ концу царствованія Августа. Недовольные не составляли политической партіи и усваивали самыя разнообразныя формы, приспособляясь къ обстоятельствамъ. До насъ дошли слѣды оппозиціи въ литературныхъ памятникахъ—памфлетахъ, трагедіяхъ,

сатирахъ. Буассье подробно останавливается на нихъ и на ихъ авторахъ. Передъ читателями проходятъ яркіе образы Овидія, Петронія, Лукана, Тацита, Ювенала и той среды, въ которой они жили и творили. Въ этихъ главахъ авторъ является не только глубокимъ ученымъ, но и художникомъ.

По мнѣнію автора, предположеніе, что оппозиція исходила отъ непримиримыхъ враговъ и была направлена противъ самаго режима, обязано своимъ происхожденіемъ ея привычкѣ ничего не щадить, все осуждать, надъ всѣмъ насмѣхаться. Насколько она была придирчива и шумлива, настолько ее стали считать глубокой и радикальной. Въ дѣйствительности, всѣ эти недовольные ненавидѣли лишь личность даннаго императора и обыкновенно мирились съ имперіей. Наиболѣе рѣшительные изъ нихъ отыскивали среди императорской фамиліи какого-либо члена ея, менѣе извѣстнаго, но болѣе любимаго, и восхваляя его заслуги и достоинства, пользовались его именемъ въ укоръ царствующему императору: именно такимъ путемъ пріобрѣли популярность Друзъ и Германикъ. Самое стремленіе отыскивать себѣ героевъ на Палатинѣ показываетъ, насколько монархична, въ сущности, была эта оппозиція. Отъ цезарей не требовали, чтобы они отказывались отъ своей власти или раздѣлили ее съ кѣмъ-либо; напротивъ, всѣ желали сохранить ее цѣликомъ ради поддержанія общественнаго спокойствія. Отъ нихъ требовали только, чтобъ они примѣняли ее съ кротостью и человѣчностью, прислушивались къ совѣтамъ умныхъ людей, побольше уважали прерогативы выборныхъ должностныхъ лицъ, почаще совѣщались съ сенатомъ, обращали вниманіе на общественное мнѣніе, не стѣсняли свободу слова и пера и вообще пользовались бы съ осторожностью своею безграничною властью. Таковъ былъ идеалъ правительства у оппозиціи въ царствованіе Тиберія или Нерона.

Книга Буассье была уже раньше переведена на русскій языкъ. Можно только пожалѣть, что не всѣ труды одного изъ самыхъ крупныхъ французскихъ историковъ появились въ русскомъ переводѣ.

Переводъ книги сдѣланъ удовлетворительно.

А. Т.

— Проф. Максъ Ферворнъ. Развитіе человѣческаго духа. Москва, 1913.

Интересныя страницы естественной исторіи человѣка составила бы глава о развитіи его психологіи. Глава эта естественно раздѣлилась бы на двѣ части. Одна часть относилась бы къ тѣмъ свойствамъ духовной природы человѣка и тѣмъ его инстинктамъ, которые получены имъ въ наслѣдство отъ его животныхъ предковъ; другая часть показала бы, какъ развивались его способности и ру-

ководящія идеи, «общіе принципы духовной дѣятельности», послѣ того какъ родъ homo sapiens выдѣлился изъ среды его прочихъ животныхъ собратій. Пополненіе цикла наукъ наукой объ эволюціи человѣческой психологіи находилось бы въ полномъ соотвѣтствіи съ направленіемъ, принятымъ нашимъ знаніемъ послѣ обобщеній Дарвина. Въ первое время дарвиновской эры — говоритъ Максъ Ферворнъ,—не было недостатка въ попыткахъ примѣнить принципы его ученія къ изученію области психическихъ явленій. Эти попытки становились затѣмъ рѣже и рѣже; и хотя матеріалъ для данной науки по отдѣльнымъ ея частямъ подбирается и систематизируется, напр., въ изслѣдованіяхъ по сравнительной теологіи, исторіи культуры, исторіи философіи, въ наблюденіяхъ надъ психологіей дѣтскаго возраста, развитіе которой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ повторяетъ развитіе психологіи человѣческаго рода, но общая проблема развитія человѣческаго духа «въ общей своей совокупности не находитъ въ послѣднее время серьезныхъ изслѣдователей».

Книжка Ферворна, состоящая изъ трехъ самостоятельныхъ лекцій и докладовъ, трактуетъ, между прочимъ, и вопросы «развитія человѣческаго духа» въ человѣческій, такъ сказать, періодъ исторіи человѣка. Въ первой статьѣ, давшей заглавіе всей книжкѣ, разъясняется важность задачи систематическаго изученія эволюціи человѣческаго духа, дается общая постановка вопроса и намѣчаются нѣкоторыя вѣхи и общія точки зрѣнія въ системѣ данной науки. Максъ Ферворнъ излагаетъ здѣсь схему анатомо-физіологической основы психической дѣятельности человѣка и набрасываетъ полугипотетическую схему развитія человѣческаго мышленія, начиная съ того момента, когда человѣческій родъ выдѣлился въ особую морфологическую группу. Развитіе это разсматривается авторомъ какъ результатъ взаимодѣйствія того, что онъ называетъ «основнымъ капиталомъ, съ которымъ приступаетъ къ работѣ духовное развитіе человѣка», и внѣшней природы, доставляющей матеріалъ для этого развитія и играющей роль контролера и корректора человѣческаго мышленія, удерживающаго развитіе ассоціаціонной дѣятельности ума на пути соотвѣтствія ея результатовъ тому, что имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. «Такимъ образомъ становится понятнымъ тотъ самъ по себѣ изумительный фактъ, что какъ въ явленіяхъ внѣшняго міра, такъ и въ нашемъ логическомъ мышленіи находитъ себѣ выраженіе одна и та же строгая закономѣрность: наше логическое мышленіе развивалось въ тѣснѣйшей связи съ явленіями внѣшняго міра». Вторая статья сборника составляетъ какъ бы маленькую страничку изъ исторіи развитія

человѣческаго духа. Авторъ разбираетъ въ ней одно изъ основныхъ нашихъ понятій—понятіе о причинности. Это понятіе, онъ считаетъ наслѣдіемъ того времени, когда въ человѣкѣ только еще зародилось стремленіе къ спекулятивному мышленію; оно находится въ тѣснѣйшей связи съ понятіями души и бога. «Спекулятивная склонность древнихъ народовъ включила въ подмѣченную чисто эмпирическимъ путемъ закономѣрную послѣдовательность явленій мистическое промежуточное звено, *причину*, въ качествѣ незримаго фактора... Дальнѣйшее развитіе естествознанія сдѣлало изъ понятія незримой причины понятіе *силы*, находившее вообще примѣненіе въ естественныхъ наукахъ до второй половины прошлаго столѣтія». Въ новѣйшее время эти понятія теряютъ авторитетъ, и мѣсто единой причины какого-либо явленія занимаетъ рядъ обусловливающихъ его, т. е. одинаково необходимыхъ для его происхожденія факторовъ; причинное, каузальное міросозерцаніе замѣщается кондиціональнымъ пониманіемъ вещей. Третья статья разсматриваемаго нами сборника заключаетъ популярное изложеніе изслѣдованій Макса Ферворна о дѣйствіи наркотическихъ веществъ на организмъ.

Двѣ первыя статьи сборника служатъ образцами философскаго мышленія людей, признающихъ человѣка продуктомъ развитія органическаго міра, его логическое мышленіе—результатомъ воздѣйствій на его элементарныя интеллектуальныя способности внѣшней природы, содержаніе его мысли—продуктомъ переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ той же природы. Эти образцы особенно умѣстны въ наше время, когда поднимаетъ голову тенденція освободить творческія способности человѣческаго духа отъ создавшей ихъ матери-природы и внушить ему задачи, разрѣшеніе коихъ—разъ оно возможно—требовало бы надѣленія человѣка сверхъ-естественными силами и способностями.

— Кооперація среди евреевъ по даннымъ 1911 и 1912 гг.. Составлено подъ редакціей І. А. Блюма и Л. С. Зака. СПБ. 1913.

Съ формальной точки зрѣнія въ этой объемистой книгѣ идетъ рѣчь лишь о кредитной коопераціи, такъ какъ удовлетвореніе другихъ нуждъ еврейскаго населенія берутъ на себя кредитные же кооперативы, иногда устраивая для этого особыя кассы. Ссудо-сберегательныя товарищества городовъ и мѣстечекъ устраиваютъ кассы взаимопомощи на случай смерти и ввели неизвѣстную, кажется, въ христіанскихъ кооперативахъ операцію условныхъ вкладовъ, составляемыхъ періодическими взносами, пока вмѣстѣ съ процентами не

составится опредѣленный капиталъ. Всѣ 13 ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ ввели посредническія операціи, почти исключительно для пріобрѣтенія предметовъ для сельско-хозяйственной дѣятельности.

Какъ и во всей Россіи, устройство кооперативовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости быстро двинулось впередъ въ срединѣ истекшаго десятилѣтія; но тогда какъ въ цѣлой Имперіи прогрессивное развитіе кредитныхъ кооперативовъ продолжалось и все послѣдующее время, и особенно быстрый скачекъ приходится на 1912-ый годъ, а открытіе новыхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ замедлилось въ 1909 г., и очень большое число ихъ прибавилось тоже въ 1912 г.,—число вновь открываемыхъ ссудо-сберегательныхъ еврейскихъ товариществъ начинаетъ послѣ 1897-го года уменьшаться, и наименьшій приростъ ихъ приходится именно на 1912-ый годъ. Такое различіе движенія кредитной коопераціи во всей Россіи и среди еврейскаго ея населенія объясняется тѣми препятствіями, какія ставятся администраціей дѣлу развитія еврейскихъ кооперативовъ. «Каждое разрѣшеніе на открытіе ссудо-сберегательнаго товарищества въ чертѣ осѣдлости—говорятъ авторы разсматриваемаго труда—достигается цѣною многолѣтнихъ хлопотъ и безпрестаннаго обиванія пороговъ административныхъ инстанцій». И такъ какъ націоналистическая политика, избравшая главнымъ своимъ объектомъ евреевъ, становится болѣе и болѣе агрессивной, то и неудивительно, что въ противоположность наблюдаемому во всей Имперіи, послѣдній годъ показалъ наименьшее приращеніе еврейскихъ кооперативовъ. Въ цѣломъ рядѣ губерній въ теченіе одного-двухъ послѣднихъ лѣтъ не разрѣшалось ни одного еврейскаго кооператива; въ другомъ рядѣ ихъ «проскочило» по одному. Особенно усердствовала въ этомъ отношеніи ковенская администрація.

Не смотря на эти стѣсненія, вопреки утвержденію авторовъ разсматриваемаго нами труда, евреи оказываются, повидимому, все таки лучше обезпеченными кредитными кооперативами, нежели остальное населеніе Россіи. Объ этомъ можно судить и потому, что число еврейскихъ кредитныхъ кооперативовъ (623) составляетъ ок. 6% всего числа кредитныхъ кооперативовъ Россіи (10690), тогда какъ евреи составляютъ лишь 3, 5% населенія Имперіи. По расчету авторовъ, дѣйствующія ссудо-сберегательныя товарищества обслуживаютъ $2^1/_2$ милліона евреевъ, т. е. приблизительно половину еврейскаго населенія, чего, конечно, нельзя сказать о христіанскомъ населеніи страны.

Разсматриваемый нами трудъ составляетъ результатъ разработки данныхъ, доставленныхъ 537 кооперативами изъ числа дѣй-

ствующихъ 621 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Характеръ этого рода кооперативовъ можно, слѣдовательно, поэтому считать достаточно выясненнымъ. Обработка данныхъ анкеты произведена съ любовью, книга читается съ живымъ интересомъ и должна обратить на себя вниманіе каждаго, интересующагося положеніемъ кооперативнаго дѣла въ Россіи.

— Личное владѣніе надѣльной землей Череповецкаго, Устюжинскаго и Кирилловскаго уѣздовъ Новгородской губерніи.

—Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губерніи.—Самарскій уѣздъ.

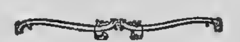
Вторая изъ поименованныхъ книгъ заключаетъ цифровый матеріалъ подворной переписи 1911-го года, сгруппированный по общинамъ и волостямъ, и комбинаціонныя таблицы для 6,4% общаго числа домохозяевъ, охваченныхъ переписью. Въ довольно подробномъ введеніи излагаются общіе итоги переписи и и разъясняется принятая система построенія двухъ таблицъ, дающихъ комбинацію двухъ признаковъ: размѣровъ надѣла и величины посѣвной площади— и числа работниковъ и размѣра семьи. Во введеніи приводятся интересныя данныя относительно дифференціаціи крестьянскаго хозяйства и по злободневному вопросу о примѣненіи новыхъ аграрныхъ законовъ.

Этотъ послѣдній вопросъ составляетъ единственную тему другого земскаго изданія, относящагося къ тремъ уѣздамъ Новгородской губерніи. Въ основѣ этого труда лежатъ данныя сплошнаго поселенскаго и подворнаго опроса населенія въ 1910—11 г.г.; такой матеріалъ открываетъ возможность точно установить хозяйственный и семейный типы дворовъ, воспользовавшихся новымъ закономъ, оставшихся при старомъ положеніи, продавшихъ укрѣпленную землю, а также состояніе земледѣлія въ общинахъ и на хуторахъ. Изслѣдованіе захватило лишь начало того процесса, который вызванъ былъ указомъ 9 ноября 1906 г.: число укрѣпившихъ свои надѣлы домохозяевъ и площадь укрѣпленной за ними земли составляетъ 10,5% всего числа надѣльныхъ дворовъ и надѣльной земли, и подводить общіе итоги движенію, поэтому, преждевременно. Но мы воспользуемся здѣсь данными о продажѣ укрѣпленной земли въ Новгородской губерніи и сравнимъ ихъ съ аналогичными свѣдѣніями для Самарскаго уѣзда. Сравненіе это представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что опасенія быстраго обезземеленія новыхъ частныхъ владѣльцевъ, созданныхъ указомъ 9 ноября, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, имѣютъ особую силу по отношенію къ черноземнымъ мѣстностямъ, гдѣ земля составляетъ чуть ли не единственный источникъ

матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, отвѣчающій и на текущія, и на экстренныя ихъ потребности,—гдѣ на эту болѣе плодородную землю жадными глазами взираютъ опутывающіе крестьянъ кулаки и ростовщики, и гдѣ частые неурожаи представляютъ весьма удобный для послѣднихъ случай вырвать изъ рукъ неоперившагося еще собственника только что поступившій въ его полное распоряженіе участокъ.

Продажа земли въ Новгородской губерніи не представляетъ пока ничего угрожающаго: изъ 77 тыс. десятинъ укрѣпленной земли продано менѣе 7 тыс. десятинъ, т. е. менѣе 9%, и болѣе 2/5 продавцовъ принадлежатъ къ числу лицъ все равно не занимавшихся хозяйствомъ, или по старости, или потому что не живутъ въ деревняхъ, устроившись гдѣ-либо на сторонѣ. Иное оказывается въ Самарскомъ уѣздѣ. Число домохозяевъ, укрѣпившихъ здѣсь за собой надѣлы, относительно въ три раза больше (1/3 часть), и въ продажу пущено въ три раза больше укрѣпленной земли,—именно 1/3 часть тѣхъ 120-ти тысячъ десятинъ, которыя обращены въ частную собственность втеченіе первыхъ пяти лѣтъ дѣйствія новыхъ законовъ. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что приведенныя цифры собраны въ то время, когда неурожай 1911 г. еще не успѣлъ проявить все свое гибельное вліяніе. Итакъ новые аграрные законы не напрасно вызвали столько опасеній за судьбу создаваемыхъ ими мелкихъ частныхъ собственниковъ.

В. В.



КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Народилось два новыхъ альманаха: «Слово» въ Москвѣ (Книгоиздательство писателей) и «Сиринъ» въ Петербургѣ. Первый черпаетъ свой матеріалъ преимущественно изъ круга писателей съ реалистическимъ уклономъ (В. Вересаевъ, Ив. Шмелевъ, Ив. Бунинъ и т. п.), второй связанъ къ лагеремъ символистовъ (Александръ Блокъ, Ѳедоръ Сологубъ, Алексѣй Ремизовъ, Андрей Бѣлый). Въ обоихъ сборникахъ есть вещи безспорно превосходныя, и если кто сомнѣвается еще въ равной законности и жизнеспособности того или другого художественнаго теченія, пусть прочтетъ чудеснѣйшій разсказъ Шмелева въ «Словѣ» и драму Блока въ «Сиринѣ»,—и скептицизмъ долженъ будетъ исчезнуть въ атмосферѣ непосредственнаго эстетиче-

скаго наслажденія радующей ритмичностью образовъ и настроеній. Но не одно соприкосновеніе съ поэтическимъ творчествомъ взволнуетъ васъ: вы встрѣтитесь въ этихъ альманахахъ и съ такими элементами, которые дадутъ толчекъ работѣ сознанія.

Сборникъ «Слово» открывается статьею В. Вересаева «Аполлонъ, богъ живой жизни». Недовольный объясненіемъ Аполлонова культа, предложеннымъ Ницше, увлеченный живыми впечатлѣніями отъ природы Эллады, нашъ писатель съ горячей убѣжденностью проповѣдуетъ свое пониманіе эллинской религіи и эллинскаго міроощущенія Гомеровской поры. Боги Гомера—«религіозные символы окружающихъ насъ въ жизни силъ». Къ нимъ «неприложимы нравственныя мѣрки. Онѣ аморальны и не считаются съ человѣкомъ. И въ тоже время онѣ могучи и неодолимы». Дѣйствуя извнѣ и даже черезъ душу самого человѣка, эти силы приводятъ къ тому, что сбывается неизбѣжно то, чему сбыться суждено Рокомъ и богами. Но этотъ конечный результатъ жизненныхъ бореній есть именно ихъ, божеское дѣло, отъ человѣка независящее и человѣческой оцѣнкѣ неподлежащее. Въ себѣ самомъ человѣкъ находитъ другой законъ, влекущій его къ опредѣленнымъ поступкамъ, цѣнность и необходимость которыхъ, въ свою очередь, независима отъ роковыхъ божескихъ предопредѣленій и предначертаній. «Пусть будетъ по волѣ бога,—мы тогда благоговѣйно, покорно и безъ жалобъ примемъ свой жребій, а пока... пока будемъ творить волю *свою*, будемъ дѣлать то, что считаемъ хорошимъ *мы*». И въ этомъ бодромъ проявленіи своей воли, не считающейся съ велѣніями рока, часто вступающей въ единоборство съ нимъ, столько яркой красоты и полнокровной силы, что «мрачное *пониманіе* жизни чудеснымъ образомъ совмѣщается (у древняго эллина) съ радостно-свѣтлымъ *отношеніемъ* къ ней». «Жизнежадный эллинъ, говоритъ Вересаевъ, боролся, радовался и страдалъ въ самомъ водоворотѣ жизни, онъ непрерывно творилъ сильную, яркую жизнь, краше самой сладостной легенды. И силою, дѣлавшею для него міръ прекраснымъ, была не сила художественной фантазіи, не сила красоты, а *сила жизни*. Изъ нея же сама собой рождалась красота».

Пусть ученый эллинистъ разбираетъ, правильно или неправильно понялъ Вересаевъ духъ эллинской религіи съ объективной, научной точки зрѣнія. Для меня важно сейчасъ не это, а то, что русскій писатель заговорилъ о такомъ міропониманіи именно въ данный моментъ. Человѣку свойственно искать въ завѣтахъ прошлаго матеріала и помощи для формулировки того, что наростаетъ въ его душѣ и сознаніи, какъ результатъ переживанія современности. Въ этомъ смыслѣ даже на выдвиганіе въ холодной наукѣ

тѣхъ или другихъ очередныхъ задачъ вліяетъ духъ современности. Сколь болѣе сказывается такое вліяніе на людей типа Вересаева, который есть художникъ, слѣдовательно—натура по преимуществу эмоціональная, впечатлительная, сугубо отзывчивая на зовы современности. Итакъ, русскому художнику сейчасъ захотѣлось почему-то заговорить о безпощадномъ рокѣ, непобѣдимо разбивающемъ лучшія стремленія человѣка, и о томъ, что это не причина отказываться отъ благородныхъ порывовъ, наоборотъ—прекраснѣйшій стимулъ для гордаго и неуклоннаго служенія своей правдѣ, а тамъ—будь, что будетъ, ибо красота и правда не въ достиженіи, а въ порывѣ, не въ побѣдѣ, а въ подвигѣ. Пусть боги ставятъ непреоборимые предѣлы, пусть подвиги наши безцѣльны въ смыслѣ объективномъ,—наше сердце, наша кровь, наши мускулы властно требуютъ подвига, голодаютъ, изнываютъ безъ него, и мы пойдемъ на радостное подвижничество и на самую гибель, не задумываясь о результатѣ...

Міра восторгъ безпредѣльный
Сердцу пѣвучему данъ.
Въ путь роковой и *безцѣльный*
Шумный зоветъ океанъ.

Сдайся мечтѣ *невозможной,*
Сбудется, что суждено.
Сердца законъ непреложный—
Радость-страданье одно.

. . . .
Радость, о радость-страданье,
Боль неизвѣданныхъ ранъ.

Всюду бѣда и утраты.
Что тебя ждетъ впереди?
Ставь же свой парусъ косматый,
Мѣть свои крѣпкія латы
Знакомъ креста на груди.

Это откликается русскому художнику-реалисту Вересаеву русскій художникъ-символистъ Блокъ. Вересаевъ пошелъ въ древнюю Элладу, къ Гомеру и Архилосу, Блокъ—къ труверамъ жизнерадостнаго альбигойскаго Прованса и суровой Бретани,—и оба нашли нѣчто родственное — радость въ безнадежной борьбѣ человѣка съ Рокомъ.

О, конечно, слишкомъ разны эти двѣ индивидуальности, разны и ихъ обрѣтенія. У Вересаева удареніе на гордомъ вызовѣ, и знаніе роковой неизбѣжности готово каждую минуту смѣниться на-

деждой на побѣду надъ рокомъ. Ни намека на соблазнъ утилитарности нѣтъ у Блока. Тутъ горящій взоръ мученика, идущаго навстрѣчу страданіямъ, съ распростертыми руками принимающаго раны въ открытую грудь. Вересаевъ разсуждаетъ и аргументируетъ, укладываетъ свои настроенія, по возможности, въ рамки логической рѣчи. Блокъ поетъ, нѣтъ, даже не поетъ, а творитъ музыку словъ, ритмовъ, символовъ, которая требуетъ отъ читателя отвѣтной музыки, отвѣтнаго трепета всего нашего психо-физическаго существа, отраженнаго воспроизведенія той напряженности, исчерпывающей и потрясающей, которой дрожала душа поэта въ минуты творенія,—и только такъ отдавшись ему, такъ вознесшись съ нимъ, можемъ мы пріобщиться великой тайны Радости-Страданія. Поверхностный взглядъ, торопящееся воспріятіе безслѣдно скользнетъ по драмѣ Блока, какъ и по всему его творчеству, схватитъ, въ лучшемъ случаѣ, внѣшнюю музыкальность стиха, запримѣтитъ нѣсколько красивыхъ образовъ, полюбуется, пожалуй, этими бездѣлками, но не будетъ знать, что съ ними дѣлать, не уловитъ всего богатства, всей глубины духа, что породилъ ихъ и выразился въ нихъ, и иначе выраженъ быть не можетъ безъ утраты самого дорогого и существеннаго—всей обаятельности своего индивидуальнаго тембра.

Балладу о Рокѣ, безцѣльномъ подвигѣ и Радости-Страданіи сложилъ невѣдомый труверъ, и ее стали распѣвать всѣ трубадуры Франціи. Дошла она и до веселаго Прованса, но ухо слушателей легче и охотнѣе воспринимало сладкія и такія понятныя пѣсни о любви соловья и розы, чѣмъ темную балладу о рыцарѣ Креста. Страстной тревогой взволновала она только душу юной красавицы графини Изоры да тайно влюбленнаго въ нее рыцаря неудачника Бертрана, сторожащаго замокъ графа Арчимбаута, суроваго мужа Изоры. Но и Бертранъ и Изора могутъ вспомнить только отрывки загадочной баллады, и теменъ для нихъ смыслъ ея. И томится Изора неразгаданной тоской ей, и кажется, что если увидитъ она того, кто сложилъ эту балладу, то разрѣшится мука ея одержимаго какимъ то стремленіемъ сердца, свершится то, о чемъ грезитъ ея горячая кровь, о чемъ поетъ обаяніе весны, что выше и святѣе почтительной и страстной любви, слагаемой къ ногамъ ея красавцемъ-пажемъ Алисканомъ. И посылаетъ Изора вѣрнаго Бертрана, по прозванію рыцаря-Несчастье, отыскать и привести къ ней невѣдомаго пѣвца, «хотя бы пришлось всѣ страны снѣговъ и тумановъ пройти». «Погибну или исполню», клянется Бертранъ, и прибавляетъ про себя: «Ну, уродъ несчастный, ступай, не жди, не надѣйся, страсти чужой послужи». Послѣ тяжкихъ испытаній, случай сталкиваетъ Бертрана, среди снѣговъ и урагановъ бѣдной Бретани, съ таинственнымъ пѣв-

цомъ, старымъ, полупомѣшаннымъ нищимъ рыцаремъ Гаэтаномъ. Это онъ сложилъ дивную пѣсню, не дающую спать Изорѣ, и вѣрный Бертранъ приводитъ его къ своей госпожѣ. Но молодая страсть нашептала красавицѣ совсѣмъ иной образъ того, кто долженъ былъ разрѣшить всѣ ея томленія и порывы. Онъ не стройный и свѣтлокудрый, а слабый и сѣдой. «Старикъ»! уронитъ Изора, равнодушно откидываясь на спинку скамьи, и волненіе, возбужденное пѣсню о Радости-Страданьи, броситъ ее въ объятія Алискана; на него изольетъ она пылъ своей пьяной весны, его земными ласками, хмелемъ мгновенія подмѣнитъ суровую и величавую правду, раскрывшуюся пѣвучему сердцу трувера. «Мальчикъ красивый лучше туманныхъ и страшныхъ сновъ»,—съ тихой грустью подумаетъ Бертранъ. «Далекъ отъ Изоры феей данный выцвѣтшій крестъ, но пусть найдетъ покой и усладу ея бурное сердце». Не виновата же она, что теперь въ природѣ май. И смертельно раненный въ бою съ врагами графа Арчимбаута, Бертранъ самъ приведетъ къ Изорѣ въ ночи влюбленнаго земной влюбленностью Алискана, самъ будетъ охранять ихъ любовь и умретъ подъ ихъ окномъ. Но зато передъ смертью, въ послѣдней мукѣ душевной и тѣлесной, онъ проникнетъ сердцемъ въ тайну Радости-Страданія и благословитъ свои язвы.

Таковъ скелетъ сюжета, послужившаго основой для чудной драмы Блока, скелетъ, превращенный дивной силой творческаго генія въ прекраснѣйшее, богоподобное тѣло. Если я сейчасъ разрушаю анатомическимъ ножемъ живую ткань и опять выдѣляю изъ нея сухой остовъ, то только потому, что и онъ представляется мнѣ многознаменательнымъ. Это—знаменіе времени, когда идеализмъ переживаетъ тяжелый кризисъ, когда старыя его формы и старая аргументація подверглись безпощаднымъ критическимъ ударамъ дѣйствительности, съ которой онъ сразился, и въ душахъ многихъ эти удары оказались смертельными. Но могучіе, геніально жизнеспособные носители идеализма не сдались. Они не испугались широко раскрыть глаза на все, что случилось, отважно отбросили въ сторону обломки разгромленныхъ укрѣпленій,—и увидали, что разгрому подверглись только слабыя и ненужныя части, а существенная сердцевина, ранѣе загороженная этими пристройками, не только осталась нерушимой, но именно теперь только и встала во всей своей обаятельной красотѣ и непобѣдимой мощи. Въ то время, когда Арцыбашевы бѣшенно клянутъ жизнь за страданія, которыя она намъ несетъ, за обманы, которыми она отвѣчаетъ на наши надежды, въ корчахъ отчаянія зовутъ къ самоистребленію и небытію, грустный рыцарь Прекрасный Дамы, носитель Розы-Креста вѣрности, Александръ Блокъ печально глядитъ на нихъ, какъ Бертранъ на Изору, которая подмѣняетъ сладость подвига жаждой мгновенныхъ утѣхъ, радость

безкорыстнаго, вѣчно неутолимаго и потому страдальческаго стремленія жаждой самодовольнаго, самоудовлетвореннаго достиженія. Истинный идеализмъ, какъ и истинная любовь, не торгуются. Человѣкъ вѣритъ, какъ и любитъ, потому что вѣрится и любится, потому что онъ иначе не можетъ. Это ужъ плохая любовь, разъ можно перестать любить женщину потому только, что она не отдалась тебѣ. Это ужъ плохой идеализмъ, разъ можно отречься изъ идеала за то только, что не удалось его реализовать въ эмпирическую дѣйствительность. Между тѣмъ, какъ много, и часто, изъ самыхъ лучшихъ побужденій, грѣшили мы неумѣренной проповѣдью вѣры въ немедленное и полное осуществленіе идеала въ жизни индивидуальной и общественной. Казалось когда-то, что стоитъ сыну степныхъ крѣпостниковъ усвоить феноменологію Гегеля,—и его душа моментально освободится отъ поколѣніями воспитаннаго мрака грубыхъ инстинктовъ и душевной тупости, а въ результатѣ получались Гамлеты Щигровскаго уѣзда. Въ другой разъ казалось, что стоитъ сдѣлать мгновенное героическое усиліе,—и моментально пріидетъ царство соціальной справедливости въ бѣдную, темную, униженную Русь, а въ результатѣ... Мы знаемъ какая страшая получилась депрессія и горькая безпринципность. И когда среди гнетущей безнадежности подымается блѣдная фигура съ горящими глазами, ставитъ свой парусъ косматый и сквозь снѣжную вьюгу пускается въ бушующій океанъ,—не потому, чтобы надѣялась доплыть до блаженнаго брега, а потому что просто не можетъ не плыть,—тогда мы начинаемъ чуять, что пѣсня идеализма и подвижничества далеко не спѣта; мало того, пожалуй, ее даже еще и не начинали пѣть, а то, что до сихъ поръ многіе, очень многіе считали пѣсней идеализма, было всего только перефразировкой нѣжащей, но лукавой и обманной пѣсни о соловьяхъ и розахъ. И если сейчасъ чуткій, быть можетъ самый чуткій русскій художникъ, который еще такъ недавно всенародно исповѣдывался въ своей духовной смутѣ и растерянности, теперь снова облекся въ крѣпкія латы и нашелъ въ пошатнувшейся было душѣ своей новую, страстотерпчески-мудрую «пѣсню о морѣ и о крестѣ, горящемъ надъ вьюгой», то, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ психологическій кризисъ русской жизни уже повернулъ къ разрѣшенію и среди обстоящихъ насъ вьюгъ загорается новый крестъ. Не розы и соловьи, а кресты, не сладостныя утѣхи, а пропятія—но зато не болотное царство растерянности, никудышности и маразма, а царство великодушія, подвижничества, красоты и силы духа человѣческаго, проявляющихся именно въ бореніи и страданіи, а не въ желтенькомъ обывательскомъ благополучіи.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Заграничные толки о русскихъ дѣлахъ. — Непріятные инциденты.—Отголоски дѣла Бейлиса въ Западной Европѣ.—Наша иностранная политика.—Внутреннія дѣла въ Германіи.—Президентъ китайской республики.—Савва Груичъ.

Въ значительной части западно-европейской печати замѣчается теперь настроеніе, неблагопріятное для Россіи и даже прямо ей враждебное. Мы видимъ вновь тѣ же симптомы, которые существовали когда-то—рѣзкіе отрицательные отзывы о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, коллективные протесты противъ нѣкоторыхъ явленій нашей жизни, общественныя выраженія антипатіи и недовѣрія къ оффиціальной русской государственности, какъ оплоту реакціи и обскурантизма. Иностранцы, конечно, не имѣютъ законнаго основанія брать на себя роль судей относительно нашихъ внутреннихъ дѣлъ и порядковъ, но они пользуются несомнѣнно принадлежащимъ имъ правомъ высказывать публично свои мнѣнія и чувства по поводу нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей нашей внутренней и внѣшней политики. Эти неблагопріятныя для Россіи чувства и разсужденія не могутъ не отражаться на общественномъ мнѣніи, которое въ свою очередь вліяетъ на существующія международныя отношенія. У насъ принято, правда, относиться свысока къ общественному мнѣнію Запада; но нельзя игнорировать факты, подрывающіе репутацію Россіи, какъ великой культурной державы.

Если мы дорожимъ близкой дружбою съ Франціею и Англіею, то мы не можемъ смотрѣть равнодушно на систематическое раздраженіе ихъ разными мелкими мѣропріятіями, никому не нужными по существу и несостоятельными по формѣ. Такъ, недавно заграничныя газеты съ недоумѣніемъ обсуждали удивительный для нихъ случай—отказъ въ разрѣшеніи пріѣзда въ Россію извѣстнаго датскаго писателя Георга Брандеса. Отказъ мотивировался, съ одной стороны, еврейскимъ происхожденіемъ Брандеса, съ другой—враждебными, будто бы, отзывами его о русскихъ дѣлахъ. За границей вообще не понимаютъ, какъ можно возбуждать вопросъ о допущеніи или недопущеніи ничѣмъ не опороченныхъ иностранцевъ въ предѣлы данной страны. По общему правилу, всѣ европейскія государства руководствуются принципомъ взаимности и равенства по отношенію къ правамъ иностранныхъ подданныхъ; поэтому, если

русскіе подданные пользуются правомъ свободнаго въѣзда въ чужія страны и могутъ безпрепятственно проживать повсемѣстно въ Европѣ, то такія же права должны принадлежать и иностранцамъ, желающимъ почему-либо пріѣхать въ Россію. Вѣдь, право въѣзда въ Россію не можетъ цѣниться выше, чѣмъ право свободнаго проживанія въ Германіи, Франціи или Англіи. Странно было бы разсматривать право доступа въ русскіе предѣлы какъ привилегію, которую надо заслужить въ видѣ награды за хорошее поведеніе, удостовѣренное русскою администраціею,—тогда какъ границы всѣхъ другихъ государствъ открыты для иноземныхъ путешественниковъ безъ всякихъ ограничительныхъ условій. Писатель съ крупнымъ европейскимъ именемъ, проживавшій свободно въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ, подвергается вдругъ допросу о вѣроисповѣданіи и о политической благонамѣренности, когда думаетъ отправиться въ Россію; ему объявляютъ о нежеланіи допустить его въ Петербургъ или Москву, гдѣ онъ имѣетъ, по всей вѣроятности очень, многихъ читателей и почитателей. Георгъ Брандесъ пріѣзжалъ къ намъ четверть вѣка тому назадъ, читалъ въ 1887-мъ году лекціи въ Петербургѣ и Москвѣ, и это не возбуждало, кажется, никакихъ опасеній въ тѣ времена, при владычествѣ у насъ темныхъ силъ реакціи. Чѣмъ же объяснить нынѣшнее запрещеніе ему въѣзда въ Россію? Не оскорбительна ли эта мѣра для культурныхъ націй, имѣющихъ постоянныя сношенія и связи съ Россіею? А главное—съ какою цѣлью и во имя чего дѣлаются подобныя безтактности? Мы какъ будто хотимъ показать міру, что насъ не интересуетъ общественное мнѣніе Западной Европы. Если оно не существуетъ для второстепенныхъ агентовъ власти, отъ которыхъ зависитъ у насъ практика жизни, то для политики и дипломатіи оно представляетъ силу, съ которою надо считаться.

Казалось бы, не трудно соблюдать правила международной вѣжливости относительно иностранцевъ, занимающихъ какое-либо оффиціальное положеніе; а между тѣмъ капитанъ британской арміи Уэвелль, офицеръ генеральнаго штаба, присутствовавшій на маневрахъ русскихъ войскъ по приглашенію русскаго правительства, подвергся неожиданно такому обращенію, какое выпадаетъ на долю подозрительныхъ или обвиняемыхъ въ чемъ-либо россійскихъ обывателей. По словамъ военнаго корреспондента газеты «Times», Уэвелль былъ арестованъ на обратномъ пути къ границѣ; его обыскали, всѣ бумаги и вещи отобрали, и отправили его подъ конвоемъ въ Варшаву; тамъ его помѣстили въ компаніи съ солдатами и заставили ждать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; ему не позволили телеграфировать британскому посольству въ Петербургѣ

или вызвать какого-либо знающаго его офицера. Паспортъ его былъ въ порядкѣ, въ багажѣ находился его военный мундиръ; не было ни малѣйшаго основанія къ тому, чтобы заподозрить въ немъ шпіона, а съ нимъ обошлись какъ съ преступникомъ. Въ концѣ концовъ ему вернули бумаги и вещи, убѣдились въ правильности его объясненій и отпустили его на свободу; но — замѣчаетъ «Times»,—«предъ нимъ не извинились, и не было принято никакихъ мѣръ къ наказанію лицъ, виновныхъ въ такомъ обращеніи съ британскимъ офицеромъ. Нельзя ни на минуту предположить, что русское правительство пожелаетъ оправдать дѣйствія полиціи, но въ данномъ случаѣ было бы, конечно, лучше тотчасъ представить полное извиненіе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ». Мы не знаемъ въ точности, сдѣлано ли было съ нашей стороны все то, что требовалось для удовлетворенія обиженнаго англичанина и его военнаго начальства; очень можетъ быть, что инцидентъ былъ улаженъ дипломатическимъ путемъ къ обоюдному удовольствію, но лучше было бы вовсе не давать повода къ такимъ недоразумѣніямъ. Неужели до сихъ поръ наши административные и полицейскіе органы не пріучены отличать иностранныхъ подданныхъ отъ безправныхъ россійскихъ обывателей? Вѣдь, нѣтъ ничего легче, какъ предложить властямъ разъ на всегда имѣть въ виду обязательное соблюденіе осторожности по отношенію къ иностранцамъ, не привыкшимъ къ нашимъ отечественнымъ порядкамъ. Помѣщать англійскаго офицера въ одну камеру съ солдатами и не давать телеграфировать въ посольство, значило какъ-будто издѣваться надъ личностью, безъ разумной цѣли и смысла. Такого рода инциденты производятъ особенно тягостное впечатлѣніе, когда они случаются на фонѣ общаго тенденціознаго невниманія къ элементарнымъ личнымъ и общественнымъ правамъ гражданъ. Такая тенденція нигдѣ не встрѣчается въ Европѣ, за исключеніемъ одной Россіи, и это даетъ благодарный матеріалъ для соотвѣтственныхъ выводовъ и обобщеній. Отдѣльный фактъ, обидный для иностранца, объясняется уже не случайностью, а системою, въ силу которой безправіе частныхъ лицъ возводится въ принципъ.

Столь же непріятнымъ для нашего національнаго самолюбія является исключительный интересъ, возбуждаемый во всемъ культурномъ мірѣ кіевскимъ процессомъ, которому предстояло будто бы, по свидѣтельству прокурорской власти, разрѣшить «міровую проблему», въ назиданіе протестующей Европѣ. Міровыя проблемы, конечно, не разрѣшаются тѣми способами, какіе находятся въ распоряженіи кіевской судебной власти, но самое возбужденіе этихъ проблемъ должно было весьма чувствительно задѣть западно-европейскія націи по разнымъ вѣскимъ причинамъ. Въ иностранныхъ газетахъ помѣ-

щаются изо дня въ день обстоятельные отчеты о дѣлѣ Бейлиса, сообщаемые изъ Кіева по телеграфу; объ этомъ дѣлѣ и о поднятыхъ имъ вопросахъ разсуждаютъ не только въ печати, но и въ научныхъ обществахъ, въ мотивированныхъ заявленіяхъ авторитетныхъ, свѣдущихъ лицъ. И опять-таки приходится встрѣчать по этому поводу обидные для насъ комментаріи въ иностранныхъ газетахъ, не исключая и такихъ вліятельныхъ, какъ «Times». Многіе сравниваютъ разбирающійся въ Кіевѣ процессъ съ знаменитымъ дѣломъ Дрейфуса, которымъ также интересовалась вся Европа; но въ дѣлѣ Дрейфуса выставлялось обвиненіе вполнѣ возможное по существу—обвиненіе французскаго офицера въ государственной измѣнѣ, тогда какъ въ дѣлѣ Бейлиса обвиняется въ сущности цѣлая народность въ укрывательствѣ страшныхъ преступленій, совершаемыхъ будто бы какою-то таинственною и неуловимою сектою по побужденіямъ религіознаго изувѣрства.

Это обвиненіе, какъ бы оно ни формулировалось, направлено непосредственно противъ всего еврейства, не только русскаго, но и иностраннаго, и задѣваетъ косвенно тѣ слои западно-европейскаго общества, которые издавна привыкли считать проживающихъ въ ихъ средѣ евреевъ безусловно полноправными гражданами. Такъ какъ сами евреи, ихъ ученые спеціалисты и всѣ безъ исключенія раввины категорически отрицаютъ существованіе секты, допускающей употребленіе человѣческой крови для религіозныхъ цѣлей, то приходится предположить одно изъ двухъ: или въ самомъ дѣлѣ такой секты не существуетъ, ибо о ней непремѣнно знали бы раввины и ученые изслѣдователи, или всѣ вообще евреи солидарны съ укрываемыми ими изувѣрами и должны признаваться отвѣтственными за ихъ гнусныя преступленія. Этимъ и объясняется тотъ странный и непонятный для многихъ фактъ, что евреи всего міра волнуются, когда въ какомъ-либо пунктѣ земнаго шара вновь возбуждается противъ нихъ страшное средневѣковое обвиненіе, вызывающее и какъ бы оправдывающее злобныя чувства и мстительныя угрозы противъ всѣхъ вообще евреевъ. Особый характеръ въ глазахъ иностранцевъ придаетъ кіевскому процессу энергическая направляющая роль министерства юстиціи, которое черезъ посредство прокуратуры настойчиво поддерживаетъ, заодно съ «черносотенцами», легенду кроваваго навѣта. Стремленіе оффиціально подтвердить существованіе ритуальныхъ убійствъ у евреевъ было принято повсюду въ Европѣ какъ нѣчто несовмѣстимое съ культурою и политическимъ строемъ просвѣщенныхъ націй. Въ нѣкоторыхъ странахъ лица іудейскаго вѣроисповѣданія занимали или занимаютъ видныя правительственныя или судебныя должности; напр., въ Италіи еврей Луццати былъ министромъ финансовъ и затѣмъ даже главою правительства, генералъ изъ евреевъ

былъ военнымъ министромъ; въ Англіи на постъ «лорда главнаго судьи» назначенъ бывшій генеральный атторней, еврей сэръ Руфусъ Айзексъ. Подобныя назначенія были бы, конечно, немыслимы, еслибы по отношенію къ еврейской религіи существовали еще дикія суевѣрія среднихъ вѣковъ.

Митинги протеста въ разныхъ мѣстахъ выражаютъ именно ту мысль, что миѳъ объ употребленіи человѣческой крови евреями оскорбителенъ прежде всего для тѣхъ государствъ, гдѣ евреи издавна пользуются всѣми гражданскими правами. На многолюдномъ митингѣ, собравшемся въ Лондонѣ 28 (15)-го октября, подъ предсѣдательствомъ сэра Монтефіоре, прочитаны были сочувственныя телеграммы вождя оппозиціи Бонара Лау, лорда Розбери, герцога Норфолька, архіепископовъ кентерберійскаго и іоркскаго, лорда Мильнера, лорда Сельборна, многихъ англиканскихъ епископовъ и выдающихся частныхъ лицъ. Извѣстный знатокъ государственнаго права, профессоръ Дайси, предложилъ слѣдующую резолюцію: «Настоящее собраніе лицъ разныхъ званій и профессій, въ городѣ Лондонѣ, не желая ни въ малѣйшей степени вмѣшиваться въ ходъ русскаго правосудія или вліять на дѣйствія русскаго правительства въ области внутреннихъ дѣлъ страны, категорически и торжественно протестуетъ противъ возобновленія совершенно неосновательнаго и злостнаго обвиненія еврейскаго народа или какой-либо части его въ ритуальныхъ убійствахъ—обвиненія, выставленнаго въ дѣлѣ нѣкоего Бейлиса. Собраніе опасается, что возрожденіе этой клеветы можетъ вызвать оскорбленія и насилія противъ еврейскаго народа въ Россіи и разсчитано на поддержаніе противъ еврейской расы чувствъ, противорѣчащихъ лучшимъ ученіямъ всякой религіи. Собраніе приглашаетъ оказать нравственную поддержку тѣмъ мѣрамъ, которыя можетъ принять русское правительство для защиты еврейскихъ подданныхъ отъ дальнѣйшихъ обидъ и нападеній». Мотивируя свое предложеніе, Дайси объяснилъ, что весьма вѣскія причины оправдываютъ желаніе протестовать противъ позорнаго обвиненія. «Дѣло должно быть рѣшено русскимъ судомъ,—продолжалъ Дайси,—и, надѣюсь, будетъ рѣшено правильно. Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ права вмѣшиваться. Но тутъ есть опасность: кіевскій процессъ можетъ возбудить самыя дикія чувства негодованія среди невѣжественной части населенія, а негодованіе въ Россіи нерѣдко приводило къ избіеніямъ. Мы считаемъ себя, поэтому, обязанными предупредить русское правительство, что на него обращены глаза Англіи и всѣхъ цивилизованныхъ странъ». Резолюція, поддержанная нѣсколькими членами парламента, священниками и однимъ представителемъ «арміи спасенія», была принята единогласно.

Нельзя отрицать, что наставительный тонъ этихъ обращеній къ оффиціальной Россіи представляется отчасти обиднымъ для нашего національнаго самолюбія; но кто виноватъ въ томъ, что предъ кіевскимъ судомъ, вмѣсто назначеннаго къ слушанію уголовнаго дѣла о звѣрскомъ убійствѣ мальчика Ющинскаго, обсуждалась и рѣшалась «міровая проблема», затрогивающая общественное мнѣніе всего культурнаго міра? Для чего понадобилось затемнить и запутать данное уголовное дѣло какими то кошмарными ритуальными обвиненіями, касающимися цѣлой массы постороннихъ и не привлеченныхъ къ дѣлу лицъ? Подобало ли нашей прокуратурѣ, вмѣсто исполненія своихъ законпыхъ функцій, брать на себя постановку и рѣшеніе «міровыхъ» религіозно-историческихъ вопросовъ, которыхъ будто бы въ теченіе вѣковъ не могла рѣшить Европа? Легко было предвидѣть, какъ отнесутся на Западѣ къ этой попыткѣ возродить кровавую средневѣковую легенду въ странѣ съ шестимилліоннымъ еврейскимъ населеніемъ. Искусственно создавая матеріалъ для возбужденія непріязни заграничнаго общественнаго мнѣнія, наши реакціонеры и обскуранты косвенно подрываютъ основы международнаго положенія Россіи, подкапываются подъ ея авторитетъ и популярность, способствуютъ охлажденію ея политическихъ связей и союзовъ. Вліятельные британскіе публицисты и парламентскіе дѣятели начинаютъ какъ будто намекать на неудобство или нежелательность дальнѣйшаго политическаго сближенія съ Россіею, въ виду торжества у насъ реакціонныхъ тенденцій; нѣкоторыя нѣмецкія газеты проповѣдуютъ нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ «черносотенцевъ», распоряжающихся, будто бы, въ нашемъ отечествѣ. Умѣренная и сдержанная «Frankfurter Zeitung», въ передовой статьѣ отъ 1-го ноября, называетъ поведеніе прокурорской власти въ дѣлѣ Бейлиса «однимъ изъ самыхъ страшныхъ фактовъ новѣйшей культурной исторіи» и усматриваетъ въ этомъ процессѣ важный симптомъ, чрезвычайно поучительный для западно-европейскихъ націй. По мнѣнію названной газеты, Европѣ предстояла бы только одна задача—«образовать священный союзъ противъ той системы нравственнаго разложенія, гнета и несправедливости, которая господствуетъ въ величайшемъ изъ европейскихъ государствъ и отъ которой наиболѣе страдаетъ сама Россія и русскій народъ». Разумѣется, эта идея анти-русскаго священнаго союза есть только газетная фантазія, не имѣющая подъ собою реальной почвы; но она свидѣтельствуетъ о настроеніи, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ чувствительно отозваться на международныхъ интересахъ Россіи. А виновники и творцы этого

враждебнаго намъ настроенія, наши усердствующіе псевдопатріоты, повидимому очень довольны плодами рукъ своихъ.

Въ дѣлахъ нашей внѣшней политики замѣчается прежняя безцвѣтная неопредѣленность, позволяющая Австро-Венгріи играть руководящую активную роль на Балканахъ. Вѣнскій кабинетъ принялъ весьма воинственную позицію по отношенію къ Сербіи, когда сербское правительство пыталось оградить свою территорію отъ албанскихъ набѣговъ; отъ сербовъ потребовали, чтобы они очистили занятыя ими мѣстности на албанской границѣ въ недѣльный срокъ, и они должны были подчиниться безпрекословно. Австрійскій ультиматумъ, предъявленный въ Бѣлградѣ 18 (5)-го октября, возымѣлъ свое дѣйствіе на слѣдующій-же день; посланныя противъ албанцевъ сербскія войска были тотчасъ отозваны, для избѣжанія возвѣщенныхъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны Австро-Венгріи. Столь-же круто дѣйствуютъ австрійцы и итальянцы по отношенію къ Греціи, чтобы побудить ее немедленно удалить военные отряды изъ мѣстностей, которыя въ силу лондонскаго протокола должны войти въ составъ южныхъ владѣній Албаніи. Все, что требуется австрійскими интересами, находитъ систематическое и послѣдовательное исполненіе, и можно сказать, что Австро-Венгрія безъ войны, при помощи лишь частичныхъ военныхъ приготовленій, достигла крупныхъ и существенныхъ результатовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сербія далеко отодвинута отъ Адріатики и имѣетъ предъ собою новую преграду въ видѣ автономнаго албанскаго государства. Болгарія ищетъ сближенія съ Вѣною, точно такъ же, какъ и Турція. Наша дипломатія осталась въ пассивномъ одиночествѣ; она никого не удовлетворила и повсюду возбудила одни разочарованія и неудовольствія; она не сумѣла сохранить за собою положеніе арбитра между союзными балканскими государствами, допустила позорный развалъ федераціи и проиграла удачно начатую политическую кампанію, которая имѣла всѣ шансы успѣха.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ видно изъ бесѣды министра съ сотрудникомъ газеты «Temps» въ Парижѣ, озабочено теперь только сохраненіемъ мира. «Россія, какъ впрочемъ и всѣ великія державы,—по словамъ гофмейстера С. Д. Сазонова—желаетъ, чтобы миръ на ближнемъ Востокѣ укрѣпился возможно скорѣе. Ни одно изъ балканскихъ государствъ, конечно, не отрицаетъ важности общаго интереса, связаннаго съ этимъ укрѣпленіемъ мира, которое, однако, затрудняется усвоенными пріемами поведенія и противоположностью преслѣдуемыхъ цѣлей. Мы съ своей стороны хотѣли бы облегчить для Оттоманской имперіи нормальное существованіе

и благополучіе на установленныхъ нынѣ основахъ. Но для этого неизбѣжны внутреннія реформы. Россія, какъ сосѣдка Турціи, стремится къ обезпеченію своей территоріи отъ замѣшательствъ, которыя могутъ быть вызваны турецкими волненіями. Наше очевидное безкорыстіе согласуется съ хорошимъ управленіемъ турецкими дѣлами въ Малой Азіи. Что касается балканскихъ государствъ, то великія державы должны тѣми средствами, какими онѣ располагаютъ, способствовать ихъ успокоенію и постараться избавить ихъ отъ финансовыхъ кризисовъ. Между кабинетами постоянно сохранялась связь, и этимъ предупреждались всякія усложненія. Россія, въ полномъ согласіи съ своими союзниками и друзьями, отдала свои силы служенію интересамъ мира. Европейская дипломатія за послѣдній годъ преслѣдовала общую цѣль, и пріобрѣтенные результаты способны повсюду разсѣять возможныя предубѣжденія».

Эти общія фразы въ сущности ничего не опредѣляютъ и не выясняютъ. Всѣ хлопочутъ и говорятъ о мирѣ; но въ предѣлахъ мирной дипломатической дѣятельности можетъ и должна существовать извѣстная положительная программа, а такой программы у насъ не видно. Безъ сомнѣнія, внѣшняя политика во многомъ зависитъ отъ внутренней, которая находится внѣ круга дѣйствія дипломатіи. При плохомъ направленіи внутреннихъ дѣлъ не могутъ хорошо идти и дѣла внѣшнія, международныя. Гофмейстеръ С. Д. Сазоновъ справедливо утверждаетъ, что для Турціи необходимы внутреннія реформы; но турецкіе министры придерживаются близко знакомаго намъ девиза: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы». Удобно ли русскому министру иностранныхъ дѣлъ возражать противъ этого девиза? Успокоеніе издавна водворяется въ Турціи при помощи башибузуковъ, на почвѣ исключительныхъ полномочій столичныхъ и провинціальныхъ властей; а пока желательное для турецкаго режима успокоеніе страны достигается только на кладбищѣ, не можетъ наступить время для необходимыхъ внутреннихъ реформъ. Намъ приходится вообще соблюдать осторожность при обсужденіи внутреннихъ условій и порядковъ чужихъ державъ. Между прочимъ, наши охранители часто нападаютъ на Австро-Венгрію за допускаемыя въ ней нарушенія конституціонныхъ правъ славянскихъ народностей,—но эти же россійскіе патріоты вовсе не признаютъ никакой конституціи и никакихъ гражданскихъ правъ для собственнаго своего народа. Одна изъ вѣнскихъ газетъ, «Neues Wiener Tagblatt», въ номерѣ отъ 30 (17) октября, довольно ядовито обсуждаетъ съ этой точки зрѣнія существующія отношенія между Австро-Венгріею и Россіею. Австрійскіе чехи, словинцы, поляки и русины—замѣчаетъ газета—не имѣютъ

повода завидовать русскимъ славянамъ, не говоря уже объ инородцахъ; русскіе поляки и—что еще важнѣе—малороссы видятъ здѣсь свободный ростъ и самостоятельное національное развитіе своихъ соплеменниковъ. «Если бы здѣсь желали заниматься судьбою подвластныхъ Россіи славянъ, которые держатся подъ такимъ суровымъ гнетомъ, и еслибы русскимъ сосѣдямъ напомнили положеніе дѣлъ въ ихъ великомъ славянскомъ государствѣ, то всему міру стало бы ясно, что русскіе имѣли бы полное основаніе вовсе не касаться темы, о которой такъ любятъ распространяться славянофилы. Но даже безъ прямой полемики говорятъ за себя сами факты; русскіе инородцы невольно проводятъ параллель между внутренними порядками обѣихъ имперій, и это сравненіе есть главное основаніе, почему Россія неустанно старается насъ ослабить». Конечно, условія политической жизни въ Австро-Венгріи, при рѣзкомъ антагонизмѣ національностей, далеко не идеальны, но все-таки они не исключаютъ уваженія къ праву и законности; тамъ нѣтъ грубаго административнаго произвола, нѣтъ явныхъ злоупотребленій властью, нѣтъ свободной пропаганды погромныхъ и человѣконенавистническихъ листковъ, рядомъ съ преслѣдованіемъ прогрессивной печати. И эти преимущества позволяютъ австрійскимъ публицистамъ говорить свысока о внутреннемъ строѣ Россіи. Однако, у насъ нѣтъ никакихъ разумныхъ мотивовъ къ сохраненію указанныхъ особенностей нашего внутренняго строя, и наши собственные жизненные интересы настоятельно требуютъ тѣхъ коренныхъ реформъ, которыя прочно утвердили бы у насъ господство права и законности. Необходимо разъ навсегда отнять у иностранцевъ право и возможность гордиться предъ нами превосходствомъ своихъ внутреннихъ административно-полицейскихъ порядковъ; тогда и въ международныхъ отношеніяхъ установится тонъ истиннаго внутренняго равноправія. Тогда мы не будемъ стѣснены и въ обсужденіи вопросовъ о положеніи славянскихъ народностей въ чужихъ государствахъ, и Австро-Венгрія перестанетъ считать себя гарантированною отъ иноземныхъ воздѣйствій и симпатій, способныхъ нарушить ея политическое единство. Внутреннія преобразованія усилили бы, такимъ образомъ, нашу международную позицію. Объ этомъ не думаютъ, къ сожалѣнію, патріоты обычнаго типа, разсуждающіе у насъ о великомъ призваніи Россіи на ближнемъ Востокѣ.

Въ Германіи праздновалась, 18 (5)-го октября, съ оффиціальнымъ патріотическимъ подъемомъ, столѣтняя годовщина знаменитой

трехдневной «битвы народовъ» подъ Лейпцигомъ, рѣшившей судьбу Наполеоновской имперіи и обезпечившей успѣхъ германской освободительной войны противъ французскаго владычества. Въ присутствіи союзныхъ нѣмецкихъ государей, почетныхъ иностранныхъ гостей, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, представителей военныхъ и гимнастическихъ обществъ состоялось открытіе грандіознаго памятника, предназначеннаго, по плану строителей, служить «мавзолеемъ для павшихъ, символомъ славы для нѣмецкаго народа и напоминаніемъ для будущаго». Забыто при этомъ указаніе на то, что побѣда при Лейпцигѣ досталась нѣмецкому народу только благодаря участію русскихъ войскъ, которыя оставили на полѣ сраженія гораздо больше убитыхъ, чѣмъ пруссаки и австрійцы. Около 21 тысячи русскихъ солдатъ погибло тогда во имя «славы нѣмецкаго народа», за чужое для Россіи дѣло, за интересы Австріи и Пруссіи,—тогда какъ пруссаки, боровшіеся за свое собственное національное освобожденіе, потеряли всего 16 тысячъ человѣкъ. Почему Россія жертвовала кровью своего народа для пользы иноземныхъ династій и ихъ государствъ—это вопросъ, на который трудно дать удовлетворительный отвѣтъ. Властные руководители Россіи не имѣли своей самостоятельной національной политики, потому что не видѣли народа, который могъ бы внушить имъ заботу о своихъ жизненныхъ интересахъ; они легко отдавали народныя силы и средства въ распоряженіе иностранныхъ монарховъ. Русскій народъ, задавленный крѣпостнымъ правомъ и лишенный элементарныхъ условій правильнаго развитія и благосостоянія, долженъ былъ воевать для того, чтобы Австрія и Пруссія сдѣлались первыми державами въ Европѣ; русскія войска сражались и умирали на чужбинѣ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ нуждами и потребностями Россіи. Нѣмецкіе патріоты рѣдко и неохотно вспоминаютъ о выдающейся роли нашего отечества въ созданіи могущества нынѣшней Германіи; но и намъ хвалиться нечѣмъ, ибо едва ли можетъ считаться лестною роль самоотверженныхъ исполнителей чужихъ плановъ и разсчетовъ.

Какъ бы то ни было, нѣмцы имѣютъ право гордиться результатами освободительныхъ войнъ, выдвинувшихъ идею національнаго объединенія Германіи; объединеніе достигнуто при помощи позднѣйшихъ кровавыхъ усилій, хотя и не въ той формѣ, въ какой мечтали о немъ проповѣдники національнаго единства. Вмѣсто единой демократической Германіи, вдохновлявшей идеалистовъ сороковыхъ годовъ, образовалась союзная имперія, составленная изъ прежнихъ германскихъ государствъ, съ сохраненіемъ ихъ отдѣльныхъ династій и автономныхъ правъ, подъ общимъ главенствомъ прусскаго короля, получившаго титулъ императора. Объ особенностяхъ этого

внутренняго строя имперіи напомнили недавно два событія: замѣщеніе вакантнаго съ 1884-го года герцогскаго престола въ Брауншвейгѣ сыномъ герцога Кумберлендскаго, принцемъ Эрнстомъ-Августомъ, зятемъ императора Вильгельма II, и переходъ баварской королевской короны къ принцу-регенту Людвигу, въ виду многолѣтней безнадежной душевной болѣзни короля Оттона. Законный наслѣдникъ послѣдняго брауншвейгскаго герцога Вильгельма I, герцогъ Кумберлендскій, не былъ допущенъ къ занятію поста правителя въ Брауншвейгѣ, такъ какъ въ качествѣ представителя фамиліи Вельфовъ онъ считался претендентомъ на Ганноверское королевство, присоединенное къ Пруссіи, и не соглашался формально отречься отъ своихъ правъ; но бракъ его сына съ дочерью императора примирилъ Вельфовъ съ Гогенцоллернами, и когда старый герцогъ уступилъ свои права принцу Эрнесту-Августу, прусскому офицеру и зятю прусскаго короля, то формальное препятствіе къ передачѣ ему герцогскаго титула въ Брауншвейгѣ устранилось. По рѣшенію германскаго союзнаго совѣта и съ согласія мѣстнаго представительнаго собранія регентство сложило свои полномочія, и герцогомъ брауншвейгскимъ объявленъ герцогъ Эрнестъ-Августъ. Что касается Баваріи, то тамъ не предстояло никакихъ династическихъ или формальныхъ затрудненій для перехода королевскаго титула къ принцу-регенту, и этотъ переходъ совершился такъ-же точно въ силу рѣшенія союзнаго совѣта, при участіи баварскаго парламента. Благонамѣренные баварскіе граждане имѣютъ теперь своего законнаго короля, способнаго фактически исполнять почетныя функціи своего званія; съ своей стороны, и брауншвейгскіе обыватели дождались прекращенія фамильнаго конфликта, продолжавшагося почти тридцать лѣтъ и мѣшавшаго Брауншвейгу имѣть своего законнаго герцога. Нѣмецкіе патріоты видятъ крупное политическое событіе въ окончательномъ примиреніи Вельфовъ съ совершившимся историческимъ фактомъ потери для нихъ Ганновера; но всѣ эти династическіе вопросы мало занимаютъ нѣмецкія народныя массы.

Въ связи съ брауншвейгскимъ вопросомъ обратило на себя общее вниманіе рѣзкое личное выступленіе германскаго кронпринца, который возражалъ противъ признанія герцогскихъ правъ за принцемъ Эрнестомъ-Августомъ, пока послѣдній не отрекся формально отъ всякихъ притязаній на Ганноверъ. Кронпринцъ изложилъ свое мнѣніе по этому предмету въ письмѣ къ имперскому канцлеру Бетманъ-Голльвегу, и содержаніе письма было сообщено въ одной изъ консервативныхъ газетъ. Возникшее разногласіе въ семьѣ императора сдѣлалось предметомъ публичнаго обсужденія. Канцлеръ отвѣтилъ кронпринцу, что правительство считаетъ излишнимъ тре-

бовать отъ принца Эрнеста-Августа новаго формальнаго отреченія послѣ его торжественнаго обѣщанія хранить вѣрность имперіи и императору, въ качествѣ прусскаго офицера, и особенно послѣ вступленія его въ прусскую королевскую семью. Само собою разумѣется, что Вильгельмъ II былъ крайне недоволенъ этимъ неожиданнымъ вмѣшательствомъ кронпринца и вызвалъ его къ себѣ для объясненій; инцидентъ кое-какъ уладился безъ скандала, но нѣмецкое общество осталось подъ впечатлѣніемъ страннаго образа дѣйствій будущаго правителя имперіи. По этому поводу вспомнили, что два года тому назадъ кронпринцъ въ засѣданіи имперскаго сейма публично выражалъ знаками и жестами свое несогласіе съ рѣчью канцлера и горячо рукоплескалъ его противнику, реакціонному оратору, фонъ-Гейдебранду. Многіе въ Германіи опасаются, что склонность кронпринца къ одностороннимъ увлеченіямъ и рѣзкимъ выступленіямъ можетъ причинить имперіи и народу крупныя непріятности въ будущемъ.

Китайскій парламентъ въ Пекинѣ послѣ продолжительныхъ совѣщаній и неоднократныхъ баллотировокъ, 6 октября (нов. ст.), большинствомъ 507 противъ 196 голосовъ избралъ Юаншикая президентомъ республики на пять лѣтъ. Назначенный временнымъ президентомъ въ февралѣ прошлаго года національнымъ собраніемъ въ Нанкинѣ, Юаншикай съумѣлъ поддержать единство имперіи при крайне трудныхъ обстоятельствахъ, подавилъ возстаніе южныхъ провинцій и своею энергіей и успѣхами обезпечилъ за собою исключительный авторитетъ даже въ глазахъ своихъ недавнихъ противниковъ и соперниковъ, такъ что избраніе его предвидѣлось уже заранѣе. Предстоитъ еще обсужденіе и окончательное установленіе текста китайской конституціи, за исключеніемъ принятыхъ уже парламентомъ параграфовъ, касающихся президентской власти. Всѣ иностранныя державы признали новую великую республику, и для «недвижнаго Китая» открывается эпоха свободнаго національнаго развитія, которое должно внести новую жизнь въ судьбы Дальняго Востока.

21-го октября скончался, на 74-мъ году жизни, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и просвѣщенныхъ политическихъ дѣятелей Сербіи, Савва Груичъ, бывшій пять разъ главою сербкаго министерства, а съ 1897 по 1899 годъ—посланникомъ въ Петербургѣ. Въ «Вѣстникѣ Европы» печатались въ разное время его сообщенія и письма изъ Сербіи, большею частью безъ подписи, и нерѣдко

помѣщались въ «Иностранномъ обозрѣніи». Въ «Архивѣ» М. М. Стасюлевича напечатана переписка Груича съ покойнымъ редакторомъ «Вѣстника Европы».



ЭСМЕНЪ.

Въ наши дни мало найдется юристовъ во Франціи, которые отличались бы такой универсальностью, какъ Эсменъ. Когда я впервые встрѣтился съ нимъ у покойнаго Родольфа Дареста, вздумавшаго какъ-то собрать у себя за столомъ всѣхъ тѣхъ, кто въ Парижѣ знакомъ съ русскимъ или инымъ славянскимъ языкомъ, то въ числѣ гостей, которымъ меня представилъ гостепріимный хозяинъ, былъ и Эсменъ. Онъ зналъ мои книги о происхожденіи современной демократіи. Я въ свою очередь не разъ цитировалъ его «Этюды по исторіи права» въ моемъ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ». Въ Эсменѣ государствовѣда еще въ это время никто не подозрѣвалъ. Но всѣ знали, что онъ принадлежитъ къ славной группѣ обновителей, чтобы не сказать творцовъ, исторіи французскаго права. Я говорю: творцовъ, потому что послѣ работъ Тардифа, Віолэ, Флака, Глассона, Гарсонне, Лефебра, Бона и прежде всего Бриссо и Эсмена, мало что остается отъ болѣе ранняго и одно время классическаго труда Лаферьера.

Причина тому, разумѣется, лежитъ прежде всего въ необыкновенномъ накопленіи источниковъ: грамотъ, впервые обнародованныхъ съ заключавшими ихъ хартуларіями монастырей и церковныхъ обителей, актовъ отпущенія на волю, кутюмовъ отдѣльныхъ помѣстій и городовъ, на цѣлые вѣка опередившихъ тѣ своды обычнаго права провинцій, которыми, да къ тому же въ позднихъ редакціяхъ, пользовался Лаферьеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ былъ обнародованъ древнѣйшій кутюмьэ Нормандіи, и отгаданы Віолэ дѣйствительные источники «Учрежденій Св. Людовика» (а именно два сборника обычнаго права) и рядъ записей обычаевъ XII, XIII и XIV в. отпечатанъ въ Revue historique de droit français и въ анналахъ провинціальныхъ научныхъ обществъ, нельзя было болѣе строить выводовъ на однихъ юридическихъ трактатахъ Бомануара или Фонтана, хотя бы и восходящихъ къ XII, XIII и XIV вѣкамъ; пришлось восходить до первоисточниковъ. Это и составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ, оказанныхъ исторіи французскаго права поко-

лѣніемъ юристовъ, къ которому принадлежалъ Эсменъ. Многіе изъ нихъ уже сошли со сцены; нѣтъ болѣе ни Тардифа, ни Глассона, ни Гарсоннэ, ни Бриссо. Эсмену удалось передъ смертью осуществить свое завѣтное желаніе—радикально переработать изданный имъ «Элементарный курсъ исторіи французскаго права». Курсъ этотъ до 1908 года выдержалъ уже семь изданій. Новое его изданіе является почти самостоятельнымъ сочиненіемъ, написаннымъ по первоисточникамъ и всей новѣйшей литературѣ. Авторъ дорожилъ имъ, какъ книгой, ставшей вполнѣ въ уровень съ монографической разработкой предмета. Вручая мнѣ свое сочиненіе (это былъ его послѣдній подарокъ), авторъ просилъ меня ознакомиться съ нимъ съ цѣлью убѣдиться, насколько подвинулась во Франціи разработка исторіи туземнаго права.

Всякому ученому юристу извѣстно, какое вліяніе имѣло во Франціи право римское и каноническое. Весьма счастливымъ обстоятельствомъ надо считать, поэтому, близкое знакомство Эсмена съ тѣмъ и другимъ. Можно убѣдиться въ его освѣдомленности, читая уже упомянутыя мною «Etudes sur l'histoire du droit» и его двухтомное сочиненіе «О брачномъ союзѣ по каноническому праву».

Третьей причиной образцоваго исполненія имъ задачи историка права надо считать внимательное изученіе имъ нѣмецкой, итальянской, испанской, англійской и даже русской литературы по исторической юриспруденціи. Сочиненія Бруннера и Шредера хорошо были извѣстны Эсмену, какъ и сочиненія Пертилэ, Шупфера и Сальвіоли, Колмейро, Карденаса и позднѣйшихъ по времени работниковъ по исторіи испанскаго права, какъ Манрикецъ и Манракэ, которыхъ тоже трудно не считать новаторами. Эсменъ зналъ все сдѣланное для исторіи англійскаго права Мэтлендомъ и нашимъ соотечественникомъ Виноградовымъ. Его интересовали и русскія работы, раскрывавшія передъ нимъ роль народнаго вѣча въ нашихъ старыхъ княжествахъ удѣльнаго періода и ростъ княжеско-боярской думы, отвѣчающей западной curia regis эпохи варварскихъ правдъ и постепенно развившемуся изъ нея во Франціи Conseil du roi, а въ Англіи—«Тайному совѣту» (privy council). Универсальный характеръ феодализма останавливалъ на себѣ его вниманіе; онъ охотно распрашивалъ меня о работахъ Павлова-Сильванскаго, раздвинувшаго границы распространенія феодально-экономическихъ порядковъ и на восточную половину Европы.

Къ числу работъ по исторіи права, справедливо прославившихъ имя Эсмена, надо отнести и появившійся впервые въ 1908 г. «Элементарный обзоръ исторіи французскаго права съ 1789 по 1814 годъ». Это сочиненіе содержитъ сжатое изложеніе

всего, что сдѣлано было въ области права французской революціей, Консульствомъ и имперіей. Книга открывается главою о старомъ порядкѣ и продолжается очеркомъ упраздненія феодализма. Затѣмъ идетъ изложеніе строя административнаго, судебнаго, финансоваго, военнаго, церковнаго; поднимается вопросъ объ отношеніи государства къ различнымъ культамъ. Короткая глава посвящена изложенію личныхъ правъ за указанный періодъ; сочиненіе заканчивается обзоромъ гражданскаго и уголовнаго законодательства и органическихъ законовъ эпохи революціи и имперіи. Авторъ не разъ трактовалъ о всѣхъ этихъ предметахъ съ каѳедры въ школѣ правовѣдѣнія и въ школѣ политическихъ наукъ въ Парижѣ. Его изложеніе было нерѣдко детальнымъ; по собственнымъ его словамъ, онъ собирался дать многотомное сочиненіе о политическихъ и административныхъ учрежденіяхъ Франціи стараго порядка и о судьбѣ, постигшей ихъ со времени Революціи, Консульства и имперіи. Изданная имъ книга должна была до нѣкоторой степени служить кампендіумомъ, не болѣе. Ранѣе напечатанная Эсменомъ «Исторія уголовнаго процесса во Франціи» свидѣтельствовала о значительной подготовленности Эсмена къ осуществленію широкой задачи, за которую взялись теперь Віолэ и Функъ-Брентано, въ своихъ недавнихъ сочиненіяхъ о природѣ французской королевской власти стараго порядка и о верховномъ управленіи государствомъ въ столѣтіе, предшествовавшее революціи.

Пока Эсменъ оставался профессоромъ въ Дуэ, его преподаваніе касалось главнымъ образомъ исторіи французскаго и каноническаго права. Въ Парижѣ ему поручено было читать лекціи по праву государственному. Въ эпоху второй имперіи каѳедра по этому предмету была соединена съ каѳедрой по административному праву. Ее занималъ извѣстный Батби, впослѣдствіи членъ конституціонной комиссіи въ Версалѣ и министръ въ кабинетѣ ordre moral герцога Брольи. Курсъ Батби появился въ семи томахъ, изъ которыхъ второй занятъ комментаріемъ къ органическимъ законамъ имперіи и короткимъ обзоромъ предшествующихъ конституцій Франціи. Довольно обстоятельно изложены у Батби публичныя права гражданъ въ ихъ историческомъ развитіи и разсмотрѣнъ вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Но о какомъ-либо сравнительномъ или сравнительно-историческомъ изученіи французскихъ порядковъ, какъ и о раскрытіи общей природы конституціоннаго и парламентскаго режима, въ сочиненіи Батби нельзя найти ни слова. Появившіеся впервые въ 1896 г. «Элементы конституціоннаго права» Эсмена не были первымъ по времени комментаріемъ дѣйствующихъ органическихъ законовъ Франціи—законовъ 1875-го года; но они были первой попыт-

кой привлечь къ пониманію и оцѣнкѣ французскаго законодательнаго матеріала конституцій другихъ странъ, въ ихъ историческомъ развитіи. Это было во французской литературѣ настолько ново и въ такой степени измѣняло обычные пріемы и методы изученія положительнаго права, что книга сразу остановила на себѣ вниманіе не только французской, но и иностранной критики. Послѣ выхода второго или третьяго изданія (навѣрное не помню) мнѣ пришло въ голову дать русскимъ читателямъ полный переводъ всего сочиненія. Онъ выполненъ былъ подъ моей редакціей и появился въ библіотекѣ, издаваемой въ Москвѣ на средства К. Т. Солдатенкова. Книга имѣла успѣхъ и въ настоящее время совершенно разошлась. Независимо отъ этого изданія и безъ всякаго предварительнаго уговора со мной предпринятъ былъ въ 1898 г. подъ редакціей проф. Дерюжинскаго переводъ первой половины сочиненія, посвященной общимъ основаніямъ конституціоннаго права. И этотъ переводъ вскорѣ былъ распроданъ. Въ 1909 г. издательство О. Н. Поповой предприняло уже съ 4-го изданія переводъ опять таки первой части книги Эсмена, подъ редакціей Н. О. Беръ. Русская публика впервые познакомилась изъ этого изданія съ существенными дополненіями, сдѣланными Эсменомъ къ первоначальной редакціи его книги. Въ сочиненіе вошли впервые очеркъ конституціоннаго права Австраліи, очеркъ новыхъ ученій о государствѣ, правительствѣ и законѣ, сопоставленіе парламентскаго образа правленія въ Англіи и во Франціи, организація пропорціональнаго представительства, распространеніе всеобщаго избирательнаго права, первые опыты введенія избирательнаго права женщинъ, практика референдума. Въ послѣдующихъ изданіяхъ Эсменъ прибавилъ еще кое-что новое, распространилъ отдѣлъ объ индивидуальныхъ правахъ, разсортировалъ матеріалъ книги по нѣсколько измѣненному плану, отвелъ большое мѣсто изложенію и критикѣ новыхъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ доктринъ, наконецъ, разбилъ свое сочиненіе на два тома. Если явится необходимость въ новомъ переводѣ, слѣдовало бы рекомендовать людямъ, готовымъ потратить на него свой трудъ, послѣднее по времени изданіе, вышедшее года три тому назадъ. Желательно было бы, чтобы на этотъ разъ данъ былъ русской публикѣ и второй томъ. Въ немъ Эсменъ прилагаетъ общія положенія, установленныя имъ въ первой части своей книги, къ характеристикѣ современныхъ политическихъ порядковъ Франціи. При дальнѣйшемъ анализѣ этого наиболѣе капитальнаго сочиненія покойнаго ученаго, я буду пользоваться, тѣмъ не менѣе, четвертымъ изданіемъ, какъ болѣе извѣстнымъ широкимъ кругамъ русскихъ читателей.

При оцѣнкѣ книги Эсмена не слѣдуетъ, какъ я полагаю, сопоставлять ее съ извѣстнымъ сочиненіемъ Еллинека, къ сожалѣнію не законченнымъ. Еллинекъ былъ въ строгомъ смыслѣ слова догматикомъ и отчасти соціологомъ. Эсменъ и въ новомъ своемъ сочиненіи о государственномъ правѣ остается прежде всего историкомъ, и притомъ сравнительнымъ историкомъ, слѣдящимъ одинаково за развитіемъ и положительнаго права, и политической доктрины. Его книга не есть трактатъ по общему ученію о государствѣ или по общему государственному праву, какимъ являются сочиненія Еллинека и было весьма распространенное въ свое время трехтомное сочиненіе Блюнчли. Это—еще менѣе энциклопедія государственныхъ знаній, въ родѣ знаменитаго въ свое время труда Р. Моля или разсужденій о природѣ по преимуществу исполнительной власти, какими были прославленныя работы Лор. Штейна, вышедшія какъ разъ подъ этимъ названіемъ. Это, наконецъ, не психологія и не философія государства и составляющихъ его элементовъ, какою является книга Дюги, и не новая доктрина публичнаго права, какою можно считать сочиненіе Hauriou: «Principes de droit public». Это, прежде всего, изложеніе и дальнѣйшее развитіе сложившейся во Франціи доктрины государства, основы которой положены были еще Бодэномъ, съ его ученіемъ о государственномъ суверенитетѣ. «Государство—пишетъ Эсменъ—есть юридическое олицетвореніе націи; оно является субъектомъ и фундаментомъ публичной власти». Таковъ буквальный переводъ начальной фразы перваго параграфа, переводъ далекій отъ того, какой даетъ г. Беръ, говоря, что по Эсмену государство является «воплощеніемъ государственной власти». Въ дальнѣйшемъ авторъ развиваетъ ту мысль, что государство немыслимо безъ суверенитета, т. е. не признаетъ никакой соперничающей съ нимъ власти. Эсменъ приводитъ извѣстное положеніе Луазо, гласящее: «суверенитетъ даетъ бытіе государству. Государство и суверенитетъ, понимаемые въ конкретномъ смыслѣ, являются синонимами». Очевидно, что съ такой точки зрѣнія автору трудно согласиться какъ съ Еллинекомъ, такъ съ Дюги. И дѣйствительно, онъ отводитъ полемикѣ съ ними цѣлый параграфъ своей книги, озаглавленный «О нѣкоторыхъ новѣйшихъ теоріяхъ». Еллинека онъ относитъ къ числу соціологовъ, не желающихъ видѣть въ государствѣ специфическую форму человѣческихъ сообществъ; къ тому же направленію, что и Еллинека, онъ относитъ Гирке, Прейса и, наконецъ, Дюги. «Доктрины,—пишетъ Эсменъ—которыя признаютъ за государствомъ ту же породу, что и за другими человѣческими ассоціаціями, мнѣ кажутся невѣрными и опасными. Публичное право съ самаго своего возникновенія опирается на идею суверенной власти, которая можетъ принадлежать одному только госу-

дарству. Разумѣется, другими своими сторонами государство приближается ко всякаго рода человѣческимъ группамъ, которыя, подобно ему, могутъ обезпечить счастье людей и развитіе ихъ способностей. Но по своему суверенитету государство есть единственная въ своемъ родѣ ассоціація». Авторъ разсматриваетъ затѣмъ и другія особенности государства, высказывая, въ общемъ, доктрину, первоисточникомъ которой является, какъ онъ и самъ признаетъ, трактатъ Бодэна: «Шесть книгъ о республикѣ». Дюги нашъ авторъ обвиняетъ въ томъ, что онъ недостаточно оцѣниваетъ суверенный характеръ государства. «Отрицать его—равносильно признанію, что одной силой созданы и держатся правительства».

Я далекъ отъ мысли раздѣлять взгляды Эсмена на доктрину Дюги, который исходитъ изъ начала человѣческой солидарности, какъ общаго источника и права, и государства, и выводитъ отсюда возможность подчиненія государства праву, съ цѣлью обезпечить торжество человѣческой солидарности. Если я коснулся критики Эсменомъ ученій современныхъ ему теоретиковъ государственнаго права, то лишь съ цѣлью показать, что его ученіе сводится, въ сущности, къ тѣмъ началамъ, которыя установлены были Бодэномъ еще въ концѣ XVI-го столѣтія.

Авторъ недолго останавливается на вопросѣ о природѣ государства и начинаетъ первую часть свой книги, озаглавленную: «Современная свобода, принципы и учрежденія», разсужденіемъ о томъ, какъ англійская конституція сдѣлалась однимъ изъ элементовъ этой свободы. Мнѣ пріятно отмѣтить, что на 48-й стр. своей книги, въ примѣчаніи первомъ, авторъ говоритъ: «о вліяніи, какое въ годы, предшествующіе революціи, англійская и американская литература оказали на Францію, см. сочиненіе М. Ковалевскаго: «Происхожденіе современной демократіи»; — пріятно потому, что высказанныя мною мысли нашли въ первой главѣ Эсмена болѣе широкое развитіе въ примѣненіи и къ послѣдующимъ конституціямъ Франціи, а не къ одной только конституціи 1791 г. Авторъ съумѣлъ показать, что подъ вліяніемъ англійской конституціи, съ ея представительнымъ строемъ, характеризующей ее системой двухъ палатъ, политической отвѣтственностью министровъ, парламентскимъ образомъ правленія—сложилась современная доктрина политической свободы. Весь этотъ отдѣлъ заканчивается защитой парламентаризма отъ нападеній, какія сыпятся на него со всѣхъ сторонъ. Эсменъ ссылается при этомъ и на нашего соотечественника М. Я. Острогорскаго, котораго называетъ публицистомъ большихъ дарованій, и на англійскаго комментатора дѣйствующей конституціи Кортнэ, и, наконецъ, на французскихъ критиковъ парламентскихъ порядковъ, противъ которыхъ

онъ выступилъ съ болѣе подробнымъ мемуаромъ на конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ въ годъ всемірной выставки. Мы встрѣтились на этомъ засѣданіи въ развитіи болѣе или менѣе сходныхъ мыслей и нашли противника въ лицѣ Сариполосъ, извѣстнаго представителя каѳедры государственнаго права въ Аѳинскомъ университетѣ. На нашей сторонѣ былъ и Моро, выступившій впослѣдствіи съ хорошо извѣстнымъ маленькимъ трактатомъ: «Защита парламентаризма».

Во второмъ подъотдѣлѣ первой части своей книги Эсменъ останавливается на принципахъ политической доктрины XVIII-го в., провозглашенныхъ французской революціей. Это та же тема, какая поднята мною во второмъ томѣ моего «Происхожденія современной демократіи». Эсменъ снова ссылается на меня на стр. 187 и 188-й своего сочиненія, причемъ вступаетъ со мною въ полемику по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ расходились взгляды Монтескье и Руссо на раздѣленіе властей. Эта полемика, впрочемъ, начата была не имъ, а его ученикомъ Черновымъ и продолжена проф. Алексѣевымъ въ «Вѣстникѣ Права». Отвѣтъ данъ былъ мною въ статьѣ, напечатанной въ несуществующей больше газетѣ «Русь».

Свои основные взгляды Эсменъ изложилъ еще въ 1894-мъ году въ замѣчательной статьѣ: «Двѣ формы правительства». Она показалась мнѣ настолько оригинальной въ то время, что я счелъ нужнымъ рекомендовать ее для перевода. Она вышла въ приложеніи къ русской передачѣ книги Эсмена подъ моей редакціей. Авторъ показываетъ въ этой статьѣ, что представительный образъ правленія можетъ имѣть двоякій характеръ: или тотъ, который выработанъ былъ въ Англіи, или тотъ, который установился во Франціи подъ вліяніемъ Руссо, признававшаго за депутатами роль простыхъ уполномоченныхъ націи. Народъ, не имѣя возможности, по своему многолюдству, завѣдывать самъ своими дѣлами, избираетъ довѣренныхъ лицъ, говорящихъ его именемъ. Такой полупредставительный образъ правленія имѣютъ и американцы. Эсменъ въ подробности разсматриваетъ его отличительныя черты, въ числѣ которыхъ онъ отмѣчаетъ постоянство законодательной власти, передачу исполнительныхъ функцій на срокъ единоличнымъ органамъ или коллегіямъ, дѣйствующимъ на правахъ прямыхъ уполномоченныхъ народа и устраняющихъ необходимость отвѣтственности министровъ, которая замѣняется отвѣтственностью главы государства или, какъ въ Швейцаріи, отвѣтственностью правительственной коллегіи. Эсменъ указываетъ опасность такого полупредставительнаго порядка, говоря, что онъ могъ бы повести къ деспотизму единой палаты. Но онъ видитъ препятствіе къ этому, во первыхъ, въ защитѣ основныхъ за-

коновъ судебной властью, какъ въ Америкѣ, во вторыхъ—въ пропорціональномъ представительствѣ меньшинства, наконецъ,—въ референдумѣ, дѣлающемъ возможнымъ контроль самого народа за законодательствомъ.

Въ «Элементахъ конституціоннаго права» мы находимъ воспроизведеніе этихъ мыслей при изложеніи политическихъ доктринъ XVIII-го столѣтія. Въ развитіи этихъ доктринъ приняли участіе и англійскіе, и нѣмецкіе, и голландскіе мыслители, столько же Гоббсъ и Локкъ, сколько Гроцій, Пуффендорфъ и Вольфъ. Къ этимъ доктринамъ присоединились во Франціи ученія Монтескье, Руссо, Мабли и Сійэса. Всѣ эти теоріи вошли въ составъ того эклектическаго ученія, какое нашло примѣненіе въ законодательной дѣятельности революціонныхъ палатъ. Авторъ, ссылаясь на мою книгу, указываетъ на стр. 196-й, что отъ англійскихъ и французскихъ писателей удержаны были только формулы и болѣе простыя мысли, способныя поразить воображеніе народа. Оторванныя отъ общихъ системъ, представленныя безъ всякаго объясненія и безъ ограниченій, какія допускаемы были ихъ авторами, эти ученія пріобрѣтали значеніе абсолютныхъ истинъ—значеніе, которое не было придаваемо имъ лицами, ихъ впервые высказавшими. «Эта сторона дѣла вѣрно представлена,—говоритъ авторъ, — въ «Происхожденіи современной демократіи» Ковалевскаго». Революціонная доктрина, по мнѣнію Эсмена, заключаетъ въ себѣ четыре главныхъ момента: теорію народнаго суверенитета, теорію раздѣленія властей, теорію индивидуальныхъ правъ, ученіе о писаныхъ конституціяхъ и объ учредительныхъ правахъ. Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ разсматриваетъ каждое изъ этихъ ученій въ отдѣльности. Его интересуетъ процессъ ихъ зарожденія и вся послѣдующая эволюція. Онъ восходитъ въ своихъ изысканіяхъ нерѣдко весьма далеко, до Альтузія и даже до Марсилія Падуанскаго, съ его трактатомъ: «О защитникѣ міра», наконецъ до Ѳомы Аквината, съ его незаконченнымъ сочиненіемъ «О правительствѣ князей» и «Богословской суммой» или энциклопедіей. Теоріи монархомаховъ даютъ ему матеріалъ для опредѣленія первоисточника ученія о договорномъ происхожденіи государства и власти. Бодэнъ представленъ имъ какъ первообразъ доктринъ столько же Гоббса, сколько и Руссо, о недѣлимости суверенитета. При изложеніи дальнѣйшей эволюціи ученія о суверенитетѣ и связаннаго съ нимъ положительнаго избирательнаго права и различныхъ предложеній организовать систему пропорціональнаго представительства, авторъ ищетъ указаній и въ дебатахъ законодательныхъ палатъ Франціи, Англіи и Бельгіи, и въ новѣйшихъ трактатахъ по пропорціональному представительству. Начитанность его на всѣхъ

языкахъ Европы, за исключеніемъ одного венгерскаго, по истинѣ поразительная.

Тогда какъ писатели, ранѣе Эсмена поднимавшіе тѣ же вопросы, интересовались ими въ приложеніи къ опредѣленной французской конституціи, онъ пользуется добытыми имъ выводами для комментированія разновременныхъ порядковъ не только Франціи, но и Англіи съ ея колоніями, Испаніи, Австріи и т. д. Говоря о раздѣленіи властей, онъ, подобно мнѣ, восходитъ къ ученію Локка, заявляя, что Локкъ первый изъ всѣхъ политическихъ писателей имѣетъ опредѣленное ученіе на этотъ счетъ. Подобно мнѣ, Эсменъ доказываетъ, что Локкъ отмѣтилъ существенныя черты, опредѣлившіяся въ его время въ англійской конституціи. Авторъ противополагаетъ затѣмъ ученіе Монтескье—ученію Локка и болѣе обстоятельно развиваетъ свой взглядъ на отличіе той точки зрѣнія, съ какой Руссо разсматриваетъ раздѣленіе властей, отъ той, какой придерживается Монтескье. Онъ переходитъ затѣмъ къ критикѣ взглядовъ Монтескье и подробно останавливается на замѣчательной книгѣ современнаго президента С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, бывшаго профессора Вудро Вильсона (Congressional Government). Весьма подробно разсматриваются имъ также отношенія законодательной и исполнительной власти на основаніи конституцій Франціи и Американскихъ Штатовъ, прежде всего — федеральной. Особое мѣсто отведено вопросу, въ какой мѣрѣ раздѣленіе властей примиримо съ парламентскимъ образомъ правленія. Глава заканчиваетси подробнымъ историческимъ экскурсомъ, посвященнымъ роли судебной власти.

Въ отдѣлѣ объ индивидуальныхъ правахъ въ 4-мъ изданіи мы не находимъ еще той исчерпывающей полноты, какою отличаются слѣдующія за нимъ по времени, когда авторъ остановился на анализѣ и извѣстной доктрины Еллинека о субъективныхъ правахъ.

Первая часть книги Эсмена о современной свободѣ заканчивается теоріей писанныхъ конституцій и противоположеніемъ двухъ типовъ государственнаго устройства: одного—подобнаго англійской конституціи, не знающей различія основныхъ законовъ отъ обыкновенныхъ, и другого—въ родѣ американскаго, который проводитъ это различіе. Первый видъ конституцій имѣетъ преимущество гибкости, второй—незыблемости основныхъ началъ. Авторъ немало пользуется въ этомъ отдѣлѣ англійской литературой и, въ частности, сочиненіемъ Дайси.

Вторая половина книги Эсмена посвящена комментарію дѣйствующей конституціи и краткому историческому очерку ея возникновенія. По самой своей темѣ, эта часть сочиненія не допускаетъ возожн о сти короткаго анализа. Достаточно сказать, что она пользуется

большимъ авторитетомъ во Франціи; на нее нерѣдки ссылки и въ дебатахъ палатъ, и при толкованіи спорныхъ по интерпретаціи вопросовъ, число которыхъ весьма значительно въ виду краткости и неполноты органическихъ законовъ 1875 г.

Еще два слова объ Эсменѣ, какъ о членѣ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Я обязанъ ему моимъ включеніемъ въ число ея корреспондентовъ. Это дало мнѣ возможность слѣдить, благодаря личному посѣщенію засѣданій или чтенію протоколовъ Академіи, за тѣми мемуарами, которые такъ часто предлагаемы были вниманію ученаго собранія ея неутомимымъ сочленомъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Эсменъ особенно занятъ былъ вопросомъ о радикальной перемѣнѣ, какой подверглись англійскіе порядки и въ частности права палаты лордовъ. Надѣюсь, что эти его мемуары будутъ собраны въ отдѣльный томъ. Они заслуживаютъ этого, будучи однимъ изъ лучшихъ комментаріевъ современной эволюціи англійскаго государственнаго права.

Потеря Эсмена чувствуется весьма сильно во Франціи всѣми его товарищами по занятіямъ. Недавно Жезъ, въ издаваемой имъ Revue de droit publique, счелъ возможнымъ сказать, что книга Эсмена во Франціи — первая попытка научнаго обоснованія государственнаго права, такъ какъ до Эсмена были только сухіе комментаторы текстовъ конституціи или авторы политическихъ памфлетовъ. Самъ Эсменъ едва ли подписался бы подъ такимъ положеніемъ. Онъ очень высоко цѣнилъ работы своихъ предшественниковъ и не разъ рекомендовалъ мнѣ ознакомиться съ ними. Въ самой книгѣ своей онъ указываетъ на то, какое вліяніе на законодательство, въ частности, на органическіе законы 1875-го года, имѣли сочиненія Prevost Paradol: La France Nouvelle и герцога Брольи: Du gouvernement qui convient à la France. Говоря о предшественникахъ Эсмена, нельзя, разумѣется, обойти молчаніемъ ни Бенжамена Констана, ни Росси, ни Лабулэ. Первый и послѣдній изъ трехъ названныхъ мною писателей пустили въ обращеніе столько новыхъ для Франціи и постепенно привившихся въ ней мыслей, что относить ихъ сочиненія къ области политическихъ памфлетовъ, имѣющихъ только временное значеніе, было бы явной несправедливостью. Что касается до Росси, то изложеніе имъ политическихъ правъ французскихъ гражданъ въ ихъ историческомъ развитіи настолько полно и художественно, что послѣдующимъ писателямъ оставалось только повторять ранѣе имъ сказанное или отводить лишь скромное мѣсто въ своихъ трактатахъ ученію о личныхъ правахъ. Такъ и поступилъ Эсменъ, и если Еллинекъ издалъ цѣлое разсужденіе на тему, повидимому болѣе или менѣе исчерпанную, то потому, что счелъ воз-

можнымъ раздвинуть рамки вопроса и построить совершенно оригинальную теорію субъективныхъ правъ.

Несправедливо было бы также обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ современниковъ Эсмена, въ частности—Бутми, этого безподобнаго комментатора не столько положительнаго права Англіи и Америки, сколько «духа ихъ учрежденій», употребляя любимый терминъ Монтескье. Бутми—болѣе психологъ и соціологъ, чѣмъ юристъ, но никто лучше его, за исключеніемъ развѣ Лабулэ, не сумѣлъ показать, какъ въ учрежденіяхъ отражается весь складъ духовной жизни народа, въ свою очередь обусловленный его исторіей.

Мы не умалимъ значенія высоко цѣнимаго нами автора «Элементовъ конституціоннаго права», сказавъ, что его заслуга лежитъ главнымъ образомъ въ сравнительно-историческомъ изученіи государственннаго права европейскихъ народовъ вообще и французскаго въ частности. Съ большой ясностью ума, простотой и искусствомъ изложенія Эсменъ соединялъ широту взглядовъ, отсутствіе предубѣжденности, уважительное отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ, страстное исканіе научной истины. Онъ не щадилъ собственныхъ силъ, постоянно накопляя все новыя и новыя знанія, передѣлывая по восьми разъ свои курсы и книги. Это позволило ему оставить по себѣ два, глубоко продуманныхъ и прекрасно выполненныхъ сочиненія: «Исторію французскаго права» и «Элементы права конституціоннаго». На нихъ, главнымъ образомъ, и опирается его вполнѣ заслуженная извѣстность.

Максимъ Ковалевскій.



ДЛЯЩЕЕСЯ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Въ первыхъ двухъ, по открытіи второй сессіи, засѣданіяхъ Государственной Думы ясно сказалось отношеніе правыхъ къ давно занимающей ихъ темѣ: «есть ли у насъ конституція»? Самый звукъ слова, столь долго считавшагося запретнымъ и даже преступнымъ, непереносимъ для закоснѣлыхъ служителей старины. Стоитъ только кому-нибудь упомянуть съ трибуны о конституціонной Россіи, о восьмилѣтнемъ существованіи русской конституціи—и на правой сторонѣ раздается шумъ, среди котораго слышатся единичныя или коллективныя восклицанія: «нѣтъ ея, нема, вздоръ!» Не характерно ли это утвержденіе, наглядно опровергаемое

самымъ бытіемъ Государственной Думы?.. Мы не станемъ возвращаться къ много разъ приведеннымъ нами доводамъ, вытекающимъ изъ безспорной догмы государственнаго права и столь же безспорнаго смысла нашихъ основныхъ законовъ; мы не станемъ доказывать очевидное само по себѣ тождество понятія о конституціи съ понятіемъ о раздѣленіи законодательной *власти* между монархомъ и представительными учрежденіями, не станемъ напоминать характерное исчезновеніе изъ нашего законодательства термина: *неограниченный* — исчезновеніе, неизбѣжно отразившееся и на значеніи термина: *самодержавный*. Насъ интересуетъ теперь только психологія упорства, съ которымъ наши доморощенные псевдо-государственники держатся за свой безнадежно-несостоятельный тезисъ, точно надѣясь убѣдить кого-то не только въ его практической желательности, но и въ его внутренней правдѣ.

Если всмотрѣться поближе въ формулу: «конституціи у насъ нѣтъ», то нетрудно замѣтить, что въ ея основѣ лежитъ смѣшеніе факта и права. Да, въ нашей дѣйствительности недостаетъ почти всего того, чѣмъ отличается конституціонная жизнь, что приноситъ съ собой конституціонный строй; да, необезпеченными даже въ минимальной степени являются у насъ до сихъ поръ тѣ блага, охрана которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ конституціи. Но значитъ ли это, что конституція не существуетъ? Нѣтъ: это значитъ только, что она не исполняется или прямо нарушается. Ея неисполненіе или нарушеніе непримиримые ея враги стараются отождествить съ ея отсутствіемъ. И это, съ ихъ стороны, едва ли логическая ошибка, едва ли даже самообольщеніе; это скорѣе сознательный обманъ, направленный не къ истолкованію, а къ ниспроверженію существующаго государственнаго устройства. Въ самомъ дѣлѣ, что нужно, въ послѣднемъ счетѣ, поклонникамъ до-конституціонныхъ порядковъ? Имъ нужно не продолженіе status quo, хотя бы de facto во многомъ имъ благопріятнаго, способствовавшаго сплоченію ихъ въ организованное цѣлое; имъ нужно его разрушеніе, достижимое не иначе, какъ путемъ уничтоженія важнѣйшихъ основныхъ законовъ. Имъ нужна, другими словами, *отмѣна того, что есть*, отмѣна узаконеній, заключающихъ въ себѣ явно конституціонныя начала. Отрицаніе конституціи равносильно, въ ихъ устахъ, признанію ея формально живою, но подлежащею смертной казни. Если бы они захотѣли быть послѣдовательными, они должны были бы сказать: «къ несчастію, русская конституція существуетъ, но ей непремѣнно, и какъ можно скорѣе, слѣдуетъ положить конецъ». Развѣ не таковъ смыслъ стремленій, направленныхъ къ замѣнѣ законодательной Думы Думою законосовѣщательною, или въ возста-

новленію свободы выбора монарха между «мнѣніями» большинства и меньшинства?.. Нападая на все то, въ чемъ заключается сущность конституціи, правые подрываютъ тѣмъ самымъ свою излюбленную тему, проводимую ими не столько путемъ аргументовъ, сколько путемъ шума и перерывовъ—въ Думѣ, закулисныхъ внушеній—за ея стѣнами.

Нерѣдки, однако, случаи, когда слова: «у насъ нѣтъ конституціи» произносятся людьми, не имѣющими рѣшительно ничего общаго съ правыми или безусловно имъ враждебными—произносятся, конечно, съ совершенно инымъ чувствомъ и совершенно иною цѣлью. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же смѣшеніемъ факта и права—или съ такимъ яркимъ подчеркиваньемъ факта, за которымъ исчезаетъ изъ виду право. Мы понимаемъ настроеніе, выражающееся въ подобной пессимистической формулѣ; мы понимаемъ, что постоянное, изо дня въ день, повтореніе возмутительнѣйшихъ правонарушеній, иногда безпримѣрныхъ даже въ недавнемъ прошломъ, можетъ привести къ параллелямъ, безусловно невыгоднымъ для настоящаго. Отъ заключенія, что то или другое злоупотребленіе власти было немыслимо въ до-конституціонное время, нетрудно перейти къ дальнѣйшему выводу: нѣтъ элементарныхъ конституціонныхъ гарантій—нѣтъ, слѣдовательно, и конституціи. Такой выводъ психологически понятенъ—но это не мѣшаетъ ему быть логически неправильнымъ и, что еще важнѣе, практически опаснымъ. Неисполняемый, нарушаемый законъ остается закономъ; конституція, какъ высшій законъ—тѣмъ болѣе. Сколько бы разъ она ни обходилась или игнорировалась, сколько бы ни было совершено дѣйствій, съ нею несовмѣстныхъ или идущихъ въ разрѣзъ съ ея требованіями, она сохраняетъ свое регулятивное значеніе, остается источникомъ права, хотя бы и устраняемаго торжествомъ силы. Далеко не одно и тоже, поэтому, сказать: «у насъ конституціи нѣтъ»—или «у насъ конституція есть, но она не проводится въ жизнь, во многомъ остается мертвой буквой». Если манифестъ 17-го октября, учрежденіе Государственной Думы и основные законы, въ редакціи 1906-го года, не составляютъ конституціи, то, слѣдовательно, въ Россіи продолжаетъ дѣйствовать прежній государственный строй, только кое въ чемъ номинально и поверхностно измѣненный. Если это такъ, то совершающееся на нашихъ глазахъ можетъ быть названо вреднымъ для страны и для народа, противнымъ истинной государственной мудрости, безсильнымъ создать что-либо цѣнное и прочное—но отнюдь не противозаконнымъ; непротивозаконны были бы и другіе, еще болѣе рѣшительные шаги въ томъ же направленіи. Для отрицательнаго отношенія къ правительственнымъ мѣрамъ было достаточно основаній и до 1905-го года; если «у насъ нѣтъ конституціи», ихъ не болѣе и въ настоящее время—и на обо-

ротъ, если «конституція есть», къ нимъ прибавляются новыя, существенно важныя. Предметомъ критики прежде былъ способъ пользованія правомъ, опиравшимся на законъ; теперь предметомъ отрицанія является самое право, потерявшее прежнюю точку опоры. На сколько растетъ, такимъ образомъ, внутренняя сила оппозиціи—это понятно само собою. Признавать, хотя бы негодуя и возмущаясь, что «у насъ нѣтъ конституціи» — значитъ ослаблять, и безъ того трудную позицію противниковъ торжествующей системы.

Наличность конституціи, хотя бы неисполняемой и нарушаемой, важна еще въ другомъ отношеніи: она облегчаетъ возвращеніе на путь, ведущій къ свободѣ и свѣту. Характеренъ, съ этой точки зрѣнія, примѣръ Пруссіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Конституція, обнародованная въ 1850-мъ году страдала не менѣе серьезными недостатками, чѣмъ наши обновленные основные законы, и исполнялась развѣ немногимъ лучше. Правда, средства «успокоенія», пущенныя въ ходъ послѣ крушенія надеждъ «безумнаго года», были далеко не такъ интенсивны, какъ употреблявшіяся у насъ вслѣдъ за подавленіемъ «смуты» и въ значительной мѣрѣ употребляемыя до сихъ поръ. Въ Пруссіи Мантейфеля и Вестфалена не было ни военно-полевыхъ судовъ, ни массовыхъ смертныхъ казней, ни переполненныхъ тюремъ, ни безконечно длящихся «охранъ»; но полицейскій произволъ давалъ себя знать весьма чувствительно, и берлинскій полиціймейстеръ Гинкельдей, не доходя до уровня нашихъ г.г. Толмачевыхъ и Муратовыхъ, былъ немалой силой въ государствѣ. Сравнивая настоящее съ недавнимъ прошлымъ, тогдашніе прусскіе «либералы» имѣли основаніе утверждать, что администрація, до 1848-го года, была мягче, суды—безпристрастнѣе, учебное вѣдомство—просвѣщеннѣе. Палата депутатовъ, обильно насыщенная ландратами (во многомъ схожими тогда съ нашими нынѣшними земскими начальниками), стояла отнюдь не выше нашей третьей Думы, а палата господъ могла бы успѣшно конкуррировать съ нашимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Но конституція существовала—и на этой готовой почвѣ въ 1858 г. легко совершилась перемѣна, благодаря которой возникла хотя и не широкая, но подлинная конституціонная жизнь. Ее смутилъ, но не оборвалъ возникшій нѣсколько лѣтъ спустя «конфликтъ»—и въ 1866 г. произошло формальное возстановленіе нарушеннаго порядка. Въ самомъ существованіи конституціи есть, такимъ образомъ, цѣлительная сила; она можетъ оставаться бездѣйственной, забытой, но неизбѣжно настаетъ моментъ ея признанія. Вездѣ и во всемъ особенно важенъ первый шагъ: провозгласить конституцію труднѣе, чѣмъ приступить къ ея послѣдовательному примѣненію — и, слѣдовательно, къ дальнѣйшему ея развитію.

Если для сомнѣній въ существованіи русской конституціи нѣтъ реальной основы, то отсюда еще не слѣдуетъ, что выраженіе такихъ сомнѣній—фактъ безразличный и безвредный. Наоборотъ: оно вноситъ въ нашу жизнь элементъ неувѣренности и неустойчивости, несовмѣстимый съ правильнымъ ея движеніемъ. Давно пора подвести оффиціальный итогъ сдѣланному въ 1905 и 1906 гг. и признать, прямо и открыто, что прежній государственный строй уступилъ мѣсто новому, существенно отъ него отличному, исключающему возможность правомѣрнаго къ нему возврата. Само собою разумѣется, что нынѣшнимъ министерствомъ такое признаніе сдѣлано быть не можетъ. Фальшивое положеніе, изъ котораго необходимо выйти, создано кабинетомъ П. А. Столыпина, преемникомъ котораго кабинетъ В. Н. Коковцова является не только по времени, но и по духу. Въ четвертой Государственной Думѣ, какъ ни многаго оставляетъ желать ея составъ, могло бы образоваться конституціонное большинство, единодушное въ осужденіи не только реакціонныхъ теченій, но и искусственно поддерживаемыхъ, безконечныхъ недоразумѣній. Только невыясненность вопроса, господствующаго надъ всѣми остальными, дѣлаетъ возможными такія явленія, какъ стремленіе ограничить гласность думскихъ засѣданій, какъ попытка призвать къ жизни особое синодское законодательство, создаваемое помимо общихъ законодательныхъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, если Государственная Дума — даже Дума, выбранная по правиламъ 3-го іюня,—представляетъ собою нѣчто въ родѣ докучнаго пятаго колеса, плохо прилаженнаго къ старой, испытанной государственной машинѣ, то зачѣмъ придавать ея дѣятельности широкую огласку, зачѣмъ смущать «ограниченный умъ подданныхъ» шумихой никому не нужныхъ и ни къ чему не ведущихъ рѣчей? Не наивны ли были прежніе министры внутреннихъ дѣлъ—въ томъ числѣ П. А. Столыпинъ,—допускавшіе печатаніе стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Думы въ приложеніяхъ къ дешевой оффиціозной газетѣ? И какъ не воспользоваться примѣромъ второй французской имперіи (въ первомъ періодѣ ея существованія), когда депутатскія рѣчи могли появляться въ газетахъ только in extenso, въ составѣ полнаго (и кѣмъ слѣдуетъ просмотрѣннаго) отчета о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса? Какъ не изъять изъ круга вѣдѣнія Думы, претендующей на титулъ народнаго представительства, такую сферу, въ которой бюрократія всегда, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, находила для себя поддержку и опору?.. Чѣмъ дальше Россія, въ настоящую минуту, отъ истинно конституціонной жизни, тѣмъ больше открытое общепризнанное вступленіе ея въ эту жизнь важно и необходимо.

К. Арсеньевъ.

ОПРАВДАНІЕ БЕЙЛИСА.

Оправданіе Бейлиса—событіе громадной важности, тѣмъ болѣе знаменательное, чѣмъ больше было сдѣлано усилій, чтобы достигнуть обвиненія. Какъ было подготовлено дѣло и какъ велось судебное слѣдствіе, объ этомъ достаточно сказано въ «Вопросахъ внутренней жизни». Остановлюсь теперь только на послѣднемъ днѣ процеса. Первоначально судъ предполагалъ поставить на разрѣшеніе присяжныхъ только одинъ вопросъ—о виновности Бейлиса. И это было вполнѣ правильно, потому что самый фактъ убійства Ющинскаго не возбуждалъ никакихъ сомнѣній, да и для гражданскихъ истцовъ выдѣленіе его въ особый вопросъ не представлялось нужнымъ; обстоятельства дѣла не имѣли ничего общаго съ тѣми случаями, когда для удовлетворенія гражданскаго иска достаточно признанія событія преступленія (напр., подложности векселя). Тѣмъ не менѣе судъ, вопреки возраженіямъ защиты, удовлетворилъ ходатайство истцовъ о раздѣленіи вопроса. На включеніи въ вопросъ о событіи преступленія указанія побужденій, руководившихъ убійцами (т. е. ритуальнаго характера убійства), чего, какъ видно изъ рѣчи г. Шмакова, гражданскіе истцы очень желали,—г. Замысловскій не настаивалъ, признавая возможность спора по этому предмету (какъ будто бы спорной—по меньшей мѣрѣ—не была правильность безчисленнаго множества пріемовъ, допущенныхъ гражданскими истцами); но большой уступкой со стороны суда является и та редакція, которая была дана вновь поставленному первому вопросу. Въ этотъ вопросъ были включены такія детали, которыя никакъ не могутъ считаться существенными принадлежностями событія преступленія. Для чего къ означенію мѣста убійства—кирпичнаго завода на Верхне-Юрковской улицѣ—было прибавлено указаніе на *принадлежность завода еврейской хирургической больницѣ и на нахожденіе его въ завѣдываніи купца Марка Іонова Зайцева*? Очевидно, для установленія corpus delicti эти обстоятельства были совершенно безразличны. И не ясно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что упоминаніе о нихъ въ вопросѣ имѣло цѣлью сохранить на случай оправданія Бейлиса—нѣкоторую связь между еврействомъ и убійствомъ Ющинскаго? Скажемъ болѣе: зачѣмъ вообще включено въ вопросъ о событіи преступленія указаніе на мѣсто его совершенія? Развѣ недостаточно было указаніе его въ второмъ вопросѣ о виновности Бейлиса? Тамъ оно было вполнѣ понятно: если въ совершеніи преступленія участвовалъ Бейлисъ, то оно, конечно, произошло именно тамъ, гдѣ искало его направленное противъ Бейлиса слѣдствіе и гдѣ находилъ его слѣды обвинитель-

ный актъ. Но разъ что Бейлисъ невиновенъ, падаетъ само собой неразрывно связанное съ нимъ предположеніе о мѣстѣ совершенія преступленія. Говорить о немъ можно будетъ только тогда, когда будутъ обнаружены настоящіе виновники... Далѣе нашъ законъ признаетъ: особенно тяжкимъ и строже наказуемымъ убійство, сопряженное съ истязаніями или мученіями. Въ вопросъ о событіи преступленія, разъ что рѣшено было поставить его отдѣльно, могло и должно было быть, поэтому, включено опредѣленіе способа убійства, насколько онъ обусловливалъ собою страданія убиваемаго. Но развѣ сюда относится количество вытекшей крови и *полное обезкровленіе тѣла*? Развѣ мучительный характеръ убійства не былъ достаточно установленъ количествомъ и свойствомъ раненій?.. Невольно возникаетъ мысль, что внесеніе въ вопросъ указанія на обезкровленіе тѣла преслѣдовало ту же цѣль, какъ и поименованіе хозяевъ кирпичнаго завода, т. е. служило суррогатомъ указанія—въ послѣднюю минуту признаннаго неудобнымъ—на ритуальный характеръ убійства. Едва ли, однако, будетъ, такимъ образомъ, достигнутъ результатъ, къ которому стремились обвинители. Слишкомъ усердно они настаивали на виновности Бейлиса, чтобы съ оправданіемъ его не пала вся версія, съ такими усиліями поддерживавшаяся и раздувавшаяся въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ.

Обстоятельства, при которыхъ пишется эта замѣтка — ее приходится внести въ готовую къ выпуску книгу,—не позволяютъ мнѣ остановиться подробно на заключительномъ словѣ предсѣдателя. Отмѣчу только одинъ инцидентъ, прибавляющій новую, яркую черту къ характеристикѣ способа веденія дѣла. Когда одинъ изъ защитниковъ обратился къ суду съ просьбой о возвращеніи присяжныхъ въ залу засѣданія, для сообщенія имъ нѣкоторыхъ подробностей, упущенныхъ изъ виду въ предсѣдательскомъ резюме, предсѣдателемъ, по совѣщаніи съ судьями, было уже сдѣлано распоряженіе о призывѣ присяжныхъ — но противъ этого возстали гражданскіе истцы, къ которымъ присоединился и прокуроръ (!), и ходатайство защиты было оставлено безъ послѣдствій. Не думаю, чтобы въ лѣтописяхъ нашего суда можно было найти другой подобный случай.

Нескоро забудется дѣло Бейлиса и никогда—такова наша надежда—не изгладится значеніе оправдательнаго приговора, произнесеннаго при небывало трудныхъ условіяхъ. Присяжнымъ засѣдателямъ принадлежитъ честь побѣды, одержанной русскимъ правосудіемъ.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Процессъ «мiровой важности».—Дѣло Дрейфуса и дѣло Бейлиса.—Судъ и «мiровая проблема».—Составъ присяжныхъ.—Прiемы воздѣйствiя на ихъ судейскую совѣсть.—Безпримѣрная медленность веденiя процесса.—Процессъ-диспутъ.—Процессъ «мiровой важности» съ кассацiонной точки зрѣнiя.—«Счетъ» оплаты печатью дѣла Бейлиса.—Юбилейное чествованiе «Русскихъ Вѣдомостей».—П. П. Цитовичъ †.

Первый назвалъ дѣло Бейлиса процессомъ «мiровой» важности—государственный обвинитель, товарищъ прокурора Випперъ. Правда, это опредѣленiе у него какъ бы ненамѣренно сорвалось съ языка, и онъ сейчасъ же поспѣшилъ поправиться, заявивъ, что имѣетъ въ виду не мiровую «важность» процесса, а говоритъ о немъ, какъ о «мiровомъ» вообще. Но истинная сущность «дѣла Бейлиса», очевидно, настолько обнажилась въ первые же дни судебнаго слѣдствiя, что г. Випперу нужно было извѣстное усилiе воли, чтобы съ языка не слетали не подлежащiя оглашенiю мысли. Процессъ дѣйствительно имѣетъ «мiровую важность». Какъ таковой, онъ трактуется буквально во всемъ мiрѣ. За всѣми подробностями его съ болѣзненной страстностью слѣдитъ мiровая печать. Въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Нью-Iоркѣ тысячи людей собираются на митинги протеста. Даже римскiй престолъ не остался къ нему безучастенъ.

Могутъ ли, однако, существовать судебные процессы «мiровой важности»? Полагаемъ, что никакой другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго, на этотъ вопросъ рѣшительно недопустимъ. Судебный процессъ можетъ привлекать мiровое вниманiе, можетъ вызывать мiровой интересъ, но отъ мiрового вниманiя и мiрового интереса до мiровой важности еще очень далеко. И едва ли есть надобность въ сложной аргументацiи для опроверженiя противоположнаго мнѣнiя. Предметъ всякаго судебнаго процесса составляютъ конкретныя дѣйствiя или конкретнаго лица, или конкретной группы лицъ. Такiя дѣйствiя могутъ весь мiръ возмущать—жестокостью преступника, безпримѣрностью преступныхъ прiемовъ и т. п. Также точно весь мiръ можетъ быть охваченъ негодованiемъ, когда личность преступника и инкриминируемыя ему въ судебномъ порядкѣ дѣйствiя представляются въ мiровомъ сознанiи не тѣми, какими ихъ рисуетъ судебная власть государства, гдѣ разбирается дѣло. Но никакiя конкретныя лица—

если эти лица не Моисей, не Петръ Великій, не Наполеонъ,—не могутъ имѣть мірового значенія, и ихъ дѣйствія не могутъ имѣть міровой важности. Міровую важность имѣютъ только міровыя проблемы. Міровыя же проблемы всегда отвлеченны. А потому разрѣшеніе ихъ—дѣло науки. И ставить ихъ на разрѣшеніе суда—логическій абсурдъ. Ибо судебный аппаратъ приспособленъ исключительно для отвѣтовъ: «да, виновенъ», и «нѣтъ, не виновенъ»,—и никакіе вопросы, оторванные отъ личности подсудимаго и отъ совершенныхъ имъ конкретныхъ дѣйствій, въ порядкѣ уголовнаго суда не могутъ получать разрѣшенія.

Изъ процессовъ послѣднихъ десятилѣтій рядомъ съ дѣломъ Бейлиса можно поставить одно дѣло Дрейфуса, но и то съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Дѣло Дрейфуса также было создано безудержностью націоналистической ненависти. Французскіе антисемиты тоже стремились къ тому, чтобы военный судъ, вмѣстѣ съ осужденіемъ Дрейфуса, постановилъ приговоръ противъ всѣхъ евреевъ вообще, если не въ совершеніи даннаго факта военной измѣны, то въ склонности и готовности продавать интересы родины. И поскольку этотъ вопросъ общаго свойства господствовалъ въ судебномъ разбирательствѣ надъ личностью Дрейфуса и надъ фактической обоснованностью его виновности, постольку дѣло Дрейфуса тоже было дѣломъ «міровой важности». Весь міръ тогда читалъ отчеты о засѣданіяхъ суда. Имена Дрейфуса, Эстергази и немало другихъ были извѣстны даже въ нашей уѣздной глуши. Какъ итогъ процесса, антисемиты, вслѣдъ за обвинительнымъ приговоромъ, вездѣ стремились поставить на очередь вопросъ о недопущеніи евреевъ въ ряды арміи.

Но въ дѣлѣ Дрейфуса трактовалась проблема неизмѣримо меньшей важности и неизмѣримо менѣе глубокая, чѣмъ въ дѣлѣ Бейлиса. Тамъ былъ затронутъ вопросъ объ антигосударственныхъ чертахъ характера, будто бы свойственныхъ евреямъ. Здѣсь, усиліями русскаго погромнаго юдофобства, поставленъ былъ вопросъ о существѣ еврейства—о еврейской религіи, о ритуальныхъ убійствахъ, объ употребленіи евреями крови замученныхъ христіанъ. Предметомъ дѣла Дрейфуса былъ безкровный навѣтъ, если и имѣющій корни въ исторіи, то, во всякомъ случаѣ, въ исторіи, близкой къ современности. На кіевскомъ процессѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца шелъ споръ о навѣтѣ кровавомъ, корни котораго теряются въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Въ дѣлѣ Бейлиса былъ извлеченъ изъ пыли вѣковъ навѣтъ, порожденный невѣжествомъ и суевѣріемъ, завѣренный сознаніемъ, которое добывалось при помощи пытокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще никогда, ни въ одномъ процессѣ подобнаго рода,—не исключая ни Тисса-Эсларскаго дѣла, которое разбиралось въ Венгріи

въ 1883-мъ году, ни дѣла Блондеса въ Вильнѣ, окончившагося, какъ извѣстно, оправданіемъ,—личность подсудимаго и имѣющіяся противъ него улики не были въ такой мѣрѣ, какъ въ дѣлѣ Бейлиса, заслонены чуждымъ судебной компетенціи вопросомъ общаго свойства. Противъ Дрейфуса было, все-таки, категорично его изобличавшее показаніе Эстергази, только впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ, была «дама подъ вуалью», были теперь забытыя бордеро и petit bleu. Противъ Бейлиса же въ моментъ преданія суду, кромѣ его черной бороды, не было рѣшительно ничего, ибо противорѣчивые оговоры сыщиковъ и пьянаго фонарщика не имѣли и тѣни достовѣрности. Дѣло по обвиненію Бейлиса въ убійствѣ Ющинскаго, свободное отъ постороннихъ примѣсей, само собою разумѣется, было бы прекращено еще въ стадіи предварительнаго слѣдствія.

На процессѣ проходили цѣлые дни, когда имя Бейлиса ни разу не упоминалось. Безконечно долго разбирались прокуроромъ и гражданскими истцами вопросы о цадикахъ и хасидахъ, о знакомствѣ убійцъ съ анатоміей, о швайкахъ, употребляемыхъ сапожниками, о томъ, что раны убитому были нанесены привычной рукой еврея-рѣзника. Бейлисъ—не рѣзникъ, не сапожникъ, не цадикъ, не хасидъ, а знаетъ ли онъ анатомію—это никого не интересовало. Судили же только Бейлиса и никого другого. Какой же смыслъ былъ разбираться въ томъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ подсудимому, ни къ дѣйствіямъ, которыя инкримировались ему, какъ преступныя? По выводу обвинительнаго акта, правда, Бейлисъ обвинялся въ томъ, что онъ убилъ Ющинскаго не одинъ, а въ соучастіи съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами. Прокуроръ, конечно, имѣлъ формальное право такъ конструировать обвиненіе. Но необнаруженіе слѣдствіемъ этихъ другихъ лицъ,—быть можетъ, цадиковъ, хасидовъ, сапожниковъ и рѣзниковъ, умѣющихъ вытачивать кровь изъ убиваемыхъ на бойняхъ животныхъ,—тѣмъ самымъ ограничивало предѣлы судебнаго изслѣдованія и обязывало по меньшей мѣрѣ отложить, впредь до ихъ обнаруженія, все, касающееся ихъ виновности и не относящееся къ индивидуальнымъ уликамъ противъ Бейлиса.

Допустимъ на минуту, что счастье улыбнулось бы обвинителю и что предъ присяжными ему удалось бы продемонстрировать, какъ таинственнаго наслѣдственнаго цадика, не автора легкомысленныхъ оперетокъ, съ проборомъ черезъ всю голову и съ видомъ фланера съ парижскихъ бульваровъ, и не отставного солдата, съ фигурой бравого вахмистра,—а мрачнаго старика-еврея, вопреки всѣмъ запретамъ носящаго пейсы, длиннополый сюртукъ и ермолку, весь обликъ котораго свидѣтельствовалъ бы о чемъ-то загадочно-фана-

тичномъ и жутко-неопредѣленномъ. Трудно учитывать, какъ слагается убѣжденіе присяжныхъ. Но никто не рискнетъ отрицать, что для состава присяжныхъ по дѣлу Бейлиса видъ такого цадика, послѣ освѣщенія вопроса о ритуальныхъ убійствахъ подъ угломъ зрѣнія обвиненія, могъ быть не безразличенъ. Они тѣмъ легче могли бы повѣрить гг. Випперу, Шмакову и Замысловскому. А расплатились бы за это не невѣдомыя, „необнаруженныя слѣдствіемъ" лица, въ которыхъ обвиненіе предполагаетъ цадиковъ и хасидовъ. Расплатился бы одинъ Бейлисъ—не цадикъ и не хасидъ.

Когда мы пишемъ настоящія строки, дѣло Бейлиса еще разрѣшенія не получило. Прошло судебное слѣдствіе, эксперты дали заключеніе и начались пренія сторонъ. Дѣлать выводы преждевременно. Но констатировать факты, не зная вердикта, можно, пожалуй, тѣмъ съ большей объективностью. Основной фактъ процесса—его «міровая важность». Не Бейлисъ составлялъ центръ вниманія тѣхъ, отъ кого зависѣло предать его суду безъ всякихъ уликъ и довести дѣло до судебнаго разсмотрѣнія безъ обнаруженія «другихъ» участниковъ преступленія. Отдавшись всецѣло тѣмъ пропитаннымъ безотчетной ненавистью къ евреямъ теченіямъ, которыя такъ ярко представляли на процессѣ студентъ-двуглавецъ Голубевъ, «бывшій» еврей и «бывшій» ростовщикъ Розмитальскій, нынѣ союзникъ и «кавалеръ многихъ орденовъ», возставшій противъ авторитета папы ксендзъ Пранайтисъ, клеветнически утверждавшій, что съ его мнѣніемъ о ритуальныхъ убійствахъ былъ согласенъ Владиміръ Соловьевъ, и профессоръ психіатріи Сикорскій,—руководители современнымъ отправленіемъ правосудія видѣли передъ собою, во-первыхъ, трупъ убитаго несчастнаго мальчика и, во-вторыхъ, обросшую многовѣковой сѣдиной нелѣпую легенду. Бейлисъ оказался звеномъ, при помощи котораго можно трупъ связать съ легендой и вмѣстѣ съ тѣмъ ее реально возродить. Въ сознаніи людей науки легенда давно перестала быть предметомъ спора. Но антисемиты не сдаются и утверждаютъ, что споръ не законченъ. Русская судебная власть для этого спора раскрыла двери кіевскаго суда. Она создала процессъ «міровой важности»,—это вѣрно. Но ей пришлось пожертвовать лучшими изъ завѣтовъ составителей судебныхъ уставовъ. И зачѣмъ? Можно ли думать, что въ вердиктѣ кіевскихъ присяжныхъ споръ найдетъ окончательное и авторитетное разрѣшеніе? Можно ли было на это надѣяться до начала процесса?

Нельзя не сказать съ увѣренностью, что, каковъ бы ни былъ вердиктъ, онъ спора не разрѣшитъ. Допустимъ, что на разрѣшеніе присяжныхъ будутъ поставлены два вопроса: о событіи преступленія, по

признакамъ убійства съ ритуальной цѣлью, и о виновности Бейлиса. На первый вопросъ можетъ быть данъ или утвердительный отвѣтъ («да, доказано»), или отрицательный («нѣтъ, не доказано»), или утвердительный съ отрицаніемъ ритуальной цѣли убійства. При отрицательномъ отвѣтѣ на первый вопросъ, второй будетъ оставленъ безъ отвѣта. При утвердительномъ же—на второй вопросъ присяжные могутъ отвѣтить: или «да, виновенъ», или «нѣтъ, не виновенъ». На возможности осужденія Бейлиса, съ разбираемой точки зрѣнія, можно не останавливаться. Такая возможность, конечно, существуетъ. Но, во первыхъ, личность Бейлиса никакого міроваго значенія не имѣетъ, и закуютъ ли его послѣ процесса въ кандалы, или вернутъ къ семьѣ,—акта міровой важности одинаково не будетъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. А во-вторыхъ, судебное слѣдствіе настолько очевидно опрокинуло тѣ обрывки уликъ противъ Бейлиса, которыми оперировали составители обвинительнаго акта, что, полагаемъ, они сами, въ случаѣ его осужденія, признаютъ наличность судебной ошибки.

Допустимъ, что въ отвѣтѣ на вопросъ о событіи преступленія присяжные или глухо скажутъ «нѣтъ, не доказано»», или отвергнутъ ритуальный характеръ убійства. Откажутся-ли, послѣ такого вердикта, отъ кроваваго навѣта Голубевъ и Розмитальскій, ксендзъ Пранайтисъ и проф. Сикорскій, Замысловскій и Шмаковъ, «Новое Время» и «Земщина», Меньшиковъ и Розановъ, Марковъ 2-й и Пуришкевичъ? Конечно, нѣтъ. И было бы смѣшно, если бы они отказались. Самый преданный сторонникъ суда присяжныхъ не могъ бы отъ нихъ этого требовать. Розмитальскій «самъ» былъ евреемъ и хотя не говоритъ, что «самъ» убивалъ христіанскихъ дѣтей съ ритуальной цѣлью, но утверждаетъ, что его убѣжденіе сложилось на основаніи воспоминаній дѣтства. Голубевъ читалъ книгу Лютостанскаго. Сикорскій—читалъ книгу Шмакова. Пранайтисъ—работалъ въ государственномъ архивѣ, читалъ старыя «ритуальныя» дѣла, изучалъ еврейскій языкъ и древне-еврейскіе памятники. Редакторъ «Земщины», пожалуй, ничего не читалъ и не изучалъ, но за то онъ полагаетъ, что когда случится убійство, подобное убійству Ющинскаго, не надо ни суда, ни разслѣдованія, а надо дѣйствовать просто и рѣшительно: «послать въ каторгу нѣсколько ближайшихъ къ мѣсту обнаруженія трупа раввиновъ и рѣзниковъ». Прочіе— «убѣждены» въ справедливости легенды, если не на основаніи спеціально ими воспринятыхъ данныхъ, то такъ, «вообще». Какое же значеніе можетъ имѣть для всѣхъ этихъ лицъ сужденіе о вопросѣ двѣнадцати «людей улицы»,—крестьянъ и мѣщанъ, руководимыхъ почтовымъ чиновникомъ, — никогда не читавшихъ книгъ Люто-

станскаго и Шмакова и, можетъ быть, не охваченныхъ ни ненавистью къ евреямъ, ни страхомъ передъ еврействомъ?

Предположимъ, наоборотъ, что присяжные скажутъ: «да, доказано». Прибавитъ ли этотъ вердиктъ что-либо къ убѣжденности убѣжденныхъ? Антисемиты будутъ, конечно, торжествовать побѣду. Но надъ кѣмъ и надъ чѣмъ? И какова будетъ цѣнность такой побѣды? Если у Пранайтиса, Голубева, Сикорскаго, Замысловскаго и Шмакова имѣются сомнѣнія, то неужели вердиктъ присяжныхъ ихъ сомнѣнія разсѣетъ и авторитетъ «людей улицы» сдѣлаетъ несомнѣннымъ то, въ чемъ они сомнѣвались?.. Судъ присяжныхъ—наиболѣе совершенная форма уголовнаго суда. Но именно суда, т. е. учрежденія, рѣшающаго вопросы о составѣ преступленія и о винѣ или невинности, а ни въ какомъ случаѣ не ареопага для разрѣшенія общихъ историческихъ и богословскихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе вопросовъ «міровой важности». И если, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта кіевскихъ присяжныхъ на вопросъ о ритуальномъ характерѣ убійства Ющинскаго, евреи и не зараженные антисемитизмомъ христіане вздохнутъ съ облегченіемъ, то, само собою разумѣется, не потому, что «міровая проблема» получитъ безповоротное разрѣшеніе. Въ положеніи вопроса ничто не измѣнится. Но опасность повторенія ужаса еврейскихъ погромовъ будетъ устранена. Уже три года, въ связи съ убійствомъ Ющинскаго, ведется въ чертѣ еврейской осѣдлости погромная агитація. И признаніе присяжными справедливости кроваваго навѣта сброситъ съ рукъ погромщиковъ послѣднія путы. Не сознавать этого евреи не могутъ. Отсюда ихъ страстное отношеніе къ процессу—то отношеніе, которое правая печать лицемѣрно отказывается понять. «Новое Время» разсуждаетъ такъ: среди послѣдователей каждой религіи могутъ быть и изувѣрныя секты, и отдѣльные изувѣры. Почему же—спрашиваютъ Меньшиковы и Розановы—евреи такъ боятся признать, что и среди нихъ возможны изувѣры-преступники? Антисемиты дѣлаютъ видъ, что не находятъ отвѣта. Но имъ искать его не нужно: они его отлично знаютъ. Антисемитизмъ, средневѣковые костры и русскіе погромы конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго служатъ отвѣтомъ исчерпывающимъ.

Если «міровая важность процесса» есть первый и основной фактъ дѣла Бейлиса, то второй фактъ—составъ присяжныхъ засѣдателей. Дѣло разсматривалось въ Кіевѣ— въ одномъ изъ главныхъ центровъ интеллектуальной жизни Россіи. Въ Кіевѣ есть университетъ со многими десятками профессоровъ и приватъ-доцентовъ, есть среднія учебныя заведенія съ сотнями педагоговъ. Въ Кіевѣ находится на постоянномъ жительствѣ множество лицъ свободныхъ профессій — врачей, адвокатовъ, инженеровъ и журнали-

стовъ, — удовлетворяющихъ всѣмъ требуемымъ закономъ условіямъ для внесенія въ общіе и очередные списки присяжныхъ засѣдателей. Съ другой стороны, Кіевъ—административный и промышленно-торговый центръ огромнаго, богатаго и густо населеннаго края. Еще болѣе, чѣмъ лицъ свободныхъ профессій, въ Кіевѣ высшихъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, рантьеровъ и крупныхъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ. И ни одна изъ этихъ разнообразнѣйшихъ категорій не имѣла своихъ представителей среди присяжныхъ засѣдателей, призванныхъ разрѣшить «міровую проблему». Скамьи присяжныхъ, передъ которыми происходилъ диспутъ профессоровъ медицины, богослововъ и гебраистовъ, занимали крестьяне, мѣщане и одинъ-два чиновника. По составу присяжныхъ засѣдателей можно было думать, что дѣло разсматривается въ Конотопѣ, Гайсинѣ или Винницѣ, но никакъ не въ Кіевѣ.

Приписать случайности такой составъ присутствія присяжныхъ трудно. Его опредѣлилъ не жребій, отобравшій двѣнадцать человѣкъ изъ восемнадцати, а списокъ тѣхъ двадцати четырехъ, которые были назначены на данную сессію. Невольно приходитъ на мысль, не участвовала ли въ составленіи списка рука, которая знала, что и зачѣмъ дѣлала? Розмитальскіе, Сикорскіе и Голубевы, конечно, есть среди интеллигенціи,—даже среди высшей, что доказалъ своей экспертизой профессоръ Сикорскій. Но они—единицы. Масса же русскихъ интеллигентныхъ людей, независимо отъ различія въ политическомъ міросозерцаніи, никогда въ погромахъ ни прямо, ни косвенно не участвовала, на призывы и дикіе антиеврейскіе выкрики двуглавцевъ и иныхъ «истинно-русскихъ» союзниковъ никогда сочувственно не откликалась. Она стоитъ выше средневѣковыхъ суевѣрій, выше нелѣпостей антисемитизма, и не надо было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что при полномъ отсутствіи индивидуальныхъ уликъ противъ Бейлиса ни Пранайтису, ни Сикорскому, ни Шмакову съ Замысловскимъ не удастся вырвать отъ случайныхъ даже представителей массы русской интеллигенціи желательнаго имъ отвѣта на вопросъ «міровой важности». Русская средняя школа, при всѣхъ ея неисчислимыхъ недостаткахъ, всетаки даетъ навыкъ хоть къ нѣкоторому объективному мышленію и сообщаетъ элементарныя историческія свѣдѣнія. Иное дѣло—крестьяне и мѣщанская пригородная бѣднота.

Семь лѣтъ тому назадъ крестьяне всей Россіи и, въ частности, Кіевской губерніи раскрыли свою политическую сущность. Но въ отношеніи еврейскаго вопроса широкаго эксперимента еще не было. Въ правительственной программѣ, опубликованной 24 августа 1906 г., совѣтъ министровъ, какъ извѣстно, заявлялъ, что въ еврейскомъ

вопросѣ онъ умываетъ руки, отказывается отъ инициативы и предоставляетъ ее волѣ и совѣсти народа. Прежде, однако, чѣмъ воля и совѣсть народа могли реально проявиться, двери Таврическаго дворца для народа закрылись и раскрылись для членовъ Думы, избранныхъ по правиламъ 3 іюня 1907 г. Глашатаями въ еврейскомъ вопросѣ стали гг. Пуришкевичъ и Марковъ. Посыпались безпримѣрныя дотолѣ правоограниченія и преслѣдованія. Но, конечно, никто не могъ принять крики думскихъ юдофобовъ даже за отдаленный отзвукъ народной, въ лицѣ крестьянства, совѣсти. Это было бы не только неразумно, но по-дѣтски наивно. Оставались безъ учета другіе моменты. Невѣжество крестьянъ,—во-первыхъ. Податливость суевѣріямъ,—во-вторыхъ. Большая склонность къ обвинительнымъ приговорамъ по дѣламъ, касающимся вопросовъ вѣры,—въ третьихъ. Экономическія тренія между крестьянами-хохлами и евреями,—въ четвертыхъ. Вѣдь во всѣхъ погромахъ всегда принимали участіе подгородніе мужики.

Во всякомъ случаѣ, крестьянскій и мѣщанскій составъ присяжныхъ по дѣлу Бейлиса есть фактъ, которому въ глазахъ юриста не можетъ быть оправданія, какъ и тѣмъ пріемамъ судебнаго по формѣ и антисудебнаго по внутреннему содержанію воздѣйствія, на которомъ, въ разсчетѣ на этотъ составъ, прокуроръ и гражданскіе истцы строили свои домогательства.

Передъ судомъ давалъ показаніе архимандритъ изъ принявшихъ христіанство евреевъ. Онъ говорилъ объ «умученныхъ жидами» отрокахъ, признанныхъ церковью святыми, и съ подробностями излагалъ картины и обстоятельства ихъ убіенія. Но это была не проповѣдь въ храмѣ и не поученіе пастыря. Архимандритъ давалъ свидѣтельское показаніе. А потому предсѣдатель остановилъ его вопросомъ, свидѣтельствуетъ ли онъ о фактахъ, ему лично извѣстныхъ. Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, и по причинѣ болѣе чѣмъ основательной: со времени убіенія отроковъ прошли цѣлыя столѣтія. Тогда предсѣдатель, обязанный устранять изъ показанія свидѣтеля все то, чего онъ не былъ свидѣтелемъ въ буквальномъ смыслѣ слова, предложилъ архимандриту къ начатому разсказу не возвращаться. Архимандритъ почувствовалъ, что судъ не допускаетъ продолженія разсказа, сомнѣваясь въ достовѣрности того, что онъ говорилъ, и съ негодованіемъ воскликнулъ: «такъ учитъ церковь!» И служитель алтаря былъ совершенно правъ. Все то, чему учитъ церковь, — для него непререкаемая, неоспоримая и недопускающая никакихъ сомнѣній истина. Какъ догматъ, должны принимать ученіе церкви и всѣ вѣрующіе. Но именно потому и нельзя ставить ученіе церкви въ рядъ судебныхъ доказательствъ, которыя

по самой природѣ ихъ требуютъ провѣрки и объективнаго установленія передъ судомъ. Слѣдователь не имѣлъ права спрашивать объ отрокахъ, «умученныхъ жидами», на предварительномъ слѣдствіи. Онъ спросилъ, и спросилъ архимандрита, рожденнаго въ іудейской вѣрѣ. Прокуроръ не имѣлъ права вызывать этого архимандрита въ судъ, ибо въ его показаніи, данномъ судебному слѣдователю, не было ни звука ни о Ющинскомъ, ни о Бейлисѣ. Прокуроръ его вызвалъ и получилъ изъ устъ архимандрита фразу, сказанную передъ крестьянами: «такъ учитъ церковь!» Это ли пріемъ, достойный государственнаго обвинителя? Это ли завѣщали суду «правому и милостивому» составители судебныхъ уставовъ?

Но г. Випперу показалось мало даже свидѣтельскаго показанія объ «умученныхъ жидами» отрокахъ. Съ цѣлью вѣрнѣе оказать давленіе на судейскую совѣсть присяжныхъ, онъ, послѣ экспертизы о. Пранайтиса, потребовалъ, чтобы былъ оглашенъ списокъ святыхъ, канонизированныхъ церковью и признаваемыхъ, по ученію церкви, жертвами ритуальныхъ убійствъ, совершенныхъ евреями. И списокъ былъ оглашенъ. Стремился не разъ государственный обвинитель подавить свободу совѣсти присяжныхъ и свѣтскимъ внѣсудебнымъ авторитетомъ. Передъ заключеніемъ судебнаго слѣдствія, онъ потребовалъ огласить производство по саратовскому дѣлу, дѣло особаго комитета объ употребленіи евреями христіанской крови и рядъ другихъ производствъ, не имѣющихъ абсолютно никакой связи съ дѣломъ объ убійствѣ Ющинскаго. Судъ ходатайство отклонилъ. Тогда г. Випперъ заявилъ: «Въ виду этого опредѣленія, я долженъ ходатайствовать о разрѣшеніи мнѣ ссылаться на Высочайше утвержденный приговоръ по саратовскому дѣлу и на приговоръ по велижскому дѣлу съ Императорской резолюціей». Этому заявленію г. Замысловскій тутъ же далъ интерпретацію.— «Мы требуемъ—съ паѳосомъ прокричалъ онъ—оглашенія приговора, хотя бы въ частяхъ!.. Вѣдь на немъ резолюція Государя!.. Мы не только можемъ, мы должны огласить ее!.. Я не знаю ни одного сенатскаго рѣшенія, запрещающаго оглашать Высочайшія резолюціи по дѣламъ о ритуальныхъ убійствахъ!.. Такое положеніе немыслимо въ русскомъ судѣ!..»

Вслѣдъ за «ученіемъ церкви», въ судъ, дѣйствующій по указу Его Императорскаго Величества, былъ принесенъ личный авторитетъ монарха. И все для того, чтобы въ душѣ присяжныхъ создать конфликтъ долга совѣсти съ религіозной преданностью церкви и съ почитаніемъ личности царя-освободителя! Встанетъ ли въ сознаніи присяжныхъ, когда они уйдутъ совѣщаться, во всей своей ясности простой вопросъ: если проблема о ритуальныхъ убійствахъ покрыта

авторитетомъ церкви и Высочайшихъ резолюцій, то зачѣмъ отъ нихъ требуютъ ея разрѣшенія?..

Возложеніе на судъ несвойственной суду задачи повлекло стремленіе воздѣйствовать на присяжныхъ недопустимыми пріемами и выбило процессъ изъ очерченныхъ закономъ рамокъ. О комъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца производилось детальнѣйшее судебное изслѣдованіе? О Бейлисѣ—менѣе всего. Фантазія юмориста набросала прошеніе жены Бейлиса, въ которомъ она просила освободить ея мужа, такъ какъ онъ сидитъ въ заключеніи уже два года, и давно пора посадить другого еврея. И въ этой фантазіи было гораздо меньше шутки, чѣмъ злой бичующей сатиры. Прокуратура изслѣдовала шагъ за шагомъ дѣйствія свидѣтелей защиты. Защита съ той же настойчивостью изслѣдовала дѣйствія свидѣтелей обвиненія. Гражданскіе истцы всего болѣе проявляли интереса къ хасидамъ и цадикамъ вообще и къ евреямъ, носящимъ фамилію Шнеерсонъ. Не только о свидѣтельницѣ Вѣрѣ Чеберякъ, но и о свидѣтеляхъ-сыщикахъ Красовскомъ, Полищукѣ и другихъ предлагалось прочимъ свидѣтелямъ неизмѣримо больше вопросовъ, чѣмъ о подсудимомъ Бейлисѣ. Процессъ расплывался изъ рамокъ неудержимо. Расплывались въ показаніяхъ и взаимныхъ пререканіяхъ свидѣтели. Расплывались далеко за предѣлы поставленныхъ вопросовъ эксперты. Прямымъ результатомъ такого нарушенія закона явилась безпримѣрная въ пореформенномъ судѣ продолжительность процесса при одномъ подсудимомъ.

Когда въ Венеціи безъ конца тянулось разсмотрѣніе дѣла Тарновской, русскіе юристы возмущались итальянскими порядками. Дѣйствительно, и человѣческая внимательность, и выносливость, и способность сосредоточиваться, дабы воспринимать однородныя впечатлѣнія,—все имѣетъ свои предѣлы. Предсѣдатель суда и стороны активно участвуютъ въ процессѣ; они не только слушаютъ, они говорятъ. Въ залѣ суда ихъ мысль работаетъ въ разнообразномъ направленіи. Внѣ залы — они видятся съ посторонними людьми, получаютъ постороннія впечатлѣнія,—словомъ, отдыхаютъ отдыхомъ людей, а не животныхъ, отдыхомъ свободной, а не тюремной жизни. Удѣлъ присяжныхъ — слушать и только слушать. Отъ всего посторонняго они ограждены непроницаемой стѣной. Ихъ мысли не дается никакого отвлеченія. Въ часы, когда предсѣдатель, стороны, эксперты, свидѣтели и даже подсудимый находятся внѣ стѣнъ суда, присяжные остаются тутъ же, въ судѣ,—съ мыслями о дѣлѣ и съ разговорами въ своей средѣ о дѣлѣ же. Такое сосредоточеніе въ кругѣ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, если оно продолжается день, два, три, способствуетъ ихъ сознательному усвоенію. Но когда оно

продолжается въ теченіе недѣль, эти недѣли обращаются въ мученіе; въ головѣ получается хаосъ, сознаніе притупляется, и мысль перестаетъ реагировать. Наступаетъ неизбѣжное утомленіе. Спокойствіе духа нарушается. Слушать становится не въ моготу. Какъ у заключенныхъ въ тюрьмѣ, встаютъ заботы объ интересахъ, отъ которыхъ человѣкъ насильственно оторванъ. Въ душу закрадывается безпокойство о семьѣ, о домашнихъ, о брошенномъ дѣлѣ. Законодатель все это имѣлъ въ виду и не напрасно предписалъ не допускать загроможденія процесса ничѣмъ лишнимъ. Но законодатель не имѣлъ въ виду, что двери суда присяжныхъ когда-нибудь будутъ открыты для процесса «міровой важности». Законодатель въ иномъ полагалъ задачи суда и «интересы правосудія».

На дѣлѣ Бейлиса экспертъ Пранайтисъ и стороны многократно вспоминали львовскій диспутъ о ритуальныхъ убійствахъ. Въ порядкѣ правилъ устава уголовнаго судопроизводства, въ Кіевѣ тоже, въ сущности, происходилъ диспутъ. Диспутировали организаторы и участники формальнаго и частнаго розысковъ. Диспутировали признающіе легенду съ отвергающими ее. Диспутировали профессоръ судебной медицины съ профессорами хирургами. Диспутировали психіатры. Диспутировали богословы, гебраисты. Но это были диспуты особаго рода. Во первыхъ, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ обязательный слушатель — Бейлисъ, порою рыданіями напоминающій о своемъ присутствіи, о двухъ годахъ предварительнаго заключенія и о грозящей не диспутирующимъ, а ему— и ему одному—каторгѣ. Во вторыхъ, диспутировавшіе спеціалисты многообразныхъ спеціальностей и въ мысляхъ не имѣли переубѣдить другъ друга или что-либо доказать такимъ же, какъ они, спеціалистамъ. Диспутъ происходилъ для присяжныхъ и передъ присяжными,—передъ людьми, чуждыми и сыщической, и медицинской, и психіатрической, и богословской спеціальностей. Поэтому диспутъ велся въ ярко выраженныхъ митинговыхъ тонахъ. Какъ на митингѣ, говорившіе старались бить по нервамъ слушателей. Обвинители называли убитаго Ющинскаго уменьшительнымъ и ласковымъ именемъ «Андрюша». Прокуроръ не говорилъ объективно и просто: «это было, когда совершилось убійство Ющинскаго», а съ трепетомъ въ голосѣ восклицалъ: «а! это было, когда евреи казнили Андрюшу!» Спрашивавшіе подсказывали отвѣты, и каждую минуту, будто случайно, вставляли замѣчанія, дабы эти замѣчанія слились въ одно съ діаметрально противоположнымъ утвержденіемъ свидѣтеля или эксперта и дабы образовалось нѣчто неопредѣленно-туманное. Стороны намѣренно вызывали предсѣдательское вмѣшательство, чтобы ярче выдѣлить ту или иную мысль и чтобы она глубже запала въ голову присяжныхъ.

Коротко говоря, судебное слѣдствіе прошло съ такими безспорными нарушеніями формъ и обрядовъ судопроизводства, что если бы не была поколеблена вѣра первыхъ лѣтъ судебной реформы въ безстрастіе и независимость уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, то весь мѣсяцъ суда надъ Бейлисомъ задолго до приговора трактовался бы юристами, какъ напрасно затраченный колоссальный трудъ и какъ потерянное время. Каковъ бы ни былъ приговоръ, онъ, по точному смыслу закона и согласно твердо установившейся сенатской практикѣ, не можетъ быть оставленъ въ силѣ судебнаго рѣшенія. Достаточно напомнить хотя бы рѣшенія по извѣстнымъ дѣламъ Ольги Палемъ и фонъ-Викъ. Сенатъ многократно и категорично отвергалъ право суда изслѣдовать дѣйствія лицъ, суду не преданныхъ. Въ теченіе судебнаго слѣдствія по дѣлу Бейлиса три четверти времени были посвящены изслѣдованію образа жизни, дѣйствій и свойствъ характера свидѣтелей и даже лицъ, вовсе въ судъ не вызывавшихся. Вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ откровенно былъ поставленъ какъ вопросъ самостоятельный. На судѣ оглашался приговоръ по дѣлу, состоявшійся до рожденія на свѣтъ Бейлиса, оглашались Высочайшія резолюціи. Въ однихъ только замѣчаніяхъ гражданскихъ истцовъ имѣются сотни кассаціонныхъ поводовъ. Недопустимые на судѣ эксцессы сыпались, какъ изъ рога изобилія...

Процессъ не конченъ, но для повременной печати онъ уже имѣлъ и имѣетъ весьма ощутимый результатъ. Не со вчерашняго дня повелось, что всякое событіе русской жизни прежде всего отражается не только въ печати, но и на печати. Щедринскій купецъ Парамоновъ представилъ свое жизнеописаніе въ формѣ счета, гдѣ каждое мало-мальски памятное событіе было отмѣчено словомъ «дадено». Такой же счетъ приходится вести газетамъ. Былъ ленскій разстрѣлъ — печать его оплатила штрафами, арестами и привлеченіемъ редакторовъ къ суду. Были выборы—тоже. Произойдетъ ли въ Думѣ скандалъ, состоится ли какой-нибудь съѣздъ, назначатъ ли новаго министра — печать сейчасъ же все оплачиваетъ. «Русское Слово» день за днемъ публиковало «Счетъ по дѣлу Бейлиса». За одинъ день 19-го октября въ «счетѣ» значится: брошюръ конфисковано—1; редакторовъ арестовано—1. За 28 дней процесса: редакторовъ арестовано—5; редакторовъ привлечено къ суду—6; конфисковано газетъ—27; конфисковано брошюръ—5; газетъ закрыто—2; газетъ оштрафовано—41, на сумму 12.550 рублей.

По преждевременности въ «счетъ» не вошли годы крѣпости и мѣсяцы тюрьмы, которые будутъ отсиживать привлеченные къ суду редакторы. Не вошло также оставленное безъ удовлетворенія требованіе г. Виппера воспретить печатаніе газетныхъ отчетовъ

«до окончанія дѣла». Представитель закона въ судѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ мотивировалъ свое явно противозаконное требованіе. «Мнѣ могутъ возразить,—говорилъ онъ,—что судебные отчеты въ газетахъ печатаются всегда. Но для меня это не резонъ! Ибо меня всегда изумляло, какъ до сихъ поръ не додумались запретить законодательнымъ порядкомъ эту обработку общественнаго мнѣнія». Законодатель «не додумался», но онъ, прокуроръ, «додумался» и потому требовалъ, чтобы судъ сдѣлалъ не основанное на законѣ распоряженіе. И именно въ связи съ этимъ требованіемъ г. Випперъ назвалъ дѣло Бейлиса «процессомъ міровой важности». Такъ неудержимо приводило къ однимъ абсурдамъ за другими извращеніе задачи суда...

Кары за дѣло Бейлиса не миновали, въ лицѣ «Кіевлянина» и нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ, даже ту печать, которая обычно бываетъ отъ нихъ свободна. «Кіевлянинъ» подвергъ критикѣ обвинительный актъ, отмѣтилъ отсутствіе уликъ противъ Бейлиса и опредѣленно высказался противъ «кровавого навѣта». Номеръ газеты былъ конфискованъ, редакторъ привлеченъ къ суду. Къ чести «Кіевлянина» должно отмѣтить, что руководители газеты не измѣнили точки зрѣнія на процессъ послѣ непривычнаго для нихъ акта обузданія. Иначе реагировалъ на такой актъ г. Волянскій, редакторъ-издатель жалкой ялтинской правой газетки «Ялтинскій Вѣстникъ». Онъ принесъ «полное раскаяніе», вымолилъ уменьшеніе штрафа съ пятисотъ рублей до пятидесяти и самъ это распубликовалъ. 15 октября въ «Ялтинскомъ Вѣстникѣ» было напечатано постановленіе губернатора, которое гласило: «Въ виду письменно принесеннаго редакторомъ-издателемъ «Ялтинскаго Вѣстника» Волянскимъ полнаго раскаянія въ помѣщеніи статьи о дѣлѣ Бейлиса и въ виду стѣсненнаго матеріальнаго положенія Волянскаго, подтвержденнаго собранными свѣдѣніями, наложенный на Волянскаго штрафъ въ 500 рублей замѣняется 50-рублевымъ штрафомъ».

«Русскія Вѣдомости», въ продолженіе полустолѣтія ихъ жизни, были неизмѣнно-крупнымъ культурно-общественнымъ фактомъ русской дѣйствительности. Крупнымъ же культурно-общественнымъ событіемъ было юбилейное чествованіе газеты. И власть своимъ вмѣшательствомъ въ чествованіе это особенно выпукло подчеркнула.

Представителемъ власти и при пріемѣ депутацій, и на банкетѣ, былъ хорошо извѣстный въ Москвѣ полицейскій приставъ Строевъ. Уже достаточно характерно одно то, что на литературномъ торжествѣ, гдѣ были представлены всѣ интеллигентныя силы

страны, диктаторскія полномочія власти принадлежали рядовому полицейскому офицеру весьма невысокаго ранга. Въ сложныхъ формахъ обновленнаго строя многое до послѣдней степени упростилось. Прежде закрывало газеты совѣщаніе четырехъ министровъ. Теперь ихъ закрываютъ губернаторы. Прежде закрытіе разрѣшеннаго собранія считалось мѣрой чрезвычайной и требовало чрезвычайнаго же распоряженія. Теперь закрытіе собраній и даже «разгонъ» съ примѣненіемъ физической силы стали обычной полицейской функціей, осуществляемой въ столицахъ—распоряженіемъ приставовъ и ихъ помощниковъ, въ уѣздныхъ городахъ—распоряженіемъ надзирателей, а въ деревняхъ—непосредственно стражниками. Г. Строевъ цензуровалъ адресы, рѣчи и телеграммы. За одинъ день онъ три раза объявлялъ veto.

Торжественный пріемъ депутацій былъ оборванъ во время чтенія адреса отъ центральнаго комитета партіи прогрессистовъ. Членъ Думы И. Н. Ефремовъ, заканчивая адресъ, читалъ: «Доброе сѣмя, такъ настойчиво, такъ послѣдовательно сѣявшееся «Русскими Вѣдомостями» пятьдесятъ лѣтъ, не только дало ростки. Видны уже молодые всходы, и ихъ не заглушить ни сорнымъ травамъ лженаціонализма и союзническихъ организацій»... Кончить «преступную» фразу И. Н. Ефремову не удалось. Всѣ дальнѣйшія депутаціи за его «преступленіе» должны были, какъ школьники, молча подходить къ столу и складывать принесенные, но не прочитанные адресы.

На банкетѣ, гдѣ собралось за ужиномъ шестьсотъ человѣкъ, какъ только вставалъ ораторъ, сзади него появлялся полицейскій приставъ. Рѣчи подверглись запрету послѣ словъ князя П. Д. Долгорукова: «Велика русская равнина, лютые бураны бушуютъ въ ней, крѣпки русскіе морозы, длинна зимняя ночь и рѣдки огни. Безъ очаговъ свѣта и тепла не дождаться русскому путнику разсвѣта»... Что усмотрѣлъ «преступнаго» въ этихъ образахъ г. Строевъ—его тайна. Когда его стали спрашивать, онъ отрѣзалъ: «Пререканія съ представителемъ власти неумѣстны!».. Началось чтеніе телеграммъ. Прочли телеграмму Айзмана: «Если бы было побольше такихъ газетъ, какъ «Русскія Вѣдомости», то не было бы дѣла Бейлиса». Со стороны «представителя власти» послѣдовало третье veto... Въ залѣ «Славянскаго Базара» погасло электричество. Къ подъѣзду гостинницы былъ собранъ большой нарядъ полиціи...

Такъ характерно для настоящаго момента прекращенный полиціей банкетъ въ честь «Русскихъ Вѣдомостей» напомнилъ два другихъ юбилейныхъ литературныхъ банкета. Въ 1903-мъ году, въ Петербургѣ праздновался юбилей В. Г. Короленка. Предполагалось отдѣльное отъ банкета принесеніе привѣтствій и поднесеніе адре-

совъ. Но Плеве собраться утромъ и не въ ресторанѣ не разрѣшилъ. Пришлось все чествованіе объединить на банкетѣ. Въ залѣ «Контана» собралось четыреста человѣкъ: больше залъ не вмѣщалъ. Всѣ подносившіеся адресы были прочтены. Всѣ привѣтствія—сказаны. Даже телеграмма П. Б. Струве—эмигранта, редактора «Освобожденія»—была оглашена. Полицеймейстеръ—не приставъ—былъ въ ресторанѣ, но въ залъ не входилъ. Никто ни адресовъ, ни рѣчей, ни телеграммъ не цензуровалъ. Никто въ полицейскомъ мундирѣ за спиной ораторовъ не стоялъ. Электричества не гасили. Выходившіе по окончаніи банкета ни большого, ни малаго наряда полиціи у подъѣзда ресторана не видали...

Лѣтъ на пять послѣ, уже при новомъ строѣ, былъ банкетъ въ честь А. С. Суворина. Банкетъ тоже былъ многолюдный. Рѣчи и привѣтствія произносились безпрепятственно. Залъ сіялъ блескомъ мундировъ, звѣздъ и орденовъ. Полиціи «по наряду» не было. Но не было и литературы, не было русской общественности. Литературу, кромѣ изданій юбиляра, представляли «Русскій Инвалидъ» и «Вѣстникъ Коннозаводства». Общественность—читатели «Новаго Времени» и «Писемъ къ ближнимъ»...

П. П. Цитовичъ—заслуженный профессоръ петербургскаго университета, сенаторъ и безсмѣнный въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдатель испытательныхъ комиссій на государственныхъ экзаменахъ студентовъ-юристовъ въ Петербургѣ—задолго до смерти сошелъ съ общественно-политической арены. Но въ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія имя его было широко извѣстно, какъ имя ярко-реакціоннаго профессора-публициста. Въ цѣломъ рядѣ брошюръ П. П. Цитовичъ рѣзко полемизировалъ съ А. С. Посниковымъ, съ Н. К. Михайловскимъ и съ «Вѣстникомъ Европы» по вопросамъ науки, литературы и публицистики. Особенный взрывъ негодованія вызвала въ свое время трактовка имъ женскаго вопроса. Въ 1880-мъ году онъ былъ приглашенъ редакторомъ оффиціозной газеты «Берегъ». Газета, какъ извѣстно, успѣха не имѣла и въ томъ же году прекратила существованіе.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Книгоиздательство писателей въ Москвѣ. Слово. Сборникъ первый. М. 1913 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Этотъ сборникъ благопріятно выдѣляется среди другихъ аналогичныхъ изданій общей литературностью физіономіи и серьезностью поставленной задачи. Въ немъ участвуютъ тѣ именно изъ «молодыхъ» писателей, которые принадлежатъ къ главному руслу новѣйшей литературы, много работающіе и много дающіе: Вересаевъ, Бунинъ, Зайцевъ, Телешовъ, А. Толстой, Шмелевъ. И не только цвѣтистыя имена встрѣтитъ тутъ читатель, а и настоящій вкладъ каждаго изъ участниковъ, свѣжее слово, свидѣтельствующее и объ его индивидуальномъ художническомъ развитіи, и о томъ пути и направленіи, по которому вообще движется современная литература. Чрезвычайно красивъ и ярокъ разсказъ Бунина: «При дорогѣ», въ которомъ писатель вступилъ какъ бы въ новый этапъ *идеализма*; обычная рельефность и тщательность реалистическаго рисунка у него сочетается съ совершенно несвойственнымъ ему раньше подъемомъ, зрѣлость — съ хмѣльностью. Свѣтелъ и какъ-то прозрачно-ясенъ разсказъ Шмелева: «Розстани», переполненный прочными любовными чувствами къ землѣ, къ солнцу. Очень поэтична легенда Телешова о монахѣ, возлюбившемъ жизнь. Увлекателенъ, какъ всегда, красочный очеркъ А. Толстого: «Овражки» и лирически-нѣженъ разсказъ Б. Зайцева съ его печальюрадостью о жизни и человѣкѣ. Какъ ни разнообразны художническія индивидуальности участниковъ сборника, въ произведеніяхъ ихъ, которыя здѣсь напечатаны, есть общая черта. Это—основное бодрое, положительное по отношенію къ жизни настроеніе. Предпосланная беллетристикѣ статья Вересаева: «Аполлонъ, богъ живой жизни» (отрывокъ изъ его большой, еще не появившейся въ печати работы о Нитцше), показываетъ, что «жизнерадостность» не случайно здѣсь объединила столь разныхъ авторовъ. Повидимому, цѣлью той серіи сборниковъ, которую предпринимаетъ издательство писателей, является объединеніе нетолько всего выдающагося и зрѣлаго въ художественномъ отношеніи, но и наиболѣе жизнеспособнаго, обладающаго здоровыми корнями... Каждое изъ произведеній отличается большой тщательностью отдѣлки и свидѣтельствуетъ объ общей эволюціи новой литературы въ сторону безъискусственности и простоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящей художественности.

Е. К.

А. Кронфельдъ. Психологическая механика. Критическая оцѣнка ученія Freud'a. Москва, 1913 г.

Эта книжка даетъ первое, если не ошибаемся, систематическое изложеніе и такую же критическую оцѣнку ученія Фрейда и его ближайшихъ соратниковъ. И хотя авторъ въ концѣ своего анализа приходитъ къ заключенію, что это ученіе «ничего общаго съ строго-научными методами не имѣетъ», но онъ не отвергаетъ важнаго значенія даннаго ученія, видитъ въ немъ, между прочимъ, первую научную попытку «причинно объяснить по возможности все содержаніе каждаго индивидуальнаго переживанія (здороваго и больного) путемъ обнаруженія его предпосылокъ»; въ результатѣ чего «отъ самыхъ загадочныхъ психическихъ явленій не остается ничего неяснаго, ираціональнаго—все оказывается необходимымъ и закономѣрнымъ». Нужно, однако, замѣтить, что ученіе Фрейда, какъ это признаетъ и его критикъ, находится еще въ періодѣ разработки и очень далеко отъ систематическаго формулированія. Книга Кронфельда написана сжато и далеко не популярно.

В. В.

Новыя идеи въ философіи. Сборникъ № 9. Методы психологіи. I. Спб., 1913 г. Из-во «Образованіе», стр. 124, цѣна 80 коп. Сборникъ № 10. Методы психологіи. II. Спб. 1913 г. Из-во «Образованіе», стр. 131, цѣна 80 коп.

Огромное большинство статей, помѣщенныхъ въ сборникахъ №№ 9 и 10 «Но-

выхъ идей въ философiи», оригинальныя. Это, несомнѣнно, было бы большимъ плюсомъ, если бы всѣ статьи были въ достаточной мѣрѣ обстоятельны. Но что можно, напримѣръ, сказать на 10-ти небольшихъ страничкахъ о «Самонаблюденiи въ психологiи» Правда, это—самая короткая статья, но и большинство остальныхъ сравнительно невелики для затрагиваемыхъ ими темъ. Въ 9-омъ сборникѣ интересны очерки Г. Челпанова («Объ экспериментальномъ методѣ въ психологiи») и А. Кони («Психологiя и свидѣтельскiя показанiя»). Г. Зеленый въ статьѣ «Современная бiологiя и психологiя» слишкомъ суммарно излагаетъ ученiе Леба о тронзмахъ. Нѣсколько подробнѣе изложены имъ работы И. Павлова и его школы. Въ 10-мъ сборникѣ статья Ю. Филипченко посвящена зоопсихологiи и ея методамъ; особенное вниманiе въ ней удѣлено работамъ Вл. Вагнера о методахъ изученiя инстинктовъ. Статья С. Суханова «Патопсихологiя» посвящена, главнымъ образомъ, изложенiю ученiя Фрейда и его школы. Третья оригинальная статья сборника, Л. Оршанскаго, касается глубоко интереснаго вопроса о наблюденiяхъ надъ дѣтьми въ современной психологiи. Къ статьѣ приложенъ списокъ наиболѣе важныхъ книгъ по психологiи дѣтскаго возраста. Въ 9-мъ сборникѣ имѣется еще переводная статья Г. Геймапса «Методы спецiальной психологiи», а въ 10-мъ—Вундта «Психологiя въ борьбѣ за существованiе».

Проф. И. Хаасъ. Вулканическiя силы и ихъ проявленiя. Пер. съ нѣмецк. подъ редакцiей и съ дополненiями А. П. Нечаева. Съ 40 рисунками. Цѣна 60 коп. Изд. П. Луковникова. Спб., 1913 г.

Небольшая книга проф. Хааса составилась изъ ряда лекцiй, читанныхъ имъ въ Кильскомъ университетѣ въ 1906—7 году для широкой публики. Въ связи съ характеромъ этихъ лекцiй изложенiе ясное и общедоступное, мѣстами прямо увлекательное. Книга посвящена описанiю, главнымъ образомъ, явленiй вулканизма. Горообразовательнымъ процессамъ удѣлена лишь VI-я глава: такъ какъ въ этой области геологiи еще много неустановленнаго и спорнаго, то Хаасъ предпочелъ удовольствоваться самымъ общимъ очеркомъ относящихся сюда вопросовъ, не вдаваясь вовсе въ детали. Книга снабжена нѣсколькими дополненiями и примѣчанiями редактора перевода, обращающими вниманiе на рядъ фактовъ и явленiй, относящихся къ Россiи. Переводъ хорошiй, литературный.

Эмиль Пикаръ. О развитiи за послѣднiя сто лѣтъ нѣкоторыхъ основныхъ теорiй математическаго анализа. Переводъ съ разрѣшенiя автора прив.-доц. С. Бернштейна. Харьковская матем. библiотека. Серiя В. № 1. Цѣна 50 к. 1913 г.

Новое изданiе харьковской математической библiотеки представляетъ переводъ трехъ лекцiй, прочитанныхъ знаменитымъ математикомъ въ Ворчестерскомъ университетѣ (въ Сѣв. Америкѣ) въ 1899 году и дополненныхъ во второмъ изданiи рядомъ подстрочныхъ примѣчанiй, захватывающихъ пятилѣтiе 1900—1905 гг. Первая лекцiя посвящена, главнымъ образомъ, развитiю идеи функцiи за истекшее столѣтiе. Вторая трактуетъ о нѣкоторыхъ общихъ идеяхъ изъ теорiи дифференцiальныхъ уравненiй. Наконецъ, третье занимается теорiей аналитическихъ функцiй.

Имя автора достаточно ручается за цѣнность соображенiй, развиваемыхъ въ этой небольшой книжкѣ. Но содержанiе ея доступно будетъ лишь довольно немногочисленному кругу лицъ. И если переводчикъ говоритъ въ предисловiи о ней, какъ о «популярномъ математическомъ сочиненiи», то надо помнить, что эта популярность весьма относительная, предполагающая довольно обширныя математическiя познанiя. Но для лицъ, обладающихъ этими познанiями, лекцiи Пикара, дѣйствительно, весьма цѣнны, давая сжатую и ясную сводку извѣстной части достигнутыхъ математиками 19-го вѣка результатовъ.

П. Ю.

Вас. С. Голубевъ. По земскимъ вопросамъ. 1901—1911. Томъ I. Спб., 1913 г. Цѣна за два тома пять руб.

Въ изданномъ товарищами и друзьями первомъ томѣ трудовъ В. С. Голубева собраны его статьи, относящiяся къ перiоду 1901—1905 г.г. и напечатанныя въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» и «Народномъ Хозяйствѣ». Всѣ онѣ посвящены вопросамъ земской жизни и написаны имъ въ саратовскую пору его жизни, когда онъ былъ «сначала газетнымъ работникомъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ», потомъ завѣдующимъ народнымъ образованiемъ въ губернскомъ земствѣ, организаторомъ лѣтнихъ учительскихъ курсовъ, котораго учителя носили на рукахъ, потомъ редакторомъ «Земской Недѣли», секретаремъ управы». Эта практическая земская дѣятельность, въ которой прошла значительная часть жизни Голубева, наложила отпечатокъ и

на его статьи. Онъ не теоретизируетъ, не ищетъ общихъ положеній: онъ изслѣдуетъ практическіе вопросы земскаго дѣла, мѣстные и общіе, созрѣвшіе и назрѣвающіе, расчищаетъ своими статьями дорогу практическимъ теченіямъ земской жизни. И такова логика живого дѣла и живой жизни; начавъ съ отдѣльныхъ земскихъ вопросовъ и текущихъ земскихъ задачъ, Голубевъ естественно пришелъ къ общему земскому заданію: переустройству всей русской жизни на культурныхъ началахъ. Начавъ со статьи: «О мѣрахъ къ поднятію экономическаго благосостоянія и отношеніе этихъ мѣръ къ другимъ отраслямъ земскаго хозяйства», Голубевъ заканчиваетъ статьей «Земскій Соборъ». Словами: «Общество и земство несомнѣнно справятся съ бѣдой— пусть только бюрократія уступитъ имъ свое мѣсто» - заканчивается первый томъ сочиненій Голубева; во второй томъ войдутъ его статьи петербургскаго періода его жизни, въ которыхъ онъ горячо развиваетъ мысль: «близко время, когда культурная работа на мѣстахъ станетъ національной задачей», въ которыхъ онъ будетъ неустанно напоминать о томъ, «что спасеніе и оздоровленіе страны придетъ оттуда— снизу».

Къ книгѣ приложенъ портретъ, а статьямъ предшествуютъ интересные очерки А. А. Корнилова, Н. Д. Россова, Б. Б. Веселовскаго и П. П. Гронскаго.

С. Щеголевъ. Современное украинство. Его происхожденіе, ростъ и задачи. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 70 коп.

Годъ тому назадъ г. Щеголевъ издалъ толстую книгу въ 588 стр., цѣною въ 2 р. 50 коп., озаглавленную: «Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма». О прошлогоднемъ трудѣ кіевскаго націоналиста повременная прогрессивная печать отозвалась довольно единодушно, признавъ книгу г. Щеголева прекраснымъ «руководствомъ для голубыхъ студентовъ» по украинскому вопросу. Въ книгѣ были собраны всѣ «матеріалы» по украинскому «дѣлу», названы всѣ имена «прикосновенныхъ» лицъ, раскрыта и разоблачена «преступная» дѣятельность всѣхъ тоже «неприкосновенныхъ» обществъ. Прикосновенными» оказались не только украинскіе дѣятели, но и большинство прогрессивныхъ русскихъ, не только вся украинская печать, но и, за однимъ исключеніемъ, вся прогрессивная русская, а также длинный рядъ учрежденій, украинскихъ и русскихъ, начиная отъ «Просвіти» въ с. Мапиловкѣ и кончая Академіей Наукъ, а частично даже и св. синодомъ. Послѣдній привлеченъ къ «отвѣтственности» за своего рода попустительство: за изданіе Св. Евангелія на украинскомъ языкѣ. Въ заключеніе г. Щеголевъ въ прошлогоднемъ трудѣ своемъ требовалъ полнаго законодательнаго и административнаго воспрещенія всѣхъ проявленій украинской жизни, начиная съ обществъ и учрежденій и оканчивая повременной и неповременной печатью. Для уничтоженія же находящагося внѣ предѣловъ досягаемости галицкаго «осинаго гнѣзда» авторъ рекомендуетъ дать полякамъ нѣкоторыя національныя свободы въ Россіи и подружиться съ Австріей, съ тѣмъ, чтобы поляки и Австрія помогли искоренить указанное гнѣздо.

Книга, написанная г. Щеголевымъ въ нынѣшнемъ году — сокращенное изданіе прошлогодней, своего рода компендіумъ, по которому готовятся къ экзамену, безъ примѣчаній и указателей, безъ ссылокъ, но съ распредѣленіямъ по главамъ, параграфамъ и пр. Прибавлено лишь кое-что къ реестру «скорпіоновъ» по адресу украинства, усилилась рѣшительность выраженій автора. Можно не сомнѣваться, что новый трудъ г. Щеголева вызоветъ у русскаго общества то же отношеніе, что и прошлогодній.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Національный и территоріальный признакъ въ автономіи. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Брошюра И. Бодуэнъ-де-Куртенэ написана была въ началѣ 1907 г. для «Сборника автономистовъ», задуманнаго и не вышедшаго въ свѣтъ. То, что въ ту пору казалось стоящимъ на порядкѣ дня: споръ о томъ, что ставить въ основу автономнаго распредѣленія, — національный или территоріальный признакъ,—въ нынѣшнее время должно быть отнесено къ вопросамъ чисто академическаго характера. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ стоитъ за территоріальный признакъ, устраняя признакъ какъ чисто національный, какъ неосуществимый въ реальности, такъ и компромисный — національно - территоріальный. При опредѣленій границъ автономныхъ областей, авторъ считаетъ необходимымъ придерживаться двухъ принциповъ: «Во первыхъ, люди для насъ не головы живого инвентаря или скота, которые можно произвольно классифицировать... Разъ появился особый сортъ двуногаго звѣря, называемый гражданиномъ, необходимо считаться съ его волей» и 2) Большинство не должно

посягать на права меньшинства... и меньшинству не слѣдуетъ терроризировать большинство». Аргументація автора вся въ области общихъ сужденій и схематизаціи, языкъ небрежно живописенъ, сужденія иногда ультра-парадоксальны: онъ допускаетъ, напр., возможность «внѣнаціональности на подобіе внѣисповѣдности». Но отъ брошюры И. Бодуэнъ-де-Куртенэ вѣетъ широкимъ гуманизмомъ, въ авторѣ чувствуется просвѣщенный патріотъ. И брошюру прочтетъ съ интересомъ всякій, кто, говоря словами автора, «добивается того, чтобы дѣло Россіи стало дѣломъ всѣхъ населяющихъ ее народовъ и племенъ».

М. Сл.

«Русскія Вѣдомости». 1863—1913. Сборникъ статей. Стр. 312+230.

Независимо отъ содержательныхъ очерковъ, о которыхъ говорится въ помѣщенной выше статьѣ по поводу юбилея «Русскихъ Вѣдомостей», сборникъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ интересныхъ статей, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего воспоминанія А. С. Посникова о первомъ редакторѣ газеты Н. С. Скворцовѣ, С. Я. Елпатьевскаго — о В. М. Соболевскомъ, В. А. Розенберга — о Львѣ Толстомъ, Щедринѣ и Глѣбѣ Успенскомъ, съ изложеніемъ ихъ переписки, Ѳ. Ѳ. Кокошкина — о земскихъ съѣздахъ, А. А. Кизеветтера — о первой Государственной Думѣ, Н. М. Іорданскаго и Л. Н. Литошенко — о читателяхъ газеты по даннымъ анкеты, двѣ статьи Вл. Короленко, этюдъ В. Ѳ. Дерюжинскаго о его сотрудничествѣ. Второй отдѣлъ книги представляетъ собою нѣчто въ родѣ подробнаго біографическаго словаря сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» за истекшее пятидесятилѣтіе. Въ книгѣ помѣщены двѣ фотографическія группы, десять отдѣльныхъ портретовъ и восемь автографовъ.

Александръ Башмаковъ. Черезъ Черногорію въ страну дикихъ Геговъ. Спб., 1913 г. Стр. 131. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Авторъ этой книги совершилъ въ 1908 г. путешествіе по сѣверной Албаніи съ цѣлью — какъ онъ говоритъ въ предисловіи — «выясненія возможности сооруженія желѣзной дороги, имѣющей соединить Сербію съ Адріатикой». Насколько онъ выяснилъ этотъ вопросъ — судить трудно, но въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ онъ отводитъ главное мѣсто вопросамъ политическимъ, а не хозяйственно-дѣловымъ. Очерки его печатались въ свое время въ газетѣ «Россія» подъ претенціознымъ названіемъ «писемъ вѣщаго Олега», а затѣмъ въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ». Книга украшена многочисленными иллюстраціями, а въ концѣ приложена схематическая карта сѣверной Албаніи.

Л. С.

Календарь Харьковскаго губернскаго земства на 1913 г.

Статистическій справочникъ по Харьковской губерніи.

Два эти изданія Харьковскаго губернскаго земства имѣютъ въ виду различнаго рода читателей: календарь издается въ удовлетвореніе запросовъ корреспондентовъ земства по текущей статистикѣ — преимущественно простыхъ сельскихъ жителей — о разнообразныхъ предметахъ, могущихъ быть имъ полезными въ какомъ-либо отношеніи. Онъ наполненъ, поэтому, преимущественно всякими справочными свѣдѣніями и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, довольно подробное описаніе медицинской помощи населенію Харьковской губерніи, положенія въ ней народнаго образованія, дѣятельности земства по страхованію отъ огня и по содѣйствію сельскому хозяйству. «Справочникъ» имѣетъ въ виду мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, преимущественно, служащихъ по земству, которымъ бываетъ интересно и нужно имѣть статистическія свѣдѣнія о различныхъ сторонахъ мѣстной жизни. Въ «Справочникъ» вошли извлеченныя изъ разныхъ источниковъ цифровыя данныя о различныхъ сторонахъ хозяйственной жизни Харьковской губерніи, о кооперативныхъ ея учрежденіяхъ и о дѣятельности земства въ важнѣйшихъ отрасляхъ земскаго хозяйства.

В. В.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авилова, Л. Образъ человѣческій. Разсказы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Амфитеатровъ, А. В. Померкнувшія дали. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Андреевъ, Леонидъ. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Артуровъ, Г. На жнивѣ смерти. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Бархинъ, К. Гроза и ночь. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Беннетъ, Арнольдъ. Святая любовь. Романъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Благовидовъ, Ѳ. В. Четвертый годъ существованія перваго высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ. Тифлисъ, 1913 г.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. Національный и территоріальный признакъ въ автономіи. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Брандесъ, Георгъ. Собраніе сочиненій. Т. XIX. Россія. Наблюденія и размышленія. Пер. съ датскаго М. В. Лучицкой. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Вережниковъ, А. В. Тамъ, гдѣ золото. Разсказъ. Изд. 2-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Видеманъ, Л. Какъ мы переводимъ стихотворенія. Харьковъ, 1913 г.

Ветуховъ, А. Прошлое родного языка и основы строенія слова и рѣчи. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Гедройцъ. Сергѣй. Вегъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Гёрнесъ, М. Культура доисторическаго прошлаго. Часть I. Каменный вѣкъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Дьякова. Москва, 1913 г. Цѣна 70 коп.

Глинскій, Б. Б. Среди литераторовъ и ученыхъ. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб.

Давыдовъ, Н. В. Изъ прошлаго Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Елачичъ, Евгеній. О глупости и борьбѣ съ нею. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Ермашкевичъ, Г. А. Источникъ несчастья или страдающій народъ. Могилевъ Губ., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Жирмунскій, В. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Журавлевъ, Борисъ. Нищая царица. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Зола, Эмиль. Творчество. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ибсенъ, Генрикъ, Перъ Гюнтъ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Ивановъ, А. Сѣверъ и земство. Архангельскъ, 1913 г.

— О земствѣ въ Архангельской губерніи. Архангельскъ, 1913 г.

Игнатьевъ, Е. И. Начатки ариѳметики. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Игнатьевъ, И. В. Эго-футуристы. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Конопницкая, Марія. Собраніе сочиненій. Подъ ред. проф. И. А. Бодуэнгъ-де-Куртенэ. Т. III. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Крючковъ, Димитрій. Падунъ немолчный. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Кузминъ, М. Третья книга разсказовъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Лехе, Вильгельмъ. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. съ нѣм. проф. М. А. Мензбира и С. А. Усова. Москва. 1913 г. Цѣна 2 руб. 60 к.

Луцкій, К. Л. Судебное краснорѣчіе. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Лященко, П. И. Крестьянское дѣло и пореформенная землеустроительная политика. Спб., ч. I. 1913 г. Цѣна 4 руб. 25 коп.

Мар-бадъ. Воинская повинность и евреи. Москва, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Мичтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Т. X. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Мегронъ, Луи. Романтизмъ и нравы. Пред. И. Игнатова. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Мигулинъ, П. П. Экономическій ростъ русскаго государства за 300 лѣтъ (1613—1913). Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Морэ, А. Во времена фараоновъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Новомбергскій, Н. По пути къ вырожденію. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Н—я, Т. А. Пѣсни любви и печали. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Обуховъ, А. М. и *Коридалинъ, А. Н.* Какъ организовать и какъ вести занятія съ нѣсколькими отдѣленіями. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 10 коп.

Острогорскій, Викторъ. Бесѣды о преподаваніи словесности. Изд. 4-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Павловъ, Анатолій. Грузинская легенда. Тифлисъ, 1913 г.

Пирлингъ, О. Не умеръ ли католикомъ Александръ I? Историческая загадка. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

По, Эдгаръ. Собраніе сочиненій въ перев. К. Ф. Бальмонта. Т. II и IV. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб. 20 коп.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. II. Кіевъ, 1913 г. Цѣна вып. 2 руб.

П., Владиміръ. Стихотворенія. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 35 коп.

Раммингъ, М. Н. Очеркъ современнаго положенія періодической печати въ Японіи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Рубакинъ, Н. А. Среди книгъ. Т. II. Москва, 1913 г. Цѣна 4 руб.

— Камни, которые падаютъ съ неба. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Свентицкая, М. Х. Нашъ дѣтскій садъ. Москва, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Селихановичъ, Александръ. Философская пропедевтика въ средней школѣ. Кіевъ, 1913 г.

Семеновъ, Н. М. Полѣсье. Ч. I. Мозырь, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Сиротининъ, Андрей. Россія и славяне. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 95 коп.

Слобожанскій, С. Европа. Географическая хрестоматія. Часть III. Вятка, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Смирновъ, А. М. Руководство къ изученію художественныхъ произведеній. Учебникъ русскаго языка. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Соловьевъ, Вл. С. Собраніе сочиненій. Подъ ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Соловьевъ, И. М. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. № 1. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Спурель, Х. Патріотизмъ съ біологической точки зрѣнія. Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Странникъ, Ѳ. Женскія письма. Москва, 1913 г. Цѣна 40 к.

Ульяновъ, Н. А. Какъ покупать книги? Москва, 1913 г. Цѣна 10 коп.

Ульяновъ, Н. А. и *Ульянова, В. Н.* Указатель журнальной литературы. Вып. II. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Унковскій, М. А. О неясности законодательства, какъ общественномъ бѣдствіи и о ближайшихъ путяхъ къ ея устраненію. Спб., 1913 г.

Филипповъ, І. Неумирающіе темы. Литературные очерки. Одесса, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Филипсъ и *Фашеръ.* Элементы геометріи. Пер. подъ ред. В. Р. Мрочека. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Фишеръ, Карлъ. Слово о талмудѣ. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Хацке, О. А. Баденскій законъ объ улучшеніи устройства полей. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Хвольсонъ, О. Д. Сохраненіе и разсѣяніе энергіи. Спб., 1914 г. Цѣна 25 коп.

— Принципъ относительности. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Хитьковъ, Н. А. Показательный садикъ, его воспитательное значеніе и организація. Казатинъ, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Черепнинъ, Н. Русская исторія. Курсъ эпизодическій. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Шлезингеръ, Г. Спутникъ практическаго врача. Пер. съ нѣм. О. И. Бронштейна, подъ ред. В. Я. Канеля. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 40 коп.

Шмелевъ, Ив. Разсказы. Томъ IV. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Эдсеръ, Эдвинъ. Оптика. Пер. подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Спб., 1914 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Эккардтъ, Вильгельмъ Р. Климатъ и жизнь. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Экснеръ, Францъ. О законахъ въ естественныхъ и гуманитарныхъ

наукахъ. Пер. В. О. Хвольсонъ, подъ ред. проф. О. Д. Хвольсона. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Эльснеръ, Владиміръ. Современные нѣмецкіе поэты. Переводы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Ежегодникъ Русскаго антропологическаго общества при императорскомъ Спб. университетѣ. Подъ ред. С. И. Руденко. Томъ IV. Спб. 1913 г.

Изданія «Посредника». № 290. Давайте лѣпить! По Гелю и др. сост. Е. Короткова.—Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. LXXXIX. Ф. Ганзбергъ. Творческая работа въ школѣ. Вып. XC—XCIV. Чѣмъ заняться нашимъ дѣтямъ? Кн. I. Дѣти дома—въ семьѣ. Кн. II. Что даритъ природа дѣтямъ для ихъ занятій и забавы. Кн. III. Дѣтскія игры и игрушки. Кн. IV. Дѣтскіе подарки и работы. Кн. V. Всевозможныя занятія и забавы изъ бумаги, папки и картона. Москва, 1913 г.

Летучая энциклопедія. Василій Ивановичъ Суриковъ. Москва, 1913 г. Цѣна 15 коп.

Общество заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго и промышленнаго района. Бюллетень № 17. Рабочее движеніе. Январь — іюнь 1913 года. Москва, 1913 г.

Описаніе чудесъ, совершившихся передъ Чудотворною иконою Божьей Матери «Въ скорбехъ и печалехъ утѣшеніе», находящейся въ русскомъ на Аѳонѣ Св.-Андреевскомъ общежительскомъ скитѣ. Одесса, 1913 г. Цѣна 15 коп.

О скрытомъ смыслѣ жизни. Письма теософа къ русскимъ читателямъ. Калуга, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Отчетъ о состояніи Самарскаго коммерческаго училища за 1911-12 уч. годъ. Сост. Г. Х. Херсонскимъ. Самара, 1913 г.

Отчетъ о санитарномъ состояніи Самарскаго Коммерческаго училища за 10 лѣтъ 1902-3 — 1911-2 уч. года. Сост. Т. Е. Гавриловъ. Самара, 1913 г.

Очарованный странникъ. Критикъ-интуита. № 1. Спб., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Охрана грудного ребенка въ московскихъ городскихъ лѣчебныхъ учрежденіяхъ. Москва, 1913 г.

Первый Областный Съѣздъ по пересмотру торговыхъ договоровъ съ Германіей, сост. въ г. Харьковѣ 20 — 23 марта 1913 г. Харьковъ, 1913 г.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910-11 г.г. Вып. III. Ардатовскій уѣздъ. Симбирскъ, 1913 г.

Программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ училищахъ при С.-Петербургской земской учительской школѣ. Спб., 1913 г.

Программы чтенія по литературѣ объ евреяхъ и еврействѣ, I. Объ обвиненіяхъ въ ритуальныхъ убійствахъ. Москва, 1913 г. Цѣна 5 коп.

Психотерапевтическая библіотека. X. О. Витке. Обычныя заблужденія въ сужденіяхъ о душевно-больныхъ. XI. I. Mareinowski. Борьба за здоровые нервы. Москва, 1913 г. Цѣна выпуска 80 коп.

Путешествіе въ Петербургъ аббата Жорժеля въ царствованіе Павла I. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Развороченные черепа. Эго - футуристы. XI. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Русскія Вѣдомости. 1863 — 1913. Сборникъ статей. Москва, 1913 г.

Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912—1913. Цѣна 3 руб. 90 коп.

Сельско-хозяйственный обзоръ по Закавказью. Годъ 5-ый. Тифлисъ, 1913 г.

Списокъ извѣщеній о неплатежахъ и непринятомъ товарѣ. Январь — іюнь 1913 г. Москва, 1913 г.

Указатель книгъ и статей отдѣла им. кн. Г. А. Потемкина херсонской общ. библіотеки по исторіи и современному состоянію Новороссійскаго края. Сост. В. К. Ш. Херсонъ, 1913 г.

Универсальная библіотека. № 681—682. Т. Биртъ. Исторія римской литературы. № 676—677. В. Перцовъ. Девятнадцатый вѣкъ. Истор. очерки. Москва, 1913 г. Цѣна каждаго №-ра 10 коп.

Харьковское Медицинское общество. 1861—1911 г. Очерки его пятидесятилѣтней дѣятельности. Сост. подъ редакц. С. Н. Игумнова. Харьковъ, 1913 г.

Школьныя зданія въ Московской губ. Сост. Н. Казимировъ. Москва, 1913 г.

Энергія. Сборникъ 1-ый. Подъ ред. А. Амфитеатрова. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Foster, Egward P. Ru Ko Outline of Univetsal Language. Merieta, Ohio, 1913. Price 50 cents.

Léart, Marcel. La question Arménienne à la lumière des documents. Paris, 1913. Prix 2 francs.

Maliniak, Wladislaus. Andreas Fricius Modrevius. Wien, 1913.

Tchobanian, Archae. Le peuple arménien son passé, la culture, son Avenir. Preface de Denys Cochin. Paris, 1913.

Wieth-Knudsen, K. A. Bauernfrage und Agrarreform in Russland. Leipzig, 1913.

Понятенко, П. Національность в освітленню законів спадковости. Київ, 1913. Ціна 75 коп.

Коза-дереза. Казка з малюнками. Г. Павловича. Спб., Цѣна 75 коп.

Разписъ на лекцинитѣ за зимния семестъръ на 1913-1913 уч. година. София, 1913 г.

Свободно мнѣние. № 1—6. София, 1913. 1 кн. 15 см.

Современна Мисъль. № 7. София, 1913 година.

University of California prize essays. Volume I. The truxtun beale prize essays Tolstoy's what shall wie do then. Berkeley, 1912.

Rouvelle série de lettres écrites à Mehomia, Nevrocope et d'autres localités du Koslog, par des soldats grecs du 19-ème régiment, VII-èm division, dont le courrier a été intercepté le 14/27 jillet 1913. Témoignages des citoy en paisibles de Serrès, victimes des atrocités grelques et sauvés par miracle. Sofia, 1913.



Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.



